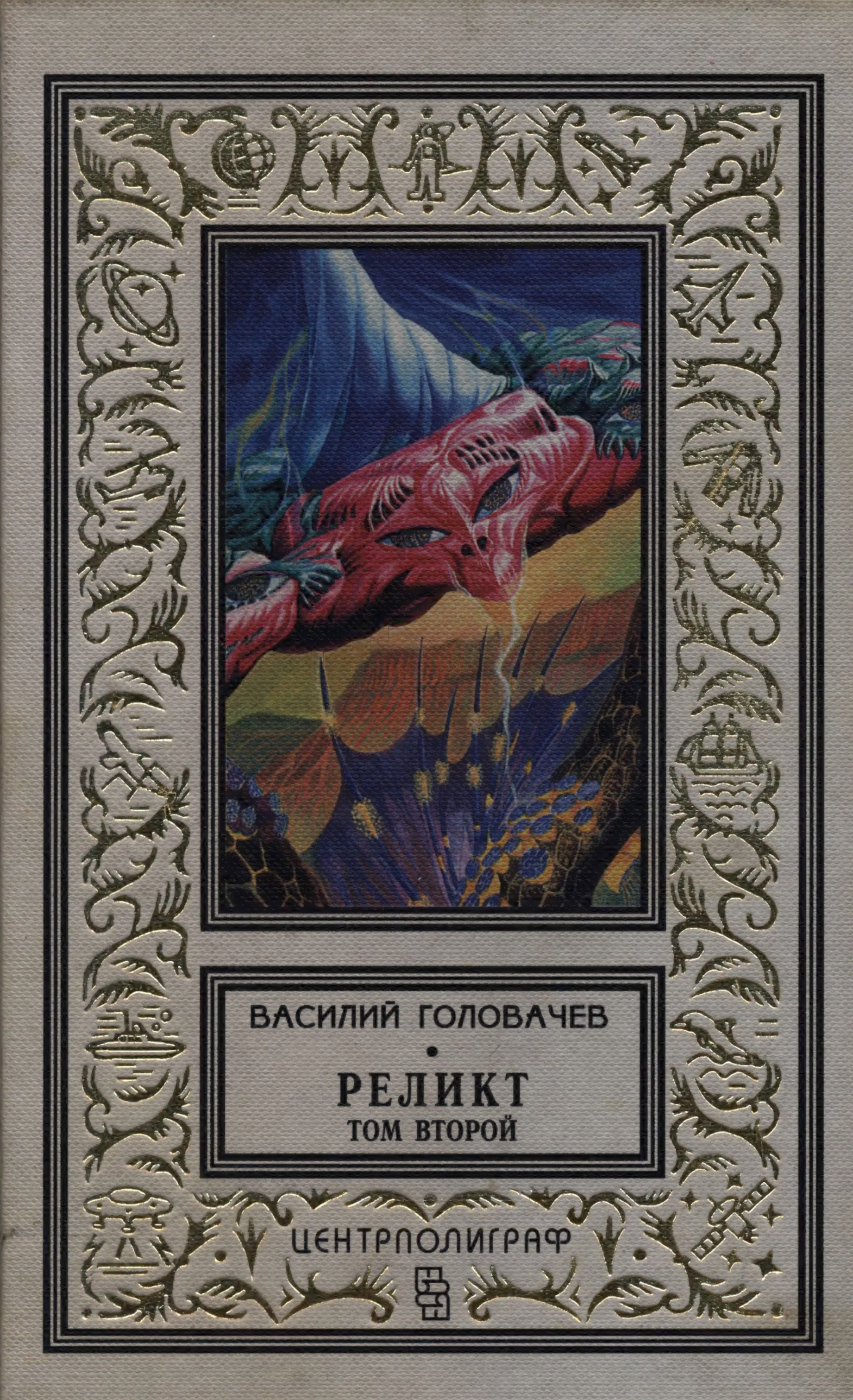

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
РЕЛИКТ
ТОМ ВТОРОЙ
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Классическая

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

РЕЛИКТ

РОМАН В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

ББК 84.Р7
Г61

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник А.Б. Державин

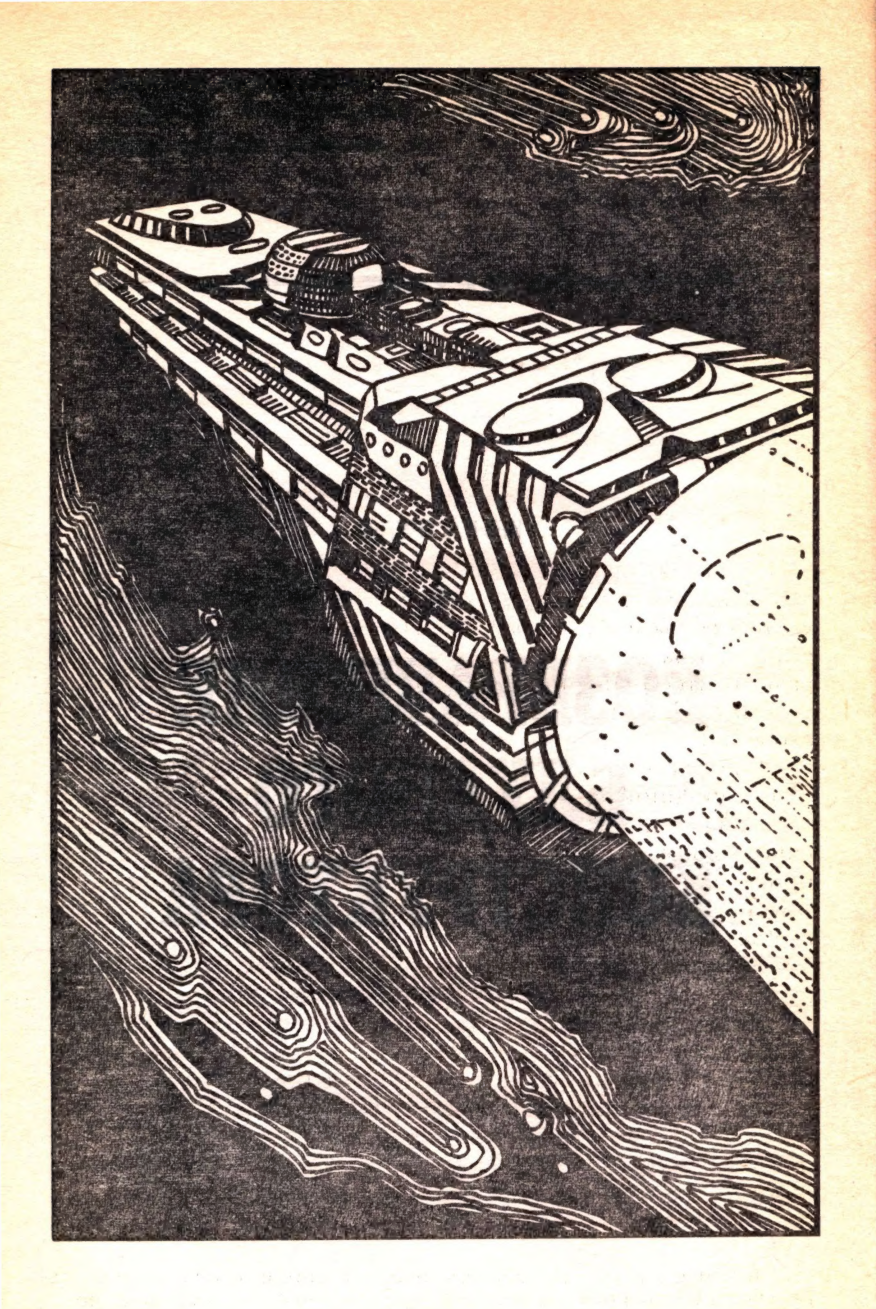
ISBN 5-218-00082-5 (Т. 2)

Это — из жизни не той и не той.
Это — когда будет век золотой.

А. Ахматова, Ташкент, 1944

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО КОНСТРУКТОРА



Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листов,
Протяжней, чем шум океана,
Без слов, не слагаясь в созвучия слов,
Из сфер неземного тумана.
Послышался голос, как будто бы зов.
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет урагана.

К. Бальмонт

Часть первая

ОПЕР. БЕРЕСТОВ

БОЛЬШОЙ ВЫСТРЕЛ

Не совсем прав был поэт, утверждая, что настроение — это климат сердца. Хотя оно и складывается из многих «мелких» эмоций и глобальных движений души, представляющих устойчивый спектр ее реакций на внешние раздражители, но помимо сердца в создании настроения участвует, к сожалению, и голова, особенно — плохого настроения.

У пограничника Честмира Тршеблицкого, значившегося в служебной табели о рангах под кодовым обозначением «гриф», то есть работающего самостоятельно и владеющего допуском к заданиям любой сложности вплоть до применения карт-бланша особых полномочий, имелось много поводов к тому, чтобы настроение его сдвинулось в область отрицательных эмоций, однако основной причиной была привычка к пристрастному анализу заданий руководства. Проанализировав последнее, Честмир понял, что руководители погранслужбы перестали его ценить, ибо, по его мнению, подобные задания обычно выполняют стажеры службы, а не драйверы-прима, к которым принадлежал он сам. Задание состояло в кенгуру[1] до триангуляционного маяка на векторе созвездия Гиппарха, обозначавшего условную границу исследованного землянами космоса; маяк в течение трех суток не выдал обычного «на границе все спокойно».

---

[1] К е н г у р у — на жаргоне пограничников и спасателей — прыжок курьерского шлюпа или другого корабля по вызову, короткий рейд с единичным заданием. *(Здесь и далее примечания автора.)*

— Почему эту прогулку поручают мне? — спросил Честмир диспетчера оперативного погранотряда.

— Приказ командора, — лаконично ответил диспетчер, будучи не человеком, а инком, то есть киб-интеллектом.

Честмир еле сдержался, чтобы не нагрубить, поэтому, произнося гневную тираду про себя, не удивился, когда вуом связи вспыхнул снова и на него взглянул смуглолицый незнакомец неопределенного возраста: лицо не молодое, но и не старое, тонкое, волосы совершенно седые, в глазах — странное выражение затаенной боли или тоски и жуткая глубина всепонимания.

— Откажитесь от кенгуру, — сказал он. — Вы не справитесь с задачей в таком состоянии.

— А кто вы такой, чтобы советовать мне, что делать? — осведомился Честмир, сдерживая раздражение.

— Тот, кто знает достаточно, чтобы советовать. Если не можете отказаться, будьте осмотрительнее в точке выхода, цена осмотрительности в данном случае — жизнь.

Незнакомец, кивнув, исчез, виом собрался в световую нить и угас.

Тршеблицкий хмыкнул, сказал вслух: «До чего же я люблю идиотские предупреждения!» — и вышел из помещения дежурного десанта под насмешливые замечания товарищей, ждущих своей очереди.

Получая вводные, он ничем не выдал своих чувств, по обыкновению сухо отвечая диспетчеру, но в кабине курьерского когга не сдержался и открыл мидель-захват пилотского кокон-кресла не легким движением пальца, а ударом кулака.

— Кажется, мы не в духе, — заметил инк когга по имени Шарп, когда Честмир, одетый в кокос — компенсационный костюм спасателя, — влез в захват, и включилась система компьютерной мыслесвязи. — Что случилось, кто умер?

— Ничего особенного, — буркнул мысленно Честмир. — По-моему, меня решили поберечь... для развлечения сектора. Включайся в работу. Кенгуру по координатам — час, на месте — полчаса, назад — еще полчаса. Вернусь — я им покажу, на что способен драйвер-прима гриф глубокого сектора погранслужбы Тршеблицкий!

Функциональный киб-интеллект когга, исполняющий обязанности координатора-проводника, инк второго клас-

са, знавший все положительные и отрицательные стороны характера своего командира-друга-человека, промолчал. Повинуясь командам главного распределительного компьютера базы, располагавшейся в системе Гиппарха за триста световых лет от Солнца, он вывел когг к нужному стартовому колодцу, предупредил командира о готовности к прыжку, и автоматы базы включили режим «суперструны».

Курьерский когг — это собственно спасательный шлюп класса «универсал-абсолют», биомашина пятого поколения, представляющая собой единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитает водитель, называемый по древней традиции пилотом. Если операция по спасению сложная, то в рейд отправляют сразу два когга, и пилот ведущего называется драйвер-прима, а ведомого — драйвер-секунда.

Рубка такого шлюпа имеет вид трехметрового кресла-кокона, оборудованного системой датчиков, которые подают информацию напрямую в мозг пилоту и через «дисциплинатор» — блок целесмыслового контроля — его мысленные команды исполнительным механизмам.

Честмир привычно влез спиной в рубку, запеленался, проверил включение координатора, а спустя несколько секунд когг вышел из «струны» за сто световых лет от базы в точке, где когда-то разведчиками был установлен маяк «Гиппарх-граница».

Определившись в пространстве с необходимой для работы тщательностью, Честмир озадаченно проверил данные Шарпа: шлюп вышел точно по заданным базой эфемеридным координатам, однако маяка на месте не оказалось, окно локатора было пустым, а эфир молчал. Космос в указанном районе, как и везде, равнодушно ждал, чем закончится его небесконечное расширение, и на эмоции одного человека ему было наплевать.

— Куда он делся? — спросил Честмир хмуро. — Не могли же нас забросить в другое место. Инки базы не ошибаются.

— Я тоже, — сухо отрезал Шарп.

— Тогда где маяк?

— Нас и послали разобраться в его молчании. Вполне может быть, что его украли инопланетяне.

Честмир фыркнул.

— Шутник ты, однако, приятель. Врубай «уши» на локацию, будем искать пропажу. Не справишься за полчаса — спишу в службу быта.

Через час с небольшим в двух АЕ[1] от шлюпа им удалось обнаружить убегающий со скоростью пять тысяч километров в секунду небольшой «иксоид», то есть тело неизвестных форм, массы и габаритов. Оптика шлюпа на таком расстоянии предметы не брала, но Шарпу удалось по динамике движения «иксоида» определить его примерную массу и сделать вывод, что скорее всего это и есть «сбежавший» триангуляционный маяк «Гиппарх-граница» под номером тысяча сто сорок один, по неизвестной причине отправившийся в самостоятельный рейд в направлении на южный галактический полюс.

— Пойдем на «струне»?! — полуутвердительно сказал Шарп. — Готов поспорить, что промахнусь не больше чем на сто километров. Хотя... мне почему-то не хочется догонять этот «орех».

— Ха-ха! — сказал Честмир. — Ты еще повесь мне лапшу на уши о своей «интуиции».

— Говорят, некто драйвер-прима вешал такую лапшу на уши длинноногой стажерше из сектора «интеллектуалов», — парировал Шарп.

— Да? — помолчав, пробормотал Честмир, вспоминая горящие восторгом под опахалами ресниц глаза Чариты. — Кто говорит?

— Слухи не имеют координат.

— Болтун, подхватываешь чужие сплетни... На «струне» не пойдем, пойдем шпугом[2], заодно поработаем, пощупаем путь приборами.

— И все-таки я бы запустил ему вдогонку зонд и посмотрел бы на маяк издали... не нравится мне его бегство. Да и пространство вокруг какое-то... вздыбленное... и «пахнет паленым» — радиационный фон повышен.

— Пойдем, как сказал. — Честмир сделал глоток сока, как и всегда перед работой, и скомандовал: — Вперед!

Он все еще находился во власти дурного настроения и не смог поэтому по достоинству оценить предостережение координатора, хотя и помнил совет незнакомца «быть поосмотрительней».

Шлюп начал разгон в режиме крейсерского шпуга и уже через час достиг скорости, почти равной половине скорости света, после чего Честмир смог наконец поймать убегающий огонек маяка в визирные метки оптического

---

[1] АЕ — астрономическая единица — средний радиус земной орбиты, равен 149,6 млн. км.

[2] Крейсерский ход с двойным ускорением.

комплекса. Поймал и не поверил глазам. Он увидел странную конструкцию, мало напоминающую октаэдр маяка: нечто похожее на громадные оленьи рога, выросшие из остроугольного ядра. Казалось, какая-то сила расплавила маяк, и потеки металла и пластика, изогнувшись, застыли веткой колючего кустарника или «оленьими рогами».

— Это не маяк, — сказал Честмир, начиная вдруг осознавать, что его «пустячное» задание грозит вылиться в длительный исследовательский рейд с непредвиденными последствиями.

— Маяк, — возразил координатор, оценивший ситуацию чуть раньше командира. — Врубаю срочное торможение, изотропия пространства изменяется по нарастающей, появился густой микроволновый фон.

— Дай отклонение!

— Поздно. Держись, даю аварийное торможение.

Но было уже действительно поздно. В последнее мгновение перед торможением Честмир успел заметить, как часть рубки шлюпа прямо на глазах внезапно искривилась и стала расползаться, менять форму и цвет. Если бы в этой области пространства в данный момент находился сторонний наблюдатель, он заметил бы, как шлюп за несколько секунд претерпел множественную трансформацию и превратился в «букет колючих шипастых цветов», растущих из треугольного ядра...

Сигнал дверного автомата раздался ровно в семь утра, когда Ратибор завтракал. Недоумевая — кто бы это мог быть в такую рань? — и преодолевая невольное разочарование (у него были свои виды на воскресенье, а неожиданный ранний визит всегда сулит перемену личных планов), Ратибор промокнул губы салфеткой и открыл дверь.

Перед ним стояла странная пара: невысокого роста мужчина в черном кокосе с короткими рукавами, словно только что с дежурства, седовласый, с решительным угрюмо-спокойным лицом, и красивая девушка в летнем сафари с густым водопадом льняных волос. Глаза широко расставлены и светлые-светлые, почти прозрачные, но холодными назвать их было нельзя; яркие, слегка подведенные сочные губы таили улыбку, но не улыбались. На среднем пальце у мужчины красовался перстень из полированного черного камня с прозрачной выпуклостью, внутри которой разгоралась и гасла зеленая световая искра.

— Ратибор Берестов? — полувопросительно сказал незнакомец глубоким звучным голосом. — Безопасник-кобра[1], бывший драйвер-прима курьерской службы УАСС. Бывший гриф погранслужбы.

— Вы не ошиблись, — сухо ответил Ратибор, внутренне собираясь. По всей видимости, утренний посетитель хорошо знал его послужной список, и это не совсем обычное обстоятельство настораживало: такие подробности о работнике службы безопасности мог знать далеко не каждый человек. И вдруг Ратибору показалось, что девушку он уже где-то встречал.

— Проходите. — Он жестом пригласил гостей в дом. — Я как раз завтракаю, втроем делать это веселей.

— Спасибо, мы буквально на минуту. — Взгляд незнакомца исподлобья был откровенно испытующим. — Скоро вам придется заниматься одним весьма необычным делом, и я хотел бы предупредить: не торопитесь.

Ратибор удивился. Давно с ним никто не разговаривал в такой интригующей манере, полунамеками, словно проводя тест на смекалку и на владение собой, но, с другой стороны, было совершенно очевидно, что незнакомец не шутил.

— Может быть, все же войдете? Неудобно разговаривать на пороге. — Ратибор ничем не выдал своих чувств, ответив на взгляды гостей таким же оценивающим взглядом. Ситуация начала его забавлять, хотя в подобные игры он давно не играл.

Мужчина и девушка переглянулись, в глазах последней вспыхнули веселые искры.

— Я же говорила, — произнесла она грудным голосом. — Он не примет нас всерьез, пока не будет знать всех подробностей дела.

— Подробности знать ему пока ни к чему, — равнодушно сказал мужчина. — Извините, Берестов, мы пришли предупредить вас, и только, и не ищите других причин. Положение, в каком вы окажетесь, потребует от вас не только остроты реакции, быстроты мышления, но и запаса терпения и осторожности. Дайте слово, что не станете решать возникающие проблемы в лоб, методом разведки боем.

Ратибор начал терять терпение, но не потому, что не любил прозрачных намеков на таинственный смысл речи

---

[1] К о б р а — командир обоймы риска (обойма на жаргоне тревожных групп — служба).

и топтания вокруг да около, а потому, что его необычные посетители знали, с кем имеют дело, а он не знал. Однако пульсирующий огонек интереса в глазах девушки заставлял его вести себя соответственно, с изрядной долей иронии к происходящему, и он не сумел выработать точную линию поведения.

— Обещаю быть самим собой, — медленно проговорил Ратибор с легкой улыбкой, преобразившей его худое лицо с выступающими скулами. — Я почему-то всегда считал, что хироманты, оракулы и предсказатели судеб ушли в прошлое, а тем более работающие в паре. Хотя это удобно. С одной стороны — угроза, позиция силы в лице мужчины, с другой — обещание удачи в лице женщины. Клиент выбирает, что ему по душе, а предсказатели в результате всегда в выигрыше. Так?

— Жаль, — сказал мужчина, не отвечая на шутку, обращаясь к спутнице, хотя в голосе его не было и тени сожаления. — Он не способен к абстрагированию и не внемлет голосу разума.

Улыбка сбежала с губ Ратибора.

— Вам не кажется, сударь, что вы по крайней мере невежливы? Не желаете представиться по этикету — не надо, это ваше дело, я и так вычислю вас в скором времени, но если хотите предупредить — говорите прямо, точно формулируя мысль, и желательно мне, а не тому, с кем пришли. Я разочаровал вас? Извините тугодума.

— Он прав, Ри, — сказала девушка.

— Если бы я мог точно сформулировать то, что знаю, — буркнул мужчина, — я бы разговаривал иначе и не с вами. К сожалению, у меня нет количественных данных, только качественная оценка.

— Извините нас. — Девушка протянула руку. — Мы хотим вам добра, иначе не пришли бы, но, к сожалению, не можем сообщить ничего конкретного. Может быть, в дальнейшем вы поймете почему.

Ратибор, поколебавшись, взял руку девушки в свою, легонько прикоснулся губами к пальцам, а когда поднял голову — мужчина уже шел по площадке к голубовато-прозрачной «улитке» лифта.

— Не обижайтесь на него, — тихо сказала девушка, не отнимая руки; глаза ее потемнели. — На него нельзя обижаться.

— Попробую, — ответил Ратибор, внезапно вспоминая, где и при каких обстоятельствах видел стоящую пе-

ред ним незнакомку; память все-таки вытащила из своих глубин нужный видеослед.

— До свидания, Анастасия.

Девушка прищурилась, не удивившись.

— Вспомнили? Тогда за вас можно не беспокоиться.

— Настя, — окликнули девушку из лифта, — мы опаздываем.

— Иду, — откликнулась та. — Прощайте, кобра, желаю вам ни пуха ни пера.

— К черту, — пробормотал Ратибор машинально, глядя ей вслед. Девушку звали Анастасия Демидова, и работала она эфаналитиком в экспертном отделе Института внеземных культур.

Из гостиной раздался двухтональный сигнал вызова. Ратибор опомнился, вошел в квартиру и закрыл дверь, только теперь с досадой обнаружив, что держит в левой руке салфетку. Бросив ее на стол, включил голосом ответ-связь. Над выпуклым глазом виома выросла световая игла, развернулась в объемное изображение диспетчерской отдела.

— «Три девятки» по треку[1], — коротко сказал дежурный. — Готовность сбора двадцать минут.

— Принял, — кивнул Ратибор, у которого екнуло сердце: не слишком ли быстро начинают сбываться предсказания только что удалившихся «прорицателей»?

А еще было жаль майского воскресенья...

Отработка тревожного вызова в отделе безопасности обычно длится не более десяти минут — после того как оперативник прибыл на базу «привязки». База, к которой был «привязан» Ратибор Берестов, располагалась под Брянском, практически рядом с домом, и называлась «Радимич-2». Поскольку автомат-распорядитель трека направил Ратибора не на стартовый комплекс курьерских шлюпов, а на поле спейсеров и спасательных модульных связок, называемых склонными к мрачному юмору безопасниками «пакмаками» — что было сокращением слов «пакет макарон», Ратибор понял, что случилось нечто неординарное. Лифт базы выбросил его, уже одетого в фирменный кокос, возле гигантской «люстры» высотой в семьдесят метров — модульной связки, состоящей из

---

[1] Трек — тревожный канал. «Три девятки» по треку — сигнал тревоги.

плотно упакованных осевого драккара и восьми внешних коггов. Один из модулей был выдвинут и, как только Ратибор нырнул в люк осевого, встал на место.

Рубка драккара ничем не отличалась от подобных постов управления всей летающей воздушной и космической техники. Ратибор нырнул в мидель-захват, автоматы запеленали его в защитный кокон, и начался отсчет времени вывода на траекторию. В голове пилота раздался голос: включилась система компьютерной связи с диспетчером управления, а также с киб-интеллектом базы, с координатором модуля и с главным компьютером отдела, которого называли Умником.

— Я малый инк, имя — Камал, — сообщил координатор драккара формулу знакомства.

— Берестов, в вашем распоряжении обойма с полной упаковкой[1]. Идите по лучу целеуказания главного инка погранслужбы, — раздался «голос» Умника.

— Ратибор, — сказал диспетчер, — по вектору гаммы Гиппарха — тысяча светолет — пропали без вести маяк границы, беспилотный зонд и когг, пилотируемый драйвером-прима погранслужбы грифом Тршеблицким.

— Принял, — ответил Ратибор.

— До кенгуру две минуты, пакет смысла ваш киб получил, расшифруете на месте. Желаю удачи!

— Взаимно.

«Пакмак» начал прыжок длиной в тысячу световых лет точно так же, как сделал это когг Честмира Тршеблицкого восемь дней назад. И вышел из «струны» практически в том же районе, наглухо «зашитый» в «саван» полной защиты.

Ратибор за несколько секунд провел перекличку ведомых, зная и чувствуя каждого как свои пять пальцев, и принялся за анализ полевой обстановки. Он не был поклонником второго пункта Инструкции УАСС, именуемого в быту пунктом «срам» и расшифровывающегося как «сведение риска к абсолютному минимуму», но и, будучи командиром обоймы риска, полагался не только на реакцию, но и на чувство опасности. На сей раз оно было достаточно острым, да и предупреждение таинственного напарника Анастасии Демидовой не шло из головы.

Не обнаружив ничего угрожающего «пакмаку», Ратибор дал сигнал Земле: «Все в порядке, я на месте, начал работу», — и раскрыл связку. Восемь шлюпов отделились

---

[1] Полная упаковка обоймы — тридцать два человека.

от осевого драккара и, прощупывая пространство по радиусу от него, пошли каждый в своем направлении.

— Здесь все в норме, — сказал заместитель Берестова Юрий Шадрин. — Предлагаю обычное построение.

— Нет! — резко ответил Ратибор. — Ступенчатое, с предварительным зондажем.

Привыкшие полагаться на чутье и опыт командира, безопасники не зароптали, хотя и удивились, не видя прямой опасности. Ратибор тоже ее не видел, однако нет-нет, да и вспоминал полученное предупреждение.

Уже спустя полчаса второй и третий модули столкнулись с едва заметным, но все же нарастанием градиента внешних полей и с появлением микроволнового фона.

Ратибор дал в эфир «дробь-внимание», и остальные когги повернули вслед за вторым и третьим. Началась зондовая проверка по выбранному вектору, уходящему в глубь звездного скопления Гиппарха.

Шадрин, готовый взять управление обоймой на себя в случае выхода из строя командира, первым обнаружил странное поведение зондов по мере их углубления в область с повышенной плотностью излучений и полей. Люди, предупрежденные Шадриным, молча наблюдали за тем, как десятиметровые зонды, похожие на плоские кольца с шипами антенн, вдруг потеряли управление, заметались, один из них изменил форму, стал «мигать», то превращаясь в облако белого дыма, то «кристаллизуясь» в твердое тело, а второй просто растаял без следа.

— Три «ореха» с полной защитой, очередью и выводом записи на передачу, — скомандовал Берестов.

Три зонда просияли габаритными огнями — действительно, очередь трассирующими, подумал мимолетно Ратибор, — и растаяли в пространстве, ведомые ультраоптикой модулей. Их постигла иная участь: в трехстах тысячах километров от застывших шлюпов и осевого корабля сверкнула вдруг длинная — около тысячи километров! — искра непонятного разряда и нанизала зонды на себя один за другим...

Маяк «Гиппарх-граница» и курьерский когг грифа погранслужбы Тршеблицкого, изуродованные неизвестной силой до неузнаваемости, они обнаружили с помощью вызванных на место погранотряда и смены усиления через сутки далеко в стороне от определенного маяку района дрейфа. Драйвер-прима Честмир Тршеблицкий был к этому времени мертв, да и на человека он походил мало...

Ратибор вернулся на Землю месяц спустя после описанных выше событий, отработав совместно с прибывшими отрядами пограничников, экспертов и ученых весь комплекс мероприятий по изучению феномена и обеспечению безопасности экспедиции. Им владела неотвязная мысль: откуда странный гость, посетивший его до тревожного вызова, мог знать, что ждет Берестова впереди. Ни одна электронная гадалка, несмотря на опыт эфаналитика-оператора, будь он даже семи пядей во лбу, не способна предсказать причину тревоги и результат действий конкретного исполнителя. Ратибор с нетерпением ждал момента, когда он сможет наконец выяснить — что это за человек и какое отношение к происшедшему имеет Анастасия Демидова, эфаналитик Института внеземных культур. Но, поскольку Ратибор остро нуждался в отдыхе, он, дав на оперативном совещании у директора УАСС полный отчет о проделанной работе начальству и комиссии СЭКОНа[1], принял дома душ, потом в пять часов вечера завалился спать и проспал без малого девятнадцать часов в свежей и чистой постели на хрустящих простынях. Позавтракав, почувствовал голод к спортивным эмоциям и тут же позвонил Полу Макграту, предложив ему прогуляться на корт, благо Пол уже сидел на рабочем месте, изнывая от безделья.

Пол Макграт, такой же кобра, как и Берестов, не участвовал в операции, но это обстоятельство его не задевало и не расстраивало. Жизнерадостный, шумный, всегда дружелюбно ко всем настроенный, он знал себе цену и не злился не только по пустякам, но и попадая в серьезные переделки, чем снискал себе славу добродушного оптимиста и рубахи-парня. Один Ратибор знал, что Пол — интрасенс, способный рассчитать на несколько ходов вперед любую ситуацию. Работать с ним в паре было трудно, но интересно.

Встретились у зеленого газона, окружавшего знаменитые корты управления, ни в чем не уступавшие кортам Уимблдона. Обнялись, молча переоделись и выбрали ракетки, предоставленные автоматом обслуживания.

— Давно вернулся? — спросил Макграт, начиная разминку.

— Вчера, — ответил Ратибор, чувствуя, что Пол знает, когда он вернулся. — Аристарх дал два дня на отдых, завтра снова иду на границу Гиппарха.

---

[1] С Э К О Н — Комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями (отдел ВКС).

— Что там случилось? Слухи доходят какие-то чудовищные, будто бы кто-то «выстрелил» по нашей Системе, и выстрел вот-вот достигнет цели...

Ратибор невольно вспомнил совещание у директора управления.

В знаменитом историческом кабинете директора, пережившем на своем веку ровно двадцать поколений директоров, уютно преобразованном с помощью видеопласта в тенистую беседку с удобными легкими стульями, расположились семь человек: хозяин кабинета Кий-Коронат; комиссар-один отдела безопасности Игылкут Юнусов, координирующий наземные силы безопасности; комиссар-два Аристарх Железовский, отвечавший за безопасность космических поселений человечества, огромный, бугристый от чудовищно развитых мышц, похожий на каменную, грубо обтесанную глыбу; командор погранслужбы Ингвар Эрберг; председатель СЭКОНа Забава Боянова; главный специалист научного сектора физик Гордей Вакула и Ратибор. Все присутствующие знали друг друга и в представлениях не нуждались, да и не раз встречались во время ЧП-вахт, поэтому Железовский без всяких предисловий взглядом — он вообще двигался очень мало, обходясь не только минимумом слов, но и минимумом жестов, — показал Вакуле, что тот может начинать.

Гордей Вакула, весь какой-то округлый и мягкий, с покатыми плечами, с лысиной на полчерепа, что в общем-то было удивительно — на Земле давно справились с облысением, закатил глаза-сливы и пошевелил губами, сосредоточиваясь, словно вспоминал заданный урок:

— Надеюсь, факты перечислять не имеет смысла, все вы прекрасно их знаете. Выводов два. Но сначала хочу поблагодарить вашего... гм... не люблю я этот жаргон, честно говоря. Я имею в виду, ваш командир обоймы риска Берестов сумел найти оптимальное решение предложенной задачи и избежать жертв и больших материальных потерь.

Все присутствующие одновременно посмотрели на Ратибора. Тот пожал плечами:

— Это была обычная работа по формуле «неизвестная опасность».

— Ну, конечно, элементарная задачка для стажера, — пробормотал командор погранслужбы Эрберг, задетый заявлением.

— Что, задело? — тихо, без улыбки спросил комиссар-один.

— Еще бы, — так же негромко проговорила черноволосая, с красивыми руками Забава Боянова, избранная председателем СЭКОНа на третий срок; говорили, что ей исполнилось уже сто двадцать лет, но выглядела она вчетверо моложе. — Погранслужба начала ЧП-вахту более чем неудачно.

Кий-Коронат кашлянул. Все замолчали. Директор УАСС кивнул Вакуле:

— Продолжайте, Гордей.

Физик снова закатил глаза. Когда-то эта его манера говорить смешила Ратибора, теперь же начала раздражать.

— Вывод первый, физический: в космосе обнаружен канал длиной более шестисот светолет и диаметром около полутора астрономических единиц, внутри которого структура вакуума нарушена таким образом, что в нем реализуются процессы с отрицательной вероятностью. Почему я сказал неточно — более шестисот светолет? Потому что по вектору гаммы Гиппарха длина канала не проверена, а в противоположную сторону он продолжает расти. Ну, а если говорить о процессах с отрицательной вероятностью, то распад протона, появление «голого» кварка и локальные повороты времени — самое безобидное из всего, что может произойти. Результаты этих процессов вы знаете: маяк границы, обозначавший условную границу исследованного землянами пространства, при попадании в зону канала превратился в странной формы предмет из редчайшего изотопа свинца, а курьерский когг с грифом Тршеблицким... — Вакула перекатил глаза на Эрберга. — Простите, командор, я понимаю ваши чувства. Так вот, когг тоже претерпел изменения, превратившись в так называемый «кочан капусты», каждый слой которого представляет собой одну сверхсложную молекулу какого-то металлополимера. Капитан Тршеблицкий, оставаясь функционально человеком... — Вакула пожевал губами, находясь в некотором затруднении.

Ратибор его понял. Когда они нашли когг и пробились в его рубку, никто не хотел верить, что круглое бревно в кокон-кресле и есть драйвер-прима Тршеблицкий: все органы его тела — руки, ноги, голова — были идеально «подогнаны» под форму цилиндра.

— Ясно, — сказала Боянова, — не стоит приводить примеры.

— Вывод второй, спекуляционный:[1] неизвестно кто и неизвестно зачем начал «рыть вакуум» в направлении Солнечной системы. Длина канала со столь экзотическими свойствами продолжает расти со скоростью, в тысячу раз превосходящей скорость света, и по нашим расчетам через год он неизбежно упрется в Солнце. Правда, хотя сам канал совершенно прямолинеен, изредка от него ответвляются боковые «побеги», которые спустя несколько секунд после ответвления превращаются в кварко-глюонную плазму, происходит как бы спонтанный разряд неизвестного поля, против которого очень трудно защититься. Хотите знать мое личное мнение?

— Не надо кокетничать, Гордей, — поморщилась Забава.

Вакула, не смутившись, снова закатил глаза:

— Это пробой. Пробой вакуума, пробой нашего пространства разрядом из иной вселенной. По небольшому снижению скорости роста канала — кстати, я предложил назвать явление Большим Выстрелом — можно судить о его первоначальной скорости на границе нашей Вселенной: она бесконечна! Но все эти качества канала как раз логично укладываются в формулы современной фридманологии[2].

Наступило недолгое молчание. Ратибор, почувствовавший скуку — он уже знал выводы Вакулы, — вдруг уловил движение Железовского: человек-глыба смотрел на него изучающе и пристально, будто знал нечто компрометирующее своего подчиненного. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, и Ратибор даже заколебался — не сообщить ли Аристарху о странном визите и предупреждении? — но комиссар-два отвернулся, и желание исповедаться прошло...

Ратибор, пропустив мяч, очнулся и перехватил ракетку.

— Так что там насчет выстрела? — напомнил Мак-грат. — Это правда?

— Чепуха, не бери в голову. Хотя, с другой стороны, выстрел был, наш Гордей так и назвал этот феномен: Большой Выстрел. Ну, поехали?

Они сыграли два сета с попеременным успехом: оба в свое время были чемпионами УАСС и знали сильные и

---

[1] Научная спекуляция — это выдвижение смелой, но еще недостаточно обоснованной гипотезы.

[2] Фридманология — наука, соединяющая космологию и физику элементарных частиц.

слабые стороны друг друга досконально. Спорт и сблизил их, далеких по характеру, увлечениям и желаниям. Потом на соседней площадке появились девушки, и Макграт, поприветствовав их поднятой ракеткой, предложил разбиться по парам и поиграть в парный теннис.

— Удобно ли? — засомневался Ратибор.

— А почему нет? Поиграем полчасика, потом станет жарко, и разбежимся. Заодно и познакомишься, холостяк.

Берестов улыбнулся. Макграт поднял брови:

— Чего ухмыляешься?

— Трудно представить безопасника-кобру в роли сводни.

— Зато оригинально. Я пообещал, что женю тебя даже вопреки твоему вкусу, и женю. Пошли.

Ратибор, посмеиваясь в душе — он знал о пристрастии товарища к слабому полу, — направился следом и вдруг в одной из девиц узнал Анастасию Демидову, эф-аналитика Института внеземных культур, которую намеревался разыскать сегодня вечером и выяснить, кто был ее спутником. Он остановился, исподволь разглядывая Анастасию и находя в ней многое из того, что упустил при первой встрече: красивую фигуру, грацию спортсмена-профессионала и женственность, что в сочетании и составляет смысл субъективного термина «красота».

— Девочки, познакомьтесь, — весело сказал Макграт, шутливо обнимая вторую незнакомку за талию; похоже, он их знал давно. — Это Ратибор, лучший кобра управления, драйвер-прима, рисконавт и вообще хороший парень. Поиграем двое на двое? Эй, Берестов, чего застрял?

Ратибор приблизился. Анастасия, оценив его взгляд, слабо улыбнулась и сказала тихо, чтобы услышал только он один:

— Разглядел? В норме?

— Вполне, — в тон девушке ответил Ратибор, внезапно осознав, что глаза у нее огромны, глубоки и умны. — Не ожидал встретить вас здесь, в управлении. Разве институт не имеет собственного спорткомплекса?

— Имеет, конечно, но я предпочитаю тренироваться здесь. Привыкла. Не возражаете?

— А если бы и возражал, что изменилось бы?

Анастасия засмеялась.

— Тоже верно. Кстати, не поверите, но заниматься теннисом я начала, глядя на вас, лет пять назад, когда впервые увидела вас на корте управления — отец привел. Он в то время работал в техсекторе, не помните?

И Ратибор вспомнил. Инженер-синектор Андрей Демидов погиб во время экспериментальной проверки своей собственной оригинальной идеи — создать защиту человеческого тела путем упрочняющей обработки кожи. Идея оказалась слишком смелой для того времени: хотя изобретатель и смог добиться того, что человеческая кожа стала буквально непробиваемой и непроплавляемой броней, но одновременно она перестала быть и гибкой... Андрея Демидова так и похоронили — как высеченный из камня в натуральную величину монумент...

Подошедший Макграт с подозрением посмотрел на Ратибора:

— Вы что, знакомы? А говорил — тихоня. Настя, ты вообще-то осторожней с ним, он умный, сильный и хитрый, и род его явно начинался с семейства кошачьих. Ратибор, ты будешь играть с Асият, а я с Настей, оставлять вас вдвоем опасно.

Ратибор ответил на веселые искры во взгляде Анастасии понимающей улыбкой и убежал на другую половину площадки, где его ожидала чернобровая и черноглазая Асият.

Но поиграть им не дали. Едва они обменялись несколькими ударами по мячу, причем Ратибор с интересом отметил силу и точность подача Анастасии, как вдруг трижды пискнул браслет видеорации на руке. Берестов поднес браслет к виску и «увидел» пси-изображение (рация работала в пси-диапазоне и передавала изображение непосредственно в мозг владельца) — кокон поста связи отдела, и в нем призрачная фигура дежурного инка:

— Берестов, примите «джоггера» на двенадцать десять.

— Принял, — со вздохом ответил Ратибор. «Джоггер» — в английском языке это означает человека, бегающего трусцой, — был сигналом тревоги второй степени, когда исполнителю вменялось в обязанность явиться по вызову не на базу привязки, а в отдел не позднее чем через час.

— Что? — спросил через поле Макграт. — Уходишь?

— «Трусцой», — ответил Ратибор. — Прошу прощения, вынужден оставить столь славную компанию. Поиграем как-нибудь в следующий раз.

Не без сожаления он подкинул в руке мяч, подал и, помахав на прощание всем рукой, пошел к душевым автоматам. Анастасия догнала его за оградой площадки:

— Ратибор...

Удивленный безопасник оглянулся. Глаза девушки потемнели и выражали скрытую тревогу и неуверенность, будто она сама не знала, говорить или не говорить то, в чем не была уверена.

— Слушаю, Настя.

— Близкие друзья называют меня Стасей или Таей... это к слову. Габриэль просил передать: анализируйте каждый свой шаг там... в космосе... это поможет избежать...

— Чего? — с угрюмой насмешливостью поинтересовался Ратибор. — Простуды?

— Не смейтесь, — тихо сказала Анастасия. — Это очень серьезно. Он не предупреждал бы, если бы не был уверен в опасности вашего кенгуру. Пожалуйста, поверьте.

— Кто он, этот ваш Габриэль?

— Сейчас он проконсул[1] экспертного отдела ВКС, а раньше... я расскажу как-нибудь, когда вы вернетесь. Обещаете не лезть на рожон?

— Вы меня мало знаете, — улыбнулся Ратибор. — И все же обещаю. До встречи.

Ладонь у девушки была сильная и горячая, и отнимать ее из руки безопасника она не торопилась...

Железовский встретил Ратибора в холле управления. С ним был высокий, хорошо сложенный, черноволосый молодой человек со скуластым лицом в фирменном комби пограничника со знаками отличия командира обоймы риска.

— Знакомьтесь, — сиплым низким басом сказал комиссар-два, которого недаром прозвали человеком-глыбой — как за внешний вид и поведение, так и за каменный характер. — Кобра-один Дмитрий Демин, заменит Халида.

— А что, Халид не справился? — не удержался от вопроса Ратибор, вспоминая офицера-пограничника, принявшего у него дежурство по тревожной зоне со своей патрульной обоймой.

— Халид погиб, Демин вместо него. Отдыхать будешь позже, а вызвал я тебя потому, что в зоне БВ появились роиды. Твой зам Шадрин не справится. Бери обойму усиления и дуй обратно к гамме Гиппарха, стационарная «струна» метро уже запущена. Все оперативные вопросы — к Умнику, подключай свою рацию к треку.

---

[1] Прогноз-консультант.

Ратибор машинально погладил браслет пси-рации.

Железовский протянул руку.

— Возьми оперативную, браслет можешь снять.

Ратибор закрепил в ухе серьгу пси-рации, тотчас же отозвавшуюся тихим звоном включения компьютерной связи.

— Упаковка усиления?

— Миди. Кроме аварийщиков — эксперты, ксенопсихологи, коммуникаторы[1]. Разберешься в обстановке, дашь знать. Ни пуха.

— К черту! — Ратибор повернулся и зашагал к лифту, чувствуя на затылке дыхание пограничника, у которого в ухе висела такая же блестящая металлическая «серьга» рации компьютерной связи.

Пока они добирались лифтом до метро[2], а потом на базу, с которой была проложена «струна» до гаммы Гиппарха, Умник поведал Ратибору историю гибели Халида.

Кобра-два погранслужбы Таукан Халид, принявший на себя ответственность за обеспечение безопасности космоплавания в районе гаммы Гиппарха, через который мчалась навстречу Солнечной системе невидимая и неосязаемая «пуля» Большого Выстрела, оставляя за собой странную «кильватерную струю», взбаламутившую вакуум до такой степени, что в нем начинали нарушаться законы известной человеку физики, был достаточно опытным пограничником и все же не смог правильно оценить ситуацию, когда в районе БВ появились роиды, как их называли ученые, или чужане, как привыкли называть все остальные.

Негуманоидная цивилизация чужан была открыта более ста десяти лет назад возле предгалактического шатуна[3] — звезды Сотая Единорога, прятавшейся в туманности Чужая. Туманность в свою очередь пряталась от астрономов Земли за темными облаками пылевой материи и мчалась мимо галактического ядра с той же скоростью, что и знаменитая Черная Роза — облако пыли и газа, внутри которого печально известной экспедицией Гранта был обнаружен также предгалактический шатун с планетой Тартар.

Плотность пыли в окрестности вновь открытой звезды была небольшой, и земные разведчики, приблизившись к звезде, узрели на орбите вокруг нее странные тысячекило-

---

[1] Специалисты по контактам с иными цивилизациями.

[2] Метро — система мгновенного транспорта.

[3] Предгалактические шатуны — звезды, родившиеся раньше галактик.

метровые образования, имеющие вполне осмысленные, геометрически точные конфигурации. Образования эти состояли из роев камней или тел, похожих на камни: черные глыбы с размерами от нескольких метров до сотни километров в поперечнике. А между роями сновали еще более странные объекты, похожие на земные радиолярии, только достигавшие трех-четырех километров в диаметре. Поскольку они часто перевозили внутри себя черные глыбы роидов, их стали называть «транспортными средствами» чужан, «космическими кораблями».

С людьми чужане в контакт вступить не пожелали, не обратив на них абсолютно никакого внимания, и продолжали заниматься своим таинственным астроинженерным трудом, дробя на камни планетоид, равный по размерам земной Луне. Прошло более ста лет со дня их открытия, но и до сих пор в контакт с людьми роиды вступать не спешили. Сменялись поколения контактеров и ксенопсихологов, защищались диссертации, ученые продолжали искать пути взаимопонимания с этими чудовищно далекими от всего земного существами, а они продолжали равнодушно делать свое дело и словно не замечали усилий братьев по разуму, упорно ищущих точки соприкосновения эмоциональных и психологических сфер.

Чужанский спейсер «проявился» в пространстве совсем недалеко от базового «пакмака» под командованием Халида и, как обычно не обращая внимания на сигнализацию и вызовы, малым ходом двинулся к границам канала БВ, вокруг которого люди по мере его удлинения ставили проблесковые маяки. Халид сначала действовал по инструкции, использовав весь арсенал средств связи, а когда это не помогло — направил свой осевой драккар вдогонку за чужанским «китом». Он дважды догонял корабль и становился на его пути, наглядно демонстрируя свое желание остановить чужан, а на третий — канал БВ «нанизал» драккар на молнию пространственного разряда, задев и чужанский корабль. От корабля Халида не осталось ничего, даже пыли...

Зал специального метро базы, с которой была проложена линия мгновенного движения в район Гиппарха, напоминал Ратибору встревоженный муравейник, хотя, приглядевшись, можно было понять — все здесь подчиняется сложному закону обеспечения порядка управления человеческой метелью. Прибывшие хорошо разбирались в этой обстановке и сначала разыскали группу усиления — пятнадцать человек разного возраста и телосложения, но с одинаковым выражением ожидания и

нетерпения на лицах. Представились. Пожелали успеха друг другу. Люди гуськом утянулись к стартовой камере — группа была уже экипирована. Затем наступил черед Ратибора и пограничника. Их сначала засунули в бокс подготовки, заставили пройти медконтроль, переодели в скафандровые комплексы с персональными компьютерами, накормили тонизирующим желе и только после этого впихнули в старт-камеру метро. А уже через минуту они выходили из финиш-камеры спейсера погранслужбы «Перун», играющего роль передвижной базы обеспечения. Их встретил второй пилот спейсера — судя по нашивке на рукаве кокоса.

— Обойму приняли? — спросил Ратибор.

— Она уже в походе, «пакмак» семнадцать, — ответил пилот. — Ожидают вас за бортом.

— Задача ясна? — Ратибор повернулся к Демину, не промолвившему ни слова со времени знакомства.

— Вполне, — лаконично ответил пограничник. — Жду связи.

— Ждите. — Ратибор протянул руку. — Попробуем поработать в связке и не наделать ошибок. Почему я не встречал вас раньше?

— Наверное, потому, что я недавно вернулся из глубокой разведки.

— Большое Магелланово? Андромеда?

— Треугольник[1].

— Неплохая характеристика. Только не лезь на рожон, демонстрируя бесстрашие.

— Не полезу. — По губам Демина скользнула тонкая усмешка. — Я чту «три эс» вашего шефа.

Ратибор прищурился, с новым интересом взглянув на собеседника; знаменитые законы развития Железовского, известные под названием «три эс», означали: самоанализ, самоконтроль, самосовершенствование.

— Тогда сработаемся.

Демин кивнул.

— Возражений нет. Для краткости по связи можешь называть меня просто — ДД.

Ладонь у него была широкая и твердая. Ратибор невольно вспомнил ладонь Анастасии и вздохнул: встреча с девушкой снова оттягивалась на неопределенное время.

Разошлись в разные стороны: пограничник — в зал координации, Ратибор в сопровождении пилота — в тран-

---

[1] Одна из ближайших к нашей галактик.

спортный отсек, где его ждал патрульный когг. Еще через четверть часа он входил в «гнездо» управления драккаром «пакмака», рассчитанное на трех человек. Шадрин, вечно взъерошенный, суетливый, что было заметно даже несмотря на скафандр, ждал Берестова, готовясь уступить ему место. Они хлопнули друг друга по плечу. И заместитель вылез из центрального кокона, пересев в пустующий соседний.

— Подробности гибели Халида известны?

— Какие там подробности — наткнулся на «искру», и все. Слишком близко подошел к БВ.

— Не мог пустить вперед беспилотную машину? Пограничники с опытом кобры не должны допускать таких проколов. Жаль парня.

— Жаль, — согласился Шадрин.

Ратибор упал спиной в мягкие захваты кокона, проверил подсоединение всех коммуникаций своего скафандра к оборудованию кресла и только тогда включил обзор и одновременное считывание информации: сигналы всех датчиков и видеокамер драккара подавались непосредственно в мозг пилоту, и поэтому «гнездо» рубки имело изнутри вид ребристой полости с двумя небольшими выступами перед креслами-коконами пилотов; при необходимости выступы трансформировались в пульты ручного управления, однако на памяти Ратибора такого не случалось ни разу, надежность «пакмаков» была стопроцентной.

— Научники Гордея ведут себя хорошо? — спросил он.

— Нормально, — ответил Шадрин. — Извини, командир, сожалею, что не смог уговорить Железовского дать тебе отдохнуть, мы бы потерпели.

— Ничего, все нормально. Где чужане?

— Первый дрейфует параллельно каналу БВ в ста мегаметрах практически в зоне непрогнозируемого риска, вероятно, он поврежден, а второй крутится рядом, то и дело натыкаясь на маяки.

— «Семнадцатый», как слышите?

— Слышу хорошо, старший обоймы Ерохин. Оперинформацию принял, жду целеуказаний.

— Ваша цель — чужанин, крутите свои программы, с вами в связке будет работать «пакмак»-девять. «Девятка» — понял?

— Так точно, командир. «Семнадцатый», ложись в кильватере по пеленгу.

— ДД, я Берестов, как слышишь?

— Четко, — ответил спокойно Демин. — Приступили?

— Приступили. — Ратибор дал в эфир сигнал «всем связь», получил в ответ длинную очередь зеленых огней и цифр: ведомые модули «пакмака» докладывали о готовности к работе с новым координатором, заменившим Шадрина.

— Вперед, — бросил Ратибор инку драккара, — выходи на поврежденного чужанина.

— Что ты задумал, Берестов? — спросил Демин.

— Пока ничего, посмотрю. Надо попробовать вытащить его из зоны, он явно нуждается в помощи.

— Если бы они нуждались в помощи, — хмыкнул Шадрин, — то второй давно вытащил бы своего коллегу, а он что-то не торопится.

— Разберемся.

Ратибор снова вспомнил умоляющий взгляд Анастасии и просьбу «не лезть на рожон».

ЧУЖАНЕ

Железовский вошел бесшумно и невольно слышал последние фразы диалога.

— Вы потеряли уже двоих! — резко сказала Боянова, стоя к Эрбергу вполоборота. — А корректного объяснения случившемуся нет до сих пор. В чем дело?

— Это погранзона! — угрюмо проговорил командир пограничной службы, одетый в официальный костюм пограничника: темно-зеленый полукомби, серый галстук, серые туфли. — Зона непрогнозируемого риска.

— Но теряем-то мы не просто людей, теряем профессионалов, пограничников. В чем дело? Плохая подготовка кадров?

Эрберг пожевал губами, но промолчал.

Железовский кашлянул. Собеседники повернулись к нему, потом командир наклонил голову, сказал: «Я доложу вам о принятых мерах», — и вышел. Боянова и комиссар-два отдела безопасности остались одни.

— М-да, — сказала председатель СЭКОНа, разглядывая нового посетителя. — Сегодня неудачный день, одни неприятности. Итак, другарь Аристарх, что это может быть? — Боянова дежурным жестом, не думая, поправила пышные волосы, мельком взглянув на свое отражение в зеркале противоположной стены, и перевела взгляд на виом, показывающий объемное изображение необычной конструкции, похожей на тонкий и длинный побег бам-

бука в «шубе» острых шипов, игл и ворсинок. — Садись, поговорим сидя, у меня есть несколько минут.

Железовский опустился в предложенное ему кресло и застыл каменной скульптурой уставшего олимпийца. Будучи по натуре домоседом, он решал все вопросы, практически не выходя за пределы управления, максимально используя возможности видео и пси-связи, но к председателю комиссии социального контроля он являлся — и для этого имелись свои причины — не визуально, а материально.

— Канал Большого Выстрела — следствие, — пробасил он, поняв вопрос. — Причин же не видит пока никто, ни эфаналитики-безопасники, ни научники.

— Никто, — задумчиво повторила Боянова, поднося палец к острому концу «побега». — А через год «пуля» достигнет Системы... Ты представляешь, что произойдет?

Железовский ответил не сразу.

— Через два дня БВ воткнется в омегу Гиппарха... посмотрим. Хотя уже сейчас эфаналитики выдали прогноз столкновения.

Председатель СЭКОНа очнулась, выключила виом, изображение «бамбукового побега» — ствола Большого Выстрела — исчезло.

— Да, это, наверное, будет захватывающее зрелище. И все же — что это может быть? Какая такая «пуля» способна оставлять за собой столь странный и грозный след?

Железовский снова помолчал, прежде чем ответить:

— Все земные физические ПОБы[1] вскрыты и подсоединены к инку управления, но ни в прошлом, ни в настоящем прецедента не нашлось, нет никаких теоретических предпосылок явления. Земная физика никогда не сталкивалась ни с чем подобным.

— Категорично. А Тартар? А Конструктор?

— Тартар учеными практически разгадан, а Конструктор... прошло уже сто десять лет, как он ушел... — Железовский пристально посмотрел на Боянову, шевельнувшись так, что по телу вспухли и перекатились бугры мышц. — Неужели ты предполагаешь?..

— Я размышляю вслух, — улыбнулась Боянова. — Но давай сопоставим кое-какие факты. В стволе Большого Выстрела, как ты сам говорил, с веществом и даже с вакуумом происходят странные вещи. Меняется топология пространства, из «плоского» евклидова оно переходит в пространства сложных порядков. В обычном мире системы

---

[1] Проблемно-ориентированные банки данных.

из многих связанных протонов не существуют, а в канале БВ они конденсируются спонтанно... Начинают вдруг сказываться эффекты гипергеометрии, особенно разительны примеры с биологическими объектами.

Железовский вспомнил Тршеблицкого, хотел что-то сказать, но передумал.

— Это не наша физика, — продолжала Боянова, — это физика «а-ля Конструктор». Всех подробностей его появления в Системе ты можешь и не помнить, но на Марсе, похудевшем на одну треть после рождения Конструктора, надеюсь, бывал. Информации в управлении, а тем более в банках вашего отдела, более чем достаточно. Если Большой Выстрел и не связан с Конструктором, то вы будете вооружены нестандартной концепцией жизни таких разумных колоссов, а подобные явления настолько неординарны, что я удивлюсь, если БВ не будет связан с чем-то вроде этого.

— Ты предполагаешь, что «пуля» — это Конструктор? — упрямо спросил Железовский.

Боянова едва заметно поморщилась. Она давно знала комиссара-два отдела безопасности, славившегося бульдожьей хваткой, недюжинной целеустремленностью, и настойчивостью, и неожиданной для такого накачанного силой человека-глыбы способностью к блестящей импровизации, но иногда Железовский становился удивительно прямолинейным.

— Я не сказала «да», милорд. — В голосе председателя СЭКОНа явственно прозвучала ирония. — Комплекс проблем под названием Конструктор потрясал ученых полстолетия после ухода самого Конструктора из Галактики. Ознакомься с полным сводом данных, накопленных твоими предшественниками, дай «пожевать» их Умнику, проанализируй все возможные связи БВ с явлением, продемонстрированным некогда родившимся Конструктором, и я созову вече. Мы с тобой одинаково ответственны перед человечеством за его космическую безопасность. Помни, «пуля» БВ достигнет Солнца через год... если ничего не случится.

— По данным научников, скорость роста канала замедляется, — нехотя проговорил Железовский и встал. — Я не совсем тебя понял, Забава, и у человеческой интуиции есть предел, но я знаю, что такое перестраховка. Я перестрахуюсь, хотя и не верю, что это след... вашего Конструктора.

— Вашего... — задумчиво повторила Боянова, пребывая явно в минорном настроении. — Боюсь, он станет общим. Ты прав, у человеческой интуиции есть пределы,

как и у человеческой фантазии, нет их только у природы. Поэт как-то сказал: есть предел для печали, но нет для тревоги... Не забывай, что у нас с тобой есть еще один повод для тревоги: чужане.

Железовский, налитый угрюмой, но сдержанной силой, поклонился и вышел. Боянова смотрела ему вслед, прищурясь, словно вдруг засомневалась, справится ли он с задачей, не видя ее объемов, однако думала она в этот момент о другом.

Спейсер «Перун» был машиной пространства одиннадцатого поколения и от первых машин подобного типа отличался, как паровоз Черепанова от ракетных кораблей, впервые порвавших путы земного тяготения. Управлялся он экипажем из трех человек: пилотами драйвер-прима и драйвер-секунда и командиром, вычислителем-математиком первого класса Морицем Кошшутом. Остальной экипаж заменял координатор спейсера, киб-интеллект по имени Белбог.

Размеры спейсера вряд ли потрясли бы современника, привыкшего мерить пространство не километрами и даже не миллионами километров, а сотнями парсеков[1], к тому же «Перун» уступал в размерах первым спейсерам «струнных» формул, но по энерговооруженности один этот спейсер на два порядка превосходил весь космофлот Земли прошлого столетия.

Он мог трансформировать свое трехсотпятидесятиметровое тело в широком диапазоне форм, в зависимости от внешних условий или конкретного задания, теперь же, находясь в положении «тревога первой степени» возле растущего канала Большого Выстрела, «Перун» представлял собой трезубец с короткой, по сравнению с «зубьями», рукоятью и мог при необходимости разделиться на три обособленных аппарата.

Железовский появился в координационном зале спейсера один и, поздоровавшись с «закукленными» в креслах управления Деминым и двумя пограничниками из его команды, с трудом втиснулся в пустующий кокон; всего в зале было пять кресел.

Зал координации спейсера «залом» назывался по традиции, в нем было ровно столько свободного простран-

---

[1] П а р с е к (параллакс-секунда) — единица измерения космических расстояний, равная 3,269 светового года ($3{,}08 \times 10^{13}$ км).

ства, сколько требовалось для размещения трехметровых эллипсоидов рабочих кокон-кресел, но были и отличия от рубок управления другой космической техники: кресла этого зала могли перемещаться по всему кораблю как своеобразные лифты и даже выстреливаться в космос, имея все необходимое оборудование для недолгого автономного существования. Обычная видеотехника здесь, однако, тоже отсутствовала, сигналы видеокамер внешнего обзора и внутренней связи передавались непосредственно в мозг обитателям кресел, хотя существовало и общее аварийное ручное управление со стереооптической видеосистемой.

Включившись в сеть «спрута» — компьютерной связи, объединившей все земные исследовательские и пограничные корабли, Железовский сообщил в эфир, что он не отменяет распорядка ЧП-вахты, ответил на приветствия Берестова и ксенопсихологов и быстро «пролистал» поданную Белбогом информацию. После этого стал наблюдать за действиями безопасников, пытавшихся отбуксировать поврежденный чужанский корабль в сторону от опасного соседства Большого Выстрела; маяки уже работали и высвечивали канал таким образом, что он, ничем не отличимый визуально от обычного пустого пространства, становился видимым интеллект-автоматике земных кораблей, а она уже рисовала ствол БВ своим повелителям.

Чужанский корабль больше всего напоминал скелет исполинского кита, внутренности которого заросли металлической паутиной, скрывающей какие-то наросты и «внутренние органы». Вся архитектура этого сложного сооружения подчинялась явно неземной логике и обычного человека привела бы в содрогание; ни одну из его функций по внешнему виду вычислить было невозможно. Единственное, что установили ксенопсихологи, вынужденные исследовать цивилизацию роидов косвенными методами, — чужанские корабли не были собственно машинами для преодоления пространства, эту функцию они выполняли вынужденно.

Поскольку второй корабль роидов не предпринял ни одной попытки спасти своих соотечественников и не ответил ни на один сигнал земных кораблей, люди решили действовать самостоятельно, на свой страх и риск. В тот момент, когда Железовский прибыл на «Перун», три беспилотных модуля из команды Берестова уже подходили к туше чужанина, прикрываясь энергоэкранами, а затем

выстрелили по нему магнитными кошками, словно китобои в кита.

Кошки с хвостами тросов достигли цели и нашли места, где смогли намертво вцепиться в обшивку чужого корабля. Модули сдали назад, на все длину тросов, и включили генераторы разгона. Несколько минут казалось, что стронуть тушу чужанского спейсера с места (на самом деле он дрейфовал со скоростью около трехсот километров в секунду) не удастся, однако постепенно стали заметны изменения в его движении: «скелет кита» — четыре километра по длине и восемьсот метров в поперечнике самой широкой части «головы» — стал уходить от невидимого тоннеля БВ. Спустя час он удалился от него на сто пятьдесят тысяч километров — расстояние, признанное расстоянием «критического сечения» канала, за которым космоплавание считалось безопасным, и сразу же к чужанину прибыл «пакмак» ксенопсихологов.

Новый командир пограничников из вежливости подождал реакции комиссара-два, но, поскольку распоряжений не поступило, принялся командовать сам, обходясь минимумом слов повелительного наклонения и тем не менее отлично чувствуя зону действия безопасников, которыми командовал Ратибор Берестов.

Железовский не вмешался и в тот момент, когда у поврежденного чужанского корабля появился его рыщущий неподалеку собрат. Заблаговременно предупрежденные земные аппараты убрались от греха подальше, последним от исполина отошел драккар Берестова.

— Пробит навылет по всей длине, — сообщил Ратибор. — Вряд ли подлежит ремонту. Ведомые, дайте в эфир соображения.

— Мы обнаружили две «пещеры» с роидами, — отозвался начальник смены усиления. — Одна разгерметизирована, что-то у них там лопнуло или взорвалось, в живых, наверное, не осталось никого, роиды бестолково летают в невесомости, сталкиваются и не реагируют на столкновения, а во второй «пещере» — она здорово напоминает пост управления или что-то в таком роде — есть живые, судя по электромагнитной пульсации и псифону. Если бы не тревога, мы смогли бы установить точно.

— И несмотря на это, второй на помощь своим не спешил, — пробормотал кто-то.

— Значит, у них были свои резоны, — ответил только что говоривший ученый. — Логика негуманоидов до сих пор остается притчей во языцех, несмотря на столетие ее изучения.

— Сколько чужан в посту управления? — спросил неожиданно Железовский.

Разговоры стихли, лишь изредка компьютерная связь доносила тихие будничные переговоры сторожевых пограничных постов.

— Я думаю, не больше сотни, — ответил после недолгого молчания исследователь. — Точно подсчитать их количество невозможно, там их больше тысячи. Дело в том, что «пост управления» чужанским кораблем — это по сути «арбуз», зернышками в котором являются роиды...

— Что он делает? — раздался вдруг чей-то изумленный возглас.

Второй чужанский корабль подошел вплотную к первому и выбросил нечто вроде длинной белой струи, которая прилипла к носу поврежденного колосса и раздулась в полупрозрачный водянистый шар. Затем шар загорелся с одной стороны злым зеленым пламенем, так что видеокамеры земных аппаратов вынуждены были применить светофильты, а чужанский монстр стал... удаляться!

Координатор «Перуна» первым разобрался в происходящем.

— Это какой-то вид экзодвигателя, — сказал он. — Внешнее сгорание с векторной инициацией, регуляция тяги отсутствует, управление тоже. Судя по ускорению, импульс тяги очень мощный, до трех тысяч тонн в секунду.

— Куда он направляется? — отрывисто бросил Железовский.

— В сторону БВ.

В эфире снова повисла тишина, взорвавшаяся хором изумленных, негодующих, недоуменных возгласов.

— Зачем это им? — спросил Демин негромко. — Они что, с ума посходили? Внутри же их живые соотечественники... Кто там говорил о логике?

Кто-то из ученых-ксенопсихологов начал было оправдываться, но Железовский его перебил:

— Ратибор, твое мнение?

— Может быть, они решили проверить воздействие канала БВ на своих и посмотреть, что будет?

— Твое решение?

— Императив «блок»[1].

— Согласен. Белбог, расчет траектории, характеристики движения, задачу трех тел для остановки уходящего груза. Внимание, обоймам ЧП-вахты: «пакмаки» три-одиннадцать — императив «блок», главный исполнитель — Берестов. ДД, твоя задача — чужанский спейсер. Блокируй все его попытки помешать Берестову.

— Принял.

И началась обработка всего сложного комплекса расчетов, анализа обстановки, команд и действий земных кораблей, подчиненных поставленной цели, и единственным человеком, который сомневался в правильности этого решения, был комиссар-два отдела безопасности Аристарх Железовский, не имевший права сомневаться.

Чужане ушли.

Неизвестно, поняли они или нет урок, преподанный им людьми, но после того, как поврежденный спейсер был остановлен и двигатель его, «вывернутый наизнанку», отстрелен, второй корабль — жуткая конструкция, напоминающая околевшего в судороге броненосца длиной в два с лишним километра, — даже не попытавшись установить, в чем дело, просто исчез: чужане тоже умели свертывать пространство в одномерные «суперструны», преодолевая гигантские межзвездные расстояния практически мгновенно.

Ошеломленные земляне подивились на опустевший район дрейфа чужанского спейсера, потом на оставшийся поврежденный корабль, не зная, что делать с неожиданным «подарком» (обрадовались ему только ксенологи, получившие интересовавший их объект для исследований, о коем и не смели мечтать), однако дивились недолго: спустя несколько минут после ухода «броненосца» оставленный «кит» взорвался! Осколки, хотя и редкие, разлетелись по странному обстоятельству не в разные стороны, а двумя струями, причем одна струя хлестнула по двум «пакмакам» исследователей, к счастью закутанным в «саван» полевой защиты. Никто не пострадал.

---

[1] Специалистами УАСС и отдела безопасности разработаны штатные режимы (императивы) работы групп риска в разных условиях, и компьютерам при их применении нужно только пересчитать режимы в соответствии с конкретной ситуацией.

По общему мнению, лишь один человек не удивился происшедшим событиям — прибывший буквально к развязке драмы Аристарх Железовский. Он пресек попытки ученых устроить в эфире дискуссию, уточнил дальнейший график работ исследователей с их руководителем, выслушал предлагаемые Деминым меры по усилению погранвахты и отбыл на Землю, приказав Ратибору явиться в отдел после того, как след Большого Выстрела минует омегу Гиппарха.

Ратибор сказал «есть», переглянулся с Шадриным, затем снял эмкан рации, втянувшийся в обивку кокона, и вылез из кресла.

— Хочу есть, — сказал он, с удовольствием потянувшись, — а ты осуществляй императив «Аргус». Пойду к пограничникам, поем в нормальной кают-компании с ДД. Ты его знаешь?

— Самую малость, — ответил Шадрин, включенный в общую сеть «спрута» и личные переговоры вести не имевший возможности. — Говорят, умен и силен, смел, но не до безрассудства. Лидер. Как и ты.

— Что ж, вполне объективное суждение, — буркнул Ратибор, не моргнув глазом. — О тебе, например, этого не скажешь.

— И не надо, я не претендую, не все рождаются лидерами.

— Ну, тогда я пошел.

Ратибор перебрался на «Перун», где его встретил предупрежденный заранее Демин, проводил в кают-компанию спейсера, рассчитанную на вдумчивое вкушение пищи и приятную беседу двух десятков человек. На этот раз беседующих и вкушающих было всего двое.

— Как тебе чужане? — спросил уравновешенный и внимательный Дмитрий. — Я не силен в психологии негуманоидов, но их поступок, по-моему, оправдать невозможно.

— Наши представления о добре и зле, о гуманизме вообще, всегда имели конкретно-исторический, изменяющийся характер и определялись социально-классовыми факторами сообразно формуле: все в мире относительно. — Ратибор прожевал листик салата, глотнул солоновато-терпкого солара, поднимающего аппетит. — С другой стороны, жизнь разумного существа священна во всех проявлениях, и с этой точки зрения понять роидов трудно. Но ты прав, в этом вопросе мы с тобой дилетанты, и наши охи да ахи вполне соответствуют уровню нашей не-

компетентности, потому что шкалы ценностных ориентаций у нас и у чужан не совпадают.

Помолчали, доедая запеченные в соусе грибы.

— Зачем тебя вызвал шеф?

Ратибор промокнул губы, взял запотевший стакан с клюквенным морсом.

— Видимо, хочет дать новое задание, каким-то образом связанное с этим, я его уже изучил.

— Интересный мужик. Наверное, надежен, как скала. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

— Что есть, то есть. — Ратибор не любил делиться собственным мнением о другом человеке, хотя мог бы сообщить, что Аристарх Железовский способен обидеть кого угодно и не заметить этого, что он редкостно упрям и зачастую идет к намеченной цели, не жалея ни себя, ни других, проламывая путь и обдираясь в кровь... И все же руководитель он от Бога...

— Шутники говорят, чтобы с ним сработаться, нужно защитить диссертацию: «Может ли железо чувствовать?»

— Они не правы.

— А за что его прозвали «роденовским мыслителем»?

Ратибор промолчал. Демин понял недосказанное товарищем и перевел разговор на другую тему.

— Ты знаешь, со мной произошел странный случай... — Пограничник посмотрел на собеседника сквозь стакан. — Буквально перед кенгуру сюда мне позвонил какой-то тип и предупредил, чтобы я держался от БВ подальше... — Дмитрий замолчал, потому что увидел, какое впечатление его слова произвели на Берестова. — Ты что?

Ратибор тихонько присвистнул.

— Как он выглядит?

— В том-то и дело, что не знаю, обратку мой таинственный корреспондент не включил. Голос глуховатый, но твердый и далеко не веселый, так что шуткой не пахло. А когда я спросил, с кем имею дело, ответил: «Не имеет значения», — и вырубил связь.

— М-да, — проговорил Ратибор, вспоминая, какой голос был у Габриэля, спутника Анастасии Демидовой, — далеко не глуховатый, а наоборот, звучный, глубокого чарующего тембра. — Не поверишь, но со мной тоже случилось нечто подобное, только гость явился ко мне воочию, вернее, гости. — Берестов рассказал о визите Насти и Габриэля. — Интересно, откуда они, мои визитеры, и твой информатор, знали, что именно мы будем работать с БВ? И что БВ так опасен?

— Вот именно, — кивнул пограничник, умело скрывая свои чувства. — Может быть, они в таком случае знают, что есть БВ на самом деле?

— Вполне допускаю. Я давно собирался поговорить об этом с Нас... Анастасией напрямую, да все времени не было, теперь непременно поговорю.

— Благо, это прекрасный повод для встречи, — хладнокровно сказал Демин.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Приятный парень, подумал Ратибор, жаль, что я не знал его раньше. Пожалуй, он не менее надежен, чем я сам.

— Что же это такое? — задумчиво произнес Демин, включив стену виома, распахнувшую черный зев космоса с редким бисером звезд. Канал Большого Выстрела обычные видеокамеры не фиксировали, и космос везде был одинаково бездонен.

— След выстрела... — пробормотал Ратибор.

— Да, но кто так точно выстрелил по Солнечной системе и, главное, чем? Не можем же мы успокаивать себя, как древние философы, твердившие в таких случаях: никто, никуда, ниоткуда. Я не суеверен, но у меня сформировалось жуткое мистическое ощущение, будто я *знаю*, что это такое. Вернее, знал, но забыл. Причуды ложной памяти? Говорят, такое бывает.

— Со мной то же самое, — глухо сказал Ратибор, вставая. — Видимо, одинаково работает экстрасенсорная... Я пошел к себе, сударь, держи связь. Покручусь вдоль трассы и выйду к омеге Гиппарха, интересно посмотреть, как БВ пройдется по звезде. Как ты думаешь, чужане ушли насовсем или еще появятся?

— А ты бы ушел?

— Я — нет, — подумав, ответил Ратибор. — Но я не чужанин.

Демин засмеялся.

— Ты думаешь, это достоинство?

Безопасник улыбнулся в ответ, хлопнул ладонью по подставленной ладони пограничника и вышел из уютной кают-компании спейсера.

Устроившись у себя «дома» — в рубке драккара и перекинувшись парой слов с Шадриным, он дал в эфир позывной переклички, выслушал рапорты всех смен и скомандовал компьютеру шлюпа джамп-режим.

Обыденная рутинная инспекторская работа... если бы не загадочные намеки неизвестных благодетелей об осо-

бой опасности канала Большого Выстрела. Интересно, подумал Ратибор, а грифу Тршеблицкому тоже являлся предсказатель или он предупреждает только избранных?..

Столкновения визуально ненаблюдаемого, стремительно вспарывающего пространство канала БВ со звездной системой омеги Гиппарха ждали четыре десятка земных аппаратов разных классов и два чужанских «динозавра», не отвечавших на запросы людей. Правда, Демин, посоветовавшись с Ратибором, запретил исследователям надоедать гостям, и представители разных рас теперь лишь молча «косились» друг на друга, ожидая главного события. Никто не знал, что произойдет, если луч БВ воткнется в звезду, но было точно рассчитано, что колоссальная труба неведомого «пробоя вакуума» омегу Гиппарха, звезду редкого класса голубых карликов с температурой фотосферы в тридцать тысяч градусов, не минует. Кроме того, существовала вероятность, что канал заденет одну из планет системы и кометное кольцо.

Драккар Берестова висел в ста миллионах километров от звезды точно на линии полюса эклиптики, но к нему сводились видеопередачи СВС[1] со всех зондов и модулей дежурного «пакмака», поэтому при желании Ратибор мог переключать диапазоны зрения на любое расстояние, хотя видеокартинка от этого не менялась: голубой карлик омега Гиппарха был дьявольски ярок и опутан волосатой короной протуберанцев.

Канал БВ миновал звезду в десять ноль две по зависимому времени ЧП-вахты, но лишь спустя девять минут начали сказываться эффекты «процессов с отрицательной вероятностью», реализующихся внутри столба Большого Выстрела. Звезда сначала усилила блеск, буквально на несколько секунд, и стала темнеть, меняя цвет с голубого на белый, потом желтый, оранжевый и так далее, проходя всю гамму до красного и коричневого. Через час перед потрясенными людьми — оптика позволяла видеть это до мельчайших подробностей — висел вместо раскаленного шара звезды странный шарообразный объект остывшей и сжавшейся материи, который трудно было назвать планетой, а тем более звездой, потому что, судя по сообщениям

[1] СВС — суперструнная видеосвязь, использующая принципы свертки пространства.

анализаторов, он состоял из сложных соединений металлов от магния до осмия и полуметаллов от сурьмы до висмута. Причем верхний слой этого сфероида диаметром в двадцать две тысячи километров представлял собой нечто похожее на губку или слой мха: невообразимое переплетение тонких и толстых нитей, растяжек, стеблей и перепонок!

— Вот это да-а! — нарушил кто-то молчание, и снова тишина завладела эфиром, ученые, пограничники и безопасники переваривали увиденное, постепенно приходя в себя.

— Берестов, Белбог посчитал, что звезда... м-м... омега Гиппарха скоро выйдет из канала, — раздался голос старшего исследовательской группы.

— И что из этого следует? — поинтересовался Берестов.

— Можно послать десант. Это же невероятнейший подарок судьбы! Ни с чем подобным мы еще не сталкивались! И ведь никакой тебе радиации, а?! А гравитация на этом... металлоиде вполне преодолима и нашими силами.

— Я подумаю.

Шадрин, сидевший в своем кокон-кресле с видом нахохлившегося воробья, снял вдруг эмкан пси-связи и сказал, проведя рукой по волосам:

— Боря, то же будет и с Солнцем... дойди БВ до него!

Ратибор представил себе эту картину, и ледяной озноб охватил его спину.

— Оператор вахты, — вызвал он командира пограничников официальным тоном, — моя личная помощь вам нужна?

— Нет, — ответил Демин, поняв его состояние. — Если роиды не будут мешать, проблем не вижу.

— Чужане — наша забота, работайте спокойно. Оставляю смену усиления в вашем распоряжении, хотя и я особых проблем не вижу. Кроме научных. До связи на Земле.

А когда Ратибор уже перебрался на «Перун» и собирался шагнуть в старт-камеру «струнного» моста между спейсером и Землей, рация донесла «голос» координирующего работу земных кораблей компьютера:

— Чужане передали сообщение. Передача импульсная, ускоренная, многодиапазонная, полный перевод выполнить не могу, но смысл передачи таков: «Прорыв... это прорыв... уже было... внимательность максимально предельно... возвращается пресапиен... последний из предтеч... это предупреждение...»

— Черт возьми! — донесся возглас Шадрина. — Что это с ними?! Роиды заговорили с нами?

— Ну и ну! — покачал головой сопровождавший Ратибора Демин. — Видать, БВ действительно опасная штука, если даже чужане решили вдруг предупредить нас. Наблюдение, как они ведут себя?

— Ушли, — доложил наблюдатель. — Оба, сразу после предупреждения.

— У меня ощущение, что главные тревоги у нас впереди, — пробормотал Ратибор. — Шеф не зря вызывает меня домой, все решится там. И главные события скорее всего развернутся на подходах к Системе. Как ты думаешь, что хотели сказать чужане? Что за «пресапиенс» возвращается? Откуда?

— Вопрос не по адресу. Вспомни Хаббарда: «Не понимающий вашего молчания, вероятно, не поймет и ваших слов». Таковы наши отношения с чужанами: не понимая их молчания, мы не поняли, когда они заговорили.

Ратибор поднял вверх два пальца в виде буквы V и шагнул в камеру метро.

Они стояли на балюстраде, опоясывающей помещение транспортно-грузового каскада базы «Родимич-1», и смотрели, как непрерывным потоком плывут на силовых подвесках транспортеров трехметровые ажурные диски с уплотнениями внутри — зонды с датчиками для измерения параметров вакуума. Зонды сотнями выстреливались в «тело» Большого Выстрела, чтобы люди могли точно знать контуры канала и его направление, и почти на все сто процентов выходили из строя, попадая в область с измененными свойствами «пустого» пространства, поэтому зондов требовалось много, и два приземельских завода гнали их массовым производством по десять тысяч штук в день.

— Скорость канала падает, — сказал Ратибор, терпеливо дожидаясь, пока глава отдела безопасности соизволит заговорить. — А диаметр его сужается, теперь он равен всего ста двадцати миллионам километров. Эфаналитики подсчитали, что к моменту, когда скорость роста БВ достигнет скорости света, его диаметр составит примерно двадцать тысяч километров.

— И наступит этот момент через год, — раздался сзади женский голос. — Добрый день, джентльмены.

Безопасники оглянулись. К ним подходила Забава Боянова, которой можно было издали дать не больше тридцати лет. Впрочем, признался себе Ратибор, и вблизи тоже.

— Если ваш БВ будет мчаться в том же направлении, — продолжала председатель СЭКОНа, — то, несмотря на снижение скорости, он воткнется в Систему, а вы уже видели, на что он способен. Что вы собираетесь предпринять в связи с этим?

— Конкретные меры зависят от конкретных советов ученых, — проговорил наконец Железовский, попытавшийся проникнуть мысленным взором в пси-сферу женщины, — а не от общих теоретических построений. Да, ты права, наверное, это возвращается Конструктор, чужане косвенно подтвердили твой прогноз, назвав БВ следом «пресапиенса», но время у нас еще есть. Необходим полный объем информации по Конструктору, чтобы подготовиться к его приходу, когда он выйдет из нынешнего «потустороннего» состояния. Работать по нему будет кобра-один отдела Ратибор Берестов и команда Вакулы.

— Не теряйте времени, джентльмены. Конструктор — это настолько серьезный и опасный объект, что возвращение его по степени непрогнозируемой опасности сравнимо разве что с общегалактической катастрофой. Останки Марса тому свидетельство, а ведь тогда произошло всего лишь рождение младенца. Возвращается же спустя сто с лишним лет сверхсущество, психика, этика и мораль которого настолько далеки от человеческих, что даже провал между этикой и моралью людей и негуманоидов вроде чужан или орилоунов гораздо меньше, чем пропасть между нами и Конструктором.

Железовский засопел, но промолчал. Боянова оценивающе посмотрела на Ратибора, в голосе ее прозвучало сомнение:

— Молодой человек, сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— А как долго вы работаете в отделе?

— Три года.

— Он с девятнадцати в аварийно-спасательной службе, — буркнул Железовский. — С двадцати двух — в погранслужбе, закончил Брянский политех по специальности оргтехнология, так что опыта ему не занимать. Кстати, спасение «Чернавы» — по сути его заслуга.

Боянова с новым интересом взглянула на Берестова, стоявшего с непроницаемым видом.

— Что касается опыта, то, как сказал Генри Шоу, «опыт увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает глупости». Вы согласны, молодой человек?

— Вполне, — невозмутимо ответствовал Ратибор.

— Что ж, попробуйте поиграть в эту игру, хотя Конструктор — игрок непредсказуемый.

— Человек тоже непредсказуем, — сказал Железовский с неодобрением и вызовом, причины которого Ратибор не понял.

Боянова не ответила, все еще рассматривая Ратибора. Лицо ее стало задумчивым, возраст проступил на нем более отчетливо.

— Так это вы, стало быть, герой истории с «Чернавой»? Я не сразу связала фамилию Берестов с фамилией того парня. Пожалуй, этот факт биографии говорит кое о каких задатках, осталось только реализовать их. Один — ноль в пользу вашего выбора, Аристарх. Вот что я вам посоветую, молодой человек: прежде, чем начать изучение предыстории Конструктора, изучите историю наших отношений с чужанами, это очень полезная история и весьма поучительная. А потом найдите проконсула Габриэля Грехова и побеседуйте с ним, он многое может поведать о Конструкторе.

Ратибор вспомнил спутника Анастасии: того тоже звали Габриэль. Похоже, это он.

— Найти его непросто, хотя он и работает в синклите старейшин ВКС, но этот человек вам необходим.

— Я знаю, как его найти, — сказал Ратибор.

Боянова подняла брови, однако выражать сомнение вслух не стала.

— Начинай самостоятельно. — Бас Железовского был почему-то мрачным. — Код запроса по Конструктору введен в твой инк. Вечером зайдешь.

Ратибор кивнул, попрощался и, не оглядываясь, пошел к лифту, унося в памяти два разных взгляда двух разных людей, одинаково сознающих ответственность своей работы.

Перенесясь с базы в управление и открыв свой служебный модуль, сохранивший древнее бюрократическое название «кабинет», он сел за стол, привычно развернул приставку инка, и вдруг память оживила перед ним картины происшествия на «Чернаве» четырехлетней давности.

Он тогда возвращался из первого своего самостоятельного кенгуру к звездам Ориона как гриф-специалист

первого класса и втайне был горд тем, что его оценили в управлении — как раз накануне полета пришел вызов из кадровой комиссии с предложением перейти в отдел безопасности. У него были в запасе еще два дня на размышления, хотя про себя он уже решился на переход к безопасникам, однако Ратибор не привык торопиться на поворотах судьбы и отложил визит в отдел до тех пор, пока не кончится срок отдыха.

Наутро Карелия пригласила его на прогулку по ксенопарку — первому в истории Земли заповеднику внеземных форм жизни, где она работала ксенобиологом (познакомились они на четвертом курсе Брянского политеха), естественно, Ратибор не мог отказаться, да и не хотел. Во-первых, ему было по-настоящему интересно, несмотря на то что некоторые виды животных он ловил сам; во-вторых, до официального открытия парка должно было пройти не меньше месяца; а в-третьих, Карелия пообещала показать нечто «жутко необыкновенное».

Парк с несколько необычным для данной местности названием «Чернава» располагался в бывшей пустыне Такла-Макан на границе с отрогами Куньлуня. Встретились у служебного входа. Карелия была возбуждена и весела, что всегда превращало ее в девочку-школьницу. Ратибора автомат входа пропустил так безропотно, будто пограничник был директором парка.

Часа два Карелия водила будущего аса-безопасника по гигантскому парку с его экозонами, отгороженными не только от будущих посетителей, но и от земных природных условий невидимыми силовыми мембранами. Время пролетело незаметно, Ратибор рассматривал обитателей экозон с таким любопытством и непосредственностью, что Карелия ни с того ни с сего поцеловала его на виду у сотрудников парка, на что он сам, правда, не обратил внимания. А потом она с торжественным видом подвела его к необычному широкому зданию в форме конуса со срезанной вершиной, от стен которого отходили толстые контрфорсы. По диаметру здание было никак не меньше километра.

— Это наша главная достопримечательность, — с гордостью сказала Карелия. — Дом для монстрозавра. Слышал о таком?

Разумеется, Ратибор слышал. Популяция монстрозавров была обнаружена не на планете, а на звезде, тип которой был определен учеными как «коричневый карлик». Что такие остывающие звезды — диаметром с Юпитер

или чуть больше и с температурой поверхности до четырехсот — семисот градусов — могут существовать в природе, было предсказано специалистами-астрофизиками еще в двадцатом веке, но лишь недавно, лет двадцать назад «коричневые карлики» были обнаружены в старых шаровых звездных скоплениях. «Коричневый карлик», давший жизнь монстрозаврам, был обнаружен в шаровом скоплении М-13 в Геркулесе, в двадцати трех тысячах световых лет от Солнца, так что эти твари представляли самый дальний из всех открытых очагов жизни. Мало того, это были единственные представители совершенно особого класса так называемых «альтернативных биологий» — класса «некристаллических биометаллов». Уничтожить монстрозавра можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва.

— Как же вам удалось доставить их на Землю? — спросил Ратибор, насытившись созерцанием пары чудовищ, похожих на баранки, обросшие «головами летучих мышей». Размеры зверей были невелики — метров по сорок в поперечнике, но энергией они были накачаны чудовищно, представляя по сути живые термоядерные реакторы. Ратибор насчитал шесть симметрично расположенных «летучих мышей» — наросты действительно напоминали головы этих земных млекопитающих, особенно ушами с невообразимо сложным рисунком перепонок, — и подумал, что сверху монстрозавры напоминают головку цветка.

— Их доставил на Землю драйвер-прима Даль-разведки Савва Баренц, — спохватилась Карелия, увлеченная зрелищем, как и гость. — Подробностей я не знаю, но, по-моему, он герой.

— Возразить не рискну, — хмыкнул Ратибор. — Что-то они малоактивны. Вы все домашние условия соблюдали?

— Почти все: сила тяжести — сто «же», температура поверхности — пятьсот сорок по Цельсию, атмосфера — из паров металлов и металлоидов, излучения — от микроволнового фона до гамма. Не стали только воспроизводить плотный поток нейтринов. С тех пор как их доставили сюда, они практически все время спят.

— А что говорят биологи?

Карелия пожала плечиком.

— Идей много, но изучение зверей топчется пока еще на стадии толкований, а не точных знаний. Я, например, считаю, что без нейтринного фона из спячки они не вый-

дут. Лишь дважды мы наблюдали их вспышечную активность, и то ненадолго. Вот этого красавца в зеленоватой броне называют Панас, а второго, с серебристым отливом — Ната, хотя, кто из них мужчина, кто женщина — неизвестно. Ну, что, понравились?

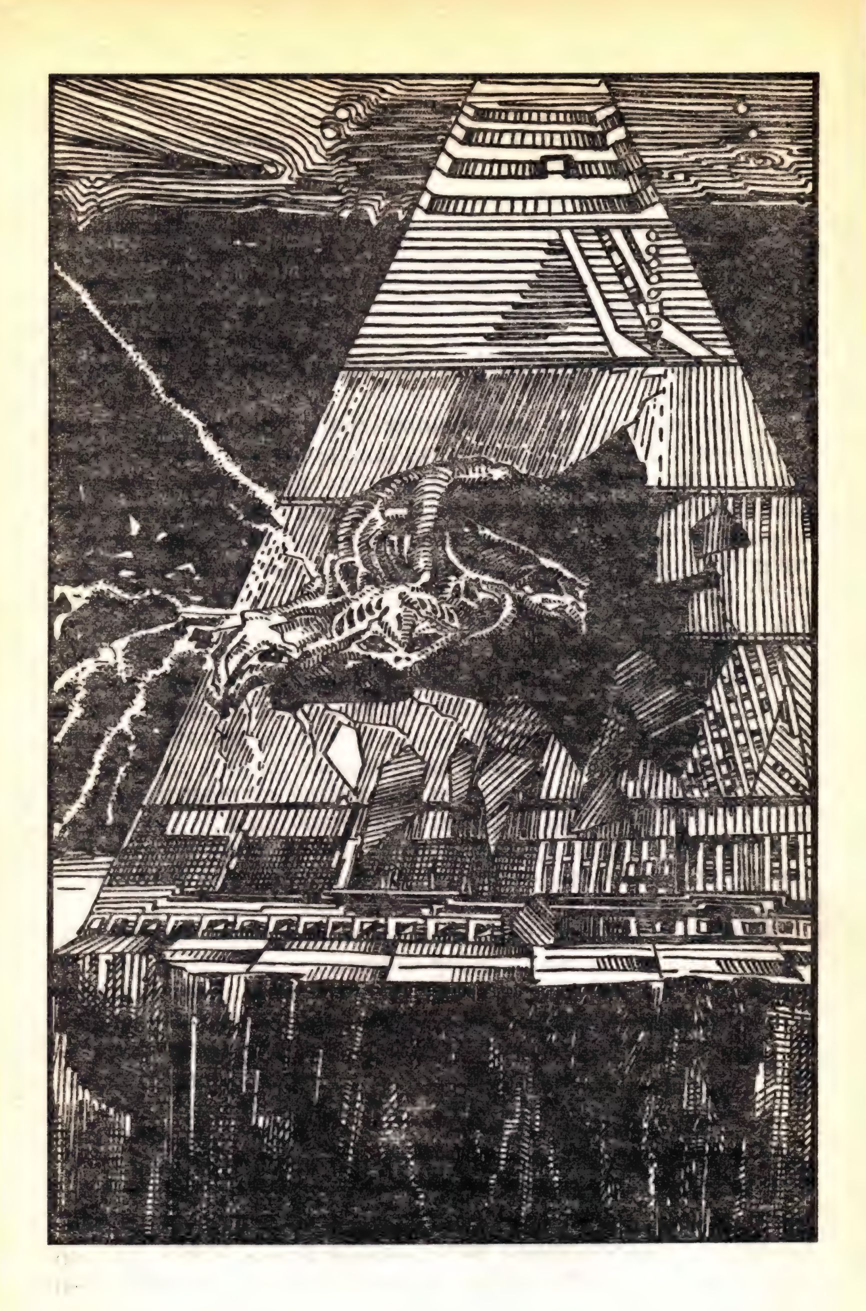
Ответить Ратибор не успел.

Один из монстрозавров — Панас — вдруг окутался короной электрических разрядов и... бросился на свою «подругу». Громовой удар, водопад гигантских молний — люди зажмурились от ярчайшего режущего света. А в вольере, если так можно было назвать огромный километровый «аквариум» с потолком, имитирующим небо «коричневого карлика», продолжала развиваться вакханалия огня и грома. Из-за частых вспышек, бьющих по глазам, почти ничего невозможно было разглядеть, но все же Ратибор понял, что это не игра зверей и не проявление агрессивности самца, решившего сожрать свою самку, а нечто другое.

— Господи! — ахнула, бледнея, Карелия. — Они же поубивают друг друга! Я в аппаратную, жди здесь. — Она убежала.

Такую и запомнил ее Ратибор: растерянную, испуганную, живущую уже той бедой, что пришла нежданно-негаданно, все же нашедшую в себе толику внимания и щедрой нежности, чтобы на бегу ободряюще улыбнуться Ратибору...

Буйство электричества и плазмы за прозрачной стеной вольера внезапно прекратилось. Повернувшийся к стене спиной, чтобы не ослепнуть, Ратибор оглянулся и не поверил глазам: вместо двух монстрозавров над металлической почвой парила жуткая фигура, казалось целиком состоящая из одних гигантских «мышиных голов». Эта фигура скользнула к противоположной стене своей тюрьмы и с ходу ударила по ней рекой сиренево-голубого пламени. Стена, способная выдержать любой удар электромагнитного излучения, все же не смогла выстоять против выпада монстрозавра (как потом выяснил Ратибор, это была струя антиматерии) и, хотя часть пламени отразила, часть поглотила, но через минуту покрылась язвами аннигиляции и протаяла. Монстрозавр, окруженный сиянием и дымом, выплыл наружу. Навстречу ему ринулась машина аварийной службы — ребята просто не знали, что делать, — и исчезла в радужной вспышке света. Еще один куттер свалился на зверя откуда-то сверху и тоже превратился в полотнище лилового огня. И только тут Ратибор



опомнился и принялся действовать, стараясь не думать, где в этот момент находится Карелия.

Он еще при подходе к жилищу монстрозавров заприметил неподалеку пирамидальную башню грузового метро и прозрачно-туманный столб орбитального лифта; обычно их строили рядом как транспортные узлы разных масштабов, подчиненные одной цели — оперативной переброске грузов с межзвездного уровня на планетарный и обратно. Необходимо было любым путем заманить сросшихся в одну особь монстрозавров к метро и попытаться выбросить их из Системы по «струне» мгновенной масс-транспортации.

Решение созрело мгновенно: если даже в земной атмосфере с температурой, отличающейся от абсолютного нуля на триста градусов, монстры жестко мерзли, вынужденные тратить огромную энергию на разогрев тела, то стоило попытаться попугать их холодом, близким к холоду космического пространства. У Ратибора не было рации, и он не находился на поддежуривании, когда все члены группы замыкаются в сети компьютерной связи и готовы по первому зову прийти на помощь, поэтому полагаться мог только на себя. Он рванул по дорожке к стоянке легкого транспорта, завладел четырехместным пинассом, за минуту достиг той зоны парка, где под куполом были воссозданы условия одной из ледяных планет типа Плутона, и, ничего не объяснив персоналу «теплицы», в режиме оптимайзинга — когда обостряются все чувства и реакция организма превосходит реакцию любого нетренированного человека — погрузил в пинасс два баллона с жидким гелием.

Самым трудным делом оказалось закрепить баллоны в кабине аппарата, но Ратибор справился и с этим, разбив бластер, и подлетел к жилищу монстрозавра в тот момент, когда чудовище довершало разрушение здания: клубы дыма, пыли, струи щебня и осколков стен скрыли под собой ландшафт на площади в три квадратных километра! Гул, грохот, шипение и треск заполняли окрестности.

Ратибор отыскал монстра по характерным вспышкам и фонтанам огня и с внезапно проснувшейся ненавистью открыл вентиль баллона. Струя жидкого гелия под давлением в триста атмосфер вонзилась в тело неземного животного, взрывообразно превращаясь в газ. Белое облако мгновенно сконденсировавшегося тумана и газа накрыло зверя с головой. Он замер, прекратив искриться электрозарядами, потом вдруг со свистом метнул сквозь облако

огненный пунктир антиматерии — разряд прошел всего в пяти метрах от машины пограничника — и с ревом двинулся прочь, круша все, что попадалось на пути.

Ратибор гнал его к метро, увертываясь от чудовищных молний и аннигиляционных струй, с яростью шепча: получай! Получай, гад! На еще, получай!..

Жидкий гелий, способный просачиваться даже в отверстие размером в одну молекулу, покрыл корпуса баллонов и попал внутрь кабины пинасса, но Ратибор, несмотря на угрозу обморожения рук, бросил машину, лишь загнав монстрозавра на ствол орбитального лифта — в ворота метро зверь не полез, — и включил стартовый толкатель. Молодой оператор лифта вовремя сообразил, что надо делать, и успел сообщить наверх, на орбитальный комплекс, какого рода «груз» к ним запущен...

Ратибор очнулся, тронул кнопку витейра — объемного фото на стене, полюбовался изображением Карелии, протягивающей к нему руки, и хмуро бросил в зрачок инка на столе:

— Прошу дать интенсионал по коду «АА» и всю научную информатуру сопровождения.

— Выполняю, — ответил инк вежливо.

ЛЕГЕНДА О ПРОЖОРЛИВОМ МЛАДЕНЦЕ

...И словно в ответ Конструктор вдруг передал в эфир отрывок из песни, одной из тех, что записал для него Грехов. И ушел. И во всем мире остался лишь этот печальный звук — тонкий и нежный, хватающий за душу, замирающий человеческий голос...

Ратибор задумчиво снял эмкан, выключил аппаратуру. Он был потрясен. Конечно, он родился гораздо позже описанных событий, когда сверхоборотень из споры превратился в Прожорливого Младенца и наконец в сверхсущество, прозванное Звездным Конструктором, а затем, поглотив треть массы Марса, покинул Солнечную систему и Галактику вообще. На Марсе Ратибор бывал несколько раз и, конечно же, знал причину его необычного вида, однако не знал *всей* информации, достаточно неординарной, чтобы заработали эмоции и воображение. Да и кого могло оставить равнодушным рождение представителя палеоразума, жившего в эпоху, когда еще не существовало ни звездных скоплений, ни самих звезд?! А еще Ратибор был поражен безрассудной смелостью тех, кто

захватил спору сверхоборотня (километровое «яйцо»!) и перенес ее в Систему, поместив на Марсе (как это они не «додумались» опустить ее на Землю?!). Мужество, отвага и самоотверженность тех, кто пытался установить контакт с родившимся исполином, были уже вынужденными. Правда, Ратибор не хотел осуждать и пограничников, первыми встретивших рой спор Конструкторов в космосе, никто из них не мог предугадать последовавших затем событий.

После ухода Конструктора из Солнечной системы люди не сразу вздохнули спокойно. Многие специалисты-ксенопсихологи сомневались в желании бывшего Прожорливого Младенца покинуть местный уголок пространства, но они, к счастью, оказались неправы.

Ратибор восстановил в памяти основные моменты истории, происшедшей более ста десяти лет назад.

Конструктора, вернее, его спору, прозванную сверхоборотнем, обнаружили сначала на Юлии, второй планете системы гаммы Единорога, потом на планетах альфы и дельты Орфея, а сумели захватить только возле гаммы Суинберна, в трехстах парсеках от места обнаружения, когда спора успела похитить около двух десятков человек, пограничников и первоисследователей. Почти год ее продержали на Марсе, пытаясь понять, что это такое, и вступить с ней в контакт, пока замначальника тогдашнего отдела безопасности, еще не разделенного на два сектора — наземный и космический, Грехов не слетал на Тартар и не упросил серого призрака посмотреть на яйцо оборотня. Серый призрак — представитель разума, на миллион лет обогнавшего человечество, согласился помочь людям и смог разгадать тайну «охотника за интеллектами», но и после того спора оставалась на Марсе еще полгода, пока вдруг не проснулась от спячки и не проросла. И родился Прожорливый Младенец Конструктора, использующий в качестве строительного материала своего тела горные породы Марса.

За три месяца он съел треть планеты, не отвечая на призывы землян и отчаянные их попытки обратить внимание исполина-«младенца» на опасность его аппетита для древней планеты, только что освоенной людьми. И ушел, разворошив человеческий муравейник, далекий от всего, что волновало и тревожило людей.

Крейсеры погранфлота, укомплектованные группами специалистов Института внеземных культур, настигли его уже на границе Галактики, когда он догнал отряд

спор своих собратьев в количестве семи особей — две исчезли бесследно — и пытался оживить их, заставить развиваться. Однако сделать это ему не удалось — то ли не хватало знаний, опыта и навыков «акушера по-конструкторски», то ли споры утратили жизнеспособность: одна из них взрывается, еще три сцепляются друг с другом и превращаются в сверхплотный ком материи, нечто вроде «черной дыры», а оставшиеся просто разваливаются на куски, каменно-металлические обломки. Целый месяц после этого «малыш»-Конструктор мчался рядом с останками неродившихся своих братьев, словно оцепенев от горя и отчаяния, не отвечая на постоянную сигнализацию и призывы землян, потом стал трансформироваться, менять форму, будто примеривал оптимальный вариант для той цели, которую поставил перед собой.

Уходил он из Солнечной системы в форме черно-фиолетового конуса с диаметром основания около трех тысяч километров, на гладком торце которого вырос «кипящий» горный пик высотой в пятьсот километров, а удалившись от Солнца на несколько световых лет, превратился в двойной конус, представляя собой, по сути, необычайной формы планету — и по размерам, и по массе, разве что «планета» эта была разумным существом! Людей масштабы жизненных потенций космоса еще не перестали поражать, несмотря на встречи в Галактике с другими диковинными существами и формами жизни вроде тартарской, орилоухской и чужанской, поэтому исследователи все еще не теряли надежд на контакт с представителем палеоразума, контакт, переоценить пользу от которого было невозможно, однако после неудачной попытки оживления спор Конструктор пресек все поползновения землян сблизиться с ним, передав в эфир короткую — всего в шесть секунд — видеокартину: алмазный грот, два человека в нем (это были, как потом удалось установить, Герман Лабовиц и Эрнест Гиро), один из них (Лабовиц) сказал: «Теперь курс — одиночество», — и все исчезло. А потом Конструктор начал перестраивать тело.

Сначала его двойной конус расщепился на пакет игл, которые образовали фигуру, похожую на ежа или головку одуванчика. Затем «еж» сплющился в блин, иглы превратились в короткие по сравнению с размерами «блина» шипы, и теперь «младенец» напомнил наблюдателям ракетку для настольного тенниса, причем рукоятка у нее

длиной в тысячу километров выросла буквально за пять-шесть секунд, то есть скорость ее роста превысила скорость движения Солнца в пространстве! Волны разноцветного сияния обежали поверхность тела «ракетки», и Конструктор устремился прочь от мертвых спор, от своих несбывшихся надежд, постепенно ускоряя ход. Земные корабли попытались следовать за ним, но вынуждены были остановиться: вакуум в его «кильватерной струне» был так «взбаламучен», что начинали сказываться эффекты квантования пространства на макроуровне: корпуса крейсеров, несмотря на мощную энергетическую защиту, не выдерживали изменений метрики и трескались! На Землю смог вернуться только один корабль из посланных трех, сняв экипажи двух других.

Когда специалисты на крейсерах наконец разобрались в физике явления, Конструктор уже затерялся во мраке межгалактических просторов и догнать его не удалось. Путь его лежал вне всех известных звездных островов, галактик и их скоплений, образующих ячеистую структуру Вселенной, он возвращался точно в том же направлении, откуда появился, надеясь, вероятно, отыскать родину...

Ратибор походил по комнате, отметив, что наступил вечер, вернулся к столу и попросил киб-секретаря отпечатать то место из информпакета, где говорилось об изменении вакуума за кормой Конструктора, когда тот покидал Галактику. Спрятав карточку с текстом в карман, он внимательно оглядел себя, поправил прическу и направился к двери, пробормотав:

— Теперь курс — одиночество...

Железовский ждал его в операционном зале космосектора, напичканном молектроникой, аппаратурой «динго»[1], устройствами индивидуальной связи с компьютерами и пси-терминалом[2]. В этом зале, соединявшем компьютерной связью руководство службы безопасности и погранслужбы, СЭКОНа и комиссии ВКС, дежурили начальники секторов, отделов и их заместители.

Ратибор молча подал комиссару-два белый листок пластпапира. Железовский также молча взял листок, снял

---

[1] «Д и н г о» — объемная видеосвязь на принципах динамического голографического изображения.

[2] Аппаратура мысленного управления.

эмкан персональной консорт-линии[1]. Эмкан съежился в бутон и упрятался в полированную плоскость дежурного стола, на которой иногда проступали какие-то схемы, рисунки, фигуры, быстро бежали строки бланксообщений и вереницы символов и цифр.

— Твое мнение? — пробурчал наконец Железовский, сдерживая в голосе громыхающие ноты.

— Похоже, это он, — сказал Ратибор. — Уж очень необычна физика явлений в обоих случаях, разительно необычна. Правда, еще более необычными мне казались выводы ученых типа: «Звезды — это случайный результат деятельности Конструкторов».

— Это не выводы ученых. — Железовский кивнул одному из пяти дежурных и направился к двери: когда-то Ратибор с удивлением узнал, что «человек-глыба» может ходить как охотник и гимнаст — гибко, легко и раскрепощенно, несмотря на рост, массу и чудовищные мышцы. — Это информация серых призраков. Непроверенная. Неординарная, если говорить честно, потому и пугающая ученую братию.

Они сели в лифт и через две минуты вышли из прозрачной решетчатой кабины у двери в кабинет комиссара-два. Вошли.

— По сообщению серых призраков, — Железовский сел в кресло в «гостевом» углу кабинета, возле мини-бассейна с фонтанчиком, — наша часть Вселенной, так называемый «метагалактический домен», была полигоном для Конструкторов, где они экспериментировали со временем, многомерностью пространства, его геометрией, топологией, энергией... Ты читал что-нибудь по космологии? Тогда должен помнить, что наша Вселенная рождалась двенадцатимерной, а потом восемь измерений почему-то скомпактифицировались, сжались, превратились в одномерные «суперструны». Так вот не «почему-то», а именно потому, что это сделали Конструкторы. Что привело к фазовой перестройке вакуума и, очевидно, к гибели самих Конструкторов. Одному Богу известно, как и где уцелели эти десять спор, из которых лишь одна смогла развиться во взрослую особь.

— Вставь в план работы... — Железовский остановил прозрачный взгляд на губах Ратибора, помолчал, решая что-то про себя. — Вставь в план посещение Марса и

---

[1] Канал связи, позволяющий считывать информацию, не вмешиваясь в управление.

ксенозаповедника «Чернава». — «Человек-глыба» снова помолчал, словно ждал реакции от напрягшегося Берестова. — Я знаю, что там погибла твоя невеста, но побывать тебе в тех местах необходимо. В заповеднике обитает последний из уцелевших «серых людей», последний из чистильщиков, живший когда-то в симбиозе с Конструктором, вернее, с его спорой, со сверхоборотнем.

— Хорошо, — сказал Ратибор почти спокойно.

Железовский отвернулся.

— Я не думаю, что Конструктор — если только это наш повзрослевший «младенец» — вылупится из БВ в скором времени, может быть, он так и не сможет прошибить барьер того запределья, откуда пробивается в наш мир подобным способом, но мы не имеем права недооценить угрозы. Либо со стороны самого БВ — ты уже видел, что может произойти со звездой, — либо от появления разумного сверхсущества, также способного управиться с любой звездой. Вполне вероятен вариант, когда нам придется устанавливать с ним контакты. А ты с этого момента не просто кобра, ты оператор РП[1]. СЭКОН мой запрос по этому поводу подтвердил... хотя у Забавы была другая кандидатура.

— Кто на подстраховке? — спросил Ратибор, чтобы скрыть замешательство; такого оборота событий он не ожидал. Подумалось, кто же этот второй? Мастеров в отделе много, кого же выбрала Забава? И почему? Впрочем, какая разница? Пусть дает этого парня на подстраховку. Берестову, конечно, хотелось, чтобы в паре с ним работал Макграт, комиссар знал об их отношениях, но Ратибор не возражал и против любого другого безопасника, все они проходили тестирование на психологическую совместимость и все были не менее надежны, чем кобра-один Берестов.

— Я на подстраховке, — сказал, как отрезал, комиссар.

Берестов молча поднялся.

— Не возражаешь? — с внезапным интересом спросил комиссар-два.

— Нет. — Ратибор суеверно сплюнул через левое плечо.

Утром он долго решал, не позвонить ли Егору, расспросить о житье-бытье, но желание разобраться с визитом Насти пересилило, и он позвонил Макграту:

---

[1] Оператор режима «полундра», обладающий карт-бланшем особых полномочий.

— Пол, ты давно знаешь Анастасию?

— Какую Анастасию? — сонный Макграт зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони. — Извини, что я в дезабилье...

— Демидову...

— А-а... Настю... давно. А ты разве не был знаком с ней до нашей встречи? Мне показалось...

— Видел мельком. — Ратибор не стал уточнять, где и при каких обстоятельствах он познакомился с Анастасией.

Макграт хмыкнул, взлохматил волосы на лбу.

— И ты из-за этого будишь меня среди ночи?!

— Уже давно утро, седьмой час, пора заряжаться и завтракать.

— Я поздно лег, так что мог бы еще спать и спать, тем более что не дежурю. А хорошая девочка, да, кобра Беретов? Понравилась? — Пол выставил ладонь вперед. — Все, все, не делай зверское лицо, больше не буду. Что тебя интересует конкретно?

— Знаю, что она эфаналитик ИВК, и больше ничего.

— Ее отец, Михаил Демидов, известный экзохимик, доктор наук, погиб несколько лет назад во время какого-то эксперимента. Мать — биолог, работает, по-моему, в ксенопарке «Чернава» в Такла-Макан. Ей двадцать три, не матери, конечно, не замужем, мастер спорта по теннису. Что еще?

— Где живет?

— Ну, брат, этого я тебе не скажу. Неужели задело всерьез? Ой, что-то не верится... — Пол снова выставил ладони вперед, заметив опасный блеск в глазах Ратибора. — Все, все, молчу, а то на нуль помножишь, ты способен. Ее адреса я и в самом деле не знаю, но Умник найдет тебе его в два счета. — Макграт помял лицо, хмыкнул, сказал с сожалением: — Разбудил ты меня окончательно. Я слыщал, ты получил какое-то новое задание от «глыбы»? Не хочешь взять в пару?

— Толку от себя, — буркнул Ратибор. — Зная тебя как облупленного, Аристарх решил подстраховать меня сам. Но дела хватит всем, попомни мое слово.

Макграт прищурился в усмешке, на Ратибора он не обижался никогда.

— Конечно, ты у нас известный ведун, маг и чародей, куда уж нам... Кстати, какое отношение к БВ имеют чужане?

— Никакого. А ты откуда знаешь о чужанах?

— Слухом земля полнится. Или я не кобра отдела безопасности? Ты вообще-то не очень радуйся, работать тебе придется с весьма необычным контингентом: чужане, «серые люди», серые призраки...

Ратибор невольно поднял бровь.

— Ну, у тебя и осведомленность. Прямая связь с бункером? Или, может быть, шеф дал нам одно задание параллельно?

Макграт засмеялся.

— А ты говоришь — никакого толку. Ну, все, побежал в душ, до связи. Вечером можем покидать мяч.

— Если освобожусь.

Виом погас. Ратибор задумчиво прошелся по комнате, поправил в сувенирной нише раковину с Орилоуха, добытую еще отцом во времена открытых орилоухских экспедиций, выпил на кухне любимого клюквенного морса, потом, размышляя о последних словах Пола, позвонил в отдел.

— Умника на линию, — сказал он дежурному.

Изображение в виоме сменилось: теперь вместо рыжеватого молодого человека («динго», конечно, видеофантом дежурного) появился плотный мужчина с лицом борца-профессионала — «динго» Умника, инка отдела, отвечающего за все его информационные и деловые связи.

— Прошу найти адрес Анастасии Демидовой, эфаналитика Института внеземных культур.

Ответ поступил без задержки:

— Новосибирск, северный радиал, Лосиная Магистраль, сто сорок четыре — девяносто два. — Умник знал, кому из сотрудников отдела обязан выдавать информацию в полном объеме, и запросу не удивился.

— Уточните обычный распорядок дня ее работы и дни самостоятельного обучения.

Умник «задумался» на несколько секунд — с виду, конечно, как и «нормальный» собеседник-человек, хотя на самом деле по информсети связывался и беседовал в это время с компьютером ИВК.

— Учебные дни — вторник и четверг, начинает работу обычно с десяти утра и до трех дня по среднесолнечному, но в понедельник иногда выходит вечером. Если задание несложное, выполняет работу дома, по консорт-линии. Расчетный зал три, кабина одиннадцать. Код личного инфора: две тройки сто двадцать шесть — эф две четверки.

— Спасибо, — отпустил Умника Ратибор, посмотрел на браслет: семь без трех минут. Институт внеземных культур располагается в Копенгагене, там еще раннее утро, а Настя живет в Новосибирске, где уже одиннадцать часов, значит, она давно встала.

Он причесал волной падающие на шею волосы, облачился в обычный летний костюм: белые брюки и рубашку с коротким рукавом — все со встроенным кондиционированием, и «свистнул» такси. На путь до Брянского метро и на поиски Лосиной Магистрали в Новосибирске ему понадобилось всего полчаса. Без пятнадцати двенадцать по местному времени (без четверти восемь по среднесолнечному) по указке центрального жилищно-эксплуатационного инка Новосибирска он посадил пинасс на лужайке возле дома, где жили Демидовы.

В эпоху свободной миграции городов архитектурные ансамбли жилых зданий представляли собой непрерывно обновляющиеся, трансформируемые геометрические фигуры, подчиненные основной идее местного архитектора ландшафта. Квартиры-модули таких домов со встроенным инженерно-бытовым обеспечением и генератором формы могли перемещаться и подстыковываться к любому ансамблю, если ее владельцу казалось, что он не нарушает гармонии сложившегося облика дома, если он не возражал против изменения формы квартиры. Со стороны казалось, что ансамбли — живые существа, потому что не было мгновения, чтобы какая-то из квартир не улетала прочь, а ее место тут же не занимала бы другая. Ратибору города всегда напоминали горы живой хрустально-алмазной пены, пузырьки которой лопаются и теснят друг друга. Однако, несмотря на текучесть форм и периодические приливы и отливы урбаноэкологии, древние центры культуры, в том числе и Новосибирск, не потеряли своего значения. Как и сто лет назад, и двести, и пятьсот, коренные жители крупных городов с гордостью именовали себя: «мы, москвичи!», или «мы, киевляне!», или «мы, новосибирцы». А мы брянские, волки дебрянские, сказал про себя Ратибор, вспоминая поговорку деда. Тоже, однако, звучит неплохо.

Дом, в который была вписана квартира Демидовых, напоминал ажурный сросток кораллов с перламутровыми переливами отдельных блоков-«песчинок».

Девяносто второй квартирный модуль, способный к самостоятельному путешествию в любую точку земного шара, имеющий штуцерные устройства для подключения

к любому дому, венчал северную «ветвь» коралла на высоте тридцати метров. Лифт за минуту доставил гостя к стыку трех «кристаллов»-квартир, и Берестов позвонил.

Дверь открылась с мелодичным «входите, пожалуйста».

Из гостиной навстречу Ратибору вышла удивленная Анастасия в легком пушистом халатике с оранжевым эмканом «оракула» — домашнего расчетчика в руке.

— Вы?!

— С большой степенью вероятности, — поклонился Ратибор, принимая официально-вежливое «вы» как линию поведения. — Извините, что без предупреждения.

— Проходите, я сейчас. — Анастасия, смутившись, нырнула в одну из комнат, откуда донесся ее голос. — Завтракать будете?

— А откуда вы знаете, что я еще не завтракал? — Ратибор прошел в просторную гостиную, отметив про себя, что квартира Демидовых похожа на его квартиру как две капли воды. Мебель и пространственное оформление в таких квартирных модулях были конформными, то есть подстраивались под мысли и эмоции хозяев через «домового» — бытового компьютера. Обстановка и убранство комнат квартир Анастасии и Ратибора отличались мало, что говорило о совпадении их вкусов.

Две стены прозрачны, как и часть потолка, возле третьей — стойка «домового», столик со стопками белых, черных и зеленых карточек со стилонабором, с трансформируемым проектором и сувенирным эмканом консорт-линии, два кресла; четвертая стена — по сути фасад кристаллобиблиотеки с нишей телеинформа. На полу — нечто вроде шкуры белого медведя.

Утопая по щиколотку в «шерсти медведя», Ратибор прошел к столику и наклонился над стереофотографией: Анастасия Демидова в невообразимом костюме, держась за руку неулыбчивого молодого человека, парит на фоне лунного пейзажа. Цвет волос у нее на фотографии отличался от настоящего, да и разрез глаз казался иным, но несомненно это была Настя.

— Нравится? — спросила неслышно вошедшая хозяйка. Она уже переоделась в играющее огнями платье (модель «северное сияние»), и смотрела на гостя со смешанным выражением ожидания, любопытства, смущения и вызова.

— Смотря к чему относится ваш вопрос, — ответил Ратибор. — Где это вас фотографировали? Второй селенопарк?

— Не меня. — Анастасия засмеялась, увидев, какое впечатление произвели ее слова на гостя. — Это мои отец и мать. Снимку более четверти века. Честно говоря, я вас ждала, Ратибор. Сама не знаю почему. Сядем?

Они сели в конформные, прилаживающиеся к седоку, кресла. Кухонный киб, приземистый и смешной, похожий на лемура, притащил поднос с кофе и слоеными тостами, прощебетал привычное «приятного аппетита», Анастасия первой взяла чашку.

Посматривая друг на друга, выпили по чашке ароматного кофе по-сибирски: молоко, холодное как лед, — отдельно, сахар в виде прозрачных, лопающихся на языке шариков — тоже отдельно. Пока пили, четырежды срабатывал виом: звонили подруги Анастасии, загорелые до черноты молодые люди, знакомые и приятели по работе. Длилось это до тех пор, пока хозяйка не скомандовала «домовому» отвечать, что ее нет дома. Потом киб уволок пустой поднос обратно на кухню.

— А почему вы меня ждали? — пробормотал Ратибор, почувствовав непривычное расслабляющее действие уюта этой комнаты в сочетании с дразнящей красотой хозяйки. Он не жалел, что направился сюда для выяснения тянувшегося вторую неделю «хвоста загадок», однако начинать с профессиональных вопросов не хотелось.

— Потому что вы не тот человек, который оставляет выяснение чего-то непонятного на потом. — Анастасия улыбнулась. — А вам ведь многое кажется непонятным, правда? Кто такой Габриэль? Почему мы с ним просили вас быть осторожным? Откуда мы знали, что вам придется работать в погранзоне?

— Пожалуй. — Ратибор вытянул ноги, и кресло услужливо подставило под его руки подлокотники. — Откровенно говоря, вы меня озадачили, а я не люблю недомолвок. Мне почему-то кажется, что я знаю вас давно, во всяком случае встречал вас задолго до того, как Гордей Вакула представил мне вас.

— О, да. — Глаза девушки потемнели, лицо стало серьезным. — Вы правы, гораздо раньше. Пять лет назад. Моя мать работала в то время в ксенопарке «Чернава» в Такла-Макан, а я прилетела к ней на открытие парка. А потом взбунтовались монстрозавры...

Видимо, Ратибор не смог сохранить хладнокровие, потому что Анастасия запнулась. Пауза затянулась.

— И вы там оказались в тот самый момент? — пробормотал он наконец, овладев собой.

Анастасия кивнула.

— Если бы не ваше появление — вряд ли мы сегодня разговаривали бы с вами. Мне было девятнадцать, а в юности первое впечатление всегда основано на эмоциях. Не влюбиться в вас было невозможно. — Она снова улыбнулась: лукавство, смущение, задор и предостережение странно смешались в этой улыбке, придающей лицу девушки с бровями-крыльями неповторимый колорит свежести, нежности и чистоты.

— Не знаю, какое впечатление произведут на вас мои слова, но вы тогда действительно стали моим кумиром. — Признание почему-то прозвучало как перед расставанием: с затаенной грустью и сожалением, будто Анастасия знала, что будущего у них нет. Может быть, она знала и о Карелии? Наверное, знала...

— А теперь? — спросил Ратибор, выплывая из легкого нокдауна, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Теперь? — Анастасия засмеялась, однако в ее смехе почудилась Ратибору нотка растерянности, вдруг заставившая его поверить в то, что это не розыгрыш и не кокетство красивой женщины.

— С тех пор прошло много лет, а вы почти не изменились, мастер. Такие вот дела. Есть еще вопросы не по существу?

«Это ситуация!» — подумал Ратибор, пытаясь сохранить достойный положению вид. Он был ошеломлен и, несмотря на весь свой опыт и богатый пси-тренинг, далеко не сразу смог преодолеть замешательство от внезапного признания Анастасии.

— Вопросы есть. — Ратибор откашлялся. — Хотя в ответ могу признаться, что таких разговоров не планировал и не ждал. У меня предложение: не хотите сопроводить меня в ксенопарк? Нужно повидаться с... одним серым приятелем.

Анастасия не удивилась, словно знала, о чем идет речь.

— Хочу. Только мне надо переодеться, ваше желание предугадать сразу я не смогла. — Она выпорхнула из кресла так, что вихрем взметнулась юбка, открыв сильные стройные ноги, и умчалась в спальню. И в это время в прихожей звякнул входной сигнал. Ратибор приготовился к шутливой фразе: «Вы ошиблись квартирой, сударь», — и проглотил язык. В гостиную вошел тот самый таинственный «вещун», который сопровождал Анастасию во время визита к Берестову.

— Весьма кстати, — сказал Ратибор, почти не кривя душой, встал навстречу. — Вы Габриэль... э-э... простите? Грехов?

— Завидная память, — буркнул визитер, по-видимому, ирония в его речь была заложена изначально. — Рад, что вы живы. — Он повернулся и прошел к двери в спальню, позвал: — Стася.

— Она переодевается, — вежливо пояснил Ратибор.

Габриэль собрался войти, поднял руку, но что-то в словах Берестова заставило его оглянуться. Некоторое время они смотрели друг на друга, словно оценивая соперника.

Теперь Ратибор мог разглядеть Грехова детальней: рост сто семьдесят пять, то есть на полторы головы ниже, и развит обыкновенно, но в каждом движении — скрытая сила; лицо смуглое, тонкое, нервное и в то же время неподвижное, лишь глаза — черные, глубоко посаженные — вспыхивают изредка мрачным огнем или усмешкой и оживляют «каменный ландшафт» лица. Серьезный парень и сильный, несмотря на видимую хрупкость. Судя по росту и сложению, весить он должен никак не больше семидесяти, почему же шаг его в таком случае намного тяжелее?

В душе на мгновение шевельнулось сосущее холодное чувство: не страх, нет, — ощущение дискомфорта, порожденное загадочной неординарностью незнакомца.

Распахнувшаяся дверь спальни освободила Ратибора от роли ведущего. Вбежала Анастасия, одетая в белые шорты, блузон и сандалии с ремешком, обвивающим ногу до колена.

— Ри? Вот совпадение! Мы говорили о тебе. Ратибор хочет...

— Я знаю, — перебил девушку Габриэль. — Ты мне нужна.

— Сейчас? Я обещала...

Габриэль мельком взглянул на Ратибора.

— Это надолго?

— Ну... не знаю. — Анастасия тоже взглянула на Берестова. — Час, полтора... Что-то случилось?

— Это терпит. Через полтора часа встречаемся в институте, возьми у своего Сахангирея время, кое-что надо посчитать.

Габриэль не оглядываясь вышел. Наступила пауза: хозяйка и гость смотрели на закрывающуюся дверь, потом обменялись взглядами.

— Он всегда такой... воспитанный? — спросил Ратибор.

— Не надо, — тихо проговорила Анастасия. — Не надо о нем... так. Ты же не знаешь ничего.

— Кто-то обещал мне рассказать о нем все. Он твой муж?

На «ты» они перешли незаметно друг для друга.

Анастасия закусила губу, нахмурилась.

— Какое значение это имеет? Идем. Я почему-то начинаю волноваться... обычно Ри... — не договорив, она крикнула «домовому»: — Мы ушли, — и первой шагнула за порог.

Ксенопарк в Такла-Макан, занимавший к настоящему моменту площадь в четыреста квадратных километров, жил своей жизнью, регулируя хорошо организованные потоки посетителей, и на первый взгляд ничего в нем не изменилось с тех времен, когда Ратибор имел счастье прогуливаться здесь с Карелией. Новые зоны обитания инопланетных животных хотя и появились, но вписались в ландшафт парка незаметно, да и разглядеть их особенности можно было только вблизи. А еще на территории заповедника иных форм жизни отсутствовал «вольер» монстрозавра. На его месте Ратибор обнаружил на металлической граненой колонне десятиметровую глыбу диабаза, срезанную и отполированную с одной стороны, — памятник погибшим здесь работникам парка. Анастасия ничего не сказала своему спутнику, когда он в числе других посетителей простоял в молчании возле колонны несколько минут, только вздохнула, искоса посмотрев на него. Но как бы ни был Ратибор занят своими мыслями, все же успел заметить, что в отличие от него печаль Анастасии имеет другую причину.

В центр обслуживания заходить не стали. Ратибор решил воспользоваться услугами инфора, полосатые столбики которого попадались изредка на перекрестках аллей. Но Анастасия, поняв намерения безопасника, потянула его за рукав.

— Я знаю, где содержится ваш серый приятель, это в минутах девяти на моноре.

Берестов остановился.

— Знаете, ваша осведомленность перестает быть забавной. В мистику я не верю, значит, остается прямая информация. Откуда вы, сотрудник вычислительного центра

Института внеземных культур, и ваш друг или муж Габриэль знаете о том, чем занимается в данный момент погранслужба и отдел безопасности?

— Я знаю об этом постольку, поскольку знает Габриэль, а он... Догадываетесь, кто он?

— Какое это имеет значение? Кем бы он ни был, он не сотрудник отдела и не должен иметь прямого доступа к интроинформации.

— Он проконсул синклита старейшин ВКС и знает все. — В голосе Анастасии было столько убежденности, что Ратибор возражать не решился. — А знаете, сколько ему лет?

— Лет пятьдесят, — прикинул Ратибор. — Может быть, пятьдесят пять. Ну и что?

— Ему сто пятьдесят два года. Неужели вы не изучили материала по Конструктору? Ведь Габриэль Грехов один из тех, кто участвовал в поиске, захвате и исследовании сверхоборотня — споры Конструктора.

— А о моем задании вам тоже сообщил Грехов? — саркастически осведомился Ратибор.

— Он знал об этом задолго до того, как заварилась вся эта каша с БВ. Не знаю как, но он способен предвидеть будущее и еще ни разу не ошибся. Вам еще придется консультироваться с ним... если он захочет, конечно. Однако более ценного источника информации по Конструктору не существует.

— Посмотрим. — Скепсис Ратибора не уменьшился, но спорить ему не хотелось. — Я считал, что свидетелей тех событий уже давно нет, шутка ли — прошло более века! Но если это правда...

— Розыгрыш! — рассердилась девушка. — Мы идем наконец смотреть «серого» или нет? В нашем распоряжении остался только час.

Ратибор поцеловал пальцы Анастасии и усадил ее в кабинку монора. Вскоре они вышли перед аркой с видимыми издалека мигающими зелеными шарами, под которыми при приближении к ним появлялось струящееся туманное полотно с текстом характеристики живущих здесь обитателей.

«Псевдосапиенс, «серый человек», последний из представителей реликтовой формы жизни, — прочитал Ратибор. — Место обитания неизвестно. Обнаружен вместе со спорой реликтового разума сто двенадцать лет назад. Возраст — около трех тысяч лет. Фитофаг. Энергетически независим. Метаболизм отсутствует. Эмоциональные прояв-

ления слабые, парадоксальные. Может быть опасен независимо от обстоятельств. Контакт запрещен».

— Не понял, — произнес Ратибор, недоуменно перечитывая табличку. — То есть как это отсутствует метаболизм? Каким образом у живого существа может отсутствовать обмен веществ? Он что же, не питается совсем? А если питается, то куда девает отходы?

— «Серые люди» способны питаться чем угодно, от металлов до электромагнитного излучения, и отходов у них не бывает. Вообще-то здесь написано не совсем точно, — покачала головой Анастасия. — У них практически отсутствует лишь катаболизм[1], анаболизм же хотя и в малых масштабах, но есть. Их биология основана на металлоорганике и холодном ядерном катализе.

— Откуда вы это знаете? Вы же не биолог.

Анастасия пожала плечами.

— Разве все решает образование?

Ратибор хмыкнул, с растущим интересом осмотрелся.

В этом уголке парка посетителей почти не было, лишь изредка проносились стайки детей в сопровождении воспитателей, да и то лишь для того, чтобы прочитать описание здешнего обитателя да напиться соку в автомате. Ратибор, взволновавшийся по неизвестной причине, взглядом испросил у спутницы разрешения и шагнул под арку.

Обиталище «серого человека» ничем не напоминало внеземные пейзажи, присущие другим зонам парка: зеленая лужайка с ручьем, буковая рощица, шпалеры кустарника выше головы человека, отграничивающие квадрат территории, посреди лужайки — небольшой куб строения с пирамидальной крышей, без окон, с одной дверью. «Серого человека» нигде видно не было.

— Бедновато, — пробормотал Ратибор, останавливаясь и пробуя рукой возникшее упругое препятствие между двумя стенами кустов; высота силового заграждения входа доходила до плеч.

— «Серым людям» не нужен специальный бокс, они приспосабливаются к любым условиям.

Берестов покосился на Анастасию, выглядывающую из-за его спины, снова хотел спросить: «Вы-то откуда все это знаете?» — но передумал.

---

[1] Катаболизм — совокупность реакций обмена веществ в организме, заключающаяся в распаде сложных органических веществ; анаболизм — совокупность реакций на образование органических веществ.

Они прошлись вдоль невидимой ограды, выискивая единственного хозяина здешней райской кущи, однако все их усилия были тщетны, «серый человек» не появлялся. Разочарованные, они остановились.

— Что будем делать? — спросила девушка, поглядывая на браслет видео — индивидуального инфора, соединяющего в себе все виды обрабатывающей, выдающей информацию (компьютер, банк индивидуальных записей, часы, медицинский советчик) и коммуникационной (видеорация, приемники теле- и радионовостей) микротехники.

— А он здесь? — хмыкнул Ратибор. — Может, уже в медбоксе, на профилактическом осмотре.

— Должен быть дома, информатор сообщил бы, что его нет. А зачем он тебе нужен?

— Это военная тайна, — пробормотал Ратибор, не зная, что сказать; совет Железовского «пообщаться» с «серым человеком» пока не давал пищи уму. — Ну, если гора не идет к Магомету... — Он вдруг подпрыгнул, уперся ладонями в невидимое упруго-неподатливое нечто и перемахнул на ту сторону силового барьера. Тотчас же один из информаторов под аркой сменил зеленый цвет на алый и включил сирену.

— Что вы делаете?! — испуганно ахнула Анастасия, но Ратибор, не обращая внимания на поднятую автоматом тревогу, уже шел к жилищу «серого человека».

«Серый» вышел из своей непритязательной избушки, когда безопаснику осталось пройти шагов двадцать, — вышел и остановился, длиннорукий, весь обросший гладкой серой шерстью, с квадратно-конической головой, копирующей форму домика, в котором жил. Лицо — словно циферблат старинного прибора, безносое, со щелью рта и квадратными глазами без единого проблеска мысли. Ратибор замедлил шаг, потом остановился тоже. Автомат в это время выключил зудящую сирену, и наступила пугливая, вздрагивающая тишина.

Долго, около минуты, они смотрели друг на друга — землянин и «серый человек», чем-то похожий на йети — снежного человека, каким его изображали в старину. Ничего нельзя было прочесть на лице этого существа, некогда жившего в симбиозе с Конструктором, оно было не то чтобы равнодушным, а вообще безжизненным, не имело выражения, как гладкая деревянная доска. И все же Ратибору показалось, будто в глазах «серого» мелькнул интерес. На ум пришло сравнение: в наглухо заколоченном

пустом старом доме сквозь щель в ставне вдруг мелькнула сдвинутая занавеска и выглянул из окна кто-то притаившийся, настороженный и опасный.

— Осторожнее, он просыпается! — вырвалось у Анастасии.

В следующее мгновение «серый человек» в прыжке преодолел разделявшее его и Ратибора расстояние (метров десять!) и с ходу нанес удар несоразмерно длинной рукой, неестественно вывернув локтевой сустав. Уже метнувшись в сторону, Берестов вспомнил материалы вековой давности, которые успел прочитать: первая встреча людей с «серым человеком» началась точно так же — с драки! И точно так же — без всяких видимых причин.

Анастасия снова вскрикнула.

«Серый человек» развернулся всем корпусом и снова ударил — словно выстрелил, сначала одной, потом другой рукой. Второй удар едва не достиг цели, и по волне ветра у лица Ратибор почувствовал всю мощь этого массивного и одновременно исключительно ловкого и быстрого, не по-земному гибкого и резкого существа. Он увернулся и от третьего удара и от четвертого, все еще не пуская в ход свое знание приемов рукопашного боя, но так долго продолжаться не могло, «серый», как машина, продолжал наращивать темп и силу ударов, оставаясь с виду бессмысленно равнодушным, идиотски неуклюжим увальнем.

— Назад, за барьер! — раздался вдруг сзади чей-то голос.

От неожиданности Ратибор чуть замешкался и получил оглушающе звонкую затрещину — кулак «серого» задел висок. И все же сказался каждодневный тренинг: безопасник сделал сальто назад, приняв еще один удар по ногам, упал, перекатился, вскочил на ноги и попытался заблокировать сыпавшиеся на него удары и едва не закричал от боли — показалось, что «серый» сломал руку.

И вдруг ураган ударов стих. «Серый человек» остановился, словно его выключили, и посмотрел за спину Берестова. Тот попятился, не выходя из стойки, потом оглянулся. Сзади подходил Габриэль Грехов, пристально глядевший на «серого человека».

— За барьер, — глухо сказал он, не взглянув на безопасника.

Ратибор неохотно повиновался. За прозрачной стеной силового ограждения к нему подбежала Анастасия, в глазах которой тревога боролась с гневом и презрением.

— Зачем вы это сделали?!

— Не знаю, — помедлив, ответил Ратибор, поглаживая плечо и локоть. Боль уходила толчками, повинуясь привычным командам аутотренинга, но на душе было скверно.

— Не думала, что вы так... безрассудны. Он же мог вас убить! Знаете, сколько он весит? Более двухсот килограммов!

— И все же интересно, откуда вы знаете такие подробности? — хмуро поинтересовался Ратибор, глядя, как Грехов ведет к дому ставшего послушным «серого человека».

— Это неинтересно. Мой отец работал с «серым» около пяти лет, изучая его кожу. Он хотел, чтобы и у человека была такая же.

У Ратибора что-то словно щелкнуло в мозгу. Он знал, что Андрей Демидов, отец Анастасии, занимался проблемой упрочнения человеческой кожи, но не знал, что ученый при этом пользовался материалами обследования «серых людей».

— Вы хотите сказать, что этот серый урод... непробиваем?

Анастасия отвернулась, не ответив.

Ратибор потерял интерес к происходящему, подумал вяло: как Габриэль узнал, что мы направляемся сюда? И каким образом он усмирил «серого»? У него что, гипнотизатор в кармане?..

Над лесом просвистел пинасс, на бреющем сделал круг над местом действия и сел возле застывших людей. Двое молодых людей в оранжево-черных комби работников ксенопарка выскочили из кабины.

— Что здесь происходит? — спросил один из них, на ходу вытаскивая из пуговки на плече усик антенны, а из кармана на предплечье плоский микрофон. Второй уже успел выключить поле ограждения и вошел в загон, приговаривая:

— А вот этого делать не стоит, написано же: посторонним вход воспрещен. Читать не умеете? Или захотелось... — Он не договорил, останавливаясь. — Черт возьми, это вы, учитель?

— Я, — обернулся Грехов. — Все нормально, Эдуард, можете возвращаться, ложная тревога. — Он сошел с лужайки на дорожку, миновал кустарник, пожал руки парням и бросил:

— Пойдем, Настя.

Анастасия посмотрел на Ратибора и, ни слова не говоря, догнала Грехова. Двое работников парка молча смотрели, как они удаляются и садятся в монор. Ратибор спохватился, сказал: «Извините», — и направился следом.

Грехов вдруг остановился, поджидая его, глянул исподлобья:

— В советах вы не нуждаетесь, насколько я вижу, но тем не менее рискну дать совет: рискуя собой, не рискуйте делом. Пояснить?

— Боже сохрани! — пробормотал Ратибор. — Вы так добры...

— Опоек[1], — с неожиданной добродушной грустью сказал Грехов, обращаясь к Анастасии. — Он еще не научился отделять зерен от плевел. Может быть, ты поможешь?

Ратибор нахмурился, задетый за живое.

— Я неплохой ученик, если мне растолковать все с самого начала, а не объяснять икс через игрек.

— Что ж, прекрасно. — В голосе Грехова прозвучала ирония. — Тогда еще не все потеряно, опер. Попробуй воспользоваться еще одним советом наподобие тех, что давал комиссар Железовский: слетай-ка ты на омегу Гиппарха, ту самую, по которой прошелся канал БВ, и посмотри, что осталось от звезды. Это будет для тебя по-настоящему полезная и поучительная вылазка. Только учти, времени у тебя... да и у всех нас мало. Очень.

— Почему? — угрюмо удивился Ратибор. — До встречи БВ с Солнцем еще целый год.

— Целый, — усмехнулся Грехов. — Оперу «полундры» не пристало мыслить категориями стажера. Год — не сто лет, к тому же этот срок подсчитан неверно. Вероятнее всего, скорость БВ в близком будущем резко возрастет. До связи, мастер.

Проконсул нырнул в кабину монора. Анастасия еще несколько мгновений смотрела на Ратибора с какой-то непонятной тоскливой мольбой и села рядом с Греховым.

— До связи, — пробормотал Ратибор, провожая глазами кабину монора, потом задрал рукав рубашки: предплечье полиловело, длинная царапина простиралась через все плечо. Хорош «поцелуй», усмехнулся Ратибор. Ну и силища у этого серого монстра! Зацепил бы — и пой «воззвах»[2].

---

[1] **О п о е к** — молочный теленок (*древнерус.*).
[2] **«В о з з в а х»** — церковный гимн.

Он внезапно успокоился и даже почувствовал к Грехову уважение. В этом человеке, которому исполнилось сто пятьдесят лет и который выглядел на сорок, ощущалась загадочная таинственная сила и уверенность, граничащая с жестокостью. Не потому ли он так легко справился с «серым человеком», что оба они — единственные оставшиеся в живых свидетели появления Конструктора? И нет ли между ними какой-либо иной связи?..

Ратибор столкнулся с кем-то из группы шедших навстречу экскурсантов, машинально извинился.

Почему бы Грехову действительно не обладать способностью к прямой пси-связи? Ведь обладает же он способностью предсказывать будущее... А если он окажется прав и на этот раз?..

Ратибор ускорил шаг, потом побежал.

«Господи, а если он прав?! Сколько у нас осталось времени, чтобы успеть выяснить — Конструктор это «роет вакуум» или нет? Прежний Прожорливый Младенец или повзрослевший сверх-Гаргантюа, способный созидать и уничтожать звезды? Как его остановить? Или хотя бы предупредить? Как?!»

ДЕСАНТ НА БЫВШУЮ ЗВЕЗДУ

Лицо Железовского мерцало неживым голубым светом, и от этого казалось, что его мучает зубная боль. Находился комиссар-два сейчас за сотни миллионов километров от Земли — на Тритоне, спутнике Нептуна, и повинна в его неестественном подергивании была плохо работающая связь.

— В предсказания индивидуалов я верю мало, — пробасил он, — хотя Грехов безусловно неординарная личность. Поработай с ним. Он многое знает о повадках и поведении Конструктора, да и сам интересен как экзосенс. Слышал о таких?

Ратибор слышал. Экзосенсами называли людей, в основном космонавтов, приобретших в результате каких-то воздействий пространств парачувствительные и иные способности. С теми, кто давал согласие на исследования, работали специалисты-хомологи, психологи и медики, но такие случаи были редки, а остальные жили по своим законам, не в ущерб, конечно, законам общечеловеческой этики и морали, и почти никто и никогда не догадывал-

ся об экзотических способностях этих людей, если они по каким-то причинам решили их скрыть.

— Ведь его предсказание не сбылось? — продолжал Железовский скептически, то голубея, то зеленея. — БВ мчится с прежней скоростью?

Ратибор кивнул.

— Ну и не паникуй. Свяжись с Вакулой, он теперь научник твоей обоймы, дай ему материалы по физике Конструктора. Ты можешь не увидеть того, что увидит он. Полет к омеге Гиппарха не одобряю, но в своих действиях ты свободен. Считаешь нужным — лети. В ксенопарке был? Видел «серого»? Ну и как?

— Анализирую. — Ратибор не стал делиться впечатлениями своего «контакта» с «серым человеком», надеясь, что свидетели сами к Железовскому не пойдут. — В отчетах говорится, что «серые люди» выполняли миссию чистильщиков для конструктора, то есть делали какую-то осмысленную работу, а этот... похож на старинного робота со стертой программой.

— Весьма образно, — шевельнул губами Железовский, уходя в ультрафиолет, — и близко к истине. Конструктор, вернее, сверхоборотень включил их в своеобразную компьютерную сеть с простейшими «физиологическими» реакциями. Сначала ученые считали, что «серые люди» выращены Конструктором специально, однако доказано, что эти существа имеют планетарную прописку. Каждый из них когда-то представлял нечто вроде ходячей «ячейки» коллективного интеллекта, наподобие муравьиного, который начинает работать только при наличии определенного количества «ячеек», примерно около пятисот.

— Но ведь они все умерли? — спросил Ратибор, помолчав; у него вертелся на языке еще один вопрос: «Что вы делаете на Тритоне?» — но задавать такие вопросы считалось дурным тоном.

— Мог бы раскопать данные сам, — буркнул Железовский неодобрительно. — Жизнедеятельность каждого в данный момент на нуле, однако назвать их мертвыми нельзя. Все сто с лишним «серых» находятся сейчас в спецкамере ИВК, где могут находиться в таком состоянии неограниченно долгое время. Есть еще вопросы?

Ратибор покачал головой, и Железовский угас на зеленой полосе спектра. Виом выключился автоматически, втянув световую нить развертки в глазок видео на столе. Однако тут же вспыхнул снова. На Берестова, улыбаясь

с несвойственными ему замешательством и робостью, смотрел Пол Макграт.

— Привет, опер. Говорят, ты имел поединок чести с «серым недочеловеком» где-то в Такла-Макан. Это соответствует истине?

Ратибор невольно покрутил головой.

— Еще один экзосенс... ты-то откуда знаешь такие подробности? Свидетелей же не было.

Макграт заулыбался шире.

— Мои свидетели — ветер и птицы. Так ты не разговаривал с «роденовским мыслителем» насчет моей кандидатуры? Я пока не у дел, а скучать не люблю.

— Кто тебя заставляет скучать? Бери свою девушку, а то и двух, и путешествуй по Системе, благо, открыты все заповедники. — Берестов поморщился. — И не дави на психику, не заставляй выкручиваться — говорил, не говорил. Ты же знаешь Аристарха: все равно он сделает так, как считает нужным.

Улыбка на губах Пола погасла, он виноватым жестом потрогал верхнюю губу.

— Да я, в общем, понимаю... извини... Ей-богу, хоть в пень головой — не люблю сидеть без дела, тем более когда есть интересная работа. Но ты имей меня в виду, если понадобится помощь.

— Обещаю.

Макграт, смущенный, исчез.

Ратибор посидел несколько минут, размышляя, откуда Пол знает подробности его инцидента с «серым человеком», потом надел эмкан связи с Умником. План, составленный им еще глубокой ночью, состоял всего из двух пунктов: первый — совместно с учеными проанализировать информацию о Конструкторе, сопоставив ее с данными о Большом Выстреле; второй — найти способ связи с Конструктором, если это его след, или способ остановки «пули» БВ. Оба пункта полностью укладывались в формулу работы безопасника: «найти и обезвредить». И еще предстояло выяснить два важных обстоятельства: каким образом чужане догадались о сущности БВ, связав явление с «пресапиенсом»-Конструктором, и почему они ни с того ни с сего решили сообщить о своих выводах людям, ни разу до этого не удостоив их вниманием.

В течение двух часов Ратибор прокачивал через мозг уйму дополнительной информации научного характера, с помощью Умника отсеяв нужные сведения из общих дан-

ных, выведенных на компьютер отдела из крупнейших проблемно-ориентированных комплексов Земли. Устав от обилия терминов и головоломного физико-математического аппарата теории «эволюции реликтовых форм разума», Ратибор выключил связь с машиной и некоторое время отдыхал, сопротивляясь утихавшим в мозгу вспышкам фантазии и постижения смысла разделов теории, пока перед глазами не прекратили мелькать призрачные цепи формул и геометрических фигур, затем дал задание Умнику записать основные выводы, к каким он пришел, и ввел наконец свой личный код в бланк-сообщение по треку: отныне все службы управления должны были выполнять его распоряжения вне всякой очереди, без вызова докладывать обо всех происшествиях, так или иначе связанных с БВ, а также сообщать о научных открытиях, идеях и гипотезах, укладывающихся в рамки задания.

Первым откликнулся Вакула, оказавшийся в данный момент не только на Земле, но и в своем секторе управления. Главный научник не удивился тому, что оператором РП выбран Ратибор, давно привыкнув к стремительной «смене власти» в отделе безопасности, — в зависимости от ситуации силы отдела могли концентрироваться для решения одной, наиболее важной на данный момент задачи, — поэтому риторических вопросов задавать не стал. Он жил, как всегда, внутри созданного им самим кокона бытия, почти ничего не замечая в бытовом плане — что делается вокруг него, во что он одет и чем питается, и наблюдать за ним со стороны было забавно. Перекатив глаза-сливы со лба Ратибора на его уши, Вакула сказал, причмокнув:

— Ну и задачку нам задал стрелок, сделав Большой Выстрел, а, кобра Берестов? Что тебя интересует в первую очередь?

Главный научник никогда не здоровался и не прощался, считая, видимо, это элементами этикета, не заслуживающими внимания. Как и остальные элементы, впрочем.

— Есть подозрение, что БВ каким-то образом связан с возвращением Конструктора, сто с лишним лет назад съевшего треть Марса и удравшего из Галактики.

— Слово «подозрение» не входит в лексикон ученого. — Вакула шибко потер лысину мясистой дланью, пригладил длинные висячие усы, заулыбался. — Да, Прожорливый Младенец когда-то наделал шуму, жаль, что я не родился

в то время. Загадки этого «черного суперъящика», по-моему, до сих пор не разгаданы. Кстати, каким образом чужане проведали о пресапиенсе?

— Не знаю.

— М-да. Мне почему-то всегда казалось, что подобные вопросы находятся в юрисдикции вашего отдела. Впрочем, к делу. Чем могу помочь? Требуется доказать связь БВ с Конструктором? Или наоборот? Нет ничего проще, дай только интенсионал по Конструктору, остальное у меня есть.

Ратибор невольно улыбнулся.

— Если бы так просто решались все возникающие перед человечеством задачи, наш отдел не понадобился бы, как и СЭКОН.

— Не усложняй, — махнул рукой Вакула. — Все социально-философские проблемы, стоявшие когда-либо перед человечеством, уже давно разрешены классиками, просто люди всегда все усложняют, а особенно вы, безопасники и пограничники. — Главный научник утробно хрюкнул — так он смеялся. — Ладно, не падай в обморок от моих концепций, я недаром слыву оригиналом, хотя мне на это наплевать. Что касается БВ, то нового я ничего не сообщу. Обычно в низкоэнергетическом пределе четырехмерное пространство-время остается эффективным, но в канале БВ, который постепенно сужается, оно двенадцатимерное!

Вакула не обратил на реплику внимания.

— К тому же в канале активно нарушается пуанкаре-инвариантность[1] вакуума. Это порождает такие эффекты, что наших парней за уши не оттащишь от БВ. Образно говоря, пространство в кильватере «пули» БВ «завязывается в узел».

— Конструктор тоже демонстрировал подобные эффекты, — сказал Ратибор. — С тех пор существует термин: «К-физика». Ваша задача — уяснить, не живет ли и Большой Выстрел по законам К-физики.

Вакула крякнул, с неопределенным интересом оглядел Берестова, буркнул: «Аппетиты у вас... хорошо, попробую», — и связь прекратилась. Ратибор улыбнулся в душе, представляя, как главный научник будет объяснять задания своим экспертам, и дал отбой инку кабинета. Пере-

---

[1] В отсутствие внешних воздействий все свойства вакуума совершенно одинаковы по отношению к любой инерциальной системе отсчета.

оделся в личный кокос, снабженный пси-рацией и персональным компьютером по имени Кузя, сел в лифт и спустя несколько минут вышел на метро Нью-Ареса на Марсе.

Конечно, до этого он не однажды посещал «обкусанную планету», как стали называть Марс после катаклизма, вызванного рождением Конструктора, но на этот раз Ратибор выходил из-под купола города с иным ощущением, вдруг осознав, что Конструктору подвластны воистину космические преобразования, если он еще в младенчестве едва не уничтожил планету!

После ухода Конструктора из Солнечной системы Марс, похудевший на треть, удалился от Солнца еще на сто миллионов километров и приблизился к знаменитому кольцу астероидов, поставщику метеоритных потоков и пылевых глобул. По форме он напоминал теперь грубый сосуд из плохо обработанного камня с рисунком трещин на внешних боках и гладкой конусообразной выемкой диаметром в четыре тысячи километров и глубиной в шестьсот. Говорили, что глубина воронки, точно повторяющей форму тела Конструктора, достигала когда-то тысячи километров, но потом она оплыла и заполнилась магмой, выделенной раскаленным гидратным ядром планеты.

Человек, вернувшийся на Марс после катастрофы, за сто лет успел снова восстановить его атмосферу и посадить леса, и все же из космоса он все еще выглядел угрюмой буро-коричневой глыбой с желто-оранжевыми пятнами искусственных водохранилищ и сине-фиолетовыми — лесов, а гигантская воронка продолжала оставаться черной и гладкой, высшие растения внутри нее не росли, а трава завоевывала мрачные пространства неохотно.

На рейсовом грузо-пассажирском нефе местных аэролиний, везущем группу молодых планетологов из Нью-Ареса куда-то на север, Ратибор добрался до горной цепи, представлявшей собой вздыбленный край «конструкторского» кратера и называвшейся Границей Насыщения, и попросил водителя высадить его в начале спуска в Великую Марсианскую Котловину. Водитель, смуглолицый индиец, засомневался было в полном психическом здравии пассажира, пришлось показать ему свой сертификат кобры УАСС, после чего Берестов был высажен на вершине лаково-черного купола с напутствием «не забывать о кислородном голодании»; хотя атмосфера Марса и при-

ближалась по плотности к земной благодаря постоянной работе озоновых преобразователей, все же парциальное давление кислорода с высотой падало здесь быстрее, чем на Земле.

Ратибор проводил взглядом ртутно-блестящую сигару нефа, падающую в черную пропасть котловины, поежился, включая обогрев: температура на Марсе, как и в прежние времена, до катаклизма, не поднималась выше минус тридцати пяти градусов по Цельсию даже на экваторе. Топнул ногой по монолиту, цветом похожему на диабаз: здесь был Конструктор и не заметил, что изменил состояние материи в масштабе целой планеты. Все, чего он успел коснуться, переродилось, изменилось, трансформировалось. Что же это за сила такая, способная ломать ядерные основы вещества? И не потому ли Забава Боянова, в прошлом физико-химик, сравнив воздействие на природу Конструктора и БВ, сделала вывод об их родстве?

Почувствовав, что дышать становится труднее, Ратибор надвинул маску, нашел глазами более высокую горку и поднялся на округлую вершину. Великая Марсианская Котловина легла под ним колоссальным провалом, уходящим за горизонт. Конечно, весь четырехтысячекилометровый провал охватить взглядом было невозможно, точно так же, как нельзя было определить форму провала — конусообразной воронки, сказывалась кривизна поверхности планеты плюс рефракция света в атмосфере, поэтому казалось, что стоишь на гребне гигантского уступа, образованного с одной стороны горбом «основного» тела планеты, а с другой — фиолетово-черной равниной с едва заметно поднимающимися вверх справа и слева краями, размытыми у горизонта до зыбкой серой стены. А там, где впереди равнина обрывалась, из-за «обрыва» поднималась еще одна серо-сизая стена — противоположный край воронки.

Ратибор не заметил, как прошло полчаса, лишь напоминание Кузи заставило его оторваться от созерцания ландшафта, созданного величайшим из живых, и не только живых, но и разумных существ, обитавших когда-либо во Вселенной.

Над ухом тикнуло, и перед глазами вспыхнула и погасла рубиновая цифра «100»: радиоактивный фон здешних мест равнялся ста миллирентгенам в час. Ратибор огляделся, собираясь спуститься на «равнину», уходящую вниз под углом двадцать градусов к горизонтали, и вдруг слева

от себя, километрах в четырех заметил какой-то геометрически правильный предмет. Ничем иным, кроме как строением, быть этот предмет не мог, но любопытство оказалось сильнее намеченного плана — пройтись до ближайшего транслятора и вызвать патруль, — и Ратибор повернул на запад.

Строение оказалось башенкой старинного погранпоста, по мысли строителей защищенного от всех видов излучений и злых сил природы, но Берестов понял, что пост уцелел только потому, что Прожорливый Младенец просто до него не добрался: еще километра три — и никакая защита, наверное, не спасла бы башню, способную в обычных условиях выдержать ядерный взрыв.

Ратибор усмехнулся собственному определению («в обычных условиях») и медленно обошел тридцатиметровую пирамиду, блистающую голубым «льдом» — слоем кристаллически твердого водорода, сквозь который проступал сложный узор силовых антенн, преобразователей энергии, датчиков и видеокамер. И вдруг что-то заставило его насторожиться. Тень давней тревоги. И мысли: странно, что пост не демонтировали — оставили как памятник? Вполне работоспособную на вид станцию? Впрочем, логика предков могла иметь иную материальную или нравственную базу. И все же в чем дело? Почему появилось ощущение *чужого*? И вместе с тем *волнующе* знакомого, виденного не раз? Да, конечно, такие пирамиды Ратибор видел десятки раз на других планетах, они олицетворяли собой пограничные рубежи стремительно расширяющейся человеческой цивилизации, но откуда, из каких глубин памяти всплыл иррациональный образ *иного* знакомства?

Ратибор похлопал рукой по твердому широкому кольцу, охватывающему основание башни, и вместо холодного шершавого серого камня — что видел глаз — ощутил какие-то борозды, напоминавшие поверхность гофрированного металла. Хмыкнув, прошелся вдоль стены, не отнимая ладони: невидимый со стороны «гофр» кончился, пальцы скользнули по отполированной гладкой плите, заметно отличающейся температурой от соседних участков.

Обойдя башню кругом, он насчитал восемь гладких плит, определив на ощупь их конфигурацию — овалы — и размеры — примерно в рост человека, — и четыре глубоких вертикальных щели, в которые рука проваливалась до плеча, но все так же видел лишь бесстрастное мерца-

ние «серого камня» и водородного «металла», а также уходящие наклонно вверх голубые стены поста. Этот парадокс имел только одно объяснение: древние строители снабдили погранпост системой «динго», камуфлирующей истинный облик строения. Но в таком случае это вовсе не погранпост, а нечто такое, что потребовало маскировки! Кому это понадобилось? И зачем?..

Снова в душе Ратибора шевельнулось неприятное, безотчетное, темное чувство ч у ж о г о. Подсознание пыталось подсказать сознанию нечто важное, полузабытое, оставившее некогда в душе лишь легкий след, но такие глубины психики были Ратибору недоступны. Одно он знал твердо: люди свои постройки на других мирах не маскировали, а тем более дома на Земле, Марсе и других планетах Системы. И тогда он задал себе вопрос: не могли ли поставить этот «пост» другие разумные существа?..

Отойдя от пирамиды на километр, Ратибор оглянулся. Башня потускнела, цвет ее стал грязно-сизым, как у дымчатого стекла, и ее глубокое, терпеливое, молчаливое одиночество, длящееся уже больше сотни лет, примирило чувства в душе человека: вряд ли забытая кем-то башня, даже если она и в самом деле построена чужими, несет опасность людям. Сотни раз мимо нее проносились транспортные машины землян, сотни глаз окидывали ее знакомый всем контур равнодушными взглядами, и никто из нетерпеливых исследователей и ландшафтных инженеров, проследовавших мимо, устремлявших свои помыслы к иным проблемам, даже не задумался над тем, что загадка лежит у них буквально под носом, надо лишь остановиться и внимательно к ней приглядеться. Ратибор не знал, что заставило его сойти с транспортника именно в этом месте, а потом и подойти к башне погранпоста вплотную, он не верил ни в мистику, ни в колдовство, но верил в интуицию. Видимо, организм сам настроил себя на работу в условиях недостатка точных количественных данных, включив резервы сенсорной психики. И Ратибор, успокаивая дыхание, внезапно поверил в свою удачу.

Мир был сложен и одновременно прост, рационален и предсказуем, надо было только научиться видеть суть вещей...

Около четырех часов провел Ратибор на угрюмой наклонной равнине — Великой Котловине, пройдя в общей сложности более двадцати километров вдоль Границы Насыщения, и ничего примечательного больше не встретил. Во второй половине местного дня его подобрал

пинасс патрульной спасательной обоймы и доставил в Марсопорт-2, откуда он сообщил в отдел о находке. Задерживаться на Марсе и ждать результатов ее исследования не стал, он и так уже выбился из графика. К тому же, по сообщению дежурного, его искали четверо: Забава Боянова, Анастасия Демидова, Пол Макграт и неизвестный, назвавшийся «дельфийским оракулом».

— Как, как? — удивился Ратибор, перечитывая сообщение. — Дельфийский оракул? Что еще за шутки? Кто это на самом деле?

— Четвертый корреспондент не идентифицируется.

— То есть? — Ратибор был сбит с толку. — Что значит не идентифицируется? Дай картинку, погляжу сам.

Киб-интеллект отдела, игравший роль постоянного дежурного, не обиделся.

— Звонок был без видеосопровождения, только голос.

— Давай голос, послушаю.

Щелчок, виом стал чистым, перламутровым, как речное дно, и тут же раздался чей-то хрипловатый низкий голос, похожий на бас Железовского:

— Соедините меня с оператором РП Ратибором Берестовым.

— С кем я говорю? — Это уже вопрос инка.

— Не имеет значения. — Смешок, пауза. — Скажете, что звонит «дельфийский оракул».

— Берестов находится в настоящий момент вне земной системы связи.

— Где же он? Насколько я знаю, в Гиппархе возле БВ его нет.

— Он, вероятно, на Марсе, последнее сообщение поступило из Нью-Ареса.

— На Марсе? — Невидимый собеседник хмыкнул. — Любопытно...

Снова щелчок и голос дежурного:

— Это все.

— Любопытно, — проговорил теперь уже Ратибор. Хотя голос и показался ему знакомым, вспомнить, кому он принадлежит, безопасник не смог. Но не Железовскому, это уж точно.

Поразмыслив над таинственным звонком и не найдя в нем ничего особого — мало ли кто мог пошутить, друзей с юмором у него хватало, — Ратибор до своего нового «похода за впечатлениями» решил сначала позвонить Бояновой. Все-таки председатель СЭКОНа считалась фигурой большего масштаба, чем остальные, независимо от

того, какие бы чувства к ней Берестов не питал. Правду сказать, он ее побаивался, Забава была женщиной неординарной во всех отношениях. Уже один тот факт, что именно она первой набрела на нетривиальную разгадку Большого Выстрела, объяснив ее возвращением «блудного Конструктора», говорил о раскованности мышления этой выдающейся представительницы слабого пола.

Однако найти Боянову оказалось непросто, она редко бывала в своем официальном кабинете в красивом здании Высшего координационного совета, расположенном на острове Хачин посреди озера Селигер. Ратибор не раз бывал там и подолгу любовался озером и величественным комплексом старинного монастыря Нилова Пустынь.

Он уже отчаялся ждать, привыкнув к оперативности служебной связи, находящей любого абонента за считанные секунды, когда наконец дежурный киб СЭКОНа отыскал Боянову за тридевять земель — на борту спейсера погранслужбы «Афанеор». Именно эта машина и собиралась доставить десант на бывшую звезду омега Гиппарха, по которой промчалась «пуля» Большого Выстрела.

— Мы ждем только вас, мастер, — сказала председатель СЭКОНа, одетая в такой же кокос, что и Берестов, когда автомат соединил каналы связи и воспроизвел перед безопасником часть кают-компании корабля. — Поторопитесь.

Видимо, Ратибор на миг утратил невозмутимость, потому что Боянова добавила с прозрачной иронией:

— Взяло любопытство: так ли уж страшен БВ, как его малюют? А вообще не мешало бы прикинуть, что можно будет ждать от Конструктора, если одна его «тень» способна гасить звезды.

— Если только БВ — это «тень» Конструктора, — пробормотал Ратибор первое, что пришло в голову.

— Вы не верите?

— Дело не в моей вере и не в чьей-то другой. Просто для того, чтобы избежать ошибок, нужен абсолютно точный прогноз.

— Насколько я знаю, по С-классификации[1] вы интуитив первой степени. Что же говорит вам интуиция?

---

[1] С-классификация (от: синектика — сложение разнородных элементов в творчестве) — свод характеристик творческих способностей личности.

Ратибор помимо воли улыбнулся, помедлил и процитировал:

— Мы не знаем, что там: может быть, там есть и ответ на все наши неразрешимые вопросы или средство избавить нас от страданий[1].

Боянова подняла брови, глядя на собеседника с некоторым сомнением, потом улыбка тронула ее губы: она поняла.

— Вы романтик, мастер... и хитрец. Честно говоря, я сомневалась в том, что...

— Я справлюсь с заданием, — закончил Ратибор.

— В общем... да. Возможно, опасения мои субъективны, не знаю. Но я не люблю недомолвок и прошу не обижаться. Просто на вашем месте я видела другого человека.

Пол Макграт, мелькнула вдруг догадка в голове Ратибора. Не потому ли он был столь необычно робок в последнем разговоре, что знал о разногласиях в выборе опера между Аристархом и Забавой?

— Вы, наверное, имели в виду интрасенса? Я не обижаюсь. Разрешите задержаться еще на полчаса?

Боянова сдвинула густые брови, сомнение вновь проглянуло в глубине ее глаз.

— Оператор РП — вы, — сказала она колко, — не надо лишних любезностей. Решайте свои проблемы.

Виом свернулся в облачко света и угас.

— Что, получил? — буркнул сам себе Ратибор и со сложным чувством недовольства собой, решимости, злости и ощущения, будто упустил из виду что-то важное, набрал телекс Анастасии.

— Привет, — сказала девушка, снимая с головы эмкан связи с компьютером; киб-секретарь нашел ее в индивидуальном вычислительном боксе института.

— Говорят, вы меня искали. Это правда или слухи?

— Слухи. — Анастасия помолчала, накручивая прядь волос на палец, покраснела под его взглядом. Ратибор понял, что она не одна.

— Вы торопитесь?

— Нет. — Девушка покосилась вбок. — Вы снова отправляетесь к Гиппарху?

— Вопрос подразумевает ответ. — Ратибор догадывался, кто рядом с ней, и невольно говорил с большей резкостью, чем обычно.

---

[1] Р. Л. Стивенсон.

Анастасия прищурилась, смекнув в свою очередь, в чем дело, неловкость ее как рукой сняло.

— Доброго пути, мастер. Я звонила просто так.

— Вы забыли добавить: берегите себя, — сухо сказал Ратибор. — В устах эфаналитика это звучит весьма интригующе. Привет Грехову.

Связь прекратилась.

Ратибор задумчиво подергал себя за ухо, невольно улыбнулся, представив реакцию проконсула — рядом с Настей находился, конечно, он, — и дал отбой автоматике стола. Ни Егору, ни Макграту звонить не хотелось, да и не стоило в данный момент. Помочь ему они не могли ничем.

— Вперед, опер, — сказал он сам себе. — Нас ждут двое великих: Конструктор и Забава Боянова, и кто из них страшней — еще неизвестно.

Спейсер «Афанеор», доставивший к омеге Гиппарха долговременную орбитальную станцию и группу ученых, подошел к остывшей от дыхания БВ звезде практически «вплотную» — на расстояние в десять тысяч километров и завис на несколько минут, заранее подготовив операцию десантометания.

Первой вниз в абсолютную темноту бывшей звезды, загородившей половину сферы обзора, пошла станция — двухсотметровый плоский диск с ребрами по торцам — генераторами антитяготения. Следом за ней спейсер выпустил короткую «очередь» из семи «пуль» — десантную мини-обойму под командованием Берестова. В состав обоймы вошла и Забава Боянова, имевшая, как оказалось, личный карт-бланш-допуск к подобного рода рискованным операциям.

Омега Гиппарха давно прошла преобразующую зону Большого Выстрела, но плановые исследования звезды только разворачивались, так как пограничники, выполнявшие предписания штатных режимов безопасности, сняли блокаду звезды, лишь убедившись, что никто и ничто не помешает исследователям.

Несмотря на то что бывший «коричневый карлик» перестал светить и температура на его поверхности упала до пяти градусов по Цельсию, масса его осталась той же, и сила тяжести не изменилась, обусловливая ускорение свободного падения, в двадцать два раза превышающее земное. Обычные скафандровые комплексы, применя-

емые для работы в атмосферах планет-гигантов типа Юпитера, вполне могли справиться с таким тяготением, но никто из ученых не знал, в том числе и теоретики, с чем придется столкнуться исследователям на поверхности остывшей звезды, поэтому Ратибор выбрал для десанта автономные оболочки типа «голем», позволяющие человеку прожить около двух часов на дне фотосферы Солнца[1].

По сути, «голем» функционально представлял собой копию курьерского когга, разве что был раз в двадцать меньше и не имел генераторов перехода на «струну». Вид его описать было трудно, потому что в зависимости от внешних условий «голем» мог трансформироваться в широком диапазоне геометрических форм, переходящих одна в другую, но до получения задачи на базах и в трюмах спейсеров «големы» обычно хранились в виде ослепительно белых тетраэдров высотой в четыре метра. Об их способностях к трансформации говорил тот факт, что однажды шутки ради приятель Ратибора, проверяя функционирование «голема» во время учебной тревоги, задал своему аппарату форму человека, и тот выполнил приказ с такой точностью, что перепугал до смерти персонал базы: все решили, что на Землю явился гуманоид, представитель инопланетного разума.

Ратибор любил эти совершенные машины, внешне простые, не впечатляющие особой отделкой и дизайном, но мощные, исключительные, надежные, снабженные высокоскоростной интелэлектроникой и способные выполнить практически любую задачу, как исследовательскую, так и спасательскую.

Ведомые по лучу целеуказания спейсера «големы» образовали клин, острием которого служил «голем» Берестова. По мере того как аппараты подходили к поверхности звезды, форма «голема» изменялась, пока они не превратились в блестящие яйцеобразные коконы с налившимися алым сиянием рогами, выросшими из торцов яйца.

В наушниках раздавались спокойные голоса инженеров спейсера, обеспечивающих техническое сопровождение десанта, наблюдателей, инков всякого рода зондов, запущенных на разные орбиты вокруг звезды, и станций, опущенных на нее незадолго до прихода «Афанеора» другим

---

[1] Ф о т о с ф е р а — нижняя часть атмосферы звезды (в том числе и Солнца). Толщина фотосферы Солнца — около 350 км, температура — около 6000 градусов Кельвина.

спейсером; переговаривались ученые, дождавшиеся своего часа.

— Сфинктура объекта девяносто девять...

— Поле описывается булгаковской метрикой. Таких головоломных характеристик я еще не видел! Юра, запусти еще один «орех», мой вышел из режима...

— Знаешь, какова была скорость охлаждения звезды? Сто миллионов градусов в секунду! Джонсон насчитал три судороги охлаждения длительностью в десятые доли секунды...

— Вырождение вещества шло такими темпами, что реализовались топологически нетривиальные состояния...

— По сути, кора звезды — это губка Серпинского[1]...

— Забава, — окликнул Ратибор, — как самочувствие?

— Нормально. — В голосе Бояновой неожиданно прозвучала нотка восторга.

Ратибор покачал головой.

— Держитесь в кильватере.

— Напоминание излишне.

Внизу, там, куда они падали, как в пропасть, что-то вспыхнуло, высветив засиявшую серебром ворсисто-мшистую поверхность остывшей звезды — включились прожекторы станции, хотя ее самой видно не было. Но по мере спуска «ворсинки» и «веточки мха» вырастали в грандиозные разлапистые «кораллы», «оленьи рога» и «заросли колючего кустарника», пока наконец не закрыли собой горизонт. Ратибор остановил падение, давая осмотреться членам группы. Интелмат «голема» доложил показания датчиков — все в пределах рассчитанных норм — и связался с киб-интеллектом станции, все еще скрытой невообразимо сложным сплетением всевозможных форм «кораллов» — выкристаллизовавшегося при охлаждении и сжатии вещества звезды. Видимо, здесь уже присутствовала атмосфера: свет прожекторов станции создавал белесое облако, сквозь которое как сквозь туман виднелись идущие из глубин поверхностного слоя колоссальные стволы и ветви, распадавшиеся в свою очередь на более мелкие веточки, прутики и чешуйки.

— Дебри... — раздался голос Забавы.

«Топологически нетривиальные состояния», — вспомнил Ратибор, единственный из всех, кто любовался окружа-

---

[1] Губка Серпинского — фигура, не имеющая объема (фракталь), фракталь — кривая, не решаемая дифференциально.

ющим пейзажем в напряжении, пытаясь определить возможную опасность.

— Фракталь, — отозвался кто-то из группы ученых. — Кристаллизация звезды происходила по законам фрактали. Математика явления известна, впечатляют лишь масштабы.

— А кроме математики вы ничего не замечаете? — насмешливо обронила Боянова.

— Нет, — протянул озадаченный десантник.

— Жаль. По-моему, этот ландшафт даже мертвого способен потрясти своей необычностью и красотой!

— Я ученый, а не художник, — пробормотал собеседник Забавы.

— Жаль, — повторила председатель СЭКОНа. — Кто-то из древних философов сказал: «Если бы распахнулись врата истинного познания, человек увидел бы суть вещей, какая она есть — бесконечная. Но человек так долго замыкался в себе, что теперь видит мир лишь через узкие щели в пещере собственных представлений»[1]. Неужели это сказано о вас? Как же вы можете познавать мир, не видя его красоты, не удивляясь его неповторимой таинственности?

Десантник промолчал.

Ратибор покачал головой и скомандовал продолжать спуск.

Они достигли дна, если можно было так сказать, через полчаса, опустившись чуть в стороне от станции, вонзившей в зенит три толстых столба света. Конечно, дном то, что предстало перед глазами десанта, назвать было нельзя: из неведомых глубин звезды, откуда тянулись вверх созданные чудовищной силой охлаждения «стволы и ветви кораллов», то выше, то ниже вырастали на тонких ножках плоские зеркальные листы — точь-в-точь листья земных кувшинок на стебельках. Только размеры «гиппарховых кувшинок» на три порядка превышали размеры земных.

— Температура семьдесят шесть, — доложил координатор «голема». — Ускорение свободного падения двадцать один и шесть десятых «же».

Ратибор попытался разглядеть пространство под «листом кувшинки», но даже с помощью локатора не смог определить глубины пропасти, из которой равнодушно росли «кораллы» и «стебли кувшинок». Правда,

---

[1] Ко Фунг.

инк назвал эти образования точнее: зонтичные структуры.

— Дно не лоцируется, — добавил он. — Вероятно, все «стебли» в конце концов срастаются в комлевую структуру.

— На какой глубине?

— Примерно на пару тысяч километров ниже.

— В таком случае этот мир не слишком разнообразен. — Ратибор испытал легкое разочарование и одновременно облегчение. Звезда превратилась в шарообразный сросток кристаллов, в друзу «кораллового леса» с одинаковыми свойствами по всей массе, и непрогнозируемой опасности, наверное, нести не могла. Единственное, чем мог восхищаться человек, так это масштабами небывалого явления: «в коралловой шубе», окружавшей ядро остывшей звезды, можно было упрятать тысячи планет типа Земли!

— Господи, представить невозможно, что здесь недавно клокотала плазма! — проговорила Боянова. — А ведь по логике вещей ниже должны идти совершенно иные структуры, отличные от поверхностного слоя.

— Вы правы, — откликнулся кто-то из ученых, похоже — тот же, кого Боянова упрекнула в отсутствии эстетических чувств. — Скорость охлаждения звезды была таковой, что все три ее слоя и ядро — по теории звездных оболочек — не успели перемещаться. Командир, разрешите прогуляться глубже?

Ратибор наконец вспомнил парня: Имант Валдманис, физик-универсалист, доктор наук, двадцать семь лет.

— Идем вдвоем. Остальным расконсервировать станцию, развернуть программу, установить прямое ТФ-сообщение с базовым «гиппо». Вернусь через два часа.

— Я с вами, — подала голос Боянова.

Ратибор хотел было возразить, но прикусил язык: не хотелось давать председателю СЭКОНа лишний повод для сомнений в правильности выбора Железовского.

Почти полтора часа они шли вниз в полной темноте, на радарном зрении, преодолев около шестисот километров, наблюдая все те же «дебри» из «коралловых сростков», пока не заметили, что тянувшийся мимо ландшафт изменился.

«Стволы и ветви» стали превращаться в гигантские плоские и гнутые перепонки, образующие колоссальные

полоски преимущественно шарообразной формы. В одной такой полости свободно могли бы уместиться спутники Марса Фобос и Деймос[1].

Зависнув посредине одной такой полости, десантники включили прожекторы, но из-за сильного рассеивания света — плотность здешней атмосферы была меньше земной, но «воздух» был необычен, пара металлов, — ничего разглядеть не смогли, кроме облака сверкающего тумана, пришлось снова перейти на длинноволновую локацию. Связь с остальными членами группы, а тем более со спейсером давно прекратилась, и докладывать об открытии было некому.

— Пенная структура, — сказал физик, увлеченный работой с аппаратурой «голема». — По всей видимости, это начинается переходная зона от внешней коры к первому обращающему слою. Еще пару сотен километров — и пойдет слой постепенного разгона реакций. Глянуть хотя бы одним глазком...

— Как мед, так и ложкой, — пробормотал Ратибор и вдруг насторожился: показалось, что в соседней полости, «этажом» ниже, шевельнулся мрак. Мгновением позже он дал в эфир сигнал: «Внимание!» Снизу, из отверстия, соединявшего нижний пузырь с верхней полостью, поднимался странный объект, напоминающий гигантскую морскую раковину спиралевидной формы, как у моллюска наутилуса. Однако размеры этой «раковины» говорили сами за себя — три километра в поперечнике — от концов шипов на створке раковины до вершины конуса!

— Черт возьми! Этого не может быть! — раздался голос Валдманиса. Его «голем» устремился было навстречу объекту, но Ратибор резким голосом приказал физику вернуться.

Убравшись с пути движения чудовищного образования, по шипам которого пробегали ритмические вспышки фиолетового света, люди молча смотрели, как гигант проплывает мимо, волоча за собой хвост жемчужных искр.

— Чужане, — тихо сказала Боянова. — Это корабль роидов, мастер.

Ратибор наконец сообразил, откуда у него появилось ощущение, будто он видел нечто подобное. Ну, конечно же, это чужане, вездесущие роиды, пути которых все чаще пересекаются с дорогами землян. Когда же они

---

[1] Оба спутника не имеют правильной шарообразной формы; размеры Фобоса 27×19 км, Деймоса 15×11 км.

успели проникнуть в недра погасшей звезды? И что они там делают?

В наушниках послышался шумный вздох физика.

— Кажется, я несколько перефантазировал, приняв эту «раковину» за проявление местной жизни.

Забава Боянова тихонько рассмеялась.

— Похоже, у вас всего лишь запоздалая реакция на чудеса. Извините за предыдущую проповедь.

— Я не в обиде, — пробормотал Валдманис. — Просто диапазоны horror criptos[1] мы ощущаем по-разному!

Чужанский корабль прошел мимо, казалось не обратив на людей никакого внимания, однако стоило Ратибору двинуться к центру полости, как вдруг в голове родилось необычное ощущение внутреннего давления. Отреагировал он на это моментально, крикнув на всякий случай: «Всем полную защиту!» — но опасности «давление» не представляло. Спустя несколько секунд навалившаяся на людей глухота прорвалась, и они услышали гулкий — показалось, даже кости черепа зарезонировали — пульсирующий, каркающий, нечеловеческий голос:

— Торопиться... хомо обязательное... есть важность... сообщений о пресапиенсе...

Каждое слово отделялось паузой, и от этого казалось, будто слова наделены иным, неподдающимся разгадке ужасным смыслом.

Голос перестал звучать, чужанская «раковина» исчезла в вышине, хвост ее медленно угас. Первой опомнилась Боянова:

— Это предупреждение, мастер, что-то случилось там, наверху. Мы никак не можем связаться со спейсером?

Она прекрасно знала, что «големы» не имеют «струнных» раций, и этот риторический вопрос говорил лишь об ее растерянности или желании утвердить свое реноме проницательной женщины. Мысль мелькнула и исчезла. Ратибор тоже расшифровал послание чужан как попытку предупреждения (уж если роиды второй раз снизошли до этого, то дела с БВ обстоят очень серьезно!), а поскольку в данной ситуации он был не просто командиром развед-исследовательского десанта, но и оператором РП, следовало в первую очередь думать об основном задании.

— Идем вверх, — скомандовал Берестов. — Со свистом!

И на этот раз даже физик Валдманис не посмел возразить.

---

[1] Ужас тайны (*лат.*).

Назад они шли со скоростью около тысячи километров в час, обогнав угрюмый чужанский корабль, инстинктивно ожидая от него еще каких-нибудь сообщений или действий. Но роиды сказали все, что хотели сказать, и не возобновили связи.

Председатель СЭКОНа заговорила за время в пути только один раз, словно делясь мыслями сама с собой:

— Мне иной раз кажется, что чужане знают о нас все, и уж во всяком случае гораздо больше, чем мы о них. Почему они вдруг стали интересоваться нами, проявлять странную заботу, больше века до этого отвергая все попытки контакта? Меня давно мучает этот вопрос, и я, кажется, нашла ответ: БВ угрожает не только нам, но и каким-то образом самим чужанам, отсюда их неожиданно проснувшаяся доброжелательность. Ваше мнение, мастер?

— Я не ксенопсихолог, — ответил застигнутый врасплох Ратибор, — проверить вашу концепцию алгеброй не могу, но в глубине души я согласен с вами.

— Спасибо и на том, — с обычной тонкой насмешливостью, которая была чем-то сродни иронии Грехова, отозвалась Боянова. — А знаете, что меня поразило больше всего в сегодняшнем путешествии? Мысль, что под нами звезда, погашенная одним лишь дыханием Конструктора! Понимаете ли вы э т о?

Ратибор промолчал, решив не реагировать на колкие выпады Забавы, пытавшейся, очевидно, каким-то образом расшевелить его, проверить хладнокровие и умение мыслить нестандартно.

Ведомые автоматикой «големов», запомнивших путь вниз, они подошли к станции через два часа, прошедших с минуты старта отсюда. За это время связь станции со спейсером была установлена, и Ратибор, чье сердце сжалось в предчувствии дурных вестей, вызвал «Афанеор».

— Только что получены «три девятки» по треку, — проговорил командир спейсера, не удивившись вопросу оператора («Ну, что у нас плохого?»), — и прямое сообщение. Дословно: «Оператору РП Берестову и председателю СЭКОНа Бояновой — «полундра».

Ратибор и Забава, вылезшие из «големов» и переодевшиеся в свои личные кокосы, переглянулись.

— Господи, что там еще произошло? — нахмурилась Боянова.

По классификации кодовых сигналов, разработанных в управлении спасателей и применяемых всеми службами,

сигнал «полундра» означал высшую степень не поддающейся прогнозу опасности, могущей повлечь катастрофические последствия глобального масштаба.

— Что могло произойти?

— Кажется, «пуля» БВ ускорила полет, — сказал невозмутимый командир «Афанеора», успевший связаться с коллегами из погранотряда.

— Готовьте «струну» на Землю. — Ратибор отступил в сторону, пропуская женщину вперед, и внезапно ему померещилось, будто за спиной кто-то злобно и трусливо захихикал.

ПСИХОЛОГИЯ РОКОВОЙ ЧЕРТЫ

По сигналу «полундра» Берестов должен был подключиться к «спруту» — компьютерной системе связи отдела — не позднее чем через полчаса после его получения, а так как в отделе оптимальным считался срок двадцать минут, у него после возвращения из экспедиции «Афанеора» еще оставалось время на то, чтобы позвонить Анастасии и договориться с ней о встрече.

Девушка выглядела утомленной — инк отыскал ее в личном оперативном боксе расчетного центра ИВК, — но при виде Берестова лицо ее просветлело. В ответ на его предложение она только кивнула, и у Ратибора осталось впечатление, что его возвращению рады. В отдел он вошел точно по расчету, спустя двадцать минут после того, как получил «полундру». Где в этот момент находилась Боянова, думать не хотелось.

Дверь в кабинет Железовского была открыта, Ратибор собрался войти, как вдруг раздавшиеся изнутри голоса заставили его остановиться. Говорили двое: сам хозяин кабинета — его бас ни с каким другим спутать было нельзя — и женщина. Через несколько секунд Ратибор понял, что с «роденовским мыслителем» беседует председатель СЭКОНа. Когда же она это успела? Или это связь?

— Высокий уровень умственных способностей ничего не гарантирует. — Голос Бояновой. — Это условие для творческой задачи необходимое, но недостаточное. Я убедилась: ваш опер довольно решителен и смел, но он не интрасенс.

— Ратибор интеллектуально независим и мыслит без оглядки на сложившиеся стереотипы и авторитеты.

— А вот это как раз не слишком положительный фактор. Для любой другой задачи Берестов был бы идеален, но не для работы по Конструктору, где ему придется столкнуться с нечеловеческой психикой, психологией и возможностями. И только интрасенс имеет максимальный индекс гибкости при столкновении с подобными проблемами.

— Ратибор справится.

— Не думала, что ты пользуешься законом Корнуэлла.

— Не понял.

— Начальство склонно давать работу тем, кто менее всего способен ее выполнять. Я буду настаивать на смене оператора РП.

— А я на своем решении. Берестов прошел все ступени подготовки: социотренинг, оптимайзинг, неформальное эс-моделирование, сюрприз-сопротивляемость, стресс-закалку и контрактивную проверку на выживаемость на полигоне «Ад-3». Поэтому я не вижу причин его отстранения. Кстати, по закону ответственности интеллектуальной деятельности соображения истины не должны заслоняться никакими другими соображениями. Короче, я буду настаивать на выборе отдела.

— Хорошо. Приглашаю вас обоих на заседание комиссии.

Ратибор успел сделать вид, что только-только подошел к двери, и столкнулся с Забавой.

— Простите.

Боянова кивнула, окинув его внимательным взглядом, и вышла в коридор, где ее ждала сегментная «улитка» лифта. Она поняла, что Ратибор все слышал. Понял и Железовский, когда безопасник молча встал перед ним.

— Слышал?

— Нечаянно, дверь не заперта.

Железовский покосился на пульт[1] секретаря, и Ратибор догадался, что «роденовский мыслитель» открыл дверь нарочно, зная, когда он подойдет.

— С ней постоянно такая история. Сначала мгновенное «нет» на любое предложение, потом четкий вывод по всем необходимым дополнениям для решения проблемы. Думаю, тебе тоже будет полезно узнать свои слабые стороны.

---

[1] Пульты в описываемую эпоху представляли собой микроблоки управления технологическими и организационными процессами, использовали принципы мысленного и звукового управления и встраивались в стены зданий, перегородки и т. п. так, чтобы не мешать обслуживающему персоналу. То, что это пульт, можно было узнать по отзыву инка и сигнализации.

— Я знаю.

— Вряд ли. Если бы знал, слабых сторон уже не было бы. Готов доложить свой гениальный хакаригото[1] на совете? На заседание приглашен весь синклит ВКС и эксперты СЭКОНа.

Ратибор ответил не сразу.

— Я, конечно, предусмотрел все, что могу предусмотреть, но... может быть, она права, и вам действительно лучше назначить кого-то из интрасенсов?

— Во-первых, у тебя тоже есть задатки интуитива, только их надо развивать, а во-вторых, я своих решений не меняю. Взялся плыть — плыви. Не будем отвлекаться. БВ ускорил движение, мы потеряли двоих, надо задействовать весь потенциал ноль-ноль-предупреждения[2].

Ратибор поджался, болезненно переживая сообщение.

— Кто?

— Клюв и Томпсон. Они попали под БВ, не ожидая, что тот подойдет к ним так скоро. По расчетам луч БВ упрется в Систему уже через три месяца, если, конечно, снова не изменит скорость. А ты думал, «полундра» дается по пустякам?

Ратибор присвистнул.

— Вот именно, — кивнул Железовский. — По всей видимости, «Цунами» уверенно переходит в «Шторм». Итак, твое мнение о БВ?

— Я удивился не собственно причине «полундры». Мы встретили чужан. Такое впечатление, что они совершенно точно з н а ю т, что такое БВ. Не пора ли спросить у них об этом прямо?

— Так они тебе и ответили... Спросим, когда будет нужно. Всему свое время и время всякой вещи под небом[3]. Я желаю знать твое окончательное мнение.

— Это возвращается Конструктор, — нехотя проговорил Ратибор. — Хотя допускаю, что мое мнение может оказаться верным с точностью до наоборот. И все же я уверен в выводе. Дело в том, что Прожорливый Младенец когда-то сто лет назад в ответ на попытки контакта, да и просто в процессе роста показывал видеокартинки, очень похожие на пейзажи Гиппарха... если вид изнутри этого гигантского «кораллового леса» можно назвать пейзажем.

---

[1] Х а к а р и г о т о — план, замысел (*яп.*).

[2] Система методов по предупреждению ошибок управления и отработки команд.

[3] Екклезиаст, 3,1.

— Значит, ты не зря побывал на бывшей звезде. Я был не прав. — Комиссар-два раздвинул в улыбке толстые губы. — Недаром же говорят, что лучший руководитель тот, у кого подчиненные много способнее его[1]. — Он достал пуговку видеозаписи. — Ознакомься.

— Что это?

— Список тех, кого «съела» когда-то спора Конструктора — сверхоборотень. Их биографии и данные личных дел.

Ратибор взял видеокассету, зная, что время вопросов придет позже.

— Я хочу привлечь к работе в качестве эксперта по Конструктору эфаналитика ИВК Анастасию Демидову. — Честно говоря, у Ратибора не было объективных причин привлечения к делу эксперта со стороны, в отделе хватало собственных специалистов, но он верил в предчувствия. — У вас не будет возражений?

— Нет. — Железовский встал, давая понять, что время аудиенции кончилось. Его рабочий стол давно мигал целой гаммой цветных огней — требовалось вмешательство комиссара по всем векторам работы отдела, кибсекретарь один не справлялся. Но Ратибор не удержался от вопроса:

— Извините, мастер, что возвращаюсь к старой теме, но все же стоит ли оставлять меня опером в сложившейся ситуации?..

Комиссар поднял ладонь вверх, останавливая собеседника, под тонкой рубашкой рельефно перекатились мышцы.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Забава болеет за дело, к тому же не забывай, она тоже интрасенс. — Железовский пожевал губами, взгляд его стал жестким. — Ты дошел до кобры на силе воли и большой дозе самоуверенности, дальше без интрасенсорных способностей продвинуться трудно, хотя и были прецеденты. Попробуй разбудить в себе дремлющую вторую психику. Я очень надеюсь, что ты просто медленно взрослеешь.

Ратибор поклонился и вышел. Аристарх, как и Забава Боянова, также был интрасенсом, и нельзя было понять его странной привязанности к исполнителю-неинтрасенсу, хотя и с задатками интуитива. Правда, сам Ратибор считал, что интуиция у него развита неплохо, разве что чуть-чуть похуже, чем у нормального интрасенса.

---

[1] Гудмунд Хернео.

Заседание Совета безопасности происходило, как и обычно, в форме видеоселекторного совещания: собственно члены Совета, конечно, старались быть на заседании лично — Швейцария, Берн, Дворец Мира, — если не находились в этот момент далеко от Земли, а приглашенные чаще всего присутствовали визуально. Система связи создавала эффект полного участия, и малый зал заседаний Дворца Мира казался заполненным почти до отказа; вмещал он шестьдесят человек.

Ратибор «присутствовал» на заседании, находясь на самом деле в своем «размышлительном» служебном модуле. Он уже успел просмотреть список, переданный ему Железовским, и, к своему удивлению, кроме Грехова обнаружил еще две знакомых фамилии: Лабовиц и Гиро. Пограничник Эрнест Гиро в настоящий момент находился в десант-команде спейсера «Афанеор», а Герман Лабовиц работал в Такла-Маканском ксенопарке «Чернава», это Ратибор помнил еще со времени пребывания в парке Карелии: она как-то рассказывала ему об этом человеке удивительные вещи. Интересно, однофамильцы это указанных в списке людей или их родственники?

Многотональный сигнал общего внимания погасил легкий шумок переговоров, и в центре зала выросла хрустально-прозрачная колонна КПР — компьютерной пси-развертки, позволяющей всем участникам мысленно обмениваться мнениями в ускоренном режиме. С применением КПР любые совещания обычно длились не более семи-десяти минут, не составил исключения и референдум Совета безопасности, хотя проблема решалась далеко не ординарная.

Надвинув эмкан пси-связи, Ратибор окунулся в странный мир мгновенно возникающих и так же мгновенно исчезающих пси-квантов — «объемов чужого знания», составляющих фон мыслеобщения. Перевести на обычный язык этот пси-разговор невозможно, а для его описания лучше всего по стилю подходит стенограмма.

Председатель Ярополк Баренц:

— На заседании Совета безопасности присутствуют все члены Совета. Кворум соблюден. Решения совета принимаются к исполнениям всеми службами. Код значимости проблемы: угроза цивилизации. Проблема: так называемый Большой Выстрел. Научный аспект проблемы решен приблизительно, социальный аспект требует жестких мер безопасности и глобальных усилий по предотвращению катастрофы. Если канал БВ воткнется в Солнечную сис-

тему, человеческая цивилизация перестанет существовать. Мнения?

Председатель Всемирного координационного совета Хакан Рооб:

— Угроза реальна, это проверено качественно и количественно. К сожалению, не обошлось без жертв.

Командор погранслужбы Ингвар Эрберг:

— Вынужден повторить это «к великому сожалению». Погранслужбой был допущен ряд ошибок, приведших к человеческим потерям, но проблема БВ настолько необычна, что привычных опробированных на практике штатных мер безопасности человечества для этого случая пока не существует. Согласен с определением: БВ — прямая угроза цивилизации! Исходить надо только из этого факта.

Президент Академии наук Земли Всеволод Максимов:

— Еще одно «к сожалению»: физика явления разгадана нами не до конца, существует несколько альтернативных гипотез, и какая из них истинна — пока неизвестно. Необходимо продолжать исследования и расчеты, бросив на проблему весь научный потенциал Земли.

Председатель СЭКОНа Забава Боянова:

— По расчетам эфаналитиков комиссии и специалистов Института внеземных культур, БВ — это след прорыва в нашу Вселенную из какой-то другой известного всем представителя палеоразума — Конструктора, родившегося на Марсе более ста лет назад.

Максимов:

— Возможно. Однако, назвав явление, мы тем не менее не можем объяснить его физическую природу.

Хакан Рооб:

— Времени на объяснения у нас нет. У вас тоже. Что может предложить наука, чтобы отвести угрозу?

Эрберг:

— Самое реальное из всего при любых интерпретациях явления — найти заслон Большому Выстрелу. Как вы понимаете, человечество еще не доросло до управления движением всей Солнечной системы, и «свернуть» в сторону мы не сможем.

Гордей Вакула:

— Каким образом вы собираетесь установить заслон потоку отрицательной энтропии, «движущемуся» со скоростью, на много порядков превышающей световую?

Эрберг:

— А это уже ваша забота — подсказать, как это сделать.

Вакула:

— Теоретические разработки модели БВ только начались, но, хотя в канале БВ реализуется физика не нашей Вселенной, в принципе существует возможность «задавить» Большой Выстрел в «струну» и направить за пределы Галактики.

Общее оживление — вспышка пульсации пси-фона.

Хакан Рооб:

— Однако вы забыли, что под «пулей» БВ понимается разумное существо, причем самое загадочное из всех встреченных человечеством, предтеча большинства разумных существ нашего космоса. По законам какой морали мы начнем планировать его уничтожение?

Забава Боянова (с вызовом):

— Мы уже однажды пытались следовать законам антропоцентристской этики и морали и едва не погубили цивилизацию, «откупившись» разрушением Марса, а ведь в то время Конструктор был всего лишь младенцем. Сейчас он способен не только разрушить Систему или погасить звезду, как это уже случилось с омегой Гиппарха, но и перестроить Галактику! Вы понимаете, чем мы рискуем, если не остановим его?

Директор УАСС Кий-Коронат:

— Почему вы считаете, что Конструктор обязательно что-то начнет перестраивать? Он еще не «вылупился» из своего странного коридора... если это вообще он.

Боянова:

— Вот именно, п о к а не вылупился. Второй раз мы подходим к одному и тому же пределу, за которым начинается область жестокого милосердия. Век назад по совету Сеятелей — серых призраков — мы могли уничтожить Конструктора после его рождения, но из убеждений ложного гуманизма предпочли оставить его в живых и едва не поплатились Системой, домом человечества. И снова мы подходим к этому же пределу, разве что масштабы изменились, на сей раз появление Конструктора чревато всегалактической катастрофой. Эксперты СЭКОНа, присутствующие на заседании, провели математический эксперимент и пришли к выводу, что при «вылуплении» Конструктора из тоннеля БВ может произойти фазовая перестройка вакуума. Понимаете, о чем речь?

Снова общее оживление с ярким «свечением» пси-фона.

Председатель ВКС Хакан Рооб:

— Не понимаю вас, Забава. К чему вы клоните, вы — председатель комиссии морали и этики?

Боянова:

— Я призываю не повторять ошибок прошлого. Второе пришествие Конструктора — это гибель цивилизации: гибель всего сущего в Системе, и я не могу спокойно обсуждать ее детали. СЭКОН призван стоять на страже человечества и отвечает за жизнь общества в целом и за жизнь каждого индивидуума в частности. И решать тут нечего, я голосую только за жизнь, пусть и ценой жизни существа, далекого от всего, что волнует нас. Если ученые найдут способ остановки Конструктора без его уничтожения, я проголосую за него обеими руками. А пока что до встречи Солнца с БВ остается три месяца. Три месяца до роковой черты, преодолеть которую можно, только решив альтернативу: мы, люди, или Конструктор! Решайте.

Член совета Мэтьюри:

— А почему все выступавшие считают, что стоит нам связаться с Конструктором, как он тут же поймет нас и с готовностью отодвинется в сторону? Уж если между нами и чужанами существует коммуникабельный барьер, то о каком положительном контакте может идти речь в отношении Конструктора, уже отвергшего однажды все наши предложения о сотрудничестве?

Боянова:

— Это одна из главных проблем ксенопсихологии — контакт с негуманоидным разумом, и до сих пор она не решена и вряд ли будет решена в ближайшее время. Даже математика и музыка, два универсальных языка человечества, не подействовали на Конструктора.

Вакула:

— Идея воздействовать на Прожорливого Младенца музыкой была никудышной. Субъективные критерии различия музыки и шума присущи только человеку. Физически явно музыкальные и ясно шумовые звуки, конечно, различны, музыкальные звуки представляются чистыми...

Шум, чьи-то сердитые пси-возгласы:

— Совету эти пояснения ни к чему...

— Давайте по существу.

— Не отвлекайтесь...

Вакула невозмутимо:

— ...синусоидными тонами, но для Конструктора закономерности музыкальных рядов ни о чем не говорят, то есть не несут смысловой нагрузки. Так что предыдущий оратор прав.

«Тихий», без «вскриков», пси-фон общения, означающий молчание.

Председатель Совета безопасности Ярополк Баренц:

— Как член совета я обязан принять решение в пользу человечества, и все же вседозволенность человека, возведенная в ранг закона, беспокоит меня в той же степени, что и проблема Конструктора. Недаром отделу социальной безопасности приходится до сих пор сражаться с рецидивами этой вседозволенности как в сфере управления, так и в сфере социально-психологических отношений. Я считаю, что никто не имеет права называть весь Космос только своим домом, он — обиталище для многих и многих существ, равно претендующих на звание хозяина: чужан, серых призраков, орилоунов, нас с вами и так далее. Конкретная ситуация с БВ снова вскрывает недостатки нашей человеческой психологии, не пора ли начать с себя: не Космос перекраивать по своим меркам, а себя по меркам Космоса? Выношу на голосование предложение: научный потенциал Земли огромен, надобно подключить его на решение проблемы БВ полностью, от попытки связи с Конструктором до его остановки, и если за две недели не будет найден способ предупредить Конструктора или остановить его — созвать совет снова и решить судьбу пресапиенса в соответствии с законом о пределе допустимой обороны.

Вспышка «зеленого», плюсового пси-фона, означающая общее согласие.

Баренц:

— Космосектор отдела безопасности назначил по этому делу оператора в режиме «полундра» кобру-один Ратибора Берестова, однако теперь, я считаю, необходим переход формы тревоги от «полундры» к «Шторму». Считает ли комиссариат отдела безопасности, что оператор Берестов сможет справиться с работой отдела в режиме «Шторм»?

Комиссар-два Аристарх Железовский:

— Безусловно.

Баренц:

— Отводы, самоотвод?

Член совета Равалкананг Сингх:

— Оператор «Шторма» должен быть специалистом по обобщениям.

Железовский:

— Предвидя подобные вопросы, я подготовил личное дело кобры Берестова.

В голове Ратибора (как и у других участников заседания) промелькнули выведенные компьютером данные личного дела Берестова.

Боянова:

— Пусть попробует. Сменить оператора мы успеем.

Тишина.

— В таком случае оператором «Шторма» назначается Ратибор Берестов. Конец общей связи. Процедурные формальности соблюдены. Спасибо за работу.

Голос компьютера:

— Отбой пси, длительность девять минут двадцать секунд.

Ратибор снял эмкан, пригладил волосы и обнаружил, что он весь мокрый от пота, как мышь.

Дома он принял душ, без аппетита поужинал, прикидывая, что скажет Анастасии, и не успел переодеться, как в гостиной прозвонил вызов.

— Включи, — скомандовал Ратибор «домовому», появляясь в гостиной с рубашкой в руках; натянул, глядя на белое облако развернутого виома — абонент не включил обратку — обратную видеопередачу.

— Берестов? — Голос незнакомый, с горловыми интонациями; судя по произношению (земной интерлект, европейская языковая группа), абонент или голландец, или австриец.

— Включите обратку, — сказал Ратибор, — вас не видно.

— Это входит в условия связи. Откажись от опера, парень, пока не произошли не предвиденные никем и необратимые события. Ты не выплывешь.

— Пол, это ты? — Ратибор не выдержал и засмеялся. — Твои шутки не отличаются многообразием. Так и быть, если хочешь, возьму тебя с обоймой в аварийную команду.

— Это не Пол. — Невидимый собеседник хмыкнул. — А звоню я тебе, юноша, потому что уважаю за один случай, ты его помнишь.

Ратибор насторожился:

— Кто вы?

Смешок, странный дребезжащий звук, словно от колокола с трещиной.

— Считай, что звонил «дельфийский оракул». Подумай над предложением, это дело ты не потянешь. Ауфвидерзеен, мастер. Еще убедишься, что я желаю тебе добра.

Тишина.

— Зачем ты делаешь мне зло, ведь я не делал тебе добра, — пробормотал Ратибор, встрепенулся. — Откуда он звонил?

— Такла-Макан, территория ксенозаповедника «Чернава», — ответил «домовой» через полминуты.

Озадаченный Ратибор пожал плечами, но времени заниматься таинственным «оракулом» у него не было, да и всерьез принимать предупреждения доброжелателя не имело смысла, хотя в голосе и застряло занозой: «оракул» звонил из «Чернавы». Слишком многое связывало безопасника с Такла-Маканским ксенозаповедником, в том числе и последние события, чтобы проигнорировать факт звонка.

Поразмышляв над феноменом совпадений и ничего особого не придумав, Ратибор переключил внимание на предстоящие дела, зная, что, когда придет время, подсознание само вытолкнет в голову мелькнувшую догадку. Он дал задание инку отдела подготовить к развертке императив «Шторм» (два часа десять минут) и напомнить всем физическим институтам Земли о переключении работ на решение проблемы Большого Выстрела. Лидером научного поиска он назначил Вакулу.

После этого Ратибор прикрепил над ухом усик «спрута» — многодиапазонной рации компьютерной связи, позволяющей работать со всеми службами из любой точки Солнечной системы, и отметил время: до окончания развертки «Шторма» у него оставалось два часа «свободного» времени. С введением императива всеобщей тревоги время оператора, ответственного за координацию всех защитных сил человечества, принадлежало не ему.

Анастасия ждала его у Жуковского метро Брянска, одетая по моде последнего полугодия в летний «одуванчик»: платье то становилось прозрачным, то полупрозрачным, то начинало светиться и звучать, причем волны и пятна прозрачности зависели от настроения, отчего платье подчеркивало то, что надо подчеркивать, и скрывало то, что надо скрывать. Девушка была поразительно красива и, зная это, вела себя тем не менее без тени кокетства... что всегда привлекает мужчин, подумал Ратибор, добавляя про себя: умных.

— Куда идем? — спросила девушка.

Ратибор огляделся с притворным недоумением.

— А где же ваша тень — Грехов?

Анастасия нахмурилась, глаза ее похолодели.

— Вы только затем и пришли, чтобы сказать банальность?

Берестов посерьезнел, быстро поднял ладони вверх.

— Сдаюсь, перестарался. Что поделаешь, иногда из-за сильного желания понравиться срабатывает почему-то не добродетель, а внутренний порок, и тут же возникает обратный эффект. Правда, я со своими пороками борюсь успешно, и мне ничего не надо повторять дважды.

— Не обольщайтесь, сумма пороков постоянна, — смягчилась Анастасия. — Исчезает один, появляется другой.

Ратибор засмеялся, и они пошли по аллее парка, окружавшего метро, на шпиле которого горела видимая издалека фиолетово-красная буква «М».

— Итак, вы опер «Шторма». Не страшно? Все же это жуткая ответственность!..

Ратибор вспомнил звонок «дельфийского оракула».

— Честно говоря, страшновато. Но что делать? Доверили...

— Даже Боянова?

Ратибор внимательно посмотрел на Анастасию.

— Я все больше убеждаюсь, что вы не просто эфаналитик ИВК. Откуда вы знаете о мнении Забавы?

Профиль идущей рядом девушки был загадочен и тонок.

— Неужели это важно?

— Важно, потому что касается моей персоны. Вы не интрасенс, случаем?

Анастасия повернула голову, глаза ее стали темными и глубокими, и на дне их мерцала грусть.

— Интрасенс, — сказала она просто. — Как сейчас говорят — «инкубаторский». У меня были задатки, и папа помог мне их развить. Хотите, я помогу и вам?

— Сядем. — Ратибор кивнул на скамейку в подкове кустов.

Вечерело, воздух был напоен ароматом луговых трав и цветов — рядом, за стеной деревьев, начиналась пойма Десны. По аллеям бродили влюбленные пары, быстро пробегали стайки ребят или проходили группы молодых людей, спешащих в сенсотеки или на танцверанды.

— Вы считаете, что мне можно помочь? — Голос почему-то стал хриплым, и Ратибор вынужденно откашлялся.

— Габриэль сказал, что вы интуитив с потенциями интрасенса и вам можно помочь. Если хотите, я поговорю с ним.

— Я подумаю. — Настроение у Ратибора упало; к помощи Грехова прибегать не хотелось, к тому же остава-

лась невыясненной связь этого патриарха, знавшего Конструктора «в лицо», с Настей. — Вот что, Анастасия...

— Зовите меня Стасей, хорошо?

Вспомнилось: «Друзья и близкие называют меня Стасей или Таей». «Интересно, как прикажете вас понимать? Близким я стану не скоро... если вообще это возможно, но тогда значит ли это, что меня приняли в круг ваших друзей?»

— Благодарю, Стася. Хочу предложить вам участвовать...

— Согласна, — кивнула девушка. — Если не будет возражать ваш «роденовский мыслитель».

Ратибор был ошеломлен, но постарался не терять лица.

— Я убедился, что вы много знаете о Конструкторе, да и Грехов — ваш друг, и в качестве эксперта...

— Сказала же — согласна, не теряйте времени на уговоры, у вас его нет. — Она кивнула на выглядывавший из-за уха собеседника золотой усик антенны.

— В таком случае Железовский не возражает.

Взгляд Анастасии стал задумчивым.

— Да, Аристарх ваш все-таки молодец. Давно известно, что деятельность коллектива творческих работников должна координироваться людьми такого же класса, но специалистами в области управления и организации, и Аристарх в качестве комиссара космосектора вписался в отдел безопасности идеально, несмотря на плохое знание научных дисциплин и полное отсутствие технических знаний. А ведь отдел безопасности — на самом деле «банк интеллектов», как его прозвали в народе.

— Уж слишком он спокоен, — произнес Ратибор, — непоколебим. Иногда это раздражает... не меня, некоторых.

— Но это же чепуха! Чем выше творческие способности — в любой области, — тем выше эмоциональная устойчивость и душевное здоровье.

— Тогда мне еще далеко до потолка.

— Слава Богу, еще далеко, — сказала серьезно Анастасия. — У вас еще есть вопросы по существу?

— Вы торопитесь?

— Не я — вы.

— У меня еще почти полтора часа времени.

— Тогда пойдемте потанцуем.

Они выбрали танцверанду на берегу Десны и поплыли в танце под музыку, включенную психоадаптером: в зоне танца каждый мог танцевать соответственно настроению то, что хотел. Прижавшись друг к другу, они про-

танцевали целый час, делая трехминутные передышки за столиком с напитками, разговаривая обо всем, что интересовало обоих: об искусстве антиабстрактов и школе живописи Шилова, о музыке классицизма и психоделитиках, о балете «супер» и сенсоклипах Роберта Иван-да-Марьи Джойс-Павленко, о литературе неореализма и о спорте, и судьба на этот час была благосклонна к Ратибору — по рации никто его так и не потревожил.

А прощаясь у входа в метро, Анастасия вдруг прочитала стихи старинной поэтессы Анны Ахматовой, прозвучавшие как тонкий намек:

> И странный спутник был мне послан адом.
> Гость из невероятной пустоты,
> Казалось, под его недвижным взглядом
> Замолкли птицы, умерли цветы.
> В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.
> Безумие и мудрость были в нем тлетворны...

— Безумие и мудрость, — повторила Анастасия, в глазах которой задумчивость вдруг сменилась тревожным блеском. — Берегись, мастер, тебе предстоит схватка, равной которой не приходилось пережить никому. Будь осторожен.

— Я постараюсь, Стася, — ответил Ратибор.

Девушка покачала головой, быстро поцеловала его и скрылась в толпе заходящих в зал метро людей. А у Ратибора остался на губах привкус земляники.

Две недели оператор тревоги по режиму «Шторм» Ратибор Берестов мотался по Земле, планетам Системы, поселениям людей на планетах других звезд и погранпостам в космосе на дальних подступах к Солнцу, координируя работу секторов и отделов Управления аварийно-спасательной службы, погрануправления и технических служб человечества, участвуя в оперативных совещаниях Совета безопасности, СЭКОНа и научного комитета, соединившего в одну творческую лабораторию все физические институты земли, подготавливая линию технического обеспечения будущим строителям «ловушки для Конструктора», как стали называть конечную цель поиска ученых.

За это время ни в жизни отдела, ни в жизни всего человечества ничего существенного не произошло, не считая того, что «пуля» Большого Выстрела преодолела почти одну пятую расстояния, оставшегося до встречи с Солнеч-

ной системой. «Дельфийский оракул» звонил дважды, но Ратибор не разговаривал с ним лично, ему просто передавали слова неизвестного доброжелателя. В конце концов ему это надоело, и он дал было задание своей обойме отыскать «оракула», но потом решил сделать это сам, вспомнив, что дребезжащий звук «расколотого колокола», сопровождавший голос «оракула», похож на крик скалогрыза с планеты Эниф. Отыскать в Такла-Маканском заповеднике вольеры со скалогрызами не составляло труда.

С Анастасией Демидовой Ратибор встречался каждый день, она теперь работала в его оперативной группе, сообщив немало интересных подробностей из столетней давности истории охоты на сверхоборотня, спору Конструктора, и попыток людей приручить ее или отыскать пути взаимопонимания. Грехова Ратибор видел лишь однажды, но чувствовал, что тот где-то поблизости и не выпускает его из поля зрения.

Железовский почти не вмешивался в деятельность оператора «Шторма», у него хватало своих забот по разворачиванию сил человечества для отражения грядущей опасности, а сам Ратибор потревожил его только раз, спросив, зачем ему список людей, похищенных когда-то сверхоборотнем.

— Я думаю, ты уже сам разобрался. — Встретились они на базе УАСС «Оймякон-3» случайно, и комиссар-два смотрел на Берестова хмуро и с неудовольствием. — Есть данные, что эти люди на Земле.

— То есть как?!

— Конструктор выпустил их... хотя, скорее, не их, а так называемые информационные копии, идентичные оригиналам во всем, кроме одной вещи: у копий отсутствует механизм старения.

— Лабовиц, — вспомнил Ратибор.

Железовский хмыкнул, с новым интересом скользнул взглядом по лицу безопасника.

— Герман Лабовиц, экзобиолог из Такла-Маканского ксенопарка, один из них. Остальных надо искать. Но не преследовать. Во всем остальном, кроме происхождения, они люди.

— Как же они оказались в Системе?

— В те времена случилась темная история с пограничным коггом «Клондайк»: он исчез примерно в том же районе, где маневрировал Конструктор, а потом вдруг появился в Системе, за орбитой Нептуна, цел и невредим, с экипажем, ни один член которого потом не мог сказать,

что произошло, почему «Клондайк» оказался дома за сотни световых верст от района патрулирования. Подозревают, что Конструктор высадил похищенных на когг и отправил домой, подвергнув экипаж шлюпа чему-то вроде гипноатаки.

— Зачем это ему?

— Не знаю. — Взгляд Железовского снова стал тяжелым. — Ничего хорошего я не предвижу, а тебе придется предусмотреть неприятные сюрпризы.

— Мне кажется, звонил Лабовиц.

«Роденовский мыслитель» смотрел вопросительно, и Ратибор рассказал ему о предупреждениях «дельфийского оракула».

— Странно. — Комиссар нахмурился. — Похоже на розыгрыш, но уж больно безыскусный. Что за этим кроется?

— Я проверю. Освобожусь и проверю.

— Тяни, коли взялся. Главное, правильно распределить силы на дистанции, как физические, так и моральные. Основная работа впереди.

Они разошлись, а Ратибор вспомнил свой дебют прохождения полигона УАСС «Ад-2». Он был молод, неопытен, полон сил и энергии, и пройти полигон казалось ему плевым делом, ибо он умел все: быстро бегать, высоко прыгать, подниматься по скалам на одних руках, прекрасно стрелять, водить все виды транспорта (драйвер-прима, как-никак), работать на всех компьютерных системах и так далее. Но «Ад-2» — это не «лужок с сюрпризами», как прозвали «Ад-1» — полигон стажеров погранслужбы, это зона экстремальной проверки человека на выживание, и одной силой, даже помноженной на интеллект и творческий потенциал, одолеть ее было невозможно, для этого требовалось еще и железное терпение, и стайерская выносливость, и умение распределить силы по дистанции.

Проходили полигон тройками. В группу вместе с Ратибором и застенчивым и добродушным венгром Гонзой Данешем, способным унести на себе шесть человек, попал невысокий, скуластый, хрупкий на вид парнишка Савич, не отличавшийся ни особой силой, ни выдающимися умственными способностями. Но у этого человека оказался такой запас выносливости, умения точно дозировать усилия на преодоление препятствий и распределять резервы организма, что группа прошла полигон только благодаря ему. Ратибор выдохся на четвертом этапе полосы препятствий, с трудом преодолел «зону ужасов», стрессовую «кастрюлю», едва оклемался от встряски

неформального эф-моделирования (проверка на интуицию в условиях фантомного преобразования реальных ландшафтов), хотел уже сдаться, но потом у него взыграло самолюбие, и он дошел-таки до конца — на одних нервах, стиснув зубы, теряя сознание от дикого перенапряжения и приступов слабости, после которых он обнаруживал себя на плечах Савича. Этот урок запомнился ему надолго, и с тех пор он всегда рассчитывал путь, научившись делать то, что умел Савич.

С базы Ратибор отправился в планово-экономический отдел ВКС, где его ждал Герберт Робсон, эксперт СЭКОНа по планированию и снабжению, а оттуда на спейсер погранслужбы «Перун», координирующий работу поисково-исследовательских групп, аварийно-спасательных обойм и погранпостов в зоне Большого Выстрела: позвонил Демин и сообщил, что в районе передовой погранзаставы снова появились чужанские корабли, производящие рискованные эволюции возле канала БВ.

В действия команды Демина Ратибор вмешиваться не стал, дал себе часовую передышку, наблюдая через ультраоптику за странными объектами: один напоминал панцирь черепахи с рогами, второй — оплывшую стеариновую свечу, третий — колоссальную раковину моллюска. Чужане делали вид, что не замечают предупреждающих сигналов земных машин пространства, не отвечали на вызовы и продолжали таинственную возню у самой границы БВ, так что иногда казалось — они уже влезли в канал и претерпели необратимые изменения.

Однако с аппаратами чужан ничего не случилось, словно они были заговорены, и у молодых пограничников даже возникли сомнения в способности БВ преобразовывать материальные тела. Но первый же зонд, запущенный с «Перуна» и достигший чужанской «черепахи», тут же сгорел, а второй превратился в «запятую» из плавленого металла. И тем не менее с чужанскими кораблями ничего подобного не происходило, что вызвало оживленную дискуссию среди исследователей всего отряда.

Убедившись в том, что БВ мчится к Солнцу с прежней скоростью, Ратибор вернулся в отдел как раз к тому времени, когда Совет безопасности собрался на второе заседание. Как и первое, оно состоялось в Берне по той же самой формуле с применением компьютерной связи, но проходило в острой полемике, в результате которой совет принял решение начать строительство

приемного тахис-конуса[1] для того, чтобы загнать в него БВ и вывести по «струне» за пределы Галактики. Строительство поручалось Главмонтажспецстрою Земли, трем его филиалам одновременно: Американскому, Европейскому и Восточно-Азиатскому, и требовало оно от землян огромных энергетических затрат и материальных ресурсов, а также точнейших расчетов стыковки конуса и «пули» БВ, но главное, оно требовало времени — около полутора месяцев с предельным напряжением всех сил, и у Совета оставалась надежда, что за это время ученые все же отыщут способ контакта с «головой» Конструктора и остановят его «без крови». Правда, Ратибор эту надежду не разделял, как и Забава Боянова.

— Прав был Гёте, — сказала она, закрывая заседание. — Решением всякой проблемы служит новая проблема. Если мы остановим Конструктора, и он «вылупится» в нашем пространстве неподалеку от Системы, снова возникнет проблема, как сохранить свой дом. Нынешнее наше решение единственно правильное.

— И все же мы соберемся еще раз, — заметил председатель совета Ярополк Баренц, — перед тем как включить тахис-конус, и окончательно утвердимся в правильности подготовленного решения.

Решение было принято большинством всего в три голоса, хотя никто из членов совета и не воспользовался правом вето.

Поздно вечером третьего августа Ратибор пригласил Анастасию еще раз прогуляться с ним в Такла-Маканский ксенозаповедник и, ничего ей не объясняя, повел в сектор с вольерами энифских скалогрызов; на этой долготе уже наступило утро.

Сектор представлял собой уголок дикой горной страны, отрог Сихотэ-Алиня, примыкавший к северной оконечности некогда великой пустыни Такла-Макан. Для того чтобы скалогрызы, не нуждавшиеся в определенном газовом составе атмосферы — легких в обычном понимании этого слова у них не было, — не ушли в горы и не натворили дел в горных поселениях, не со зла или жестокости, а просто из-за неосторожности самих людей, ибо скалогрызы были слишком сильны и обладали рентгенозрением со всеми вытекающими отсюда последствиями, весь квадрат был огорожен специальным силовым полем, в том числе и под землей на глубине в сто метров. Кор-

---

[1] **Т а х и с** — струна (*лат.*).

мить этих зверей, представляющих собой живые термоядерные реакторы, не было нужды, а увидеть их можно было со специально оборудованных башен, когда скалогрызы нежились в лучах рентгеновских прожекторов, включаемых в день экскурсий.

Понаблюдав за парой инопланетных животных в бинокли и разглядев их чудовищные морды: скалогрыз представляет собой двадцатиметровую круглую «трубу» в ромбовидной зеркальной броне, а голова у него — жуткий нарост в форме сросшихся слоновых хоботов, каких-то грибообразных выступов, воронок и рогов, причем она светится даже днем, Ратибор и Анастасия отыскали бункер управления сектором с небольшой исследовательской лабораторией, которой заведовал доктор экзобиологии Герман Лабовиц.

К удивлению Насти, но не Ратибора, хозяин лаборатории уже работал, несмотря на ранний час. Был он высок, гибок, смуглолиц и черноволос, скуп в движениях, в карих глазах стыла усмешка.

— Ранние гости — к теплому лету, — пошутил он, не удивляясь, радушным жестом приглашая гостей сесть в удобные кресла у прозрачной стены комнаты, сквозь которую открывался потрясающе красивый вид на каньон Утла-Донга. — Визит опера «Шторма» для меня честь. — Он уселся напротив, обхватив колено длинными сильными пальцами. — Чем же заинтересовала безопасников моя скромная персона?

— Так уж и скромная, — усмехнулся Ратибор, не отвечая на вопросительный взгляд спутницы. — Настя, скажите, пожалуйста, кем был Герман Лабовиц, родившийся двадцать второго мая две тысячи сто сорок восьмого года в Копенгагене?

— Охотоведом на Быстрой, второй планете дельты Орфея, — ответила Анастасия не задумываясь.

— А где он сейчас?

— Похоронен на Земле, на родине, в две тысячи сто семьдесят шестом году.

— Ну, а кто же тогда вы? — Ратибор, прищурясь, оглядел сидевшего перед ним Лабовица. — «Дельфийский оракул»?

— Догадался? — На лице хозяина лаборатории не отразилось ни капли смущения, ни тени удивления или угрозы. — Молодец, опер. Не тяжела «шапка Мономаха»? — Он кивнул на клипс антенны пси-рации в ухе Ратибора.

— Вы не ответили на вопрос.

— Отвечу. — Лабовиц вздохнул. — Я — Герман Лабовиц. И меня действительно едва не похоронили в Копенгагене в ноябре сто семьдесят шестого. Но отсутствие дыхания и остановка сердца — не есть факт смерти. Врачи, констатировавшие смерть, не учли, что я побывал в объятиях сверхоборотня. Я очнулся буквально за несколько минут до кремации. А в памяти компьютера колумбария остался «факт» моей смерти. С вашего разрешения, я продолжу, чтобы не было лишних вопросов?

Похоронив родных, жену, детей — всех пришлось пережить, — я улетел с экспедицией Лема и пробыл на других мирах в общей сложности сорок лет. Потом прилетел и обосновался здесь. Точка.

— Значит, я прав, и вы экзосенс?

— Совершенно справедливо. — Лабовиц вежливо улыбнулся. — Как и Ри Грехов, и кое-кто еще из той команды, что принимала роды Конструктора на Марсе.

— Зачем вы звонили мне? Хотели пошутить? Или посмеяться?

— Ни Боже мой! Просто хотел убедиться, хватит ли тебе пороху взяться за это дело и довести до конца — встретить Конструктора.

— Вы убеждены, что БВ — именно Конструктор?

— Большой Выстрел — это еще не Конструктор, это его взгляд, если говорить образно. Ты мне симпатичен, опер, поэтому скажу тебе то, что не сказал бы другому. Ты не справишься со «Штормом», если не станешь таким же, как твой начальник Железовский. К счастью, как говорят спортсмены, и разбудить твой резерв может только один человек. Вот Настя знает. — Лабовиц кивнул на Демидову.

— Вы знакомы? — Ратибор посмотрел на девушку.

— Нет, — повела плечом та. — Но ты же сам сказал, что он экзосенс.

— Понятно. Последний вопрос. Вы знали Эрнеста Гиро?

Лабовиц кивнул.

— Пограничник из команды крейсера «Сташевский». Он погиб в тот же день и час, что и я.

— Есть сведения, что он жив.

Лабовиц слегка нахмурился, покачал головой.

— Насколько я помню, он был похищен сверхоборотнем, а оттуда не возвращаются.

— Конструктор вернул всех «съеденных» им, вернее — их информкопии, псевдолюдей, так сказать. Я грешным делом считал, что вы тоже из их числа.

— Поэтому и приготовил на всякий случай группу захвата?

Ратибор улыбнулся, скрывая смущение.

— У меня неограниченные полномочия, и я должен был предусмотреть все. Извините. Как вы думаете, зачем Конструктору понадобилось возвращать псевдолюдей на Землю? В качестве жеста доброй воли, мол, я не желаю вам зла? Или за этим стоит какой-то расчет, тонкий замысел?

— Ты меня озадачил. — Лабовиц задумался. — Дай мне время поразмыслить. Возможны варианты. Хотя ты как опер «Шторма» должен приготовиться к худшему из этих вариантов. — Экзобиолог встал. — Удачи тебе, мастер.

Ратибор не колеблясь пожал протянутую ладонь.

Уже когда они выходили из помещения, Лабовиц сказал им в спину:

— Учти еще одно обстоятельство, мастер: здесь у нас, на территории заповедника, законсервирован морг «серых людей».

Ратибор едва не споткнулся, останавливаясь, оглянулся.

— Не понял! Разве их не?.. Аристарх сказал, что небольшая их группа осталась в лаборатории ИВК, остальные умерли.

— Дело в том, что слово «смерть» к «серым людям» неприменимо. В них выключены все программы, вот и все, но в таком состоянии они могут находиться неограниченно долго. Это клан существ-чистильщиков, прошедших эволюцию приспособления к утилизации любого рода отходов, и он может быть включен дистанционно и в любое время. Не людьми. Мы, к сожалению, ключа к их включению не нашли. Говорю это как специалист. Я занимался ими... вместе с другими экзобиологами и медиками года три, но... — Лабовиц развел руками. — Их оставили для будущих поколений ученых.

— Спасибо, — сказал Ратибор, — я учту.

Весь их разговор слышал и Умник, поэтому, выйдя из бункера управления, Ратибор сказал только одно слово: проверить, — остальное было заботой оперативной обоймы.

— Я боюсь, — проговорила Анастасия, когда они подходили к залу метро заповедника; глаза ее блестели, словно она готова была вот-вот заплакать. — Над нами сгущаются тучи, и неизвестно, откуда ждать опасности, и каков ее облик, и как помочь тебе, если ты отказываешься от помощи...

Ратибор насупился. Он до сих пор не знал взаимоотношений Анастасии и Грехова, и это злило его и сбивало с естественного тона.

Внезапно пошел слепой дождь: солнце сияло вовсю, на небе всего одно облачко — и дождь! Даже ливень!

Они было побежали, как и другие пассажиры метро, застигнутые врасплох и пытавшиеся найти прибежище кто где, но на Ратиборе был непромокаемый кокос, а Настя не боялась промокнуть, и дальнейший путь они проделали неторопливым шагом, не обращая внимания на веселые возгласы пробегавших мимо парней.

— Ты что, в самом деле хотел его... задержать? — помолчав, спросила Анастасия; мокрые волосы облепили ее лицо и плечи, подчеркнув гордую посадку головы, высокая грудь рельефно выступила под блузкой.

Ратибор спохватился.

— Отбой захвату и персональной «ово»! Старшим обойм — обычные темпоритмы. Ты домой, русалка?

Настя задумчиво изучала его лицо огромными глазами.

— Не думала, что ты...

— Так осторожен?

— Нет, быстр. Поспешные решения часто приводят к ошибкам, тем более в преддверии «роковой черты», как сказала твоя приятельница Боянова. А если бы он начал сопротивляться? Что вы знаете о возможностях экзосенсов, мастер?

Ратибор остановился, запрокинул голову, поймал губами несколько капель дождя.

— Все данные об экзосенсах, равно как и об интрасенсах — здесь. — Он постучал пальцем по лбу. — Ошибаться я не имею права, ни как опер, ни даже как кобра безопасности. Во-вторых, моя скромная персона сейчас на особом контроле и ультраподстраховке. Это что касается поспешности. А вот о морге с «серыми людьми» ты мне ничего не говорила. Не знала сама?

Анастасия виновато опустила голову и тут же подняла, бесстрашно глядя в глаза спутнику.

— Знала. Но не думала, что это знание представляет ценность. Да и сейчас так не думаю.

— Настя. — Ратибор подумал, тщательно подбирая слова. — Волей случая ты один из экспертов «Шторма», и опыт твой еще хил, но все же и ты должна знать, что в нашем положении нет не относящихся к делу фактов. И кто знает, какой из них окажется важным, а какой нет. Прошу тебя, попытайся вспомнить, что ты мне еще

не рассказала о Конструкторе, об его окружении, о людях, которые работали с ним, даже о вещах, имеющих к этой теме косвенное отношение. Договорились?

Девушка кивнула.

У Ратибора вдруг одеревенела спина, показалось, что сзади кто-то противно хихикнул. Быстро обернувшись, он увидел спину поспешно уходящего человека в голубом кокосе транспортной инспекции. Человек посмотрел на него через плечо, зашагал быстрей и свернул в одну из аллей парка. Дождь кончился, солнце светило вовсю, и Ратибор отчетливо увидел родинку на щеке и щеточку усов.

— Что с тобой? — Настя тихонько погладила руку Ратибора.

Тот расслабился, задумчиво потрогал мочку уха. Вспомнил, как штудировал литературу и видеотеку по интрасенсам. Термин «интрасенс» лишь недавно, лет двадцать назад, заменил понятие интуитив, хотя многие специалисты продолжали им пользоваться. В свою очередь слово «интуитив» заменило когда-то слово «экстрасенс», корни которого уходили в седую древность, в двадцатый, а может быть, и в девятнадцатый век. Особенности экстрасенсов, людей с обостренной чувствительностью к колебаниям физических полей, к излучению, медленному и почти не ощутимому приборами изменению внешних условий, в те времена практически не исследовали, информация того периода была скудна и мало подтверждена фактами. В двадцать первом веке биологи спохватились, начался взрывоопасный бум по выявлению, изучению и развитию интуитив-резерва у людей с гиперчувствительностью и необычными способностями к врачеванию или физическому воздействию на расстоянии — психо- или, как потом стали называть, паракинезу. Спустя еще столетие «спящие» гены в организме человека стали пробуждаться все чаще, и людей с врожденными способностями к экстрасенсорному восприятию стали называть интрасенсами, а общественное мнение от полного неприятия таких феноменов сделало крутой зигзаг к полному признанию: человечество поняло, что эволюция сделала новый шаг к хомо супер, человеку всемогущему, способному жить в космосе, как в родном доме.

Что касается самого термина, то были попытки заменить слово «интрасенс» или хотя бы сократить его, но сокращенное — интрас — не прижилось, история, к со-

жалению, знавала такие словечки, как контрас, и от сокращения интрас отказались.

— Как у вас, интрасенсов, срабатывает интуиция? Что вы чувствуете? — спросил наконец Ратибор.

— У кого это «у вас»?

— А ты думаешь, я не догадался, что ты интуитив?

— Давно?

— Ты не ответила на вопрос.

Анастасия прикусила губу, вытерла мокрое лицо ладонью, потом то же самое сделала Ратибору. Ладони у нее были на удивление сухие и теплые.

— В общем-то, у каждого интрасенса это чувство проявляется по-своему, ведь мы не только «читаем» мысли, но чувствуем эмоции, психофон. Отрицательные эмоции окружающих у меня, например, чаще всего вызывают ощущение злобного шепота, а положительные — видения весенней капели, паутинки, летящей по ветру, или цветущего луга... по-разному.

— Понятно. А сейчас ты... когда я оглянулся, ничего не почувствовала?

Девушка посмотрела за спину Берестова.

— Ты... поэтому оглянулся?

— Показалось, что кто-то странно так хихикнул, знаешь, с насмешкой и пренебрежением...

Не сводя с Ратибора взгляда, Анастасия поднялась на цыпочки, поцеловала его в переносицу и отвернулась.

— Извини, это я так... идем, на нас все смотрят.

— Это потому, что ты мокрая, — сказал Ратибор хмуро, чтобы скрыть поднявшееся волнение.

Уже в зале метро рация в ухе безопасника вдруг пискнула голосом Умника:

— Оперу-прима от опер-секунды: перекличка служб в двенадцать ноль-ноль по среднесолнечному. Персональные контакты нежелательны.

Ратибор подобрался, с сожалением освобождаясь от приятных грез, и привычно глянул на браслет: рубиновые цифры высветили одиннадцать сорок семь по среднесолнечному времени, у него оставалось до указанного срока еще тринадцать минут.

— Что, запас времени иссяк? — спросила Настя.

— На поцелуй хватит, — ответил Ратибор серьезно.

Часть вторая

ВЕЧНОСТЬ ОТКРЫВАЯ. ЖЕЛЕЗОВСКИЙ

ПРЕДЕЛ ДОПУСТИМОЙ ОБОРОНЫ

Прошло несколько минут, прежде чем Железовский перестал хватать воздух ртом, зелень в глазах исчезла, а в тело, рыхлое и легкое, вернулись вес и сила.

Старею, подумал он флегматично, год назад я бы увернулся от такого выпада. Или переборщил с настройкой ответных программ?

Он поглядел на застывшего в двух метрах тренера-инка, улыбающегося вполне естественно, виновато и смущенно, как человек, искренне осознающий свое превосходство.

Нет, старею. И никакой оптимайзинг уже, наверное, не поможет дотянуть до былых кондиций.

Железовский вызвал в стене зеркало, поднял руку, глядя, как буграми вспухают мышцы. Усмехнулся, вытягивая губы трубочкой. «Роденовский мыслитель»... Интересно, кто первый назвал меня «мыслителем»? Слава Богу, парень был с головой, могли ведь прилепить и кое-что похлеще... Эрберга его профессионалы за глаза прозвали «статуей командора», а Кий-Короната в разговоре величают просто и со вкусом: «корочун»![1] Железовский снова усмехнулся. Интересно, почему у Ратибора нет клички? На самом деле, почему?

Наверное, потому, ответил он сам себе, что все чувствуют в парне дремлющую силу. Пока дремлющую, может быть, но силу. И вообще, в человеке, в мужчине, окружающими наиболее ценится сочетание интеллекта и действия, счастлив тот, у кого гармония в этом смысле от природы. У Ратибора, правда, иногда случаются перегибы в действии, но это по молодости лет...

---

[1] Злой дух, сокращающий жизнь (*древнерус.*).

— Что разулыбался? — проворчал Железовский, поворачиваясь к партнеру. — Сгинь, исчадие ада!

Тренер-инк — «динго», конечно, с наведенной сенсомоторикой, сгинул. Аристарх взглядом привел помещение в порядок, снял трико и стал под душ. Через несколько минут вылез, пшикнул озонной струй и прошел на рабочую половину служебного модуля, сел за рабочий стол. Выбрал программу и превратил помещение в беседку в парке. Еще через минуту в «беседку» вошла Забава Боянова. Села напротив, нога за ногу. Улыбнулась глазами, окидывая взглядом глыбу за столом.

— Поднимал тонус?

— Старею, — вместо ответа буркнул Железовский. — Как-никак девяносто восемь.

— Не прибедняйся, старик. В пересчете на годы хомо ординарис тебе около сорока, это возраст не мальчика, но мужа.

Железовский ухмыльнулся, представив чувства Берестова, узнай тот, что возраст начальника — без малого век.

— Я знаю, о чем ты подумал, — кивнула Боянова. — Не пора ли на покой или, по крайней мере, в синклит старейшин? Ты прав, мне — самое время. Закончу работу с Конструктором и уйду... А на свое место буду рекомендовать тебя.

Железовский долго сидел неподвижно и молча, как изваяние. Думал. Пси-обмен собеседников продолжался, их пси-поля были близки по оттенкам эмоций и нюансам содержания, и поэтому они понимали друг друга без слов, хотя «чтением мыслей» назвать этот «разговор» было нельзя. В обычном порядке и Забава, и Аристарх пользовались для мысленных переговоров — наиболее оперативного способа связи — пси-рациями, как и остальные оперативники безопасности и все люди вообще, но если случалось что-нибудь экстраординарное, могли общаться и без помощи аппаратуры, мысленно, при сосредоточении и большом расходе нервной энергии.

— Как там твой опер? — прервала молчание Боянова.

— Нормально. Изредка пытается выйти за рамки оператора — из-за избытка сил и желания быть на острие атаки. Справится.

— Он в самом деле не понимает, что самостоятельные действия для опера такого масштаба исключены?

— Понимает, но... — Железовский хмыкнул. — Мало кто знает, кроме тех, кто прошел это, насколько скучна работа опера! У Ратибора больше возможностей, чем у

простого координатора тревоги, вот он и находит себе оперативные ходы вроде похода к Гиппарху или к «серым людям» в Такла-Маканский заповедник. Кстати, на заседании совета ты промолчала, когда обсуждали кандидатуру.

— Подумала — пусть попробует этого хлеба, может, ты и в самом деле видишь дальше?

— Иногда, — серьезно кивнул Железовский. — Интрасенс в нем растет, хотя и медленней, чем хотелось бы.

— Боюсь, когда мы вплотную подойдем к «роковой черте», он будет не готов, и тогда за работу ответишь ты.

— Отвечу. — Слово, тяжелое и твердое, под стать облику комиссара отдела безопасности, упало, как глыба камня. Из панели стола вылез стержень с алой каплей света, в столе тихо просвистел вызов. Железовский оторвал от стержня алую каплю и посадил на ухо, вытянул из стола клипс пси-рации «спрута», подцепил на второе ухо, «ушел» в разговор с неведомым абонентом. Закончил разговор через минуту, глянул на гостью:

— Нужен твой совет. На т о м материке создано «Общество по спасению Конструктора» со штаб-квартирой в Нью-Потомаке, активно включившееся в кампанию по запрещению строительства Т-конуса. Инициатор создания «общества» неизвестен, но предполагается, что это один из наших новых подопечных, так сказать, «возвращенцев с того света».

— Экзосенс?

— Этот термин применим только к людям, получившим свои экстраспособности под воздействием внешних факторов, а «возвращенцы» — не люди, информкопии... хотя, с другой стороны, нет смысла затевать схоластические споры — кого и с какой натяжкой можно называть человеком.

— Ну, инки во всем идентичны человеку, кроме скорости мышления и способа размножения, и тем не менее мы их людьми не называем. Господи, ну и окружение: «серые люди», чужане, вообще не люди!.. Кошмар!

Это «кошмар» прозвучало так испуганно и беспомощно, чисто по-женски, что Железовский, давно знавший твердый характер Забавы, характер мужской, непреклонный, даже крякнул.

— Поговори по этому поводу с Греховым, — продолжала Боянова, заметив секундное замешательство собеседника, но никак не реагируя на это, — он контактирует со всеми экзосенсами и знает их слабые и сильные стороны.

— Твой Грехов, к сожалению, занят какими-то своими делами и в помощи отказал.

— Странно. — Боянова нахмурилась. — Он же проконсул с официальным статусом, то есть ответственное лицо... Хорошо, я сама его разыщу. Что еще?

— Кроме «Общества» в подготовку строительства Т-конуса вмешались те члены совета, которые голосовали против резолюции. Очень умело они раскрутили колесо, и в результате линия материалоснабжения и техобеспечения по конусу не запущена до сих пор.

— Саботаж, — задумчиво и с некоторым удивлением произнесла Забава. — Надо же, какое древнее слово, а все еще применимо в наше время! Как они могут не понимать, что роют могилу не кому-нибудь, а сами себе?!

Железовский набычился.

— Ты излишне категорична в формулировках. Я, конечно, всего-навсего исполнитель, жестко подчиненный Совету безопасности и управлению, и обязан выполнять их решения, но и я не могу не отметить, что кое в чем наши оппоненты правы, особенно в определении предела допустимой обороны.

Забава покачала головой, глядя на «роденовского мыслителя» с какой-то неопределенной жалостью.

— Да, ты постарел, комиссар, теперь и я вижу. Неужели и тебе необходимо доказывать, что хуже преступления может быть только попытка его оправдать? Если мы не остановим БВ — это будет преступлением против человечества, ты это понимаешь?

— Понимаю. Но и ты вспомни, оглянись на историю: тезис «цель оправдывает средства» уже применялся, и в результате человечество откатывалось по лестнице социальной эволюции назад, в эпохи инквизиции, мракобесия, фашизма, экологического волюнтаризма. Я не хотел бы спасать свою жизнь ценой чужой жизни, пусть и такой непостижимо чужой, как жизнь Конструктора.

Боянова не обиделась и не рассердилась, сидела, полузакрыв глаза и прислушиваясь к себе. Губы ее шевелились, будто она повторяла слова собеседника или читала молитву.

— Извини, — буркнул Железовский. — Не сказать не мог, обидеть не хотел. Дело, конечно, не в моей жизни и не в твоей, я понимаю, но мы должны быть свободны от заблуждения, что отвечаем за весь демос[1], пусть мы и яв-

---

[1] Д е м о с — народ (*греч.*).

ляемся выразителями воли большинства. Народ сам отвечает за себя, и перекричать всех невозможно, даже если ты прав. Проблема Конструктора уже решалась однажды...

— И никого ничему не научила. — В голосе Забавы прозвучала горькая нотка.

— Ошибаешься, научила. Научила ценить чужую жизнь и чужую волю. Через месяц мы построим Т-конус, и ты увидишь, что решение всепланетного референдума будет однозначно: не включать!

Боянова встала, приняв обычный для себя вид холодной и властной тридцатилетней женщины.

— Может, ты и прав, мыслитель, но пойми одно: мы не имеем права ничего не делать, когда впереди распахивается пропасть, а видим ее только мы с тобой.

— И это я, как ни странно, понимаю. Видят ее многие, но, вероятно, не так, как я или ты. Что касается меня, то я работаю по пословице: глаза страшатся, а руки делают, и буду продолжать в том же духе как должностное лицо. Но чувствовать, к сожалению, способен и я.

— Я знаю. — Забава обошла стол и погладила Аристарха по плечу как маленького, запустила руку в жесткие седые волосы, прочитала нараспев:

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя[1].

Молчание в комнате сгустилось до плотности желе, звуки в нем застревали и гасли, время застыло. Потом Железовский шевельнулся, и Забава убрала руку, пошла к двери, обернулась.

— До связи, комиссар. Как же поздно ты заговорил о чувствах. Не учитывая, что я старше тебя на четверть века и что мы совершенно разные люди.

Железовский снова набычился, ломая гранит лица морщинами.

— Если бы чувства поддавались учету и формализации, человечество давно бы вымерло, а оно живет.

Боянова не слушала, глядя на комиссара отдела с материнской грустью.

— Куда же ты смотрел полвека назад, мастер, когда мы встретились?

---

[1] А. Ахматова (1914).

Вышла.

Никто не застрахован от ошибок, хотел сказать ей вслед Аристарх, но не сказал. Вместо этого вызвал Умника:

— Прошу подготовить к вводу императив «телохранитель» с персональной «ово». Конкретные объекты: Ратибор Берестов и Забава Боянова.

— Принял, — лаконично ответил Умник.

Поймать Вакулу оказалось непросто, Ратибору удался этот «захват» лишь поздним вечером, когда компьютер нашел физика по «спруту», и тот предложил Берестову встретиться у него дома.

Сутки оператора «Шторма» делились на день и ночь условно, так как поток действий, вызванный тревогой в управлении, не прекращался ни на минуту, поэтому работа оператора данного вида тревоги требовала от человека колоссального здоровья, полной самоотдачи и умения отдыхать в минимально необходимые сроки. Ратибор мог восстанавливать силы за пять часов: четыре часа сна, полчаса аутотренинга, полчаса спортивной нагрузки в спарринге с тренером-инком.

Добираясь до светящейся колонны метро на такси — Вакула жил в Днепропетровске, на правобережье Днепра, — Ратибор автоматически перебрал в уме главные события прожитого дня, не нашел собственных ошибок и удовлетворенно вздохнул. Он успел сделать все, что наметил, и намеревался продолжать в том же темпе. Волновали душу лишь две проблемы: высвобождение интрасенсорных возможностей — как это сделать быстро, не прибегая к помощи Грехова? — и проблема по имени Анастасия Демидова. Настя, Стася... Пытаясь трезво оценивать собственное к ней отношение, Ратибор неохотно пользовался рядом синонимов к слову «нравится», но понимал, что лжет сам себе. На этом обычно кончались его попытки самоанализа, он сердился неизвестно на кого и переводил стрелки аналитического аппарата на внешние проблемы, полагая, что время само выявит, что есть что, однако встреч с Анастасией, даже мимолетных, рабочих, он ждал с нарастающим нетерпением, девушка волновала его неординарностью, загадочной связью с патриархом-экзосенсом Греховым и своим странным отношением к нему, заставляла держаться в постоянном интеллектуальном напряжении. Ратибор так и не разобрался, как Настя относится к нему самому: то ему ка-

залось, что она чуть ли не влюблена в него, то, наоборот, ненавидит, хотя никаких причин к возникновению этого чувства не было и быть не могло.

Такси-пинасс упало на освещенный пятачок стоянки возле коттеджа Вакулы, мигнуло зеленым и откинуло прозрачный блистер. Ратибор вылез, окинул дом рассеянным взглядом: решен в украинском стиле, семь комнат, игротека, баня, веранда; отдельно — «Аладдин», вокруг — сад, ухоженный и богатый, что видно даже ночью; ветер приносит запахи малины и яблок, терпкой зелени — хорошо!

Хозяин встретил гостя в прихожей, одетый в пестрый халат «а-ля Хмельницкий». В руках — стакан с янтарным напитком.

— Проходи, я сейчас. Хочешь? Это сбитень.

Ратибор кивнул.

— Держи, я себе налью.

Со стаканом в руке Ратибор прошел в гостиную, утопая по щиколотку в густом белом ворсе ковра. С любопытством огляделся.

Вакула жил один: дети — четверо — разлетелись кто куда, жена давно нашла новую семью, родители жили отдельно, однако Ратибор догадался, что у хозяина недавно была женщина. И ушла она перед его визитом. Впрочем, Вакула и не скрывал этого, оставив на туалетном столике раскрытый косметический набор.

Интерьер гостиной несколько озадачил гостя: мебель в стиле русского ампира, на двух стенах гобелены, канделябры со свечами, третья — ширма кровати с балдахином, четвертая — каминный экран. Ратибор прошелся по комнате, потрогал гнутые спинки кресел, короткую элегантную кушетку-рекамье с высоким, плавно изогнутым изголовьем, имеющим форму не то гондолы, не то лебединой шеи, оперся на гефидон — круглый стол на одной ножке, осмотрел низкий двухстворчатый шкаф, покрытый мраморной доской. Хмыкнул. Сзади раздался довольный смешок хозяина:

— Небось, озадачен? Откуда у этого зануды-физика пристрастие к стилю ретро? А мне нравится, хотя все это затея Ларисы, подруги... м-м... с некоторого времени. Жена любила современные стили, и я вечно пугался всяких фантомов и привидений. — Вакула рассмеялся, тряся мягкими плечами. — Хочешь, покажу? Детская осталась той же. Все собираюсь сдать дом, для одного-двух человек он слишком велик, да времени не хватает.

Дверь в детскую свернулась валиком вверх, в комнате вспыхнул свет, Ратибор вошел и остановился.

Блистающая вкраплениями стекла гранитная стена, полоса крупного кристаллического песка под ней — словно рассыпанная чумаками соль, набегающий на песок морской прибой с волнами угрюмого вишневого цвета с кровавыми искрами в глубине и со светящейся пеной, какие-то странного вида предметы, похожие на громадную, в дырках, скорлупу орехов, и косо вырастающие из стены гигантские, прозрачные, в прожилках, «стрекозиные крылья», на которых застыли две черные, бугристые, без особой формы фигуры, по пояс закованные в полированный голубой металл. Небо было розовым и размытым, будто акварельный рисунок.

Стоило Ратибору шагнуть «на песок», как застывший пейзаж ожил: волны побежали на берег, «дырявая скорлупа» жалобно заскрипела под ветром, а черные фигуры на «стрекозиных крыльях» вдруг бросились вниз и с угрозой понеслись на человека, сидя на чем-то, напоминающем журавлиные гнезда.

Ратибор выдержал «атаку», и Вакула сзади похлопал его по спине.

— Компьютерный монтаж, но за достоверность ручаюсь, так все это и выглядит на самом деле. Впечатляет?

— Пейзажи Орилоуха я уже видел, хотя и не в динамике.

— А с орилоунами напрямую не встречался? Вижу, они не произвели на тебя впечатления. Кто бы мог подумать, что эти полукаменные-полуметаллические глыбы не только живые существа, но и разумные?

— А разве не такое же впечатление создает «роденовский мыслитель»? — хладнокровно сказал Ратибор.

Вакула засмеялся, выключая аппаратуру «динго».

Вернулись в гостиную, Вакула, сев на стул с мягкими линиями изгиба ножек и спинки, усадил Ратибора на кушетку.

— Садись, все надежно, никаких «динго»-миражей. Копии, конечно, но из настоящего дерева, ничего общего с конформными надувашками. Правда, в спальне у меня все стандартно — форма мебели зависит только от желания. А что тебе известно о негуманах?

Ратибор помолчал немного. Негуманами называли представителей известных людям негуманоидных цивилизаций — чужанской, орилоухской, тартарской и цивилизации Сеятелей. Как-то так получилось, что за триста

лет космоплавания и расширения сферы влияния человеку «везло» только на встречи с негуманоидами, ни одной цивилизации «братьев не только по разуму, но и по облику» он не отыскал.

— То же, что и всем. Почему это вас интересует?

— Если так, то плохо. Как профессионал-безопасник ты обязан знать о негуманах все, что знают специалисты ИВК; иначе можешь наломать дров. А тем более тебе предстоит работать с ними в ближайшем будущем. С тем же Конструктором, например, когда он вылезет из БВ.

— Вы считаете, что тахис-конус с ним не совладает? Зачем же предложили идею?

— Т-конус, наверное, с ним совладает, но до этого дело не дойдет, кто-то отступит: либо мы — в силу принципов гуманизма, либо сам Конструктор. Лично я за прямой контакт с ним, который вытолкнет физику как науку из состояния ступора.

— Вряд ли прямой контакт с Конструктором возможен, до нас с вами его уже пытались установить.

Вакула пренебрежительно махнул рукой, оттопырил губу.

— То было сто лет назад, когда Конструктор был всего лишь младенцем, только появившимся на свет. Каков он сейчас, каковы его цели — никто не знает, так что посмотрим.

— Вы оптимист, Гордей. Увлекаясь ксенопсихологией, вы должны были бы знать, что основным содержанием деятельности цивилизаций, вышедших в космос, в конце концов становится получение, обработка и распределение потоков информации, когда в силу вступает принцип Мидаса: информация порождает информацию, остальное сбрасывается. Ни одна из цивилизаций, достигшая этого уровня, не будет заниматься просветительской и вообще любой другой деятельностью в ущерб стремительной экспансии информпреобразований. Что и доказывают на практике известные нам цивилизации в системах Чужой, Орилоуха и Тартара.

— Добавь еще Сеятелей, «серых призраков». — Вакула шибко потер переносицу, крякнул. — Я, кажется, ошибся с выводами относительно твоих познаний в ксенологии. Конечно, в ксенобиологии и психологии я почти дилетант, любитель, хотя и стараюсь в свободное от основной деятельности время держать руку на пульсе открытий, но не согласен с твоим последним утверждением: если орилоухскую КЦ еще с натяжкой можно отнести к

информационным, то чужанскую никак нельзя. Ты же только что говорил о принципе Мидаса, значит, знаешь, что по мере развития информационных КЦ происходит размывание границ между индивидуальным интеллектом и интеллект-потенциалом всей цивилизации, между отдельным индивидуумом и социумом в целом. А по этому признаку лишь Сеятели — полностью информационная цивилизация, чужанской до нее далеко. Что касается Конструктора, то, во-первых, один индивид — не все общество, а во-вторых, он представитель палеоразума, о деятельности которого мы можем судить лишь по оставшимся «следам»: галактикам и звездам, собранным в удивительные волокнистые структуры. Конечно...

Ратибор поднял руку, останавливая увлекшегося физика.

— Вы меня убедили, Гордей, однако время позднее, а я себе не принадлежу, давайте о конкретном. Когда будут готовы расчеты Т-конуса? До сдачи его осталось всего три недели.

Вакула по обыкновению закатил глаза, не обижаясь на гостя, прервавшего его речь.

— Математический каркас тахис-конуса готов, сейчас мы подгоняем модель под заданные параметры, все же масштаб такого рода сооружений никем не просчитывался, но строительство можно начинать уже завтра-послезавтра, с самого простого — с энергоблока.

— Ваш вклад в это дело? Чем вы занимаетесь лично?

Вакула пожал круглыми плечами, надул губы.

— Я занимаюсь расчетом характеристик и конфигурации зоны захвата.

— Насколько важна ваша работа?

— То есть как насколько? — удивился физик, всплеснув руками. — Точность «стыковки» БВ и Т-конуса должна быть беспрецедентной! Включить конус надо ни на мгновение позже, чем к нему подойдет Большой Выстрел, поэтому и параметры ловушки должны быть рассчитаны в пределах минимальной погрешности. К чему ты клонишь, опер?

Берестов помедлил.

— Еще вопрос, может быть, не совсем обычный: с вами ничего странного в последнее время не происходило?

Хозяин уставился на Ратибора круглыми глазами, халат его распахнулся, открыв выпуклую волосатую грудь.

— Что тебе известно об этом?

— О чем? — насторожился Ратибор.

— Мне звонили... предлагали выйти из группы.

— «Дельфийский оракул»?

— Что? Оракул? А-а... нет, звонивший не представился, просто погрозил, и все. Я думал, чья-то шутка...

— Проверить, — сказал Ратибор коротко. В ухе отразился ответ Умника, понявшего, к чему относилась команда: «Принял».

— Что проверить? — ошарашенно спросил Вакула.

— Это я про себя. Позвольте дать совет. — Ратибор встал. — Будьте осторожнее.

— Где? — Вакула тоже поднялся.

— Везде. Кто-то начинает не очень приятные и, возможно, опасные игры, и надо быть к ним готовым. Конкретнее, к сожалению, говорить не могу, поэтому прошу: будьте осторожнее. Кто знает, к каким угрозам, помимо словесных, могут прибегнуть «доброжелатели». Обещаете?

Вакула вдруг засмеялся.

— Ты, опер, по-видимому, принимаешь меня за кабинетного ученого, анахорета, слабака, одним словом. — Физик скинул с себя халат и остался в плавках; тело у него было не то чтобы жирное, но пухлое, оплывшее, в складках и выпуклостях. — Красив?

В следующее мгновение Вакула напрягся, и с его телом произошла удивительная метаморфоза: складки и припухлости исчезли, громадный живот подобрался и взбугрился мышечным рельефом, вся фигура оделась в атлетический мускулистый каркас! Перед Ратибором стоял не толстяк ученый, каким его знали все, а профессиональный спортсмен-борец или штангист.

Вакула расслабился, накинул халат, хихикнул, заметив смятение в глазах гостя.

— Как видишь, я только с виду рохля и мямля, а вообще-то не лыком шит, смогу постоять за себя, если представится возможность.

— Борьба, штанга?

— Ни то ни другое — пятиборье. Хотя в свое время занимался и борьбой, по-любительски, в охотку.

— Тогда все в порядке. — Ратибор пожал широкую мягкую ладонь хозяина, которая на одно мгновение превратилась в клещи и тут же ослабила нажим. — Желаю держать себя в форме и впредь. Кстати, вы включены в тревожную команду и по режиму «Шторм» обязаны всегда и везде носить рацию, вам ее должны были уже передать.

— Передали. — Физик небрежно махнул рукой. — Нацеплю завтра утром, коль уж необходимо. Заходи в гос-

ти, даже без всяких оснований и причин, просто так. Один или с дамой.

— Если освобожусь, — вежливо пообещал Ратибор.

Домой он попал спустя полчаса без всяких происшествий, привычно перебирая в памяти пункты плана на завтра, не замечая, что его на пределе возможностей, с использованием ультраоптики и летающей микроаппаратуры сопровождают по крайней мере две группы людей, каждая со своим лидером.

В течение шести дней в ритме жизни Берестова ничего не менялось: координация громадных людских коллективов, материальных средств и энергоресурсов, брошенных на решение проблемы «защиты от выстрела» — как стали называть строительство Т-конуса, с помощью которого люди хотели избавиться от «пули» Конструктора, — отнимала все физические, интеллектуальные и эмоциональные силы, а также личное время без остатка. Приходилось напрягаться, на ходу учиться лавировать, гибко реагировать на запросы специалистов разных рангов, обходить острые углы в решении личностных отношений и безошибочно выбирать из всех альтернатив единственно правильное решение. И все же каким бы ни казался тяжелым труд оператора, в один прекрасный момент Ратибор почувствовал, что ему... скучно! Положение стабилизировалось, маховик работы раскрутился и держал набранные обороты, сбои в снабжении стройки необходимыми материалами прекратились, «Общество по спасению Конструктора» хотя и давало знать о себе, будоража общественность видеопередачами «с места событий», но особенно не тревожило, тем более что им занимался сектор комиссара-один; ничего особого вокруг не происходило, и работа оператора «Шторма» превратилась в рутинное дежурство сродни стайерскому бегу: держи темп да смотри под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть.

Быстро охладевший к уважительно-фамильярному званию «опер», Берестов наметил было конфликт с Железовским, зная, что тот к смене амплуа подчиненного относится резко отрицательно, — надоело постоянно выслушивать одергивания Умника типа: «Оперу-прима от опер-секунды — нецелесообразно этот вопрос решать лично», как вдруг одно за другим начались странные и страшные события, потребовавшие пересмотра всей доктрины «защиты от выстрела», и Ратибор хотя и с тру-

дом, но все же настоял на личном участии в расследовании происшествий.

Во вторник девятого августа физик-эксперт Управления аварийно-спасательной службы Гордей Вакула был обнаружен мертвым в лаборатории Института внеземных культур, где он с коллегами занимался исследованием зондов и других материальных объектов, попавших в зону Большого Выстрела.

Ратибору не удалось прибыть на место происшествия в числе первых, он был в этот момент далеко от Земли, в зоне, где началось строительство Т-конуса, но, вернувшись из рейда, первым делом посетил морг управления, где находилось тело Вакулы.

Врачи, обследовавшие физика, растерянно развели руками, констатировав «смерть от остановки сердца», но добавить к диагнозу ничего не могли. На теле Вакулы не было обнаружено ни одной царапины, ни одного ушиба или травмы, в том числе и внутренней, не страдал он и ни одной из скрытых форм болезней, так что «презумпция естественной смерти» отпадала, хотя и насильственная не была определена достоверно. Бывший спортсмен, мастер спорта по пятиборью, обладал великолепным здоровьем, ни на что не жаловался, не знал, что такое недомогание, но в ночь с девятого на десятое августа, отпустив сотрудников, сел за стол, превратил его в терминал инка и... умер.

— В принципе убить человека, не оставив никаких следов, можно, — сказал медэксперт управления, сопровождавший Ратибора. — Хотя, как говорил философ, что такое смерть, не знают даже мертвые.

— Как? — угрюмо полюбопытствовал Ратибор, пропустив мимо ушей вторую часть фразы. Эксперт его понял:

— Двумя способами. Первый — с помощью гипнодозатора, преодолев порог инстинкта самосохранения, второй — с помощью генератора «пси-хаоса», излучающего в широком диапазоне пси-спектра и создающего так называемые «шумовые наводки в нервных узлах». Аппаратура такого типа, кстати, используется в клиниках для лечения нервных и психических расстройств. Измени слегка параметры прибора — и готово оружие. Но мне... — эксперт помялся, — быть категоричным не хотелось бы. Мы успели провести сканирование мозга умершего и... не нашли никаких следов гипноатаки. Если Гордея убили, то неизвестным мне способом, хотя я и не верю в убийство. Но и его «естественная смерть» — тоже немалая загадка.

Ратибор кивнул, постоял у тела физика, ничуть не напоминавшее в данный момент тело спортсмена, каким он его видел неделю назад, и молча вышел из помещения.

— Будем работать, — виновато сказал ему вслед медэксперт.

Из управления Ратибор направился в Институт внеземных культур, расположившийся в живописной местности на берегу Оки под Рязанью, и осмотрел лабораторию ксенологических проблем, здание которой с виду представляло собой «наглядное изображение» атомной решетки алмаза, на много порядков превышающее по размерам прототип: одиннадцать одинаковых двенадцатиметровых линз соединялись прозрачными стволами лифтов и прочих коммуникаций в красивую ажурную конструкцию. Главный компьютер лаборатории находился в центральной «линзе» комплекса, но помочь ничем не мог: никаких следов, способных приоткрыть завесу зловещей тайны, ни розыскники, ни следователи управления не нашли.

Когда Ратибор вошел в операционный зал, разделенный светящимися перламутром стенами на отдельные блоки, он увидел лишь выглядывавшие из-за спинок кресел головы сотрудников лаборатории и специалистов других институтов, которые работали с компьютером за своими столами: на головах эмканы, над столами — развернутые виомы, на столах — около десятка «усов с орехами», разного рода оконечных устройств связи: записи и обработки данных.

Побродив по залу, Ратибор наугад задал курс лифту, и прозрачная капсула доставила его к складу: вдоль кольцевого коридора с подвеской магнитного транспортера располагались вакуум-камеры с зондами, датчиками, машинами и другими предметами, побывавшими в стволе Большого Выстрела, до которых у исследователей не дошли руки.

В первых, самых больших камерах располагались бывшие машины и транспортные средства: маяк границы, шлюп грифа погранслужбы Честмира Тршеблицкого, куттер, два вакуум-плотных галиона и машины поменьше — неф, пинассы, одноместные манипуляторы. Ратибор остановился возле бокса с куттером: если бы не вспыхнувшая в толще прозрачной стены надпись — узнать машину было бы невозможно. Некогда красивая, эстетически совершенная, стремительных обводов тройная «капля» пре-

вратилась в сморщенный, уродливый, покрытый белесыми наплывами «гриб-трутовик», верхний горб которого плавно переходил в изогнутые «оленьи рога».

Второй куттер походил больше на гриб-сморчок с ножкой, которая тоже постепенно превращалась в «рога». Один галион трансформировался в неприятного вида стеклянисто-зеленую опухоль, переходящую в шишку «кактуса», другой — в «морковину», но вместо пучка зелени из торца «морковки» вырастал пучок «колючек».

Бегло осмотрев остальные аппараты, Ратибор вернулся к машине Тршеблицкого и задумчиво склонил голову набок: он не ошибся — формы всех превращений имели разительное сходство, канал Большого Выстрела «вывернул» их, изменив не только изначальную форму, но и свойства, материалы, функциональные особенности, превратил в необычного вида антенны, исполненные скрытой от взора эстетики и гармонии. А еще они здорово напоминали Ратибору корабли чужан.

Поразмышляв над своими сравнениями, Ратибор больше по привычке, чем из необходимости, зафиксировал их в памяти и дал указание Умнику найти Железовского.

«Роденовский мыслитель», к удивлению Берестова, отыскался тут же в институте, у ксенопсихологов, лаборатория которых — куб с вогнутыми гранями — располагалась в березовой роще, неподалеку от «алмазной решетки» лаборатории ксенологов.

— Зайди в седьмой модуль, — сказал он, когда Умник соединил каналы связи.

В седьмом кабинете Ратибора ждали трое: хозяин лаборатории доктор ксенопсихологии Анатолий Савич, молодой сотрудник института Джеффри Губерт и Железовский, застывший грудой мышц в глубоком кресле. Савич, тоже еще очень молодой, белобрысый, с румянцем во всю щеку, усадил гостя напротив, превратил помещение в тенистый пятачок над речным обрывом.

— Он заменит Вакулу, — пробасил комиссар-два, глянув на Савича. — С условием, что мы обеспечим «ланспасад»[1]. Условие поставил я.

Ратибор молча наклонил голову; еще более юный, чем Савич, Губерт присматривался к безопаснику с любопытством и недоверием, будто ожидал увидеть разговаривающего слона, а вместо этого пред ним явился обыкновенный человек.

---

[1] Императив «телохранитель».

— Мы говорили о Конструкторе, вернее, об эволюции, создавшей такое существо, как Конструктор, — сказал Савич, вводя гостя в курс дела. — Известно пять типов эволюции: космическая, химическая, биологическая, социальная и так называемая психоноосферная, ожидающая человечество. Так вот, похоже, что раса Конструкторов перескочила три этапа, перейдя от космического сразу к ноосферному типу эволюции. А ваше мнение? Ведь вы, по словам комиссара, изучили все материалы по Конструктору.

— Конструктор — негуманоид, — сухо сказал Ратибор, — и не просто негуманоид, он представитель палеоразума, об эволюции которого теория не создана до сих пор. Да и в ближайшее время создания такой теории ожидать не стоит, потому что для этого требуется досконально изучить новый тип сложных «человекомерных» систем: «человек-нечеловек» или «человек-палеосапиенс». А втискивать явление в прокрустово ложе наших теорий — не самый верный путь. Я ответил на ваш вопрос?

— Что ж, — засмеялся Савич, — вполне. Я не сторонник оригинальной точки зрения, будто, исследуя нечеловеческое, быстрее придешь к человеку, к его бытию, к постижению смысла термина «жизнь», но в вашей формуле есть определенный резон. Или понятен Конструктор лишь двоим: себе и временами Богу, как говорил поэт об Эйнштейне.

— Не поминай имя Господне всуе, Анатоль, — хмыкнул Губерт, говоривший на русском практически без акцента. — Последнее слово все равно останется за наукой, единственной неизменяющейся базой для морали и этики любого уровня.

Ратибор улыбнулся в душе: парень стремился оставить о себе хорошее впечатление перед безопасниками и готов был на любой схоластический спор. Савич тоже понял коллегу как надо.

— Не философствуй, Джефф, — сказал он мягко. — Наука сама по себе не создает этических ценностей и не может служить для них базой, она создает лишь одну ценность — знание, которое вызывает упорядочивание наших представлений о мире. Боюсь, гостям наше оригинальничание не по нраву, что они хотели бы знать конкретно?

— Всего ничего, — сказал Железовский; Ратибор уже давно привык к тембру и мощи голоса комиссара, но собеседников его низкий бас, почти инфразвуковой рык, от которого, казалось, вибрирует воздух, продолжал изум-

лять. — Когда из БВ вылупится Конструктор, чего можно при этом ожидать, почему все объекты в зоне БВ трансформируются по закону фрактали, почему чужане возымели желание предупредить нас об опасности, как их понимать... — Аристарх помолчал и закончил обыденным тоном: — Ну и еще кое-что в таком же духе.

Губерт фыркнул, но так как никто больше не улыбнулся, взглядом спросил у Савича нечто вроде: они что, издеваются?

— Мы постараемся, — сказал Савич просто, не манерничая и не переводя разговор в шутку, чем сразу расположил Ратибора к себе. — На проблему работает сейчас весь научный потенциал Земли, все крупнейшие институты, так что каждый день приносит маленькие, но открытия. История еще не знала прецедента такого мозгового штурма, что само по себе уже залог успеха.

— Не торопитесь с успехом. — Железовский мельком посмотрел на Ратибора. — Вы двое отвечаете за координацию: один — научных усилий, второй — сил безопасности, чувствуете лежащую на вас ответственность? Цена слишком велика, чтобы позволить себе допускать ошибки, даже в самом малом.

— Извините, но я не понимаю словосочетания «чувствовать ответственность», — вставил Губерт, тряхнув волосами. — Можно ли использовать эти слова обобщенно? Если бы вы назвали конкретную ситуацию...

— Остынь, Джефф, — с неожиданной жесткостью перебил его Савич, — мы не на коллоквиуме по лингвистике.

— А что я такого сказал? — отступил молодой ксенофизик, зная, очевидно, нрав коллеги; подмигнул Ратибору. — Вы, наверное, еще не знаете о гипотезах «тоннельного просачивания» и «струйного пробоя»?

— Кто автор?

— Первой — кто-то из физиков Европейского объединения, кажется, Валдманис, а второй... — Губерт слегка смутился. — Я.

— Сформулируйте.

— Первая гипотеза, наверное, понятна без пояснений: Конструктор или кто-то еще «просачивается» в нашу Вселенную через потенциальный барьер, разделяющий вселенные. Вторая заключается в том, что никакого Конструктора нет. То есть он был, но в момент прорыва из иной вселенной в нашу взорвался, и канал Большого Выстрела в таком случае — язык пламени или струя от взры-

ва, пробившая барьер. Вполне возможно, «осколок» самого Конструктора венчает БВ, но это всего лишь фрагмент.

— Интересно, — серьезно сказал Железовский.

— Но доказать это невозможно, — развел руками Савич. — Хотя гипотеза и имеет право на существование, принимать ее всерьез, не имея возможности проверить экспериментально, по крайней мере легкомысленно. Я вас понял, Аристарх.

— Идем, — буркнул Железовский.

В лифте он повернулся к Ратибору лицом.

— Твое мнение?

— Гипотеза интересна...

— Я не об этом. Гипотеза несостоятельна уже по той причине, что в дело вмешались экзосенсы и чужане, а они лучше знают — «осколок» Конструктора вторгся в наши пределы или сам пресапиенс. Я о Савиче. Сможет он заменить Вакулу?

— Не знаю.

Железовский качнул головой и вдруг поглядел на подчиненного хмуро и неприязненно.

— Умник сообщил, что ты шел по следам розыскников вакулинского дела. Нечем заняться?

— Я хотел бы сам участвовать в расследовании.

— Ага. — В тоне Железовского прозвучали нотки участия. — Скучно стало? Сил много, а работа стандартно однообразна, так?

Ратибор нехотя кивнул, предчувствуя недоброе.

— А коли так, делай официальное заявление и ступай в аварийщики-спасатели — возьмут. — Нотки участия в голосе «роденовского мыслителя» были таким же обманом, как и его видимая медлительность. — Тебе разве неизвестно, что самостоятельные действия для опера любой тревоги недопустимы? Если с тобой что-нибудь случится, кто ответит за срыв операции?

— А разве это не ваши сторожа ходят за мной по пятам? — не удержался Ратибор. — Контролируют, один я вошел в туалет или нет.

Железовский ощупал лицо Берестова прозрачно-серыми цепкими глазами.

— Туалет они не контролируют. Молодец, если заметил. Но опер такого масштаба всегда должен быть подстрахован. Это обычный «ланспасад», разве что с учетом профессионализма ведомого.

— И все же ни одна из инструкций не запрещает мне действовать в иных обстоятельствах самостоятельно, лично.

Улитка лифта развернула веером прозрачные створки и выбросила пассажиров у входа в зал института метро. Железовский вышел первым, оглянулся через плечо.

— Делом Вакулы занимается сектор Юнусова, и нам там делать нечего. Профессионалов и у них хватает. Для сведения: обойма Моргансона проверила все записанные переговоры Вакулы с абонентами, последний звонок был из Нью-Потомака.

«Общество по спасению», сразу смекнул Ратибор.

— Возможно. Парни из американского филиала еще работают, но след ушел туда. Не вздумай сунуться в Нью-Потомак. К вечеру розыскники посчитают «дерево событий» по связям Вакулы, подойдешь — помаракуем вместе, через Умника. Ты хорошо изучил список имен, что я тебе дал?

— Изучил.

— Все пятнадцать? Учти, эти ребята не только профессиональные космоисследователи и оперативники, это экзосенсы. Непременно выясни все их слабые и сильные стороны, особенно сильные, которые в утробе сверхоборотня могли быть гипертрофированы и усилены в еще большей степени. Короче, эти люди опасны. Розыск их ведется, Умник доложит, если что.

— Значит, Вакулу убили они, — угрюмо сказал Ратибор.

— Возможно. Тебе сообщат. Занимайся своим делом, опер, не отвлекайся по мелочам. Кстати, кроме Лабовица, тебе никто больше не предлагал бросить дело?

— Нет, — сказал Ратибор твердо.

— Бывай. — Железовский кивнул, втянул голову в плечи и зашагал в зал.

Безопасник проводил его взглядом и не сразу ответил Умнику, бубнившему в ухе: «Информация оперу-прима — на омеге Гиппарха пропал без вести спейсер «Афанеор»...

Подробности о событиях на бывшей звезде стали известны Ратибору спустя два часа после первого сообщения. Железовский послал к Гиппарху дежурный спейсер «Юрта ворона», и командир десанта Пол Макграт сумел за короткое время выяснить основные моменты происшествия.

«Афанеор», спейсер погранслужбы первого класса, доставил к омеге Гиппарх три научные экспедиции — триста с лишним человек, сбросил десантные станции,

отправил людей (с первым десантом ходил еще Ратибор) и остался на орбите в качестве базового «гиппо» — реперной базы исследователей, поддерживая канал связи с Землей. На его борту постоянно дежурила одна из смен пограничников, а также отдыхали свободные от вахт операторы безопасности — всего двадцать три человека вместе с экипажем. «Вечером» по собственному времени спейсера четырнадцатого августа инк корабля поймал слабый сигнал SOS из глубин «губчатого» слоя остывшей звезды, а командир спейсера Антон Иванов — второй сигнал SOS из другого района звезды. Вниз ушла команда безопасников, на борту остался экипаж спейсера — три человека. А когда десантный когг пограничников вернулся обратно, наткнувшись в недрах верхнего слоя звезды на чужанского «летающего динозавра», в точке ожидания на орбите он обнаружил два «ореха» — стандартные спасательные модули с мирно спящими спейсменами: командиром «Афанеора» (драйвер-прима) Антоном Ивановым-вторым и бортинженером Джордано Цаккони. Спейсер исчез вместе с третьим членом экипажа Эрнестом Гиро (драйвер-секунда).

Не нашли пропавший спейсер даже поисковики «Юрты ворона»: пространство вокруг омеги Гиппарха в пределах радарной видимости было пусто. Конечно, спейсер мог затеряться и на самой звезде, в ее пористом приповерхностном слое толщиной в несколько тысяч километров, но никакая из возможных причин внезапной посадки на звезду не могла помешать инку корабля оставить бакен на орбите или аварийный буй, или в крайнем случае послать короткое сообщение.

— Корабль исчез, — сказал Ратибор, стоя за креслом главного диспетчера, в оперативном зале управления; зал был достаточно велик, работало в нем около двух сотен человек — каждый со своим монитором связи и пси-вириалом контроля и управления, но тишина в нем стояла идеальная.

— Корабль увели, — громыхнул подземным гулом голос Железовского, не поворачивая головы, он стоял рядом.

— Гиро?

Комиссар промолчал, считая вопрос излишним. Эрнест Гиро шел первым в списке экзосенсов, оставленных Конструктором в Системе, и факт угона им спейсера погранслужбы, способного противостоять почти всем мыслимым космическим катаклизмам, наводил на невеселые размышления. До пуска тахис-конуса, который по расчетам мог

«задавить» канал Большого Выстрела в «струну» и вывести его за пределы Галактики, оставалось уже меньше трех недель, и противники решения Совета безопасности, ратующие за «свободу Конструктора», перешли от слов к делу. Зачем им понадобился спейсер, можно было только догадываться.

— Какова там у них формулировка девиза? — Железовский имел в виду «Общество по спасению Конструктора»; старался говорить он как можно тише, но у него это получалось плохо.

— «Да здравствует свобода негуманов от решений гуманоидов!» — процитировал Ратибор. — Иногда с добавкой «тупых».

Комиссар хмыкнул.

— Оригинально. Мы с тобой, значит, попадаем в разряд тупых. Я вижу, ты не возражаешь.

Ратибор помолчал, потом с неохотой проговорил:

— А какой смысл возражать? Апологеты «Общества» во многом правы, даже, пожалуй, правы в главном: запуская Т-конус, мы выходим за рамки закона о пределе допустимой обороны.

— Ну, уж простите, — оглянулся вдруг диспетчер, снимая с головы трилистник эмкана. — Что ж мы, по-вашему, должны сидеть, сложа руки, и ждать, пока БВ шарахнет по Системе? Что останется тогда от вашего «Общества»? От всех нас? Они что, совсем кретины, если не понимают такой очевидной вещи? — Диспетчер был молод и горяч, и формулировок не выбирал.

— Устами младенца... — пророкотал Железовский, не меняя позы. — Успокойся, Саша, ты прав. — Вздохнул. — Но и они правы тоже. Кто из нас способен найти или хотя бы увидеть ту грань, где мы должны остановиться, не переступая «роковой черты»? Увы, человек несовершенен... пока... и потому продолжает учиться на своих собственных ошибках. А что касается предела допустимой обороны... — Аристарх повернулся к Ратибору, глаза его блеснули острым холодом, — то я почему-то уверен, что мы его не превысим. Хотя и построим Т-конус.

— Почему? — спросил диспетчер, поглядывая на свой светосектор с десятком мигающих огней.

— Потому что не дадут.

— Кто? Они? «Общество»? — продолжал недоумевать диспетчер и тут же забыл свой вопрос, надевая эмкан: он был на работе и не имел права отвлекаться. Но Ратибор понял комиссара.

— Сам Конструктор, — сказал он, выдерживая взгляд Железовского.

— Ты прав, опер. Но так считают немногие, поэтому рисковать мы не имеем права, рисковать можно собой, но не всем человечеством, масштаб несравним. Поэтому главное для нас с тобой не позволить вмешаться в действие команде экзосенсов.

— Я это понял, — кивнул Ратибор. — Самое плохое, что мы не можем обещать им «не трогать Конструктора», будучи не уверенными в обратном. Мне трудно судить, на какие действия запрограммировал пресапиенс своих «десантников», так долго ждавших своего часа, но справиться с ними будет трудно.

— Ты снова прав, мастер, и я рад, что наши точки зрения совпадают... хотя на совете преобладает другая точка зрения. Поэтому сегодня мне придется воспользоваться правом вето. Забава потребовала развернуть «экстремум», так что будь готов.

Ратибор недоверчиво посмотрел на каменный профиль комиссара-два. Под «экстремумом» — экстра-мобилизацией — подразумевалась особая форма тревоги — военная, которая предусматривала приведение всех сил погранслужбы и безопасности в полную боевую готовность. Разрабатывалась эта форма тревоги еще во времена существования государств с разным политическим и социальным строем и означала подготовку к военным действиям глобального масштаба. С тех пор — почти триста лет! — разработки этой тревоги хранились в памяти компьютеров, ни разу не извлекаясь на свет для практической реализации. Неужели пришло время их развернуть?

Будет жаль, если он загорится, рванется в бой, подумал Железовский с некоторым страхом; он вдруг понял, что любит этого парня и что будет больно в нем разочаровываться. Но Ратибор не подвел. Взгляд его стал озабоченным и угрюмым. Он не боялся, он просто предвидел, во что может вылиться «экстремум», и думал не о себе. Правда, Железовский не знал, что Берестов в этот момент думает об Анастасии Демидовой, сожалея, что впутал ее в нехорошую историю с «гонкой вдоль жизни и смерти».

— Оперу-прима, напоминание: в двенадцать ноль-ноль — контрольный видео с Земпланом, — прозвучал в ухе голос Умника.

— Иду, — отозвался Ратибор.

Железовский проводил его взглядом и профессионально отметил д в и ж е н и е обоймы прикрытия и страховки по императиву «телохранитель».

ПРЕССИНГ

Умник разбудил его в пятом часу утра. Спавший чутко Ратибор мгновенно вскочил и стал одеваться, окончательно придя в себя от слова «экстремум». Пока летел к станции метро и гнал лифт к служебному модулю, стала известна причина включения «экстремума». Ратибор уже знал, что первое предложение Бояновой о вводе в действие экстра-мобилизации Совет безопасности отклонил.

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое августа неизвестные лица предприняли семь попыток нападения на членов Совета, ученых и технологов линии снабжения зоны строительства Т-конуса. Подготовка пяти попыток была вовремя обнаружена группами страховки, и нападения не удались, хотя нападавшим и удалось скрыться от преследования; две попытки удались частично: была ранена Забава Боянова, а молодой ученый-ксенолог Джеффри Губерт был доставлен в клинику «Скорой помощи» с параличом центральной нервной системы.

В пять утра по московскому времени Ратибор, комиссар-один Юнусов, комиссар-два Железовский и Эрберг в четыре головы принялись за контроль готовности системы «экстремума», подключая к центральному оперативному компьютеру тревоги по имени Стратег новые и новые каналы развертывающихся в боевые порядки сил безопасности и погранслужбы. В семь утра проверка закончилась, все заняли свои места, предусмотренные расчетом, и начали б д е н и е в ожидании непредсказуемых проявлений враждебных сил. Из всех наиболее ответственных лиц Совета безопасности и ВКС, пожалуй, только несколько человек представляли себе колоссальную избыточность включенной системы в масштабе цивилизации по отношению к объекту воздействия, но и они не знали иного способа предотвратить катастрофу, кроме перестраховки, хотя и не верили в особую эффективность «экстремума». Среди этих людей был и Ратибор Берестов.

Завтракал он с Железовским в «персоналке», заказав соленые грибы, салат кимзи, консоме по-милански и

кофе по-арабски. «Роденовский мыслитель» съел всего два бутерброда с жареной телятиной и выпил стакан имбирного чая.

— Что с Забавой? — спросил Ратибор, промокнув губы.

— Нормально, — громыхнул Железовский. — Они начали прессинг по всему полю, не зная возможностей некоторых наших игроков.

Под словом «они» Аристарх подразумевал экзосенсов, выпущенных Конструктором. Для отличия от «нормальных» экзосенсов, жителей Земли, получивших свои экстраординарные способности «в дар» от космоса, «слуг» Конструктора кто-то из безопасников предложил называть «экстрадиверсантами», но в обиход быстро вошли два других термина — К-диверсанты и К-мигранты.

— И все же ни один из них до сих пор не задержан, — с показным безразличием проговорил Ратибор.

Комиссар-два никак не прореагировал на этот выпад, вслушиваясь в шепот Умника, отсеивающего информацию лично ему, и в буднично-спокойные голоса начальников оперативных групп и обойм риска. Информация, поступившая от Умника, предназначалась в настоящий момент и Ратибору. Комп сообщал, что впереди раздирающего пространство Большого Выстрела появилась «тень». Если раньше канал БВ был прозрачным и его можно было обнаружить, только окунувшись в него, то теперь острием Большого Выстрела стал служить «пакет черноты» длиной в сто миллионов километров, сквозь который ничего нельзя было рассмотреть — свет звезд поглощался этим «пакетом» полностью.

— Что означает эта «тень»? — спросил Железовский. — Мнение ученых?

— По идее Савича «тень» — это «поворот симметрии» движущегося в другом континууме объекта, — отозвался Умник. — Наблюдается явный рост усложнения эффектов при выходе объекта в наше пространство.

Безопасники переглянулись.

— Я посмотрю, — сказал Ратибор.

— Смотри, если считаешь необходимым. — Железовский пропустил Ратибора вперед. — Только учти, что на внеземельских трассах «ланспасад» не действует, оберегайся сам. На похороны Вакулы не ходи, я побуду.

Ратибор кивнул, со вздохом облегчения опускаясь на диван в своем служебном модуле. Вспомнил, что его встревожило, сухо приказал Умнику:

— Немедленно обойму в Такла-Маканский парк, проверить консерватор с «серыми людьми», обеспечить его надежную охрану.

— Принял, — так же сухо ответил Умник.

— Задание Стратегу: зону строительства Т-конуса обеспечить защитой по варианту АА.

— Принял.

Ратибор посидел несколько минут расслабившись, потом заставил себя собраться, сел за стол и включил киб-сопровождение.

— Данные персонкарт по списку «К-диверсанты» — на стол, сопровождение звуковое.

Над столом вырос световой веер виома, развернулся в объемное изображение сверхоборотня — сморщенное черное яйцо, похожее на грецкий орех; «орех» уплыл в левый верхний угол виома, на его месте возникла надпись: «К-диверсанты. Допуск служебный два-А».

Первым в списке шел Виктор Батиевский, бывший астронавт-исследователь первого класса, вторым Эрнест Гиро, бывший пограничник из команды крейсера погранслужбы «Риман», в настоящем — драйвер-секунда спейсера «Афанеор», подозреваемый в его угоне с неизвестной целью. Ратибор уже анализировал список, выучив характеристики каждого К-диверсанта; кличка «К-диверсанты» ему не нравилась, и он продолжал называть этих людей так, как назвал Аристарх — К-мигранты. Но совет Железовского — обратить внимание на профессиональные навыки и сильные стороны каждого К-мигранта — проигнорировать Берестов не мог, да и не хотел, у него появилось неясное предчувствие, что ему не раз придется сталкиваться с ними.

— Виктор Батиевский, — читал киб-секретарь, — альпинист, физически развит, координирован, владеет аутотренингом, реакция типа «экстра», но не интрасенс; полигонная проходка высшей категории сложности — девятка; двадцать одна экспедиция во Внеземелье...

— Дальше.

— Эрнест Гиро, мастер тайбо (школа кота), владеет всеми степенями йога-тренинга, реакция типа «феномен»; полигонная трасса ВС — десятка; сорок семь походов во Внеземелье, девять погранвахт...

— Дальше.

— Григорий Григ — пилот-маг, мастер по регби...

— Мютьюз Купер — инженер-универсал, шахматист, гроссмейстер, мастер по компьютерным играм...

— Нгуо Ранги — археонавт, чемпион мира по «динго»-боксу[1], мастер по мваи-мваи — африканскому аналогу у-шу...

Дослушав, Ратибор убрал изображение, посидел, размышляя над полученной информацией. Пробормотал про себя: реакция типа «феномен»... М-да, ребята крепкие, умелые, сильные, ничего не скажешь. А что мы можем противопоставить им лично? Ракетку для тенниса? Не мало?.. Конечно, в отделе хватает умелых спортсменов самого разного профиля, но и самому не мешало бы научиться драться.

Ратибор сгущал краски, он тоже был обучен кое-каким приемам рукопашного боя и вдобавок ко всему прошел в свое время первую ступень оптимайзинга — оптимизацию самозащиты в соответствии с физическими данными и моторикой, но при встрече с К-мигрантом этого было явно недостаточно. Черт, где найти время на тренинг? А заодно и тренера-нестандартника?

— Срочно отыщи Салахетдинова, — дал задание киб-секретарю Ратибор.

Баймурат Салахетдинов был когда-то тренером группы безопасников, в которую входил и Берестов, и забыть он его не мог. Пока Ратибор звонил в СЭКОН, а потом экономистам технического центра, секретарь отыскал тренера дома.

Салахетдинов за прошедшие годы не изменился: все тот же серебристый ежик волос, смуглое лицо, морщины у губ, прищуренные глаза.

— Рад тебя видеть, — сказал он, наметив улыбку; никто никогда не видел его смеющимся. — Слышал, ты сейчас важная персона.

— Учитель, — сказал Ратибор, — мне нужно быстро пройти экстремальный вариант оптимайзинга тайбо.

— Быстро? — Салахетдинов задумался. — Быстро — это месяц машинного обучения и два месяца спарринга. Приходи.

— Все, чем я располагаю, — Ратибор невольно усмехнулся, — это сегодняшней ночью — на машину, в режиме «один на один», и завтрашней — на спарринг.

Лицо тренера не изменилось, только глаза сощурились еще больше.

— Это невозможно.

---

[1] Боксер ведет бой не только с одним противником, но и с его двойником-«динго», причем должен определить, кто есть кто, и не начать бой с призраком.

— Так надо, Баймурат.

— Это невозможно, — повторил Салахетдинов, покачав головой. — Есть законы оптимальных нагрузок, которые ни тебе, ни мне не перешагнуть.

— Закон — мое желание! Кулак — моя полиция! — пробормотал Ратибор.

Тренер снова едва заметно улыбнулся.

— Ты не герой поэмы Некрасова. А если считаешь, что оперу «Шторма» все дозволено, то прощай.

— Не все, — глухо сказал Ратибор, — но мне очень надо научиться драться, учитель. Боюсь, умение драться понадобится мне в самое ближайшее время, а я им не обладаю.

Салахетдинов задумался, почти закрыв глаза, потом медленно, не скрывая сожаления, покачал головой.

— Нет, Ратибор. Ни один человек не в состоянии выдержать тяжесть всей программы тренировок за одни сутки, да что там сутки — даже за неделю! Не уговаривай, не авантюрист я, и любые твои доводы не смогут меня убедить.

— Жаль.

— Приходи, начнем максимальный нагрузочный вариант, обещаю подготовить тебя в два раза быстрее, хотя это и сопряжено с риском для здоровья.

— Значит, нет? Жаль... — повторил Ратибор. — У меня практически нет времени, Баймурат, и даже для того, чтобы поговорить с вами, я отключил все каналы связи, кроме трека. Извините, вы, наверное, правы.

— Подожди... — Салахетдинов не договорил, изображение съежилось и ушло в глазок виома на столе. Ратибор посидел неподвижно, разглядывая гладкую панель стола, внутри которой пульсировали алые, желтые и зеленые огни, ползли строки бланк-сообщений, вспыхивали и гасли секундные марки времени, раздавались на пределе слуха задавленные регулятором зуммеры двух десятков вызовов, и включил сопровождение. Голос Умника отрезвил его и прогнал меланхолию.

— Оперу-прима: морг «серых людей» на территории «Чернавы» в Такла-Макан пуст.

— Что? — Ратибор не сразу сообразил, о чем идет речь. — Что ты сказал? Как — пуст?!

Умник терпеливо повторил сообщение, поступившее от оперативной группы, и добавил:

— Персонал парка находится в абсолютном неведении относительно судьбы «серых». Следов их похищения или бегства не обнаружено.

— Этого только не хватало, — пробормотал Ратибор, вспоминая слова Железовского: «Они начали прессинг по всему полю». — Сообщи второму.

— Он уже в Такла-Макан.

«Ну и ну!» — подумал Ратибор. Уж если сам Аристарх пошел с розыскниками, значит, игры с «серыми людьми» затеваются серьезные. Кому понадобились эти законсервированные псевдолюди? К-диверсантам? Зачем? Что они с ними будут делать? Начнут «войну», диверсионные вылазки? Глупо! Горстка «серых» даже под началом «сверхлюдей» ничего серьезного против мощной защиты сделать не сможет. И однако же зачем-то они понадобились таинственным похитителям, сумевшим вскрыть хранилище «серых», не потревожив сторожевые автоматы.

— Сообщение от командира вахты Демина, — продолжал Умник. — В зоне строительства Т-конуса появились чужанские корабли. Два из них рыщут возле граничных указателей, еще три что-то начинают строить прямо напротив створа будущего конуса. На сигналы, как обычно, ноль внимания.

Ратибор несколько мгновений оценивал сообщение.

— Иду в зону. Вызвать туда же эфаналитика Анастасию Демидову, ксенологов ИВК, физиков-топологов и математиков-проблемщиков, специалистов по разного рода парадоксам.

— Принял. Еще одно любопытное сообщение: в управление от имени Всемирной ассоциации магов и спиритов обратился ее президент Теодор Станли-пятый с предложением испытать на БВ «силу духа ассоциации».

— Зачем? — только и спросил ошеломленный Ратибор.

— С целью избавить человечество от грядущей катастрофы.

Ратибор засмеялся, вспомнив, как по совету кого-то из общих знакомых они с Железовским посетили Луизианский парк развлечений и попали на концерт известной шоу-группы «Супер-У», артистом которой мог стать только самый жуткий урод. Комиссар-два дотерпел представление до конца, а потом разразился знаменитой тирадой, обошедшей все управление: «Мир совершенно не изменился со времен питекантропов, если в нем попрежнему дураков намного больше, чем нормальных людей».

— Объясни им вежливо... — Ратибор вдруг со злорадством подумал, что может со спокойной совестью переложить решение на чужие плечи, пусть с этими новоявлен-

ными мессиями объясняется Аристарх, он найдет с ними общий язык. — Впрочем, право ответа на предложение магов предоставь опер-секунде. Хотел бы я знать, как они собираются «заговорить» Большой Выстрел. С помощью каких заклинаний?..

Спустя час Ратибор входил в зал спейсера «Перун», где его ждал подтянутый, холодноглазый ДД — кобра погранслужбы Дима Демин.

Чужане строили плоскую решетку с причудливым узором из светящихся жил. Каждая жила была толщиной в палец, и все сооружение казалось хрупким, как стеклянная панель, однако люди уже убедились в ее прочности, когда один из автоматических шлюпов с грузом ферм отклонился от траектории вывода в зону стройки Т-конуса и врезался в решетку, смявшись в лепешку.

— Что же они строят? — задумчиво проговорил Демин, стоя перед виомом со сложенными на груди руками.

— Физики говорят — пинакоид-антенну[1], — сказал Ратибор, стоявший рядом в той же позе. — Математики — топологическую разведку губки Серпинского, инженеры — мембрану с плоской метрикой, нравится? Где истина?

— Как всегда — где-то посередине. Может быть, роиды решили построить то же, что и мы — ловушку для Конструктора, используя какие-то другие принципы. А может, это отражающий щит. Не знаю, каковы в действительности функции этого квадрата, но впечатление потрясающее!

— Да, красиво. Даже не верится, что такую совершенную в эстетическом плане конструкцию сотворили чужане: их корабли далеки от гармонии.

— Кто знает, чья гармония «гармоничней», — философски заметил Демин, — наша или чужанская. Это как раз тот случай, когда о вкусах действительно не спорят. Что будем делать, опер? На все наши сигналы у роидов один аргумент — ноль эмоций. Есть два варианта: или мы переносим Т-конус за их решетку, пока еще не поздно, или сдвигаем саму решетку. Терциум нон датур[2].

— Странное поведение... То они вдруг предупреждают нас об опасности, то без всяких объяснений начина-

---

[1] От «пинакс» — доска (*греч.*).
[2] Третьего не дано (*лат.*).

ют толкаться, мешать, лезть на рожон и делать вид, что нас не существует. Где логика?

— У негуманов своя логика... антилогика. Ксенологи до сих пор не разобрались в языке чужан, вернее, в способе общения. Ясно, что это не радио, не свет и не микроволны. Какие-нибудь экзотические частицы вроде глюонов? Или пси-обмен?

Демин сознательно уводил разговор в сторону, понимая, что за принятое решение прежде всего отвечает Берестов, а уж потом он, и давал Ратибору время на обдумывание ситуации.

— Делать пока ничего не будем. — Смуглое от природы, а не от загара лицо оператора «Шторма» выражало решимость. — Но за день до включения конуса разнесем этот квадрат вдребадан! Пусть контактеры крутанут предупреждение, я все же считаю, что роиды нас слышат, просто отвечать не хотят. Вот и посмотрим на их реакцию. Погранвахты усилить, императив «Аргус» довести до степени «Зов-экстра» в непрерывном режиме, в зону строительства не должен проникнуть ни один посторонний объект: ни автомат, ни живое существо, даже комар.

— Насчет комаров можешь быть спокоен, — ответил Демин не моргнув глазом.

Они постояли еще немного, разглядывая по очереди две строительные площадки, человеческую и чужанскую. Корабли роидов ползали, как улитки, тяжело и неторопливо, продолжая «ткать» узор своей квадратной решетки, размеры которой уже достигли шестидесяти тысяч километров в ширину и длину. Земные строители действовали быстрее, но им нужно было построить небывалое в истории строительных работ сооружение — ажурное кольцо диаметром в триста тысяч километров! «Конусом» это сооружение называли потому, что при включении кольцо формировало силовое поле в форме конуса и превращалось в гигантскую ловушку для «пули» Большого Выстрела. Одним взглядом окинуть панораму строительства было невозможно, и по едва заметному подъему ажурных ферм влево и вправо до пределов видимости человеческого глаза можно было только догадываться, что строится именно кольцо.

— Успеем? — кивнул на слабо освещенную конструкцию «под ногами» пограничник. Он думал о том же.

— Должны, — сказал Ратибор. — На пределе, но должны. Все, что может дать, Земля дала, а просить помощи у чужан бесполезно.

— Да и гордость не позволит.

— Дело не в гордости. Если бы чужане хотели помочь, они бы уже предложили помощь.

— Но они предупреждали нас, значит, не совсем лишены сочувствия и принципов гуманизма.

— Мне кажется, в их «гуманизме» кроется что-то совсем иное, весьма далекое от антропных принципов морали, этики и психики. Недаром же ксенопсихологи до сих пор не нашли с ними точек контакта.

— Информация оперу-прима, — зашелестел в ухе голос компьютера, объединяющего связь все земных машин в зоне строительства. — «Общество по спасению Конструктора» находит все больше сторонников во всех регионах земного шара и обратилось в ВКС с петицией «остановить запланированное уничтожение величайшего разумного существа». В результате комиссия по морали и этике совета на заседании настояла на проведении всемирного референдума для обсуждения проблемы. Предлагается дюжина рецептов — от «остановки Большого Выстрела с помощью потенциальной ямы» и «связи с ним через нуль-поле» — до изменения орбиты Солнца со всеми планетами.

Демин покачал головой, искоса поглядев на Ратибора: сообщение было передано и ему.

— Не рано ли начали стройку? Судя по масштабам кампании, совету придется пересматривать решение.

— Посмотрим. Мне оно тоже не по душе, хотя умом я понимаю, что мы по сути защищаемся. Наблюдатели сообщили, что БВ скоро пройдется еще по одной звезде — ню Гиппарха, не желаешь полюбоваться?

— Отчего не полюбоваться? Здесь пока все тихо, чужане заняты своей стройкой, зона для них практически недоступна...

— Сообщение оперу-прима от опер-секунды: в два ноль десять по независимому прошу принять спейсер «Хуанхэ» с делегацией Всемирной ассоциации магов. Обеспечить безопасность и контроль.

— М-да! — сказал Демин с непередаваемой интонацией.

— Вот именно, — пробурчал обескураженный Ратибор, не скрывая недовольства. — Возись тут с ними... Придется вам остаться в зоне, мон шер, принять спейсер «Хуанхэ» и обеспечить безопасность и... э-э... контроль. Задача ясна?

— Это называется спихнуть заботу на подчиненного.

— Совершенно справедливо. Комиссар — мне, я — тебе, действуй дальше.

Начальник погранвахты с улыбкой поднял руку, и Ратибор хлопнул ладонью по его широкой ладони: они хорошо понимали друг друга.

Все, кто видел метаморфозы звезды омега Гиппарха при попадании ее в канал Большого Выстрела, ждали примерно такого же эффекта и от второй попавшейся ему на пути звезды — ню Гиппарха, голубого гиганта класса 06, однако действительность превзошла не только ожидания, но и самые дерзкие предположения.

Звезда не остыла, а лопнула как мыльный пузырь, и разлетевшиеся во все стороны «лоскуты» огня, похожие на гигантские, надутые ветром паруса, съеживаясь на лету, как бальзаковская шагреневая кожа, но продолжая светиться во весь ядерный накал, превратились в бесшумные ядерные взрывы, истекли светом, исчезли. За короткое время — буквально за несколько минут — от звезды не осталось ничего, кроме горсти затухающих искр да расползавшегося облака излучения.

Прошло еще несколько минут, прежде чем люди опомнились и бросились исполнять профессиональные обязанности, наполнив эфир прибоем переговоров.

Ратибор, находясь под впечатлением увиденного не меньше других, разве что привыкнув к внешней сдержанности, перекинулся парой слов с Шадриным, успевшим смениться, но не покидавшим командного поста, и снова отбыл на спейсер «Перун», где его ждал обеспокоенный Демин.

— Прибыли маги, — сказал он. — Просятся в зону.

— Сколько их?

— Четырнадцать человек, вместе с президентом. Настроены решительно.

— Чем объясняют свое желание? Ведь БВ еще далеко отсюда. Если они захотят «заговорить» «тень Конструктора», то им надо идти поближе к БВ, к «тени».

— Меня их желание тоже насторожило.

Ратибор молча натянул эмкан «спрута». Компьютерная связь в зоне строительства объединялась инком «Перуна» по имени Сварог, но в его голосе Ратибору почудились интонации Умника.

— Экипажам штормовое предупреждение, — бросил Ратибор, выслушав рапорт Сварога и сообщение от Же-

лезовского, направленное ему лично. — Спейсерам усиления подойти к «Хуанхэ» на расстояние прямого перехвата. Командира «Хуанхэ» на связь.

Через несколько секунд, в течение которых Сварог переговаривался с инком пришлого корабля с делегаций магов, перед дугой кресел развернулся вином оперативной связи, отразивший часть экспедиционного зала спейсера с группой людей, среди которых выделялся ослепительно белым кокосом командир «Хуанхэ» Ли Сяован.

— Желаю долголетия вам и вашим детям, — сказал Ратибор, коротко поклонившись. — Представителям Всемирной ассоциации магов и спиритов можно посетить зону строительства в пределах разрешенных коридоров на одном из экспедиционных галионов. В течение двух часов. Сколько времени понадобится вам для подготовки?

В группе окружавших Ли Сяована произошло движение, вперед вышел мрачного вида, бородатый, с шапкой густых черных волос мужчина в черном с блеском костюме. Это был президент ассоциации, профессор белой и черной магии, доктор «парапсихологии и гипнологии», обладатель золотого диплома всепланетного конкурса магов, Теодор Джонатан Голд Станли-пятый.

— Но мы получили разрешение вашего управления на беспрепятственный спейсерный поход вдоль всей трассы Большого Выстрела и на посещение всех интересующих нас объектов. — Голос у Станли-пятого был глубокий, бархатистый, внушающий уважение.

— Как оператор «Шторма» я отменяю решение руководства управления в связи с обстоятельствами. Спейсерный поход в условиях жесткого расписания движения грузов внутри зоны строительства Т-конуса невозможен, а прогулка по зоне небезопасна, поэтому галион с вашими коллегами должен идти с эскортом и по командам компьютера контроля.

Ли Сяован искоса посмотрел на профессора, улыбнулся.

— Решительный молодой человек, не правда ли? Рад познакомиться с вами, оператор. Наслышан о ваших подвигах. Такла-Макан? — командир «Хуанхэ» говорил на интерлекте, не владея, очевидно, русским.

— Извините, это к делу не относится, — сухо отрезал Ратибор. — Прошу подготовить галион и не задерживать работу обслуживающего зону персонала. Вопросы ко мне есть? Нет? Желаю приятных впечатлений.

Виом свернулся в облачко и угас. Ратибор задумчиво прошелся вдоль ряда кресел напротив главного виома,

показывающего панораму двух строек: земной и чужанской. Если земная напоминала картину сражения — с пулеметами на переднем крае, отбивающими «атаку неприятеля», — «пулеметами» были двадцать шесть станций приема грузов, из которых непрерывными очередями вылетали святящиеся «пули» — модули стыковочных узлов, пакеты стандартных элементов сборки и блоки ферм, то чужане «ткали» свой таинственный квадрат, как пауки.

— Похоже, их ковер будет примерно тех же размеров, что и наш Т-конус, — проговорил Демин. — Знаешь, у меня ощущение, что я уже где-то видел подобный узор. Эффект ложной памяти?

— Тогда мы оба отличаемся ложной памятью. Но я, кажется, нашел причину эффекта: все наши аппараты, зонды и приборы, побывавшие в канале БВ, имеют примерно те же контуры, что и элементы решетки. Вглядись повнимательней.

— Ты прав, — сказал Демин через минуту. — Я менее наблюдателен, чем ты. Может быть, у тебя есть и объяснение этому сходству?

— Ковер чужан — это антенна, иного объяснения быть не может, математики сразу сообразили, что к чему. Теперь надо определить, какого рода эта антенна: связи, радарного обеспечения, создания «сверхструны», вакуум-резонанса или преобразований топологии пространства. Роиды сами вряд ли нам скажут, что они строят и зачем. Дима, я немного вздремну у вас, пока маги будут колдовать. Последи на ними.

Выходя, Ратибор оглянулся.

— Может быть, пора готовить тебе замену? ЧП-вахта — не сахар, да еще в таких условиях.

— Не сахар, — согласился Демин. — Дух Конструктора незримо витает над нами, заставляя напрягаться в ожидании чего-то ужасного, необычного, нечеловеческого. Вот это ожидание и действует на психику больше всего. Но я еще не устал.

Ратибор показал пограничнику кольцо из пальцев и вышел. В коридоре вызвал Сварога.

— Рабочую сводку.

— В пределах фоновых колебаний, — ответил комп, — «Афанеор» не обнаружен. «Серые люди» не найдены. Предпринята попытка нападения на Савича, нападавший скрылся. К-диверсанты пока вне поля зрения розыска, хотя обнаружена их связь с «Обществом по спасению Конструктора» и со Всемирной ассоциацией магов. Обстанов-

ка вокруг канала БВ нормальная. На месте звезды ню Гиппарха обнаружен интересный объект, которому предложено дать название «прозрачная дыра». Объем «дыры» примерно равен объему звезды, и хотя свет пронизывает его насквозь — отсюда определение «прозрачная», — эта область пространства демонстрирует необычные эффекты. Предполагается, что «прозрачная дыра» — реализация многомерного пространства-времени.

— Колебания социума?

— Церкви и все религиозные общины планеты усилили свое влияние на верующих под лозунгом «Бог возвращается». Участились проявления религиозного, особенно мусульманского, фанатизма. Общественность мира обеспокоена слухами «близкого конца света». ВКС объявил о проведении всепланетного референдума.

Кажется, у Аристарха гораздо больше забот, чем у меня, подумал Ратибор, хотя он и опирается на сектор Юнусова. У меня под контролем «ствол» конкретной ситуации, а у него миллион «ветвей» последствий. Если сравнивать объемы работы, то мой равен верхушке айсберга, а его — вся остальная часть. Недаром он настаивал, чтобы оперомприма стал я, — знал, что я не справлюсь с «подводной частью айсберга». Ай да «роденовский мыслитель»! Все нюансы учел и никого не обидел!

Ратибор открыл дверь каюты, разделся, выбрал сенсоклип и включил проектор, приказав Сварогу разбудить его через час.

Спейсер «Хуанхэ» китайской туристской фирмы «И инь», зафрахтованный Всемирной ассоциацией магов и спиритов, ушел из зоны строительства спустя час после облета зоны галионом с делегацией магов, не ответив на предупреждение «не подходить к тоннелю БВ ближе, чем стоят сигнальные бакены». Ратибор передал по цепи погранпостов и сторожевых автоматов о возможном появлении спейсера, собрался было возвращаться на Землю, как вдруг наблюдатели доложили об уходе чужан.

Чужанские «пауки», ткавшие узорчатый ковер своей сверхантенны, собрались в сторонке «на совещание», в течение короткого времени бомбардировали друг друга узкими лучами света и один за другим исчезли. Не появились они и тогда, когда патрульный когг медленно прошелся вдоль светящегося квадрата на расстоянии в двадцать километров от его плоскости.

— Неужели закончили? — с сомнением проговорил Демин, дни и ночи проводивший в координационном зале спейсера.

— Вряд ли, — покачал головой Ратибор, разглядывая ковер с намеченной, но недостроенной четвертой стороной. — По всем канонам геометрии эта конструкция не закончена, а законы математики должны уважать и роиды, плоть от плоти космоса, и не только уважать, но и отталкиваться от них, ибо они — законы бытия. — Берестов подумал. — А с другой стороны, асимметрия — тоже один из законов жизни.

— Логично, — засмеялся командир погранвахты, — а главное, изложено в доступной форме. Остался пустячок — выяснить, что строили чужане и готово ли их сооружение.

— Патрульный шлюп без экипажа — на выход, — скомандовал Ратибор, усаживаясь в кресло перед голубым выступом киб-операций. Из выступа со стеклянным хрустом вытянулся мигающий огнями столбик ПВУ[1], называемый по традиции пультом, выстрелил зеленым пучком света в человека, вырастил усик микрофона и еще один, потолще и подлинней, с пушистым белым шариком на конце. Ратибор щелкнул по шарику пальцем и, когда тот развернулся в ажурный зонтик эмкана, натянул его на голову.

Он как бы оказался в тесном пространстве кокон-рубки шлюпа с матово-серыми, в хрустальных каплях приборных выходов, стенами. Включились видеокамеры: мелькнули ребра десантного створа, гофрированное многосложное тело спейсера ушло вверх и назад, превращаясь в глыбу бирюзового стекла. За ним показались пульсирующие огнем «пулеметы» грузовых станций, от которых веером расходились «пули» строительных модулей, направляясь каждый к своей секции колоссального базового кольца Т-конуса. Само кольцо было уже наполовину готово и на фоне черной бездны космоса виднелось ровной серебристой паутинкой с бахромой растущих антенн.

Антенна-ковер чужан, видимая слабым призрачным контуром, приблизилась, занимая всю переднюю полусферу обзора. Когда до нее осталось всего несколько километров, Ратибор остановил шлюп. Загадочный квадрат, созданный роидами, мерцал сложными завитками, складыва-

[1] ПВУ — пси-вириал управления, оперирующий мысленными и звуковыми командами.

ющимися в красивый асимметричный узор, вызывающий у людей впечатление гармонии и совершенства, несмотря на всю его необычную, нечеловеческую суть и сложность. И все же чем больше Ратибор рассматривал узор, тем больше ему казалось, что в нем сокрыт некий элемент о т р и ц а н и я красоты, нечто противоположное японскому моно-но аварэ[1], граничащее с молчаливой угрозой, вернее, с готовностью дать любой отпор, свойственный физически сильному человеку. Почему именно это сравнение пришло в голову, Ратибор понял не сразу, а когда понял — мысленно поаплодировал своей интуиции: кто бы ни был творцом произведений искусства, они одинаково сильно влияли на созерцателей, а красота и сила, в отличие от ума, не нуждаются в дополнительных аргументах.

Чувствуя настороженную тишину в эфире — переговоры наблюдателей, пилотов и строителей стихли, все видели картину, передаваемую камерами когга, — Ратибор придвинул шлюп еще ближе, остановился в километре от ближайшего участка светящихся линий и скомандовал:

— Зонд!

Когг выплюнул двухметровую сигару зонда, распустившуюся в носовой части ромашкой следящих систем. Левее и ниже поля передачи основных камер шлюпа раскрылся квадрат приема с камер зонда, по которому побежали строки и цифры бланк-сообщений: инк зонда передавал параметры полевой обстановки вокруг аппарата. Вблизи чужанской конструкции фоновое значение электромагнитного поля по всем диапазонам измерений было в пределах обычной нормы. Казалось, решетка — видеопризрак, голографический фантом и в натуре не существует, ибо любое материальное тело создает вокруг себя поле: магнитное ли, электрическое, радиационное, микроволновое, гравитационное. Возле светящейся конструкции пространство было стерильно чистым, изотропным и пустым, как и вдали от нее, если не считать эффекта свечения.

Ратибор выслушал изумленные возгласы исследователей, наблюдателей и пограничников и направил зонд прямо на завиток решетки, ожидая любого ответного действия вплоть до аннигиляции аппарата. Однако произошло то, чего он менее всего ожидал: серебристо-голубая сигара зонда, мигая габаритными огнями, коснулась светящихся жил решетки, и та вдруг, мигнув, расплылась в сплош-

---

[1] Термин, обозначающий скрытую прелесть предмета или явления, дословно — печальное очарование.

ное световое поле, а когда это поле света снова собралось в узор решетки, зонд, исчезнув на миг, спокойно шел обратно.

В эфире образовалась мертвая тишина, никто еще ничего не понял, в том числе и Демин, произнесший:

— Кажется, его развернуло.

Но Ратибор отчетливо видел, как все произошло, и рискнул повторить эксперимент, чтобы убедиться в правильности вывода.

Зонд снова поплыл к чужанскому «ковру», коснулся одной из светящихся трубок, и снова повторился тот же эффект: весь стотысячекилометровый квадрат задрожал, размазался в сплошное поле свечения, как размазывается гитарная струна, стоит ее задеть, а когда резонанс прекратился — зонд плыл назад как ни в чем не бывало, словно не двигался только что вперед.

— Его не просто развернуло, — сказал Ратибор. — Его в ы в е р н у л о в самом себе. Нос уже шел обратно, а корма все еще шла т у д а.

Демин тихонько присвистнул.

— Значит, это все же не просто антенна.

— Эффект непространственного поворота координат. Никогда не думал, что чисто математическая операция — перемена знака при переходе через условное начало координат — может быть реализована в физическом реальном мире!

— Интересно, этот перевертыш работает только в одном направлении или в обоих? — задумчиво проговорил Демин.

Ратибор сделал вид, что не понял намека, но через минуту бросил шлюп в облет чужанского «перевертыша». Спустя четверть часа они убедились, что «перевертыш» демонстрирует способность «выворачивать» предметы в движении и с обратной стороны. Жест чужан был более чем красноречив: они создали неуязвимое препятствие для любых материальных тел, а значит, и для излучений, как бы изолировав Т-конус со стороны мчавшейся навстречу «пули» БВ. Правда, расшифровать этот жест можно было двояко: либо чужане были на стороне людей, и тогда строительство ими «перевертыша» означало создание собственного варианта линии заграждения от БВ, либо роиды не хотели, чтобы при включении Т-конуса погиб загнанный в «струну» Конструктор, и тогда их антенна должна была предотвратить действие Т-конуса на копье Большого Выстрела.

Как сказал лидер группы земных ученых Савич:

— Не имея понятия о принципах логики чужан, мы не можем с уверенностью интерпретировать их действия, зато можем быть уверены в другом: расчет точки встречи Конструктора сделан нами весьма точно, и чужане недвусмысленно дали это понять, построив свой «ковер-перевертыш» в той же точке, а не десятком миллионов километров ближе или дальше. Осталось решить, будем ли мы уповать на мощь их защиты или попробуем все же перенести Т-конус за решетку, ближе к «тени» БВ.

— А решать нам, — сказал Демин, провожая Ратибора к внутреннему метро спейсера. — Твоя идея «разнести перевертыш вдребадан» скорее всего невыполнима. Ты же видел.

Ратибор промолчал. С его разрешения исследователи «обнюхали» чуть ли не каждый метр решетки, попытались применить для «тарана» чужанского «перевертыша» все доступные методы вплоть до мощных излучателей, но потерпели неудачу: волшебный «перевертыш» казался неуязвимым, демонстрируя неизвестные земной физики законы абсолютного отражения.

Возвращался на Землю Ратибор без настроения. Приходилось прилагать усилия к тому, чтобы казаться спокойным, внимательным и целеустремленным. В душе поселились какая-то неуверенность в своих силах и ожидание неприятных сюрпризов, будто повисла над головой холодная и мрачная туча, готовая пролиться ядовитым, полным невероятных и опасных предметов, дождем.

Из управления он связался с Савичем:

— Извините, Анатолий, у меня появились кое-какие сомнения: я не ахти какой специалист-инженер, но мне кажется, что наши же аппараты, побывавшие в зоне действия БВ, после трансформации стали походить на какие-то сложные антенны. Не могли бы вы проанализировать, какого рода антеннами могут быть геометрические фигуры такой формы? И еще мне показалось, что чужане при монтаже своего «зеркального перевертыша» использовали элементы примерно той же формы. Это случайное совпадение или функциональная идентичность?

— Понял, — без удивления кивнул ксенолог. — Проверим.

Ратибор кивком попрощался с ним, отметив время: поздний вечер по Москве, — минут пять звонил Салахетдинову, сначала в спортзал, потом домой, но не нашел ни там, ни там. Решению, которое он принял, таким образом,

ничто не препятствовало, и Ратибор, преодолевая сопротивление души, чувствуя себя вором, проник в дом к тренеру — домашний киб знал его и открыл дверь — и похитил программу тренировок самой виртуозной из школ тайбо — школы тигра.

В полночь он был дома. А когда провел перекличку дежурных по обычной схеме «Шторма» — через систему «спрута», — принял душ и собрался лечь спать, в квартиру буквально ворвалась Анастасия.

— Господи, жив! — прошептала она, бросившись к нему на грудь и судорожно вцепившись в шею руками.

— А что мне сделается? — проговорил застигнутый врасплох Ратибор, пытаясь запахнуть халат. Поцеловал Настю в макушку, взъерошил ее густые волосы. — Ты что, сон плохой видела?

— Мне позвонили и сказали, что ты погиб, — глухо проговорила девушка, продолжая прижиматься к нему всем телом.

— Кто позвонил? — спросил Ратибор враз пересохшими губами.

— Он не представился.

— Запись голоса сохранилась?

— Он звонил в институт, а не домой. Я начала искать тебя по всем каналам, а потом помчалась сюда... — Настя подняла лицо, глаза ее были полны слез. — Почему не говоришь, где ты и когда вернешься?

Ратибор отстранил девушку, вглядываясь в лицо, нежное, красивое, потерявшее обычную насмешливую твердость и признаки волевой натуры. Сейчас Настя была просто испуганной девчонкой, слабой и беззащитной, не скрывающей своей тревоги и страха.

— Ты не все мне сказала. Что еще тебе говорили?

Анастасия всхлипнула, глубоко вздохнула и потерлась носом о его грудь. Расцепила руки, села на кровать.

— Грозили... сказали, что, если ты не откажешься от своих заблуждений, мне... — Девушка улыбнулась. — Попробовали бы!

— Так и сказали — «моих заблуждений»?

Она кивнула, разглядывая его с новой миной.

— Никогда не видела тебя в халате. Знаешь, на кого ты похож? На актера после съемки, доведенного режиссером и сценаристом до состояния выжатого лимона.

Ратибор помолчал, сквозь утихающий гул крови в голове прислушиваясь к далеким голосам дежурных «Штор-

ма» и к голосу Умника, который раз в полчаса докладывал: «В Системе все спокойно», — потом молча снял клипс рации «спрута», не обращая внимания на гостью, принес два бокала, пузатую бутылку со светящимся зеленым артемовским, налил в бокалы, поднял свой.

— За успех безнадежного дела.

Настя не спросила, что он имеет в виду, она все понимала с полуслова.

Железовский потоптался у стола, заваленного кассетами видео, аудиоблоков, старинными книгами, и сел, спрятавшись в тени от торшера в стиле «ретро». Забава села напротив, усмехнулась.

— Мы с тобой смотримся, как слон и моська. Что с тобой? Ты встревожен. Случилось что?

— Ничего особенного, но прессинг продолжается. Зарегистрировано сорок звонков руководителям «Шторма» всех рангов... кроме тебя, меня и Ратибора. Угрозы и шантаж. В ответ на реплику Эрберга: «Не переоценивайте свои силы», неизвестный вежливо ответил, что нападения, о которых мы знаем, это демонстрация не силы, а возможностей нападавших уйти из-под любого наблюдения. Мол, если бы это было необходимо, все семеро объектов нападения были бы убиты. Но пока такой необходимости нет.

— Пока... хорошее слово. И на том спасибо. Мотивация угроз?

— Все та же: прекращение строительства Т-конуса.

— Значит, снова «Общество по спасению Конструктора».

— О Конструкторе не упоминалось совсем. Это не «Общество», Забава, это К-мигранты, деятельность которых косвенно подтверждает, что БВ — след Конструктора. Логично было бы ожидать от членов «Общества», людей, кстати сказать, объяснений своим поступкам, в которых обязательно прозвучали бы какие-то слова в защиту Конструктора, но их не было. Это не по-нашему, не по-человечески, так люди не поступают, так могут мыслить только К-мигранты, н е л ю д и. Боюсь даже представить, что будет, если они возьмутся за нас всерьез.

Забава рассеянно полистала раскрытую книгу, поправила волосы.

— Вы пытались объяснить им, что судьба Конструктора не только в наших руках, в руках исполнительного ор-

гана защитной системы цивилизации? Что мы действуем от имени и по поручению человечества?

— Представителей человечества, — поправил Железовский ворчливо. — А это не одно и то же. Всемирный референдум неизбежен, люди уже обладают полной информацией о БВ, о гипотезах, связанных с ним, и от обсуждения проблемы не уйти.

— Я и не призываю решать проблему келейно, однако сколько людей — столько и мнений. Я боюсь, что общественное мнение не совпадет с единственно верным решением проблемы. Гуманизм — изначально мироощущение сильного народа, но всегда ли в борьбе за существование побеждали гуманисты? А новая встреча с Конструктором — суть борьбы за существование, и, не понимая этого, человечество запросто может погубить себя.

— И все же у меня иная точка зрения, хотя я и выполняю волю совета. Можно обойтись и без мордобития, тем более что мы не контактируем с Конструктором напрямую.

Забава закинула ногу за ногу, покачала головой.

— Не узнаю тебя, Аристарх. Вы, русские, всегда отличались размахом и удалью: раззудись, плечо, размахнись, рука! Неужто иссякла былая удаль? Подмок порох? Душа запросила покоя?

Железовский набычился, посмотрел на ее колени, выглянувшие из-под халата, неожиданно улыбнулся:

— Ты выбрала не лучшую из пословиц, могу привести сотню других, отвечающих ситуации. Например: гром не грянет, мужик не перекрестится. Дитя плачет, мать не разумеет. Или такую вот: удалой долго не думает.

Боянова засмеялась.

— Да, пословиц у вас много, на все случаи жизни, это я знаю. Есть и такая: женский ум лучше всяких дум. Мужских, естественно. Нам предстоит из двух зол выбрать меньшее: то ли «задавить» Конструктора в «струну», уничтожив тем самым самое древнее из всех разумных существ, то ли позволить ему уничтожить нас — при столкновении ли БВ с Системой или при выходе Конструктора из БВ. Вот и решай.

Помолчали, хорошо понимая друг друга и без слов.

— Что мы можем противопоставить К-мигрантам? — тихо спросила Забава. — Кроме бесстрашия, мужества и силы воли безопасников и пограничников?

— А этого мало?

— Мало! — жестко отрезала Боянова. — Все ваши императивы, штатные режимы, оперативные сети рассчита-

ны на человека, на его логику, интеллект, мораль и этику, но ты сам говорил, К-мигранты — н е л ю д и! И подход к ним нужен иной.

— Да какой другой? — поморщился Железовский. — Какой подход нужен существам, отличным от нас только способом появления на свет? Да и какое право «де-юре» мы имеем считать их не людьми? И если начать судить о них с этой точки зрения, то кто тогда мы?

— Бедный Аристарх, — грустно проговорила Боянова. — Бедный «роденовский мыслитель». Как же ты все-таки зажат в рамках моральных конструктивов, закрепощен страхом ошибки и ложными представлениями о гуманизме. Если нас не станет, к чему тогда все твои рассуждения о жестокости, насилии и праве выбора?

Снова помолчали. Потом Железовский украдкой сделал пальцами знак, отгоняющий нечистую силу.

— Я останусь?

Забава покачала головой, и комиссар послушно встал.

— Не обижайся. — В голосе женщины прозвучали усталость и печаль. — Я не нуждаюсь в заботе, ты знаешь.

Железовский, несмотря на габариты и вес, двинулся к двери совершенно бесшумно, на пороге оглянулся.

— Ты ошибаешься, Забава.

— В чем, мастер?

— В том, что не нуждаешься в заботе... не говоря уж о любви. Выражаясь высоким штилем: все доброе в душе рождает только любовь, остальное — от лукавого. Покойной ночи.

Вышел.

Забава посидела немного в той же позе, потом улыбнулась и, вырастив из стены зеркало, долго рассматривала себя, сначала в халате, затем обнаженную, то приглаживая волосы, то распуская их по плечам. Вздохнула. Свет торшера медленно сжался в точку, угас. Комнату бесплотным туманом затопил мрак. И тогда стало видно, что лицо Забавы чуть светится изнутри, словно расплавленное стекло, и свечение это пульсирует в такт сердцу.

ЗА НАМИ — МЫ САМИ

Дежурный гранд-оператор транспортной базы погранслужбы «Фиорд-III» Ольбор Шелланнер, по личным причинам с нетерпением ждавший конца смены, был приятно

удивлен, когда позвонил шеф-распорядитель базы и сообщил, что смена заявится на два часа раньше.

Переглянувшись с напарником, Шелланнер, скрывая радость, кивнул, потом спохватился:

— Что-нибудь случилось? Или мы не укладываемся в график?

Лицо шеф-распорядителя с тяжелым подбородком, мясистым носом и прозрачными глазами, с длинными баками и бородкой «а-ля викинг» не дрогнуло.

— Центр попросил изменить программу стажировки, поэтому вас сменит экипаж Стенсена.

— Я никого из них не знаю?

— Нет, но это не имеет значения.

— Да вы его не слушайте, он согласен, — вмешался напарник Шелланнера, продолжая мысленный диалог с инком-координатором: транспортные потоки шли густо, база обслуживала не только норвежско-шведско-финский регион, но и Внеземелье, поэтому, несмотря на компьютерное координирование, распределение транспорта по заявкам всегда требовало вмешательства человека.

— Я могу направить их и в другой корпус, — сказал шеф-распорядитель меланхолически.

— Нет-нет, все нормально, — поспешил согласиться Шелланнер. — Пусть проходят контроль.

Спустя несколько минут в уютный зал-пост первого корпуса базы, снабжающего потребителей космотехникой среднетоннажного класса, вошли двое в стандартных коричневых комби обслуживающего базу персонала.

Они остановились в центре зала, за вырастающими из пола «тюльпанами» кресел управления, внутри которых, как пестики и тычинки в чаще цветка, сидели операторы первой вечерней смены, заступившей в шесть часов вечера.

«Лепестки» эмканов мысленного (пси) и звукоуправления, связи с компьютером контроля среды, аварийной и пожарной службы, сдублированные трижды, у одного из «тюльпанов»-кресел отогнулись в стороны, «тюльпан» раскрылся, из него выпрыгнул Ольбор Шелланнер. Выгнул спину, разминаясь.

— Стенсен, — представился первый из сменщиков, рослый молодой человек с прищуренными до узких щелочек глазами.

— Порядок, — отозвался Шелланнер, пряча нетерпение, с удивлением глядя на второго сменщика. — Желаю спокойного дежурства. Это и есть ваш стажер?

Стенсен на мгновение поднял тяжелые веки, затем снова сощурился, но как ни был увлечен Шелланнер своими мыслями, он отметил какую-то странность в облике дежурного.

— А что, есть сомнения? — спросил стажер неожиданным басом; выглядел он лет на шестнадцать — восемнадцать, не больше.

Озадаченный Шелланнер смешался, пожал плечами, оглянулся на Стенсена, но тот уже скрылся в «тюльпане». С шелестом раскрылись лепестки второго кресла, из него вылез улыбающийся напарник Шелланнера, окинул мальчишку-стажера веселым взглядом, с недоумением вздернул брови.

— Сдал? Норма. Это и есть наша смена?

Стажер ловко забрался в кресло, лепестки «тюльпана» сошлись, отгораживая его от любых помех.

— Норма, — буркнул Шелланнер, все еще пытаясь понять, что же именно насторожило его в облике Стенсена, потом оживился, предвкушая встречу, о которой мечтал всю смену. — Ты домой? Встретимся завтра в мастерской, покажу свой новый шедевр.

Напарник с сомнением оглянулся на свое кресло, сквозь ажурную вязь «лепестков» которого виднелась фигура стажера.

— Ты видел?

— Что именно? — Шелланнер направился к выходу.

— У этого парня глаза... — Напарник замялся. — Не смейся, но мне показалось, что у него глаза с двумя зрачками.

Шелланнер на ходу засмеялся... и смолк, останавливаясь. Он наконец понял, в чем заключалась странность облика Стенсена: глаза!

— Точно! И мне показалось... — Шелланнер почесал переносицу, решая что-то в уме. — А ну, погоди.

Он подошел к своему креслу, тронул ногой усик интеркома связи с оператором:

— Прошу прощения, друг, не мог бы ты?..

В следующее мгновение «тюльпан» раскрылся, из него выпрыгнул Стенсен. Глаза у него были раскрыты, совершенно прозрачные, ледяные глаза, и Шелланнер, холодея, увидел в этих глазах не один зрачок и не два, а три! Он ничего не успел сделать, как и напарник, совершенно не готовый к такому повороту событий, не ожидавший бесшумного и сильного гипноудара.

Стенсен проводил падение двух тел ничего не выражающим взглядом, сказал вслух: «Хорошее внимание, но плохая реакция», — снова залез в кресло и проработал целый час в нормальном темпе, как и положено гранд-оператору транспортной базы. Но в результате три «пакмака» типа «Серебряный дракон» с полной упаковкой были погружены не на транспорт «мул», а на борт незарегистрированного ни в одном маршрутном листе спейсера, о чем руководству базы стало известно только глубокой ночью.

Служба контроля за пространством внутри Солнечной системы засекла появление спейсера «Афанеор» почти сразу же после его выхода из «струны» компакт-движения, но опознать сразу не смогла, и «Афанеор» сначала покружил над Луной, принял стартовавший из кратера Нерсес грузовой шлюп, а потом беспрепятственно совершил посадку на стартодроме базы «Фиорд-III». Точно так же он и поднялся спустя двадцать минут, и, хотя погранслужба Приземелья была уже оповещена о появлении беглого корабля, ничего сделать пограничники не успели: спейсер снова ушел на «струну» и исчез в неизвестном направлении.

Сообщение о происшествии застало Ратибора в лаборатории нетривиальных физических проблем Физического института Академии наук Земли (ФИАН). Физики сделали прикидку конечной фазы превращения БВ и показали оператору «Шторма» все свои расчеты и варианты выводов. Первый вариант продемонстрировал недостаточную полноту, глубину и адекватность методов прогнозирования людей: несмотря на совпадение целого ряда эффектов БВ с теми возможностями, которые показал в свое время Конструктор, ученые не рискнули утверждать, что БВ — это «размазанный» по запредельной «струне» Конструктор, существовала вероятность того, что люди открыли новое физическое явление, своеобразный «пробой евклидовой метрики». Второй вариант, к которому склонялось большинство физиков, был неутешительным: БВ — это движущийся Конструктор, и при своем «вылуплении» из «тени» он вполне способен инициировать фазовый сдвиг вакуума, последствия которого были непредсказуемы. Первый вариант, что называется, «развязывал руки» человечеству, давая возможность без угрызений совести бороться с БВ с позиции силы, как со стихийным бедствием, второй заставлял людей напрягаться в поисках компромисса. Но ни

один, ни второй варианты не оставляли Ратибору пути к отступлению, и в том и в другом случае гранд-оператор «Шторма» отвечал за коллективную безопасность, хотя второй вариант нравился ему меньше. Узнав о появлении «Афанеора», Берестов поспешил распрощаться с физиками, прикидывая, каковы могут быть последствия странного поведения пропавшего без вести спейсера, но не успел еще покинуть территорию ФИАНа, как Умник сообщил еще одну весть, отсортированную им из всех нестандартных сводок по управлению, — об угоне с базы «Фиорд-III» трех «пакмаков» с полными обоймами десантных шлюпов. Для сопоставления этих двух событий не нужно было иметь семи пядей во лбу, и Ратибор с полпути к Институту внеземных культур повернул в управление.

Железовский встретил его рассеянным «ты вовремя», он разговаривал с Умником. Через минуту закончил.

— Твое мнение?

— Им зачем-то понадобились машины с запасом хода, — сказал Ратибор. — А так как использовать эти машины в Системе негде, то самый вероятный район применения «Серебряных драконов» — зона строительства Т-конуса.

Железовский никогда не хвалил сотрудников, но если был ими доволен — выражение лица у него становилось таким, будто с ним заговорил телеграфный столб, будто человек, которого он считал глухонемым, заговорил! Сейчас у него было именно такое выражение лица.

— Недавно я имел спор с... одним человеком, — заговорил он, помолчав. — Речь, собственно, вот о чем: получив экстраспособности, К-мигранты в основе своей остались людьми, ибо действия их можно предугадать. Скорее всего, «Афанеор» объявится у Т-конуса, причем за день-два до запуска, когда, разрушив, его уже невозможно будет восстановить. И скорее всего, Эрнест Гиро там не один.

— Если это К-мигранты, то трех «пакмаков» как раз хватит на всю их команду.

— Не только К-мигранты. Есть подозрение, что спейсер забрал с Луны всех «серых людей». Только что розыск обнаружил в старой шахте в кратере Нерсес следы их пребывания.

Ратибор вытянул губы трубочкой, словно хотел присвистнуть.

— Сто «серых» — это целый батальон смертников!

— Правильно понимаешь. «Серые люди» когда-то дрались за хозяина-сверхоборотня насмерть, могут и сейчас

начать атаку, не ведая ни страха, ни жалости. Забава снова требует включения «экстремума», и она, похоже, не так уж и неправа, а для нас передний край смещается теперь в зону стройки... хотя К-мигранты попытаются помешать нам и на Земле. Разделим сферы влияния. Что выбираешь?

— Передний край, — сказал Ратибор.

Железовский хмыкнул.

— А рутинную подчистку тылов оставляешь, значит, старику. — Он хитрил и знал, что Ратибор догадывается об этом. — Ты правильно выбрал, реакция у меня уже не та, что в молодые годы. Иди, мастер. Завтра станут известны результаты всепланетного референдума, мы наконец примем весь груз общего решения, причем без права на сомнения. Будь готов.

— Ратибор встал.

— Буду. Одна только просьба: снимите «ланспасад», хотя бы из тех соображений, что я буду точно знать — следят, «пасут», значит не коллеги. Мне будет легче.

— Хорошо, — сказал комиссар. — Но в таком случае тебе придется поносить на голове пси-экран.

— Зачем?

— Дежурные на базе «Фиорд-III», откуда неизвестные лица угнали «пакмаки», были травмированы гипноударом с необычайно широким спектром, они и сейчас не пришли в себя. Для защиты от пси-нападения тебя спасет только экран.

— Вы тоже носите такой?

— Мне он не нужен. — Железовский внимательно посмотрел на собеседника, и Ратибор вдруг почувствовал, как у него где-то под черепом «подул теплый ветер», перед глазами замелькали светлые пятна, размыли поле зрения, сложились в полупрозрачную фигуру человека с головой в железном рыцарском шлеме.

— Понял? — спросил Железовский.

— Да! — хрипло ответил Ратибор, сообразив, что воспринял мысленную передачу Аристарха без пси-рации.

— А экран все равно возьми, — будничным тоном закончил комиссар-два, будто ничего особенного не произошло.

Ратибор был иного мнения, но постарался хотя бы с виду не проявлять эмоций, хотя и не считал это большим грехом.

В своем кабинете он вызвал все подконтрольные режиму «Шторм» службы, предупредил о возможном появ-

лении рядом с зоной стройки или вдоль трассы БВ спейсера «Афанеор» и дал команду изменить код ответа «свой-чужой» для всех машин в тревожном районе, с тем, чтобы наблюдатели сразу засекли чужака с неадекватным ответом на сигнал запросчика.

— И еще я вас прошу... — Ратибор помолчал, формулируя просьбу. — Если будет возможно, удержитесь от стрельбы, а появятся К-мигранты, постарайтесь взять их живыми.

— Это просьба или приказ? — недовольно спросил командир одного из погранпостов.

— Просьба, — поколебавшись, ответил Ратибор.

— Тогда позвольте решать этот вопрос самому.

— Если я прошу, — мягко и очень вежливо сказал Ратибор, — это приказ со сроком исполнения, зависящим от исполнителя, если требую — исполнять нужно немедленно.

Эфир донес необидный смех, шутливые восклицания и возгласы руководителей, подключенных к сети связи «спрута». Молодые парни не знали, куда деть избыток сил и энергии, как утолить жажду приключений, и с оптимизмом уверенных в себе баловней судьбы надеялись на удачу и торжество справедливости, не считая нужным готовиться к худшему из зол.

— С этого момента вступает в силу «ЗОВ-экстра»[1], — добавил Ратибор, переждав шум. — Дислокация оператора переносится на спейсер «Перун». СЭКОН прошу обеспечить квалитет ответственности[2].

— СЭКОН принял, — донесся голос Забавы Бояновой.

— Готовность квалитета — двенадцать часов.

После короткой оперативки Ратибор остался один на один с Умником, терпеливо и безошибочно несшим на своих «плечах» бремя обработки поступающей информации, интегрально-избирательной связи со всеми абонентами «спрута» и почти мгновенной доставки нужных сведений главному руководителю из всех включенных в общую сеть банков данных.

---

[1] «ЗОВ - экстра» — закон особого внимания, не позволяющий упускать из виду даже кажущиеся несущественными мелочи.

[2] Квалитет ответственности — в чрезвычайных обстоятельствах за принятое решение должны отвечать, как минимум, трое: оператор, участвующий в работе людей, разработчик императивов поведения (штатных режимов работы спецслужб) и представитель комиссии по морали и этике.

— Тайм-аут, — пробормотал наконец Ратибор, борясь с желанием позвонить Насте.

— Не понял, — отозвался Умник.

— Беру тайм-аут до утра. Думаю, за это время ничего не случится ни с БВ, ни с Т-конусом. Ты можешь, не спрашивая абонента, узнать, где он находится?

— Кто нужен?

— Анастасия Демидова.

— Она в бассейне ИВК.

— Одна?

Умник на секунду замялся, решая, что имеет в виду оператор тревоги.

— Нет, рядом находятся эксперт СЭКОНа Ги Делорм и эксперт синклита ВКС Габриэль Грехов.

Настроение Ратибора упало.

— Ну и... Конструктор с ними!

Полон мрачной решимости, он спустился в зал метро, добрался до Рославля, взял такси и через двадцать минут был дома. Ему показалось странным, что он продолжает замечать признаки наблюдения за своей особой, но потом подумал, что «роденовский мыслитель» просто не успел еще дать отбой императиву «телохранитель».

Переодевшись в спортивное трико, Ратибор достал кассету с программой оптимайзинга, которую позаимствовал у Салахетдинова, вставил в приемник гипнопеда и с помощью иглы задатчика настроил аппарат на режим «один на один», дающий при установлении динамической обратной связи возможность сверхскоростной обработки информации как компьютером гипнопеда, так и мозгом обучающегося. Затем привычно вызвал у себя состояние гипермнезии — сверхзапоминания и ввел заранее приготовленный сильнейший из всех известных стимулятор центральной нервной системы. Сосчитал до десяти, глубоко вздохнул, поправил на голове сетку-дугу эмкана и скомандовал компьютеру начинать.

Перед глазами заклубился цветной туман, из которого выплыл строка за строкой текст страхующей формулы: «Программа оптимайзинга: тайбо школы тигра, элементы древних приемов физического совершенствования — тхэквондо, дзюдо, крэг, у-шу, самбо-два. Предупреждение: режим «один на один» запрещает рапид-гонку без параллельного сопровождения. Риск инсульта. Риск автотравмы при несовпадении выученных приемов и физических возможностей перципиента. Вы убеждены в своих способностях?»

То, к чему способно тело, еще никто не определил, вспомнил Ратибор высказывание Спинозы и с решимостью, поразившей даже его самого, мысленно воскликнул: «Запуск!» — чувствуя, как сердце заработало с нарастающей частотой. Оно пыталось обеспечить снабжение кислородом заработавший со скоростью компьютера мозг. Потом чувствовать и думать о чем-либо постороннем стало некогда.

В шестом часу вечера он с трудом снял эмкан, и сил его хватило только на то, чтобы напиться витаминизированного коктейля из облепихового сока, нескольких капель женьшеневого и полстакана фруктозы...

В седьмом часу он очнулся от громких трелей домашнего видео, однако пока добирался до ниши виома, звонить перестали. Поев сладкого, с терпким горьковатым привкусом брусничного желе, Ратибор снова задремал, лежа на толстом ворсистом ковре у кресла. Окончательно пришел в себя в девять, принял душ, с удовольствием приготовил ужин на домашнем комбайне «Монастырская изба-33»: чорба из мяса по-испански, миш-маш из помидоров с грибами, миндальный пудинг, холодное топленое молоко — и с не меньшим удовольствием поужинал, чувствуя, как прибавляются силы. А когда собрался позвонить Насте, обнаружил в гостиной незнакомца, лениво листавшего старинную книгу по аутотренингу из библиотеки, доставшейся Ратибору в наследство от деда.

Острое чувство опасности заставило Ратибора собраться в считанные мгновения, но как быстро он ни двигался, незнакомец действовал еще быстрее: вот он только что листал книгу, а вот уже стоит напротив с холодным взглядом бретёра — рослый, черноволосый, с твердой складкой губ и прямыми бровями, одет в обычный полуспортивный летний костюм. Ратибор узнал его практически в тот же момент, когда увидел: Виктор Батиевский, бывший космоисследователь первого класса, одним из первых проглоченный сверхоборотнем на Юлии в системе Единорога, а теперь один из К-мигрантов, подозреваемых в диверсионной деятельности.

— Узнал, — констатировал Батиевский звучным голосом. — Тем лучше, не надо будет долго объяснять причину появления. Вы сделали две ошибки, мастер: сняли пси-рацию «спрута», из-за чего Умник так и не узнает причин вашего летального исхода, и не надели пси-экран, как советовал Железовский.

Ратибор сжал губы.

— Информация у вас поставлена хорошо.

— Да, неплохо. Правда, даже будь на вас рация, все равно ни одна из оперативных обойм страховки не успела бы прийти вам на помощь. Что касается экрана, то и он не гарантирует...

Ратибор прыгнул без подготовки, тело сработало само, и почти достал незваного гостя, и получил страшный волновой удар по сознанию. В глазах все поплыло, закачалось, пол стал зыбким и скользким, а тело превратилось в рыхлый студенистый ком с десятком щупалец вместо двух рук. И все же ему удалось удержаться на грани беспамятства, организм яростно воспротивился чужой воле и на пределе инстинктов и подсознания включил внутренние резервы, почти нейтрализовавшие влияние возникшего в мозгу нейроторможения. Туман в глазах растаял, Ратибор обнаружил себя согнувшимся в метре от смотревшего на него с холодным любопытством Батиевского.

— Похвально! Видимо, вы хороший спортсмен, если даже неапробированный внушенный оптимайзинг увеличил ваши природные дарования до почти абсолютного владения телом. В пределах неэкстрасенсорных возможностей, конечно.

— Зачем это вам? — глухо спросил Ратибор, не поднимая головы, собираясь с новыми силами.

— Что именно?

— Этот прессинг: угрозы, нападения, диверсионные акты, попытки помешать строительству Т-конуса. Если человечество решит его включить, помешать этому вы все равно не сможете.

— Весьма спорное высказывание. Мы все рассчитываем с абсолютной точностью, ошибки исключены, я имею в виду те ошибки, на которые рассчитываете вы, принимая нас равными себе психологически и нравственно. Это неверная позиция. Но вы натолкнули меня на мысль, и я передумал убивать вас сегодня. Из чувства осторожности, а не жалости. Сообщите всем, от кого это зависит: мы не слепые террористы и не слуги Конструктора, мы его партнеры и никогда не встали бы на путь вмешательства в вашу деятельность, не techни вы решения, угрожающего жизни нашего партнера. Комиссар Железовский не прав, считая нас людьми, но и председатель СЭКОНа Боянова не совсем права, отрицая в нас человеческие качества, ведь уживались же мы с вами сто с лишним лет.

— Объявите свою доктрину всем людям, уверен, результат будет в вашу пользу и без силового давления.

Батиевский покачал головой.

— К сожалению, мы знаем результат всепланетного обсуждения, и он не в нашу пользу: все хотят жить, а большинство хочет жить, практически не думая. Ведь это очень тяжело: думать. — В бесстрастном голосе К-мигранта почудились Ратибору нотки горечи, сожаления.

Оператор «Шторма» выпрямился:

— Вы что же, знаете будущее? Результат референдума еще никому не известен.

— Достаточно и того, что он известен нам. Предупредите всех, мы не остановимся ни перед чем, если вы не найдете другого решения возникшего конфликта.

— Другого решения нет: если Конструктора не остановить, от Солнца и планет не останется ничего!

— Он остановится сам, не мешайте ему. Прощайте, мастер... пока. Мы ждем.

Батиевский исчез. Вот он стоял перед Ратибором, а вот его уже нет, вернее, он уже в прихожей.

— Но мы не одни, — тихо проговорил Ратибор, шагнув следом. — Чужане тоже знают о Конструкторе и готовят ему встречу. А их «перевертыш» вы вряд ли сможете убрать с пути Конструктора.

— Время покажет, — донесся ответ.

Дверь открылась и закрылась, хозяин остался один. Но не надолго, на минуту. Кто-то снова вошел без звонка, вернее, вбежал, заглянул на кухню и ворвался в гостиную. Это был Габриэль Грехов собственной персоной.

Увидев стоявшего в напряженной позе Ратибора, он кивнул, словно и не ожидал увидеть иного.

— Ушел?

— Только что.

— Очень трудно рассчитывать их появления с точностью до минуты. Слава Богу, что и на этот раз обошлось. Я гляжу, ты заговоренный, юноша. Но в третий раз они шутить не станут и состязаться с тобой в ловкости и знании приемов рукопашного боя тоже. За то, что прошел ускоренный вариант оптимайзинга, хвалю, хотя у Аристарха, наверное, будет другое мнение, и все же последуй его совету, носи пси-экран. Ты пока не интрасенс, а всего лишь зародыш интрасенса, и с К-мигрантами без техники тебе не совладать.

— Они... — начал Ратибор.

— Знаю. Они во многом правы. Конструктор — не просто их партнер, это еще и великий символ и н а к о м ы ш л е н и я, символ вечно непостижимого, бесконеч-

но сложного, символ веры в иные возможности, в существование непознанной жизни, в реальность выхода за рамки привычных представлений, а веру убивать нельзя! Охотник убивает не птицу, он убивает п о л е т!

«А каков ваш символ веры?» — хотел спросить Ратибор, но удержался. И тем не менее Грехов у с л ы ш а л его мысль. Улыбнулся сквозь свою обычную хмурую неприветливость.

— Символ моей веры прост: завтра я буду знать! До связи, опер. Будь здоров. Кажется, к тебе еще один гость, принимай.

Дверь распахнулась, и в гостиную, стремительно пролетев пространство прихожей, ворвалась Настя. Круто затормозила, но не смутилась под взглядами мужчин.

— Порядок, — сказал Грехов, похлопал Ратибора по плечу и вышел, не глядя на девушку. Но как ни был утомлен и ошарашен визитами Ратибор, он все же смог уловить мгновенную молнию — беззвучный толчок в голову — пси-обмена Анастасии и Грехова. Ему даже показалось — он понял, что спросил проконсул и что ответила Настя.

— Иди, иди, — пробормотал он негромко. — Я слышал, он будет ждать тебя.

Анастасия вскинула голову, отдышалась после бега, сквозь прищур век разглядывая Ратибора и прислушиваясь к чему-то. Потом сказала коротко:

— Я останусь.

— Иди, я не нуждаюсь в няньках, да и Грехов твой будет сердиться. Зачем тебе эти компромиссы?

Глаза девушки потемнели.

— Дерзишь, мастер, ты не прав. Не старайся разозлить меня или обидеть, сам пожалеешь потом.

— Пожалею, но делить тебя ни с кем не хочу! И не буду! Иди, он же сказал, что будет ждать. К тому же он экзосенс, а я нормальный человек, не лишенный самолюбия.

Анастасия вдруг словно погасла, лицо ее стало безжизненным, бледным, измученным.

— Оказывается, ты можешь быть жестоким, мастер, но это не красит мужчину, я имею в виду с и л ь н о г о мужчину. Что ты знаешь о Габриэле? За что ты его невзлюбил? Знаешь ли ты, сколько пришлось пережить этому человеку? Он четырежды умирал и воскресал, на нем живого места нет! Все его друзья или погибли, или уже умерли, жена, поняв, что стареет, а он нет, разбилась, направив «скорую» в лоб грузовому нефу, сын погиб в

экспедиции к Чужой... — Голос Насти пресекся, и она закончила шепотом: — Он одинок, понимаешь? Одинок, как не бывает одиноким ни один человек! — Она повернулась и вышла из гостиной.

Ратибор опомнился, спотыкаясь догнал ее у двери, сказал в спину глухо:

— Прости...

Анастасия замерла, оглянулась через плечо.

— Прости, Стася... — Он покачнулся. — Я дурак...

Позже, через час, они лежали, утомленные, переживая то новое, что протянулось между ними, кроме влечения и жажды любви и ласки; нить пси-обмена была еще тонка и не всегда работала в обе стороны — Ратибор «слышал» Настю хуже, чем она его, и все же он теперь знал, что становится намного богаче. Правда, совсем обходиться без слов в общении с ней он еще не мог.

— Я собрался звонить тебе... когда пришел незваный гость.

— Кто именно?

— Батиевский. Честно говоря, он мне чем-то симпатичен, серьезный мужик и умный. Жаль, что он К-мигрант.

— Жаль, — вздохнула Анастасия, нашла в темноте его волосы, взъерошила, погладила по щеке. — У тебя странное имя — Ратибор, твердое и воинственное, от слов «рать» и «борьба», его не сократишь, не сделаешь уменьшительно-ласкательным. Ты представляешь редкий тип людей, которым нельзя дать другое имя. Не могу вообразить тебя Аристархом. — Она тихо засмеялась. — Аристарх Берестов. Или Сидор.

— Угу, — промычал он. — Имя у меня, как медаль чеканного серебра, не то что у твоего бессмертного Грехова — Габриэль. Ри, Эль... несерьезно.

Девушка вздохнула, снова провела теплой ладонью по его щеке.

— Не сердись, мастер, но Габриэль... он очень серьезный, суровый и сильный человек, может быть, слишком сильный, и все же кому-то надо быть с ним рядом.

— Я понял. — Ратибор напрягся, собираясь встать, но рука Анастасии удержала его.

— Ничего ты не понял. Все очень непросто, неоднозначно... и мне надо привыкнуть... к тебе, к твоему упрямству. Если захочешь, разберешься, только постарайся быть терпеливым и не делать мне больно, как сегодня. Слишком многое нам предстоит пережить, впереди такие испытания, что дай Бог тебе не сломаться!

— Ты говоришь так, словно знаешь мою судьбу.

— Знает Габриэль.

— А ты?

— Я нет.

— Ты серьезно? Грехов знает? — Ратибор недоверчиво засмеялся. — Так он что, в самом деле ясновидец?

— Не смейся, — тихо проговорила Анастасия таким тоном, что в воздухе повеяло холодом. — Он способен видеть... будущее. Не во всех деталях, конечно, но способен. И еще ни разу не ошибся. По С-классификации он «супер», а может, и еще выше, что не предусмотрено классификатором.

Ратибор не очень удивился сообщению, просто не до конца поверил, но ему стало неприятно и неуютно, словно он оказался персонажем кукольного спектакля, вынужденным жить под безжалостным слепящим светом рампы, судьба которого известна зрителю заранее.

— Значит, он знает... колдун... интересно... но если знает, черт возьми, какого рожна постоянно вмешивается, предупреждает об опасности? Может быть, я его дальний родственник?

Анастасия убрала руку, отодвинулась.

— Ты невыносим, как... как твой Железовский!

— А он-то при чем? — оторопел Ратибор, приподнимаясь на локте.

— Я же все о тебе знаю, мастер, даже то, о чем ты не догадываешься, и... и давай переведем разговор на другую тему.

— При чем здесь Железовский?

Настя помолчала, перебирая свои волосы, потом сказала печально:

— Аристарх уже полвека безнадежно влюблен в Забаву Боянову.

— Ну и что тут удивительного? А она?

— Она... Забава до сих пор любит своего мужа, погибшего тоже около полувека назад.

И Ратибор понял: Анастасия знает о Карелии, а также знает и о том, что он не забыл ее до сих пор...

Результат референдума, как и предсказывал К-мигрант Батиевский (предсказывал ли? Может, все-таки на самом деле знал?), оказался не в пользу Конструктора. Конфликт и не мог быть решен иначе, о чем давно предупреждали ученые-социологи, специалисты по конфликтным ситуа-

циям, которые основывали свои выводы на богатейшем опыте Института согласия и на теории коллективных решений. И Совету безопасности стало ясно, что возник новый конфликт между человечеством в целом и горсткой К-диверсантов, отстаивающих всеми доступными средствами право на существование партнера, давшего им жизнь после смерти. Ясно было и другое: конфликт должен найти приемлемое для обеих сторон решение, ибо в противном случае обе стороны могут оказаться перед фактом обоюдного уничтожения, К-диверсанты — в открытом бою с защитной системой человечества, выдержать который они не смогли бы, человечество — в результате фазовой перестройки вакуума (такая возможность не исключалась) при «проявлении» Конструктора из «пули» Большого Выстрела.

Сразу же после объявления результатов голосования Совет безопасности собрался в полном составе в старинном здании ООН, признал несостоятельными доводы К-мигрантов о том, что они з н а ю т о благополучных «родах» Конструктора, и выработал стратегию одного из субъектов конфликта, а именно — человека: пока крупнейшие социологические институты Земли будут искать кооперативное решение, способное удовлетворить обоих участников конфликтной ситуации, службе безопасности, спасателям и пограничникам, используя закон предела допустимой обороны, — принять необходимые меры для защиты всего привлеченного контингента и предотвращения открытого столкновения между ними и К-диверсантами.

Ратибор, подключившись наутро к систему СПАС-трека, был поражен: такой концентрации защитных сил человечества, применяемых в таких масштабах с привлечением колоссальных энергетических и материальных затрат, он увидеть не ожидал. К тому же он со стыдом обнаружил, что его почти суточный отдых после стычки с Батиевским был не случайным (Умник не позвонил ни разу), а подарен ему комиссаром-два, принявшим на себя все заботы оператора «Шторма».

Но сожалеть о промахе Ратибору не дали: начинались события, последствия которых не мог бы рассчитать ни один эфаналитик, и каждому исполнителю в зоне его ответственности требовалось приложить максимум усилий, чтобы не ошибиться и не подвести тех, кто зависел от его деятельности. Компьютерная сеть связи «спрута», как ни одно техническое средство, с особой остротой позволяла

ощутить напряженность создавшейся атмосферы, нависшую над всеми угрозу. Впервые Ратибор сравнил Конструктора, чья тень уже потрясла души людей, с Молохом, символом жестокой и неумолимой силы, требующим многих человеческих жертв.

Прибыв на спейсер «Перун», до сих пор использовавшийся в качестве «гиппо»-реперной базы и «генерального штаба», Ратибор развил бешеную деятельность: стянул к месту строительства Т-конуса дополнительные эшелоны скоростных машин типа «Золотой дракон», способных к самостоятельному переходу на «струну» мгновенного прокола пространства и в то же время к ходу крейсерским шпугом; дал задание инку-координатору стройки просчитать под началом опытных экспертов все окна уязвимости подконтрольной зоны и, определив адекватные контрмеры в случае появления непрошенных гостей, установил дополнительные ТФ-радары, которые по «судорогам» пространства могли засечь на расстоянии в миллионы километров даже появление гвоздя.

От Железовского доходили вести о новой вспышке активности «Общества по спасению Конструктора», об участившихся авариях на заводах, поставляющих детали для строительства Т-конуса, о росте «психической температуры» журналистских выступлений, о продолжавшихся дискуссиях во всех сферах общественной жизни о гуманизме и нравственности применительно к судьбе Конструктора, о поступающих тысячами предложениях и компромиссных решениях, и только К-мигранты хранили странное молчание, прекратив все виды деятельности от запугивания до диверсий (хотя аварии на заводах вполне могли организовывать именно они).

Пружина защитной системы человечества сжалась до предела, готова принять на себя удар чудовищного катаклизма и отразить его или ценой самоуничтожения предотвратить уничтожение цивилизации.

Месяц непрерывного монтажа Т-конуса, не прекращавшегося ни на секунду, подходил к концу. Монтаж вели три филиала Главмонтажспецстроя — Европейский, Североамериканский и Восточно-Азиатский, и первыми закончили работу на своей трети колоссального кольца специалисты Азиатского Монтажспецстроя.

Ратибор мог бы, не выходя из зала «Перуна», увидеть как весь готовый сектор, так и любую его часть, но он предпочел провести инспекторский вояж и «пощупать масштабы» стройки своими руками.

Чувствовал он себя не совсем хорошо: сказывались и перегрузка мозга при работе с компьютером в режиме «один на один», и последствия пси-удара, полученного от К-мигранта Виктора Батиевского, — но все-таки находил силы и время тренироваться в спортзале спейсера, открыв в лице Дмитрия Демина отличного спарринг-партнера. Он понимал, что, оптимизировав свои навыки рукопашного боя, едва ли найдет им когда-нибудь применение, однако наравне с внутренним удовлетворением давал себе отчет в том, что в ситуациях «Шторма» всегда остается шанс встретить противника не только среди природных стихий, но и среди людей.

Заняв осевой драккар патрульного «пакмака», Ратибор, проверяя корабль и свое умение бывшего драйвера-прима, облетел по разворачивающейся спирали сдвоенный диск спейсера в дриблинг-режиме и направил машину к мерцающему на пределе видимости квадрату чужанского «перевертыша», у которого сновали два десятка исследовательских шлюпов.

Уже было известно, что свойства «перевертыша» делают его идеальным отражателем: он с одинаковым успехом «переворачивал» как материальные объекты, так и все виды излучений. Не действовали на него и тайм-фаговые генераторы, создающие «судороги вакуума», при которых пространство стягивалось в одномерную линию по всей длине «судороги».

— Что будем с ним делать? — услышал Ратибор голос Демина; за его полетом наблюдали со многих сторон.

— А что с ним можно сделать? — ответил Берестов вопросом на вопрос. — Физику этого «забора» мы не знаем даже в теории, это физика не нашей вселенной.

— Зато ее знают чужане. Кстати, у меня идея: что, если роиды — измельчавшие потомки Конструктора?

Ратибор помолчал, переваривая идею пограничника и наблюдая за пульсацией свечения загадочной решетки.

— Мысль неплохая, запусти ее ксенологам. А предложить мы можем два варианта: первый — отодвинуть свой Т-конус назад на пару сотен миллионов километров, чтобы иметь возможность посмотреть на эффект встречи БВ с «перевертышем»; второй — «заглотнуть» его Т-конусом, пропустить по «струне».

— Мысль неплохая, — в том же тоне ответил Демин. — Разве что осуществить ее невозможно. Чтобы оттранспортировать такое сооружение, как Т-конус, на приличное расстояние, на две-три сотни миллионов километров, не-

обходимо лет пять, а у нас до встречи с БВ остается неделя. К тому же БВ может срикошетить от «перевертыша», и мы его просто не поймаем.

— А зачем его ловить? Главное, чтобы Выстрел не ударил по Системе, и каким мы способом этого добьемся — не имеет значения.

Ратибор направил драккар прямо на узел решетки и, по мгновенной тишине в эфире определив состояние наблюдателей, затормозил в нескольких метрах от плоскости квадрата, рисунок которого сливался в кажущийся бесконечным густой изумрудный «луг» со светящейся травой. Тишина в наушниках была такой глубокой, что Ратибору показалось, будто он слышит тихое струнное гудение светящихся жил решетки, пульсацию света по этим жилам, и далекий, на пределе слышимости, уходящий в гулы и свисты, всхлипы пространства нечеловеческий шепот:

Но замер и ветер средь мертвых песков,
И тише, чем шорох увядших листов,
Протяжней, чем шум океана,
Без слов, но слагаясь в созвучия слов,
Из сфер неземного тумана
Послышался голос, как будто бы зов,
Как будто дошедший сквозь бездну веков
Утихший полет ураган[1].

Ратибор вздрогнул. Ему и в самом деле послышался чей-то шепот, даже не шепот — тень шепота, мысленный вызов, тревожный, предупреждающий, чужой, не принадлежавший человеку. Неужто чужанский «перевертыш» служит еще и пси-антенной в придачу? Или он отражает мысль?

— Внимание! — негромко произнес Ратибор. — «Джоггер» всем постам и патрулю защиты!

В драккаре, как и на других машинах пространства, пилотская кабина тоже представляла собой кокон-кресло с выведенными через эмкан на мозг пилота показаниями датчиков, систем контроля и видеокамер, поэтому ответы командиров всех названных групп в ответ на объявленную тревогу Ратибор увидел «внизу» оперативного поля изображения, передаваемого ему видеокамерами драккара: вспыхивающие зеленые цифры с индексами-обозначениями. Не отвечая на вопросительную тишину в эфире —

---

[1] Бальмонт К. Звезда пустыни.

Демин тоже молчал, ожидая продолжения, — Ратибор направил драккар к ближайшей секции Т-конуса, невидимой на таком расстоянии.

В наушниках тонко и хрупко «капнул» сигнал включения личного диапазона связи.

— Что случилось? — послышался голос ДД. — Зачем ты посадил на боеготовность всю службу?

— Потому что это передний край, — ответил Ратибор. — К-мигранты не спят, и предупреждения их — не простая болтовня, они готовят фронт. А на фронте, как тебе известно, боеготовность передовых линий должна быть максимальной. С этого момента будем сидеть на «беге трусцой» все. К тому же это не «полундра», выдержим.

— Что ж, тебе виднее.

На фоне слабосветящейся звездной пыли с россыпью более крупных огней — созвездия Рыси — появилась изогнутая дугой паутинка света. Приблизилась, превращаясь в ажурную конструкцию, напоминающую часть колеса обозрения.

— Тобой интересовались двое.

— Кто? — быстро спросил Ратибор.

— Корреспондент агентства передачи новостей, хочет получить от тебя информацию для программы «Время». И Анастасия Демидова.

— А ей зачем я понадобился? Кстати, это наш эксперт по...

— Знаем, наслышаны. Она передала всего два слова: «Серые люди».

— «Серые люди»? И все?

Демин не счел нужным ответить.

«Колесо обозрения» превратилось в часть обода гигантского колеса, увидеть которое полностью было невозможно. Толщина обода достигала трех десятков километров, и, несмотря на ажурность, масса его исчислялась миллионами тонн.

«И мы можем строить кое-что монументальное!» — с невольным волнением и изрядной долей иронии подумал Ратибор, вспомнив о масштабах деятельности Конструкторов, которым по плечу была перестройка метагалактического домена поперечником в тысячи, если не миллионы миллиардов световых лет. Что для них кольцо Т-конуса диаметром в триста тысяч километров! Человек, не будь тщеславен...

Интересно, что хотела сказать Настя? Что значит — «серые люди»?

Мысли вернулись к конкретным делам и заботам. Ратибор повернул драккар вдоль «обода» и дал стократное ускорение, выходя в район стыковки «азиатского» сектора Т-конуса с «американским». По мере того как он подлетал ближе к оперативной зоне строительства, интенсивность движения в пространстве увеличивалась и вскоре достигла рекордной для всех условий плотности: с шести сторон к монтажному участку мчались контейнерные сцепки с готовыми секциями обода — со скоростью в два десятка километров в секунду и всего с двадцатисекундным интервалом; монтажные «крабы» молниеносно растаскивали затормозившие «поезда», и строившийся конец обода рос прямо на глазах; во всех направлениях проносились сотни роботов вторичной монтажной волны — тянувших по основным конструкциям энерговоды и коммуникации; потоками шли ремонтные «скуды», нагруженные зеркалами отражателей; куда ни проникал взор — космос сверкал, кипел, стрелял очередями машин и струями грузов, взрывался и распадался на сотни и тысячи светящихся деталей, из которых вырастало стройное, геометрически красивое и гармоничное тело обода Т-конуса. И все это кипение подчинялось воле человека и управляющего строительством компьютера, и снова трезвой оценке вопреки в душе Ратибора шевельнулось чувство гордости: еще сто лет назад строительство подобных масштабов было немыслимым предприятием. Но опять вспомнились возможности Конструктора, и чувство самоуважения сменилось чувством неловкости, будто кто-то подслушал мысли безопасника и укоризненно поцокал языком...

Что хотела сказать Анастасия? Предупредить? О чем?..

Ратибор вывел драккар из пекла немыслимо скоростной стройки, дал отдых телу, расслабившись и выцедив стакан облепихового сока. И вдруг понял: Настя имела в виду то, что К-мигранты могли использовать «серых людей» на самом главном направлении своего удара то ли в качестве основного диверсионного отряда, то ли в качестве отвлекающего маневра.

Он облился потом. Господи, до стыковки секторов остались считанные часы! Где ждать удара? Какого? Излучение? В каких диапазонах и какой мощности? А если это будет ТФ-атака? Весь Т-конус им уничтожить не удастся, но и того, что они натворят, будет достаточно: отремонтировать конус до подхода БВ люди уже не успеют. А главное, как уберечь людей?

Ратибор поймал пеленг «Перуна» и включил полную скорость. Зону стройки унесло назад, в бездну, вокруг снова распахнулась пустота межзвездного пространства с плотностью в два десятка атомов на кубический метр.

— Опер, тебя хочет некто Грехов, — сообщил Демин. — Могу сработать прямую связь.

— Где он?

— На Земле, конечно. Представляешь его возможности, если ему удалось пробиться на оперативный трек «Шторма» за полсотни световых лет от Солнца?

— Давай.

Через минуту ровного пульсирующего фона, пока драккар шел к спейсеру, в наушниках «спрута» раздался голос проконсула:

— Берестов, как слышишь?

— Нормально, — ответил угрюмо Ратибор, внутренне сосредоточиваясь.

— Тогда слушай: ты в ответе за всех, кто сейчас с тобой, поэтому отбрось гонор и делай что скажу. Они нападут и нападут скоро, возможностей у них, сам понимаешь, достаточно.

— «Серые люди» или К-диверсанты?

— Молодец, соображаешь. К-диверсанты не дураки, они сначала пошлют на «пакмаках» «серых людей», а потом уже пойдут сами, поэтому для того, чтобы обезопасить Т-конус и спасти тысячу специалистов, необходимо все внезапно появляющиеся объекты... у н и ч т о ж а т ь! Понял?

Ратибор сглотнул комок в горле.

— Ты понял, Берестов? Уничтожать! Иначе они уничтожат тебя... да и всех остальных. К сожалению, Забава в этом вопросе права. К-диверсанты уже не люди, и логика у них своя. А за нами — мы сами, и никого больше. Квалитет ответственности у тебя соблюден, посоветуйся с ним и стреляй. Первым! Понял?

Ратибор облизнул губы.

— Понял. Я подумаю.

— Отключился, — доложил Демин, умея быть лаконичным.

— Вот что, ДД... — Ратибор не сразу собрался с мыслями, поправился: — Впрочем, погоди. Всем внимание! Командирам оперобойм переодеть личный состав в «бумеранги» с полным комплектом. Как поняли?

— Основание? — Это голос представителя СЭКОНа.

— Вероятность личной встречи с К-мигрантами.

Непродолжительное молчание.

— Принимается.

— Квалитет не нарушен, — отметил Умник.

— Выполняйте!

Ответом был шквал зеленых вспышек-цифр.

Драккар нырнул в окно причального биммера, провалился в тоннель вывода в ангар, перевернулся, застыл посередине ангара между другими такими же машинами, зажатый лапами финиш-автомата. Поле зрения сузилось до размеров зрачков. Ратибор отбросил эмкан, отстегнулся от кресла и встал. Выходить из кабины не хотелось. Обойдя два раскрытых, будто чаши тюльпанов, кресла Ратибор прислушался к своим ощущениям: интуиция, как собака, встопорщила шерсть на загривке и вытянула вперед морду.

Тогда он открыл отсек экипировки и переоделся в «бумеранг». С минуту привыкал к персональному компу костюма, пока не ушел из головы шум обратной псисвязи.

«Бумеранг» представлял собой, по сути, тот же кокос, но со встроенной дополнительной микро- и энерготехникой, предельно упакованной и надежной. Кроме того, он был оборудован энергоэкраном и «универсалом» — системой оружия с мысленным — через компьютер — спуском. Заблокировать спуск мог только персональный комп костюма, если выстрел не был вызван чрезвычайными обстоятельствами.

Ратибор опробовал антиграв, наполнение экзоскелетона — внешнего «скелета», увеличивающего мускульные усилия человека, проверил заряд «универсала». Потом закрепил на голове сеточку эмкана с очками прицела, опробовал плавающий сектор захвата цели — крестик визира послушно переметнулся из угла в угол поля прицеливания.

Выходить все так же не хотелось.

Ратибор покачал головой и, преодолевая внутреннее сопротивление, вышел из гондолы драккара. Тугие перепонки лифта сжали его с боков, через несколько секунд отпустили, свернулись и ушли назад в корпус: безопасник стоял рядом с тушей драккара, а напротив в десяти шагах его дожидался затянутый в серый кокос Виктор Батиевский.

— Грехов ошибся только в одном, — сказал он скучным голосом. — Мы начнем первыми, а «серые люди» завершат работу. Мы вас уже предупреждали.

Ратибор наконец разглядел, что в глазах К-мигранта не по одному, а по три зрачка!

— Как вы сюда проникли?

— Это несущественно. Правы были древние философы: человек — ошибка эволюции, а ошибки надо исправлять, рано или поздно. Жаль, мне вы чем-то симпатичны, но придется...

В следующее мгновение визирные метки прицела совместились с правым плечом Батиевского, и Ратибор выстрелил.

Удар плазменной «пули» отбросил К-мигранта к соседнему «пакмаку», испепелив часть куртки кокоса; плечо Батиевского в месте удара приобрело золотистый оттенок, словно осветилось изнутри. Все это Ратибор успел разглядеть в одно мгновение, пока Батиевский летел по воздуху, изумленный случившимся. Реакция у него была колоссальная, но и Ратибор мало уступал ему в скорости, опираясь на быстроту компьютера «бумеранга».

На ногах К-мигрант удержался, только растопырился, как краб, и тотчас же ответил мощным пси-разрядом, чуть ослабленным расстоянием и некоторым замешательством; он бил «по площади» и в широком диапазоне пси-спектра, а не направленным лучом на определенной болевой волне. Ратибору показалось, что на голову ему рухнул потолок ангара, в глазах потемнело, в теле словно оборвались натянутые струнами нервы, боль перехватила дыхание, обжигающей волной огня прошлась по внутренностям. Если бы он замешкался в этом положении хотя бы на миг, спасти его не смог бы никто, но Ратибор успел выстрелить еще раз, и еще — с ужасом увидев, что Батиевский отброшен, но все так же собран, холоден, сосредоточен. Выстрелы из «универсала» не давали ему возможности ответить с необходимыми силой и точностью, и Ратибор раз за разом всаживал в него импульсы, пока не заметил, что тело К-мигранта начинает светиться и распухать.

— Объект энергетически нестабилен, — предупредил персонком. — По-моему, он на грани распада.

Ратибор выстрелил еще раз и нырнул на пол за кормовой пилон драккара. В ту же секунду тело Батиевского превратилось в нестерпимо сияющий «кактус» и лопнуло, истекая игольчатыми струями огня, распадаясь на лоскуты шипящего электрического пламени. Горячая волна подхватила Ратибора и ударила о корпус одного из соседних «пакмаков»...

СЖАТЫЕ ПРУЖИНЫ

Железовский вошел в экспедиционный зал «Перуна» в сопровождении командора погранслужбы Эрберга, движением бровей приказал свободным от вахт пограничникам очистить помещение. Через несколько минут в зале остались прибывшие гости: Дмитрий Демин, представитель СЭКОНа Ги Делорм, заместитель председателя ВКС Баренц и Ратибор Берестов, более бледный, чем обычно, со следами ушибов на лице: лечь в медотсек он отказался, приняв получасовой курс экспресс-лечения.

— Самочувствие? — пробасил Железовский. Он уже знал результаты анализа происшествия: Берестов не использовал всей мощи «универсала», инстинктивно включив его не на поражение, а скорей на отталкивание, словно не хотел причинить противнику особого вреда.

— Нормально, — ответил Ратибор, отводя виноватый взгляд.

— Как он попал на спейсер?

— Через метро базы «Десна». Оператор ничего не заметил, но, судя по заключению медэксперта, ему просто стерли память. После проверки я сразу заблокировал все метро, связанные с Землей.

— Надо было сделать это раньше. А если бы он тебя?..

— Надо было брать его живым, — сказал Эрберг чуть в нос. — Узнали бы их планы.

— Вряд ли К-мигранта можно взять живым, — вежливо возразил Демин. — Они накачаны энергией, как МК-батареи, можете полюбоваться на дыру в полу ангара после взрыва этого... псевдочеловека.

— Можете ли вы после этого инцидента гарантировать, что на других спейсерах и малых машинах нет К-диверсантов?

— Не можем, — ответил Берестов после секундной заминки. — Но экипажи предупреждены и протестированы Сварогом... Ответы адекватны личным характеристикам каждого, а это подделать невозможно.

— Много мы знаем о возможностях нелюдей... Я бы все же проверил флот на предмет выявления гостей.

— Как? — Комиссар-два сел в одно из кресел, застыл глыбой.

Остальные остались стоять, придвинувшись ближе. Эрберг, подумав, сел тоже.

— Одну из обойм риска на «пакмаке» пустить в обход всего машинного парка, где есть метро, пусть обша-

рят транспорты с хомодетекторами, с максимальной подстраховкой, естественно. Шанс невелик, но он есть.

— Действуйте, — кивнул Железовский, умевший мыслить быстро.

Демин тут же забормотал распоряжение по рации, обменявшись с Ратибором понятными обоим знаками.

— За то, что успел надеть «бумеранг», хвалю, — продолжал Аристарх, поглядев на Ратибора снизу вверх. — Хотя об этом надо было подумать раньше, а не доверяться интуиции. В подобных делах нужен расчет, основанный на точном прогнозе. Почему, кстати, в твоей команде нет эфаналитиков?

— Они... на Земле, — нехотя ответил Ратибор.

— А должны быть здесь, включенные в оперативную сеть «спрута». Я распорядился, двое будут на «Перуне» с минуты на минуту. Работай.

— А вы? — Вопрос вырвался у Ратибора нечаянно, помимо воли, он тут же пожалел об этом, внутренне поморщившись: создавалось впечатление, что он боится оставаться один.

— ВКС созывает свой синклит... — Комиссар понял все, как надо. — Будем думать, что делать, если Т-конус по каким-то причинам... не сработает.

— Мы не позволим... — начал Демин. Железовский поднял ладонь.

— Надо рассчитывать на самые худшие варианты. Допустим, К-мигранты не преуспеют в своей деятельности, но Т-конус все равно не поможет, что тогда?

В зале стало совсем тихо.

— Эвакуация? — пробормотал Демин.

— Кого мы успеем эвакуировать за оставшуюся неделю до подхода БВ к Солнцу? Даже если задействуем весь флот и внешние метро? И куда?

— Из двух зол выбирают меньшее...

— Вот мы и будем выбирать, если не найдем компромиссного решения.

— Но ведь Земля уже решила, все десять миллиардов землян!

— Готовить и принимать решения должны профессионалы! — Голос Железовского громыхнул, как отзвук обвала в горах. — Специалисты высокой квалификации. Не верить им — значит не верить себе, люди должны это понять. А для этого им надо дать полную информацию обо всем, с чем мы столкнулись. За нами — мы сами, и никого больше! Помните это.

Ратибор вздрогнул: Аристарх повторял слова Грехова. Эти люди были удивительно похожи — не только точностью оценки происходящего и реакцией на внешние раздражители, но и глубиной видения и знанием психологии людей.

— Когда будет закончен монтаж кольца?

— Через двое суток плюс-минус два часа, — ответил Сварог, незримо присутствующий при любой беседе.

— Работайте. — Железовский некоторое время разглядывал зеленоватое сетчатое пятно чужанского «перевертыша» и с неожиданными для столь громоздкого тела легкостью и кошачьей гибкостью встал. — Идемте, Ингвар.

— Я бы остался, — начал было Эрберг.

— В качестве посаженого отца?

Командор погранслужбы побагровел. Он не понимал юмора и не знал, что коллега способен шутить. И в этот момент в зал вошла Анастасия Демидова. Отыскала взглядом Берестова. Глаза ее на миг вспыхнули, выдав переполнявшие душу чувства.

— Эфаналитик Демидова. Откомандирована в распоряжение оператора «Шторма».

— А ты говоришь — останусь, — проворчал Железовский, махнул рукой Ратибору и вышел.

Эрберг догнал его у входа в отсек метро.

— Итак, минус один. К-мигрантов осталось тринадцать. Много это или мало?

— Узнаем.

— Дай Бог, чтобы не слишком поздно. Кстати, что-то я не видел эту девицу в твоем отделе раньше.

— Она принята недавно, работает пока аналитиком ИВК.

— Твой опер смотрел на нее, как на явление Христа народу.

Железовский ухмыльнулся и первым вошел в кабину метро.

Десятиместный орбитально-воздушный куттер с кажущейся неторопливостью плыл над сплошным морем облаков, насквозь пронизанных солнцем; ведомый автоматом, он возвращался с приземельских заводов, неся в своем хрустальном чреве руководителей тревожных служб человечества: председателя Совета безопасности Ярополка Баренца, президента Академии наук Земли Максимова, директора УАСС Кий-Короната и председателя Высшего

координационного совета Хакана Рооба. В составе чрезвычайной комиссии они участвовали в расследовании инцидента с остановкой конвейеров сразу на трех заводах, и вернуться на Землю решили не по метро, а более романтическим способом, как некогда космонавты на своих допотопных ракетах с двигателями на химическом топливе.

— Опоздаем, — нарушил молчание Максимов. Он имел в виду, что по традиции на заседания синклита ВКС надо было явиться «наяву», а не по «динго»-связи в виде голографического фантома.

— Я все же хотел бы знать ваше мнение до начала совещания, — сказал Баренц, поправив усик рации «спрута» над ухом. — Институт согласия не дал однозначного решения конфликта, несмотря на рекомендации глобалистов[1], а поиск возможного компромисса может затянуться надолго, прецедентов-то, подобных нынешнему, история еще не знала.

— Глобалисты не боги, — холодно сказал Кий-Коронат. — Да, не отрицаю, когда-то они успешно решали метаглобальные проблемы в масштабах планеты: сохранение мира на Земле, разоружение, социально-экономические и экологические последствия научно-технического прогресса, искривление социализма, но вряд ли они способны справиться с масштабами Конструктора. К сожалению, мы сами не знаем, нравственно или безнравственно спасать себя ценою жизни Конструктора. Споры не утихают до сих пор. Однако давайте не опускаться до этого уровня, уровня схоластически-дилетантских рассуждений, у нас с вами нет альтернативы: спасать или не спасать, — ясно, что спасать. Но сработает ли Т-конус, вот в чем вопрос! И если нет, то что мы станем делать?

Куттер нырнул в белоснежную кипень облаков, в кабине потемнело, зеленый огонек «джорджа» — автопилота на плоском сетчатом диске в носу аппарата стал заметнее.

— А что глобалисты предлагают конкретно? — проскрипел Хакан Рооб.

— Они предлагают опереться на массовое сознание, — усмехнулся Максимов. — Последовать законам теории коллективных решений. Физики пока молчат, углубившись в поиск способов связи с Конструктором, а чистые философы предлагают оставить все, как есть.

---

[1] От слова «глобалистика» — наука о глобальных проблемах современности.

— В принципе философы правы, — сказал Баренц. — Или, во всяком случае, более моральны, чем мы с вами.

— Ну, положим, это спорно, — поморщился Кий-Коронат. — Нравственность и мораль — это по сути формы кооперативного поведения людей, облегчающие им совместное существование, а что на деле предлагают философы? Загробный мир? Благодарю покорно! Компромиссов в этом вопросе быть не может. Да и как может быть безнравственным желание жить?

— А если все-таки эвакуация? — Рооб откинулся на сиденье и совсем закрыл глаза. — Ингвар предложил ее в качестве последнего шанса.

Баренц покачал головой.

— Как вы будете отбирать кандидатуры? По какому принципу? Сколько всего мы успеем эвакуировать? И как объяснить остальным, почему они остаются? И еще учтите момент: как только мы дрогнем, начнем искать пути частичного решения проблемы, начнется паника! А чем она может закончиться, не вам рассказывать. Итак, я вас понял, джентльмены. Вся надежда на Т-конус и на светлые головы физиков, работающих днями и ночами. Если Т-конус почему-либо не остановит БВ или не выбросит его за пределы Галактики или хотя бы за пределы Рукава, останется уповать только на них, как предупредить Конструктора... или уничтожить его ко всем чертям!

— Но у нас есть еще одна проблема — К-диверсанты!

— Не будьте наивными, К-диверсанты не представляют реальной силы, способной послужить препятствием человечеству, случай с Берестовым подтверждает это в полной мере: профессионалы безопасности, прошедшие спецподготовку высокого класса, способны бороться с ними на равных. Если уж один человек смог справиться с К-диверсантом, то с остальными безопасность как-нибудь справится, хотя, может быть, и не без потерь. Давайте решать глобальные проблемы, оставив остальные соответствующим исполнителям.

— И все же я не согласен. К-диверсанты могут многое натворить, дай им волю, — не сдавался Кий-Коронат. — То, что они сто с лишним лет не вмешивались в нашу жизнь, еще ни о чем не говорит. Просто они ждали своего часа... и дождались.

— А что вы подразумеваете под «не дать им волю»? — вежливо осведомился Максимов.

— Уничтожение, — сердито отрезал директор УАСС. — И вы прекрасно понимаете, что этим в конце концов и закончатся наши с ними контакты.

— Не уверен... — начал Хакан Рооб, очнувшись от монолога с самим собой, и в этот момент Баренц крикнул:

— Берегитесь!

Из всех пассажиров куттера он был единственным интрасенсом и чутье на опасность имел отменное. Пока остальные, не понимая, в чем дело, смотрели на него, Баренц успел натянуть эмкан ручного управления, и тут же в блистере аппарата появилось рваное отверстие величиной с голову человека. Куттер резко завалился вбок, но сделал это недостаточно быстро, потому что в прозрачном колпаке машины появились еще две дыры, и тут только пассажиры поняли, что по ним ведется огонь из какого-то мощного оружия. Над аппаратом стремительно пронесся голубой стрелообразный силуэт, напомнивший хищную птицу, в кабину куттера влетел огненный шар и лопнул тремя снопами огня. Вскрикнул Максимов.

Баренц растопырился в кресле, напрягаясь.

Куттер нырнул вниз, вошел в облака, спиралью проткнул их и вышел над Карелией. Голубой аппарат — скоростной неф класса «три ноги» — не отставал, но Баренц недаром когда-то был драйвером-прима и не давал неведомому стрелку прицелиться поточнее, бросая аппарат по немыслимым формулам ломаных траекторий, просчитать которые было невозможно и компьютеру.

Карусель странного воздушного боя прекратилась так же внезапно, как и началась: обойма подстраховки по императиву «телохранитель» наконец вышла на дистанцию прямого прикрытия и включилась в схватку. Куттер выровнялся, но продолжал вздрагивать и покачиваться, словно хромая лошадь.

Баренц поискал глазами машину стрелка и успел увидеть финал инцидента: всплеск белого огня, облако искр, гаснущее в падении, как ракета фейерверка, и три стремительных блика на корпусах пограничных машин.

— Прошу прощения за опоздание, — прорезался в интеркоме голос командира патруля. — Помощь нужна?

— Нет, — тяжело сказал председатель Совета безопасности, ведя вздрагивающий куттер на снижение. — Почему не задержали живым? Кто стрелял?

— Мы не вели огонь на уничтожение, — сухо ответил пограничник. — Он взорвался сам.

— Инк, запрограммированный на нападение?

— Если бы это был инк, он действовал бы точнее.

— К-диверсант? Человек?

— Ни тот ни другой. Судя по всему, это был «серый человек». Он шел навстречу в нормальном темпе, и мы не сразу разглядели, кто внутри. Хорошо, что он открыл огонь на большой дальности.

Баренц оглянулся, бегло оглядел компанию: Максимов держался за плечо, левая щека его была обожжена и покраснела. Хакан Рооб, цел и невредим, сидел в позе тибетского ламы с полузакрытыми глазами. Кий-Коронат хмуро вертел в руках осколок блистера.

— Живы, отцы? Садимся.

— Ты же говорил, что К-диверсанты с их «серой гвардией» не представляют реальной силы, — пробурчал директор УАСС. — А они самые натуральные террористы с весьма широкими возможностями.

Баренц снова оглянулся, сухое костистое лицо его с широким лбом и неулыбчивыми глазами было серьезно, но в голосе послышались нотки необычного для него сожаления:

— А не зря тебя прозвали корочуном, Остап. На твоем месте я бы задумался о происхождении прозвища.

— Что-то я не слышал, чтобы начальники нравились всем своим подчиненным, — все тем же ворчливым тоном отозвался Кий-Коронат, не обижаясь. — Лучше быть корочуном, чем «статуей командора», как прозвали Эрберга.

Рооб, рассматривающий ногти на руке, засмеялся тихим мелким смехом. Кий-Коронат удивленно, Максимов с любопытством, а Баренц озадаченно посмотрели на него.

В дырах, пробитых в прозрачном колпаке машины, окруженных сеткой трещин, свистел ветер, куттер вздрагивал и норовил свалиться в штопор, что-то позванивало и потрескивало в его каркасе — вот-вот гляди развалится, а председатель ВКС смеялся...

Что-то промелькнуло за бортом, Баренц резко поднял голову, мгновенно весь подобравшись, но это были галионы сопровождения, один из них успокаивающе покачал узкими лонжеронами стабилизатора.

Служебный модуль Савича ничем не отличался от кабинета Железовского, разве что его хозяин был связан с обработкой массивов информации совершенно из другой области знания.

Выключив пейзаж: луг, кромка леса, голубое небо, река, — Савич сел рядом с гостем, поправил на виске сетчатый лепесток эмкана. Стена напротив превратилась в дымную пелену, опрокинулась, распахнув черный зев космического пространства с россыпями созвездий; на этом фоне влево уходила, теряясь в бесконечности, полупрозрачная белесая труба, похожая на древко копья, украшенного светящимся красноватым «наконечником». Было видно, что «наконечник» тихонько движется: удлиняя хвост древка, вызывая в памяти ассоциации древней ракеты и высотного самолета. Это было развернутое компьютером изображение тоннеля Большого Выстрела, увенчанного «тенью».

— Сто с лишним тысяч парсеков, — нарушил молчание Савич. — Но я думаю, ствол тянется до границ нашего метагалактического домена, нам просто не хватает возможностей для определения всей его длины.

На белесом древке зажглись зеленые и желтые огоньки, обозначившие места расположения маяков предупреждения и погранпостов. Казалось, было их много, несколько тысяч, однако на самом деле расстояния между соседними парами достигали не менее трехсот миллиардов километров.

— Фронт, — пробасил Железовский мрачно.

Савич кивнул, поняв собеседника.

— Не умер древний термин, живет, наполняясь новым смыслом и не теряя старого. Никогда не думал, что фронт может существовать без воюющих сторон, не разделяя врагов. Никогда не думал, что возможна м ы с л я щ а я с и л а вне ее материального воплощения! А ведь имею один из самых высоких в Системе уровней абстракции. Похоже, Конструктор в конце концов научит нас мыслить нестереотипно.

— Вряд ли, инерция мышления у человечества колоссальна, сколько примеров тому... Черт бы побрал эту вашу «мыслящую силу». Когда наконец она остановится?

— Едва ли это возможно без помощи извне. Конструктор просто не в состоянии пробиться в наш континуум через потенциальный барьер вакуум-подобного состояния, разделяющий вселенные — нашу и ту, откуда он пытается уйти, иначе давно появился бы физически.

— Но ведь пробился же он туда? Почему же не может обратно?

Савич пожал плечами.

— Может быть, та вселенная имела более низкое энергонасыщение, может, существовала «струна», соединяющая миры, на которую он наткнулся. Кто знает, что еще? Человек еще не дорос до освоения иррациональности, для этого надо постичь многие истины, научиться не делать ошибок, преодолеть тупик биологии, овладеть тайнами собственной психики наконец. Может быть, тогда мы поймем, чего хочет Конструктор? А в настоящее время вряд ли мы найдем с ним общий язык.

— Если он не остановится, мы не доживем до описанного вами идеала. Но довольно философии. Вы просчитали вершину взаимодействия Т-конуса?

— С точностью до двадцатого знака. Чужанский «перевертыш» может быть захвачен ловушкой Т-конуса, если увеличить мощность генераторов поля всего в два раза, это реально.

— Что ж, тогда увеличим мощность и испробуем действие конуса на решетке роидов. Если эксперимент удастся, значит, шанс спровадить БВ за пределы Рукава тоже реален.

— Лишь бы не помешали К-мигранты со своим «серым отрядом».

Железовский помолчал, изредка пошевеливая бровью.

— Думаю, не помешают. Они, конечно, не люди в полном смысле слова, но и не созданные специально машины для уничтожения, киборги-убийцы. Военных программ, оптимизированных для диверсионной деятельности, Конструктор в них вложить не мог, это изобретения человеческого «гения». А «серые люди» — всего лишь слуги, и ничего больше, они тоже не способны выйти за рамки стандарта поведения.

— Они — да, но не К-мигранты, имеющие базу не только человеческой логики, но и негуманоидного мышления. Не обольщайтесь тем, что имеете мощный флот, он — хорошая защита от таких же существ, как и мы с вами, а негуманы — те же чужане, роиды — иное качество, иные возможности, иные цели...

Снова помолчали, глядя на перемигивающиеся вдоль трассы БВ огоньки. Потом лидер ученых, занятых проблемой Конструктора, стер изображение БВ и включил новый кадр: ажурный зеленоватый квадрат чужанского «перевертыша» медленно поплыл навстречу, уходя краями за пределы поля изображения. Но не успел Савич начать разговор, как оба собеседника получили сообщение

от Умника о нападении на куттер с руководителями тревожных центров.

— Кто это был? — быстро спросил Железовский. — К-мигрант?

— Не похоже, — отозвался Умник. — Уж слишком прямолинейно действовал, вернее, неловко, сам усложнял себе задачу. К-мигрант не стал бы стрелять с такого расстояния, да еще из положения «мертвой петли». Мы сняли ситуацию, эксперты обрабатывают, и как только синтезируют снимки — я их размножу и пришлю.

— Кто командир обоймы прикрытия?

— Кобра Макграт.

— Почему он опоздал?

— Потому что эскорт отвлекли, вероятно, специально.

— Это не оправдание, ни одно обстоятельство, кроме собственной гибели, не должно влиять на выполнение задачи прикрытия. Хорошо, я разберусь.

Железовский встал, покосился на ксенолога.

— Вы говорили, что готовы предложить сумасшедшие идеи, связанные с проблемой БВ, — это время пришло. Через час состоится заседание синклита ВКС, приглашаю поучаствовать, там и выложите все, что есть «сумасшедшего». Кстати, почему Умник ничего не знает о ваших гипотезах?

По лицу Савича прошла тень.

— В сложившейся ситуации любая неапробированная, неподтвержденная глубоким анализом гипотеза может нанести непоправимый вред делу, вы знаете это не хуже меня. Что касается «сумасшедших» идей... могу поделиться тем, что волнует меня больше всего.

Железовский, посмотрев на браслет, над окошком которого всплыли цифры времени, снова сел.

— Постарайтесь уложиться в пять минут.

— Нет ничего проще, — с уловимой иронией произнес Савич. — Об опасности фазовой перестройки вакуума при «проявлении» Конструктора вы уже слышали. Опасность существует, а результат подобной локальной перестройки может быть катастрофическим: получится модель рождения Вселенной в миниатюре, хотя «миниатюра» эта означает, что в Галактику выплеснется океан энергии, остановить который мы не в состоянии.

Комиссар-два отдела безопасности остался неподвижен, бесстрастен и нем, только в глазах вспыхнул на миг колючий огонек. Правда, Савича это не смутило, он уже привык к манере поведения Железовского.

— С другой стороны, даже если фазовой перестройки вакуума и не произойдет, следует учитывать, что к нам стучится в облике «блудного» Конструктора р а з у м н а я в с е л е н н а я! Таковы масштабы предполагаемого явления. Но дело даже не в масштабах, есть опасения, что Конструктор «впустит» в открытую им в наш мир дверь «чужую атмосферу», субстанцию чужой вселенной с абсолютно иными константами. Что произойдет в результате взаимодействия континуумов, можно только гадать.

— А просчитать? — буркнул Железовский.

— Пробуем, — кивнул Савич. — Но получается такая физико-математическая экзотика, что едва ли я внятно смогу объяснить ее даже самому себе. Вторая гипотеза, которую мы проанализировали, касается чужанского «перевертыша». Скоре всего, роиды построили не препятствие для БВ, как мы думали сначала, а всего-навсего антенну связи. А это значит, что они з н а ю т, как можно связаться с Конструктором. Вообще, это интересный момент со всех точек зрения, косвенно подтверждающий гипотезу другую — что чужане являются потомками Конструкторов, но пусть ею занимаются генетики, эволюционисты и ксенологи. Это все.

— А предположение Берестова?

— О каком предположении речь?

— Все объекты, побывавшие в тоннеле БВ, действительно напоминают по форме какие-то антенны. К тому же в строении чужанского «перевертыша» тоже использована та же геометрия.

— Ваш энергичный опер немного ошибся: за редким исключением все преобразованные каналом Большого Выстрела объекты суть реализации элементов формул так называемой «булгаковской метрики», то есть двенадцатимерного пространства или гипергеометрии. Четко намеченную направленность процесса преобразования еще предстоит объяснить, но одно очевидно — это далеко не случайное явление. Лично у меня складывается впечатление, что Конструктор предвидел сложности своего возвращения и подготовил нам инструкцию по оказанию ему помощи, однако он ошибся в оценках человеческого интеллекта — мы оказались не в состоянии расшифровать инструкцию, для нас всегда было проще бороться со следствием, чем уничтожить причину.

— Хорошенькую перспективу вы тут нарисовали. — Железовский прищурился. — Не страшно самому?

— Страшно, — без улыбки признался Савич. — Хотя в глубине души тлеет надежда, что Конструктор сумеет выкарабкаться из положения, не породив глобальных катастроф.

— А может быть, вы все-таки успеете расшифровать инструкцию?

— За оставшееся время? — Ученый с сомнением покачал головой. — Разве что если объявится какой-нибудь гений. Реальная же оценка наших возможностей такова, что ни один из существующих инков последнего поколения не в состоянии проинтегрировать весь запас информации по БВ и Конструктору и дать единственно правильные рекомендации.

— Сообщение опер-секунде, — вмешался в разговор Умник. — Опер-прима выдал в эфир «полундру»!

Железовский молча встал и исчез. Вернее, так показалось Савичу: он знал, но никогда не видел, как быстро могут двигаться интрасенсы при дефиците времени — даже у тренированного человека не хватало скорости реакций, чтобы успеть проследить за действиями этих пока еще немногочисленных представителей новой ветви человечества.

— Что там случилось? — спросил ксенолог.

— Завершено строительство Т-конуса, у зоны монтажа появился «Афанеор», и его новая команда выкинула белый флаг для переговоров, — ответил Умник.

Он появился на пределе радарной видимости — маленькое зеленое колечко с мигающей голубой звездочкой автоответа «я — свой». И остановился, почуяв, что замечен.

В зале спейсера «Перун» раздался двухтональный сигнал тревоги, в ушах пронеслась лавина звуков: постоянно включенная связь донесла голоса наблюдателей, команды патрулей защитного пояса, рапорты инков кораблей всех рангов.

— Расстояние двенадцать миллионов километров, — доложил Сварог. — Применение имеющихся средств поражения целей на таком расстоянии неэффективно.

— «Полундра»! — сказал Ратибор, чувствуя спиной взгляд Анастасии; она сидела во втором ряду дежурных кресел.

— Есть «полундра» по зоне!

— Запрос.

— Включен. Ответа нет... секунду, есть ответ. Они просят прямую связь на «трековой» волне.

Перед пограничниками и Ратибором развернулся виом СВС. На людей не мигая смотрела молодая привлекательная женщина в оранжевом кокосе.

— Миссис Стенсен, — отреагировал координатор, посвященный во все детали противостояния людей и К-мигрантов.

— Берестов, мы приглашаем вас для переговоров, — произнесла женщина; у нее было по одному зрачку в глазах, как и у нормальных людей, но зрачки эти пульсировали — то сужались в точку, то становились огромными, заполняя чуть ли не весь глаз.

Ратибор ожидал всего, только не такого предложения.

— Зачем?!

Миссис Стенсен растянула в холодной усмешке полные яркие губы.

— Странный вопрос.

— Не более странный, чем предложение, — отрезал Ратибор, справившись с растерянностью. — Позиции наши вы знаете, а переговоры можно вести и по связи. И тем не менее я согласен. Какую процедуру переговоров вы предлагаете?

— «Пакмак» с вашей стороны, «пакмак» с нашей.

— Принимаю. Кто поведет переговоры от вас?

— Я. Или не устраиваю? — Женщина снова продемонстрировала странную, с толикой иронии и превосходства, улыбку.

— Вполне.

Виом свернулся в световую нить, угас. Ратибор, расслабившись, смотрел на светящийся квадрат чужанского «перевертыша» в растворе главного виома обзора.

— Давай лучше пойду я, — нарушил молчание Демин.

Ратибор очнулся, встал, отрицательно качнул головой.

— Каждый должен делать свое дело. Дежурный «пакмак» с обоймой усиления на старт! «Полундру» держать до моего возвращения.

— Принял, — отозвался Демин одновременно со Сварогом.

Однако «пакмак», ведомый Ратибором, не успел отойти от спейсера и на десять километров, как вдруг наблюдатели, доложившие о выходе навстречу машины с «Афанеора», заметили еще один аппарат, судя по малым размерам — «голем». Ратибор почувствовал беззвучный

толчок в голову — заработала интуиция, обострившая чувство опасности.

— Стоп! — скомандовал он инку «пакмака». — Дай визуальное с увеличением.

На фоне звездной россыпи, перечеркнутой светящимися алыми линиями визира ориентаста, выросли три объекта: тройное кольцо спейсера, ребристый «карандаш» «пакмака» и зернышко «голема». Поскольку расстояние до «Афанеора» было достаточно большим, казалось, что и «пакмак» и «голем» ползут как улитки, на самом же деле обе машины шли в режиме шпуга — двойного ускорения, набирая скорость убийственными темпами: буквально за полминуты их скорости достигли уже десяти тысяч километров в секунду! А потом случилось неожиданное: «голем» вдруг метнулся в сторону, обходя «пакмак», а тот хищно кинулся следом, принявшись метать в коллегу сиреневые молнии лазерных разрядов.

— Что за шутки? — донесся голос ДД. — Они с ума сошли?!

Ратибор думал недолго.

— «Девятка» — Серов, «шестерка» — Мгвиадзе, помогите беглецу, режим защиты — пассивный. Делать все на пределе скорости. «Сорок второй» — Ханстром, подстрахуйте их «красной завесой», если понадобится. Прошу чистый эфир.

Голоса на общей волне «спрута» стихли, в эфире установилась полная тишина, подчеркиваемая звенящей нотой фона связи.

Сварог сориентировался относительно положения главного оператора тревоги и смонтировал Ратибору логарифмически масштабное изображение происходящего, то есть сжал расстояние между участвовавшими в конфликте аппаратами, оставив без изменения их видимые радарами размеры. «Пакмаки» Серова и Мгвиадзе настигли «голем» с неизвестным пилотом раньше, чем это сделал «пакмак» «Афанеора», прикрыли аппарат зонтиками силовой защиты и поползли обратно, не отвечая на выпады машины с командой К-мигрантов. А затем в действие вмешался спейсер Ханстрома, ответив на лазерную трассу рекой огня, накрывшей связку коггов: плазменный факел не мог причинить вреда «пакмаку», это был скорее психологический выпад, а не боевой, предупреждение, а не ответный выстрел на поражение, и хозяева «пакмака» с «Афанеора» поняли. Пакет коггов сделал красивую петлю, отворачивая вверх и назад, и помчался к своему спейсеру.

— «Сорок второй», попробуйте догнать, — сказал Ратибор. — Посмотрим, что они будут делать. «Девятка», тащите «голем» в первый ангар, проверьте детекторами на энерговооруженность, не мина ли это? Вдруг наши друзья К-диверсанты решили поиграть с нами в глупых и умных?

— Ратибор, осторожнее, — напомнил о себе Демин.

— Возвращаюсь, — буркнул Берестов, представив умоляющий взгляд Анастасии; Демин, видимо, не устоял и предупредил его символически, для Насти.

Спейсер Ханстрома «размазался» в бледную полосу света, начав погоню в режиме «призрак», но второй прыжок закончить не успел — «Афанеор», проглотив парламентерский «пакмак», на мгновение раньше нырнул в «струну» и растворился в темноте пространства.

Ратибор развернул свой «пакет» и через несколько минут пришвартовался к энерговоду в ангаре патрульных машин. В первом отсеке его ждали Демин и Железовский с группой усиления, окружившей доставленный пограничниками Серова «голем».

— Отмени «полундру», — шепнул комиссар-два почти беззвучно, делая вид, что снимает с кокоса Берестова пушинку. — Мы не на Земле, здесь эта форма неэффективна, а нервы тянет сурово. Достаточно оставить «ЗОВ-экстра». — Вслух же сказал громко: — Интересно, что они от тебя хотели? Переговоры о контакте в их положении — нонсенс.

— Что там, внутри? — кивнул на «голем» Ратибор.

— Ничего опасного, энергозапас минимальный, без сюрпризов, — ответил широкий, медлительный с виду Серов. — А в гондоле кто-то есть, один человек, пилот.

— Открывайте.

Серов жестом подозвал своих специалистов с универсальными наборами инструментов, измерительной аппаратуры и компьютерной логотехники: пилот «голема» на вызовы не отвечал, приходилось искать код замка люка, не зная программы. Все терпеливо ждали, когда пограничники закончат работу. Ратибор через минуту спохватился и отменил «полундру», понимая, что Аристарх прав: силы безопасности и погранслужбы и без того «сидели на готовности», ужесточение тревоги в данной ситуации вызывало напрасные траты сил и нервной энергии.

Люк «голема» открылся внезапно, и толпа людей невольно подалась назад: из гондолы аппарата вывалился на пол ангара... «серый человек». Полежал секунду, заво-

зился, переворачиваясь на живот, и тогда все увидели на его спине громадную рану — от шеи до бедра, словно кто-то задел «серого человека» лезвием меча. У краев пореза скапливались маслянистые прозрачно-голубые капли и падали на пол. «Серый человек» с усилием встал, опираясь на обшивку «голема», повернулся к людям лицом-маской, искаженным непонятной гримасой, и вдруг с его губ сорвались шипяще-трескучие слова:

— Предупреждие... ждение... не людие ест... слушие вниман...

Изумленные пограничники замерли, оглядываясь на Ратибора.

«Серый человек», страшно кривя лицо, мучительно подбирая слова, беззвучно пошлепал губами и снова заговорил, отделяя каждое слово.

— Опасну... ест... вы тут... не опасну... внешну опасну... понятие а?..

— Что он сказал? — сдавленно произнес кто-то из собравшихся.

«Серого человека» шатнуло, он прислонился к ребру люка «голема» спиной, дернулся от боли, но на ногах устоял.

— Отвлечение нет я... отвлечение внутрие... нет опасну тот... мат... матр... митри... — Жутко было смотреть на гримасы странного существа, не имевшего речевого аппарата в общепринятом смысле слова, но пытавшегося говорить на земном языке. — Ест опаснв метроу... метро унутр. — «Серый человек» замолчал и мягко завалился на бок, перекатился на живот, дернулся дважды и затих.

Железовский первым сообразил, что хотел сообщить беглец.

— К-мигрантов на «Афанеоре» нет, — сказал он Ратибору. — Только миссис Стенсен и гвардия «серых» — для отвлекающего маневра, остальные, видимо, на Земле, готовят захват метро с выходом в зону строительства.

Ратибор тоже понял, о чем хотел предупредить «серый человек» (кто его послал? каким образом вложил сообщение?), просто реакция у него была помедленней, чем у комиссара-два. Он мысленно произнес одно слово: «Экспресс», — жестом приказал Демину занять место в подкове кресел управления и первым бросился из ангара к лифту, вызывая по связи Сварога.

— Слышу, — отозвался инк. — Мы поддерживаем четыре прямые «струны» метро с Землей, все четыре нахо-

дятся под контролем погранслужбы на базах «Радимич-2», «Финн» и «Оймякон».

— Гони «полундру» на базы! Отключи метро с «Финном» и «Оймяконом», заблокируй отсеки метро на всех кораблях флота! Заблокируй на «Перуне» все помещения и коридоры! Пропуск в рубку и зал управления — только по моей команде. Пропусти ДД.

— Принял. К сведению: на спейсер прибыли Грехов, Баренц и Боянова.

— Что? — Ратибор споткнулся, оглядываясь на спешащего следом Железовского.

Сварог хладнокровно повторил сообщение.

— К метро! — скомандовал Аристарх. — Кажется, мы опоздали с его отключением.

Лифт за несколько секунд доставил их к отсеку метро, где они столкнулись со спешащими навстречу гостями. Боянова и Баренц были одеты в серо-голубые кокосы, Грехов, по обыкновению, — в черный комби с узором выпуклых блестящих ромбов и квадратов непонятного назначения.

— Мы опередили их всего на минуту-две, — хмуро сказал проконсул, — и не успели предупредить. Сейчас они будут здесь.

Ратибор сделал движение — поправить эмкан связи, Грехов мельком посмотрел на него.

— Не успеете и вы. Обычные методы для задержания К-мигрантов неприменимы, можно только взорвать спейсер вместе с ними.

— И с нами, — усмехнулась Боянова, глядя на Железовского. — К сожалению, я оказалась права, Аристарх. Мы подходим к пределу, к роковой черте, и с другой стороны.

— Внимание, по сорок двум векторам вижу приближающиеся объекты, — доложил Сварог. — Половина объектов находится в пределах зон поражения.

— «Серые» начали атаку, — спокойно сказал Баренц.

Ратибор глубоко вздохнул, и, глядя на кивнувшего едва заметно Железовского, занемевшими губами приказал открыть огонь на поражение. Жалости к «серым людям», запрограммированным волей К-мигрантов на самоуничтожение, он почти не чувствовал, помня, какой может оказаться цена этой жалости и промедления.

В этот момент створки двери финиш-камеры метро разошлись лепестками диафрагмы, и первое, что почувствовали люди, — оглушающий шумовой удар пси-поля! Ра-

тибор устоял только потому, что половину мощности волны принял на себя защитный экран, но и оставшейся доли пси-импульса было слишком много: показалось, что все вокруг искривилось, потолок отсека провис, пол выпучился, стены оплыли книзу, как пластилиновые, фигуры товарищей превратились в плоские листы с котлообразными головами! Воздух в отсеке загустел и задрожал жарким маревом, будто нагретый до высоких температур. Каким образом из камеры метро выбрались К-мигранты, Ратибор не заметил. Но не упал — кто-то поддержал его под локоть.

К-мигрантов было десять, хотя Ратибор не сразу узнал, кто есть кто, борясь с болезненным головокружением. Чуть впереди стоял Вильям Шебранн в белом кокосе, за ним Нгуо Ранги, Свиридов, Шустов, Шубин, Стенсены — отец и сын, Григорий Григ, Мэтьюз Купер и Патрик Фригдом. Тишина установилась такая, что в ушах стал слышен шум собственной, пульсирующей по жилам крови.

Так они и стояли, стенка на стенку, десять К-мигрантов и пятеро людей, похожих друг на друга умением владеть собой и ощущением грозной, спрятанной до поры до времени силы. Потом из ромбов на груди Грехова — он тоже стоял чуть впереди — сверкнули два тонких красных лучика, как бы охвативших группу К-мигрантов слева и справа.

— Дальше вам ходу нет, — негромко сказал Грехов, и от этих слов спину Ратибора охватил ледяной озноб.

— Вас мало, мы пройдем, — спокойно и так же негромко и будничто сказал Шебранн, констатируя видимую расстановку сил.

— Ошибаетесь. Нас предупредили, и мы успели принять меры. Но вы и без того были обречены на поражение с самого начала, несмотря на обладание многими способностями с приставкой «супер». Вы забыли, что боретесь не против конкретных лиц и даже не против определенных служб человечества, а против с и с т е м ы! Против стабильной гомеостатической системы под названием цивилизация, управляющей сложными неравновесными режимами, которые обеспечивают ей научно-технический и социальный прогресс. Вы можете справиться с нами, с небольшим отрядом, хотя и не без боя и не без потерь. — Грехов растянул в беглой усмешке губы. — Это я вам обещаю. Но вы не справитесь с остальными, имя которым — легион!

— Мы уничтожим вас, потом Т-конус, большего не надо. Тот, кого вы назвали Конструктором, по сути — наш родитель и должен вернуться целым и невредимым. Дальнейшую дискуссию считаем нецелесообразной. Уходите.

Среди К-мигрантов прошло общее бесшумное движение, они рассредоточились и направили неизвестно как оказавшиеся в руках излучатели («универсалы-101», отметил Ратибор машинально) на людей.

Ратибору, одетому в «бумеранг», как и Грехову, не надо было готовить свое оружие к бою, остальные же — Баренц, Железовский и Боянова, вытащили свои «универсалы» так же быстро, как и К-диверсанты. В отсеке метро на миг установилась жуткая, готовая лопнуть огненными вспышками, насыщенная тяжелой угрозой тишина. Правда, Ратибору все время казалось, что он одновременно видит и слышит странные вспышки и звуки, которых на самом деле не было, хотя он и понял в конце концов — это были всплески пси-фона: и К-мигранты, и люди-интрасенсы общались между собой в пси-диапазоне, но если пси-разговор людей воспринимался как легкие прозрачные молнии, то общение К-мигрантов напоминало очереди тяжелых пулеметов.

— Стойте! — сказал Грехов, из груди которого то и дело посверкивали рубиновые лучики: Ратибор сообразил, что это работает компьютер наводки на цель костюма проконсула. — Прежде, чем мы начнем, попробуйте понять две истины. Первая: вы в ловушке, выход из которой контролируется нами. Вторая: Т-конус уничтожать не надо, у нас есть шанс обойтись без боя.

— Насчет ловушки вы не совсем правы, — ответил Шебранн, не сделавший ни одного движения, но не ставший от этого менее опасным. — Что за шанс? Конструктор уже дал человечеству шанс — познать пределы своей нравственности, и человечество этот шанс не использовало.

— Мы готовы признать и это, только не надо выносить приговор всему человечеству, в каждом конкретном деле обычно участвуют конкретные люди. В данном случае Конструктор действительно сыграл роль символа Предела, но ведь ни один закон не запрещает живым выбирать жизнь. Оставим этот спор философам, вам его все равно не выиграть. А шанс нам дали чужане, поставив перед Т-конусом решетку-«перевертыш».

— Каким образом чужанский «перевертыш» может послужить шансом для разрядки ситуации? По нашим дан-

ным, это всего лишь антенна связи, наподобие ваших антенн СВС.

— Вы снова ошибаетесь, непогрешимые, это генератор перехода или, если хотите, генератор преобразования вакуума. Вам должно быть известно, что наша Вселенная «отделена» от других потенциальным барьером, который пока безуспешно пытается пробить Конструктор. Так вот чужане нашли изящное во всех отношениях решение проблемы и построили преобразователь, с помощью которого можно «высверлить» в потенциальном барьере дырку и послать Конструктору гонца. Риск, конечно, велик, и неизвестно, примет ли Конструктор гостя, но шанс есть, и предупредить вашего второго родителя можно. Предлагаю включить одного из вас в группу риска для перехода «по ту сторону координат». Ну, а если ничего из этого не выйдет... — Грехов развел руками, — тогда мы все-таки будем вынуждены включить Т-конус.

— Если мы дадим вам его включить, — сказал Шебранн; думал он очень быстро, как и его соратники, и принимал решение почти мгновенно. — Сколько человек войдут в группу парламентеров?

— Один.

— Кто?

— Может быть, я. Этот вопрос решается нами коллегиально.

— Допустим, мы согласимся, но как вы уговорите роидов взять нас с собой?

Грехов устало улыбнулся.

— Это моя забота. Я думал, вы спросите, зачем они вообще строили «перевертыш», какое отношение имеют к Конструктору и что от него хотят.

— Нам это безразлично. Главное, что наши интересы совпадают. Когда они перестанут совпадать...

— Ну, это ясно. Такие пережитки прошлого, как мораль, этика, чувства, вас не беспокоят, ваш идеал — мыслящая сила! Без тени эмоций.

— Почему же? — возразил стоявший слева от Шебранна Нгуо Ранги. — Ничто человеческое нам не чуждо, просто эмоции дают нам так мало нужной информации, что мы нашли другие способы прогноза. Вы же знаете: мы могли бы поладить с вами, как это и было в течение целого столетия, пока не пересеклись зоны взаимоисключающих интересов... — Ранги замолчал, потому что Шебранн подал сигнал к отступлению.

К-мигранты бесшумно и ловко отступили ко входу в кабину метро, продолжая держать людей на прицеле. Один за другим скрылись в проеме открывшейся двери.

— Мы обдумаем ваше предложение, — сказал на прощание Шебранн. — До связи.

Дверь метро закрылась.

— Их перехватят на Земле, — сказал Баренц, пряча «универсал».

Грехов покачал головой, обернулся; лицо его блестело, как отполированное дерево, глаза были полны бездонной тьмы.

— Они переориентировали вектор финиша, поэтому не полезли в драку, имея путь отхода. Как там дела на внешних форпостах?

— Атака отбита, — доложил оживший Сварог. — Потерь нет. Двадцать два когга уничтожены, семь удалось перехватить и задержать, пилотами во всех оказались «серые люди». Остальные ушли.

Проконсул вытер лицо ладонью, нашел глазами Ратибора, в ушах которого все еще плыл комариный звон пережитого напряжения.

— Ну что, опер, жив? Давай отбой «полундре» по всей зоне. — Повернулся к Бояновой. — По-моему, держался он неплохо, а?

— Неплохо, — проворчала председатель СЭКОНа. — Хотя я все время боялась, что он выстрелит.

— Он, похоже, боялся того же, — улыбнулся Железовский.

Интрасенсы гурьбой направились к выходу из отсека. Железовский похлопал Ратибора по спине каменной ладонью и протопал следом.

— Се зон розе фиориранно[1], — пробормотал Ратибор и, спохватившись, дал приказ отменить тревогу.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ НАЧАЛО КООРДИНАТ

Чужане появились возле своего «перевертыша» в тот момент, когда Ратибор со Стратегом заканчивали перекличку служб, — два километровой длины «бревна» с наростами «грибов-трутовиков». Посверкивая тонкими белыми лучиками, «бревна» обошли «перевертыш» по периметру и замерли над центром решетки, а потом вы-

[1] «Если это розы, то они расцветут» (Дж. Фиорентини).

пустили из чрева десятка три фигур в золоте защитных костюмов, потянувших за собой не то шланги, не то кабели.

Из шелестящего бормотания многих десятков голосов, заполнявшего зал спейсера, выкристаллизовалась тишина. Никто из прибывших с Земли руководителей не спешил обратно, постоянно прибывали новые гости, в основном члены Совета безопасности, и зал был полон: предгрозовая атмосфера нараставших, как лавина, событий, их масштаб сеяли в душах неуверенность и мистический трепет, и люди невольно искали друг в друге опору и поддержку.

Грехов в своем необычном костюме сидел слева от Ратибора, на него посматривали с любопытством и даже с опаской, причем не только пограничники, молодежь, но и опытные интрасенсы, в том числе и Боянова, но он молчал, застыв в кресле так же неподвижно, как и Железовский. Анастасия сидела за ним, изредка поглядывая то на него, то на Ратибора, однако ничего нельзя было прочитать в ее глазах, искрящихся влагой, будто она сдерживала слезы.

— Синхронизация работы Т-комплекса закончена, — прошелестел в наушниках голос Сварога. — Система подкритична в пределах допустимых норм. Предлагаю провести пробный запуск.

— Всем ждать, — мысленно передал Ратибор. — Сколько времени осталось ждать до подхода БВ?

— Двое суток плюс-минус час.

— Обойме точной наводки приступить к работе. Остальным ждать.

Берестов повернулся к комиссару-два.

— Поскольку мы не в состоянии отбуксировать Т-конус на миллион километров за решетку «перевертыша», давайте попробуем попросить чужан самим убрать его из фокальной плоскости конуса. По расчетам при включении конуса «перевертыш» может затянуть в горловину «струны».

— Не надо, — раздался тихий, но звучный голос проконсула, так что все вздрогнули, привыкнув к его молчанию. — Роиды приступили к подготовке запуска своего вакуум-преобразователя. После того как они его запустят, он им больше не понадобится.

— Откуда у вас такие сведения? — неприятным голосом осведомился директор УАСС. — Вы что, свободно общаетесь с чужанами?

Грехов не ответил, хотя и Баренц, и Забава Боянова, и Железовский смотрели на него с одинаковой заинтересованностью пополам с недоверием. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, никто из них не мог прочитать мысли проконсула, наглухо закрывшего пси-блоком сферу мышления.

Анастасия посмотрела на Грехова, тот едва заметно кивнул, словно разрешая ей выступать от его имени.

— О прямом общении речи нет, — проговорила девушка, зябко сведя плечи. — Габриэль просто... знает, что произойдет. И в своих прогнозах он ни разу не ошибся, подтверждаю это еще раз как эфаналитик.

— Так вы ясновидец? — тем же неприятным голосом спросил Кий-Коронат. — Свободно читаете будущее? Почему же не сообщите прямо, что нас ждет?

Грехов и на этот раз промолчал, и снова Демидова ответила за него, взяв на себя роль адвоката:

— Напрасно иронизируете, он действительно способен видеть будущее, только не всегда четко, не со всеми подробностями.

— Понятно, не Бог, а только его апостол. — Директор УАСС покривил губы. — Что ж, такой союзник — тоже подарок, хотя и предпочел бы иметь более разговорчивого друга.

— Не передергивайте, Остап, — вмешалась Боянова. — Я понимаю ваши чувства, но не надо плохое настроение срывать на окружающих. Тем более что Настя права. Простите, Габриэль. Хотя и я, честно говоря, не вижу, на чем основано ваше знание.

Проконсул вдруг с грустью усмехнулся.

— Разве это так уж необходимо знать, Забава? Уверен, разгадка не принесет вам счастья и удовлетворения. Давайте заниматься делом, я не барышня и переживу нелюбовь ко мне лично и неприязнь ко всем экзосенсам вообще. Здесь все начальство «Шторма», пора наконец решать, кто пойдет послом к Конструктору, предлагаю свою кандидатуру.

Снова в зале установилась тишина, и в этой тишине Ратибор неожиданно услышал свой голос:

— Возражаю!

Все оглянулись на него. В глазах Бояновой и Баренца читалось удивление, Кий-Коронат смотрел на Берестова с обычной неприветливостью. Железовский был непроницаем, а в глазах Анастасии действительно дрожали слезы: она давно знала, что произойдет. Ратибор

вдруг понял это с ослепляющей отчетливостью. Сжал зубы.

— Я, оператор-прима тревоги по формуле «Шторм» Ратибор Берестов, требую выполнения последнего моего распоряжения: послом к сверхоб... Конструктору пойду я.

Баренц крякнул.

— Решайте, — сказал Грехов безучастно, вставая, оглядел всех, задержал взгляд на Ратиборе. — Я подожду тебя в каюте, опер, есть разговор. — Вышел.

Анастасия, не спускавшая глаз с Ратибора, всхлипнула, выбежала следом. Тишина, последовавшая за этой сценой, была весьма красноречивой.

— Что тут у вас происходит? — с недоумением проговорил Кий-Коронат. — Это погранпост или пансионат благородных девиц? Кто эта дама?

— Готовься, — обратился к Ратибору Железовский, не отвечая директору управления. — Наверное, это лучший выбор в данной ситуации. Был бы я помоложе...

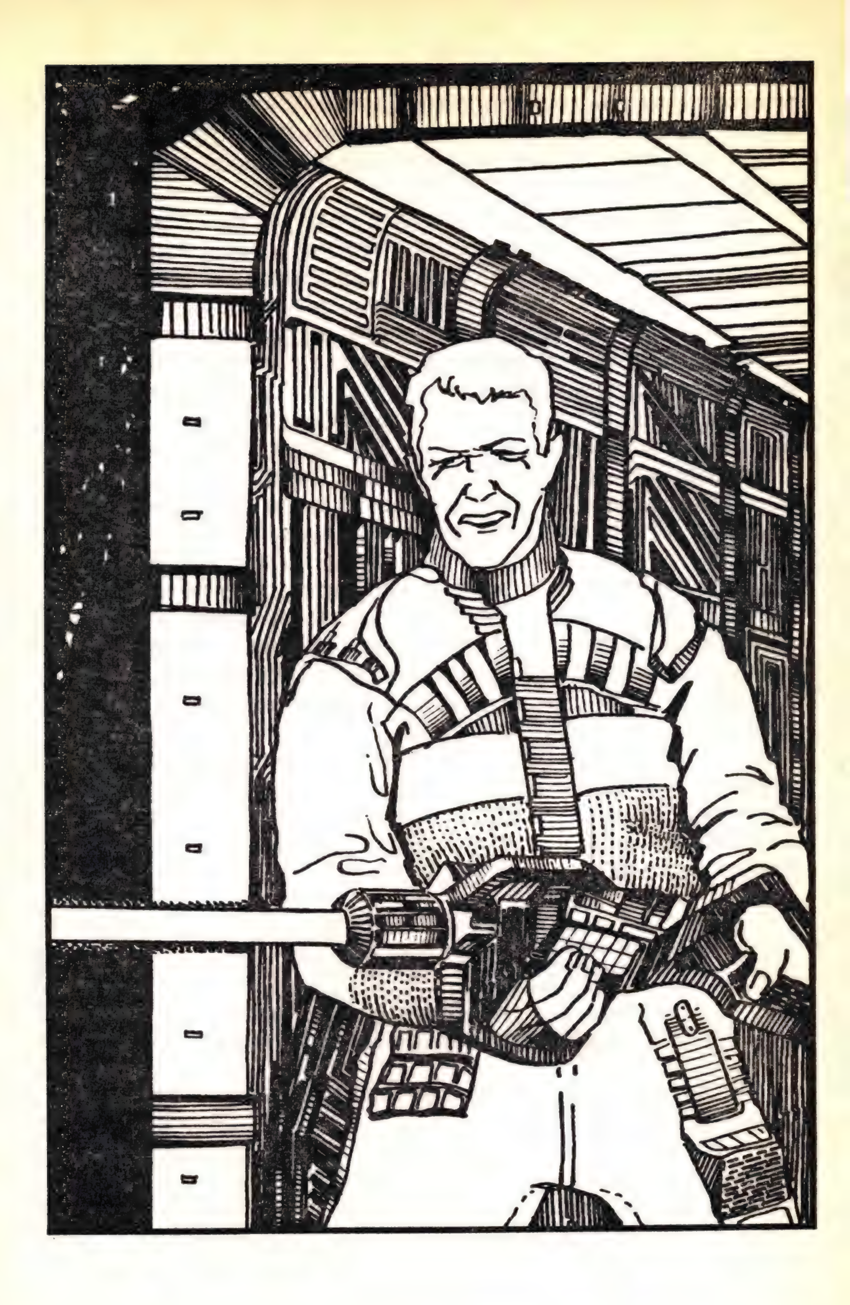
— Лет на семьдесят, — с иронией сказала Боянова и, встав, протянула руку Берестову; она сделала свой окончательный выбор, хотя доверяла безопаснику в той же мере, что и Грехову. — Как и все старики, Аристарх так же ворчлив и самоуверен. Удачи вам... и нам всем тоже. Только не забудьте, что вместе с вами пойдет К-мигрант.

— И чужане, — добавил Баренц. — В самом деле, интересно, почему Габриэль уверен, что роиды возьмут нас с собой?

Никто ему не ответил.

«Голем» с Берестовым был готов к старту, все слова были произнесены, напутствия переданы, в эфире царила тишина, изредка нарушаемая тонким посвистыванием: Сварог сообщал, что в Системе все спокойно. Командовал сборами Железовский, официально пожелавший сложить с себя полномочия оператора номер два и вообще комиссара-два отдела безопасности по возвращении Ратибора.

Никто не знал, где искать К-мигрантов и как им передать приглашение на участие в запуске навстречу Конструктору чужанского «лоцмана», поэтому решено было сделать короткое заявление по всем видеоканалам Земли и Солнечной системы, а также продублировать его в зоне Т-конуса и передать по маякам вдоль ствола БВ. Время шло, а К-мигранты не отзывались, потеряв почти весь свой флот, исчезнув в неизвестном направлении.



— Будем ждать ровно столько, сколько понадобится нам, а не им, — пробасил Железовский в ответ на замечание Демина. — В нашем распоряжении еще полчаса.

За его спиной Боянова вполголоса успокаивала Анастасию Демидову:

— Это не страшней обычного кенгуру, да и Ратибор не тот, кто спокойно ждет конца, исчерпав возможности. Он найдет свой шанс, может быть, даже вопреки Фортуне. Могу честно сказать, мне он понравился при первом знакомстве, я вообще не люблю стандарта, а тут в одном человеке сплелись все каноны достоинств: высок, строен, силен, мужественен, красив... ну кому это может понравиться сразу?..

Железовский усмехнулся про себя, услышав слова Забавы, характеризующие ее отношение к мужчинам.

— Но потом он раскрылся в работе, и я поняла, — продолжала Забава, — что он далеко не так прост и ординарен, каким кажется с первого взгляда. К тому же он интрасенс, просто его способности по каким-то причинам раскрываются в зрелом возрасте... что тоже оригинально. Он выкрутится, девочка, и не стоит слишком часто показывать мужчинам свою слабость, слезы — не самый сильный аргумент в споре за любовь.

— Я не плачу, — сказала тихо Анастасия. — Я жду его пять лет... и уже отчаялась ждать.

— Ждать всегда трудно, тем более если мужчина — лидер, но ведь это издревле женская профессия — ждать, давай не жаловаться на заложенное в нас Богом.

Анастасия улыбнулась с грустью, помолчав, тихо продекламировала:

Коварнейшее это существо
издревле сильных от природы било,
свое доказывая торжество,
и только исключительная сила,
Фортуна может дать победный бой —
иначе будет все, как прежде было[1].

Разговор за спиной прекратился. Железовский вызвал Сварога:

— Ничего?

— Все тихо, — откликнулся инк.

— Пора, парень.

— Готов, — коротко отозвался Ратибор; виом связи воспроизвел его спокойное лицо с твердо сжатыми губами.

---

[1] Макиавелли.

— Видно, придется тебе сыграть «соло на струне» в одиночестве. Вернее, в компании с чужанами.

Берестов промолчал.

«Голем» был напичкан системами связи и передачи данных, записями на десяти земных языках всех мыслимых программ контакта с Конструктором, и все предупреждения и напутствия были лишними, поэтому комиссар-два не стал повторять параграфы инструкций, он просто сказал:

— Мы ждем тебя, сынок.

По внешним видеомониторам было видно, как серебристый четырехгранник «голема» искрой сорвался с чаши стартового манипулятора в сторону светящейся решетки чужанского «перевертыша» с подстроенной решетчатой пирамидой преобразователя по центру. И в этот момент буквально в полусотне километров от спейсера возникло из ничего светящееся тело «беглого» спейсера «Афанеор», а приемники, прохрипев, донесли чей-то металлический голос:

— Просим принять посла.

Буря возгласов, команд, вопросов и ответов, гудков и очередей точек и тире — речи автоматов — пронеслась и стихла, люди были готовы отразить атаку и ответить на удар, но голос комиссара-два послужил для всех холодным душем:

— Атака — только в качестве ответа! «Полундру» защите! Берестов, притормози. Кто говорит?

— Мы. — Вином оперативного ответа показал рубку «Афанеора» и трех людей в креслах — Мэтьюза Купера, Анатолия Шубина и Шебранна.

— Вы понимаете, что блокированы по всем векторам, кроме вектора отхода? Одно неверное движение — и автоматы...

— Понимаем и принимаем ваши условия.

— Вовремя. Кто ваш представитель?

— Нгуо Ранги.

— Возьмите пеленг «голема» Берестова, он наш посол, догоняйте, времени в обрез.

— Мы успеем. Посланец будет на месте одновременно с Берестовым.

— Тогда высаживайте посла и покиньте тревожную зону. Даю три минуты на все операции.

Связь с «Афанеором» прекратилась.

В обзорном виоме было видно, как из развернувшейся в боку спейсера мульды десантного люка выскользнула

одинокая снежинка — вакуум-плотный куттер с единственным пилотом. Фотоумножители приблизили аппарат, и наблюдавшие эту картину зрители увидели холодное, с плотно сжатыми губами лицо бывшего пограничника Эрнеста Гиро.

«Афанеор», спустя отпущенные ему три минуты, окутался белым «дымом» компакт-преобразования, исчез. Куттер устремился за «големом» Берестова и догнал его уже возле красивой решетчатой пирамиды в центре чужанского вакуум-преобразователя.

Корабли-«бревна» роидов все еще находились возле своего сооружения, но никак не прореагировали на появление гостей. Рядом с ними вот уже несколько часов неподвижно висел «пакмак» Габриэля Грехова.

Узнав о решении Ратибора и о согласии представителей СЭКОНа предоставить право контакта самому оператору «Шторма», Грехов внешне никак не отнесся к этому, словно его это решение не касалось совершенно или по крайней мере устраивало. О чем они говорили с Ратибором, не знал никто, но после разговора Берестов сразу же уединился и появился в десант-зале спейсера за минуту до посадки в «голем», Грехов же после разговора взял «пакмак» и ушел к чужанским кораблям, попросив не тревожить его запросами.

Внезапно Анастасия встала и, подойдя и наклонившись к Железовскому, проговорила в бусинку микрофона, выросшую из мигающей огнями «шишки» пульта на длинном усике:

— Ратибор!

— Да, — с заминкой ответил Берестов.

Анастасия схватилась рукой за горло, силясь что-то произнести, борясь с собой. Разговоры в зале стихли, головы людей повернулись в ее сторону. Железовский молчал и не шевелился. Боянова за его спиной вздохнула.

— Я понял, Настя, — долетел тихий голос Берестова. — Все нормально, Габриэль прав: нельзя сидеть на двух стульях сразу. Надеюсь, мы еще поговорим на эту тему, когда я вернусь. Ну, а если не вернусь... помнишь, у Торо?

Я стану частью бытия,
Волненья голосу внимая.
И время, словно чешуя,
Сойдет, мне Вечность открывая...[1]

---

[1] Т о р о Генри Дэвид. Вдохновение.

Искра «голема» соединилась с вершиной пирамиды, за ней упала капля куттера с К-мигрантом. Движение в зоне чужанского «перевертыша» замерло. Застыли и люди, не дыша, вглядываясь в черные окна виомов с вуалью «перевертыша». Напряжение, охватившее многотысячный человеческий отряд, рассеянный по громадному кубу пространства с Т-конусом в центре, можно было сравнить с волной цунами, выраставшей над берегом: все выше и выше задирается толща воды, становясь на гребне стеклянной бритвой в клочьях пены, еще мгновение — и она рухнет на берег, сметая все на своем пути!.. Точно такое «цунами» росло в душах людей, готовых помочь своему послу всем, чем можно, и не знавших — чем конкретно.

Внезапно «бревна» чужанских кораблей скользнули в сторону, ускоряя ход, за ними молнией метнулся «пакмак» Грехова, и под замирающий шепот Анастасии Демидовой: «Ратиборушка!..» — квадрат чужанского преобразователя вакуума вдруг начал складываться, охватывая краями пирамиду в центре. Сложился в «пакет», засиял пронзительной зеленью. Судорога непонятного искажения передернула изображения в виомах, добралась до машин земных служб, искривила их корпуса, жутко исказила лица и фигуры людей, возбудила волну тревожных сигналов: в энергостанциях, питающих стройку и транспортно-технологические базы, самопроизвольно начался процесс ударного распада активного вещества.

— Дьявол! — вырвалось у Баренца. — Они нас превратят в пыль! Аристарх, немедленно уничтожьте эту чудовищную «авоську», иначе потеряем Т-конус!

Решетка «перевертыша» и в самом деле напоминала авоську, продолжая складываться и сжиматься, пока не превратилась в гигантское копье, нацелившееся куда-то в сторону созвездия Гиппарха, и с его острия начали срываться и гаснуть, уносясь вдаль, исполинские зеленые молнии, от которых спейсер дергался, как в параличе, хотя и находился в двухстах тысячах километров.

Железовский упорно молчал.

Теперь уже кричали с разных сторон:

— Автоматика на пределе!

— Защита не держит, катапультирую реактор!..

— Ухожу на «струну»...

— Я «двадцатый», люди теряют сознание, жду распоряжений.

— Донесение оперу-прима: полевая обстановка в зоне нестабильна! Отмечаю появление мезонных струй и ней-

тринных потоков, а также явления типа «плывущая топология» и «булгаковская метрика».

— Господи, неужели это начало фазовой раскачки вакуума? — вполголоса проговорила Боянова. — Аристарх, что ты молчишь? Надо что-то делать!.. Или уходить, или...

— Всем чистый эфир! — прорезался наконец в общем гаме гулкий бас комиссара-два. — Научным базовым «гиппо» и всем техническим службам немедленно покинуть зону! Патрулю отражения приготовиться к ТФ-атаке чужанского... м-м... копья!

В родившейся тишине дробно прозвенели-простучали молоточки позывных системы спейсерной защиты: инки кораблей координировали наводку генераторов ТФ-поля друг с другом.

Слабо ахнула Анастасия Демидова:

— Там же Ратибор!..

И в этот момент из динамиков раздался знакомый звучный голос Габриэля Грехова:

— Не сходите с ума, коллеги! Прошу опер-приму отставить ТФ-атаку!

— Основания? — прогремел Железовский.

— Мы не можем рисковать Т-конусом — защитным щитом Земли! — добавил Баренц. — Еще минута — и волна преобразования докатится и до него.

— Преобразования никакого нет, вся эта свистопляска — вторичный эффект работы чужанского бура, потреплет и перестанет. Если бы фазовая перестройка вакуума произошла — мы бы ничего не успели почувствовать, она прошла бы мгновенно.

— Что предлагаешь?

— Ждать!

— Верьте ему! — Анастасия прижала кулаки к груди. — Он знает, что все будет... хорошо.

— Отбой атаке! — тоном ниже пробасил Железовский.

И словно дождавшись этой команды, колоссальное копье чужанского преобразователя превратилось в рой длинных ослепительных стрел и растаяло в ночи, прянув навстречу рвущему где-то впереди пространство конусу Большого Выстрела.

Спейсер перестал скручиваться в спираль, распрямился, очертания зала и предметов приняли нормальную форму, тела и лица прекратили искажаться, ошеломленные люди разглядывали друг друга, словно боясь поверить в благополучный исход небывалого явления.

— Неужели они прошли? — тихо сказала Боянова. — Аристарх, дай связь с нашими постами у БВ, может быть, удастся поглядеть, что там происходит.

— ДД, — позвал Железовский командира погранвахты, — обеспечь полную защиту зоны и нормальную работу служб, мы уходим к вершине БВ. Справитесь, если появятся К-мигранты?

— Справимся, — спокойно ответил Демин.

— Они, наверное, уже ждут своего «крестного отца», — со вздохом сказал Баренц, вставая и разминая кисти рук. — Там, у «пули» БВ. Послушайте, Настя, почему вы так уверены, что проконсул знает, чем все это кончится? Он что, способен путешествовать в будущее и обратно? И каким образом он договорился с чужанами, чтобы они позволили нашему послу участвовать в эксперименте?

Анастасия, ни слова не говоря, вышла из зала.

— Вы задаете слишком много вопросов, Ярополк, — сказала Боянова. — А этой девочке и без того не сладко. Боюсь, Берестов уже не вернется, и она это... знает.

— Ведомый-два, — вызвал Железовский командира дежурного спейсера «Борисфен». — Примите делегацию, идем к передовой заставе у БВ. Готовьтесь сыграть на «струне».

— Машина готова, — отозвался командир спейсера коротко.

— Идемте. — Железовский встал. — Забава, возьмите Настю, она пойдет с нами.

— Если захочет, — произнес, входя в зал Габриэль Грехов.

— Разумеется, — пробурчал комиссар, оглянулся на Баренца: — Ты, кажется, хотел что-то у него выяснить? Вот и спрашивай.

— Позже, — сказал председатель Совета безопасности недовольно.

— Я с вами, комиссар, если не возражаете, — сказал Грехов как ни в чем не бывало. — Или есть причины для отказа?

— Нет, — ответил Железовский. — Что ж, если никто не желает, спрошу я. Габриэль, честно говоря, нас интересует...

— Знаю, — кивнул Грехов, с неопределенным сожалением разглядывая обращенные к нему лица. — Что касается роидов, то они не потомки, не внуки и не правнуки Конструктора, как думают некоторые оригиналы, а вы могли бы догадаться и сами, вспомнив Тартар. Неужели вам трудно было это сделать?

— Что? — замерла у выхода Боянова. — Тартар? Ты хочешь сказать, что чужане — выходцы с Тартара?!

— Не выходцы, они, как и тартариане, — пришельцы в нашей Вселенной, сумевшие пробиться к нам из какой-то другой. Но если Тартар до сих пор не смог до конца разбить скорлупу капсулирующего взаимодействия, то Чужая частично сделать это сумела.

— Господи, так просто! — прошептала Боянова. — А мы бьемся, разгадывая причины, почему чужане к нам равнодушны... Да они же нас просто не слышат! Как и тартариане... хотя и пытаются иногда разговаривать.

Ей никто не возразил, интрасенсы — Баренц и Железовский — поняли все и проанализировали информацию мгновенно, остальные все еще осмысливали сказанное.

— Черт возьми! — нарушил молчание Демин; он тоже умел думать быстро. — То-то мне всегда казалось, что роиды кого-то напоминают и внешне, и поведением, — аборигенов Тартара! Один и тот же негатив по отношению к нам.

— Вы правы, молодой человек. — Грехов растянул в улыбке губы. — Что еще интересует уважаемых лидеров? Предлагаю поторопиться. Конструктор вот-вот появится на свет. И пусть вас не пугает мое знание, я не К-мигрант, хотя мог бы, как и они, считать Конструктора своим «крестным отцом». Идемте.

— Один вопрос, последний, — тихо проговорила Боянова. — Если вы знали в с е... зачем послали Берестова на... заведомую гибель? Что с ним будет?

Лицо Грехова потемнело. Несколько мгновений он смотрел на председателя СЭКОНа тяжело, с немым вызовом и глухой тоской, покачал головой.

— Я понял вас, Забава, но вы ошибаетесь, Настя здесь ни при чем. Он... решил идти сам, хотя я предупреждал его... и предлагал свою кандидатуру. Но не торопитесь хоронить Берестова, этого парня не зря назвали Ратибором, тут вы правы, он способен многое изменить. Пожалуй, я... — Грехов задумался. — Да, я не против того, чтобы он вернулся.

— Не против? — своим неприятным голосом произнес Кий-Коронат, молчавший до сих пор. — А что, вы могли быть против? Могли желать его гибели? Так вас понимать? Хорош помощничек, нечего сказать!

Грехов, не сказав больше ни слова, вышел.

— Все-таки ты не меняешься, корочун, — проворчал Железовский. — Пошли, Забава, Ярополк.

— Я все могу понять, — сказала Боянова, когда они уже подходили к отсеку метро, — одного не понимаю, почему проконсул не отговорил нас от строительства Т-конуса, зная, что он не понадобится?

— А кто бы ему поверил? — тяжело спросил Баренц. — Да и нам тоже, стань мы на его сторону? Ты бы первая бросила в него камень.

— Вот это уж точно, — кивнул Железовский.

Они ждали.

Аналитиками погранслужбы и отдела безопасности с вероятностью, близкой к единице, были высчитаны координаты точки «выпадения» Конструктора из канала БВ, но все понимали, что расчеты эти могут не оправдаться. Поэтому вдоль всей будущей трассы БВ — его «пуля» мчалась где-то в трех-четырех светонеделях отсюда — были расставлены зонды с видеоаппаратурой, что позволяло надеяться поймать момент «второго пришествия» самого странного и могучего из всех встреченных человеком существ.

Двое суток провел спейсер «Борисфен» у вычисленного района — именно столько требовалось БВ на преодоление оставшегося расстояния до встречи с чужанским «пакетом послов», — непрерывно щупая пространство вокруг, ведя переговоры с Землей и другими земными аппаратами, готовясь к церемонии встречи. К исходу вторых суток напряжение, в котором жили земляне, достигло предела. В жизнь человечества снова вторгалось Неведомое, Непознанное и, может быть, Непостижимое, и редко у кого из людей не учащалось дыхание и не ускорялось сердцебиение при мысли об этом.

Последние несколько часов до определенного расчетами момента времени пассажиры «Борисфена» провели в десантном зале спейсера, тесно сдвинув кресла, превращавшиеся при необходимости в защитные коконы с автономным жизнеобеспечением. Железовский сидел между Бояновой и Баренцем, а левее и чуть впереди сидели Грехов и Анастасия Демидова. Все предположения были уже обговорены, новости обсуждены, и тишину в зале лишь изредка нарушали тихие реплики пограничников да односложные вопросы-ответы команды спейсера.

Обзорные виомы зала были включены, отчего казалось, что площадка с группой кресел висит прямо в космосе, окруженная черной бездной с роями великолепных немигающих звезд. Алая окружность с тонким белым крестом визирных меток показывала район, откуда должен был вынырнуть Конструктор... или его «тень», в случае, если

он так и не сможет пробить барьер, отделяющий Вселенную от другой вселенной. Железовский представлял эту картину как воздушный шар, в резиновую стенку которого вонзилась игла, но не проколола стенку, а растянула ее на всю длину проникновения. Что же произойдет, когда «резина» не выдержит? «Игла» окажется внутри шара, и только? Или одновременно лопнет и шар?..

Аристарх покосился на спокойное лицо Бояновой, получил пси-картинку: бочка с порохом и горящий бикфордов шнур, — ответил без мимики коротким: не преувеличивай. Он все время чувствовал соседство пси-сферы Грехова, способного к прямой мысленной связи: словно рядом за глухой стеной сидел сильный, обладающий острым слухом, настороженный и опасный чародей, в арсенале которого таились не только добрые, но и злые чудеса, — поэтому все время приходилось напрягаться, держать себя в форме и не показывать своего напряжения проконсулу. Баренц как-то в разговоре один на один признался Аристарху со смехом, что побаивается экзосенса, на что Железовский ответил пословицей: «Не поминай чертей к ночи». Посмеялись, хотя обоим было не до смеха. Грехов был человеком-загадкой, его знание было темным, магическим, чужим, а участие на стороне людей в инциденте с Конструктором больше настораживало и пугало, нежели радовало, и Железовский в этой уверенности ничего не мог с собой поделать.

— Сообщение службы контроля, — раздался в наушниках каждого тихий голос координатора связи. — Пространство по трассе навстречу БВ начинает изменяться: появился слабый позитронный фон.

— Наконец-то! — сдержанно воскликнул Савич. — Это дошел «выстрел» чужанского преобразователя. В зоне его действия колебания вакуума достигают экстремума, пары электрон-политрон разрываются, позитроны перестают быть виртуальными и появляются реально, а электроны «скатываются» в потенциальную яму...

— Но ведь это — начало фазового сдвига! — не сдержался Эрберг; командор погранслужбы в отличие от всех стоял возле своего кресла.

— В принципе... — начал Савич, но его перебил громкий колокол тревоги и голос наблюдателя:

— В районе тысяча сто второго ПП наблюдаю необычные эффекты! Даю картинку.

Звездный фон перед людьми в зале не изменился, то есть не изменился рисунок созвездий, хотя видеоприем-

ники переключились на прием от камер тысяча сто второго зонда, зато черный провал перед зрителями перестал быть черным, его передернула судорога, звезды прочертили светлые дуги, заплясали, потом померкли в сиянии вспухающего торжественно и медленно (хотя эта замедленность была ложной из-за больших масштабов картины) колоссального светового конуса. Голубые пронзительные вспышки рванулись внутрь конуса, прокатились по нему, родили тысячи тонких лучей-игл, погасли, снова засияли, заметно изменив цвет в сторону зеленого, еще и еще раз пройдя всю гамму цвета от желтого до багрового, и конус стал гаснуть, приобретать стеклянно-прозрачные формы, изменяющиеся как мыльная пена в ванне.

Болтанка зонда вблизи захватывающе красочного фейерверка, рожденного прохождением Конструктора, столкнувшегося с «пакетом послов», очевидно, достигла таких амплитуд, что аппаратура не выдержала: изображение конуса исчезло, породив волну вскриков — не все поняли, что происходит. А когда оператору удалось восстановить связь, люди увидели феноменальную в силу масштабов, поразительную полупрозрачную фигуру, напоминающую наконечник копья.

— Они дошли! — раздался в полной тишине чей-то звонкий голос. — «Пуля» БВ приняла форму «голема» Берестова!

Но копье длиной в сто сорок миллионов километров, что намного превышало размеры Солнца, вдруг разом погасло. Снова судорога перечеркнула изображение, звезды в виоме задрожали, размазались в тусклые туманные облачка, пропали.

Грехов вдруг метнулся к выходу из зала, исчез в коридоре. Никто этого не заметил, все зачарованно глядели на мистерию света в центре виома.

Связь восстановилась через минуту, и зрители на мгновение увидели конечную стадию превращения «тени» БВ в Конструктора: грандиозный, захватывающий воображение взрыв — ударная волна Большого Выстрела догнала «пулю» и, наткнувшись на нее, превратилась в энергию...

Виом очистился. Звездные облака молча смотрели на ошеломленных людей — в области пространства, где висел спейсер «Борисфен», все было спокойно, свет взрыва должен был прийти сюда не скоро. В тишине послышал-

ся всхлип. Головы людей повернулись к Демидовой: она плакала, и Железовский, наклонившись к ней с непроницаемым лицом, гладил ее по волосам. Вздохнул, уловив неловкую паузу, вспомнил обязанности.

— Кенгуру в район ЧД![1] Флоту пеленг ЧД! Кто там ближе, мы ничего не видим. Что с Конструктором? Дайте картинку!

— В зоне его появления — жуткая свистопляска! — отозвался кто-то из пограничников, уже прибывших на место. — Море огня на полгалактики! Ближе, чем на пять-шесть АЕ, не подойти! Зонды всех шести эшелонов разбило, пробую запустить новую серию.

— Неужели он не смог уберечь себя! — пробормотал Баренц. — Анатолий, что скажешь?

— Конструктор, вероятно, вылупился из БВ, хотя проверить это пока невозможно. По нашим данным, какой-то «осколок пули» БВ продолжает мчаться в том же направлении и с той же скоростью, так что через час будет у Т-конуса.

— А если это сам Конструктор?

— Не знаю...

Комиссар-два поискал кого-то глазами.

— Грехов где?

Боянова оглянулась.

— Был здесь. Настя, где Габриэль?

Демидова молча показала на выход, говорить она не могла, боялась разрыдаться.

— Отставить кенгуру в район ЧД! Всему флоту очистить район Т-конуса, сейчас здесь появится БВ! — Железовский одним движением выбрался из кресла и тоже бросился из зала, скомандовав инку подготовить к походу резервный драккар.

Он стартовал следом за шлюпом Грехова, отстав от него всего на несколько минут. Включил «шпуг», Т-конус вырос перед ним сияющим колесом, приблизился, ушел краями за пределы видимости, превратился в форму какого-то апокалиптического моста, соединившего «берега бесконечности».

Железовский воткнул нос драккара в причальный узел центрального блока управления Т-конуса рядом с двумя другими машинами: галионом с опознавательными знаками погранслужбы и коггом без номеров и знаков. Не обращая внимания на невесомость и низкое воздушное дав-

---

[1] Район чрезвычайных действий.

ление в коридорах блока, проследовал к распределительному залу, боковым зрением отметив четыре лежащих серых фигуры, и ворвался в зал с «универсалом» в руках.

У мерцающей огнями полусферы монитора киб-управления возилась черная фигура, оглянулась, когда Аристарх подплыл ближе. Это был Грехов собственной персоной.

— Комиссар? Я так и подумал. Хорошая реакция. — Проконсул снова склонился над полусферой, выдернул из нее усик микрофона, что-то проговорил, подождал секунду и сбросил с головы эмкан. С облегчением выпрямился.

— Слава Аллаху, они не успели запустить «червяка»[1].

Железовский заметил еще два серых тела в глубине зала и отливающую глазурью вмятину в полу. Грехов перехватил его взгляд, поморщился.

— К-мигрант, пришлось стрелять. «Серых» я просто оглушил.

— Кто это был?

— Нгуо Ранги.

— Зачем?

Грехов с иронией посмотрел на пистолет в руке комиссара, и тот, подумав, сунул его в захват на поясе.

— Конструктор вылупился из канала БВ, но сам канал не затух и продолжает расти, хотя и сузился раз в десять. Вот его-то и надо схлопнуть в «струну» и выбросить отсюда подальше, чтобы не врезался в Солнце. Другим способом его не остановить.

— А Конструктора?

— Проблема остановки Конструктора еще впереди.

— Снова черное знание? — Железовский хмыкнул. — Как они проникли сюда? — Кивок на неподвижные серые тела.

— Так же, как и мы. Думать и работать они умеют.

— Что они хотели сделать?

— Стереть программу. Пойдемте, комиссар, времени у нас мало, через полчаса БВ будет здесь. Дайте команду флоту покинуть зону.

Железовский, уже сделавший это, промолчал, выходя, вернее, выплывая из зала первым, но Грехов понял его молчание, одобрительно хмыкнув.

— Уважаю профессионализм.

— Погодите. — Железовский уцепился за скобу в коридоре, остановился. — Но если вы правы, то, уничтожив

---

[1] Имеется в виду программа-разрушитель (компьютерный вирус), которая разрушает заложенную в компьютер информацию.

Т-конус, К-мигранты тем самым подписали бы Системе смертный приговор?

— Не стоит упрекать их в столь тяжком грехе. Они не знали, что Конструктор проявится раньше и что БВ сохранит вектор движения. Ясновидящих такого класса среди них нет.

В молчании добрались до причального отсека. Грехов задержался у люка выхода к своему коггу, прищурясь, оглядел массивную фигуру комиссара.

— Вас что-то мучает, Аристарх. Что именно? Судьба Берестова или что-то еще?

Железовский не удивился прозорливости проконсула, сказал тяжело:

— Да, судьба Ратибора.

— А если я скажу: не знаю?

— Я не поверю.

Грехов повернулся, открыл люк и сказал, не оборачиваясь:

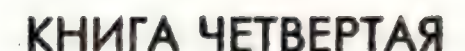
— Я не знаю. — И добавил уже из отсека: — Но надеюсь.

— На что?

— На то, что он вернется...

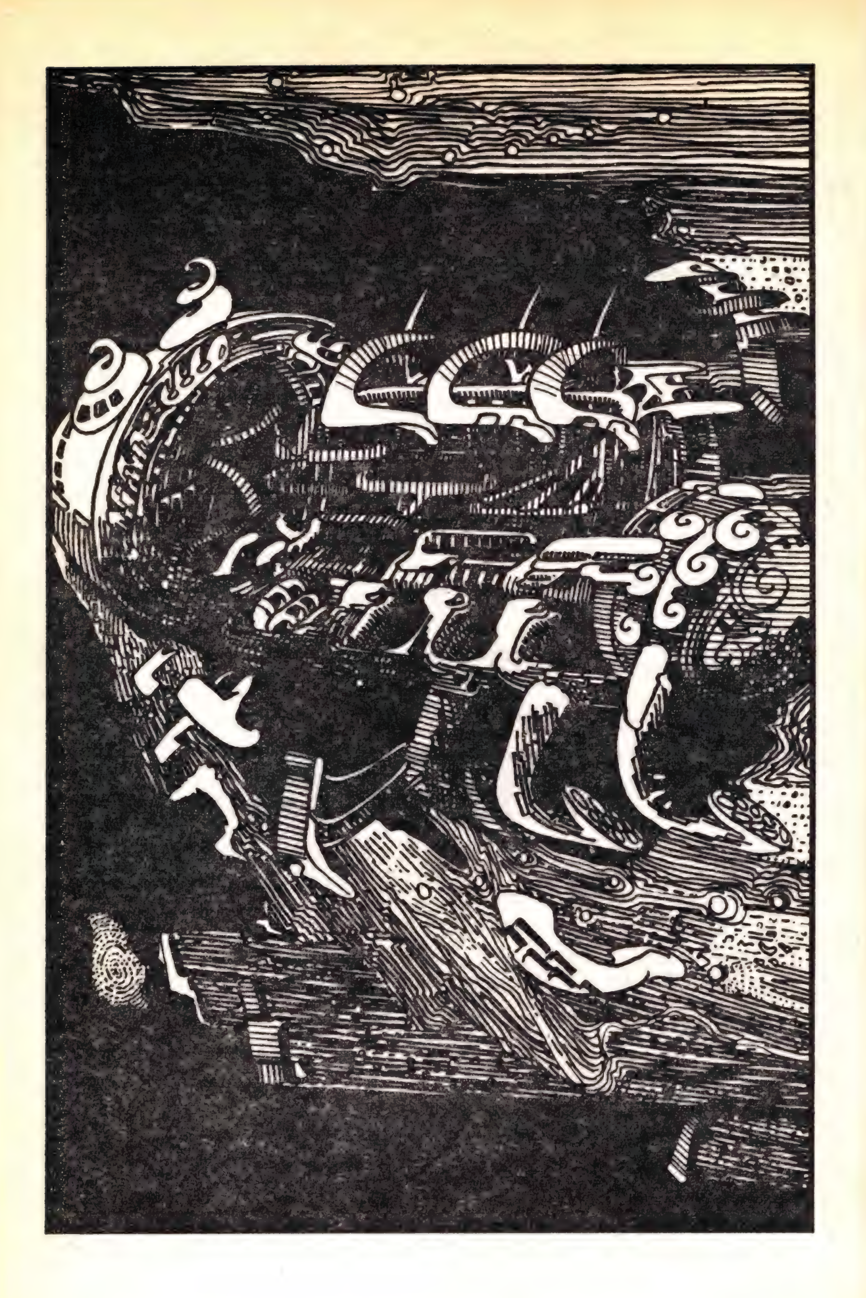
Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем, она более необычайна, чем мы можем представить.

Дж. Холдейн



КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ



Часть первая

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ. РАТИБОР

БЕЗ ОСОБЫХ ТРЕВОГ

Было видно, что Ратибор бежит с трудом, из последних сил, и лицо у него не бледное, как показалось Насте вначале, а голубое, с металлическим оттенком. Но больше всего поражал, отвращал и вселял ужас его третий глаз на лбу, словно освещенный изнутри огнем, наполненный страданием и не выразимой никакими словами мольбой.

Споткнувшись, Ратибор упал, а догонявший его чужанин, похожий на кристаллический обломок скалы, навис над ним и стал расти в высоту, подняв над упавшим чудовищные волосатые лапы.

— Стой! — крикнула Настя, поднимая «универсал». — Назад или стреляю!

— Попробуй! — загрохотал чужанин голосом Железовского так, что эхо ударило со всех сторон.

В отчаянии Настя надавила на спуск, но пистолет изогнулся как живой, выдавил из себя жидкую струйку пламени, зазвонил и начал таять восковыми слезами...

Настя вскинулась, обводя бессмысленным взором обстановку спальни, уютный «медвежий угол», и со стоном опустилась на кровать, унимая расходившееся сердце. Всплыли в памяти строки:

И было там все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили...
проснуться,
Боясь пробужденья иного...[1]

Поэт почти угадал, разве что эпитет «упоительно» не совсем точен. Хоть не ложись спать!..

---

[1] Северянин И. Ноктюрн.

В прихожей мягко позвонил дверной сторож.

Настя снова вскочила, в одном пеньюаре выпорхнула в гостиную, но прислушалась к себе и, ссутулившись, вернулась в спальню. Накинула халат, вытерла лицо губкой, глянула на часы: почти двенадцать ночи. Господи, кто там в такой час?

Звонок раздался в третий раз. Тогда она приказала двери открыться. На пороге стоял улыбающийся Коста с огромным букетом гладиолусов.

— Гостей принимаешь?

Настя зябко поежилась, кутаясь в халат, посторонилась.

— Проходи.

Гость сунул ей букет.

— Что у тебя за вид, словно ты спала? Или замерзла? Согреем. — Коста засмеялся, на ходу наклонился, пытаясь поцеловать хозяйку, но та отстранилась.

— Не надо, Косточка. — Голос был тих и тускл, и Настя заставила себя *выглядеть* такой, какой ее знали в институте. — Садись, но не повторяй весь свой ежедневный репертуар, ладно?

Настя поставила цветы в старинную керамическую вазу, налила воды, посмотрела на цветы и вздохнула. Потом вернулась к гостю.

— Я тебя слушаю.

Коста сел с размаху в кресло, внимательно посмотрел на девушку, улыбка сбежала с его губ.

— Похоже, мне здесь не рады. А вчера кто-то приглашал меня к себе, обещал неземные блага. Или то была минута слабости?

Перед глазами Насти возник колеблющийся образ двух целующихся фигур, потом сверкнула вспышка, одна из фигур исчезла.

Настя кивнула.

— Ты все хорошо понимаешь, Косточка, спасибо тебе за вчерашнее, вообще за сочувствие, ты мне здорово помог... — Она остановилась, потому что гость покачал головой, лицо его на мгновение заострилось и стало злым.

— Сочувствие? Вчера речь ни о каком сочувствии не шла, насколько помнится. Речь шла о другом, о тебе и обо мне, и я понял, что ты наконец заметила...

Настя покачала головой, в свою очередь разглядывая лицо гостя, подвижное, красивое, самоуверенное, с энергичной складкой губ, лицо человека, всегда добивающегося своей цели. Эфаналитик Коста Сахангирей, всесто-

ронний художник, работа с инком в режиме «один на один» для него — конек и средство самовыражения. Его выводы всегда полны красок и тонов. Что ни задача — то произведение искусства, своя «симфония». Отличается кипучей активностью и уверенностью в своих силах. Руководитель лаборатории эфанализа ИВК, в которой работала и Анастасия. Человек без комплексов, не без оснований претендующий на исключительность. И наконец, интрасенс.

— Не понимаю, — сказал он, пожав плечами. — Я же не мальчик, Настя. Вчера мы, кажется, все обсудили, и я, как джентльмен, остановил развитие событий, хотя мог бы просто воспользоваться случаем. В чем дело, что изменилось?

— Спасибо тебе, — улыбнулась Настя невольно, — за то, что ты джентльмен и вообще хороший парень. Вчера мне было очень плохо, я даже не все помню, что со мной было, но сегодня... нет-нет, изменений особых не произошло, и все же мы отложим разговор до лучших времен. Не обижайся, Косточка, ладно? Хочешь шампанского?

Коста нахмурился.

— Честно говоря, не думал, что ты меня так... встретишь. До сих пор мне казалось, что ты живешь без предрассудков, раскованно и свободно. Или я ошибся? А может быть, кто-то из твоих паритет-повелителей заявил окончательные права? Кто же? Грехов или Берестов?

Кровь отлила у Насти от щек, губы онемели.

Коста криво улыбнулся, вскочил и попытался обнять ее за плечи, заглянуть в глаза, но не смог: ноги словно налились свинцом, приросли к полу, а на плечи навалилась тяжесть, будто при ускорении. Ощущения тут же прошли, Коста опомнился, он мог бы ответить тем же, сил хватило, однако удержался.

— Тебе лучше уйти, — прошептала Настя.

— Извини, — сказал он. — Просто я не привык, чтобы меня, как мальчишку... вот и вырвалось. Но долго жить так... раздвоенно ты не сможешь, и я приду. Позже. Все равно будет так, как я... — он хотел сказать «хочу», но передумал, — как я рассчитал. До встречи.

Ушел.

Настя присела на краешек тахты и, ссутулившись, просидела в таком положении несколько минут, пока раздавшийся в прихожей новый звонок не заставил ее вздрогнуть.

Подождала немного, подумала почти спокойно: если опять Коста, спущу его с лестницы. Но это был не Сахангирей. Перед Настей стоял незнакомый молодой человек с лицом скуластым и добродушным, хотя складка губ на нем была жесткой и твердой, выдающей характер волевой и сильный. Серые внимательные глаза смотрели прямо и открыто, и мерцала в них уверенная сила и хитроватая (мужицкая, подумалось Насте, искони деревенская) мудрость.

На госте была просторная серая рубашка, не скрывающая могучего телосложения, свободного покроя брюки и мокасины известной фирмы «Маленький Мук».

— Вы ко мне? — растерялась Настя.

— Извините за визит в столь поздний час. — Гость виновато развел руками. — Вас трудно застать днем. Меня зовут Егор, я друг Ратибора.

Настя почувствовала слабость в ногах и противную сосущую холодную пустоту в груди. Очнулась от прикосновения к спине: ее поддерживала горячая сильная рука гостя.

— Извините, — проговорила она, сделав глубокий вдох, выпрямилась и отвела руку. — Не подумайте, будто я настолько слаба, что не могу справиться с собой... Проходите.

— Спасибо. — Молодой человек, обдав хозяйку волной воздуха с запахом сена и моря, прошел в гостиную, ступая бесшумно и мягко, несмотря на рост и вес; точно так же ходил и Ратибор. И сел он в предложенное кресло осторожно и бесшумно. Настя устроилась напротив, стиснула кулаки, пряча их в рукавах халата.

— Слушаю вас.

Гость покачал головой, с откровенным любопытством разглядывая ее. Настя поймала себя на досадном чувстве: она никак не могла нащупать эмоциональной и мысленной сферы Егора. Попыталась сосредоточиться, но у нее ничего не вышло.

— Это я вас слушаю, — сказал он, удовлетворившись осмотром. — Ратибор сказал, чтобы я зашел к вам, если с ним что-нибудь... вот я и зашел. Могу я чем-нибудь помочь?

Настя расслабилась, откинулась в кресле, улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

— Господи, а я подумала. Ратибор говорил мне о вас, я вспомнила, только не совсем представляла, какой вы.

— И какой же?

Она снова улыбнулась.

— Вы на него похожи. Хотите кофе?

— Хочу, — серьезно кивнул он.

Настя выпорхнула из кресла, удивленная и обрадованная.

— Подождите минуту. Если хотите, включайте видео, там есть хорошие кассеты, выберите. Или полистайте альбомы, второй ряд кристаллотеки.

Когда она вернулась из кухни с подносом, гость сидел с кассетой стереофотографий на коленях. Ткнул пальцем в одну из фотографий:

— Ваша мать?

Настя поставила поднос, наклонилась над плечом Егора, с интересом посмотрела на его сосредоточенное лицо.

— Вы проницательны, это моя мама. Еще никто из моих знакомых не угадал, кто это, все считают — я. Пейте. Это пироги с вязигой, готовила сама. Я вообще неплохой кулинар.

Егор кивнул, беря пирог и чашку с кофе.

— Ратибор мне говорил.

Они пили кофе и болтали о «вертикальном» туризме, психоэкологии, балете «саундай» и о всяких пустяках, и Настя с удивлением прислушалась к себе, чувствуя, как глухая стена тоски и боли, выросшая в душе и отделившая ее от остального мира после ухода Ратибора, вдруг стала трескаться и разрушаться.

Егор оказался серьезным собеседником, любившим и умевшим не только говорить, но и слушать. Чувствовалось, что у него по каждому затронутому вопросу есть своя собственная точка зрения, каковую он и отстаивал аргументированно и с достаточной уверенностью. Он был серьезен, обстоятелен и уравновешен в той мере, которая почти всегда нравится женщинам в возрасте, называющим таких мужчин одним словом «хозяин», и Настя невольно улыбнулась, отвечая своим мыслям, хотя через минуту всю веселость ее как рукой сняло: какой-то неуловимый жест Егора внезапно живо напомнил ей Берестова.

— Расскажите, что с ним случилось. — Гость чутко реагировал на эмоции хозяйки и точно знал, когда и какие вопросы можно задавать. Такая его проницательность, в общем-то, констатировала с внешне простоватым видом, Настя отметила это машинально, однако ее в данный момент занимало другое. Сначала запинаясь, потом на одном дыхании, она пересказала Егору всю историю своих

отношений с Ратибором и, закончив рассказ на слове «ушел», замолчала, вдруг всхлипнув по-бабьи.

— Понятно, — сказал Егор, задумчиво потирая переносицу пальцем. — Значит, Конструктор вылупился, а послы остались внутри?

— Еще неизвестно, вылупился ли он вообще, ученые не могут разобраться. Канал БВ сжимается, а на месте «пули» возникла зона странных эффектов, область гипергеометрии, как ее называют, продолжающая мчаться в прежнем направлении, и ничего похожего на того Прожорливого Младенца, съевшего половину Марса сто лет назад.

— Тогда не все еще потеряно. Я думал, вы точно знаете, что Ратибор... м-м... погиб, а оказывается, ничего не известно.

— Габриэль сказал... — голос у Насти сорвался, и она закончила шепотом, — что у Ратибора один шанс из миллиарда...

— Габриэль — это Грехов? А разве он не может ошибаться, как и любой другой человек?

— Он — нет. — Настя глубоко вздохнула, вытерла щеку и виновато улыбнулась. — Хотя я очень надеюсь, что он ошибается.

Егор кивнул, не теряя невозмутимости, лишь в серых глазах его промелькнула едва заметная тень озабоченности.

— Он вернется, Настя, поверьте, Ратибор не такой человек, чтобы погибнуть за здорово живешь.

— Правда? — жадно спросила она, тут же сдерживая порыв.

— Правда, — твердо сказал он, потом встал и протянул руку. — До связи, Анастасия, мой телекс у вас есть, звоните, если понадоблюсь, особенно если срочно. В свою очередь не сердитесь, если позвоню в неурочное время, характер моей работы не позволяет мне владеть свободным временем по своему усмотрению.

— А где вы работаете?

— В одном из детских учебных городков Крайнего Севера, простым учителем.

— «Простым», — невольно фыркнула Настя, провожая Егора. — Будто я не знаю, насколько сложна эта работа. Спасибо за визит. Честно говоря, я захандрила, и вы меня вытащили из болота хандры вовремя. Буду рада новому визиту.

— Доброй ночи, Анастасия.

— Зовите меня Настя или Стася, хорошо?

— Идет. А вы меня Горка или Егорша, так меня мама в детстве называла.

Настя засмеялась, чувствуя удивительное облегчение и желание что-то сделать. Спохватилась:

— Как же я вас найду? У меня нет вашего номера.

Егор оглянулся.

— Уже есть, спросите «домового».

Настя растерянно посмотрела в его умные глаза с блестками иронии, позвала, смутившись:

— Панса, дай мне телекс Егора... э-э?

— Малыгина, — подсказал Егор. — Хорошая память.

— Так вы... интрасенс? — догадалась наконец Настя, припомнив свои мелкие удивления по ходу знакомства, сложившиеся в цепь умозаключения.

— Я шаман первого сука, — серьезно ответил Егор. — По древним легендам шаманского культа, сложенного некогда эвенками и якутами, души будущих шаманов воспитываются в гнездах на суках «мирового дерева», так вот я — шаман из гнезда первого сука. Доброй ночи, Настя.

— Доброй ночи, — ответила Настя и добавила, улыбнувшись, когда он ушел: — Егорша...

Побродила по комнатам, мысленным усилием меняя освещение, пока не остановилась посреди гостиной с ощущением какого-то внутреннего неудобства. Ощущение длилось недолго, но она уже поняла, что это такое — Габриэль давал знать о себе, посылая пси-волну с только ему присущими характеристиками. Понимая ее чувства, может быть, лучше, чем сама Настя, он не тревожил ее звонками и не добивался встреч, но всегда давал понять, что не выпускает ее из поля зрения и может оказаться рядом в любой момент.

Вздохнув, Настя сняла халат, критически оглядела себя в зеркале, отмечая появление новых черточек в облике, с удовольствием расправила пеньюар — она любила красивые вещи, — и тут раздался третий за этот поздний вечер звонок. Сердце подскочило и провалилось вниз, кровь отлила от щек, первой мыслью Насти было — Ратибор! Потом вернулась мудрая и тоскливая способность трезвой оценки: Ратибор вошел бы без звонка, и Настя открыла дверь, не пытаясь вычислить, кто стоит за ней.

— Я не слишком поздно? — спросила Забава Боянова, с интересом разглядывая хозяйку, забывшую накинуть халат.

Настя опомнилась, невольно краснея под этим взглядом.

— У меня сегодня вечер гостей, — сказала она, отступая в гостиную. — Извините, Забава. Не думала, что это вы.

Боянова улыбнулась.

— Я это поняла. А кто был? — Она прошла вслед за хозяйкой, принюхиваясь. — Фу-фу, русским духом пахнет! Уж не Иванушка ли дурачок заходил? Помнишь сказки про бабу Ягу?

— Помню. — Настя улыбнулась, внутренне собираясь. Боянова была интрасенсом «большой силы», Насте не хотелось, чтобы она видела ее состояние и внутренний дискомфорт. — Только на бабу Ягу вы похожи мало. Были у меня двое добрых молодцев, нашедших свободную минуту, чтобы проявить сочувствие и милосердие.

— Ага, вижу, ты в этом не очень-то нуждаешься. Что ж, люблю сильных женщин. Как и сильных мужчин. Я не займу у тебя много времени, у меня самой его нет, но кое-что интересное сообщу, не возражаешь?

Настя не возражала. Они сели и некоторое время присматривались друг к другу, согласовывая психоэмоциональные связи.

Боянова была одета в удивительное, черное, как ночь, играющее звездными огнями, платье, скрывающее и одновременно подчеркивающее фигуру, и хотя Настя тоже знала секреты, как в зрелые годы сохранить красоту и молодость, тем не менее и она с невольным восхищением отметила умение женщины держать себя в форме и быть естественной всегда и со всеми.

Забава едва заметно усмехнулась.

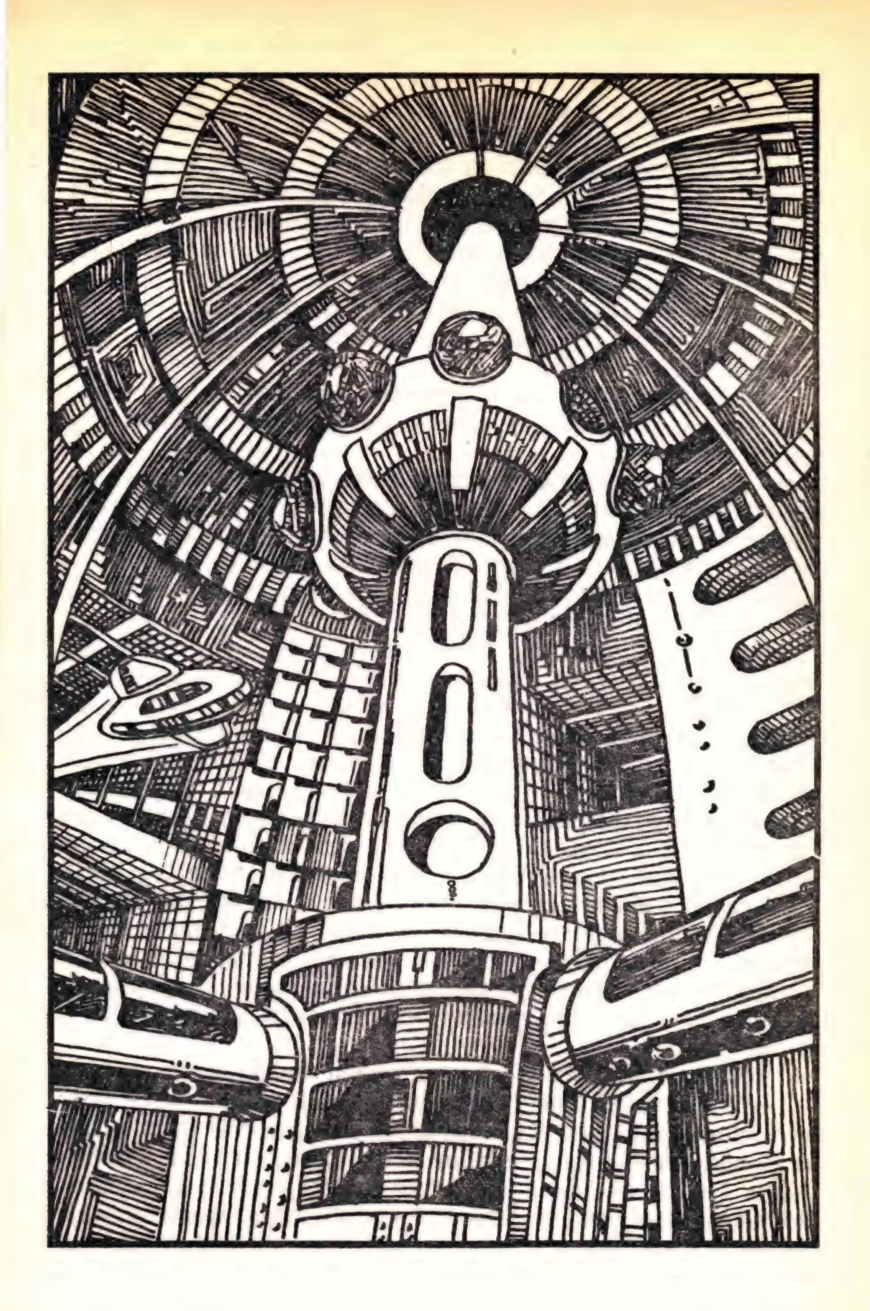
— Ты тоже не обделена природой, красна девица, от друзей отбоя нет, так что не печалься. Как долго я тебя не видела? Два месяца? И все это время ты просидела в затворничестве? — Боянова осуждающе покачала головой. — Уходить в саньясу[1] в твои годы рано, погоревала и хватит, досыть, как говаривала моя бабуля, впереди. Да и не все ясно с послами, может быть, они и не погибли.

Настя обхватила руками плечи, уголки губ ее грустно опустились, придав лицу неповторимый колорит Феи печали.

— Не надо, Забава, ни утешений, ни надежд, Ратибор не вернется, я знаю.

---

[1] С а н ь я с а — стадия полного отречения от материальной жизни.



Боянова нахмурилась, в ее облике вдруг проглянула натура властная и решительная, как нестираемая печать должности председателя СЭКОНа.

— Это тебе твой Грехов навещал? А сама ты разве не знаешь, что будущее подчиняется вероятностному закону? Разве рассчитанные тобой футурграммы всегда сходятся с абсолютной точностью? Допускаю, что Грехов способен видеть глобальные изменения временного ствола и даже отдельные крупные ветви, но не все же веточки и листочки. Не знаю почему, но я уверена, что Берестов выкарабкается.

Настя снова покачала головой, отвечая скорее себе, чем гостье. Потом с усилием преодолела готовые вырваться возражения.

— Спасибо, Забава. Вы не первая, кто верит в его возвращение, но никто из вас не знает пределов знания Габриэля. Не беспокойтесь, я возьму себя в руки... уже взяла. Завтра выхожу на работу. В последнее время я действительно не следила за событиями и совершенно отстала от жизни. В самом деле много новостей?

— Главная новость, что Конструктор, каким мы его провожали сто с лишним лет назад, не вышел из канала БВ. Вернее, вышел наполовину, а может быть, трансформировался до неузнаваемости. Канал БВ за ним практически стянулся в «струну», но не исчез, и физики предполагают, что эта «пуповина» продолжает связывать зернистый кокон Конструктора со вселенной, откуда он пробивался к нам. Отсюда и все эти дикие эффекты с «булгаковской метрикой», «плывущей топологией», многомерным пространством, появлением странных частиц вроде предсказанных теорией монополей и «голых» кварков, с «конвульсиями вакуума». А весь кокон, объем которого равен объему доброго десятка звезд, продолжает двигаться к Солнцу, правда, уже со скоростью, близкой к световой.

— Выходит, Т-конус больше не понадобится?

— Кто знает? Свою миссию он-таки выполнил — вывел «тень» впереди Конструктора за пределы Рукава, но если иксоид — как называют появившийся объект специалисты — будет двигаться в том же направлении и с прежним темпом, он достигнет Т-конуса через полгода. Так что безопасность и погранслужба продолжают сидеть на «джоггере». Нечто подобное Конструктору, только в меньшем масштабе, осталось и от звезды ню Гиппарха — то же многомерие, гипергеометрия и тому подобное. Кое-

кто из нетривиалов даже предполагает, что это отколовшийся «кусок» Конструктора.

— А сам он молчит?

— Что можно понять в той каше излучений, которой окутан иксоид? Во всяком случае, дешифровке излучение не поддается. Оптимисты утверждают, что Конструктор зализывает раны, но я не люблю дежурного оптимизма... как и пессимизма, впрочем. Кстати, твой Грехов придерживается того же мнения — о «зализывании ран».

Настя прищурилась, откидывая голову, но Забава не вкладывала особого смысла в слово «твой».

— Железовскому не хватает эфаналитиков, хорошо знающих историю Конструктора и его особенности, — продолжала Боянова, — поэтому выходи, девочка, он ждет. Проблем накопилось много: «серые люди», чужане со своими комплексами поведения, разработка новых штатных режимов, прогноз последствий «экстремума» — если дойдет до его включения, сфинктура[1] иксоида, нацеливание Т-конуса и черт знает что еще! Короче, тебе вместе с профи безопасности придется тянуть весь воз МАВРа[2].

Настя вздохнула, виновато посмотрела на гостью в ответ на ее острый оценивающий взгляд.

— Я... — небольшая заминка, — готова.

— Ну и прекрасно. — Забава легко, словно девочка, выпорхнула из кресла, потянулась всем телом, поправила прическу, искоса посмотрела на вставшую хозяйку. — Ну и как, я еще ничего выгляжу?

Настя по-мужски показала большой палец.

Боянова засмеялась, чмокнула ее в щеку и, пожелав доброй ночи, исчезла, словно растворилась в воздухе, только тихо зашипела закрывшаяся дверь.

Впервые за время, прошедшее с момента появления Конструктора, вернее, иксоида, Настя уснула сразу, как только щека ее коснулась подушки. Шел второй час ночи девятого ноября...

Железовский движением брови указал на стул, и Забава со вздохом облегчения села рядом:

— Набегалась!

---

[1] Сфинктура — степень загадочности объекта, качественные характеристики его таинственности.

[2] МАВР — многоцелевой анализ вариаций решения.

Она все еще была одета в свое неотразимое платье, и человек-гора с видимым усилием пытался сообразить, что бы это значило.

— А ничего, — ответила Забава вслух, а не мысленно, как обычно, когда у нее было хорошее настроение. — Я была у Насти Демидовой, передала ей эмоциональный заряд, хандрит девка. Пообещала завтра выйти в свет, подключи ее к МАВРу, специалист она неплохой.

— Специалистов ее класса у меня хватает.

— Не надо оставлять ее наедине с собой надолго. Ты знаешь ее историю?

— Нет.

— Она влюбилась в Берестова девочкой, когда увидела его в «Чернаве» во время бунта монстрозавра. А потом Грехов проговорился ей, что Берестов погибнет. Она стала высчитывать критические точки его судьбы и заставлять Габриэля, чтобы он предупреждал Берестова... в общем, странное сплетение судеб. А сейчас она ждет своего Ратибора, хотя уверена в его гибели... Понимаешь?

— Понимаю. — Железовский помолчал и продекламировал:

Любовь, любовь — безбрежный океан.
Любовь, что смерть, не знает легких ран[1].

Боянова внимательно посмотрела на комиссара. Тот не шевельнулся.

— Ты тоже считаешь, что он погиб?

— Не знаю. Грехов выразился иначе: пропал без вести, и он о Берестове ничего не знает. А по-моему, знает, но не хочет говорить. Кстати, Настя прекрасно осведомлена об истории Конструктора, а во-вторых, не надо забывать, что Грехов — ее друг. А этот человек загадочен не менее, чем сам Конструктор.

— Не преувеличивай.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не преувеличиваю. Проскопией[2] такой глубины, как он, не владеет ни один интрасенс, в том числе и мы с тобой. Не знаю, как ты, но я чую в нем такую бездну непроявленных качеств, что захватывает дух. Помяни мое слово, Грехов еще не раз преподнесет нам сюрприз, и дай Бог, чтобы он был на нашей стороне.

---

[1] Г. Мелвилл.

[2] П р о с к о п и я — дар предвидения.

Железовский угрюмо промолчал. Боянова оглядела его неподвижное лицо, обратив внимание на глубокие складки у губ, заглянула в глаза.

— Устал?

— Нет, — ответил он спустя минуту.

— Есть новости?

— Для физиков — да, для нас... не знаю. Термин «К-физика» все больше входит в моду, и мы все больше убеждаемся в том, что Вакула был прав: это физика иных материй, физика чужих вселенных. Савич высказал мнение, что Конструктор не смог просочиться к нам чисто и спустил в нашу Вселенную «воздух» чужого пространства, вернее, не воздух, конечно, а вакуум, отсюда и эти невообразимые эффекты.

— Это не главное, — тихо проговорила женщина.

— Что? Почему? — не понял Железовский.

— Потому что для нас с тобой главными остаются социально-экологические аспекты проблемы, а через полгода, даже раньше, снова придется решать этическое уравнение — Конструктор или мы.

Комиссар долго не отвечал, застыв холодной глыбой камня, хотя Забава все время ощущала «тепло» его мысли — он думал о ней, и ток эмоций был живым, пронизанным волнами нежности, ласки и тоскливого ожидания.

— А если не свернет или остановится, не дойдя до Т-конуса?

— Остановка проблему не решает, ты же знаешь.

— Зато отменит уравнение выбора.

— Не знаю, мне кажется, не отменит, а просто оттянет на время, потому что никто и ничто не запретит Конструктору продолжить путь к Солнцу. Ладно, оставим этот спор, Аристарх, выкладывай, что тебя тревожит конкретно.

Железовский изменил позу, все они были у него «скульптурными», словно отлитыми из металла или камня, и стал похож на «изваяние отдыхающего Геракла». Забава усмехнулась пришедшему на ум сравнению, и Аристарх усмехнулся в ответ — он поймал ее мысль.

— «Джоггер» съедает много нервной энергии у людей, и это меня беспокоит в первую очередь, потому что недалеко то время, когда снова придется включить высшие формы тревоги, а резервы отдела небесконечны. И отменить «джоггер» я не могу, К-мигранты остаются реальной силой и несут реальную угрозу команде Т-конуса, да и отряду исследователей.

— Вы до сих пор их не вычислили?

— Нет, — проговорил Железовский с отвращением. — На Земле их нет, да и вообще в Системе, но я чувствую, что они все время рядом и следят за событиями, возможностей для этого у них хватает. Большинство «серых людей» мы выловили, их программы были строго конкретными — уничтожить Т-конус, так что особой опасности для людей они не представляют, но все же мы их изолировали.

— Мне все еще не дает покоя вопрос: почему один из них предупредил Берестова, когда тот решился на встречу с послом К-мигрантов? Кто заставил «серого» действовать именно таким образом, кто дал ему информацию и впихнул в «голем»? Ведь это же по сути прямая утечка сведений из стана К-мигрантов.

— Меня тоже мучит этот вопрос. Судя по виду «серого», его бегству предшествовала хорошая драка, он был буквально изрезан и держался только на жестком приказе. Оживить его не удалось, ментоскопировать тоже — память его практически пуста. По-видимому, мы так и не узнаем, кто его запустил.

— Но ведь кто-то же его все-таки заставил. Может быть, этот «кто-то» еще даст о себе знать?

Железовский шевельнул плечом и, видимо, мысленно приказал «домовому» выключить оптическую плотность стен комнаты: одна из них стала прозрачной и впустила в гостиную ночное небо с перевернутым вниз головой серпом Луны.

Вот сидим мы с тобой на мху
Посреди болот,
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот, —

нараспев прочитала Забава.

— Мне больше нравится финал, — проворчал Аристарх.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины[1].

Боянова улыбнулась.

— Это намек? Впрочем, может быть, Александр Блок был прав, и мы с тобой действительно забытые следы

---

[1] Блок А. Болотные чертеняки.

чьей-то глубины. Ведь интрасенсами люди становятся из-за того, что начинают срабатывать латентные, скрытые гены, «следы» прежней человеческой глубины.

— Я имел в виду не вас, а К-мигрантов, они — «следы» Конструктора... как и «серые люди».

— А чьи тогда «следы» — чужане? Неужели тоже Конструктора? Вернее, его родичей? — Забава зябко вздрогнула, ладонями потерла локти.

— Холодно? — встревожился Железовский. — Я-то привык. Сейчас будет тепло. Хочешь кофе? Собственный рецепт — с жареными орехами. Или ты, как обычно, торопишься?

Боянова покачала головой, разглядывая хозяина с каким-то странным вниманием.

— Не тороплюсь, но...

— Я вызову патруль.

— Не надо, Аристарх, я останусь. До утра. Не возражаешь?

Долго-долго, несколько минут, Железовский с мучительными сомнениями изучал лицо Забавы, пока не понял, что она не шутит. Медленно встал, приблизился к женщине, опустился у кресла на колени и почувствовал, как горячие пальцы Забавы бережно коснулись затылка, взъерошили жесткие волосы, горячие ладони обожгли плечи и прижали голову к ее груди...

Все поле зрения было забито метелью мигающих разноцветных огней: красные габаритные принадлежали исследовательским шлюпам, оранжевые — аварийным маякам, ограждающим опасную зону, желтые предупреждающие — патрульным «пакмакам» погранслужбы и зеленые с фиолетовым — базовым «гиппо» и фоновым станциям, имеющим собственные метро. Вблизи эту световую круговерть нельзя назвать упорядоченной, но издали становилось заметным основное движение «метели» — она спирально обвивала гигантский сгусток плотной вселенской тьмы, мчавшейся поперек Галактики едва ли не со скоростью света.

Изредка в недрах этого сгустка, внутри которого свободно могло уместиться Солнце с планетами вплоть до орбиты Венеры, возникали вдруг гигантские причудливые всполохи света, напоминавшие полярные сияния Земли, и тогда пространство вокруг иксоида начинало «шататься», скручиваться и вибрировать, заставляя следовавшую

по пятам мошкару земных машин разлетаться в разные стороны, отставать, бежать прочь. И лишь два или три «мотылька» из всей стаи как ни в чем не бывало продолжали бег рядом с Конструктором, упакованным в кокон иного континуума, не обращая внимания на судороги вакуума и прочие жутковатые эффекты; то были чужанские корабли.

Грехов навел видеокамеры драккара на один из «мотыльков» и дал интегральное увеличение. «Мотылек» ринулся навстречу, разросся, последовательно превращаясь в «воробья», «орла», «слона» и, наконец, в гороподобное страшилище размером в два километра — помесь черепахи, клуба змей и мухомора с дырчатой бахромой. Ничего похожего на искусственное сооружение, имеющее определенную функционально геометрическую форму, — передвигаться в космосе с возможно большей скоростью.

Габриэль усмехнулся, поймав себя на мысли, что еще ни у кого ни разу при виде чужанских кораблей не возникало иных ассоциаций, кроме растительных. Наглядный пример подсознательного отражения истины при недостатке прямой информации. Вряд ли кто-нибудь из ученой братии догадывается, что такое на самом деле роиды, а также их «звездолеты».

— Предположения подтверждены, — прорезался в наушниках рации голос командира погранзаставы Демина. — Это скоростной когг класса «Серебряный дракон», именно такие были похищены с финской базы «Фиорд-III», идентификация полная.

— Откуда он появился, рассчитали?

— Для данного расположения всего парка подключенных машин возможен только один коридор входа в координационную карусель — вектор Гиппарх — Солнце.

— Значит, «Афанеор» может быть только возле омеги Гиппарха, недаром на бывшей звезде замолчал один из базовых «гиппо» — К-мигранты превратили его в опорный пункт.

Демин не ответил.

— Придумайте, как заманить его на спейсер, — продолжал Грехов. — Не хотелось бы начинать силовой захват в гуще машин, связав себя отсутствием свободы маневра. В отличие от нас он не связан категориями этики и морали и начнет стрелять по любому объекту в пределах досягаемости, когда поймет, что раскрыт.

— А если там не один К-мигрант, а вся их команда?

— Один, — сказал Грехов равнодушно.

— Это интуиция или точные данные?
— Абсолютно точные.
— Гарантии?
— Моя жизнь, — отрезал Грехов, понимая чувства молодого пограничника. — Заманите его к себе, я буду рядом.
— Хорошо, полагаюсь на вас. Предлагаю смену режима с возвращением и заменой патрульных машин. Если он хочет попасть на спейсер, то не преминет воспользоваться предоставленной возможностью. Остальные варианты автоматически переходят в силовой контакт со всеми вытекающими последствиями. Простите... э-э... Габриэль. — Демин пытался подобрать вежливую формулировку вопроса. — Вы уверены, «а» — что это К-мигрант, «б» — что он ищет способ «тихого» проникновения на Землю через наше метро, и ничего больше?
— Я не могу без конца повторять одно и то же. — Грехов подумал и смягчил тон речи. — Вы же знаете, что все дальние метро Земли находятся под нашим контролем, а дел у К-мигрантов на планете хватает, нужна связь с теми, кто остался, нужна координация, постоянный обмен информацией, каналы снабжения...
— Все это я понимаю, — сухо сказал Демин. — Не понимаю, откуда вы з н а е т е цели К-мигрантов. Однако поскольку времени на консультации у нас нет, я п р и н и м а ю ответственность. Вы готовы?
Грехов понял: в данной ситуации лицом, отвечающим за последствия в подконтрольном районе во время постоянной тревоги по форме «джоггер», был сам Демин, а никак не проконсул Грехов, и надо было иметь немалое мужество, чтобы принимать решение на основании устного заявления стопятидесятилетнего старика.
— Начинайте. Через пять минут я буду на месте, только посмотрю за сменой.
Драккар, управляемый К-мигрантом, не обманул ничьих ожиданий и вслед за коггами смены выписал аккуратную траекторию к спейсеру «Перун», словно всегда принадлежал команде погранзаставы. Пилот драккара, покинув борт машины в эллинге крупнотоннажного транспорта и не встретив препятствий, неторопливо направился к отсеку метро, одетый в синий стандартный кокос погранслужбы. Грехов узнал его сразу, наблюдая за коридорами по видеомонитору.
Войдя в отсек метро, гость обнаружил только двух человек, возившихся с грудой контейнеров возле тележки-

антиграва и не обращавших ни на кого внимания. Но стоило чужаку подойти к двери в старт-кабину метро, сзади раздался мягкий и тихий голос:

— Не торопитесь, маэстро.

Гость стремительно обернулся, в руке у него сам собой появился «универсал». Но и у людей в отсеке тоже в руках были пистолеты. Один из них — Грехов — шагнул вперед.

— Здравствуй, Эрнест, бывший спасатель. Я почему-то так и думал, что это будешь ты.

— Как ты узнал? — спокойно сказал Эрнест Гиро.

Грехов так же спокойно пожал плечами.

— Я знаю практически каждый ваш шаг, за вами наблюдают мои друзья.

— Кто именно? — прищурился с иронией Гиро.

— Чужане. Спрячь оружие. Уйти отсюда на Землю тебе не удастся, а разговор с оружием в руках имеет несколько иной характер. К тому же в реакции я тебе не уступаю, а нас здесь двое.

— Второй не в счет.

— В счет, в счет, этот парень — интрасенс и специально тренирован.

Гость подумал и спрятал пистолет, причем выглядело это так, будто пистолет исчез из его ладони. «Универсал» Грехова «исчез» подобным же образом, а его напарник просто прищелкнул свое оружие к поясу.

— Зачем вы пытаетесь попасть на Землю, я знаю, — продолжал Габриэль. — Ответь мне всего на два вопроса, и ты свободен.

Гиро, безуспешно пытавшийся прозондировать псисферу собеседника, вытянул губы трубочкой, словно собирался плюнуть, в глазах его проступило недоверие.

— Ты меня отпустишь?

— Мне твоя жизнь не нужна, мы не враги, как вы себе внушили. Вопрос первый: кто убил Вакулу?

Гиро помедлил.

— А если я?

— Твое алиби я проверил, не уходи от ответа.

— Мэтьюз Купер.

— Зачем?

— Физик подсказал идею Т-конуса и начал реализацию формулы, мы надеялись остановить работу в этом направлении.

— Оказывается, даже став сверхлюдьми, вы не в состоянии избежать ошибок, основанных на худших челове-

ческих качествах: эгоизме, властолюбии, трусости и равнодушии. Понимаю, что решения вы принимаете коллегиально, однако прошу передать Куперу — я убью его. А также подумайте над предупреждением: каждый из вас, кто совершит убийство — из любых побуждений, будет уничтожен.

— Кем? — с пренебрежением спросил Гиро. — Оперативниками безопасности? Пограничниками?

— Мной, — сказал Грехов. — Вспомните Батиевского. Он тоже был уверен в своем превосходстве. Черт возьми, когда же вы наконец сообразите, что мы могли бы жить мирно, соединив усилия для решения проблемы. Или будете продолжать войну до победного конца? Когда вас всех перебьют?

— Я могу идти?

— Дима, пропусти его.

Демин в «бумеранге» отступил в сторону, Гиро медленно направился к выходу из отсека, задержался на пороге, оглядываясь.

— Отбой прикрытию, — тихо сказал Демин в усик рации. — Клиента проводить до его машины без шума.

— Почему ты с ними, а не с нами? Ведь ты тоже обязан всем Конструктору.

Грехов хмуро усмехнулся, разглядывая Гиро с видимым сожалением.

— Неизвестно, кто кому обязан больше. А почему с ними?.. Я, скорее, сам по себе, чем с ними, это будет точнее. Но с вами мне не по пути.

К-мигрант безмолвно исчез, словно растворился в воздухе. Габриэль расслабился, отвечая понимающим кивком на взгляд Демина.

— Все правильно, Дима. Задержать мы его могли бы, удержать — нет. Надеюсь, некоторое время мы поработаем спокойно, хотя бдительности терять не стоит.

— Пойду сообщу Железовскому, — пробормотал пограничник, — и Эрбергу.

— Который час?

— Второй по среднесолнечному.

— Значит, ночь и там... Что касается командора — звони, он — твое непосредственное начальство, а комиссара-два не трогай, до семи утра хотя бы. — Грехов улыбнулся своим мыслям. — Этой ночью он, считай, родился снова.

— У него день рождения? — поднял брови Демин.

— Нет, но пусть хотя бы эту ночь проведет без тревог.

— Хорошо, — кивнул пограничник, ничего не поняв. — А вы сейчас куда? Извините...

— Я? — Габриэль снова стал прежним Греховым, мрачновато спокойным, скупым на слова и мимику. — Я на Землю. Держись, кобра, отдыхать тебе рано.

СМЕРТЬ ЧУЖАНИНА

Железовский прибыл на куттере погранслужбы в сопровождении шустрого, взъерошенного Шадрина, бывшего заместителя кобры-один Берестова.

Савич смотрел, как они вылезают: Железовский, невзирая на размеры и свои сто с лишним килограммов, спрыгнул на землю не менее ловко и проворно, чем малыш Шадрин.

Маяк границы, «открытый» Берестовым на Марсе, был уже оцеплен кибами погранслужбы, и возле него вырос небольшой городок исследователей объекта: три стандартных жилых купола, кессон реактора и четыре конуса лабораторий. Сам «маяк» уже не был похож на изделие рук человеческих, голографический камуфляж выключили, а то, что пряталось под ним, больше напоминало двадцатиметровую этажерку, завернутую в ослепительно белую «авоську» с крупными неровными ячеями. На двух нижних полках этажерки, открытой со всех сторон, лежали два пятиметровых «булыжника» непередаваемо черного цвета.

— Роиды? — прогудел Железовский, подходя ближе и оглядывая угловые глыбы.

— Совершенно верно, — кивнул Савич. — Мертвые. Поэтому и лежат здесь, забытые. Судя по размерам «авоськи», а на самом деле это полевой стабилизатор, выращенный неизвестным способом, — роиды были раза в три крупнее, но за сто с лишним лет «похудели», ссохлись, так сказать.

— Они в самом деле умерли?

— В том смысле, как мы это понимаем. Они не излучают ни в одном из диапазонов электромагнитного и других полей, хотя каждый имеет массу — около десяти тонн. Ребята обнаружили любопытные эффекты, не хотите посмотреть? Если повезет, конечно.

Железовский оглянулся на близкий вал кратера, выеденного Прожорливым Младенцем — рождающимся Конструктором.

— Что они здесь делали? Чего ждали?

Савич тоже оглянулся на гребень кратера.

— Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, сфинктура этих объектов даже не поддается измерению. — Лидер команды ученых обошел этажерку, подобрал камешек, подкинул в руке.

— Видите пятно? Оно чуть светлее. Мы назвали его «трупным».

Савич с силой метнул камешек в глыбу чужанина. Тот отскочил.

— Не попал.

Второй камень также отскочил от глыбы, а третий канул в черноту, как в воду.

— Пойдемте. — Савич увлек прибывших за собой, обходя сложные антенны всевозможного рода устройств, измерительных комплексов и аппаратов. Работавшие у приборов люди расступались и продолжали заниматься своим делом, неторопливо, методично, буднично и спокойно. Савич остановился с другой стороны этажерки, ближе к роиду, в которого бросил камень, посмотрел на часы, кивнул в сторону глыбы:

— Сейчас появится. Мы засекали: время пребывания пробника внутри роида не превышает четырех минут.

Словно в ответ на слова ксенолога, из черной грани мертвого чужанина выпрыгнул брошенный ученым камешек и едва не попал в Шадрина, Железовский проследил за его падением, шевельнул бровью:

— Он что же, вылетает с той же скоростью, с какой был запущен?

— Практически с той же. Словно летит в вакууме метров шестьсот, не подчиняясь земному тяготению. Однако некоторые камни не возвращаются, зато вместо них мы ловим слабые вспышки гамма-излучения.

— Любопытно. Как вы это объясняете?

— Идеи есть. — Савич с легким замешательством пошевелил пальцами. — Но они несколько экстравагантны... если не сказать резче. Ксенологи, например, начисто с ними не согласны. Одно пока стало ясно: чужане совсем не то, что мы о них думали.

Железовский хмыкнул.

— Темните вы что-то, уважаемый.

— Ничуть, просто привык опираться на факты или хорошо просчитанный эф-прогноз, прежде чем выносить гипотезу на обсуждение.

— А как вам удалось выключить их маскирующий генератор?

— Он выключился сам, видимо, иссяк источник энергии.

Железовский в задумчивости пошел вокруг чужого сооружения с мертвыми чужанами, остановился перед полоской ползучих растений темно-серого, почти черного цвета, нагнулся и потрогал.

— Это их флора?

— Нет, — ответил Шадрин, забегавший то слева, то справа от комиссара, успевающий следить за обстановкой, говорить по рации сразу с тремя абонентами и перекинуться парой фраз с исследователями «маяка». — Это дремлик марсианский, разве что потерявший свой голубой цвет. А вот это берегень седой, а дальше — шерстонос ядовитый. — Шадрин показал на колючку фиолетового цвета с широкими дырчатыми листьями. — Больше здесь ничего не растет.

Железовский покосился на него заинтересованно, но сказал только одно слово:

— Возвращаемся.

Уже у куттера он вспомнил о Савиче:

— В двадцать три по среднесолнечному жду вас на «Перуне» с материалами. — Ответа комиссар не ждал. — Что ты об этом думаешь? — спросил он спутника, когда они были уже в воздухе.

— Темно, — односложно ответил Шадрин, который ни минуты не мог просидеть спокойно, находя работу для рук, ног и тела. Со стороны казалось, что он нервничает, на самом деле то была врожденная манера поведения, а хладнокровия у грифа безопасности Юры Шадрина хватило бы на троих.

Железовский покосился на него и буркнул в усик рации: — Группе Дюлы сегодня же перенести чужан в бункер со спецзащитой в Такла-Макан. Императив «модерато».

— Принято, — донесся голос дежурного инка Марсианского центра. — Вам только что пришло сообщение по треку: на трассе Гиппарх — Солнце появилась эскадра чужан.

— Как? — не понял комиссар. — Эскадра? Они что же — идут строем?

— Выражение применил для образности, — поправился инк. — Такое количество чужанских кораблей наблюдается впервые — более десяти тысяч.

— Сколько?! — переспросил Шадрин, впервые превращаясь в статую: он тоже был включен в постоянную оперсвязь.

— Более десяти тысяч, — терпеливо повторил дежурный. — Впечатление такое, будто роиды вылетели приветствовать дорогого гостя — Конструктора.

— По охранной зоне иксоида — «три девятки»! — отреагировал Железовский, увеличивая скорость куттера. — Всему исследовательскому флоту очистить зону до особого распоряжения и следовать колонной в кильватере иксоида на расстоянии в две единицы.

— Начальник погранотряда в зоне иксоида уже дал такую команду.

— Молодец Демин, быстро ориентируется, — сказал Шадрин.

— Председателям СЭКОНа и Совета безопасности прибыть на «Перун» через два часа.

— Принял, — отозвался дежурный.

— Найдите по связи проконсула ВКС Грехова, пусть тоже прибудет на спейсер.

— Принял.

— Кобре-два погранотряда Демину: я буду у него через сорок минут. Без меня ничего не предпринимать.

— Чтоб я сдох! — произнес Шадрин хладнокровно. — Это больше похоже на подготовку к массированной атаке, а не на встречу с хлебом-солью.

Железовский представил тысячи чужанских кораблей, идущих строем, сплетающихся в неповторимый зловещий узор атакующей колонны, и ему показалось, что он слышит крик чужан, крик устрашающий и завораживающий, слагающийся из рычания зверя, пения ангелов и рокота боевых индейских барабанов, способный ужаснуть слабых и предостеречь мудрых, звучащий отовсюду и ниоткуда конкретно, и впервые в жизни комиссару захотелось быть просто зрителем этой феерической картины, а не главным действующим лицом.

Пора уходить на покой, подумал он без привычного тоскливого ощущения потери, трезво и спокойно. Догмат эмоциональной напряженности не проходит даром даже для интрасенсов, а я давно исчерпал свой запас душевного равновесия. И Забава почувствовала это, иначе не осталась бы у меня...

Железовский подавил поднявшуюся было к глазам волну соленой влаги, подумал с неудовольствием: «Этого еще не хватало! Кличка «роденовский мыслитель» — еще куда ни шло, но «плачущий мыслитель» — это уже нонсенс. Хотя никто не знает, что последние годы я держался в службе исключительно благодаря умению выделять

ситуации, действительно требующие максимального напряжения и собранности... Вот почему я привязался к Ратибору — он тоже умеет расслабляться и драться до последнего, когда этого требует реальная обстановка. Где же ты застрял, сынок?..»

Чудовищная, невообразимая по масштабам метель мела наискось по центральному полю обзорного виома, и не было ей ни конца, ни края! «Снежинки», каждая размером в три километра и больше, имели неповторимый узор, и по их сложным телам катились волны желтого свечения, искажая очертания, превращая их в пульсирующие световые бакены или маяки, предупреждающие всех встречных неведомо о чем.

Конечно, глаз почти сразу узнавал в этих конструкциях ставшие обычными, с нерегулярным рисунком выступов и впадин, асимметричные обводы чужанских кораблей, но на сей раз странная траурная иллюминация заставляла людей снова и снова вглядываться в бесконечную мигающую колонну чужих космолетов, прикидывать их намерения и мощь.

Колонну сопровождали несветящиеся корабли, похожие на древесные комли, грибы-сморчки или трутовики, на морские раковины, но их было мало, по подсчетам наблюдателей — от силы два десятка. На людей, их запросы и попытки контакта чужане не обращали внимания, а через два часа похода — с момента обнаружения — колонна остановилась и стала превращаться в стенку толщиной в один «кирпич» — корабль.

Когда на «Перун» прибыли Боянова и Баренц, стенка, вернее, решетка, была уже выстроена, и располагалась она точно на пути следования иксоида с предполагаемым внутри Конструктором. До подхода иксоида к этому району оставалось не более полутора часов.

— Что будем делать? — спросил Демин, держась с деликатной властностью отвечающего за порядок хозяина.

Вместе с Бояновой на борт спейсера прибыли почти все ответственные представители тревожных служб человечества, научные сотрудники высших рангов и корреспонденты агентств передачи новостей, всего около двадцати человек, и Демину пришлось устраивать их в экспедиционном зале, не рассчитанном на столь обширную аудиторию.

— Пусть говорят ксенопсихологи, — предложил Шадрин, успевший раз двадцать выскочить из зала и зайти обратно. — Это их епархия.

Демин посмотрел на него, сдерживая усмешку. Когда Шадрин увидел колонну чужан, он сказал всего два слова: «Мама родная!»

— Мы в таком же положении, как и все остальные, — нервно проговорил темнолицый лидер ксенопсихологов по имени Ранбир Сингх. — Тем более что по закону — чем проще решение, тем труднее его найти.

— Но ведь специалисты по чужанам — вы, неужели за сто лет изучения не сумели определить их параметры и мотивы поведения?

— Если это можно назвать изучением, — огрызнулся один из молодых ксенопсихологов. — Вы разве не знаете, что роиды не контактируют с нами? Я лично ни разу не видел живого чужанина, да и мертвого увидел только вчера, когда его привезли в лабораторию с Марса. И у меня сложилось впечатление, что все мы чудовищно ошибаемся в определении сущности чужан. Они — не разумные существа в полном смысле этого слова, вернее — не только существа, обладающие разумом, но гораздо более сложные объекты.

По залу растеклось недолгое молчание. Потом раздались звуки шагов, и в зал вошел Габриэль Грехов.

— Предлагаю не трогать чужан и убраться подальше от их сооружения. Через полтора часа здесь будет весьма неуютно.

Сингх с любопытством оглянулся, он был мало знаком с бывшим спасателем.

— Вы, кажется, Грехов? Не могли бы вы расшифровать термин «неуютно»? В лексиконе психологов он имеет довольно определенное значение.

— Чего уж определеннее, — угрюмо проворчал Грехов. — Как может быть кому-то уютно в области пространства с переменной геометрий и «вспененным временем», где ядра атомов спонтанно распадаются на составляющие? Какая защита способна выдержать столь глубокое преобразование материи?

— Вы имеете в виду область пространства, занимаемую иксоидом? — в замешательстве спросил Сингх.

— Я имею в виду ту область, которая образуется после столкновения Конструктора с чужанской стенкой. Обещаю появление в наглядном изображении всех предсказанных эффектов К-физики.

— Думаю, что проконсул прав, — задумчиво сказала Боянова. — Хотя каждый раз поражаюсь его уверенности. Жаль только, что он никогда не говорит до конца все, что знает. Габриэль, скажите, вы знаете, что это такое? — Председатель СЭКОНа кивнула на виом с плывущей в нем плоской решеткой из чужанских кораблей.

— Знаю, — помолчав, ответил Грехов. — Хотите, покажу? У нас еще есть время.

— То есть как — покажу? Вы хотите?..

— Ну да, слетать к ним и посмотреть вблизи.

— А роиды не помешают?

— Мы их не интересуем. Да и пограничники подстрахуют.

— Я с вами, — заявил учтиво, но с непреклонной решимостью Демин.

— Я тоже, — буркнул Железовский. — Предлагаю отменить «три девятки», пограничникам и безопасникам можно перейти на «джоггер», но исследователям до встречи иксоида с... — «роденовский мыслитель» поискал слово, — с чужанской перегородкой ближе, чем на тысячу мегаметров не подходить.

— Я понял так, что ученых вы с собой не берете, — сказал ксенопсихолог с удивлением и обидой.

— Вы правильно поняли, — кивнул Демин. — Обещаю, что вы увидите все, что и мы.

Для обеспечения безопасности он взял «пакмак» с полной обоймой коггов, кое-как усадив пассажиров в осевом драккаре связки: в трех креслах-коконах расположились он сам — в качестве пилота, Боянова и Железовский — после того как Грехов отказался занять кресло и остался стоять, надвинув резервный эмкан связи с инком шлюпа.

Перегородка из чужанских кораблей, каждый из которых в три-четыре раза превосходил земные спейсеры, приблизилась, распалась на отдельные объекты, самый крайний из них стал увеличиваться в размерах, превращаясь в гору, полосатую от катившихся по ней волн сияния.

— Вас не наводит на размышления, — сказал негромко Грехов, — что параметры всех сооружений чужан определяются не технологической обработкой, не технологией вообще, а направленными процессами типа «рост кристалла»?

— Что вы хотите сказать? — раздался в наушниках рации голос главного ксенопсихолога, оставшегося на борту спейсера.

— Только то, что роиды не имеют эффекторов, подобных человеческим рукам, и все, что им необходимо,

они выращивают, используя направленное стимулирование естественных для данной среды процесов. Это дает возможность управлять открытыми физическими системами без мощных энергетических процессов. Аналогий не видите?

Ученый не ответил. Никто в рубке драккара не проронил ни слова, только Демин изредка оглядывался, словно хотел убедиться, что Грехов никуда не делся.

Корабль чужан приблизился, закрыл собой все переднее обзорное поле видеокамер шлюпа.

— Ведомым — особое внимание! — мысленно скомандовал Демин. Снова оглянулся: — Что дальше?

— Ищи каверну с пульсацией электромагнитного поля, — сказал Грехов. — Там вход.

Демин посмотрел на Боянову, лицо которой то усиливало желтый блеск, становясь золотым, то темнело — в зависимости от волн свечения, продолжавших бесшумный бег по сложному телу чужого космолета; хотя каждому из сидящих изображение передавалось от видеокамер напрямую к зрительным синапсам, инк дублировал передачу, превратив стену напротив в обзорный виом.

— Не комплексуйте, капитан, — сказала Боянова суше обычного. — Вы не один в таком положении.

— Извините, — пробормотал Демин.

— Пустое, — равнодушно отозвался Грехов. — Видите прямоугольное пятно? Это вход. Дальше, к сожалению, на шлюпе не пройти, придется идти в скафандрах.

— Внешнее наблюдение — обстановка?

— Два «динозавра» дрейфуют в пяти единицах от вас, — доложили наблюдатели, — еще один, похожий на раковину, идет за вами, остальные группируются в центре перегородки. Такое впечатление, что они совещаются.

— Ведомый-два, возьмите управление, мы идем внутрь. Ведомым три и четыре обеспечить прикрытие, особое внимание уделить «раковине».

— Выполняем.

— Пошли? — Демин открыл люк в камеру выхода из драккара, и лифтодесантный автомат по одному выбросил их наружу.

Вход внутрь чужанского исполина оказался достаточно широким, чтобы все четверо могли свободно войти в него одновременно. Однако Грехов сделал знак рукой и вошел первым. Внутри коридора вспыхнул свет его фонаря, высветил неровные, голубоватые, с рельефным фиолетовым узором, стены.

— Все в порядке, — раздался вызов проконсула. — Опасности нет. Предлагаю не тратить время на осмотр второстепенных деталей и обстановки, а сразу проследовать к главному отсеку.

— Я гляжу, вы свободно ориентируетесь в чужанских кораблях, — не удержалась Забава. — Уже путешествовали внутри этих монстров?

Проконсул не ответил.

Спустя несколько минут бешеного аллюра внутри многократно изломанного коридора, в котором царил вакуум, остановились перед глухим тупиком, стена которого казалась твердой и зыбкой одновременно.

— Обычное эм-поле, — буркнул Грехов, — смелее. — И первым шагнул в стену, породив дифракционную картину, похожую на бегущие по воде кольца от брошенного камня.

Демин вошел, вернее, влетел вторым и вынужден был остановиться, потому что за стеной силового поля ничего не было! Точнее, начинался колоссальный провал, в котором луч фонаря тонул, словно в бездне. Лишь неясные сероватые тени, выхваченные конусами света метрах в двухстах от людей, говорили, что разведчики находятся внутри какого-то помещения, а не вылетели из корабля в космос.

Грехов посторонился, уступая место Железовскому и Бояновой, достал из батареи спецснаряжения на поясе цилиндрик блейзера и выстрелил им из «универсала» вперед и вверх. Спустя несколько секунд под куполом гигантского цирка вспыхнул ослепительный клубок пламени, высветив громадную шарообразную кучу камней черного цвета с размерами от метра до трех десятков метров в поперечнике. Впрочем, это были не камни.

— Роиды! — прошептала Боянова. — Мертвые роиды!

Демин понял это мгновением позже. Он, конечно, не встречался в своей жизни с живыми чужанами, но знал, как они выглядят. Живые чужане струились — если можно было применить этот термин к глыбам из похожего на камень материала, то есть постоянно, хотя и в небольших пределах, меняли форму. Их «кожа» топорщилась кристалликами и «дышала». Эти же роиды ничем, кроме цвета, не отличались от обломков скал. Некоторые из них были так глубоко черны, что становились практически невидимыми, поглощая свет как рассчитанное теоретиками абсолютно черное тело, создавая иллюзию черных дыр в пространстве.

— Сколько же их тут? — сказал со странной интонацией Железовский. — Целое кладбище!

— А в трюмах других кораблей? — спросил Демин.

— То же самое, — ответил Грехов.

— История повторяется. — Железовский в скафандре отплыл в сторону, углубился в полость. — Чужане повторяют ритуал, только в большем масштабе. Помните, они пытались запустить свой поврежденный транспорт с соотечественниками в канал БВ? Может быть, это и в самом деле ритуал погребения, так сказать, похороны по-чужански по высшему разряду.

Грехов хмыкнул.

— Вы все время пытаетесь наделить чужан человеческими качествами, психологией и моралью, хотя уже давно доказано — они не только не гуманоиды, они объекты с более чем странной структурой. Неужели никто из вас до сих пор не увидел никаких аналогий?

— Увидели, увидели, — проворчал комиссар. — Мне нравится ваша манера тыкать носом несведущих в истины, известные только вам. Вы хотите сказать, что чужане и чистильщики Тартара — родственники?

Демин, не сдержавшись, с шумом выдохнул: он был поражен. Боянова тоже была удивлена, хотя и в меньшей степени.

— Вы шутите, Габриэль?

— Ничуть, — раздался смешок проконсула. — Чужане и черные чистильщики Тартара действительно родственники, разве что первые проэволюционировали чуть раньше и размеры их на порядок-два меньше.

— Вот это новость! — сказал Демин, переводя дыхание. — То-то мне все время чудилось, будто я уже где-то встречался с роидами... Но ведь чистильщики — это локализованные гравитацией огромные области чужих пространств со своей жизнью в каждом, просто их масштабы несопоставимы с нашими, так? Выходит, внутри каждого роида тоже заключается иное пространство? А внутри мертвого?

— Внутри мертвого чужанина — мертвые пространства, пустые, — задумчиво проговорила Боянова. — Ну и свинья ты, Аристарх! Знать такое и не поделиться!..

— Я не знал до сегодняшнего дня, — не обиделся Железовский, — пока не увидел на Марсе мертвого роида и Савич не бросил в него камень. Догадывался, конечно, но не верил, уж очень разные масштабы деятельности и, главное, поведение. Чистильщики потому и названы чистиль-

щиками, что контролируют экологию Тартара — в их понятии, естественно, нападая на наши аппараты с целью выдворения их за пределы атмосферы планеты, а чужане уже способны понять, что мы — не просто живая материя, но и материя созидающая, обладающая разумом, свободой воли. — «Роденовский мыслитель» выдохся и замолчал, он никогда прежде не произносил таких длинных речей, что говорило о его волнении.

— Но тогда вы, Габриэль... — начала Боянова.

— Согласен, — быстро ответил Грехов. — Хотя меня никто об этом почему-то не спрашивал.

Железовский издал низкое клокотание — он так смеялся. Усмехнулся невольно и Демин.

— А красивая была идея — насчет похорон. Однако зачем чужанам подбрасывать «сгоревшие куски шлака», если так можно выразиться, на пути Конструктора? Чего они добиваются?

— Идемте домой, оставаться здесь опасно, — вместо ответа предложил Грехов и первым устремился сквозь мерцавшую завесу в коридор, пронизывающий весь чужанский корабль по оси.

Столкновение иксоида с перегородкой, смонтированной чужанами из целых с виду космических кораблей с мертвыми роидами внутри, наблюдал весь флот землян, идущий кильватерной колонной рядом с иксоидом в трехстах миллионах километров от него.

В экспедиционном зале спенсера «Перун» некуда было яблоку упасть, так он был набит, и Демин попытался было использовать власть и силу лозунга «Посторонним вход воспрещен», но смирился, расслышав короткую фразу комиссара-два: «Пусти их, это ненадолго».

Рядом с Бояновой стояла Анастасия Демидова, бледная, но спокойная. Грехов тоже был недалеко, но на нее не смотрел. Он и в тесном окружении умудрялся казаться одиноким и чужим, вернее, отчужденным, отгородившись глухим мысленным барьером.

— Не знаю почему, но волнуюсь, — шепнула Боянова Анастасии. — Ты знала о том, что роиды, по сути, тартарианские чистильщики?

Настя кивнула.

— Ксенологи с хором скорбных молений хоронят свои теории, для них это открытие — чувствительный удар по самолюбию. Но зато до чего интересно!

Лицо Бояновой отразило мистический восторг, прозвучавший в ее голосе, и Настя, с долей недоверия прислушиваясь к своим ощущениям — она почувствовала псиволну Забавы, но не сразу поняла, — кивнула, соглашаясь.

— Сколько же непознанных и великих тайн ждет нас впереди! — Боянова будто разговаривала сама с собой. — И сколько их сокрыто в прошлом! У великого русского ученого двадцатого века Константина Циолковского есть такое высказывание: «Сзади нас тянется бесконечность времен. Сколько было эпох, сколько случаев для образования разумных существ, непостижимых для нас!» В этих словах таятся исключительный смысл и притягательная сила, которым нет цены. Ведь, по сути, мы только начали разгадывать сфинктуру Вселенной как вне нас, так и внутри себя.

— Внимание! — раздался сверху, из-под купола зала, четкий голос. — Минута до столкновения.

Разговоры в зале стихли, все головы повернулись к главному обзорному виому, по центру которого светилась желтая тонкая вуаль чужанской перегородки. Чуть ниже обреза виома раскрылись черные колодцы оперативных объемов связи, изображения на которые передавались с видеокамер зондов, расположенных от снимаемого объекта на разных расстояниях.

Настя превратилась в слух, прижав руки к груди. Казалось, на ее лице жили только глаза, жадно впитывающие слабый свет далеких звезд. Боянова вдруг ощутила в молодой женщине яростную борьбу волнения, боли и надежды, и, подойдя к ней, обняла за плечи, пытаясь успокоить. А еще она услышала тихий пси-рефрен со стороны, словно заклинание: успокойся, успокойся, успокойся... Вероятно, это был пси-вызов Грехова.

Звезды в виоме, образовавшие волокна, слабые россыпи и «дымные» струи, вдруг исчезли, будто их задуло ветром, и тут же на месте ажурной перегородки чужанского «кладбища» вспыхнули тысячи пронзительных зеленых молний, вернее, совершенно прямых огненных копий, сложившихся в один колоссальный пучок. Эти «копья» прянули слева направо по полю виома, вытягиваясь в одно длиннейшее миллионокилометровое «древко», и превратились в колонны бурлящего пламени, на глазах изменяющие цвет от ярчайшего зеленого до желтого и багрового.

В оперативных виомах та же картина расчленилась на фрагменты, причем ближайшие зонды с видеопередатчиками были разбиты уже через мгновение, держались лишь

те, что находились на больших расстояниях. Но спустя несколько секунд и они перестали передавать изображения, один за другим окна виомов погасли, остался лишь обзорный виом спейсера, на который жадно смотрели десятки глаз.

— Флоту — императив «Кутузов»! — раздался по псисвязи приказ Железовского, означающий быстрое организованное отступление.

Однако судорога пространства, рожденная столкновением иксоида с «похоронным строем» чужанских кораблей, бежала быстрей и догнала земные корабли.

Волна искривления пробежала по залу спейсера, жутко сплющив предметы, кресла, интерьер, тела людей. Не помогли ни защита, ни скорость, ни переход на режим «кенгуру», и спасло экипаж и пассажиров спейсера только то, что он успел удалиться от этого страшного места на достаточно большое расстояние — около четырех миллионов километров.

Зал перестал корчиться, ломаться и плыть, дрожь ушла в стены, успокоился пол, виом перестал показывать «вселенский пожар», вернул изображению пространства бархатную черноту и глубину, но люди опомнились не сразу. Не потеряли сознание лишь единицы, самые закаленные и сильные: Железовский, Боянова, Баренц, Демин, незнакомый высокий негр в сером кокосе и Габриэль Грехов.

— Помощь нужна? — раздался из стены голос командира спейсера. — Все живы?

— Они сейчас очнутся, — отозвался Грехов, наклоняясь над Настей. Взял ее на руки и посадил в кресло, которое уступил Демин. Потом посмотрел на негра.

— А вы здесь какими судьбами, бывший археонавт Нгуо Ранги?

— Хэлло, — ответил негр певуче, морща лицо в улыбке, хотя глаза с тремя зрачками в каждом оставались холодно-спокойными и выжидающими.

— Вы продолжаете играть в казаков-разбойников. Не надоело?

— Ситуация не изменилась.

— Ошибаетесь. К тому же в настоящий момент никакое изменение ситуации вам неподвластно. Как и нам, впрочем.

Негр сделал неопределенный жест рукой, и в то же мгновение два рубиновых лучика с плеч Грехова как бы обняли незнакомца, просверкнув в сантиметре от его лица справа и слева. Негр замер, улыбка его погасла. Несколь-

ко долгих секунд они смотрели друг на друга, потом проконсул качнул головой:

— Идите. Ваша беда в том, что я з н а ю, кто вы, что делаете и зачем. И помните: мы — мирные люди до тех пор, пока к нам идут с миром, но кто придет с мечом...

— Я понял, — сказал Нгуо Ранги, становясь бесстрастным. И исчез. Не в физическом смысле слова, конечно. Просто движения его были так быстры, что человеческих реакций не хватало на их фиксацию.

— Кто это был? — поинтересовалась, подходя ближе, Боянова: ее все еще тошнило, хотя она и сдерживалась.

Грехов посмотрел на нее, потом озабоченно — на Анастасию, погладил ее по руке — девушка приходила в себя, — и оглянулся на Железовского, неотрывно глядевшего на виом.

— Где он? — спросил комиссар глухо. Он все понял

Вместо ответа проконсул вызвал рубку:

— Дайте на обзорный дальновидение.

Изображение в виоме вздрогнуло, зеленовато-голубые световые нити, едва видимые в центре обзорного поля, стали увеличиваться, приближаться, словно спейсер резво устремился к ним в режиме двойного ускорения. «Нити» превратились в удивительные ажурные сгустки голубого и зеленого огня, напоминавшие живую, шевелящуюся мыльную пену: отдельные «мыльные пузыри» отрывались от нее, двигались некоторое время по замысловатым траекториям и рассыпались роями цветных искр. Создавалось впечатление, будто пространство в этом месте кипит на протяжении десятков миллионов километров.

— Что это? — спросила Боянова, забыв о визите К-мигранта.

Люди в зале постепенно приходили в себя, начинали двигаться, раздались первые голоса, неровные вздохи, восклицания, шорохи, слившиеся в легкий шумок.

— К-физика в наглядном изображении, — буркнул Грехов, не оборачиваясь. — Рождение и гибель всех предсказанных теорией Великого объединения[1] частиц и полей. С другой стороны — это борьба физик, нашей и «завселенской», столкновение абсолютно разных вакуумов с разными наборами физических констант. Я понятно изъясняюсь?

---

[1] Физическая теория, объединившая электромагнетизм и теории слабых (с участием нейтрино) и сильных (с участием кварков) взаимодействий.

— Вполне, — отозвался очнувшийся Савич.

— Где Конструктор? — повторил вопрос Железовский.

Грехов снова ответил по-своему:

— Рубка, дайте запись столкновения, самую кульминацию, в замедленном темпе.

Черный провал виома с «пеной» затянулся на миг твердой белой эмалью холостого режима и снова превратился в громадное окно, только теперь на месте «пены» расцветал колоссальный протуберанец пламени, пронзенный множеством огненных зеленых струй-стрел. Медленно-медленно этот сгусток неистового огня просочился сквозь поток жалящих струй пламени, словно сдирая с себя лохмотья дымящейся материи, становясь чище и прозрачней, и наконец превратился в стремительное, мигающее с небывалой быстротой, меняющее форму полупрозрачное тело — широкий конус, из дна которого сочились голубые, клейкие с виду, дымящиеся нити, отрывающиеся где-то в невообразимой дали очередями прозрачных «водяных капель»...

— Его Величество блудный Конструктор, — пробормотал Грехов с непередаваемой интонацией.

Боянова быстро взглянула на него, но ничего не смогла прочитать на металлически твердом лице проконсула.

— Что нам делать, Габриэль? — спросила она тихо.

Грехов не отвечал с минуту, разглядывая уходящий вдаль, состоящий из подвижных гранул «призрак» Конструктора. Потом нехотя сказал:

— Что и раньше — ждать. Примите только совет: не подходите к нему близко... хотя бы первое время, и вообще, верните весь исследовательский флот на Землю, исследователям нечего делать возле Конструктора.

— Но проблема контакта должна решаться ксенопсихологами и контактерами, — возразил Сингх. — Ученые других дисциплин могут действительно возвращаться, но мы...

— Проблема контакта с Конструктором будет решаться не нами. — Грехов мельком посмотрел на Анастасию.

— Кем же? — требовательно спросила Боянова. — К-мигрантами?

— Нет, самим Конструктором. Вы, Забава, как-то сказали, что не любите дежурного оптимизма, так постарайтесь доказать свою точку зрения ксенологам ИВК, они не готовы к диалогу с Конструктором... судя по их эмоциям. Извините, джентльмены, мне необходимо срочно убыть на Землю. — Проконсул направился к двери, дружески кивнул Демину.

— Постой, Эль, — раздался сзади голос пришедшей в себя Анастасии. — Я с тобой.

Они вышли.

Боянова повернулась к комиссару.

— Аристарх, у меня чувство, что с нами сейчас говорил не Грехов, а сам Конструктор. — Она зябко передернула плечами. — Я боюсь их обоих!

Железовский наконец оторвался от виома, подошел и положил ей на плечо свою огромную руку.

ЗАПРЕДЕЛЬЕ

Он лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги, на чем-то твердом, напоминающем утоптанную землю с россыпью мелких и острых камней, впивающихся в тело. Сил не было, как и желания дышать и думать. Судя по ощущениям: волны боли прокатывались по коже, вскипали прибоем у островков наиболее чувствительных нервных узлов, — все тело было изранено, обожжено, проткнуто насквозь шипами и колючками неведомых растений. Иногда наплывали странные, дикие, ни с чем не сравнимые ощущения: то начинало казаться, что у него не две руки и две ноги, а гораздо больше, то голова исчезала, «проваливалась» в тело, растворялась в нем, то кожа обрастала тысячами ушей, способных услышать рост травы... Но все перебивала боль, непрерывная, кусающая, жалящая, дурманящая, следствие каких-то ужасных событий, забытых живущей отдельно головой.

Шевелиться не хотелось. Однажды он попробовал поднять голову, разглядел нечто вроде склона холма, полускрытого багровой пеленой дыма, и получил колоссальный удар по сознанию: показалось — тело пронзило током от макушки до кончиков пальцев на ногах! Он закричал, не слыша голоса, извиваясь, как раздавленный червяк, и потерял сознание, а очнувшись, дал зарок не шевелиться, что бы ни случилось.

Кто-то внутри него произнес:

Подыми меня из глубин
бездны вечного униженья,
чтобы я,
как спасенный тобою пророк,
жизнью новою жил[1].

---

[1] Книга скорбных песнопений. 1002 г. (перевод Г. Державина).

Ратибор напрягся и на мгновение выполз из скорлупы внушенного кем-то или чем-то образа «раненого на холме», сумев понять, что находится в гондоле «голема», укутанный в слой компенсационной физиопены, однако тут же последовал беззвучный, но тяжелый и болезненный удар по голове (пси-импульс!), и снова вернулось ощущение, будто он лежит, изувеченный, на склоне каменистого холма...

Ленивые мысли обрывались, мешали друг другу и копошились в болоте успокоения: черт с ним, полежу, так хоть меньше болит... интересно, кто сейчас говорил про бездну? Он что — не видит, в каком я положении?.. Неужели никто не видит, что я здесь лежу?..

И снова рядом, тихо, но четко кто-то произнес:

— Очнись, опер, пока совсем не рехнулся...

— Кто говорит? — вяло поинтересовался Ратибор. Голову пронизала острая свежесть, пахнуло холодом и озоном, он снова увидел перед глазами красный транспарант: «Тревога АА», — но не удержался на краю сознания и скатился в пропасть видения, призрачных ощущений и боли...

Еще дважды он пытался бороться за самостоятельность и свободу, испытывая чудовищные боли и муки, и наконец преодолел барьер внешнего воздействия, с которым яростно боролся на уровне эмоций и подсознания. Он находился в кокон-кресле «голема», подключенный к системе аварийной реанимации: в венах обеих рук иглы питания и гемообмена, на груди — «корсаж» водителя сердечного ритма, на голове — шлем максимальной пси-защиты.

Жив, подумал Ратибор почти с испугом, но ситуация дошла до реанимации, как говаривал Аристарх... Ничего не помню! Удалось или нет? Где я, черт побери? «Проводник, — мысленно позвал он, испытывая приступ слабости, вспомнил имя координатора «голема» и поправился: — Дар, высвети информацию и дай внешний обзор».

— Слава Богу, ожил! — отозвался инк. — Здесь не слишком уютно и повышен пси-фон, чувствуешь?

Ратибор только теперь ощутил неприятную давящую тяжесть в голове и покалывание в глазных яблоках — результат воздействия мощного пси-поля.

— Где — здесь?

— Не знаю, — честно сознался координатор. — Попробуй разобраться сам. Даю обзор.

В глаза Ратибора хлынул призрачный свет, мелькнули более темные полосы, потом более светлые, длинным

серпантином закружились вокруг светящиеся кометы, искры, шлейфы дыма...

«Голем» вращается! — сообразил Ратибор. — Вернее, кувыркается в воздухе... или в вакууме?»

— Стабилизация по трем осям! — приказал он координатору. — Локацию в длинноволновом диапазоне, выдачу параметров среды.

Верчение цветных струй и полос вокруг замедлилось, полосатый хаос распался на бесформенные пятна, мигающие огни, клубы и полотнища дыма, странные скрюченные тени, двигающиеся в дыму. Изредка сквозь дым пробивались зеленые зарницы, и весь пейзаж передергивался, будто его сводила судорога. В такие моменты в гондоле «голема» раздавался гудок и перед глазами пилота вспыхивало слово «Радиация» и цифры — ее уровень внутри аппарата.

Локация в длинноволновом диапазоне ничего не дала: радиоволны вязли словно в дыму и не возвращались, поглощаемые средой. Высокочастотные волны оконтуривали в дыму какие-то зализанные, округлые предметы, медленно перетекающие друг в друга, за которыми на пределе видимости проступили твердые, ребристые и бугристые стены, перемежающиеся с нишами, пещерами и бездонными провалами.

— Миражи, — изрек координатор. — Я не в состоянии правильно оценить поступающую информацию. Все, что мы видим, на самом деле — фантомы, отражение и преломление внешних воздействий в наших органах чувств. Ложное видение.

— Отстроиться можешь?

— Пока не удается, слишком высок радиационный и пси-фон плюс мощное акустическое поле, сбивающее точную наводку датчиков. Хочешь послушать, что делается вокруг нас?

В уши Ратибора хлынула какофония звуков — от мяукания кошек до взрывов и визга пил, выдержать этот грохот не смог бы никакой, даже специально тренированный человек. Координатор убавил громкость до бесцветного шипения, и Ратибор невольно пробормотал:

— Белый шум... это был шум, Дар, просто исключительно большой мощности.

— Около трехсот децибел, далеко за болевым порогом, хорошо, что «голем» рассчитан на подобные воздействия.

Ратибор помолчал, впитывая порции данных, вводимых ему координатором.

Среда, в которой висел «голем», оказалась гелием с примесями инертных газов и паров металлов от железа до осмия, и была она пронизана целым «пакетом» смертельных для человека излучений. Инк «голема» сумел разобраться лишь с тремя их типами: гамма-радиацией, нейтринным потоком и протонными пучками высоких энергий, остальное излучение Дар мог оценить только качественно, по реакции универсальных регистраторов. Не ответил он и на вопрос пилота, где находится «голем».

— Во всяком случае, не в открытом космосе, — заявил он не без юмора. — Это может быть и поверхность неизвестной планеты, куда нас закинул чужанский «перевертыш», и ее недра, или ядро формирующейся звездной системы.

— Или внутренности Конструктора. Я склонен полагать, что роиды хорошо просчитали путь своего посла и теперь мы где-то в недрах Конструктора. Единственное, что меня тревожит, это отсутствие самого роида. И К-мигранта. Запускали-то нас вместе.

Накатила вдруг волна слабости, в глазах замерцала льдистая зелень, руки и ноги стали ватными, тошнота подступила к горлу, сознание померкло... ненадолго. Дар реагировал мгновенно, вводя стимулятор и питание.

Голова прояснилась, хотя тошнота осталась.

— Давай поищем, — сказал Ратибор, обливаясь потом; и тут же по коже спины, груди, под мышками щекотно пробежали пальцы медкомплекса, стирая пот.

Координатор направил «голем» вверх — если можно было назвать верхом пространство над вершиной аппарата, и словно прорвал невидимую пленку, скрывавшую до этого от человека иные пейзажи, — «голем» вырвался в солнечный день на Земле! Впрочем, не на Земле, как понял ошеломленный Ратибор, вглядевшись в представший перед глазами пейзаж, освещенный так, словно светился сам воздух.

Холмистая равнина, поросшая ковром густых трав и цветов, уходила во все стороны в бесконечность, а не до линии горизонта, как на Земле, и точно такая же равнина простиралась над головой, словно отражение в полупрозрачном зеркальном слое. Но этого было мало: справа и слева, достаточно далеко от «голема», если верить ощущениям и датчикам машины (около тысячи километров, подсказал Дар), угадывались вертикальные эфемерные стены с горными и другими ландшафтами, которые иногда становились реальными, четко и ясно видимыми. Этот мир

напоминал геометрическую фигуру из по крайней мере шести пересекающихся под прямыми углами плоскостей, каждая со своим пейзажем и особенностями рельефа, но пять из них были эфемерными, призрачными, как миражи, и лишь одна не давала повода к сомнениям относительно своей реальности.

— Гексоид Гаргантюа, — проговорил Дар, и Ратибор вспомнил, откуда ему известен диковинный мир: в материалах о первом появлении Конструктора, тогда еще в виде споры — сверхоборотня, как его прозвали, было описание иллюзорного путешествия одного из безопасников, Диего Вирта, по точно такому же миру, которому дали название Гексоид Гаргантюа. История повторилась. Разве что путешествие Берестова происходило наяву.

— Мы внутри Конструктора, — подвел итог своим размышлениям Ратибор. — Это его масштабы и ландшафты.

«Голем» двинулся над равниной по разворачивающейся спирали, преодолевая тугое сопротивление местной воздушной среды: гелий, инертные газы, пары металлов.

— Гелий? — внезапно удивился Ратибор. — И трава на холмах? Что это значит?

— Только то, что мы внутри Конструктора, — буркнул координатор. — У меня нет никаких сомнений в реальности холмов и всего остального, поступающая информация однозначна и не требует специального анализа. А почему трава не может расти в гелиевой среде?

— На вид-то она земная...

За одним из дальних холмов блеснула серебристая полоска. Ратибор не раздумывая повернул в ту сторону и через минуту полета посадил «голем» на холме рядом с дорогой из тускло блестевшего материала, напоминающего серебро.

— Я выйду.

— Не советую, — хмыкнул Дар. — Радиационный фон тут поменьше, но пси-фон пульсирует за пределами обычных человеческих возможностей.

— Открывай.

Координатор подчинился.

Кокон-кресло «голема», представляющее, по сути, его рубку, «вывернулось наизнанку», словно толстая шуба, освободив пилота. Ратибор, упакованный в герметичный кокос, выбрался из кресла, обошел его и влез в тесный прозрачный цилиндр, занимавший все остальное свободное пространство рубки. В то же мгновение цилиндр

сжался и обтянул пилота прозрачной бликующей пленкой. Ратибор защелкнул энергопояс, прицепил к нему «универсал», встал на белый круг у стены, и упругий бутон трапа вынес его наружу.

Материал дороги оказался не серебром, не металлом вообще: стоило Ратибору шагнуть, как вся блестящая полоса дороги вдруг покрылась сеткой трещин, будто была сделана из хрупкого фарфора. Цветы по обочинам дороги напоминали сложные детали каких-то машин, зубчатые колесики старинных часов и просто абстрактные головоломки, зато трава была настоящей земной травой, мягкой и шелковистой, и, сорванная, ни во что не превращалась. Ощущая непривычную тяжесть во всем теле и раздражающий глухой шум в голове, Ратибор задумчиво перетер в пальцах зеленые волокна, побродил в окрестностях черной островерхой скалы «голема» с распахнутым зевом люка и прозрачным пузырем трапа, закрывавшим люк, и влез в аппарат. Процедура пеленания и подключения к системам связи, управления и анализа заняла две минуты, после чего «голем», превращенный в плоский летательный аппарат, помчался над дорогой, скрывавшейся в дымке где-то в невообразимой дали. В следующее мгновение ландшафт под «големом» искривился, холмы вспыхнули электрическим сиянием, потрясающей силы удар обрушился на пилота неожиданно и бесшумно, словно удар лапы подкравшегося тигра, Ратибор ничего не успел понять и предпринять...

Он снова лежал на склоне холма, израненный и беспомощный, и боль кругами ходила по телу, и кровь толчками вытекала из открывавшихся ран, и не было сил поднять голову, чтобы оглядеться, принять более удобную позу и позвать на помощь...

Следующее видение было иным и неожиданным: он лежал, связанный, в каменной темнице, кругом стояли враги и раз за разом били по телу ногами в сапогах с твердыми мысами...

Ратибор очнулся.

«Голем» висел над дорогой, упиравшейся в город, вполне земной, с рощами и садами, комплексами зданий и старинных архитектурных сооружений, памятников старины, ставших музеями, и город этот был знаком пилоту до боли. «Рославль!» — сообразил Ратибор, глотая витаминизированное желе через подсунутый Даром мундштук.

— Что это было со мной? — спросил он мысленно.

— Скачкообразное повышение мощности тета-линии пси-фона, — ответил координатор. — Эффективной защиты от излучения найти пока не могу. Терпи.

— А что за город впереди? И когда он появился?

— Судя по некоторым особенностям, это ваша родина — Рославль, хотя есть и «лишние» детали, а появился он минуту назад, сразу после пси-импульса, практически мгновенно. Конструктор демонстрирует нам возможности К-физики.

— Вряд ли эти странные метаморфозы — демонстрация, скорее попытки осмыслить свое положение в «шубе» иного пространства. Возможно даже, что Конструктор в данный момент находится в бессознательном состоянии. Надо искать его нервные узлы, попытаться сообщить о себе, выдать всю привезенную информацию, и хорошо бы отыскать коллег по посольской миссии — К-мигранта и чужанина.

— По-моему, они здесь, в городе, даю вариацию.

В панораме, развернувшейся перед глазами пилота, возникли два светящихся кольца, ограничив часть изображения, понеслись навстречу, увеличиваясь, пока не заняли все поле зрения, причем пейзажи и в том и в другом кольце Ратибор мог рассматривать по очереди, не переводя глаз.

В первом кольце сквозь заросли тополей и бамбука виднелся стройный контур драккара, в котором находился посол К-мигрантов, а во втором за старинной церквушкой с зеленым куполом и золотыми крестами чернела стометровая глыба роида. Но самое странное состояло в том, что жителями города, спешащими по своим делам, были... «серые люди»!

— Бред! — сказал Ратибор, растворяясь в очередном приступе слабости.

— Тогда мы бредим оба, — отозвался координатор с горечью. — Вынужден констатировать, что мои возможности адекватного отражения действительности исчерпаны, а методы анализа обстановки несовершенны.

Ратибор, напрягаясь, попытался сфокусировать внимание на псевдо-Рославле, созданном не то его воображением, не то какими-то сложными движениями души Конструктора, и получил очередной удар пси-поля, потрясший организм до глубин подсознания; он полз по горячим углям и зарослям острых игл, сплошным ковром покрывающим пол, стены и потолок бесконечной узкой пещеры, и кричал от боли, когда стены сближались, а потолок опускался, сжимая тело в страшных тисках акульей пасти...

Кто-то наклонился над ним, прохладные пальчики пробежали по затылку, снимая боль и жар, осторожно коснулись спины, рождая щекотные волны пупырчатой кожи.

Ратибор заставил себя открыть глаза, повернуть голову набок и увидел чьи-то босые ноги, загорелые, стройные, легкие. Женщина присела, и он увидел ее лицо, лицо Насти Демидовой, строгое, красивое, тонкое, с бровями вразлет и пухлыми губами с печально опущенными уголками.

— Вставай, мастер, — сказала Настя низким голосом, кладя ему на лоб прохладную ладонь. — Надо идти.

— Куда? — прошептал он, привычно ожидая боли, но боли почти не было, лишь покалывание в кончиках пальцев рук и ног, да пульсировал сосудик на виске, словно в голове тикала заведенная мина.

— Нас ждут. — Настя просунула руку под его шею и приподняла голову. — Поднимайся, мастер, пора выбирать друзей.

Ратибор осторожно приподнялся на локтях, сел, прислушиваясь к себе, — почти никаких болевых ощущений, только в глазах все поплыло от слабости; он сжал зубы, борясь с организмом, а когда приступ прошел и мутная пелена слепоты сползла с глаз, обнаружил, что сидит на траве совершенно голый, весь в страшных рубцах и недавно затянувшихся лиловых шрамах.

Настя, одетая в струящееся нежгучее пламя, подала ему кокос.

— Одевайся, опер.

Ратибор, не испытывая никакого смущения, потрогал длинный глянцево-синий шрам на груди, уловил пульсацию крови под пальцами, поднял голову.

— Когда это меня так?.. Где я? — Он огляделся.

Поляна в лесу, заросшая травой и грибами с бусинками глаз, над головой зеленое небо с белыми пушистыми облаками, воздух свеж и ароматен, стволы деревьев светятся и потрескивают, кора на них слегка шевелится, как живая, меняет рисунок...

— У нас в Рязани грибы с глазами, — пробормотал Ратибор. — Их едят, а они глядят... Где я, Стася?

Что-то мешало ему последовать совету Анастасии, какая-то внутренняя неуверенность, неловкость, стеснение, тревожное чувство ожидания беды... и нечто похожее на шепот в голове. Ратибор прислушался и уловил слабый, как дыхание, голос:

— Очнись, очнись, опер, выходи из транса, рискуешь не выкарабкаться никогда... очнись...

Тревога усилилась, внутренняя неловкость переросла в сомнение в собственной трезвости. И все время казалось, что откуда-то сквозь стенку глухоты доносится неистовый шум: грохочут барабаны и литавры, ревут трубы, визжат валторны, но он ничего этого странным образом не слышит, лишь чувствует...

— К черту! — громко объявил Ратибор, вспоминая, кто он, и бросая кокос на траву, которая стала торопливо поедать костюм. — Я посол, и все это мне грезится! Извини, Настя. — Он изо всех сил ударил себя кулаком в шрам на груди и зарычал, кусая губы, — боль навалилась обжигающим водопадом кипятка и кислоты, сознание помутилось...

Тампон влажной кошачьей лапой прошелся по лицу. Ратибор открыл глаза и обнаружил себя в рубке «голема». Кожа лица и рук горела, в костях застыл расплавленный свинец, мышцы тела судорожно передергивались, дезорганизованные внешним пси-излучением, в ушах стоял глухой шум, рожденный бессвязным говором сотен людей.

— Плохо дело, — прошелестел еле слышный мысленный голос координатора. — Мне все труднее возвращать тебя из глубин иллюзорного бытия. Конструктор постепенно растворяет в себе твое «я»... да и мое тоже, хотя бредить я и не способен. Что делать будем?

— Дай картинку.

— Какой в этом смысл? Видеокамеры тоже не в состоянии отделить реально существующий ландшафт от миража.

Перед глазами Ратибора вспыхнул цветной туман, в протаявшем черном окне сверкнула изумрудная капля, приблизилась, превращаясь в планету... Земля?!

Пилот закрыл глаза, проглотил ком в горле, ощущая себя совершенно разбитым, но тут же открыл снова, сопротивляясь слабости и нежеланию жить вообще. Се человек, подумал он о себе в третьем лице, пока борется — живет. В памяти всплыло: человек начинается там, где кончается удовлетворение потребностей.

Кто-то засмеялся, задыхаясь. Может быть, он сам.

— Вперед, к Земле!

— Этот объект не может быть Землей, — неуверенно возразил координатор. — Советую не идти на посадку.

— Нас испытывают, и отказаться от испытания — значит проиграть.

— Откуда известно, что нас испытывают? Скорее, мы попали в один из больных органов Конструктора, и все наши видения — следствие его беспамятства, бессознательных судорог.

— Ты, наверное, прав, Дар, но и я чую в себе странную уверенность в правоте своих предсказаний. Конечно, интуиция — символ не знания, а веры, но я себе верю.

Зеленоватый пушистый шарик планеты рванулся навстречу, закрыл поле зрения, распахнулся гигантской чашей с размытыми очертаниями материков. Ратибор попытался сориентироваться, нашел Европу, Белое море, Волгу, попытался развернуть «голем» к югу и обнаружил, что его ведут — аппарат не подчинялся воле пилота, словно в генераторах движения не осталось ни крохи энергии. Однако энергия была — Ратибор мгновенно считал показания датчиков, выдаваемые напрямую в мозг, и убедился в наличии половины запаса по сравнению со стартовым энергоресурсом. И команды по всем комплектам-узлам «голема» проходили нормально, пилот удостоверился в этом с помощью тестов за считанные мгновения. Тогда он сделал разворот и дал максимальную тягу в режиме двойного ускорения. И провалился в алую пропасть забытья...

Открыв глаза, понял, что «голем» летит над горной страной, пронзая клочья ослепительно белых облаков.

— Поворачивай! — сказал сквозь зубы координатору, пытаясь унять готовый выпрыгнуть из тела желудок. — Я сам не смогу. Поворачивай и давай «аллюр три креста», кому сказал!

Но ему ответил не Дар:

— Успокойся, опер. — Голос звучный и знакомый. — Все идет нормально, никто тебя не тронет, только не дергайся и не пори горячку.

— Кто говорит?

Смешок, тоже знакомый.

— Не узнал?

— Грехов!

Снова смешок.

— Порядок, оклемался.

«Голем», ведомый неизвестной силой, сделал пируэт и мягко приземлился на зеленом газоне рядом с красивым двухэтажным коттеджем, выстроенным в стиле «русский храм». На пороге открытой двери, выходящей на резное крыльцо, стоял человек в черном костюме, но Грехов это или нет, Ратибор сразу не разглядел — слезились глаза.

— Вылезай, здесь ни радиации, ни прочей грязи. — Голос проникал прямо в мозг, и от него, казалось, резонировали кости черепа. — Не трусь, опер, у тебя накопилось много вопросов, и я на них уполномочен ответить.

Ратибор позвал координатора, ответа не услышал, да и голос мешал и плывущий в ушах звон; выпростался из кресла, отдыхая после каждого движения. Сделал два глотка витаминного концентрата, набрался сил и вылез из аппарата на траву, сообразив тем не менее натянуть пленочный скафандр — автоматически, не думая об этом.

Человек махнул с крыльца рукой, хмыкнул.

— Профессионал остается профессионалом, даже когда болен. Заходи в дом.

Ратибор огляделся.

Вокруг дома раскинулся пышный цветущий сад: яблони, вишни, гигантская морковь, помидорное дерево, банановые пальмы, тополя, араукарии, орех, просто какие-то пушистые жерди, камни на многоходульных корнях, похожие издали на пауков, — все было покрыто ослепительно белыми цветами величиной с голову человека, причем многие цветы дышали и складывали лепестки, словно бабочки, готовые улететь. Небо над головой было лимонно-желтого цвета с серыми трещинами, складывающимися в рисунок такыра.

Глаза продолжали слезиться, и Ратибор перестал напрягать зрение. Ощущение опасности притупилось, захотелось принять душ, переодеться, лечь на диван и — максимум блаженства! — чтобы Настя сделала массаж...

— Насти здесь нет, — заметил человек.

— Жаль, — вздохнул Ратибор. — Как поется в старинной песне: всю-то я вселенную проехал, нигде милой не нашел.

Накатило вдруг странное ощущение раздвоенности, вернее, растроенности, Ратибор осознал себя в трех местах одновременно: стоял возле дома Грехова, сидел в пилотской гондоле «голема» по горло в шубе физиокомпенсации и лежал израненный на холме лицом вниз... Ратибор мотнул головой — отступило.

Как оказался в доме — не помнил. Он сидел в старинном деревянном кресле с резными подлокотниками, которое стояло на выскобленном до медвяного блеска светлом деревянном полу. Напротив в таком же кресле черной глыбой сидел кто-то очень знакомый и смотрел на гостя исподлобья. Железовский?!

Ратибор вытер глаза ладонью, мимолетно удивившись, что он без скафандра, разлепил веки и увидел знакомую физиономию Габриэля Грехова с ироничным прищуром глаз.

— У меня что-то со зрением, — пробормотал Ратибор. Попытался разглядеть комнату, однако не смог: стены ее терялись в струящемся полумраке, словно размытая акварель, и в этой размытости смутно угадывались какие-то щиты, светящиеся алым квадратные окна, ниши со звездным узором внутри, картины с непонятными композициями цветных пятен и застывшие тени, странные, живые и неживые одновременно.

— Это пройдет, — сказал Грехов, на секунду превращаясь в Железовского в тот момент, когда Ратибор на него не смотрел.

— Что это — импрессионизм? — кивнул Ратибор на картины.

— Это старинные иконы, изображающие Христа.

Берестов наконец разглядел одну из картин: прибитый к кресту человек в набедренной повязке распростерт над мрачной равниной с цепью озер[1]...

— Коллекционирование икон — ваше хобби?

— Не как факт религиозных устремлений, а скорее как тяга души к отражению реальности, ведь Христос тоже был одинок.

Ратибор с усилием разобрался в смысле сказанного, соображать, думать было исключительно тяжело, к тому же мучительно хотелось спать.

— Вы хотите сказать, что вы тоже одиноки?

Грехов-Железовский кивнул.

— И я тоже, но это не суть важно, в данном случае речь не обо мне.

— О ком же?

— О Конструкторе.

Ратибор вспомнил вдруг, что он посол, встрепенулся, но волна безразличия снова захлестнула сознание, топя в своей пучине чей-то настойчивый тревожный зов. Грехов что-то спрашивал, Ратибор что-то отвечал, погружаясь в сладостное забытье. Лишь временами накатывало знакомое ощущение многократного раздвоения личности. Самое интересное было в том, что и с закрытыми глазами Ратибор видел собеседника, который изредка превращался то в Железовского, то в К-мигранта Батиевского.

---

[1] Картина С. Дали «Христос на кресте».

— К-мигранта! — прогрохотало в голове, отдаваясь эхом под сводами черепа. — К-мигранта, мигранта, гранта, анта...

— А где мои спутники? — спросил Ратибор, выдираясь из дремы. — Меня посылали с роидом и К-мигрантом. Где они?

Грехов неопределенно махнул рукой.

— Где-то там, в запределье.

— Мне надо к ним... с ними... я как-никак посол. — Ратибор внезапно вспомнил, с какой целью и к кому был направлен послом, голова прояснилась, вернулась острота зрения, а с ней и способность оценивать обстановку. Сквозь гулы и свисты, рожденные фоном связи, донеслись чьи-то тягучие слова:

— Надо... бороться... — Гул, свист, хрипы, дребезжание, и снова: — На-до... бо-ро-ться...

Человек напротив шевельнулся. Грехов или нет?

— А ты сильней, чем я думал, опер. — В голосе человека прозвучало уважение. — Маэстро Железовский не ошибся в тебе.

— К черту разглагольствования! Я уже понял, что вы не Грехов. К-мигрант? Один из «серых»? Впрочем, не важно, главное, что вы представляете Конструктора. Итак, я прибыл по назначению и нахожусь, очевидно, внутри него. Где остальные послы?

Человек напротив, похожий на Грехова, улыбнулся.

— Насчет роида сведений не имею, он — не тот, за кого вы, люди, его принимаете, точнее, он — не разумное существо, а область иного пространства со своими законами и константами, закапсулированная гравитацией, ну, а внутри него обитают и разумные существа. Что касается К-мигранта, — Грехов слегка нахмурился, прислушиваясь к чему-то, — он давно соединил свое «я» с «я» Конструктора, растворился в нем.

— И теперь Конструктор знает, что мы хотели его...

— Боюсь, что так. — Грехов развел руками. — Хотя вряд ли можно прогнозировать его дальнейшее поведение, ведь Конструктор — на самом деле бесконечно сложный объект, на много порядков сложнее известных вам информационно-физических систем. И контактирует с вами в настоящий момент не он, а... м-м... вторичный контур, так сказать, матрицированное отражение твоей психики в одной из мириад интеллектуальных ячеек, а сам Конструктор сейчас слишком занят, да и травмирован изрядно...

Снова наплыв ощущения, что он лежит на холме, лишил Ратибора воли к сопротивлению с продолжавшейся пси-атакой на мозг. Очнулся он от укола и долго приходил в себя, то теряя собеседника из поля зрения, то видя на его месте чуткого монстра, полудракона-получеловека, — разыгралось воображение.

— Но если Конструктор без сознания, — начал Берестов через силу, — то как же он сможет разобраться в ситуации, выйдя в нашем пространстве? Через полгода он наткнется на Солнце...

— Он уже вышел, — грохочущим гулким голосом проговорил Грехов, превращаясь в глыбу чужанина. — Ваши действия — на вашей совести.

— Но мы не беремся за оружие, если нам не угрожают, — слабо возразил Ратибор. — А в данном случае под угрозой существование цивилизации!

— Просто вы не нашли другого выхода.

— Какого?

— Ищите. — Грехов исчез с ударом грома, потрясшего все тело пилота. Ратибор осознал себя лежащим в защитном коконе «голема» и услышал тонкий-тонкий всхлип координатора: — Выплыл?

— Где мы? — вяло поинтересовался Ратибор.

— Все там же — внутри Конструктора. На всех диапазонах — белый шум, на вызовы не отвечает никто, в том числе и сам Конструктор.

— Я выходил из машины?

— Нет.

— Значит, встреча с проконсулом была наваждением.

— Скорее, наведенной пси-передачей, мне удалось замерить ее основные параметры.

— Не ошибаешься? Если дело обстоит так, то нас заметили и пытались войти в контакт. Но кто? Сам Конструктор? Часть его интеллекта, ведающая связями с «пришельцами», или та часть, которая борется с загрязнением организма? Ведь мы для него по сути — микробы, попавшие в тело.

— По-моему, ни то ни другое. В первом случае представитель Конструктора был слишком человечен, а во втором — если бы с нами пытались бороться, как с микробами, то для такого существа, как Конструктор, уничтожить нас — раз плюнуть.

— Тогда с нами пытались связаться другие послы: либо чужанин, либо К-мигрант... хотя лже-Грехов сказал мне, что К-мигрант «растворился» в Конструкторе.

На несколько секунд Ратибор потерял способность видеть и слышать, волна слабости прокатилась по телу, превратив его в слой ваты. Нить рассуждений потерялась в шуме расстроенных чувств.

— Что будем делать? — напомнил координатор.

— Попробуем прорваться наружу, если здесь нас никто не хочет встречать как послов. Я посплю, а ты выходи на режим «кенгуру» и держи направление, не сворачивай. Встретишь препятствие, разбудишь.

— Сон в данной ситуации опасен, — встревоженно предупредил Дар. — Мои арсеналы по реабилитации и поддержанию тонуса не бесконечны.

— Но и мои силы не беспредельны. Вперед, дружище!

«Голем» начал разгон, обходя неожиданно появляющиеся на пути препятствия: он шел не в пустом пространстве, а в среде с переменной структурой и не мог развить скорость более ста километров в секунду.

Ратибор спал, и ему снилось, что он на Земле, а Грехов с лицом свирепым и диким принимает у него экзамен по интрасенсорному восприятию.

— Закрой глаза, — приказывал Грехов.

Берестов послушно закрывал.

— Что видишь?

И Ратибор перечислял, что видит, восторгаясь и ужасаясь одновременно: он видел сквозь веки, в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, чувствовал броуновское движение молекул, слышал, как течет кровь по мельчайшим сосудам, и ощущал звуки собственных работающих мышц!..

Очнулся от того, что по венам левой руки потекла горячая струя.

— По-моему, я слышу чей-то вызов, — доложил координатор.

— Что значит чей-то?

— Сигналы очень слабые, иногда пропадают, не дешифруются, но резко отличаются от фоновых.

— Как долго я пребывал в нирване?

— Час сорок две.

— Поворачивай.

— Уже иду по пеленгу, но скорость набрать не могу, мы не в открытом космосе. Здесь полно странных шатающихся объектов и болидных потоков — иной термин подобрать трудно, и бездна всякого рода полей, создающих интерференционную картину, причем устойчивую, типа стоячей волны.

Ратибор промолчал. Они находились в организме колоссального разумного существа со сверхсложной структурой, и этим все было сказано.

Комплексное действие короткого сна, лекарственных препаратов аптечки и волнового массажа наконец сказалось, и пилот почувствовал себя гораздо лучше, хотя изредка появлялись блуждающие по телу боли, перехватывающие дыхание, и нечеткие галлюцинации, повторяющие знакомые картины: он лежит на холме или сидит в деревянном кресле напротив псевдо-Грехова.

Прошел час, другой, по расчетам координатора они преодолели около полумиллиона километров по сложному зигзагу — источник сигналов, отличных по информационному насыщению от фонового излучения, маневрировал, в широких пределах изменяя скорость. В диапазоне видимой части спектра почти ничего не было видно, кроме хороводов блуждающих огней, скоплений звезд-искр и туманных пятен, а локация в радиодиапазоне давала странную картину: «голем» прокладывал путь словно в мякоти арбуза, насыщенной «семечками» уплотнений. Точных характеристик этих уплотнений гравизондаж дать не мог, но было ясно, что столкновение с одним из «семечек» чревато непредсказуемыми последствиями, поэтому Ратибор вынужден был еще уменьшить скорость аппарата, понимая, что шансы догнать источник сигналов становятся равными нулю. Однако судьбе угодно было распорядиться шансами иначе — после особенно головоломного изменения траектории источник остановился. Спустя еще час «голем» подобрался к одному из уплотнений — масконов, по терминологии координатора, возле которого продолжал ритмично «дышать» низкочастотным радиоизлучением загадочный объект.

Координатор в темпе пулеметной очереди перебрал диапазоны видения локаторов и остановился на мягком рентгене, в котором наконец удалось разглядеть, что же собой представляют «семечки» уплотнений. Ратибор изумленно причмокнул: перед ним в облаке серебристого тумана висела уменьшенная копия омеги Гиппарха, тех самых остатков звезды, по которой прошелся луч Большого Выстрела, — те же колоссальные кружева «мха», та же пенная структура в глубине сфероида и плоские диски на тонких ножках, уходящих в неведомую толщу верхнего слоя объекта, словно листья кувшинок на длинных стеблях.

— Диаметр сфероида — около пяти тысяч километров, — сообщил координатор, имевший полную инфор-

мацию о стародавнем походе Берестова на омегу Гиппарха. — Ощущаю внутри него высокую концентрацию энергии, подходить ближе опасно.

— Сам вижу. Попробуй отстроиться от тумана, плохо видно.

— Это не туман, какой-то квантово-полевой эффект, пространство вокруг сфероида «мерцает», «пенится».

— А где тот приятель, сигналы которого мы запеленговали?

— По-видимому, вот он, даю вариацию.

Тонкая световая нить очертила часть поля зрения слева, как ее ощущал Ратибор, переместилась в центр, изображение в ней стало расти, укрупняться, уходя краями за световую нить, один из «листьев кувшинок» заполнил собой все поле зрения, и Ратибор увидел на его серомраморном фоне полупрозрачный шар. Впрочем, не полупрозрачный, а скорее зеркальный... или все-таки?.. Через несколько секунд стало ясно, что шар постоянно меняет плотность, то становясь прозрачным, то металлически твердым, то рыхлым и белым, как вата, и делает это в такт дыханию радиошума.

— Это не К-мигрант, — сказал Дар, — и не чужанин. Могу предположить, что, судя по описаниям, это...

— Серый призрак! — прошептал Ратибор, ощущая головокружение. — Грехов встречался с ним... с таким же, как этот, не узнать его невозможно. А ну крутани программу контакта на всех волнах и последи за обстановкой, идем к нему.

«Голем» рванулся сквозь туман неизвестных физических реакций к сфероиду с мохообразным ландшафтом, в четверть часа преодолел стокилометровую толщу атмосферы с упругим сопротивлением среды и вышел точно над зонтичной структурой с шаром серого призрака, не обращавшего никакого внимания на земной аппарат с включенными передатчиками.

Серый призрак был невелик — шар диаметром в две сотни метров, но у Ратибора возникло такое чувство, что он видит перед собой разверзающуюся бездну, еще миг — и она его поглотит, засосет!..

— Пси-поле с широким спектром, — отреагировал координатор. — Эта штука излучает пси-поле, как целый город!

Какая-то черная тень упала на «голем», Ратибор невольно поднял голову, но никого не увидел, лишь через несколько мгновений понял, что внутри него сработало чувство опасности.

— Держись, уходим! — предупредил Дар, начиная вираж возвращения до того, как пилот понял, в чем дело. — Резко возрос волновой фон. Говорил же, что объект опасен...

Ландшафт под аппаратом заколебался, вспух и расплылся дымом.

Ратибор успел заметить, как серый призрак растянулся в ленту серебристого сияния, направляясь в «голему», после чего пилот и потерял сознание от тяжелого удара, причем не внешнего, а, как показалось, внутреннего, превратившего тело в надутый воздухом шар...

Человек был виден как сквозь струящееся марево — размытый нечеткий силуэт в ореоле свечения. Потом он перестал дрожать и расплываться, и Ратибор криво улыбнулся.

— Опять вы? Бред!

— Ни то ни другое, — невозмутимо ответил «Грехов».

Ратибор отметил про себя, но не придал значения, что, когда собеседник говорит, лицо его выступает четко и рельефно, зато другие части тела становятся зыбкими и расплывчатыми.

— Кто же вы? Еще один посол? — Берестов невольно рассмеялся, заметив, что не слышит собственного смеха.

— В какой-то мере посол. — Собеседник никак не реагировал на смех, оставаясь вежливым и корректным. — Хотя то, что вы видите, — фантом, фигура для беседы. У меня мало времени, спрашивайте.

Ратибор вдруг вспомнил предыдущую ситуацию, и в сознании включился колокол тревоги.

— Вы серый призрак! Что случилось?!. Мне показалось, что я налетел на скалу... или она на меня упала... до сих пор тело рыхлое!

— Вы слишком близко подошли к «нервному узлу» Конструктора, да еще в момент передачи «массивного нервного импульса». Я успел в последний момент.

— Что значит «массивного импульса»?

— Конструктор принадлежит к разумным системам с нулевой информационной энтропией, а эволюция подобных систем определяется уже не электромагнитными взаимодействиями, а гравитационными и даже совершенно экзотическими «суперструнными». Поэтому информпото-

ки внутри Конструктора энергетически мощны, «массивны», как говорят ваши ученые.

— И масконы, то есть нервные узлы, перераспределяют эти потоки?

— Вы неплохо схватываете суть даже в сумеречном состоянии.

— Да, признаюсь, чувствую я себя скверно... однако это не главное, я, кажется, нашел способ выполнить свою миссию посла. Помогите мне... или посоветуйте, как избежать энергоудара вблизи маскона, я попытаюсь передать в узел всю записанную специально для Конструктора информацию. Может быть, он сможет воспринять хотя бы часть ее, это очень важно...

— Я в курсе ваших проблем. Конструктор же давно впитал все, что вы хотели сообщить, я имею в виду вас и К-мигранта, так что можете считать свою задачу выполненной. Единственное, на что я не могу дать ответ, — как и когда прореагирует Конструктор на эту информацию. Вы даже не представляете, насколько вы, люди, правы, назвав его *бесконечно сложным объектом*! Возвращайтесь.

— Как? — хотел спросить Ратибор, но голос сел.

«Грехов» внимательно вгляделся в него, хотя Берестов так и не разобрался — видит ли собеседника по видеоканалу рубки или изображение передается ему прямо в мозг, минуя глаза.

— Пожалуй, для вас это действительно проблема. И честно говоря, вы меня приятно удивили: далеко не каждый человек способен работать за пределами человеческой выносливости, по крайней мере я знаю всего одного такого индивида — Габриэля Грехова.

— И я его знаю. Но вы ошибаетесь, многие мои товарищи способны работать в запределье, выполняя свой долг. Извините, но мне почему-то кажется, будто мы с вами уже встречались недавно... разговаривали...

— Вы говорили не со мной, а, очевидно, с одним из своих пси-отражений в одной из интеллект-ячеек Конструктора... собратьев которого вы совершенно напрасно назвали Звездными Конструкторами: они не создавали ни звезд, ни галактик, они сделали только одну вещь — четырехмерный континуум, рассчитав эволюцию нашего галактического домена с точностью до нейтринного порога. Но и они всего предвидеть не смогли, в том числе и появления человека на заурядной пылинке материи под названием Земля. До встречи, опер.

— Погодите! — не сразу отреагировал Ратибор, с усилием переваривая услышанное. — Чего они не предвидели?

Но было уже поздно.

ДОРОГА К ДОМУ

Железовский проснулся от предчувствия, что он не один в комнате. Полежал с закрытыми глазами, ч у в с т в у я пространство квартиры, как свою кожу, но никого не увидел и не услышал. Подумал: нервы? Или проспал чей-то пси-вызов?

Встал, сделал несколько глотков травяного настоя, снова о б н я л всеми девятью органами чувств комнату и весь дом. Никого... Попробовал послать пси-импульс Забаве, но вспомнил, что она не на Земле, лишь когда не получил ответного нервного толчка. Собрался лечь снова, и в этот момент приглушенно зазвонил дверной автомат.

Сердце сделало сбой — еще мгновение назад за дверью никого не было! Аристарх бросил взгляд на квадрат черного стекла в стене — зеленые звезды, все в порядке, свои. Во всяком случае, не К-мигрант. Скомандовал мысленно двери открыться.

В прихожую вошел Грехов, одетый в необычный серый, с зеркальными блестками комбинезон, остановился в проеме двери в гостиную, разглядывая хозяина, стоявшего в одних плавках. Железовский шевельнулся, и мышцы тела ожили на мгновение, подчеркнув чудовищный мускульный рельеф комиссара.

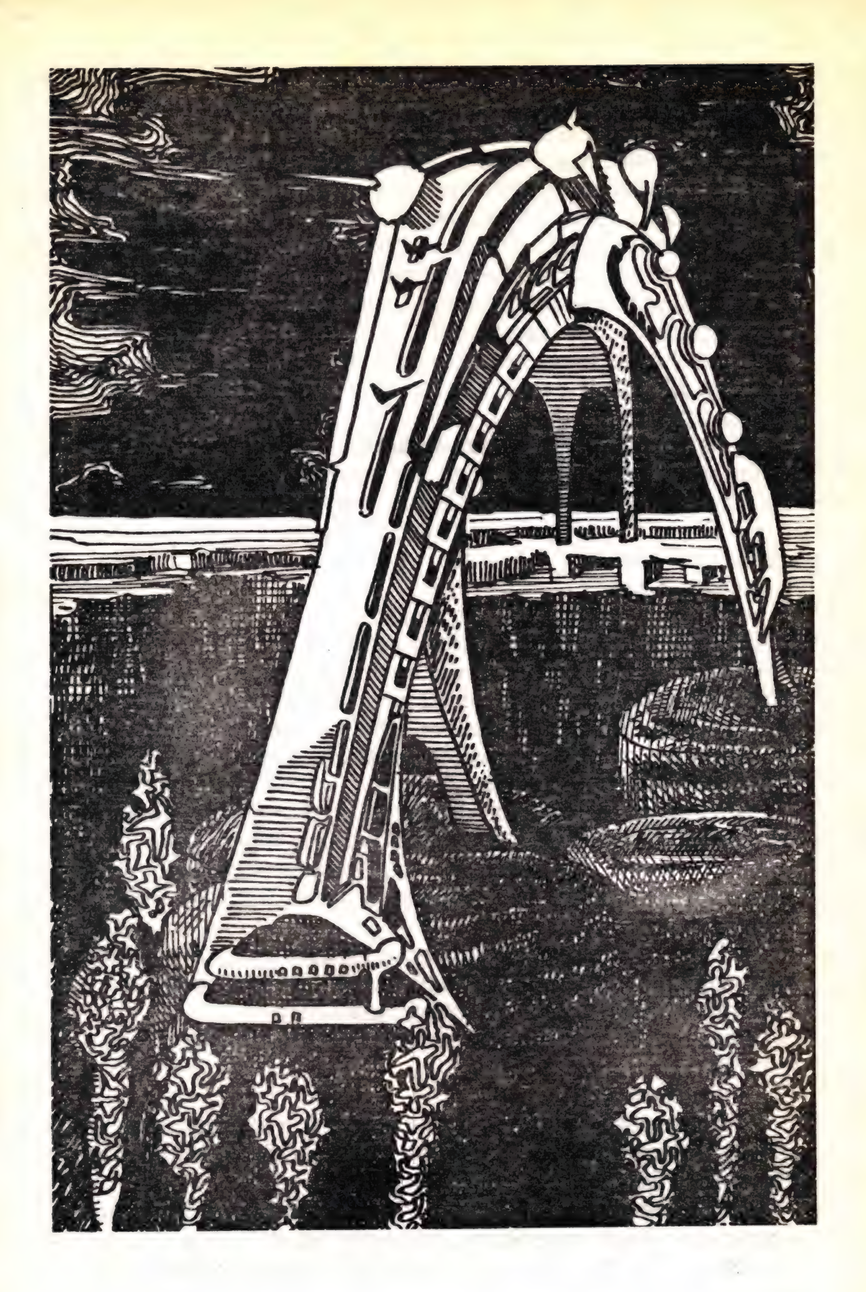
— Проходите, — пригласил Аристарх.

— Извините, что разбудил. — Грехов шагнул вперед, протягивая руку. — Рад видеть вас живым и здоровым.

Ладони их встретились, напряглись, причем рука проконсула полностью утонула в громадной длани комиссара. С минуту оба сжимали ладони и пытались прочитать мысли друг друга, однако пси-блок у обоих был непроницаем.

— А с виду вы довольно субтильны, — проворчал Железовский, отпуская руку гостя, посмотрел на свою ладонь. — Я жму пятьсот с лишним, это больше, чем может выдержать кокосовый орех.

— Знаю. — Грехов быстро оглядел спартанское убранство комнаты, остановил взгляд на полупроницаемой двери в спальню. — Так и думал, что не страхуетесь.



— Какой смысл? Конструктор уже вылез в наш континуум из своего БВ, и о его судьбе К-мигранты могут не беспокоиться. Я им не страшен.

— Ошибаетесь, комиссар. Конструктор продолжает идти в прежнем направлении, а это значит, что система безопасности вынуждена будет снова заниматься проблемой его остановки, что в свою очередь означает новую вспышку активности К-мигрантов. Мне ли вам напоминать, что они проповедники имморализма[1] и какие последствия из этого вытекают?

Помолчали, стоя друг против друга совершенно неподвижно. Потом Железовский надел халат, сел, жестом указал на кресло.

— Аристарх, вам уже почти сто. — Грехов, поколебавшись, сел тоже. — Не пора ли сменить амплуа?

Железовский ответил спустя несколько минут.

— Пора. Но у меня нет преемника... в настоящее время. Был... один.

— Берестов?

— Как вы считаете, он вернется?

Теперь надолго замолчал Грехов.

— У него есть шанс... если он выдержит пси-давление Конструктора. Я не все вижу в будущем, некоторые детали размыты вероятностными процессами, поэтому иногда приходится перестраховываться. С вами тоже.

— Что имеется в виду?

— Уходите из отдела. Передавайте дела кому-то из лучших кобр сектора или комиссару-один и уходите.

— Не могу. Не имею права. Доводить дело до конца придется мне, и вы это хорошо знаете. Был бы Берестов, я бы еще подумал.

— Тогда хотя бы будьте осторожнее в следующие три дня, просчитывайте каждый свой шаг, а лучше подстрахуйте себя по императиву «ланспасад».

Железовский молча, не мигая, смотрел на Грехова. Тот кивнул.

— Вы поняли.

— Благодарю за предупреждение, но я редко расслабляюсь. Один вопрос: почему мне надо быть осторожным именно в ближайшие три дня?

Гость вытянул вперед руку ладонью вниз, ладонь налилась розовым свечением, которое вдруг стало собираться в капли, падающие вниз, как настоящая кровь. Пахну-

---

[1] И м м о р а л и з м — отрицание всякой морали.

ло озоном. Грехов перевернул ладонь, свечение погасло. Проконсул легко и гибко встал, словно перелился из положения «сидя» в положение «стоя».

— Потому что, по представлениям К-мигрантов, вы олицетворяете реализующую решения человечества силу... что не так уж и далеко от истины. Вы опасны и подлежите нейтрализации в первую очередь. А резервы К-мигрантов изучены мало. Это все, что я хотел сказать. Прощайте. — Вышел.

— Спасибо, — низко, почти в инфразвуке, сказал Железовский ему вслед. Посидел немного, потом выключил свет в гостиной и вытянул руку вперед жестом Грехова — кончики пальцев засветились изнутри: свет был мягким, розово-фиолетовым и пульсировал в такт работе сердца.

Прогноз эфаналитиков, выданный после включения системы МАВР, оправдался почти на сто процентов по всем боковым ветвям «дерева прогноза» и по главному «стволу»: Конструктор не ответил ни на один запрос, вызов и запуск доброй сотни программ связи с ним, никак не отреагировал на волновое и аппаратное зондирование, а потом на движение способом кенгуру, с каждым прыжком преодолевая около двух световых лет. Двигался он в том же направлении, что и раньше — к Солнечной системе, и перед Советом безопасности снова встала во всей остроте проблема его остановки.

— Видимо, послы все-таки погибли при запуске чужанского генератора, — со вздохом проговорил председатель ВКС Хакан Рооб в беседе с Баренцем и Железовским, прибыв на спейсер погранслужбы «Перун». — В противном случае Берестов нашел бы способ известить нас о результате.

— Не уверен, — качнул седой головой Баренц. — Конструктор — дитя не нашего континуума, он пресапиенс, родичи его жили в эпоху, когда не было ни галактик, ни звезд, ни космического пространства, и законы, по которым он живет, это не наши физические законы, а законы К-физики, мы только приступили к их изучению. Вряд ли Берестову удастся пробиться наружу, к нам, из глубин Конструктора, если он... туда попал. И еще мы не знаем, с какой целью запустили своего посла чужане... плюс разрешили запустить К-мигранта.

— Как бы то ни было, предстоит решать, что делать, причем очень скоро.

— Все уже решено, — прогудел Железовский, одетый в кокос, превращавший его в металлическую статую атлета. — Нет смысла еще раз устраивать дискуссию на эту тему, альтернативы все равно нет. Т-конус готов к новому пуску, и если Конструктор не свернет с дороги...

— Да, — кивнул Баренц, подождав продолжения. — По-видимому, это единственное правильное решение, жестокое, чудовищное, но верное. И кто знает, может быть, Конструктору и не повредит нестандартный бросок по «струне», может, он уцелеет.

— Забава Боянова требует включения «экстремума», — сказал Хакан Рооб, морща пергамент лица. — СЭКОН принял решение подготовить общественное мнение на тот случай, если Т-конус не справится с Конструктором.

— Тогда экстрамобилизация станет реальностью.

— Вы не представляете, о чем говорите, — проговорил Железовский тяжело. — Включение «экстремума» потребует р а з р у ш е н и я базы цивилизаций! Допустим, мы уйдем из Системы, успеем переселиться, уж не знаю, какой ценой, ну а если Конструктор остановится сам?! То есть не столкнется с Солнцем, минет его? Что тогда? Откуда мы знаем, что ему нужно, почему он так упорно целит в Солнце? И знаете, что меня смущает больше всего?

— Что он, возможно, травмирован, находится «без сознания», так сказать, поэтому и не отвечает на сигналы.

— И это тоже, но в первую очередь меня смущает поведение Габриэля Грехова. Он з н а е т, что будет, и уверен, что Т-конус не понадобится... да и экстрамобилизация тоже.

— Да, Грехов персона таинственная, — улыбнулся одними губами Хакан Рооб. — Ходят слухи, что он тоже преследует свои цели, каким-то образом связанные с Конструктором, и я не удивлюсь, если это окажется правдой. Вот бы вашему отделу проверить.

— Отдел безопасности не занимается слухами, — угрюмо пробасил комиссар-два. — В действиях Грехова нет компромата. Что касается организации дальнейшей работы, то у меня нет вопросов, равно как и сомнений: если Конструктор не остановится, Т-конус должен быть включен. Секунда нон датур.

В каюте отдыха, где они разговаривали, вспыхнул виом, из которого выглянул встревоженный Шадрин.

— Аристарх, зайдите в отсек двадцать три, есть новости.

— Извините. — Железовский кивнул и исчез, словно превратился в бесплотную тень, дверь пропустила его беззвучно.

Баренц и Рооб переглянулись.

— Ему тяжело, — сказал председатель ВКС, — но держится великолепно. Кто в секторе может его заменить в случае... э-э?

— Он готовил Берестова. Другой такой кандидатуры нет, хотя пара способных ребят найдется. Да и в наземном секторе у Юнусова есть надежные парни, и в погранслужбе.

— Всех их надо готовить, все-таки специфика работы в космосекторе иная, а мы с тобой уже не потянем. Как говорит старая пословица: беда и время щадят только Бога. Ну, что... — Рооб не договорил, в каюту заглянула Боянова, тонкая и стройная в своем неизменном белом комбинезоне. Она торопилась.

— Простите, патриархи, у вас тут был Аристарх, куда он ушел?

— В отсек двадцать три, — ответил Баренц. — Не хочешь... — Последнее слово повисло в воздухе, Боянова исчезла, как и Железовский до нее.

Баренц пожал плечами, собираясь продолжить разговор, но перед ними возник вдруг тот, о ком они говорили — проконсул Габриэль Грехов собственной персоной.

— Где он?!

— Если Аристарх, то в двадцать третьем, а если... погодите! — Баренц взмахнул рукой, словно пытаясь удержать гостя, но тот уже пропал. — Что случилось?

Ответом был резкий двухтональный вопль сирены тревоги.

Двадцать третий отсек, располагавшийся рядом с отсеком метро, представлял собой походную мастерскую по срочному ремонту недублированного оборудования, в состав которой наряду с компьютером входил еще и бокс ручной подгонки с полным набором инструмента. На памяти Железовского еще ни разу этот отсек на спейсерах не был использован ни пограничниками, ни научными экспедициями, вполне хватало того потенциала, которым изначально обладали машины для преодоления пространства, несмотря на возникающие иногда аварийные ситуации и непредвиденные обстоятельства. Мастерская на «Перуне» также практически не открывалась за время эксплуатации спейсера, и Аристарх никогда не вспомнил бы о ее существовании, если бы не вызов

бывшего зама Берестова, ставшего командиром обоймы риска.

Шадрина он увидел сразу, как только вошел, хотя света в отсеке не было: безопасник лежал ничком на полу у выходной потерны линии доставки, неловко подвернув руку. В следующее мгновение на голову комиссара обрушился жесткий парализующий удар пси-поля, и если бы он не обладал интуитивным видением и развитым чувством опасности, все закончилось бы печально, но защитные силы организма, мобилизованные интуицией, сработали безошибочно. Отразив удар, Железовский не раздумывая прыгнул к полуоткрытой дверце одного из шкафов с инструментом, мгновенно включившись в ритм жизни, недоступный неинтрасенсу. Опасность была повсюду, она разлилась по отсеку, словно вода из прорвавшейся канализации, ориентироваться пришлось уже в действии, н а о щ у п ь, и прошло целых полсекунды с момента его появления, когда наконец Аристарх определил, где находится противник.

В то место, где он только что стоял, с гулом ударил невидимый кулак гравитационного разряда.

— Браво, комиссар! — раздался отчетливый пси-голос. — Реакция у тебя превосходная, и тем не менее...

— Стойте! — ответил Железовский мысленно. — Вы слишком много говорите, в этом одна из причин ваших поражений. Посмотрите на мою руку.

— Вижу, это «универсал-101».

— Ошибаетесь, это полевой аннигилятор «шукра». Я пробью насквозь весь корабль... вместе с вами, разумеется. И реакция у меня не хуже. Уходите, пока не подоспела обойма «ланспасад», ваша жизнь нам не нужна.

— Зато мне нужна твоя, комиссар, и задание должно быть выполнено.

— Слова, слова. Или стреляйте, или уходите, но успею выстрелить и я. Что вы сделали с ним? — Железовский кивнул на лежащего Шадрина.

— Он пока жив. А тебя, оказывается, наши аналитики недооценили и дали неполную информацию. И все же задание будет выполнено.

— Уничтожив меня, вы все равно ничего не добьетесь, просто на моем месте будет работать другой человек, и не исключено — более энергичный.

К-мигрант выстрелил, но за мгновение до выстрела Железовский переместился на несколько метров в сторону, не открывая огонь в ответ. Многотонный удар гра-

виразряда, сконцентрированный в невидимую «пулю» размером с голову человека, пришелся на стол, решетку и колонну манипулятора, сплющив и разгладив их в ровную дорожку.

— Идиоты! — выговорил Аристарх, продолжая двигаться бесшумно и быстро, резко меняя направление, высоту прыжков и положение тела; руки и лицо его в темноте засветились изнутри розовато-малиновым светом. — Неужели вам недостает элементарного интеллекта, чтобы сообразить — благородные цели не могут быть достигнуты негодными методами! Неужели опыт цивилизации, ее история ничего вам не подсказали, если вы продолжаете играть в старые детские игры с засадами, выстрелами из-за угла, планами завоевания плацдармов и прочей белибердой? Неужели еще не ясно, что мы как профессионалы в эти игры обучены играть специально, дабы ни у кого не возникло желания реставрировать прошлое?

Выстрел — с грохотом разлетелся купол вакуум-камеры. Еще один — рухнула крайняя стойка, поддерживающая монорельс над сборочным столом. Последний выстрел задел ложемент мастера и колонну инка, разлетевшуюся фонтаном ослепительных искр, а потом Железовский достал-таки стрелявшего и вырвал у него пистолет. Весь разговор и схватка длилась не более полутора минут.

Противники застыли друг против друга, и только теперь Аристарх с опозданием определил, что перед ним не К-мигрант. В то же мгновение в отсеке вспыхнул свет, одев сгорбившегося напротив комиссара «серого человека» в серебристый ореол, в потерну проскользнула Боянова, и в голове Железовского взорвался ее отчаянный пси-крик:

— Аристарх!

Он успел только прыгнуть — не группируясь, рефлекторно, не собрав силы и волю, просто чтобы не стоять на месте, успев лишь с сожалением подумать: поздно!

Выстрел, бесшумный и неяркий, раздался со стороны высунутой из стены мульды транспортера — К-мигрант прятался там, и на сей раз это был точный лазерный импульс, пронзивший плечо Железовского. Комиссар выстрелил в ответ, не целясь, еще в падении, и ему на краткий миг удалось дезориентировать нападавшего: штриховая очередь лазерных импульсов чуть в стороне, в то время как молния аннигилятора проделала в стене рядом с челюстями транспортера широкий огненный пролом. И в действие вмешались еще двое: Забава Боя-

нова, открывшая огонь из «универсала» в направлении неведомого врага, и Габриэль Грехов, сбивший ее с ног и тем самым спасший от новой очереди. Двигался проконсул так быстро, что даже Аристарх, успев сориентироваться и справиться с болью, с трудом улавливал па его странного танца — бега-атаки. Стрельбы Грехов не открывал, хотя и держал в руке пистолет.

Лазерные импульсы прекратились, мульда транспортера упряталась в стену, с шипением сработали замки грузовой капсулы, и автомат швырнул ее в трубу отправки. Взвыла сирена тревоги, в отсек вбежали безопасники группы подстраховки, остановились. Грехов выбежал, едва не сбив с ног оперативника. Боянова, держась за шею, и Железовский, поддерживая руку, поднялись с пола, глядя друг на друга.

Грехов вернулся через минуту, кивнул командиру обоймы, спрятал пистолет, посмотрел по очереди на председателя СЭКОНа и на комиссара-два:

— Это был Мэтьюз Купер, он у них «штатный палач».

— Ушел? — спросил командир группы, озабоченно разглядывая дыру в стене. — Мы засекли его драккар по сетке непривязанных объектов, хотя он и знал код автоответа, но потом повторил дробь погранслужбы, и мы отвязались. Однако в драккаре его ждут.

— Вряд ли он собирался уходить тем же путем, — проворчал Железовский, из черного пятнышка на его плече появилась струйка крови.

— Он снова ушел через метро, — сказал Грехов. — Отсек рядом, и операция была подготовлена неплохо. Каким образом К-мигранты используют метро со стационарным выходом, не появляясь на подконтрольных станциях? Как им удается переориентировать выходы?

— Проблема пока не решена, — буркнул Железовский. — Но по ней уже работают коллективы ученых. Что с ним? — обратился он к оперативникам, осматривающим Шадрина.

— В шоке, но дышит.

— В клинику!

— И ты тоже, — подошла к нему Забава, прижалась к выпуклой груди, маленькая и хрупкая в сравнении с мощным торсом комиссара, похожая на девочку; повернулась лицом к Грехову. — Спасибо, Габриэль.

— Не за что, — ответил Грехов. — Но в другой раз я могу и не успеть. К-мигранты чертовски изобретательны, а главное, лишены человеческих слабостей, прошу это

учитывать. С вашего позволения, я заберу этого монстра. — Он кивнул на застывшего «серого человека».

— Зачем он вам?

— Попробую кое-что выяснить. Айда за мной, террорист.

«Серый человек» выпрямился и, мягко ступая, послушно двинулся за проконсулом. Железовский, Боянова и молодые оперативники молча смотрели им вслед.

Конструктор достиг Т-конуса через три дня после описанных событий. За это время погранслужбе удалось напасть на тайную стоянку спейсера К-мигрантов в тысячекилометровой толще «мха» поверхностного слоя омеги Гиппарха, и тем пришлось убираться в открытый космос подальше от цепи застав и погранпостов. Видимо, это обстоятельство и помешало им нанести прицельный и мощный удар по Т-конусу, хотя безопасники и пограничники и были готовы к нападению. Удар был нанесен, но лишь силами «серых людей», «пакмаки» которых были перехвачены еще на подступах к гигантскому сооружению.

Конструктор и теперь не имел определенной формы, непрерывно меняя очертания, в его гранулированной, многосложной, светящейся фигуре угадывались эллипсоиды, параболоиды, конусы, многогранники, иглы, плоские и винтовые поверхности, и все это текло, изменялось, прорастало друг в друга, создавая непередаваемо сложную картину, от которой кружилась голова и захватывало дух. Не укладывалось в голове, что перед тобой не просто сложнейшая физическая система размером со звездную семью, включающую десяток планет, но р а з у м н о е с у щ е с т в о, мыслящее категориями, далекими от всего, чем жило человечество.

Как сказал Савич, лидер исследователей, занимавшихся проблемой пресапиенса:

— Он намного сложней человека! Все наше знание, которым мы так кичимся, составляет какую-то очень малую, миллионную долю его Знания. Перед нами действительно разумная галактика, история которой уходит в неподвластные нашему уму глубины вселенской истории. И давайте так к нему и относиться — с почтением и благоговением, ибо он не только старше человечества, он старше нашего метагалактического домена, который мы, ничтоже сумняшеся, горделиво назвали Вселенной, хотя это всего-навсего пылинка в настоящем, постоянно

бурлящем океане Метавселенной. Вряд ли он когда-нибудь заговорит с нами, живя по своим законам, и это, наверное, тоже придется признать аксиомой.

Никто с ученым не спорил, все мнения были уже высказаны, решение сформулировано, и теперь оставалось только ждать действий самого Конструктора. Затаив дыхание, тысячи очевидцев события наблюдали за его полетом в залах и рубках машин звездного флота, а миллиарды землян смотрели объемные передачи по каналам видео с самыми разными чувствами — от страха, негодования и возмущения до равнодушия и ненависти. Лишь одно чувство было общим — чувство тревоги.

Забава Боянова после нападения на Железовского не покидала борт спейсера «Перун», перенеся атрибутику своего рабочего места в каюту, и постоянно держала связь с секретарями СЭКОНа, работающими на Земле. От ее внимания не ускользнула ни одна мелочь в организации погранслужбой контроля важнейших участков работы и соблюдении норм экоэтики.

Момент выхода Конструктора к зоне действия Т-конуса совпал с появлением в зале спейсера Грехова и Анастасии Демидовой, и Боянова не могла не заметить, что оба волнуются, хотя и по-разному. И если волнение Насти было понятно, то чувство Грехова давало повод к размышлению.

Конструктор остановился всего в сотне километров от той незримой черты, которую наметили люди и за которой его ждала всасывающая воронка Т-конуса, величайшего из сооружений, когда-либо построенных землянами, готового сжать любой попавший в него объект в тончайшую «струну» и вышвырнуть его за пределы местного звездного скопления. Чудовищный реликт невообразимо далеких эпох, занимавший в последнее время все великие умы, ставший предметом поклонения разного рода мистических сект, источником новых религий, артефактом Третьего Великого Пришествия — по терминологии всеземной христианской церкви, замер перед хрупкой преградой, словно только сейчас очнулся от долгого мучительного сна.

Люди ждали.

Прошел час, второй — ничего не изменилось в пространстве, насыщенном, казалось, плотным излучением мук неизвестности, а потом, заставив всех вздрогнуть, во всех залах, рубках, каютах и в наушниках раздался спокойный бас Железовского:

— Отбой «полундре»! ЧП-вахте «бег трусцой». Остальным штатные режимы.

Люди в зале зашевелились, заговорили, возбуждение схлынуло не сразу, тем более что ситуация не разрядилась, ожидание не закончилось. Боянова подошла к стоявшей особняком паре: Настя держала Грехова под руку, и лицо у нее было застывшим и печальным.

— Извините, проконсул, вы всегда все знаете, ответьте на вопрос: почему Конструктор выбрал этот путь и следует по нему со слепым упрямством носорога?

Грехов покосился на девушку, по обыкновению помолчал.

— А вы еще не догадались?

Боянова внешне спокойно встретила взгляд проконсула.

— Нет.

— Это его дорога к дому, Забава, только и всего. Самая короткая дорога к дому.

— Что?! — прошептала председатель СЭКОНа. — Как вы сказали? Дорога к... дому?

Взгляд Грехова смягчился, наполнился странным мокрым блеском, словно Габриэль собирался заплакать, и еще в глубине его глаз проступила на миг такая тоска, что у Забавы перехватило дыхание.

— Он родился в Системе, Забава, на Марсе, а кроме того, в его генетическую память вошла память всех проглоченных им людей, понимаете? Со всеми вытекающими последствиями.

— Вы хотите сказать, что Конструктор... обладает теперь какими-то человеческими чертами? Почему же он в таком случае, признавая нас в качестве «крестных», не спешит вступить с нами в контакт?

— Я уже говорил и могу повторить: сей чудовищный монстр, способный погасить звезду и не заметить этого, — л и ч н о с т ь, хотя и не в человеческом понимании этого слова, но он гораздо сложнее всех тех прокрустовых рамок и определений, в которые вы пытаетесь его загнать. До сих пор человек, воспитанный на антропном принципе, убежден в том, что он — венец эволюции. Да не так это, существуют формы движения материи гораздо более сложные, на порядок-два выше человеческого разума, и вам рано или поздно придется принять это как данность, не зависимую ни от каких капризов логики. Не знаю даже, можно ли употреблять к такому существу термин «разумное», да и само слово «существо». Конструктор — наглядное доказательство нашей ограниченности. Надеюсь, он

все-таки заставит всех нас пересмотреть уютные, веками слагавшиеся стереотипы на жизнь вообще и на роль человека во Вселенной в частности. Я ответил на ваш вопрос? До свидания, коллеги, до встречи на Плутоне.

Грехов кинул последний взгляд на обзорный вием, показывающий мерцающее, струящееся тело Конструктора, и вышел в сопровождении молчаливой Анастасии Демидовой. Разговор Забавы и Габриэля слышали только Демин, Баренц и Железовский, остальные, присутствующие в зале, разбившись на группки, обсуждали ситуацию.

— Я его не поняла. — Забава Боянова зябко повела плечами, подойдя к Железовскому вплотную. — В его рассуждениях есть какой-то логический... впрочем, не логический, а скорее психологический прокол, какое-то несоответствие этике, эдакое пренебрежение свыше, принижение человеческого интеллекта и его нравственных принципов... Она снова поежилась. — И в то же время в его словах есть надежда, если не на Конструктора, то на самих нас... а с другой стороны, страшно, если Грехов прав и Конструктор ищет дорогу к дому, к той колыбели, из которой вышел. Ведь в этом случае нам снова придется решать вопрос защиты отечества, потому что любое его проявление «чувств» вблизи Солнца будет сродни всепланетной катастрофе. Окажутся ли доступными его сверхвниманию призывы не уничтожать наш дом?

— Успокойся, — мысленно ответил женщине Аристарх.

— Не могу, меня всю трясет. Если уж между нами и К-мигрантами объявилось столько различий, то сколько их между человеком и Конструктором, между его моралью и нашей? Насколько окажутся далеки друг от друга оценки поступков и шкалы ценностных ориентаций? И во что это выльется?

— Ты не учитываешь один фактор: Конструкторы — не просто предтечи, они в какой-то мере строители нашего мира и невольные, может быть, но родители человечества, а посему изначально н е в р а ж д е б н ы нам. Мы найдем способ договориться.

Забава улыбнулась.

— Во всяком случае, попытаемся. Хотя я буду настаивать на экстрамобилизации.

— Мне почему-то кажется, что Грехов поможет нам. Как-никак он мой крестный.

— А я все равно его боюсь и ничего не могу с собой поделать. В нем сокрыта бездна, по сравнению с которой мой внутренний мир — просто мелкое озерцо.

Железовский погладил спину женщины ладонью, и в это мгновение Конструктор исчез. Сначала все подумали, что по какой-то причине пропало изображение, передаваемое видеокамерами многих десятков зондов и аппаратов, но голос координирующего компьютера развеял недоумение:

— Конструктора не наблюдаю! В зоне его нахождения отмечаю колебания полей и гравитационные вихри, которые обычно сопутствуют ударным выделениям энергии в результате «нечистого» перехода на «струну».

По залу разлилась изумленная тишина, подчеркиваемая тихим зуммером какого-то автомата, взгляды присутствующих скрестились на фигуре Железовского.

— Где же его теперь искать? — растерянно спросил кто-то.

— «Полундра» службам в Системе! — объявил Железовский, отстраняя Забаву, оглянулся на остальных. — Где искать? Возле Солнца, вернее, возле Плутона или за его орбитой... если верить Грехову. ДД?

— Здесь, — шагнул из толпы Демин.

— Т-конус в этой точке пространства не нужен, сворачивайте комплекс. Исследовательскому флоту — старт к Земле, там решим, когда, что и как надлежит изучать. Флоту СПАС-службы...

— Внимание! — перебил комиссара инк. — В районе исчезновения Конструктора обнаружен плохо наблюдаемый объект в форме белесого шара массой около двухсот тысяч тонн.

— Что значит — плохо наблюдаемый? — быстро спросил Демин, переглядываясь с Железовским.

— Объект мерцает и почти не лоцируется, то есть отражает излучение радаров как разреженное облако дыма.

— С массой в двести тысяч тонн?

— Я сообщил показания экспресс-анализаторов... минуту!

— Что случилось? Дайте прямую связь с наблюдателями.

Голос в наушниках раций изменился:

— Я «пакмак»-два. Он разделился... нет, исчез... нет, на его месте что-то осталось... небольшой предмет... метра четыре в поперечнике...

— Что вы мямлите? Дайте картинку!

— Плохо вижу сам, вы не увидите совсем. Это небольшой обломок скалы в форме тетраэдра... Господи! Это «голем»!

Боянова вцепилась в руку комиссара.

— Аристарх!..

— Захватите его и доставьте на спейсер... со всеми предосторожностями. — Железовский накрыл ладонь Забавы своей. — Ты думаешь?..

— Это Берестов!

— А мерцающий шар?

— Неужели сам не догадался? Это мог быть только серый призрак.

О том, что Конструктор миновал ловушку Т-конуса, по «струне» ушел к Солнечной системе и остановился за орбитой Плутона (остановился — то есть стал двигаться со скоростью Солнца в пространстве), Анастасия узнала только на второй день после своего возвращения из района расположения Т-конуса, и не от Грехова, а от Егора. Сбежав от всех, в том числе и от Габриэля, никого не желая видеть, она заявилась в дом бабушки, расположенный под Рязанью в старинном русском селе Милославское, чем повергла ту в изумление и вызвала радостные охи и причитания, в свою очередь вызвавшие ответную реакцию. Женщины наплакались, насмотрелись друг на друга, наговорились вдосталь (нагомонились, так говорила баба Фруза), провели вечер в воспоминаниях и разглядывании фотоальбомов и долго не могли уснуть, вместе переживая впечатления от встречи, которые всколыхнули омут памяти. А рано утром, когда Насте приснился чудесный сон, будто она идет на лыжах по сказочно красивому зимнему лесу, в доме появился Егор Малыгин, учитель, «шаман первого сука».

Настя проснулась еще до того, как сухая и теплая ладонь бабы Фрузы коснулась ее волос, но сообразила не сразу, чего от нее хотят.

— Какой шаман? — недовольно спросила она, прячась под одеяло.

— Говорит, «первого сука», — зашептала бабушка. — Но человек хороший, добрый.

Сон с Насти как рукой сняло, и, спрыгнув с кровати, прямо в ночной рубашке, она выбежала из спальни в прихожую, где с невозмутимым видом подпирал потолок Егор Малыгин. С разбегу чмокнула его в щеку и вдруг отступила, побледнев.

— Ты... что?..

— А ничего, — певуче ответил Малыгин. — Однако холодно на дворе, хозяйка, чайку бы не мешало, с малиной.

Настя оглянулась на бабу Фрузу, с любопытством поглядывающую на обоих, прижала руки к груди.

— Бабуля, поставь чай, пожалуйста, это мой друг.

— Не вижу, что ли? Раненько заявился, и дня не выдержал. — Баба Фруза засеменила на кухню, сухонькая, беленькая, светящаяся насквозь, улыбающаяся так, что лучики морщинок превратили ее лицо в старинную икону.

Настя фыркнула, спохватилась, что стоит в рубашке, и умчалась в спальню, ткнув рукой в сторону гостиной:

— Иди в горницу, гость ранний. — Она уже успела воспринять общий эмоциональный фон Егора и поняла, что вести, которые он принес, если и не добрые, то и не злые.

В гостиной, устланной старинными коврами и увешанной расшитыми вручную полотенцами (дому было лет триста с гаком, но он стоял, свято храня традиции русского быта), она появилась в таком же старинном халате с золотыми петухами и цветочным орнаментом.

— Я тут маленько заблукал, — сказал гость, пряча улыбку в глазах. — Добрался до площади, пошел наобум, залез в болотце, думал — каюк, не выберусь.

Настя снова фыркнула.

— У нас тут отродясь болот не водилось.

— Да? Значит, это было в другом месте. Но если бы не болото, я бы еще раньше пришел.

— А пять часов утра — не рано. — Удивительное дело, но Настя чувствовала себя так, будто знала этого человека всю жизнь, и говорила с ним, как с другом детства, а не как со знакомым, которого видела всего второй раз в жизни.

— Не надо сказки рассказывать, что ты просто шел мимо и завернул на огонек. Что случилось, Егорша?

— А хорошо тут у вас. — Гость вдруг зевнул, сумев, однако, прикрыть рот ладонью. — Я, честно говоря, тоже спать хочу, поднялся ни свет ни заря. У нас, правда, уже давно полдень миновал. Не думал, что под Рязанью такие морозы стоят.

Настя только сейчас обратила внимание, что одет Малыгин почти по-летнему, в белую спортивную майку и лыжные брюки, хотя на дворе стоял январь. Тревога снова овладела девушкой, ее не развеяло даже появление бабы Фрузы с чаем. Но Егор умел разбираться в чувствах собеседницы.

— Две новости, — сказал он, с удовольствием отправляя в рот ложку малинового варенья и запивая его глот-

ком чая из блюдца. — Первая: Конструктор ушел из Гиппарха и торчит со вчерашнего дня за орбитой Плутона. — Он сделал еще глоток.

— Правда?! — растерялась Настя, едва не выронив чашку.

— Вторая новость. — Егор был невозмутим. — Пограничники поймали в том месте, где находился Конструктор, нашу машинку для работы в жутких условиях, «голем»...

Видимо, она на какое-то время потеряла способность дышать, видеть и слышать, а когда очнулась — Егор уже поднимал с пола выпавшую из ее ослабевших пальцев пустую чашку. Налил чаю, заставил ее сделать несколько глотков, снова сел.

— А еще интрасенс называется...

Настя молчала, глядя на него огромными бездонными глазами. Потом прошептала сухими губами:

— Говори!..

— Там внутри никого, — негромко сказал Малыгин. — Но это «голем» Ратибора. Безопасники пытаются спасти память инка, пока результатов нет. Куда девался сам Ратибор — неизвестно.

Настя прерывисто вздохнула, расслабилась, закрыла глаза, губы ее сложились в горькую улыбку.

— Габриэль прав, чудес не бывает.

— Ну, лично для меня эта философия не годится. — Егор допил чай, поклонился выглянувшей бабе Фрузе. — Примите низкий поклон за гостеприимство, это не чай, а истинное чудо! Как и варенье. Спасибо вам.

Бабушка снова засветилась улыбкой.

— За что ж спасибо, мил человек? Чай — это еще не гостеприимство. Заходи почаще да пораньше. Мы люди простые, деревенские, чем богаты, тем и рады.

— Не надо, бабуля, — снова улыбнулась — через силу — Настя. — Он действительно шаман и все про нас знает.

— И про то знаю, что деревня на Руси не умерла только благодаря таким, как вы. — Малыгин прижал руку к сердцу. — И что люди корни свои знают, прошлое не забывают благодаря таким, как вы. И что доброта на Земле сохранилась только благодаря таким людям, как вы. Вот за это и спасибо. — Он встал. — Ну, я пошел?

Настя проводила его до двери.

— Заходи, когда сможешь, я тут поживу немного.

— Я так и подумал, а потому поговорил кое с кем, тебе позвонят, если что-нибудь выяснится. Но вот что

любопытно: «голем»-то этот оставил — кто бы ты думала? Серый призрак. С чего бы это, а? И зачем ему спасать машину без пассажира? — Егор кивнул и, поцеловав Насте руку, вышел, а та осталась стоять на ослабевших ногах, прислушиваясь к усиливающемуся тонкому звону в голове и вспоминая слова из старинного романа «Аэлита»: «Где ты, где ты, сын неба?..»

Где ты, Ратибор? Где т в о я дорога к дому?..

ОТЦЫ И ДЕТИ

Железовский усадил Анастасию возле мини-бассейна, заросшего кувшинками, и уселся сам, обратив к ней обветренное, с ощутимо твердым рельефом, лицо. Вся его фигура дышала уверенностью в своих силах, непоколебимым спокойствием и надежностью, и девушка немного успокоилась, мимолетно отметив на волосах комиссара налет седины, которого раньше не замечала.

Им не надо было прятаться за слова или искать в интонациях оттенки смысла, оба знали свои интрасенсорные возможности, и поэтому разговор начался в пси-диапазоне.

— У меня всего несколько минут, — сказал Железовский, помня предупреждение Забавы насчет состояния девушки.

— Этого достаточно. Как ваше плечо?

— Спасибо, нормально.

— Я хочу работать с вами, надоело хныкать да искать одиночества.

— Вряд ли это возможно... во всяком случае, в данный момент.

— Я могу работать по МАВРу.

— Штаты МАВРа, увы, заполнены. К тому же СЭКОН запретил нам привлекать непрофессионалов к работе в условиях тревоги.

— Тогда я попрошусь к пограничникам.

Слабая улыбка тронула губы комиссара.

— Похоже, права старая пословица: сила желания пропорциональна строгости запрета[1].

На щеки Анастасии легла легкая краска.

— Но я могу принести пользу...

— Хорошо, я подумаю.

---

[1] Бертран Рассел.

— Мне известно, что найдена... капсула «голема», пустая... а Берестов? Где он? Есть что-нибудь новое?

— Инк «голема» кристаллически мертв, это просто металло-керамический конгломерат с разрушенными блоками памяти, специалисты почти ничего не смогли из него выудить. — Железовский некоторое время молча размышлял. — Единственное, что известно достоверно, — Ратибор не погиб после «выстрела» чужанского генератора пробоя, он проник внутрь Конструктора и некоторое время находился в нем.

— Говорят, что капсулу «голема» оставил серый призрак...

— У вас вполне объективная информация.

— Не иронизируйте, Аристарх, я хотела сказать, что серый призрак не стал бы без причин оставлять машину без экипажа. Век назад, когда наши исследователи обнаружили Тартар, серые призраки лишь трижды контактировали с людьми, и в каждом конкретном случае они вмешивались в ситуацию, безусловно угрожающую жизни людей. Габриэль может подтвердить.

— В общем-то, я и это знаю. Допустимы три варианта: первый — Берестов погиб, второй — остался внутри Конструктора... что также равносильно гибели, и третий...

Анастасия прерывисто вздохнула.

— И третий — его забрал серый призрак, — докончил Железовский. — Дальнейшая судьба его неизвестна. Что касается Грехова... вы знаете, где он?

— Нет. С ним тоже что-то?!

— Боже сохрани, что может случиться с экзосенсом вообще и с таким, как проконсул, в частности? Он сейчас накручивает витки вокруг Конструктора. Один. Вернее, в компании с роидом. Он не говорил вам, что собирается делать?

— Он никогда ничего не говорит сам, только если его спросить, вы же знаете. Но я могу догадываться...

— Можете или догадываетесь?

— Снова иронизируете? — рассердилась Анастасия и получила в ответ образ: призрак Железовского на коленях с виновато опущенной головой и прижатыми к груди руками.

— Больше не буду.

— Габриэль, наверное, хочет... встретиться с серыми призраками. Он уже дважды встречался с ними, то есть они дважды спасали его.

— Понял, спасибо. Вы прояснили ситуацию. Только хочу дать совет: не спешите делать глупости. Я имею в виду, что в Системе введен в действие режим ГО, и передвижение в ее пределах всем транспортным средствам без особого разрешения запрещено.

— Режим ГО?! — поразилась Настя. — Это же... прошло столько лет, а термин не забыт?

— Да, прошло уже изрядно времени с тех пор, когда люди знали, что такое «гражданская оборона». Увы, пришла пора реставрировать не только термин, но и его смысл. Вчера по всем видеоканалам было передано сообщение о появлении Конструктора и заявление правительства Земли о соблюдении мер предосторожности и безопасности. Вы не слышали?

— К сожалению.

Железовский встал, за ним Анастасия.

— Прошу прощения, мне надо идти. Желаю добрых вестей. — Комиссар оказался вдруг рядом с ней, легонько сжал плечо, лицо его уже не казалось каменным. — Я вас найду.

— Спасибо, — прошептала девушка ему вслед.

Баренц ждал Железовского в его кабинете и начал пси-разговор в ускоренном темпе:

— Наконец-то! Я ищу по всему управлению. Что с плечом?

— Без последствий.

— Резерв или УРТ?[1]

— Я сам с усам. Ты для этого меня искал?

— До заседания совета два часа, а мы не обладаем полной информацией о расстановке сил. В Системе полно чужан и серых призраков...

— Ни те ни другие опасности для нас не представляют. Пусть они и не сторонники диалога, в полном отсутствии этики территориальных отношений их упрекнуть нельзя, дальше орбиты Нептуна они не заходят.

— А К-мигранты? Вы определили, под кого они маскируются?

Железовский сел и, не теряя нити разговора, пробежал глазами панель стола с ползущими в глубине строками важнейших бланк-сообщений; если информация его заинтересовывала, комиссар ставил над строкой мысленную точку и получал развернутое инком отдела сообщение.

---

[1] УРТ — сеанс ускоренной регенерации тканей.

— Пока не определили. Ты же знаешь, поведение К-мигрантов не алгоритмируется, не поддается никакому логическому и абстрактному анализу. В силу интеллектуальных и энергетических возможностей они должны были бы абсолютно точно просчитывать целесообразность и результативность терактов и прекратить эту свою «повстанческую» деятельность, а коль этого не произошло, значит, мы не все о них знаем.

— Согласен, их поведение, неадекватное реальному положению вещей, сбивает с толку, но учти, в большом совете многие задаются вопросами — почему все это не тревожит безопасность?

— Знакомые голоса, полюс перестраховщиков.

— Есть и прямо противоположные мнения.

— Этих «гуманистов» я тоже знаю — «Общество по спасению Конструктора». Никто из них не видит, как он стучится в дверь? Ты, конечно, уже знаешь о том, что идет накопление траекторных возмущений внешних планет, так вот, если дело пойдет так и дальше, в Системе скоро начнутся необратимые изменения. Выдвигать тезис «спасения Конструктора» в данной ситуации все равно что в падающем от столкновения с орлом летательном аппарате кричать «спасем птицу!».

— Это ты объяснишь совету. Чего еще я не знаю?

— Психологи разрабатывают гипотезу, что Конструктор, когда уходил, не смог или не захотел воспроизвести в копиях людей все запасы приобретенной ими информации, в том числе и социально воспитанные.

— Ты хочешь сказать, что К-мигранты психически неполноценны, несмотря на высокие интеллектуальные показатели? Что это нам даст?

— Не знаю. Может быть, ничего. Мы все равно не имеем права уничтожать их при выявлении без предупреждения, хотя Грехов и советовал. И все же проблема К-мигрантов не главная, мы в конце концов вычислим их, ребята работают и есть результаты: скорее всего, К-мигранты маскируются под чужан, копируя технику и облик самих роидов. Что будем делать с Конструктором? Забава не настаивает на его уничтожении, но, если мы примем решение оставить его в покое, вряд ли он оставит нас, и тогда волей-неволей придется или стрелять, или... убираться из Системы.

— А ты уверен, что, во-первых, он не ответит на стрельбу и, во-вторых, она окажется эффективной?

— Нет, — ответил Железовский после паузы.

— И я нет. Так что же мы предложим совету?

— Это твоя забота, я исполнитель, и забот у меня хватает своих. Ты знаешь, что такое монополь?

— В рамках институтского курса. Это гипотетическая элементарная частица с одним магнитным полюсом. Никто их не наблюдал и вряд ли сможет наблюдать когда-либо, рождались они в эпоху инфляционного раздувания Вселенной и рассеялись по колоссальному пространству.

— Ученые думали так же до вчерашнего дня. Зафиксированы уже две струи монополей, а из того же курса физики ты должен бы знать, что монополи мгновенно разрушают протоны. Простенькая реакция, в результате от протона остается позитрон и мезоны, а монополь продолжает жить, ища «новую жертву». Представляешь, что будет, когда такая частица, так сказать невидимый убийца вещества, выпадет на любую из планет?

Глаза мужчин встретились. Железовский кивнул.

— Вот именно, страшно. Хотя для меня самое страшное заключается в том, что мы до сих пор не нашли способа внушить Конструктору наши желания. Судя по его поведению, Берестов не дошел, не смог донести наши сообщения по назначению, и я теперь жалею, что вместо него не пошел Грехов. Впрочем, этот шанс остается, и дай Бог, чтобы он не оказался последним.

— Хох! — Оба разом вскинули вверх сжатые кулаки.

Спейсер погранслужбы «Клондайк» жил привычной жизнью пограничного корабля, ничем не отличающейся от жизни погранфлота в контролируемом землянами районе космоса, хотя объектом его внимания был на сей раз чудовищный пришелец из таких глубин Вселенной, что разум отказывался воспринимать чисто умозрительные космологические гипотезы, далекие от всяких реалий. Еще два спейсера несли службу непосредственно возле Конструктора, выполняя одновременно функции базовых «гиппо», то есть научно-исследовательских баз. Остальной флот человечества группировался возле обитаемых планет Системы, отрабатывая непривычные, режущие слух, вызывающие мрачные ассоциации времен Разделенного Мира команды по режиму ГО.

Благодаря четкой работе безопасников и оперативно подготовленным и переданным информслужбой сообщениям паники глобального масштаба не произошло, были отмечены лишь ее региональные рецидивы, подогретые,

правда, «идеологами» всяческих обществ, как по «спасению Конструктора», так и по его «скорейшим похоронам», однако все почувствовали дыхание нависшей над миром опасности, психологическое давление которой создало атмосферу неуверенности и тревожного ожидания. Эра вселенского оптимизма кончилась, началась эра взвешивания слов и дел, решений и поступков, жизни и смерти.

В десантном зале спейсера «Клондайк» царила дежурная тишина, изредка нарушаемая короткими репликами командира, киб-интеллекта спейсера по имени Мартин и начальников смен и обойм погранвахты. Перед обзорным виомом в кокон-креслах оперативного управления десантом сидели двое, командор погранслужбы Ингвар Эрберг и Аристарх Железовский. На кресла сходились каналы оперативной компьютерной связи, информационного обеспечения и контроля вахт практически всей Солнечной системы, и не было ничего удивительного в том, что дежурную работу выполняли руководители столь высокого ранга — ситуация требовала исключительных мер, и цена принимаемых решений была исключительно высока. Если обстоятельства того требовали, в зале появлялся третий член квалитета ответственности, председатель ВКС и его заместители, либо председатель Совета безопасности, либо члены СЭКОНа.

В глубине обзорного виома застыла одна картина: плавно меняющая форму, зыбкая, хрупкая на вид, зернистая, текучая, как пламя костра, фигура Конструктора, добравшегося до орбиты Плутона и продолжавшего медленно двигаться под углом к плоскости эклиптики в глубь Солнечной системы, к Солнцу. В данный момент его скорость составляла всего двадцать шесть километров в секунду. Изображения с видеокамер других аппаратов передавались дежурным прямо в мозг в соответствии с задачами, которые они решали.

Заседание Совета безопасности, состоявшееся несколько часов назад и прошедшее в бурных дискуссиях, снова выявило неподготовленность человечества к решению проблем, подобных проблеме Конструктора, несмотря на опыт цивилизации и достижения культуры в целом: в дело вмешались нюансы психологии, скрытые в человеческом «я», которыми почти не занималась наука, и совет по сути превратился в разобщенную, раздираемую противоречиями систему. Конкретные решения не были приняты ни по одному поднятому вопросу: что делать с Конструктором,

как установить с ним связь, готовить ли удар по нему, вводить ли в Системе «экстремальную мобилизацию». В конце концов решили подготовить заседание более тщательно, определили составы комиссии по каждому вопросу и наметили сроки выполнения задач анализа и прогноза — трое суток, но никто не смог дать рекомендаций тревожным службам человечества — как им поступать в том или ином случае; руководителям этих служб можно было полагаться только на собственные силы, знания, опыт и мудрость.

— Запрос Савичу, — вызвал Железовский мысленно.

Через две секунды пришел ответ — Мартин выудил пси-голос ученого из каши тысяч сигналов и передач, пронзающих пространство в разных направлениях:

— Савич на связи.

— Что нового?

— Банк данных по К-проблеме пополняется, причем наиболее интересная информация поступает от групп, работающих с бывшими звездами омегой и ню Гиппарха. Например, установлено, что в районах этих сверхстранных объектов физические константы не соответствуют законам нашего континуума. Для них квантиль, отвечающий заданному уровню вероятности, равен... — Савич умолк. — Прошу прощения, терминологическая абракадабра вам ни к чему.

— Можете дать конкретные рекомендации?

— Работаем в этом направлении.

— Медленно работаете. Канал БВ еще дышит?

— Это, по сути, уже не канал, а глюонная «струна», потихоньку рвущаяся на кварковые «капли». Пространство на всем протяжении БВ стабилизируется. Что касается самого Конструктора, то есть определенные позитивные сдвиги в его поведении. Могу сообщить его реакцию на некоторые из наших программ. Группа Мещерякова работает с музыкой в различных вариациях, и в ответ на одну из передач Конструктор выдал свою музыку — стохастическую, с характеристиками, доступными разве что композитору-гению.

— Не преувеличивайте.

— Ни капли! Знаете, с чем это можно сравнить? Как если бы в ответ на свист погонщика слона, пусть и художественный, слон вдруг ответил сложнейшей музыкальной фразой из произведения Скрябина.

— Вряд ли наша музыка, основанная средой, эмоциями, идеологией, индивидуальной психической культурой,

вызывает у него переживания, — пришел чей-то пси-импульс. — Конструктор, конечно, может понять, что человеческие музыкальные шедевры выполнены с великим мастерством, но едва ли способен взволноваться настолько, чтобы ответить.

Савич засмеялся.

— Коллега Паволс? Похоже, выводы коллеги Мещерякова вызывают у вас не совсем положительные эмоции.

— Я уже имел честь спорить с Мещеряковым, но ученому надо быть последовательным и точным в терминологии, особенно по отношению к столь сложному объекту, как ваш Конструктор, иначе смысловая аберрация неизбежно ведет...

— Стоп! — сказал Железовский. — Теоретические споры — не на треке.

— Прошу прощения, — отозвался Мартин, — пропустил реплику при выключенном информайзинге[1].

— У вас все? — осведомился комиссар у Савича.

— Все, — ответил ксенолог. — И все же для иллюстрации разговора о музыкальном совершенстве прошу послушать отрывок передачи Конструктора.

— Давайте, — после паузы согласился Железовский.

Где-то далеко-далеко родились странные звуки, словно кто-то учился играть на скрипке, пианино и трубе одновременно. А потом в уши, в мозг, в тело, хлынула цепенящая, таинственная, завораживающая и будоражащая одновременно неземная музыка. Она заполнила комиссара до краев, хлынула наружу — через глаза, слезами, затопила пространство и время, стерла границы между завтра и вчера. В ней звучали небывалая мука и сумасшедшая радость, смешиваемые в хрустальный водопад звуков. Железовский почувствовал, что погружается в музыкальную пучину все глубже и глубже, растворяясь в этом томяще-сладком хаосе, не желая сопротивляться, думать и чувствовать что-то еще...

Выключение передачи он воспринял как холодный душ.

— Ну как? — донесся голос Савича.

— Дьявольщина! — только и смог выговорить ошеломленный Железовский.

— Поэт сказал бы иначе. Вот, послушайте:

---

[1] Информайзинг — оптимизация поступления информации.

В песне Мерлина — Судьбы
Потрясенное звучанье;
Клич воинственной трубы;
Тяжкий стон и задыханье
Рек, зажатых подо льдом;
Голос площадей ревущих;
Стук сердец и пушек гром;
Поступь воинов идущих;
И пустынника в глуши
Вопль о крепости души[1].

— Похоже, он когда-то слышал нечто подобное, точнее и образнее сказать невозможно. Спасибо, вы заставили меня познакомиться с собственным «я». Но к делу. Чем еще, кроме орбитальных нарушений, грозит нам проникновение Конструктора в Систему?

— Не знаю, — помолчав, ответил ксенолог. — Вариантами прогнозов занимаются эфаналитики. Сам Конструктор — система с очень высокой степенью утилизации отходов, почти как черная дыра, его «след» в отличие от следа БВ чист — ни радиации, ни каких-то шлаков, ни «мусора» он не оставляет...

— А монополи, кварковые «мешки», различные К-эффекты — не мусор, по-вашему?

Савич не нашелся что ответить.

— Конец диалогу. — Железовский покосился на соседа, который слышал разговор.

— Хотел бы я знать, — сказал Эрберг, что ему надо у Солнца? Если человеком движет желание постичь смысл чудес и явлений, то что движет Конструктором? Ведь эта музыка... сродни самой природе, стихии, Вселенной! Никогда в жизни не слышал ничего подобного, даже близко! Лед и пламя! Нет, не так: стон и смех... Впрочем, описать невозможно. Но ведь если на нас так действует его музыка, значит, что-то мы можем понять? Шанс взаимопонимания все-таки существует?

Железовский молчал, вслушиваясь в привычные шумы населенного космоса, отсеивая будничные переговоры пограничников и ученых. Громада Конструктора проплывала мимо торжественно и бесшумно, вспыхивая неяркими переливами свечения и гроздьями искр, будто на его тлеющей поверхности горели колоссальной протяженности леса...

— Пост-семь, — раздался голос командира одной из застав наблюдателей. — Появились роиды. Даю картинку.

---

[1] Ральф Уолдо Эмерсон.

Изображение в обзорном виоме не изменилось, но и Железовский и Эрберг получили одинаковую пси-передачу: перед их глазами, чуть слева, появилась световая окружность, приблизилась раз и два, пока не заняла все поле видения, и в черном колодце передачи, перечеркнутом по центру крестом визира, всплыла цепочка светящихся зеленоватых пятен.

— Очередь из одиннадцати кораблей, — продолжал наблюдатель. — Размеры колеблются от двухсот метров до двух километров, скорость «очереди» — сто сорок четыре каэмэс, направление — на «северное плечо». На вызовы — ноль внимания.

Эрберг и Железовский переглянулись.

— Психическая атака, что ли? — пробормотал командор погранслужбы. — Чего они хотят добиться? И ведь не впервые, разве что масштабы «атаки» раз от разу увеличиваются. Вчера «самоубийц» было семеро.

— Издали они напоминают мне скорее пиратские брандеры. Может быть, внутри Конструктора на роидов уже не действуют капсулирующие силы, гравитация, наши физические законы, и они раскрываются, выпуская «на волю» живущих в них существ?

— Пусть ими занимаются фридманологи и ксенопсихологи, у меня воображения поменьше, и голова болит совсем по другим поводам.

«Очередь» чужанских космолетов, похожих на чудовищных морских ежей, без труда преодолела десятитысячекилометровый слой вихревых полей, укутывающий тело Конструктора, и вошла, как нож в масло, в одну из колоссальных щелей, разделяющих отдельные гранулы. Одиннадцать фиолетовых вспышек отметили наблюдатели, одиннадцать нейтринных всплесков — и больше ничего. Конструктор словно не почувствовал столкновения, пребывая в состоянии дремы, а может быть, философской задумчивости.

— Где остальные? — спросил Железовский.

— Около двух тысяч роятся в кильватерной струе Конструктора, — доложил Мартин. — Небольшие скопления — по пять-семь-девять кораблей — описывают вокруг него ломаные траектории. Одиночки рыскают вокруг, иногда залетая за орбиту Урана. Причем, что самое интересное, как только это случается, моментально появляются серые призраки и сопровождают транспорты роидов до тех пор, пока те возвращаются обратно.

— Связи с призраками нет?

— Я бы сразу сообщил.

— Много их в Системе?

— Вряд ли серых призраков можно сосчитать, как чужан, они почти не лоцируются и ходят практически бесшумно, то есть без всяких вспышек, колебаний электромагнитных полей, нарушений метрики и прочих эффектов. Пока замечено семь призраков, да и то пять из них «мигают» — то появляются, то исчезают, и лишь один дежурит постоянно. Кстати, возле него крутится и «пакмак» СЭКОНа.

— Это машина Грехова.

— Хотел бы я знать, что ему нужно, — проворчал Эрберг вслух.

— Так спроси, — философски посоветовал Железовский так же вслух.

Командор погранслужбы хмыкнул.

— А сам что же не рискнешь? Или ты у него в долгу, как крестник, и не хочешь лишний раз напоминать о себе?

— Знаешь, при разговоре с ним меня не покидает ощущение, что он з н а е т все! А у Забавы вообще развился комплекс неполноценности, в его присутствии она буквально ощетинивается, собирается в комок, словно ждет нападения... или в крайнем случае какого-то подвоха. Кстати, от подруги Грехова Анастасии Демидовой Забава услышала утверждение, что у него а б с о л ю т н а я память! То есть он помнит все прожитые моменты. Как тебе это нравится?

— Никак. Бедный проконсул! Хотя он вряд ли нуждается в сочувствии. Он хомозавр, а не человек, как и К-мигранты.

— Ну, это ты напрасно, просто у него ген резерва работает в полную силу, и возможно, он человек больше, чем мы с тобой.

— «Пакмак» Грехова возвращается, — доложил Мартин. — Даю зеленую улицу. Через полчаса будет на борту.

— Наверное, он подслушал наши мысли, — предположил Аристарх хладнокровно, поглядев на соседа.

Эрберг засмеялся.

— Это уже из области черной магии.

В течение получаса они вслушивались в переговоры подчиненных, изредка отвечая на прямые вопросы, вызывали нужных абонентов, передавали распоряжения и принимали поступающие сообщения, физически ощущая, как с каждой секундой колоссальное тело Конструктора углуб-

ляется в пространство Системы, приближаясь к Солнцу и к Земле. А потом на спейсер прибыл Грехов.

Проконсул вошел в зал в обычном своем одеянии — в черном, с металлическими полосами на груди, кокосе, остановился у кресла Железовского, глядя на светящиеся контуры многосложной фигуры Конструктора. Сказал вслух, не прибегая к пси-обмену:

— Ну и что решили уважаемые члены капитула[1] насчет блудного вседержителя?

— Вы о Конструкторе? — вежливо спросил Железовский.

— О нем, болезном.

— СЭКОН предложил жесткую программу под названием «Предупреждение Титаника».

— Весьма недвусмысленное название. Подробности?

Комиссар отмолчался, и ответил Эрберг:

— Две сотни излучателей начинают работать синхронно, создавая на пути Конструктора плотный энергетический конус. Если это его не остановит, следующий щит будет из антиматерии. Последним в программе стоит квагма-заслон[2].

Грехов прищурился. Ему не надо было объяснять, что такое квагма-заслон — возбуждение и усиление колебаний вакуума, сопровождающихся рождением «голых» кварков.

— Вы считаете, что эти ваши действия смогут остановить Конструктора?

— А вы считаете, не смогут? — осведомился Эрберг. — Ни одно материальное тело не способно выдержать кипение кварковой «пены». Уничтожить Конструктора мы, конечно, не сможем, но почувствовать боль заставим.

— Ясно. Рисковые ребята в СЭКОНе, если строят свои прогнозы на энтимеме[3], забывая, к чему приводят поспешные обобщения. Ведь уже все убедились, что Конструктор — не просто материальное тело и на него не распространяются законы физики. Он живет по своим законам. Известно ли вам, что каждый физически реализуемый сигнал ограничен по мощности, в том числе и энергетический импульс типа «суперструнного» воз-

---

[1] Капитул — собрание рыцарского ордена.

[2] Квагма — кварко-глюонная плазма; кварки — частицы, из которых состоят элементарные частицы: протон, нейтрон и др., глюоны — частицы, «склеивающие» кварки в обычные частицы.

[3] Энтимема — сокращенное умозаключение.

буждения вакуума? Так вот для уничтожения Конструктора необходим энергоимпульс б е с к о н е ч н о й мощности!

— Чушь! — вырвалось у Эрберга, однако он тут же поправился. — Извините, но я математик, и ваше высказывание для меня — что красная тряпка для быка, чисто дилетантское заявление.

Грехов хмуро улыбнулся, ответил иронично-спокойным взглядом Железовскому, указал на пустующее кресло:

— Разрешите посидеть тут с вами? Не помешаю? Надо собраться с мыслями. Чего-то я не учитываю в своих экспериментах.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Грехов помолчал, заметил разрешающий кивок Железовского и сел в пустующее кресло.

— Хочу найти одного приятеля, спросить его о Берестове.

— А полномочия?

— Оставь, Ингвар, — мысленно одернул Эрберга комиссар. — У него карт-бланш Совета безопасности. Да и причем тут полномочия?

В глазах Грехова промелькнула насмешливая искра; несмотря на отсутствие пси-рации, он услышал реплику, но заговорил о другом:

— Аристарх, я тоже сожалею, что не смог отговорить Берестова от визита, его миссия с самого начала была обречена на провал, ибо любой орган Конструктора — если воспользоваться земной терминологией — это область пространства огромной информационной емкости, и выдержать гигантское давление информации ни один человек не может... хотя у Берестова шанс был, все-таки в нем проклюнулся интрасенс.

— Что же вы не доказали этого еще тогда, до запуска послов? — хмыкнул Эрберг.

— Мне не поверили бы. А времени на подробный футур-анализ у вас не было.

— Что правда, то правда, — кивнул Эрберг, замер. — Простите, я на связи.

Железовский выслушал сообщение о появлении еще одного пакета роидов в сопровождении серого призрака, глянул на Грехова:

— Зачем вам связь с «призраками»? Вряд ли только для выяснения судьбы Ратибора.

— Не только. — Проконсул заговорил не сразу. — Меня интересуют кое-какие философские аспекты бытия

— Какие, если не секрет?

Грехов удивленно посмотрел на комиссара, потом понял и улыбнулся с какой-то глубоко затаенной жалостью, обращенной тем не менее не к Железовскому, а неизвестно к кому.

— И что есть разум? И что есть любовь? И что есть жизнь?

Железовский улыбнулся в ответ, он тоже читал «Листья травы» Уолта Уитмена.

В разговор то и дело вмешивались голоса дежурных, командиров погранпостов, оперативных групп, исследовательских отрядов, инков, управляющих всем непрерывно маневрирующим флотом и контролирующих сложнейшую систему взаимодействия включенных в работу коллективов, поэтому комиссар предложил Грехову надеть пси-радио, чтобы каждый раз не извиняться за молчание. Проконсул молча включил кресло и подсоединился к тревожному каналу компьютерной связи в тот момент, когда Мартин сообщил о появлении нового конвоя, как стали называть пограничники редкие группки роидов и серых призраков. Группы эти действительно напоминали конвои: впереди мчался призрак, за ним корабль чужан, и замыкал колонну еще один серый призрак, а то и два. Конвои обычно появлялись из глубин пространства и выходили в лоб Конструктору, словно шли на таран, а Конструктор после столкновения «включал прожектор» — из района падения корабля роидов вырастал толстый, диаметром в километр, луч света.

Посмотрев картину столкновения, выведенную на обзорный виом, и выслушав идеи ученых по этому поводу, руководители погранвахты снова обратили внимание на собеседника, который вдруг попросил координатора сообщать ему новости о перемещении серых призраков.

— Индекс ВП? — спросил Мартин.

— Сто[1]. — Грехов кинул беглый взгляд на Эрберга, недовольного решением коллеги. — Прошу прощения, я не слишком злоупотребляю машинным обеспечением? Не хотелось бы ссылаться на необходимость каждого шага.

---

[1] Высший балл по шкале ВП — важности и первоочередности; шкала разработана для компьютерного обеспечения человеческой деятельности в чрезвычайных обстоятельствах в связи с конечной — и недостаточно высокой — скоростью реакций человека.

Командор вспомнил о карт-бланше и проглотил готовые вырваться возражения, признавая в душе, что работать Грехов не мешал.

— Если бдение в кресле можно назвать работой, — меланхолически отозвался Железовский мысленно.

— Работа работе рознь, — возразил Эрберг. — Но мне лучше засыпать вулкан вручную, лопатой, чем сидеть на собственных нервах и дергаться от каждого шороха и скрипа.

— Стареешь, мастер, пора давать дорогу молодежи.

— На себя посмотри.

— Я и о себе говорю то же самое. Вернется Ратибор, уйду.

— Ты все еще веришь, что он вернется?

Железовский не ответил. Их разговор шел в личном диапазоне пси-связи, и Грехов его не слышал.

Эрберг вдруг оживился.

— Габриэль, это легенда или правда, что вы дважды попадали внутрь Конструктора?

— Правда, — ответил Грехов равнодушно.

— И можете с уверенностью утверждать, что он — прапредок всех форм жизни в Метагалактике? Честно говоря, поверить в это трудно. Я могу принять на веру, что Конструкторы могли творить звезды и галактики, но... возможно, мне не хватает воображения?

— Конструкторы не создавали собственно звезды и галактики, вообще звездные скопления, это ложное представление об их деятельности. Они приготовили б а з у для возникновения звезд — трехмерное пространство, свернув остальные девять измерений; как известно, Вселенная рождалась двенадцатимерной. Кроме того, они изменили и кое-что еще.

Эрберг хмыкнул, покосился на Железовского, ничем не выдавшего своего отношения к сказанному.

— Весьма интригующее заявление. Словно вы и в самом деле были свидетелем деятельности Конструкторов. Что же они изменили еще, кроме количества измерений?

— Не лезь ты к нему в душу, — посоветовал Железовский. — Никто не знает пределов его знаний, а ты, кстати, не фридманолог, чтобы поддерживать спор на профессиональном уровне.

— Я математик и космологию знаю достаточно, к тому же не люблю высокопарных заявлений.

— Напрасно вы иронизируете, — с необычной мягкостью сказал Грехов, разглядывая Эрберга умными, угрюмыми глазами. — Самое глубокое заблуждение — в фило-

софском смысле — люди сохранили еще с двадцатого века, сформулировав антропный принцип. Да, жизнь, в том числе и разумная, — уникальное явление во вселенной, но это вовсе не значит, что природа «старалась» именно для человека, подгоняя свои законы под его условия существования. Вы действительно не фридманолог, иначе знали бы, что уже сейчас наукой накоплено достаточно данных, чтобы сделать вывод: закономерности эволюции и структура нашего метагалактического домена Вселенной таковы, что люди могут, но не должны существовать.

Грехов помолчал, взгляд его был полон сочувствия, но не к одному конкретному человеку, а к человечеству вообще, Железовский почувствовал это.

— Что вы хотите сказать? — спросил озадаченный Эрберг. — Разве антропный принцип перестал работать? Разве условия, необходимые для существования сложных структур, подобных биологическим, не выглядят так, словно их специально «подгоняли» для возникновения носителя разума — человека?

Грехов покачал головой.

— Кто сказал, что разумная жизнь является высшей формой движения материи? В принципе разум — это изобретение природы, приводящее обычно вид, который им награжден, к эволюционному тупику, и Конструктор — живой свидетель этого постулата. За время скитаний в космосе, еще в форме споры, он не раз встречал обломки цивилизаций, и только человечество, выжив в борьбе с самим собой, составило исключение из правил.

— Это вам сказал сам Конструктор? — не удержался от сарказма командор погранслужбы.

— Да, — спокойно парировал Грехов. — Конструкторы и в самом деле подгоняли условия к осуществлению жизни в нашем уголке Вселенной, но не для человека. Мы — случайные их дети, как и другие разумные, кстати.

— Чужане? Серые призраки?

— Чужане — гости нашей Вселенной, пробившиеся к нам из какой-то другой. Я имел в виду существ, встречи с которыми еще впереди.

Эрберг фыркнул.

— Так спокойно и серьезно рассуждать об этом может только пророк или мистификатор.

— Так считайте меня пророком.

Эрберг не выдержал принятого тона и рассмеялся.

— Всякое читал, мнения философов слушал, но чтобы человек оказался ошибкой в эволюции — слышу впервые.

— Вы хорошо сформулировали: человек — ошибка эволюции. Сколько веков мы возводили в ранг абсолюта лозунг: все — для блага человека! — игнорируя стоны протестующей природы, и в результате подошли к глобальному экологическому кризису, едва не погубившему цивилизацию. Сколько лет мы игнорировали истину: первичный фактор эволюции — д и с к о м ф о р т особи, комфорт ведет к застою и гибели вида! Что удержало человечество от гибели, какие факторы? Да элементарнейшие! Сначала стресс от сценария ядерной войны, а потом стресс от начавшейся цепной реакции гниения экологической ниши. Когда-то в моде были высказывания, что мир спасут красота и чувство юмора. Не спасли. Спасло человечество только глобальное осмысление последствий стрессовых ситуаций. Кстати, стрессы, подобные явлению Конструктора, тоже эволюционно необходимы человечеству, иначе оно выродится. Оно и так оказалось глухим к доводам гуманизма, решив судьбу Конструктора. А ведь мы всегда кичились своей нравственностью, этикой, моралью. Чего же мы ждем от него, от н е ч е л о в е к а?

Эрберг, задумавшись, молчал.

Снова по всей громадной сети компьютерной связи, опутывающей Солнечную систему невидимой паутиной, прошел бестелесный сигнал-молния, результаты анализа обстановки интелматами службы пространства: «В Системе введен режим ГО. Все туристические маршруты закрыты. Транспортным службам вменено в обязанность координировать доставку грузов и пассажиров с погрансектором УАСС». Затем Мартин сообщил о задержании на базах Ганимеда и Тритона четырех любителей острых ощущений в возрасте от четырнадцати до двадцати лет и о появлении очередного конвоя. В тот же момент Грехов быстро выбрался из кокон-кресла.

— Кажется, это те, кто мне нужен. Прошу прощения за менторский тон, я и сам не люблю сентенций и нравоучений, и на вашем месте отнесся бы к подобным разглагольствованиям с таким же скептицизмом. Просто я волнуюсь... к собственному удивлению, и поэтому болтлив как никогда.

— Снова пойдете к «призракам»?

— Если не возражаете.

— Подстраховать?

— Спасибо, не надо.

Грехов ушел, стремительный и бесшумный как тень.

— Прошу обратить на «пакмак» проконсула особое внимание, — предупредил Железовский координатора. — Держать визуальный контакт непрерывно, обойме риска из резерва быть готовой к прыжку.

— Пошел контроль, — ответил Мартин.

— Ты записал, что он тут наговорил? — понизил голос Эрберг, будто Грехов мог его слышать; вытер платком вспотевший лоб.

— Записал.

— Дашь мне кассету, послушаю на досуге еще раз. Да-а, комиссар, не каждому удается услышать откровения экзосенса. Оказывается, проблема отцов и детей гораздо старше человечества, а? Это что же, выходит, что у меня кроме обычных есть еще и дедушка-Конструктор? — Эрберг хохотнул. — Прапрадедушка динозавров! Твой Грехов или сумасшедший, или действительно... пророк. Как ты думаешь, он всерьез говорил или шутил? Я плохо разбираюсь в его интонациях.

Железовский не ответил. Он тоже не очень хорошо разбирался в интонациях голоса и жестах Габриэля и размышлял над тем, к чему относилась горечь, с которой говорил Грехов.

— Дай-ка мне еще раз послушать супермузыку, — попросил он координатора. Однако Мартин не успел включить запись — громадное тело Конструктора вдруг шевельнулось — все целиком, будто для него не существовало законов инерции! Эфир вскипел криками наблюдателей и донесениями автоматов.

— Обеспечить тишину! — бросил Железовский.

Крики стихли, только посвисты автоматов, считывающих и передающих информацию целой армии датчиков, продолжали сверлить уши, потом пропали и они.

Конструктор шевельнулся еще раз, похожий на кита, выплывшего на мелководье, и на глазах тысяч изумленных людей разделился на две части. Одна из них превратилась в широкий, укутанный в синее призрачное пламя конус, а вторая перестала светиться и словно растворилась в ночи, исчезла из глаз.

НИЧЕЙНАЯ ПОЛОСА

Багровая мгла сгустилась до плотности желе, последние звезды погасли, задавленные тьмой, исчезли и паутинки света, соединяющие звезды, все поглотил мрак, физичес-

ки ощутимый, как вязкая засасывающая трясина; стало трудно дышать...

Железовский подхватился с кровати, сделал движение к нише в стене, где лежал пистолет, сообразил, что сигнала тревоги не последовало, и только потом открыл глаза.

В комнате было темно, однако он ясно различал в стенах тепловые коммуникации — красивую сеточку алого свечения, электропитание — пульсирующие голубоватые прожилки, и более толстый рукав подвода энергии к пирамиде «домового» — розовато-сиреневато-желтый пучок. А на фоне фиолетовой гладкой плоскости дрожало еще одно пятно света — не то скелет человека, не то фантом «динго».

Комиссар сел на кровати, свесив ноги на пол, и попытался разглядеть видение, не прибегая к освещению спальни. Страха не было, только любопытство, ожидание какого-то сюрприза и ощущение, что в комнате плачет ребенок.

Призрак в углу комнаты усилил свечение, и одновременно Аристарх почувствовал, как чьи-то пальцы погладили его затылок, проникли под черепную коробку, тронули мозг! Более странного ощущения он еще не испытывал. Это не было похоже на пси-обмен, попытку пробить мысленный блок или подчинить волю с помощью внешней гипноиндукции, скорее кто-то пытался прочитать не мысли, а э м о ц и и хозяина.

Вспыхнул свет — Железовский опомнился, внутренне собрался, приобретая способность к анализу ситуации, и успел заметить странную фигуру — не то глыбу ноздреватого известняка, не то кипу мха зеленовато-бурого цвета. Однако видение держалось всего долю секунды и растаяло, всхлипнув напоследок совершенно по-детски. Все непривычные ощущения исчезли, только одно не исчезло — слабый, но отчетливый запах свежескошенной травы.

Железовский нащупал клипс пси-рации и связался с дежурным залом, где коротали время дежурства Баренц и Кий-Коронат.

— У вас все в порядке?

— А тебе что, сон приснился плохой? — быстро спросил Баренц.

Комиссар помедлил, принюхиваясь, проговорил:

— У вас там в зале сеном не пахнет случайно?

— Значит, и ты видел? — проворчал Кий-Коронат.

— Галлюцинациями не страдаю, это физическое явление. Что заметил координатор?

— В том-то и дело, что ничего. Защита не нарушена, никаких полевых аномалий не отмечено, а мы получили уже девять сообщений о появлении «привидений».

— Ты десятый.

— Что они наблюдали?

— Кто что, в зависимости от фантазии и состояния. Юра Полевой, например, увидел стеклянный сосуд с жидкостью, Шохор женщину, хотя и весьма необычного вида, Новиков громадного хариуса... и так далее. А ты?

Железовский снова помедлил, потом лег.

— Разбирайтесь, я спать хочу. И опросите не только оперативную зону, но и всю Систему.

— Ты думаешь, это... он?

— Спросите у Грехова. — Аристарх отцепил рацию, повернулся на бок, подумал: неужели моей фантазии хватает только на глыбу известняка? — И уснул, как в яму провалился, он был измучен.

Настя грезила с открытыми глазами, не снимая с головы эмкан связи с компьютером, и, подчиняясь ее вольной мысли, вином послушно воспроизводил странные картины: море фиолетовых трав со столбами дыма, поле под дождем из молний, вулканический конус в процессе вспучивания, плюющийся мыльными пузырями, — и в каждой из картин сквозь фон проступало смутно мужское лицо с закрытыми глазами...

«Ратибор», — беззвучно прошептали губы девушки, и невидимая кисть фантом-преобразователя послушно начертала имя на склоне вулкана и в каждом «мыльном пузыре».

— Прекрати отвлекаться, — пробирался в мозг тихий, но сердитый пси-вызов Сахангирея, сидевшего в центральном «думательном» боксе лаборатории. — О чем задумалась? Еще раз уйдешь на параллели, сниму с программы.

— Снимай, — ответила Анастасия равнодушно.

И вдруг ей показалось, что кто-то смотрит в спину, внимательно, с настороженным любопытством, ожидающе... Она резко развернула кресло и увидела у двери в лабораторию светящееся облачко с более светлыми прожилками внутри. В голове словно повеяло свежим ветром, так что от холода свело кожу на затылке. Чья-то осторожная рука легонько сжала мозг и тут же отпустила, оставив ощущение глухой тоски и разочарования.

Словно кто-то постучался в окно робко и, тут же испугавшись, отдернул руку, отпрянул и затаился. Пси-вызов, поняла Настя, отгородившись от внешних пси-излучений стеной мыслеблока, пытаясь понять, грезится ей световая вуаль или нет. «Кто здесь?» — позвала она мысленно.

Световое облачко вздрогнуло, как вода в луже от брошенного камня, засветилось ярче, сворачиваясь в фигуру человека с плывущим нечетким лицом, которая постепенно обрела плотность и цветовую насыщенность.

— Ратибор! — прошептала девушка непослушными губами, протянула руки навстречу человеку. — Ратиборушка мой!..

— Что ты сказала? — скрипнул, как ножом по стеклу, пси-голос Сахангирея. — Кто там с тобой?

В то же мгновение призрак Ратибора Берестова пропал, словно по мановению волшебной палочки, оставив слабый запах свежескошенного сена. Чувство невосполнимой утраты завладело Настей, так что на глазах навернулись слезы. Она попыталась вытереть их, чтобы убедиться — никого в лаборатории нет, а слезы все лились и лились, соленые, как кровь, и такие же горячие...

Заведующий лабораторией эфанализа Института внеземных культур почуял неладное и примчался через полминуты, но увидел только плачущую Анастасию: глаза ее были закрыты, лицо словно окаменело, а по мокрым дорожкам на щеках бежали прозрачные горошины, собирались у губ и срывались на пол...

— Кто у тебя был? — спросил озадаченный Сахангирей.

— Берестов, — по складам, почти неслышно, прошептала девушка. — Уйди, пожалуйста, Коста, я сейчас... успокоюсь.

Сахангирей почесал в затылке.

— Ну и дела... Могу поклясться, что и я... чушь какая-то! Мы что же, оба сошли с ума, что ли?

Он с сомнением огляделся, еще раз посмотрел на Демидову, пожал плечами и вышел.

В лаборатории отчетливо прозвучал сигнал вызова личного видео. Настя вздрогнула, широко открыв глаза, скомандовала микроинтелмату браслета ответить на вызов, и над черным квадратиком виома выросло миниатюрное объемное изображение серьезного молодого человека с волосами черными, отливающими синью, как вороново крыло.

— Егор! — проглотила слезы Настя. — Это ты?

— А кто же еще? — кивнул учитель. — Не похож? Что это мы куксимся?

— Похоже, я дошла до ручки: показалось, что вошел Ратибор. Вот и разнюнилась. — Она шмыгнула носом. — Я слабая, да?

Егор покачал головой, сохраняя серьезный вид.

— Когда это случилось?

— Да только что. — Настя рассказала о появлении «призрака», заметно успокаиваясь.

— Ясно. — Егор потеребил мочку уха. — Что-то здесь не так. Две минуты назад я тоже видел странное привидение... похожее на Ратибора. И тоже перед этим думал о нем. Ты никому не рассказывала о происшедшем?

— Не-ет... — Настя вспомнила о Сахангирее. — Шеф прибегал... когда я плакала. Знаешь, он, по-моему, сказал что-то похожее на «мы оба сошли с ума». Может быть, и ему примстилось что-нибудь удивительное?

— Спасибо за информацию, Настена. Придется связаться кое с кем из профессионалов, это явно по их части. Звони, если что, и пореже уходи в бездеятельный самоанализ, покой тебе вреден. Бальмонт в свое время писал: «Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но я не долго медлю с первым. Я побывал с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки». — Егор вдруг остановился и, помолчав, закончил неожиданно. — Не вздумай только напроситься в команду Железовского, тебе там, за Плутоном, делать нечего. До связи.

Изображение свернулось в радужную нить света, втянулось в браслет.

— До связи, шаман, — вздохнула Настя, расслабляясь.

Забава Боянова стоя разговаривала с заместителем в парке на площади Славы, когда ЭТО произошло: рядом, за кустами роз, возник переливчатый метровый шар — мыльный пузырь, да и только! — стал расти и трасформироваться в подобие радужного конуса с волнующейся поверхностью. Одновременно с этим и Забава, и ее собеседник почувствовали беззвучный толчок по нервам — словно волна морская накатила на берег и схлынула, оставив на песке клочья пены.

«Пузырь» превратился в макет когга в одну десятую натуральной величины — два метра в высоту, два по пе-

риметру кормы, и повернул к людям «ухо» главной деформационной антенны. Снова на голову Забавы обрушилась «волна кипящей воды», просачиваясь в мозг, ища незаблокированные «щели» и «дыры». Реакция женщины была мгновенной, она всегда была максимально собранной, готовой ко всем неожиданностям, но ее ответный пси-выпад гнева и ярости пришелся на пустое место: «макет когга» исчез, будто выключили проектор, посеяв в душах людей сомнение в реальности виденного. Запахло травой.

Заместитель рассмеялся не очень искренне.

— Кто-то пошутил с «динго», а может, в парке работает автоматика развлечений. Мы с тобой разговаривали о возможностях погранслужбы, а координатор парка подслушал и выдал игровой фантом.

Забава зорко огляделась, отмечая, что некоторые из посетителей парка, видимые в просветы между деревьями и кустами, ведут себя возбужденно, и вызвала дежурного по отделу безопасности (рацию компьютерной связи она не снимала ни днем, ни ночью):

— Срочную связь с опером-прима дать можете?

— Индекс срочности? Он находится за пределами Системы.

— Знаю. Индекс «сто».

— Ждите.

— Ты что? — проговорил заместитель, меняясь в лице. — Кто-то просто пошутил...

— Шутками здесь не пахнет, — оборвала его Боянова. — Разве что это шутки Конструктора, он уже вошел в Систему. А мы ждем... у моря погоды...

— Опер-прима... отдыхаешь, — с заминкой доложил дежурный инк отдела. — На связи дубль-состав. Сообщение соответствует индексу?

— Соответствует. Кто старший дубль-состава?

— Баренц.

— Ярополк, это Боянова. Я только что была свидетелем необычного происшествия...

— «Призрак»? Я имею в виду голографический фантом.

— Д-да... впрочем, не совсем, «призрак» был с пси-сопровождением.

— Значит, они добрались и до Земли. Мы думали, это местное явление, связанное с близостью Конструктора. Дьявольщина!

— Кто — они?

— Никто толком не знает. Аристарх тоже.

— Савичу говорили?

— Ему лично показалось, что призрак походил на кровать.

— Что?!

— Он давно не отдыхал, «призраки» удивительно точно угадывают желания, яркие мысленные образы.

— Может быть, это и в самом деле деятельность Конструктора? Так сказать, психологическое тестирование человечества?

— Твое предположение уже запоздало, первым его сформулировал твой «роденовский мыслитель». А сообщения множатся, как пузырьки мыльной пены. Вероятно, это действительно фортель Конструктора, недаром он разделился на две части перед появлением «привидения».

— Не пора включать «полундру»?

— Кий-Коронат предлагал, но Аристарх ответил одной фразой: не гони лошадей. Кстати, Грехов его поддержал. Знаешь, что он сказал? Пора вам наконец научиться выделять ситуации, действительно требующие максимального напряжения и организованности.

— Поняла. Конец связи.

Забава задумчиво дотронулась до первых клейких листочков на ветке тополя, глубоко вдохнула свежий весенний воздух. Апрельский лес был похож на рисунок акварелью: нежно-зеленое и туманно-серое пространство, заполненное тишиной пробуждающейся жизни, будило древнюю родовую память, воскрешая ностальгические грезы по ушедшему в прошлое миру детства. Недаром потянуло из кабинета на природу, подумала Забава, борясь с желанием полностью расслабиться хотя бы на несколько минут, пока она не одна. Грехов прав, надо научиться отличать периоды спокойного бытия от периодов бешеной гонки за острыми ощущениями. Жить в постоянном напряжении не может никто, даже интрасенс.

Она пошла по дорожке к выходу из парка, забыв, что заместитель ждет ее заключения, потом наконец расслышала, как растерянный собеседник безуспешно пытается что-то спросить, обгоняя ее и заглядывая в лицо.

— Что?.. Извини, Павел.

— Я не понял, вы серьезно о Конструкторе? Он на Земле?!

— Явление Конструктора народу... — пробормотала Боянова, очнулась окончательно, тряхнула головой. —

Похоже, у «спасителей» Конструктора появился лишний повод для раздувания религиозной истерии. Не завидую безопасникам-наземникам. Помчались в совет, Паша, все меняется.

Конструктор углубился в пространство Солнечной системы на пятьдесят миллионов километров, и Совет безопасности собрался вновь, чтобы решить его судьбу, а заодно судьбу и человечества.

Не было торжественных или выспренних речей и заявлений, не было шапкозакидательских призывов к «войне» или панических воплей о необходимости повального бегства за пределы Системы, пружина ожидания чудовищных и непредсказуемых событий сжалась до таких пределов, за которыми уже не было места суете и словословию. Это, конечно, не означало, что все участники совещания были единодушны в обсуждении единственно правильного решения, но они не предлагали и заведомо невыполнимых или откровенно спекулятивных решений, кожей ощущая присутствие ч у ж о г о в своем космическом доме.

Больше всего споров разгорелось не по поводу — что делать, ясно было и так, что Конструктора необходимо остановить любой ценой еще до земной орбиты, дальше ему ходу не было, дальнейшее его продвижение означало гибель основной базы человечества, гибель цивилизации, ибо вряд ли колонии у других звезд смогли бы сохранить технологический потенциал без помощи извне, — нет, основная дискуссия развернулась по вопросу, далекому от объяснений: что означают «привидения», посетившие практически каждого человека в Системе и усилившие отрицательные массовые эмоции у некоторых слоев населения Земли.

Мнения ученых, философов, глобалистов и экспертов разделились, а так как дискуссия грозила затянуться, председатель совещания предложил отложить обсуждение проблемы до появления новых данных. Решено было сохранить в Системе режим ГО, подготовить слой пространства в поясе астероидов между орбитами Юпитера и Марса в качестве «ничейной полосы» для последних экспериментов по остановке Конструктора, если он не остановится сам, и в качестве последней меры готовить операцию «экстремум», то есть глобальную эвакуацию населения Земли и Марса, для чего срочно начать стро-

ительство станций метро на пригодных для жизни планетах ближайшего звездного окружения.

Ситуация требовала чрезвычайных мер, и к управлению ресурсами человечества был привлечен весь интеллект-потенциал цивилизации, способный в считанные часы перестроить работу всех служб и производственных сфер Земли. Но больше всего забот свалилось на голову наземной службы общественной безопасности, ответственной за здоровое психологическое и моральное состояние трудовых коллективов и каждого человека в отдельности. И если космическая безопасность точно знала свои задачи и опиралась на помощь пограничников, то наземная служба оказалась перед проблемой тушения пожара паники и остановки поднявшейся вместе с ней волны преступлений: Земля не была свободна от накипи и грязи подонков, лжецов, лентяев, эгоистов, властолюбцев, карьеристов и прочих мерзавцев, «необходимых» эволюции социума для воспроизведения широкого спектра человеческих характеров, и многие из них заранее выбрали для себя «курортные зоны» подальше от Земли, овладевая с боем станциями метро межзвездных линий. Дело осложнилось еще и появлением во всех регионах планеты сотен мистических и религиозных сект «в защиту вернувшегося Вседержителя», что умело инспирировалось пропагандистами «Общества по спасению Конструктора». В моду вошел неокреационизм — идеалистическое учение о сотворении мира Конструктором. Началось своеобразное аджорнаменто[1], только теперь в качестве «апостола-мученика» теологи вознесли не Бога, а разумное сверхсущество, создавая культ нового современного бога, абсолютно не похожего на сынов Адама и Евы. Боевики этих сект не стеснялись в применении методов и приемов по обработке умов и доставляли безопасникам все больше хлопот.

Скрепя сердце, Забава Боянова осталась на Земле, изредка позволяя себе короткие сеансы связи с Железовским, жившим со своим штабом на спейсере «Клондайк» в непосредственной близости от Конструктора. Аристарх понимал ситуацию не хуже и не звал женщину на помощь в трудные моменты, хотя мог себе признаться, как ему жестоко ее недостает.

Третье явление «посла Конструктора» или К-гостя, как стали называть его фантомов, застало комиссара в столо-

---

[1] А д ж о р н а м е н т о — осовременивание католической церкви.

вой спейсера, где он в одиночестве поглощал не то обед, не то ужин: маринованные грибы, черепаховый суп, котлеты по-киевски, клюквенный морс. «Призрак» объявился за столом в виде полупрозрачной медузы в рост человека, под взглядом продолжавшего жевать Аристарха начал уплотняться, трансформироваться, приобретать осмысленные формы, пока не превратился в человека, в копию Габриэля Грехова. На Железовского повеяло холодным отрезвляющим ветром властной, всепокоряющей силы, способной сломить любое сопротивление. Натиск пси-волны был жесток, но не долог: встретив сопротивление, «призрак» прекратил атаку, оставив только волнующийся фон, воспринимавшийся комиссаром как слабые всплески тоски, разочарования, надежды и любопытства.

По шуму в эфире Аристарх понял, что одновременно с его гостем появились гости и у остальных людей контингента тревожных сил. Он мог вызвать обойму усиления и попытаться захватить «посла», но, во-первых, такие попытки уже предпринимались и не привели к успеху, а во-вторых, хотелось самому разгадать этот феномен, поговорить с ним, выяснить причины появления и преследуемые цели.

Лже-Грехов, напротив, усмехнулся совсем по-греховски.

— Не бойтесь, я не причиню вам вреда.

— Я не боюсь.

— Вы лично — да, но многие боятся. Почему?

— Не все способны освободиться от догмата стереотипов, многое зависит от воспитания, запасов знания и культуры, да и просто от эмоционального состояния. К тому же нам некогда особенно вдаваться в анализ причин, приведших к возвращению Конструктора, потому что его возвращение — реальная угроза жизни. Если бы не это...

— А разве гостей встречают так, как встречаете вы — вытаскивая меч из ножен?

— Мы не знаем, чего он хочет, а на вопросы он не отвечает. И мы принимаем меры необходимой обороны, не больше.

Гость снова усмехнулся, хмуро, с иронией; фигура его мерцала и плыла.

— Т-конус, например?

— Я был против строительства Т-конуса, но не потому, что эта мера превышала предел допустимой обороны, а потому, что она была экономически невыгодна и неэффективна. Хотя он, кстати, свое дело сделал.

— Неужели вы так ненавидите Конструктора, что готовы его уничтожить любой ценой, вместо того чтобы найти приемлемую для обеих сторон альтернативу?

Железовский выпил стакан морса, отставил стакан.

— У нас нет ненависти к нему, — сказал он тихо и медленно.

— Но и любви нет, — так же тихо обронил гость. — Вы до сих пор не поняли, что он болен, травмирован, причем настолько, что вряд ли возможно полное исцеление. А равнодушие и любопытство — что вы чувствуете в лучшем случае — не панацея от болезней. И от одиночества.

— Но если вы, его посол, так хорошо понимаете ситуацию, почему же Конструктор не остановится, раз уж мы продолжаем упорствовать в заблуждении, считая, что он способен разрушить наш дом?

— Все не так просто, как вы себе представляете. — Лицо псевдо-Грехова засветилось, заколебалось, волна дрожи превратила его в плоское белое пятно, хотя голос продолжал звучать. — Вы правильно оценили наше предназначение, мы и в самом деле послы, направленные для оценки ситуации и вашего отношения к Конструктору, но представьте себе такую картину: осажденная крепость, причем крепость колоссальная, со множеством башен и строений, и в каждом из них — гарнизон защитников со своим командиром; командиры — а их много! — непрерывно шлют гонцов за пределы крепости, за подмогой; гонцы пробираются сквозь рать осаждающих, подмоги не находят, а когда возвращаются, то попадают не в те башни, не к тем командирам, которые их посылали... Вопрос: кто им поверит, чужим? Кто оценит их информацию, если у каждого командира свой образ мыслей, свое понимание вещей, свой опыт, и координация их действий пока невозможна, хотя и защищают они одну крепость?

Железовский молчал.

Гость исчез, бесшумно и неэффектно, без грома и вспышек, был — и нет его. Разве что запах остался — запах сена, хотя на самом деле это был просто след физиологического эффекта сопротивления, остающийся у людей после контакта с К-гостем. Пропал и пси-фон, ощутимо материальный, как висящий над головой камень. Аристарх, отдыхая, понаблюдал, как стол убирает посуду, потом встрепенулся и направился в свою каюту принимать душ, от неожиданного для себя напряжения он был мокрый от шеи до пяток.

— Что у других? — спросил он из каюты, переодеваясь.

— Информация обрабатывается, — ответил координатор. — Время посещения колеблется от нескольких секунд до двух минут, диалоги можно предварительно свести к трем смысловым группам: отношения людей между собой, их отношение к Конструктору и прогноз последствий остановки Конструктора в «ничейной полосе».

— Субъект контакта у всех одинаковый или снова Конструктор использовал личные эмоции каждого?

— В большинстве своем это реализации свежих воспоминаний о конкретном человеке.

Железовский кивнул сам себе: перед посещением нежданного гостя он думал о Грехове.

— Где проконсул?

— Его «пакмак» в зоне риска не наблюдается.

— То есть? — удивился Аристарх.

— Возле Конструктора его нет.

— Ушел в Систему? Пришвартовался к базовой погранзаставе? Где он?

— Информации не имею. В мою задачу наблюдение за Греховым не входило.

— Дела-а! — Железовский покачал головой. — Объявите розыск, понадобится — подключите «синхро» СПАС-службы, в том числе и земную. Что слышно о К-мигрантах?

— Два когга вертятся в зоне, ведем наблюдение. По-видимому, они тоже пытаются вступить в контакт с Конструктором. Спейсер «Афанеор» с их командой тоже кружит неподалеку в режиме «инкогнито», изредка отмечаем его «следы».

— Два конвоя с юго-запада[1], — вмешался в пси-разговор доклад пограничника-наблюдателя; доносились и другие сообщения и переговоры, но тихо, на пределе слышимости, создавая пульсирующий фон живого эфира.

— Каковы прогнозы на сутки?

— Через час Конструктор вплотную подойдет к системе Нептуна, но уже и теперь заметны изменения орбит его дальних спутников. — Мартин подумал и добавил на всякий случай: — Все население базовых станций и погранпостов эвакуировано.

---

[1] Пространственная координация в космосе ведется не так, как на «плоскости» Земли, но термины остались, только полюса здесь присваиваются условно, в соответствии с выбранными ориентирами.

— Хорошо, — буркнул Железовский. — Предупредите дежурных, я готов к смене. Я просил найти кобру погранслужбы Демина.

— Ждет в зале десанта.

— Пусть готовится к дежурству, включите его в оперативную связь.

— Наблюдаю очередь роидов — двадцать одну штуку с юго-запада, — доложил наблюдатель.

— Савича на связь.

Лидер исследователей отозвался почти тотчас же:

— На приеме.

— Как вы объясните маневры чужан? Я имею в виду их «пулеметные очереди» по Конструктору.

— Мы провели две таких «очереди», дистанционно, внутри кораблей находятся только мертвые чужане, нет ни одного живого. Может быть, они используют Конструктора в качестве экологически чистого кладбища?

— Это шутка?

— Отнюдь, одна из гипотез. Есть и другая: роиды транспортируют Конструктору еду, «консервы», так сказать, ведь мертвый роид по сути — область пространства с иными свойствами, метрикой, энергозапасом.

— А почему Конструктор «очереди» пропускает, а конвои нет?

— Конвои — это дело рук серых призраков, они могут чего-то не учитывать или же у них иные задачи.

— Благодарю за разъяснения, — с иронией сказал Железовский. — Почему до сих пор нет доклада о разгадке тайны свободного передвижения К-мигрантов по системе «привязанного» метро?

— Проблема не решена.

— Прошу принять все меры в соответствии с тревожной ситуацией. — Железовский вызвал отсчет времени: его дежурство начиналось через четверть часа. — Вы поняли?

— Да, — ответил Савич, не считая нужным оправдываться.

— Конец связи.

В дежурном зале комиссар появился собранным и готовым к любым неприятным событиям, привычно настроив себя на режим длительного нервного напряжения.

Хакан Рооб — он был оператором-прима — встал молча, похлопал комиссара по плечу и вышел. Его напарник — осоловелый заместитель Баренца, тоже уступил место Демину без обычной шутливой пикировки, устав до

полного изнеможения, — столько энергии и сил отнимал у людей четырехчасовой сеанс непрерывного стресса.

— Третий угол квалитета? — спросил Железовский, подмигнул Демину, смущенному тем, что попал сюда по выбору комиссара.

— Проконсул Ольбор Шелланнер, — ответил Мартин. — Вызвать?

— Пока не надо. Передайте приказ: всему личному составу погранфлота, безопасности и погранвахт в «ничейной полосе» надеть «бумеранги».

— Приказ принял.

— К-мигранты? — осведомился Демин. — Думаете, могут показать зубы?

— Вполне.

— Прямая информация?

— Предчувствия.

Больше они не разговаривали, застыв в кокон-креслах каждый наедине со своими эмоциями, но связанные общей атмосферой беспокойства, тревожного ожидания, а также компьютерной базой огромной сложности и быстродействия.

Железовский переключил зрение на прямой прием видеопередач, закольцованных в колоссальной системе службы наблюдения за пространством, и как бы сам превратился в эту систему. Он ощутил себя одновременно в сотне мест: за орбитой Плутона, на Меркурии, в поясе астероидов, на спутниках Юпитера, на лунах Сатурна, на Земле, в пустом пространстве над полюсами эклиптики. И еще он почувствовал, как плотно пространство человеческой тревоги: люди во всех уголках Солнечной системы думали об одном — что их ждет завтра.

— Ком-два-эс опер-приме! — донеся сквозь шумы эфира тихий голос комиссара наземной службы безопасности. — Только что выяснилось: три дня назад проконсул Габриэль Грехов посещал Чужую, использовав метро запасной базовой «гиппо» и ее машинный парк.

— Кого посетил? — не сразу понял Железовский.

— Чужан, роидов.

— Что он там не видел?!

— Сие нам неведомо, наблюдение за ним не велось, засекли его случайно. Примите к сведению. Отбой.

— Может быть, он и сейчас у них? — вслух проговорил Железовский, озадаченный сообщением.

— Вряд ли, — не согласился Демин. — Если только что сам не овладел секретом использования системы

метро по опыту К-мигрантов. Он же все время был на глазах.

— Все да не все... данные по Грехову? — спросил Мартина комиссар.

— Есть сообщение, которое невозможно проверить ни по каким каналам, — отозвался компьютер. — Кто-то из людей Савича будто бы видел, как «пакмак» Грехова стыковался с серым призраком предпоследнего конвоя.

— А дальше?

— Дальше ничего. Ученый вернулся к своему занятию, уверенный в том, что все идет как надо. Но после этого момента проконсул ушел из зоны видимости, и никто его с тех пор не видел.

— Так, может быть, он проник в тело Конструктора?!

— Исключено, еще ни один конвой не прошел, все они превращаются в сгустки антиматерии и в конце концов частью аннигилируют, частью рассеиваются вдоль траектории Конструктора.

— Он наверняка в гостях у серого призрака, — сказал вдруг Демин. — Помните, ведь Грехов дважды встречался с призраками еще в самом начале эпопеи с Конструктором, сто с лишним лет назад?

— Не исключено, — пробормотал Железовский.

— Внимание! — перебил все разговоры координатор. — Конструктор в пределах гравитационной сферы Нептуна. По расчетам групп слежения, он пройдет на расстоянии в семьсот сорок три мегаметра от планеты. Время прохождения в контакте с полем планеты — три часа пятьдесят шесть минут. Включаю обзор на все экраны дежурного зала.

Оба руководителя режима ГО в Системе, как и все, кто желал видеть прохождение Конструктора мимо Нептуна, как бы оказались висящими в пустоте над гигантской планетой, всего в ста тысячах километров от ее пятнисто-полосатой пухлой атмосферы, скрывающей твердую поверхность — из металлического водорода — на глубине в четырнадцать тысяч километров.

— Дай логарифмический масштаб, — попросил координатора Железовский.

Вспыхнувшие белые линии отгородили часть «плоскости» изображения слева внизу виома, квадрат приобрел фиолетовый оттенок, и в его глубине развернулось условное изображение системы Нептуна: серо-зеленый сплюснутый сфероид планеты и семь его спутников — Тритон, самый близкий к ней и самый большой, Нереида —

трехсотсемидесятикилометровый обломок камня, и пять небольших астероидов с диаметрами от одного до ста сорока километров. Вторгшийся в пределы системы конус Конструктора был розовым, и казалось, вот-вот врежется в кружок Нептуна.

Первым в поле гравитационных возмущений Конструктора попал седьмой спутник, обегающий планету по орбите радиусом в девять миллионов километров. На картинке с логарифмическим масштабом его светящаяся зеленая точка коснулась розового конуса и растаяла, прямая же передача от видеозондов, следивших за движением пресапиенса, оказалась более содержательной: орбита его начала вытягиваться, превращаться в эллипс, разорвалась, и он устремился навстречу приближавшемуся гиганту, набирая скорость. Последний отрезок его пути, длившийся около десяти минут, напоминал лихорадочный танец мухи, попавшейся в сети паука, и закончилось все тусклым фейерверком обломков — спутник был разорван приливными силами, рожденными перепадами физических полей вблизи поверхности Конструктора.

Затем та же участь постигла шестую луну, на которой недавно располагалась станция СПАС, Нереиду с ее тремя поселками исследователей Нептуна, и три пылевых полукольца, которые были буквально высосаны со своих орбит «пылесосом» Конструктора. Два средних спутника были выбиты с орбит и, набрав скорость и преодолев притяжение родной планеты, ушли в пространство по перпендикуляру к плоскости эклиптики.

Тритон, по размерам близкий к земной Луне, но обладавший разреженной азотно-метановой атмосферой, реагировал на прохождение Конструктора с тяжеловесной медлительностью, изменяя радиус орбиты с явной неохотой.

Однако его судьба оказалась не менее драматичной, чем участь малых спутников планеты.

Еще два века назад учеными был предсказан финал его пребывания на существующей орбите: постепенно теряя скорость из-за приливного взаимодействия, он должен был через несколько миллионов лет войти в зону Роша и разорваться под влиянием приливных сил, но момент этот наступил гораздо раньше. Тритон успел только-только подойти к «повороту за угол», чтобы скрыться за «широкой спиной» Нептуна, как вдруг его коснулось притягивающее поле Конструктора, масса которого равнялась двум десяткам масс Солнца.

Скорость Тритона начала катастрофически снижаться, а орбита — превращаться в траекторию падения.

Камеры видеозондов бесстрастно передали незабываемые картины: как неглубокий — в несколько метров — азотный океан Тритона стал собираться в две кипящих «опухоли» — по вектору, соединяющему Нептун и тело Конструктора; как по его поверхности раз за разом прошлись судороги приливной волны, разрывая толстую планетарную кору гигантскими трещинами, образуя дымящиеся горные складки и каньоны; как навстречу приближающемуся спутнику выпятился серебристый протуберанец атмосферы Нептуна, словно пытаясь оттолкнуть Тритон, удержать его от падения; как за считанные минуты серо-пыльный шар Тритона, окутанный серебристо-жемчужным волокнистым туманом, вонзился в толстую шубу атмосферы материнской планеты и пропал из глаз, оставив на прощание в месте падения огромный светящийся воздушный фонтан...

В небольших колодцах радарных виомов он был виден еще долго, погружаясь в атмосферу Нептуна, как чугунное ядро в воду, постепенно разогреваясь и теряя скорлупу внешней материково-океанической коры. Взорвался ли он, сплющился или расплавился при ударе о поверхность нептунианского океана, никто из людей не увидел не только из-за условий наблюдения, но и за отсутствием времени, только панцирные зонды, запущенные в глубине атмосферы планеты и защищенные от давления и вихревых течений, могли пронаблюдать за финалом драмы и сообщить о ней людям. А в том месте на теле Нептуна, где нырнул Тритон, разгорелось нежное зеленовато-голубое сияние, словно кто-то на поверхности включил прожектор и направил его луч в небо...

С самим Нептуном ничего страшного не произошло.

Воздушный фонтан — «салют» над местом гибели Тритона, как образно выразился Савич, превратился в колоссальный выброс длиной в два десятка тысяч километров: Конструктор буквально сдирал атмосферу с планеты, будто хотел увидеть, что там скрывается на ее поверхности — но достичь тела пресапиенса не успел. И все же это было феерическое зрелище: окутанный шубой электрических сполохов, косматый шар Нептуна протянул в сторону грозного молчаливого пришельца искрящийся, пронизанный миллионами красочных радуг рукав, почти равный по толщине диаметру планеты, постепенно изгибающийся вслед за движением Конструктора. И за все время, пока

Конструктор проходил мимо Нептуна, в эфире царило почти мертвое молчание: люди были поражены невиданным зрелищем, внушавшим трепет и суеверный страх масштабами явления; они еще раз воочию убедились, насколько превосходит Конструктор все те явления и процессы, свидетелями которых они были раньше.

Воздушный рукав сорванной атмосферы Нептуна перестал расти в длину и начал собираться в эллиптическое зеленовато-шафрановое азотно-метановое облако, пронизанное хрустальными волокнами молекулярного водорода.

Нептун заметно похудел, словно облысел, и стал издали твердым на вид, как бильярдный шар.

— Масса выброса три на десять в семнадцатой, — доложил флегматично Мартин. — Это примерно одна восьмая всей атмосферы Нептуна.

— Вряд ли мы его остановим, — впервые за четыре часа нарушил молчание Демин; голос его был хриплым, — шибко велик! Я видел, как он проходил по звездам — омега и ню Гиппарха, но это зрелище меня потрясло больше. Я по натуре воин, однако до сих пор мороз по коже!.. Неужели он неисчерпаем?

— Кто? — не понял Железовский, просидевший в кресле не шевелясь все это время.

— Фонд несчастий человечества. Обязательно висит что-то над головой, как дамоклов меч: то ядерная война, то звездная, то экологический кризис, то генетическое вырождение... только Конструктора не хватало!

— Внимание! — раздался голос координатора. — На монтажные бригады первого марсианского МСС в зоне «ничейной полосы» совершено вооруженное нападение! Есть жертвы!

Железовский встретил затуманенный пережитым волнением взгляд Демина и кивнул: оба понимали друг друга без слов. Пограничник освободился от объятий кресла со всеми его датчиками и мыслеуправлением и выбежал из зала.

— Третьему «углу» квалитета немедленно явиться в зал! — проговорил комиссар. — Всем оперативным группам в этой зоне — императив «дуэль»! Прямую связь с погранзаставой в «ничейной полосе» — на голову.

И вдруг по компьютерной связи донеслось чье-то изумленное восклицание:

— Смотрите!

Мартин сориентировался мгновенно.

Изображение дымящегося Нептуна в обзорном виоме сменилось изображением Конструктора: светящееся тело пресапиенса — полтора миллиона километров в поперечнике! — превратилось в прозрачный шар, откуда на людей смотрели не человеческие, а скорее птичьи глаза! Внимательные, живые, не добрые, но и не злые, мигающие глаза!..

Держалась эта невероятная с любой точки зрения картина всего несколько секунд.

— Он... оглянулся! — прошептал кто-то.

Железовский опомнился.

— Что это было? Видео или гипно? Мне показалось, что изображение двоится.

— Пси-импульс, — коротко ответил Мартин. — Видеокартинка не изменилась. Похоже, Конструктор понемногу начинает приходить в себя. Кроме пси-импульса был передан в эфир отрывок «стохастической музыки», вы ее слышали, и вот это: из шумов эфира выплыл ясный и печальный голос. Затих... Человеческий голос, переданный Конструктором. Не вопрос и не утверждение, не угроза и не предупреждение... Что? Извинение, утешение, просьба о помощи? Что сказал Конструктор и сказал ли?..

Часть вторая

ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ. ГРЕХОВ

МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ

Туман был сухим, белым и пушистым, как вата, а не как насыщенное водой облако, сырое и холодное, готовое пролиться дождем. В нем изредка вспыхивали неяркие желтые огоньки, похожие на кошачьи глаза, появлялись и пропадали бесплотные тени, бродили трусливые шепоты и тихий смех. Живой был туман и добрый, хотя иногда и проносились сквозь него злые свистящие сквозняки, как отголоски давних и дальних ураганов и бурь. Но вот в нем далеко-далеко зародился иной звук: чистый и нежный женский голос... смолк... снова появился, ближе... три ноты а-и-о... еще не песня, но и не просто зов. Знакомые ноты, созвучные какому-то имени: а-и-о... Плач? Колыбельная? Кто поет?

Он напрягся, жадно ловя дивные звуки.

А-и-о... нет-нет, ра-и-ор... Мелодичные, проникающие в самую душу, будоражащие слоги-ноты... и голос знакомый... Кто это может быть? Что говорит? Ра-и-ор... Господи, Ра-ти-бор, вот как это звучит! Почему же так больно в груди от каждого звука?

Теплые ласковые руки легли на затылок, чьи-то губы нараспев снова произнесли его имя...

Ратибор открыл глаза и рывком приподнялся, расширенными глазами вглядываясь в туман, ставший вдруг серым и плоским, как стена. Впрочем, это и в самом деле стена. Выходит, туман с голосом женщины — бред? Но и стена в таком случае — галлюцинация, откуда в «големе» быть стенам, да еще плоским?

— Что случилось, Дар? — задал привычный мысленный вопрос Ратибор. — Где я?

Ни слова в ответ.

Глаза, привыкшие к отсутствию света в комнате (в комнате?!), различали все больше деталей, которых не до-

лжно было быть на борту «голема», и Ратибор наконец осознал, что он действительно находится в чьей-то комнате с массой вещей и запахом жилого помещения.

Сел на кровати, сбросив легкое тонкое покрывало, погладил живот с привычным рельефом, грудь, руки — ни одной царапины или раны, кровь бежит по артериям и венам в обычном ритме... дьявол! Ратибор внезапно понял, что в и д и т кровь сквозь кожу и ткань сосудов, и не только видит, но и слышит, как она движется! Интересный компот!..

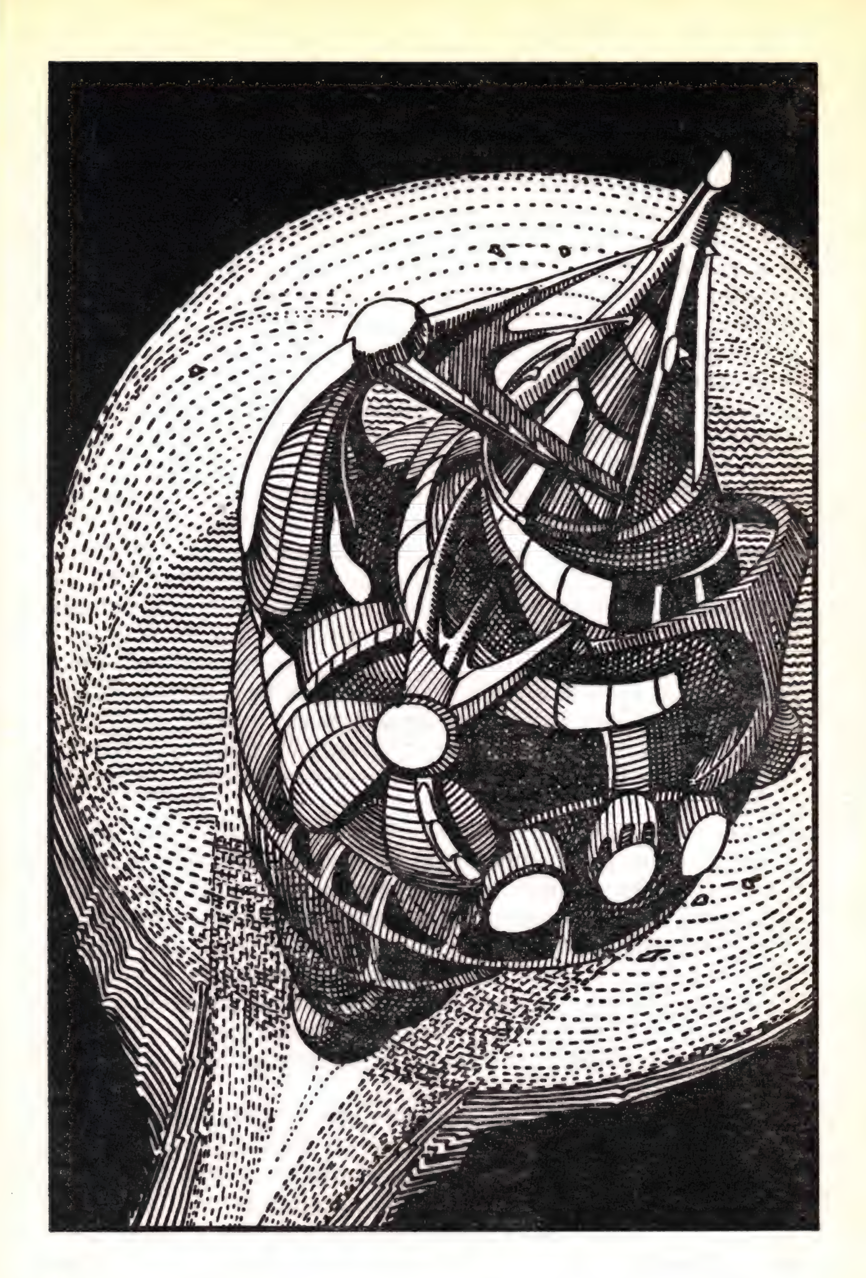
Прислушался к себе, отмечая новые, непривычные, неизведанные ранее ощущения. Во-первых, он стал видеть не только в инфракрасном диапазоне, но и в ультрафиолете (голубые прожилки в стенах — это конечно, энергокоммуникации и линии связи). Во-вторых, стал слышать ультразвуки (поскрипывания, кажется, издают сокращающиеся мышцы, а ровный шуршащий фон создает не что иное, как... броуновское движение молекул)!

Где-то в голове словно лопнул сосудик — заноза боли вонзилась в глазные яблоки и шейные позвонки, боль стекла горячей струйкой в сердце и стихла.

Ратибор медленно выдохнул, помассировал затылок. Ясно, что он не дома, но и не в клинике, там уже сработал бы сторож состояния и примчался бы врач, боль-то нешуточная!.. Может быть, его сначала лечили в клинике, а потом кто-то из друзей забрал к себе домой для окончательного выздоровления?

Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться, чтобы поймать то чувство, которое когда-то пробудилось в нем на несколько мгновений: объемное ощущение окружающего мира. И тело послушно откликнулось на приказ, словно оно всегда умело это делать.

Процесс был ступенчатым: комната, небольшая, три на пять метров, высота тоже три, с нишами, подставкой виома и блоком «домового» в стене; за стенами еще комнаты, большие и малые, с мебелью и без, со шкафами, со встроенным технообеспечением, какими-то приборами, энергоблоками, машинами, киб-интеллектом (типа Умник), заэкранированными, неподвластными пси-зрению зонами; стены ушли из «поля зрения», за ними проступило свободное пространство, сначала заполненное голубоватым туманом, потом туман осел, и Ратибор почувствовал деревья — лес... или парк? Водоем... озеро? Река... Еще здания, вернее, коттеджи, как и тот, в котором он находился... а ведь на дворе, кажется, весна?..



В голову снова бесшумно вонзилась раскаленная игла боли.

Мир сузился до размеров зрачков — Ратибор едва не потерял сознание от нахлынувшей слабости. Понял, что переоценил силы, — организм еще не окреп и требовал деликатного обращения. Несколько минут отдыхал, продолжая прислушиваться к жизни тела с любопытством и недоверием. Нет, это явно не бред, — слишком детален и конкретен, галлюцинации такими четкими не бывают.

Тишина начинала тяготить.

Хозяин дома не показывался, не отзывался ни на мысленный вызов, ни на голос, и Ратибор осмелел.

Вспыхнувший свет — светилась вся масса потолка, причем, с эффектом небесной голубизны — волшебно изменил обстановку современной спальни с изменяющейся геометрией и цветовым насыщением: ложе кровати ослепительной белизны; невесомый прозрачный квадрат журнального столика с кипой ярких стереожурналов и видеокнопок; трансформный шкаф с бельем, похожий на выпуклый фасетчатый глаз; второй шкаф — с одеждой, наполовину упрятанный в стену, с зеркальной дверцей; какой-то сложный аппарат у изголовья кровати, похоже, медицинский комбайн; ряд ниш в левой стене, правая — сплошное окно, включающее прозрачность по мысленному приказу. Стандарт... если не считать этих странных слепых и пустых ниш... пустых ли?..

Екнуло сердце.

В одной из них заклубилась звездная пыль, разбежалась к краям ниши, превращаясь в рамку, и взору предстало объемное изображение... чужанина! Черный «дышащий» сгусток то увеличивался в размерах, теряя четкость — клуб дыма, да и только! — то опадал, превращаясь в черный гладкий монолит. Он был снят на фоне какого-то сложного сооружения из призм, гофрированных полос и решеток, а слева от сооружения стоял пограничный драккар с открытым нижним люком.

Вторая ниша (обычные программ-проекторы) показала пейзаж Марса: «обкусанная планета» была сфотографирована как раз над центром Великой Марсианской Котловины — воронки, оставленной Конструктором. В третьей улыбалась женщина, красивая, с узлом тяжелых медно-желтых волос на затылке, с широкими бровями, придававшими властное выражение лицу. А из четвертой ниши на Берестова глянула Анастасия Демидова: в спортивном кос-

тюме для выступлений на корте, с ракеткой в руке, готовая отразить подачу или удар.

Ратибор сглотнул слюну и сел на кровать — ноги внезапно стали ватными. Однако сидел недолго. Первая мысль — это квартира Насти! — уступила трезвой оценке обстановки: спальня явно принадлежала мужчине. И принадлежать она могла только одному человеку — Габриэлю Грехову, проконсулу ВКС.

За дверью возник какой-то шум, тут же прекратился, но Ратибор уже понял, что это пробудился Умник: кто-то установил с ним связь, обменялся репликами и отключился. В то же мгновение на панели медицинского комбайна перемигнулись зеленые огоньки, в блестящей полусфере открылась шторка и, развернувшись языком, подала стакан с янтарной жидкостью.

— Укрепляющее, — произнес автомат.

Ратибор усмехнулся, взял стакан, попробовал и выпил с наслаждением, только теперь осознав, что его давно мучит жажда. Последствия не заставили себя ждать: через минуту он был бодр, полон сил и желания действовать и без колебаний «пошел на разведку», накинув приготовленный ему халат с абстрактным рисунком.

За дверью оказалась просторная гостиная с мебелью в стиле «русского ренессанса»: дух захватило от красоты и щемящего чувства с т а р и н ы! Мебель была из разряда антикварной, а не скопированной современными технологическими линиями из пластика «под дерево», и, хотя отдавала архаикой, разглядывать ее можно было долго. И говорила она о вкусах хозяина больше, чем любое другое хобби. Даже эффектор «домового» — длинная «свеча» с тонкими светящимися усами — выглядел в гостиной не инородным телом, дополняя ее убранство штрихом эстетической законченности.

С гостиной соседствовал рабочий кабинет хозяина: квадратная комната с видеостенами, книжной библиотекой и кристаллотекой, с приставкой киб-интеллекта из разряда «больших думающих интелматов», которые обычно использовались, насколько знал Ратибор, только крупными исследовательскими центрами. Зачем такая машина понадобилась Грехову в качестве персонального компа, догадаться было невозможно. Кроме того, в углу комнаты над черным диском висел хрустально-прозрачный метровый шар с удивительной ячеистой структурой из золотой светящейся пыли — это была масштабная модель Метагалактики, проткнутая насквозь серебристой спицей.

Ратибор внимательно оглядел панель инка, чувствуя, что и его разглядывают в свою очередь.

— Включен? — спросил он негромко.

— У вас остались сомнения? — ответил с иронией инк в пси-диапазоне.

— Уже нет. — Гость невольно улыбнулся. — Ты говорил с кем-то... несколько минут назад. Не с Греховым ли случайно?

— Нет.

— Я подумал — с ним, потому что автомат тут же выдал мне стакан с витаминизированным напитком. Как тебя зовут?

— Диего.

Отзвук былого знания задел струны памяти. Ратибор напрягся и вытащил воспоминание на свет: у Грехова был когда-то друг по имени Диего Вирт...

— Абсолютно точно, — откликнулся киб-интеллект. — Я сохранил многие черты характера Диего.

— А сам он?

— Погиб на Энифе-1, спутнике звезды эпсилон Пегаса.

— Извините.

Бесцельно потрогав полированный столик из темного дерева, Ратибор собрался было идти дальше, как вдруг заметил на корпусе инка небольшой выступ с рядом блестящих глазков и светящейся алой каплей звукового контроля. Под глазками отчетливо светились мелкие буквы и цифры: КЛ-КПР-100. Ратибор тихонько присвистнул — он впервые видел блок консорт-линии с компьютерной пси-разверткой в личном пользовании, такие аппараты использовались только тревожными службами, да и то в особых случаях, когда надо было срочно ввести в курс дела ответственных лиц или оперативных работников — счет в таких случаях обычно шел на секунды.

— У Габриэля особые полномочия, — философски заметил Диего, уловив смятение гостя.

Ратибор не нашелся что ответить и выскользнул в коридор.

Фойе было как фойе — со скрытым видеомузыкальным устройством и небольшой картинной галереей, в нем можно было танцевать и беседовать, при желании вырастить из стен и пола любую мебель.

Кухня блестела стерильной чистотой, оборудованная домашним кулинарным киб-комплексом «Гурман-140», способным приготовить любые блюда из меню ста соро-

ка национальных кухонь. Было похоже, что пользовались им совсем недавно, в кухне устойчиво держались сложные вкусные запахи, вызывающие аппетит. Ратибор принюхался и прикусил губу: здесь явно поработала Настя — гамма запахов была сотворена ею.

Он вернулся в спальню, обошел ее кругом, знакомых запахов не обнаружил, вздохнул с облегчением, криво улыбнувшись в ответ на реплику совести: я была о себе лучшего мнения.

Кроме осмотренных в доме Грехова обнаружились еще две комнаты, обе заблокированные и не реагирующие на приказ открыться. В одной из них прятался реактор, стандартный кварк-биг, — судя по слабым пульсациям низкочастотного электромагнитного поля, пробивающегося сквозь толстый защитный экран, а возле второй Ратибор невольно задержался: показалось, что за дверью его ждет глубокий колодец, даже не колодец — бездонная пропасть! Ощущение было нечетким, расплывчатым и недолгим, и Ратибор поначалу отнес его в разряд иллюзорных картин, так называемых ложных чувств, созданных перевозбужденным подсознанием, но когда на смену первому пришло еще одно странное ощущение — будто за дверью начинается длинный тоннель, уходящий в неведомую даль, в бесконечность, Берестов наконец понял, в чем дело: он стоял перед кабиной метро!

Он не сразу справился с изумлением: ожидал всего, только не того, что увидел; вряд ли кто-нибудь еще на Земле додумался до установки в своей квартире стационарного блока метро. Ай да Грехов! Ай да тихоня-проконсул из синклита старичков-экспертов! Это же надо умудриться — доказать ВКС необходимость установки метро в своем коттедже! А может быть, он ничего и не доказывал? Просто взял и установил. Сам. Как и питающий метро стандартный кварк-реактор... м-да...

Ратибор покачал головой, безрезультатно потолкал дверь и задумчиво направился в рабочий кабинет хозяина, откуда киб-интеллект по имени Диего продолжал переговариваться с кем-то в пси-диапазоне, то ли с самим Греховым, то ли с инками научных центров или других владельцев.

Сначала Ратибор осмотрел прозрачный шар с ячеистой моделью Метагалактики, или, как теперь говорили, метагалактического домена, напоминающего соты: стенками ячей служили скопления галактик, складывающиеся в длинные волокна и перегородки. Система галактик,

известная под названием Скопление Волос Вероники, в которую входила и Галактика, давшая жизнь Солнцу, выделялась на модели цветом: светилась она чистой зеленью, и именно в нее вонзалась длинная серебристая спица, протыкавшая шар от его границы; при первом рассмотрении Ратибору показалось, что спица пронзает шар насквозь. И вдруг его озарило: спица, вне всякого сомнения, представляла собой канал Большого Выстрела, след движения Конструктора!

Приблизив лицо к шару, Ратибор разглядел еще одну интересную деталь: спица БВ не заканчивалась у границ Галактики, а выходила из нее под другим углом тоненьким алым лучиком, словно отразилась от звездного зеркала, потеряв часть энергии. Путь Конструктора не заканчивался в Галактике, и Грехов знал это!

Почувствовав головокружение — по сути он был еще очень слаб, — Ратибор отдохнул в одном из кресел, прикидывая, где может находиться проконсул и что делать дальше, потом решил воспользоваться представившейся возможностью и выяснить обстановку в большом мире. Опасался он только одного: что инк не разрешит ему включить консорт-линию.

Однако опасения оказались излишними: Диего без колебаний и выяснения полномочий гостя, — вполне могло быть, что об этом позаботился Грехов, — включил блок КЛ с контуром пси-развертки, и Ратибор оказался в большом зале с доброй сотней работающих виомов и мониторов контроля связи. Он сразу узнал это место — зал прямой координации ВКС, хотя ни разу в нем не был.

Судя по ливню информации, вылившемуся Ратибору на голову, зал служил в настоящий момент штабом режима ГО, введенного по всей Солнечной системе из-за вторжения Конструктора, а так как уровень управления, осуществляемого из зала, был стратегическим и прогнозирующим для главнейших производственных и научных центров Системы, то подчинение его решению одной задачи указывало на глобальный масштаб последней. Тактический уровень управления 10 принадлежал спейсеру «Клондайк», где располагались руководители тревожных служб человечества, в том числе и Аристарх Железовский, и технологическому центру Земли, распоряжавшемуся энергетическими и материальными ресурсами человечества для разработки и постройки защитных поясов, а оперативное управление осуществлялось погранзаставами и станциями аварийно-спасательной службы.

Ратибор узнал, что Конструктор углубился в Солнечную систему до орбиты Нептуна и прошел мимо этой гигантской планеты чуть ли не впритирку, уничтожив все ее спутники и содрав с нее треть атмосферы — по массе, так что теперь вокруг Нептуна вращался по эллиптической орбите всего один спутник — газовое облако.

Подойти к Конструктору близко не удавалось из-за чудовищной поляризации вакуума, следствием которого было рождение монополей, тяжелых элементарных частиц с одним магнитным полюсом, ставших печально известными из-за их «агрессивности»: протоны, взаимодействуя с этими частицами, распадались на пару электрон-позитрон, гамма-квант и нейтрино, что переводилось на нормальный язык, как распад вещества! Стоило одному монополю попасть на любую планету — и кто знает, что от нее осталось бы через полсотни лет...

Ратибор отнесся к этому сообщению равнодушно, однако то, что исследователи обнаружили по трассе Конструктора целые глыбы монополей, так называемые кластеры, заставило его поежиться. Не надо было обладать сверхвоображением, чтобы представить картину падения такого кластера на Землю. Но и это было еще не все: след Конструктора, который когда-то назвали Большим Выстрелом, «похудел» и разорвался на отдельные «капли», продолжавшие путь к Солнцу, но главное, что эти «капли» оказались «кварковыми мешками» колоссальных масс — слипшимися в астероиды кварками. Один кубический сантиметр вещества «мешков» имел такую же массу, как и вся Земля! Таким образом навстречу Солнечной системе мчалась чуть ли не со скоростью света очередь почти невидимых — до метра в диаметре — пуль, обладавших массами звезд и огромной энергией.

Ратибор, несколько осоловевший от обилия цифр и сотен научных сведений, заставил мозг работать избирательно, а не впитывать все подряд, и выбрал наиболее интересные и важные группы сообщений. В первую группу вошли данные о Конструкторе, дополняющие те, которые Берестов уже знал, и самым интересным было сообщение о том, что бывший «Прожорливый Младенец» начал исследовать людей, зондировать их психику, использовав малую толику своих возможностей.

Во вторую группу вошли рапорты оперативных дежурных, сводки по регионам и общий анализ обстановки, сообщавшийся по компьютерной сети всем руководителям ГО каждые полчаса. Выслушав лаконичное: «В Сис-

теме динамика сил — в пределах суточного прогноза», — Ратибор четверть часа рассматривал выданную интелматом-координатором ГО (использовался большой киб-интеллект совета по имени Маг) пси-картину вторжения Конструктора в солнечную систему, чувствуя, как непроизвольно напрягаются мышцы спины и холодок жути стекает из головы в желудок.

На схеме, занимавшей весь объем центрального виома — шесть на двадцать метров — алый конус Конструктора, не уступающий по размерам части Солнечной системы внутри орбиты Меркурия, преодолел одну десятую пути до Солнца и углубился в пространство Системы примерно до середины пояса между орбитами Нептуна и Урана, продолжая двигаться дальше со скоростью около шестидесяти трех километров в секунду и распустив длинный хвост из искрящейся алмазной пыли — так на схеме обозначался кильватерный след Конструктора, «взбаламутившего» вакуум до рождения многих странных частиц, волн, энергетических вихрей, пиков и провалов...

Вокруг алого конуса метелью кружилась мигающая голубым и зеленым стая «саранчи» — исследовательский флот землян, и отдельно, кавалькадой, вернее, конвоем, строго выдерживая строй, шли параллельным курсом спейсеры погранфлота — яркие желтые звезды, выбрасывающие время от времени тонкие лучики света.

Третье облако огней между орбитами Юпитера и Марса означало строительную площадку защитных бастионов с «потрясателями вакуума», за которые Конструктору ходу не было, дальше начинались владения человека, «пригороды» цивилизации с густой сетью космических поселений, заводов, энергостанций, зон труда и отдыха.

Со стороны, издали, да еще на схеме, картина вторжения не впечатляла: подумаешь, где-то далеко, за сотни миллионов километров от Земли движется нечто напоминающее хвостатую комету или хойловское черное облако. Однако Ратибор хорошо представлял, что это такое в действительности, и ему не надо было рассказывать, какой лихорадочной деятельностью занимаются сейчас все научные и технические центры человечества, а в особенности погранслужба и особый ее отряд — отдел безопасности.

Очнувшись, бывший кобра и оператор тревожного режима переключился было на впитывание информации еще одной интересующей его группы проблем, но успел отложить в памяти лишь известие о нападении на стройотряд, занятый монтажом одного из форпостов на пути следова-

ния Конструктора. Какой-то звук, даже не звук — бесплотная тень звука, заставил его оторваться от созерцания следующих непрерывно одна за другой картин, интуитивно выключить консорт-связь и выглянуть в коридор.

Он не ошибся — это сработала камера метро, пропуская в жилище хозяина.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Габриэль Грехов был одет по последней моде в строгий уникс цвета маренго: рубашка с погончиками, обтягивающая живот и свободно облегающая плечи, брюки прямого силуэта с металлическими швами и десятком плат, создающих «эффект осьминога» (казалось, что у обладателя брюк не две, а по крайней мере четыре ноги).

— Оклемался? — спокойно произнес Грехов. Впрочем, не сказал — подумал, но Берестов отлично расслышал его мысль. И не удивился этому.

— Тоже правильно, — мысленно «кивнул» Габриэль, продолжая внимательно изучать лицо гостя. — Мы теперь с тобой одного дуба желуди. Боли мучают?

— Изредка, странные, блуждающие...

— Скоро пройдут. Пошли завтракать.

Ратибор вдруг с удивлением обнаружил, что зверски хочет есть. Грехов молча проследовал на кухню, набрал программу, искоса поглядев на вошедшего следом безопасника. У того внезапно снова на миг защемило сердце: Настя была здесь, и не раз. Вспомнилась пословица, которую она любила цитировать: «Для хорошего повара годится все, кроме луны и ее отражения в воде»[1].

Грехов едва заметно улыбнулся: он понял, о чем подумал Ратибор. Сев, кивнул на второй стул; на кухне их было всего два.

— Китайцы знали толк в подобных вещах. Их кулинария — это самая настоящая алхимия, логическое умение творить неведомое из невиданного. А вот, к примеру, японская кулинария — это искусство создавать натюрморты на тарелках. Ты какую кухню предпочитаешь?

— Вкусную, — ответил Ратибор. — Как я здесь оказался?

Комбайн со звоном выдвинул из своего нутра поднос, заставленный яствами, рассчитанными на две персоны. Здесь были маринованные грибы — рыжики, вареные раки, вареники, жареная брюква, гренки и высокие бокалы с янтарным напитком — единственной вещью, которой не знал Ратибор.

---

[1] Китайская пословица.

— Русская кухня... — пробормотал он, глотая слюну. — Дань вежливости? Сто лет не ел раков...

— Я русский, — пожал плечами Грехов, углубляясь в трапезу. — Имя — дань дружбы отца с одним французом. А вообще-то дерево предков я помню до ста шестидесятого поколения, на три с половиной тысячи лет назад.

Ратибор поперхнулся: он дегустировал напиток.

— Ты сказал — помню? Простите...

Грехов кивнул.

— У меня абсолютная память, в том числе и родовая, наследственная. Я помню все, что со мной было, вплоть до момента рождения.

— Но это же... страшно! — Ратибор во все глаза смотрел на проконсула. — Как можно жить, ничего не забывая?

Хозяин поднял на гостя мрачноватый взгляд, глаза его, почти полностью занятые зрачками, казались бездонными.

— Ты хотел добавить: и не свихнуться при этом? Я живу. Пей, пей, это клюквенный мед: в прокипяченный с водой мед добавляется клюквенный сок, гвоздика, корица и дрожжи. Смесь пьется охлажденной через два дня. Как на вкус?

— Странно... и приятно... как у Грина: улей и сад.

У глаз Грехова собрались веселые морщинки, однако иронизировать он не стал, добавил только:

— Рецепт старый, приготовление мое. Рекомендую отведать вареников, это старорусские, рецепту две тысячи лет.

Но Ратибора не нужно было уговаривать есть, его аппетит не нуждался в рекламе предлагаемых блюд.

Через двадцать минут он отодвинулся от стола, чувствуя непривычную приятную тяжесть в животе и легкую эйфорию — то ли от меда, то ли от приступа слабости. Грехов сделал чай с брусникой и чабрецом, и они еще некоторое время неторопливо прихлебывали душистый и вкусный напиток. Потом Ратибор вспомнил свое пробуждение и повторил вопрос:

— И все же, как я здесь оказался? Ваших рук дело? Как вы меня выдернули из Конструктора?

Грехов покачал головой.

— Я только договорился с Сеятелем, чтобы он доставил тебя сюда. Честно говоря, надежды было мало, но ты на удивление цепкий парень, хотя, на мой взгляд, чуть более эмоционален, чем требуется мужчине.

— У меня о себе другое мнение. Значит, спас меня...

— Серый призрак, я называю его Сеятелем, хотя это имя уже не соответствует его деятельности. По сути, ты его должник, как и я.

— Говорят, призраки сидят в Системе...

— Не только они, но и роиды, и К-мигранты, и еще какие-то гости, с которыми земляне еще не сталкивались в космосе. Конструктор — явление интергалактическое, метаглобальное, и о его вторжении известно многим, в том числе и таким существам, которых мы не знаем.

— Я понял так, что положение аховое.

Грехов прищурился, отрицательно качнул головой.

— Это по мнению Совета. На самом деле катастрофы не будет. Кстати, я совсем недавно узнал этимологию этого слова: оказывается, оно образовано от народного «костовстреха». А положение таково, что если строители успеют смонтировать дредноуты — я имею в виду вакуумные резонаторы в «ничейной полосе», — и откроют огонь, то Конструктор будет травмирован еще больше и вряд ли выкарабкается из глубокой депрессии и беспамятства. Он до сих пор не может прийти в себя после пробоя «ложного вакуума», отделяющего «пузыри» вселенных друг от друга, хотя и пытается проанализировать свое положение и определить, куда он попал. Ты слышал об исследовании, которое он устроил с людьми?

— Пси-зондаж?

— Нечто в этом роде. Но дело в том, что «мозг» Конструктора в результате травмы разбит на отдельные «сегменты», которые не взаимодействуют между собой, каждый из них мыслит и действует самостоятельно, зачастую мешая друг другу, из-за чего Конструктор не является полноценной личностью. Призраки пытаются ему помочь, стараясь разрушить блокировку «сегментов», но пока безрезультатно. Если бы Конструктор был здоров, он изучил бы феномен человеческой цивилизации так, что мы и не заметили бы, а все его нынешние «исследования» не что иное, как попытки больного выведать у врача его профпригодность.

Ратибор едва удержался от вопроса: «Откуда вам это известно?», но Грехов все равно расшифровал его мысль, глаза его на мгновение превратились в колодцы, полные тоски и муки. Только на мгновение.

— Вы считаете, Конструктору нужен... врач? — спросил Ратибор. — Интересно, кто же из людей способен выполнить эту роль?

— Один человек и не сможет. Роль врача могут выполнить только все люди вместе, и не только люди, но и чужане, и серые призраки, и К-мигранты, и те, кого мы еще не знаем. Все мы — детали одного механизма, вернее, ингредиенты одного лечебного препарата, и каждый ингредиент не менее важен, чем все остальные. Конструктору нужно больше, чем может дать человечество. А оно пока собирается дать ему только вакуум-резонаторы. — Грехов усмехнулся. — История повторяется, никто не торопится вспомнить, что человечество уже проходило этапы научно-технической самоуверенности и технологической спеси, никто не учитывает пословицы: сильный грозит пальцем, слабый — кулаком.

— Разве Конструктор уже грозил?

— Не грозил — предупредил, причем преднамеренно, пройдя рядом с Нептуном, хотя мог обойти его на безопасном расстоянии. Это и пальцем-то назвать нельзя, просто «дуновение ветра», а мы потрясаем мускулами, строя то Т-конус, то дредноуты с излучателями.

— Вы говорите так, будто презираете людей... Или сказывается гордыня экзосенса?

Грехов покачал головой, нахмурился, потом улыбнулся.

— Уел, что называется. Впрочем, ты тоже экзосенс, может быть, даже в большей степени, чем я, так вот и спроси себя — сам ты чувствуешь презрение к людям? Нет? Откуда же взяться этому чувству у меня? А что касается гордыни... что ж, неплохо сказано, у экзосенса и гнев должен быть гордым, и презрение, и ненависть, и любовь. Кто-то из религиозных деятелей Индии, один из адептов философии одиночества, сам будучи экзосенсом, назвал всех экстрасенсов архатами[1], в своих целях, конечно, для рекламы своего мировоззрения и вероучения, но я не стал бы ему возражать, хотя сам лично отношу себя к мадхьяме[2].

Во взгляде Грехова светились мудрость и лукавство, и Ратибор ответил ему понимающей улыбкой. Несколько раз он ловил эхо направленных пси-передач — беззвучные толчки в голову, — пока не увидел на мочках ушей Грехова черные капли пси-рации и не понял, что Габриэль включен в опер-связь и все время получает какие-то сообщения.

---

[1] А р х а т — человек, достигший высшего совершенства, вплотную подошедший к состоянию нирваны.

[2] М а д х ь я м а — тот, кто достиг промежуточной стадии реализации бога.

Перешли в гостиную, потом в рабочий кабинет хозяина, откуда Грехов позвонил кому-то, выслушал ответ и прекратил разговор, не сказав ни слова. Спросил:

— Что собираешься делать дальше? Предупреждаю только, что ты еще не окреп, несколько дней придется поберечься.

— Я буду осторожен. — Ратибор задумался, уйдя мыслями в себя; скулы резче выступили на лице. — Известно, кто убил физика Вакулу?

Грехов сощурился, от его внимания не ускользнула перемена в настроении гостя.

— Мэтьюз Купер, бывший поликос-инженер. Кстати, он же едва не отправил на тот свет Шадрина.

Ратибор вздрогнул, почувствовал укол боли в висок и медленно выдохнул воздух сквозь зубы.

— Едва не отправил? Значит, Юра жив?

— Уже поправился, Железовский разрешил ему работать в прежней должности.

— Я найду его. — Ратибор имел в виду Купера. Грехов понял.

— Не переоценивай силы, юноша. То, что ты когда-то справился с одним К-мигрантом, ни о чем не говорит, видно, ты баловень судьбы. Но с тех пор они поменяли тактику, нашли способ векторного перехода из любого «привязанного» канала метро на свою базу, обрели энергетическую независимость и так далее. К тому же их возможности полностью никому не известны, даже мне... — Грехов остановился, изучая отвердевшее лицо безопасника. — Короче, я не советую тебе связываться с К-мигрантами, бороться с ними в одиночку трудно, если вовсе не невозможно.

— Трудное — то, что можно сделать немедленно, — тихо сказал Ратибор. — Невозможное — то, что потребует лишь немного больше времени[1]. Я найду его.

Грехов посидел немного, не меняя позы, потом резко встал и вдруг застыл, вслушиваясь в какое-то сообщение.

— Что? — встревожился Ратибор, тоже вставая; он думал о Насте, но спрашивать о ней у проконсула не захотел.

— Глобалисты добились наконец включения ОО-предупреждения[2], все компьютерные системы управления синхронизируются в соответствии с задачами ГО, но вряд ли эта мера существенно изменит положение.

---

[1] Сантаяна.

[2] ОО-предупреждение — система методов по предупреждению ошибок управления и отработки команд.

— Почему?

— Потому что игнорируется единственное правило запрета на направление деятельности общества в таких масштабах — человечество не имеет максимально полной информации о последствиях атаки на Конструктора и не желает иметь.

— Может быть, не все человечество?

Грехов помолчал, прислушиваясь к шепоту инка, буркнул короткое: «Жду», — оглядел наряд Ратибора.

— Итак, ты уходишь?

Ратибор понял, что Габриэль ждет гостей, тоскливо заныло в груди. Проконсул хмыкнул.

— Гостей я и в самом деле жду, но лучше тебе их не видеть. — Габриэль исподлобья взглянул на вспыхнувшего Ратибора. — Одевайся, одежда твоя в шкафу в спальне. И учти: за моим домом ведется наблюдение, и выйдя из него, ты автоматически попадешь под надзор.

— К-мигранты?

— Они. Уважают.

Ратибор побрел переодеваться. А когда натягивал новые мокасины с маркой «Маленький Мук» — точно по ноге — в доме сработало метро. Ратибор прислушался: из коридора донеслись чьи-то голоса, странные металлические перезвоны и глухие удары, от которых заметно вздрагивал весь дом. Впечатление было такое, будто по коридору прошествовал закованный в латы гигант-рыцарь... или слон. Раздумывая над словами Габриэля о гостях: «Лучше тебе их не видеть», — Ратибор машинально выпил бокал прозрачного, как слеза, напитка, который предложил ему медкомплекс, и, пройдя коридор, заглянул в гостиную.

Он успел заметить странную горбатую фигуру, карикатурно напоминающую человека, до половины закованную в полированный металл, с грубым, глыбообразным торсом, отливающим лоснящейся чернотой, и в следующее мгновение толчок в грудь отбросил его в глубь коридора, дверь в гостиную закрылась. Через несколько секунд она выпустила хозяина с ярко-красным стержнем в руках.

— Извини, я не предупредил. Могу вызвать такси. Впрочем... — Грехов оглянулся на дверь, кинул в нее стержень, который исчез без стука. — Иди через метро, код выхода сообщит автомат запуска. Понадоблюсь — зови. И не увлекайся охотой за К-мигрантами, они — побочные дети Конструктора и сами жертвы обстоя-

тельств, изгои, а главное, более несчастны, чем самый несчастный из нас.

Ошеломленный Ратибор кивнул, но пришел в себя только в кабине метро, более просторной, чем можно было судить об этом из коридора.

— Куда? — меланхолично задал вопрос автомат запуска.

— Домой, — вздохнул Ратибор, вспоминая поговорку: мой дом — моя крепость. Дом Грехова полностью отвечал этому постулату.

— Ближайшее метро — вторая станция Рославля. Счастливого пути.

И Ратибор вышел в вестибюль рославльского метро, машинально запомнив код выхода на метро Грехова.

Почти час он бродил по городу, ошалев от чистого воздуха, простора, ярких весенних красок и особой тишины, присущей только городу-лесу, и продолжая вспоминать сцену у Грехова. Кто это был? Человек в спецодежде, в особом скафандре? Не похоже, да и скафандров таких не существует, уж это Ратибор знал точно. Ряженый? Едва ли, до праздников далеко, а просто так разгуливать в этом наряде по городам и весям никто в здравом уме не станет. Робот-андроид? Тоже не очень-то удачное объяснение: андроиды используются так редко, что встретить их в обычной квартире практически невозможно. Тогда кто это был?..

И чем дольше анализировал ситуацию Ратибор, тем больше склонялся к мысли, что он видел... чужанина! Роида. Правда, самым уязвимым местом гипотезы было ее логическое обоснование: с какой стати чужанин вдруг захотел нанести визит землянину, в то время как состояние отношений роидов и людей — нулевое? На этот вопрос ответа у Берестова не было, и он решил пока не ломать голову над загадкой, позволив себе только воскликнуть в душе: ай, да проконсул! Сколько же тайн хранит твоя родовая «крепость»?..

Нагулявшись, Ратибор некоторое время привыкал к дому, приводил мысли в порядок, прибирался, переодевался, разговаривал с «домовым», смотрел программу новостей по видео: мир жил своей многогранной жизнью, строил и разрушал, сажал деревья и вырубал леса, рожал и хоронил, смеялся и плакал, и все это — сквозь тихую, но отчетливо слышимую ноту режима тревоги, порожда-

ющую в душах темные тени суеверного страха и неуверенности в завтрашнем дне.

Дважды он порывался позвонить Насте, но оба раза по какой-то необъяснимой причине срабатывал внутренний выключатель, останавливающий начавшееся было движение; не интуиция, скорее, опасение увидеть Настю в чужой компании, веселящуюся, забывшую обо всем... Воображение рисовало некрасивые сцены появления Ратибора в разгар веселья, и в конце концов он заблокировал мысли о девушке насмерть, приказав себе включиться в прежний ритм жизни безопасника: у него была цель, и следовало идти к ней самым коротким путем. Но если до миссии посла он был коброй, то есть руководителем обоймы риска, имея почти неограниченные возможности для оперативной работы, то теперь стал гриф-мастером, оперативником-одиночкой, и следовало приспосабливаться к новому положению как можно быстрей.

Все еще прислушиваясь к своим ощущениям, находя в них все новые оттенки при смене рода деятельности — принимая душ, он, например, испытал восхитительное чувство раскрывания пор кожи, — Ратибор наконец составил в уме программу действий, переоделся в спортивный комби серого цвета с черными кармашками и поясками, нацепил пси-рацию и настроил ее на трек отдела безопасности, использовав свой личный код: теперь он мог получать все новости, поступающие в отдел.

Звонить друзьям он не стал.

Голова изредка побаливала («Блуждающие боли», — вспомнились слова Грехова), и, хотя он не привык обращать внимание на такие мелочи, организм сам знал, как с ними бороться, тем не менее ради страховки Ратибор решил пройти медосмотр.

В медсекторе управления его знали и приняли как надо, выразив симпатии в виде улыбок и похлопываний по плечам и спине: все были рады его возвращению, зная, откуда вернулся бывший оператор-прима «Шторма». Дежурный врач-универсалист со смешной фамилией Задира быстро набрал программу медицинскому инку, и Ратибор, раздетый до плавок, нырнул в узкий коридорчик анализационного комплекса. Когда он вышел с другой стороны и увидел физиономию врача, представлявшую собой скульптурную маску бога изумления, он даже перепугался, заподозрив самое худшее — скрытые психические отклонения, но врач развеял его подозрения:

— Елки-палки, вот это тонус!

Смотрел он на дисплей, и Ратибор тоже заглянул в белый объемный куб, но увидел лишь облако мигающих зеленых огней, какие-то светящиеся цифры, знаки и символы.

— Никогда не думал, что увижу подобное снова! — Врач все еще пребывал в нокдауне, пораженный до глубины души.

— Так плохо? — спросил Ратибор, одеваясь.

Врач очнулся, шибко потер ладонью затылок.

— Наоборот, ваш КЗ[1] на порядок превышает КЗ нормального человека! Как и остальные параметры вплоть до кардиорезерва! Например, вы реагируете на оптические раздражители в пятнадцать раз быстрее, чем требуется по норме — до десяти миллисекунд вместо ста пятидесяти. Или вот еще: предельная скорость обработки информации в мозгу человека — пять тысяч бит в секунду, а у вас этот показатель — пятьдесят шесть тысяч! Не знаю, с помощью какого тренинга вам удалось это сделать, по-моему, таких приемов не знает ни традиционная медицина, ни восточная, ни какая другая. Таких приемов просто не существует в природе!

— Значит, я здоров!

— Как бог! — вырвалось у врача. — Вернее, как Геракл! Вы хоть сами-то понимаете, какие у вас резервы? Вы же можете завязать узлом гриф штанги.

— Это неплохо, — кротко сказал Ратибор. — Хотя в истории есть примеры и похлеще, помните — Железный Самсон? Или Поддубный. А сколько русских богатырей мы не знаем? Да, — вспомнил Ратибор, — вы говорили, что видели подобное второй раз. А первый раз у кого?

— У шефа КОБ Железовского.

Берестов кивнул и оставил ошарашенного врача вместе с его не менее ошеломленной гвардией. На сердце отлегло, с организмом все было в порядке, какие-либо отклонения медики заметили бы, а это означало, что таинственная фармакопея Грехова (или «серого призрака»?) действовала безотказно, возродив его из того «пепла», что остался от безопасника после долгого путешествия внутри Конструктора.

Используя сертификат кобры, он в три приема: управление — база «Радимич-2» — спейсер «Клондайк» — до-

---

[1] КЗ — количество здоровья, термин, обозначающий количество воздуха, прокачиваемое через легкие за секунду.

брался до тактического центра управления режимом ГО в Солнечной системе и застал Железовского на смене дежурства.

В зале кроме комиссара присутствовали еще пять человек, трое — «первая» смена: командор погранслужбы Эрберг, президент Академии наук Земли Максимов и незнакомая смуглая женщина в саронге, вероятно, член СЭКОНа, и трое — «вторая»: Железовский, кобра погранслужбы Демин и директор УАСС Кий-Коронат.

Немая сцена длилась недолго, первым опомнился Демин:

— Чур меня!

Осторожно дотронулся до плеча Ратибора.

— Кажется, не привидение... Берестов, это ты или новый тест Конструктора?

— Навь![1] — сказал Кий-Коронат, отмахиваясь пальцем.

— Ну, уж нет, на мертвеца не похож, — возразил Демин, и они оба посмотрели на застывшего комиссара.

Человек-скала наконец шевельнулся и молча обнял Ратибора так, что тому пришлось растопыриться изо всех сил, чтобы не быть раздавленным. Их мысленный диалог длился немногим больше трех секунд, но они прекрасно поняли друг друга, после чего Железовский снова превратился в каменного «роденовского мыслителя», скупого на жесты, мимику и слова.

— Что говорят медики?

— Ничего страшного, я у них только что был.

— Мог бы сообщить о своем появлении сразу, — ворчливо заметил Кий-Коронат, залезая внутрь кокон-кресла. — Это непорядок.

— Черт меня дери, я счастлив, что ты жив! — Демин сжал локоть Берестова и тоже уселся в кресло. — Извини, пора включаться в бдение, вечером — ко мне, без возражений!

Ратибор с улыбкой пожал плечами, благодарно покивал в ответ на возгласы и пожелания здоровья уходящей смены.

— Созвонимся.

— Иди, — сказал Железовский. — К работе ты еще не готов. Потом разберемся, куда тебя можно пристроить. Твой спаситель — Грехов?

---

[1] **Н а в ь** — мертвец, вставший из могилы, призрак мертвеца *(древнерус.)*.

— Он сказал — серый призрак, Сеятель. Но очнулся я у него.

— Он на Земле?!

Удивленный реакцией комиссара, Ратибор кивнул.

— А где ему надлежит быть?

Железовский, Кий-Коронат и Демин переглянулись.

— Сюрприз, — усмехнулся директор УАСС. — Его ищут чуть ли не все розыскники отдела, а он на Земле.

— Что в этом удивительного?

— Ничего, если учесть, что исчез он вместе со своим драккаром здесь, возле Конструктора. — Комиссар-два отвернулся, повозился в кресле и застыл, полузакрыв глаза, сразу включившись в переговоры с десятком вызывающих центр абонентов.

— Хочешь посмотреть на Конструктора снаружи? — спросил Демин, меняя тему разговора.

Изображение звездного поля в главном обзорном виоме вздрогнуло, и весь его объем заняла странная, чарующая взгляд картина: колоссальный оранжевый, но не ослепляющий язык огня с волнующимися, трепещущими краями, внутри которого угадывалось какое-то струение, движение туманных волокон и спиралей, непрерывный плавный переход друг в друга разнообразных геометрических фигур, диффузных форм, и просто «клубы дыма» со вспыхивающими яркими золотыми искрами.

— Красиво? — спросил Демин, понизив голос.

— Не отвлекайтесь, — проворчал Кий-Коронат, — с погранзаставой будете работать вы.

— Внимание, оптическое предупреждение! — раздался пси-голос координатора спейсера. — Охранению приграничных зон императив «смотри в оба»!

— Очередная трансформация форм, — пояснил Демин, не меняя рассеянного тона, он тоже присоединился к оперативному полю управления и начал «пасти» свой сектор ответственности. — «Факел» — одна из наиболее простых его конфигураций, проще только эллипсоидный диск, похожий на огромный человеческий глаз.

В следующее мгновение «язык огня» Конструктора буквально за несколько секунд превратился в сгусток невиданных по сложности светящихся фигур, описать которые можно было только формулами, но никак не человеческим языком. Каждый завиток этого сверхсложного конгломерата форм «дышал», то усиливая свечение, то превращаясь в тлеющую головешку, и подчинялась эта пульсация свечения определенному ритму, напоминающему ритм там-

тама. Холодок страха протек у Ратибора между лопаток, когда он представил, к а к о г о   м а с ш т а б а объект подчиняется синхронному переливу свечения с точностью до тысячных долей секунды, в то время как даже свет мог обежать тело Конструктора не раньше, чем за две с половиной минуты!

— Внимание, наблюдается «еж-эффект»! — предупредил координатор. — Полное капсулирование!

— Изредка он вдруг начинает излучать энергию узкими пучками, «струнами», — пояснил Демин, — во все стороны, словно еж иголками ощетинивается. Похоже — держит с кем-то связь.

Ратибор уловил косой взгляд Железовского, понял, что мешает, и заторопился.

— Последний вопрос: кто из ученых занимается исследованием возможностей К-мигрантов? Савич или кто-то из его команды?

— Зачем это тебе? — буркнул комиссар.

— Пора несколько ограничить их террористическую деятельность.

— Тебе это не по зубам, — недовольно проговорил директор УАСС.

Ратибор посмотрел на него, не желая возражать. Железовский смотрел на безопасника, взвешивая решение.

— Обойму я тебе дать не могу, даже малую, свободных попросту нет.

— Поработаю в одиночку. Дайте проводку по треку в качестве свободного охотника.

— Сил хватит? Ты хорошо обо всем подумал?

— Да, — твердо ответил Ратибор.

— Освобожусь — поговорим. Настя знает, что ты... здесь?

— Нет.

Железовский повернул к нему голову, и Ратибор почувствовал мгновенный стыд, будто сделал такое, чему нет прощения. Голова закружилась, приступ слабости накатил неожиданно и остро, словно прорвало плотину. Стараясь не упасть, он слепо добрел до двери, закованный в броню эмоциональной блокировки, провожаемый внимательным взглядом комиссара: Аристарх понял его состояние, но не показал вида. В коридоре Ратибор отдохнул, справился с приступом, выслушав «доклады» всех органов тела, и вдруг с пронзительной четкостью увидел лицо Насти и услышал ее замирающий шепот: Ра-ти-бор...

СВОБОДНАЯ ОХОТА

Он проспал без малого двадцать часов, настроив сторожевые центры тела на малейшее изменение полей во всем доме и разобравшись в причинах приступов слабости: еще на спейсере тактического центра ГО Ратибор понял, что надо сначала вылечиться, а потом действовать. Вернувшись домой, он определил неадекватно работавшие нервные узлы и мышцы, усилил обмен веществ в организме, заставив работать железы и мышечные волокна, чтобы вывести наружу всю чужеродную органику, потренировал вазомоторику сердечно-сосудистой системы и лег спать с уверенностью в собственных силах.

Встал свежим и готовым к переходу на оперативное бодрствование. Позавтракал, вернее, поужинал — шел десятый час вечера по времени Рославля. Мысли шли двумя параллельными потоками: первый поток — о Насте, второй — о госте Грехова, который не мог быть никем иным, кроме чужанина. Но каким образом проконсулу удалось вступить с ним в переговоры, что их связывало, какие цели преследовались, догадаться было невозможно, зато фантазия Ратибора подсказывала ему такие варианты альянса Грехов — чужане, будила такие ассоциации, что становилось нехорошо на душе. С одной стороны, Габриэль спасал Берестова не однажды и последовательно отстаивал интересы людей, а с другой, — он так же последовательно продолжал какую-то таинственную деятельность, подчиненную только его логике и отвечающую только его интересам. В полном одиночестве, не опираясь ни на кого из друзей. Кроме Анастасии Демидовой...

Не ощущая вкуса, Ратибор допил кофе, одеваясь, выслушал по треку последние новости: Конструктор пересек орбиту Урана и через неделю должен был пройти мимо Сатурна с его уникальными кольцами и обширной системой спутников. Напряжение, с каким ожидало человечество его дальнейших действий, сгущалось, грозя перерасти в панику глобального масштаба, уже сейчас тревожные службы цивилизации с трудом справлялись с возрастающим потоком негативных явлений: случаев антисоциального поведения, вспышек нервно-психических заболеваний и хулиганских действий наименее устойчивых в психологическом отношении групп подростков. Но что было самое плохое — действия эти направлялись многими фанатически настроенными религиозными и неформальными центрами помимо возникших «обществ по спасению

Конструктора», а в некоторых случаях с наиболее жесткими последствиями чувствовалось влияние К-мигрантов; зная способы «катапультирования» по системе метро в точку с только им известными координатами, К-мигранты легко уходили от наблюдения и преследования, продолжая свою разрушительную работу.

И все же человечество представляло собой достаточно стабильную социальную систему, которую трудно было вывести из равновесия за короткий период времени, большинство людей не теряло надежды на благополучный исход «Второго пришествия Христа», как назвали вторжение Конструктора в Солнечную систему деятели церкви. Суть была, конечно, не в термине — в масштабности события, и сохранить душевное спокойствие в подобных обстоятельствах б е з в е р ы, — в высший разум (если не хватает собственного), в исторически оправданный оптимизм, в добро, в милосердие, в Бога, в себя, наконец, — было невозможно. Правда, несмотря на запасы веры, человек продолжал строить защитные системы в «ничейной полосе» пояса астероидов, на подступах к родному дому, предпочитая действовать, а не ждать благоприятного исхода, сложа руки... «Дредноуты», — вспомнил Ратибор термин Грехова. Вызвал дежурного отдела:

— Кто занимается проблемой передвижения К-мигрантов по метро?

— Сектор ФИАНа, лидер — Джеффри Губерт, — в пси-диапазоне ответил инк.

— А новыми приемами остановки Конструктора?

— Имант Валдманис.

— Благодарю.

Поколебавшись, Ратибор набрал телекс Насти. Через минуту откликнулся «домовой».

— Прошу прощения, хозяйки нет дома.

— Координаты?

— Не располагаю, извините.

Ратибор выключил виом, некоторое время размышлял, представляя Настю в костюме теннисистки, потом позвонил в Институт внеземных культур. Виом вспыхнул тут же, но вместо девушки в уютной ячейке вычислительного комплекса Берестов увидел черноволосого красавца с энергичным волевым лицом, одетого в ослепительно белый летний костюм.

— Вам кого? — улыбаясь, спросил красавец.

— Я, очевидно, ошибся номером. Это институт?

— Внеземных культур, если не возражаете, сектор ВЦ.

— Анастасия Демидова...

— Ее нет, — быстро ответил черноволосый, улыбка его потускнела, глаза сузились. — Я вас узнал. Вы Ратибор Берестов? Говорили, что вы...

— Не верьте слухам, — сказал Ратибор, узнавший шефа Насти Косту Сахангирея. — Где она?

Сахангирей пожал плечами.

— Убейте, не знаю, и мне теперь самому приходится разбираться с ее заданиями. Если хотите, могу поделиться слухами...

— Не надо, — сухо отрезал Ратибор, выключая связь. Сахангирей знал, где находится Анастасия, но не хотел говорить. Он не любил безопасника, и тот отвечал ему взаимностью.

Пришлось снова обращаться к инку отдела, хотя Ратибор и боялся, что дежурный потребует предъявить полномочия. Однако этого не произошло.

— Примите задание.

— Слушаю. — Инк не требовал даже идентификации вызова, из чего Ратибор сделал вывод, что его позывной оператора тревоги не был выведен из памяти компьютера.

— Найдите координаты местонахождения эфаналитика ИВК Анастасии Демидовой.

— Вместе с аналитиками отдела Демидова включена в группу операторов эм-синхро[1].

Ратибор невольно вытянул губы трубочкой, словно хотел присвистнуть.

— Режим работы — телекомьют?[2]

— Нет, группа работает в управлении на больших Умниках погранслужбы.

— Цель работы?

— Экологический прогноз и последствия энергетического ограничения свободы Конструктора.

Безопасник хмыкнул. Формулировка «энергетическое ограничение свободы» могла означать что угодно, от атаки на Конструктора до строительства непроходимых препятствий.

---

[1] С и н х р о — компьютерная система, работающая по заданной проблеме в режиме синхронизации всех машин по данной теме и необходимых банков данных.

[2] Т е л е к о м ь ю т — система с использованием на дому персонального компьютера для связи с универсальными вычислительными машинами для выполнения тех задач, что и на рабочем месте.

Итак, Настя в управлении и не подозревает о его возвращении. Что ж, пусть работает спокойно, она в своей стихии, а потом можно будет неожиданно навестить ее дома... если только она не живет у Грехова. Настроение сделало попытку испортиться, пришлось приложить некоторые волевые усилия на подавление «бунта» эмоций, из чего Ратибор сделал вывод, что возможности экзосенса в этом отношении не намного выше, чем у нормального человека.

Слежку он заметил сразу же, как только вышел из дома, вернее, не заметил, а почувствовал. Однако так и не смог определить источник возникшей тревоги: следили за ним профессионально, с использованием почти бесшумной — в энергетическом отношении — высокочувствительной техники. С одной стороны, это могли быть оперативники бригады «ланспасад», если Железовский вдруг решил подстраховать его на первых порах, но с другой, — наблюдение могли вести и К-мигранты, поэтому игнорировать этот вариант Ратибор не имел права. Активные действия начинать было рано, и он решил выждать, надеясь, что наблюдатели рано или поздно себя выдадут.

Метро без происшествий доставило его на Чукотку, в Анадырь, откуда пассажирский неф местных транспортных линий перенес Ратибора в Кымылькут, один из детских учебных городков края, которым заведовал Егор Малыгин.

Ощущение взгляда в спину не проходило, и Ратибор подумал, что либо ведут его цепко, либо наблюдатели перекрыли и городок, хотя за кем здесь можно было следить, кроме детей, учителей с семьями и Егора, представить было трудно.

Он мог бы взять такси, от пассажирского терминала до коттеджа, в котором жил Егор, было около трех километров, но Ратибор решил пройти это расстояние пешком. По местному времени шел седьмой час утра, и хотя климат на Чукотском полуострове давно перестал быть резко континентальным, майские температуры на Анадырском плоскогорье не превышали плюс пятнадцати градусов по Цельсию.

Через пятнадцать минут Ратибор достиг высшей точки здешних мест, откуда начинался спуск в долину, и остановился. Он увидел живописный каньон, по дну которого бежала прозрачная речка, каменистые склоны, местами обрывающиеся почти отвесно, полосы лиственничной тайги под склонами каньона с поднимающимися над ними

гольцами, гладь небольшого озерца, на берегу которого раскинулись красивые строения детского городка. Вид был прекрасен, но чувство скрытого наблюдения мешало воспринимать красоту в полной мере, и Ратибор двинулся дальше, напрямик через лес, сквозь заросли японского ильма, липы, черемухи и лимонника, сквозь марево тысячи запахов и музыку тысячи звуков от шелеста травы до возни букашек в слое почвы. Под наиболее густыми кронами деревьев он задерживался и сквозь листву вглядывался в небо, пытаясь определить расположение предполагаемого аппарата наблюдения, но даже с новым зрением и возросшими анализационными возможностями сделать это не удалось. Аппаратом наблюдения мог быть и низкоорбитальный спутник, и практически прозрачный в широком диапазоне волн миниатюрный антиграв, и «писк», а то и десяток «писков»-шедевров молектроники и микроэнергетики размером с пылинки, широко распространенных средств контроля за аномальными явлениями природы.

Егор делал зарядку на плоской крыше своего бунгало по древнекитайской системе у-шу. Ратибора он заметил еще десять минут назад, когда тот преодолевал скальный уступ, но спрыгнул с крыши лишь в последний момент, закончив комплекс упражнений. Они сжали друг другу руки, и Егор с недоумением посмотрел на свои слипшиеся пальцы.

— Привет, скиталец. Если это ты, конечно. Раньше ты не был таким здоровым.

— Привет, шаман. Раньше я был нормальным оперативником, а теперь стал нормальным хомозавром.

— Вижу. Чувствую. Мыслеблок давно ставить научился?

— Вчера, — ухмыльнулся Ратибор.

— Я же говорил Насте, что ты вернешься.

Они обнялись. Егор выкупался в бочажке протекавшего за коттеджем ручья, надел хакама и пригласил гостя в дом.

— Давно вернулся? — Учитель задал вопрос не вслух, а мысленно, и Ратибор, улыбнувшись в душе, ответил на эту проверку в пси-диапазоне:

— Не знаю.

Егор не удивился, только оглянулся заинтересованно, завел гостя на кухню.

— Завтракать будешь?

— Уже. Так ты встречался с Настей?

— А разве она тебе не говорила? — Егор на расстоянии включил кухонный комбайн; у него стояла компактная «Самобранка-90».

Ратибор помолчал.

— Я ее не видел. Она работает в эм-синхро...

— Ну и что? — Егор нахмурился, сел на оригинальный диван в форме деревянной скамьи. — Что помешало? Или все было не всерьез? Любовь не позвала, а лишь окликнула? Садись ошуюю. — Он хлопнул ладонью по скамье.

— Что? — не понял Ратибор.

Егор улыбнулся.

— Ошуюю — по левую сторону, так мой дед говорил. Сейчас это слово не употребляется.

Гость сел рядом. От Егора, сидевшего в расслабленной позе, исходила тем не менее такая надежная сила и уверенность в себе, что в ответ хотелось напрячь мускулы и подтянуться.

— Ты считаешь, я перегорел?

— Да нет, на тебя это не похоже, обычно ты горишь долго. В чем дело?

Комбайн тихо присвистнул и выдал завтрак: овощной салат, гренки с сыром, чашечку брусничного варенья и два стакана горячего молока. Егор придвинул Ратибору один стакан и принялся завтракать. Безопасник взял стакан, повертел его в пальцах и глухо сказал:

— Егор, еще один претендент...

— Грехов, — кивнул спокойно Егор. — И что же? Разве она не сделала выбор?

— Не знаю. Иной раз начинают грызть сомнения... к тому же меня долго не было...

— Значит, я все-таки прав: ты перегорел, брат. Иначе не рассуждал бы, как человек, желающий оправдаться. Чтобы узнать, ждали тебя или нет, надо просто посмотреть ей в глаза.

В гостиной зазвонил «домовой». Егор подхватился со скамьи, стоя допил молоко, ответил на вопросительный взгляд Ратибора:

— Дети. Вика звонит, не терпится узнать мое мнение о вчерашнем ее выступлении.

Гостиная учителя представляла собой сад в миниатюре. Егор когда-то заинтересовался бонсай — японской традицией выращивания миниатюрных деревьев в цветочных горшочках, потом создал свою оригинальную методику, и теперь его дом превратился в художественно-ботаническую галерею цветущих растений, в которых трудно было узнать привычные всем яблони, вишни, клены, ели и даже секвойи — высотой не выше метра!

Голос хозяина донесся из гостиной вперемешку с чистым звонким девичьим голоском и смехом. Ратибор покачал головой, машинально поправил сережку пси-рации в ухе. Словно уловив этот жест, дежурный отдела передал ежечасную сводку событий. Главными были концентрация роя кораблей чужан в кильватере Конструктора и появление новых групп серых призраков.

Ратибор все еще размышлял об этом, когда Егор позвал его в гостиную и усадил, как всегда, в самом уютном уголке — солныше[1], как он называл.

— Что похмурнел? Тревожные новости? Я вижу, ты уже подсоединился к треку. — Егор кивнул на черно-золотую каплю пси-рации.

— Новости как новости, — нехотя проговорил Ратибор.

Егор улыбнулся, разглядывая лицо друга.

— Ты изменился, брат. Раньше ты был открыт, как берег океана, а сегодня я не могу прочитать в твоей душе, и это меня откровенно тревожит. Но о психологии — ни слова. А насчет новостей ты прав, самой тревожной новостью в последнее время является факт вторжения Конструктора в Систему.

— Боюсь, назревает конфликт, и мы в нем занимаем далеко не лучшую позицию.

— Ну, с одной стороны, конфликтные ситуации — нормальное состояние эволюционирующего социума. Из генетики мы знаем, что существа, у которых нет врагов, обречены на вымирание из-за отсутствия естественного отбора. А с другой стороны, мне далеко не безразлично, как поведут себя в данной ситуации люди. По-моему, нужна немедленная оферта[2].

— Конструктор нас не слышит. А может быть, не понимает. И я не уверен, что виноват в этом он. Если уж мы не в состоянии заключить договор с чужанами, то что говорить о контакте с Конструктором? В любом контакте преследуются две цели, первая — привлечь внимание, вторая — его удержать, а мы все еще топчемся у порога реализации первой цели. Недаром все чаще раздаются голоса, что договор между гуманоидным разумом и негуманоидным невозможен принципиально.

---

[1] С о л н ы ш — угол в крестьянской избе для женщин и печи *(древнерус.)*.

[2] О ф е р т а — предложение заключить договор, обращенный к определенному лицу и содержащий перечисление условий предлагаемого договора.

— Негуманоидным, в данном случае, наверное, — небиологическим? Может быть, скептики правы? Негуманоиды не знают, что такое эмоции, а тот, кто не чувствует боли, редко верит в то, что она существует, как сказал когда-то философ[1].

— Вопрос отсутствия эмоций у негуманоидов спорен, к тому же я вдоволь попутешествовал внутри Конструктора и знаю, что он — ч у в с т в у е т. Я знаю также — ч т о он чувствует.

— И что же?

Ратибор помолчал, вспоминая пережитые им странные и страшные ощущения, ломающие волю и рассудок.

— Абстрактного, абсолютного добра не существует, как и зла, эти понятия всегда относительны, но зато я понял, что может быть абсолютным — страдание.

Егор смотрел на него, чуть прищурясь, пошевеливая бровью, с каким-то сомнением, и Ратибор добавил:

— Конструктор находится в бессознательном состоянии, если можно применить земной термин, я убежден в этом. Поэтому ни о каком полноценном контакте речь не идет. Понимаешь теперь, от кого зависит ситуация?

— От нас.

— Браво, шаман, сообразил! Правильно, от нас, людей, от нашего ума, дальновидности, запаса доброты и любви.

Егор хмыкнул.

— Ты говоришь, как Грехов, его словами.

— Значит, наши мнения сходятся. Ты с ним знаком?

— Лично не знаком, но разве это важно? У меня свои источники информации.

Они улыбнулись друг другу.

— Ты один? — спросил Ратибор.

— Почему же один? — Егор хитро прищурился, он понял подоплеку вопроса. — Я с тобой. К тому же у меня в подчинении ватага из двадцати сорвиголов. — Учитель вдруг погрустнел и тут же рассмеялся, отлично владея оттенками разговора. — Моя невеста еще не родилась. Хотя... кто знает?

Снова зазвонил «домовой», сказал сварливо:

— Опоздаешь, паря!

Егор взглянул на изумленную физиономию Ратибора, засмеялся и вскочил с дивана-скамьи.

---

[1] Сэмюэл Джонсон.

— Он у меня контролер строгий. Или тебе не нравится лексикон? Извини, пойду переодеваться, не люблю, чтобы дети меня ждали.

Ратибор встал, вызвав отсчет времени: сорок минут пролетело незаметно, на душе посветлело, настроение улучшилось, несмотря на психологическое давление внешнего контроля. Егор был надежен как утес, на него всегда можно было положиться.

Учитель вышел, одетый в удобный полуспортивный комби голубого цвета, он всегда одевался строго и со вкусом.

— До связи, кобра?

— До связи, шаман. Только я уже не кобра, побуду грифом пока, поиграю в охотника и дичь.

Егор перестал улыбаться, положил руку на плечо гостя.

— В любой игре есть элемент непредсказуемости, но если в спортивных состязаниях проигравшие участники игры просто выбывают из нее, то в твоем варианте побежденный не сможет присутствовать на вручении медали победителю. И еще учти: К-мигранты не люди, не интрасенсы и даже не экзосенсы, и логика у них своя, К-логика.

— Ну, ты даешь! — пробормотал ошеломленный Ратибор. — Эти-то сведения откуда? Я имею в виду, что я занимаюсь К-мигрантами.

— Я шаман, — серьезно сказал Егор, — а у шаманов свои методы добычи информации. Может быть, у меня связи среди высших духов? — В глазах учителя на миг мелькнули веселые искорки. — Прими последний совет: спящий маг всегда бодрствует. Будет туго — позови, возможности у тебя есть, я услышу. Кстати, за тобой кто-то подвесил «глаза». Я почувствовал это сразу, как ты появился. Может быть, это твой любимый шеф прицепил тебе «ланспасад», а может быть, и не он. Ну что, побежали?

Ратибор обнял друга и не сказал — подумал: я чертовски рад, что ты есть!

И услышал в ответ мысленное: а я чертовски рад, что ты вернулся, брат!..

В Рославль он прибыл в первом часу ночи, приглядываясь по пути к лицам пассажиров метро. Лица были как лица, не более оживленные, чем обычно, и не менее, и все же веселых людей не встретилось безопаснику совсем. Дома он выслушал очередной доклад дежурного по отделу и решил не откладывая нанести визит физикам,

бьющимся над проблемой загадочной свободы передвижения К-мигрантов по каналам метро. История повторялась: снова действия К-мигрантов угрожали безопасности людей, практически не подозревавших об их существовании — строителей, энергетиков, технологов, операторов различных производств, — и следовало как можно быстрее обезвредить террористов, не желающих внимать голосу рассудка. Железовский понимал это, иначе не разрешил бы работать Берестову в одиночку. Если только не подстраховал его обоймой телохранителей — наблюдение за собой Ратибор считал несомненным фактом.

По сообщению дежурного Имант Валдманис работал с коллегами в лаборатории проблем связи Физического института, расположенной в Подмосковье, и практически не покидал ее стен, однако Ратибора в лабораторию не впустили даже когда он предъявил сертификат кобры отдела безопасности. Ошеломленный отказом, безопасник сначала не поверил ушам, когда фантом работника института, одетый в форму пограничника, вежливо проговорил:

— Извините, но пропустить вас в лабораторию я не имею права.

— Почему? — не нашелся что спросить еще Ратибор. — Я работник отдела безопасности.

— По двум причинам: идет эксперимент — раз, и у вас нет допуска — два. К тому же по треку недавно было передано предупреждение в связи с появлением К-мигрантов. Обратитесь в управление за допуском. Только вряд ли вам его дадут. — Юноша-координатор, уверенный в своей значимости и важности доверенной работы, скептически оглядел фигуру Берестова, развел руками. — Попробуйте, если питаете надежду.

Ратибор усмехнулся в душе, вспомнив себя двадцатилетнего. Интересно, в те годы он тоже был таким же спесивым и самонадеянным?

— А если к вам заявится К-мигрант? — с любопытством спросил он.

— Вряд ли он осмелится, — надулся юнец. — В лабораториях дежурят обоймы «ланспасад» — раз, включены защитные экраны — два, в помещениях включен постоянный комп-контроль — три. Пусть пробуют — далеко не пройдут.

— А если у них будет допуск?

— Тогда сработает экспертная идентификация: данные о К-мигрантах введены в память машины входного контроля.

— Здорово! — восхитился Ратибор. — А если они для изменения облика воспользуются «динго»?

Молодой человек открыл рот, закрыл, нахмурился, смерил безопасника взглядом.

— Мне непонятна ваша ирония, сударь. Извольте не занимать канал связи.

Виом погас.

Ратибор на глаз измерил высоту барьера, перекрывшего вход в лабораторный корпус, пожал плечами и поспешил к ожидавшему его пинассу. Проникнуть на территорию института несложно, однако поднимется тревога и шум, многие люди будут отвлечены от основных забот и переживут напрасные волнения, проще получить допуск официальным путем.

Размышляя, чем можно объяснить странную забывчивость Железовского, почему-то не давшего ориентировку инку на императив «свободная охота», и не зная, искать самого Аристарха или попробовать обойтись без санкций высокого начальства, Ратибор во втором часу ночи заявился в погрансектор управления и нос к носу столкнулся с Эрбергом.

Командор погранслужбы мельком взглянул на него, собираясь обогнуть, узнал и остановился.

— Берестов? Какая встреча! Я уже слышал о вашем выздоровлении, но не чаял увидеть скоро. Что за нужда привела вас в управление?

— Шел в сектор прямого допуска, но раз уж вы здесь, помогите получить полномочия свободного охотника.

Командор погранслужбы проследовал дальше по коридору, оглянулся через плечо.

— Разве Аристарх не дал проводку по отделу?

— Я не знаю, почему он этого не сделал, а обращаться напрямую еще раз, отвлекать его от дела не хотелось, он как раз сейчас дежурит.

Дошли до кабинета командора, Эрберг вытянул руку, пропуская безопасника вперед. В кабинете, видеопласт которого воспроизводил морской пейзаж, он вызвал сектор допуска, за несколько секунд просмотрел высветившийся в толще доски стола список работников Совета безопасности, имевших сертификаты особых полномочий, нашел в нем фамилию «Берестов» с мигающей алой звездочкой и набрал на сенсоратуре стола распоряжение. Алая звездочка на фамилии Ратибора сменилась зеленой, вспыхнула и погасла надпись: «Проводка по императиву «СО» разрешена».

— Жетон получите на выходе. — Эрберг не спросил, зачем Ратибору карт-бланш, он был озабочен и думал о своем. — Все?

Ратибор кивнул. В тот момент в кабинет не вошел — ворвался хорошо сложенный, высокий молодой человек с лихим чубом и горящими от возбуждения глазами. Заметил постороннего и остановился, небрежно кивнув.

— Все в порядке, отбили! — отрапортовал он.

Эрберг покосился на безопасника, поднявшего бровь.

— Потери?

— Нет! Эскадрилья вернулась на базу в полном составе.

Командор хмуро улыбнулся, подмигнул Берестову.

— Нравится воевать?

Юноша — румянец во всю щеку — посмотрел на Ратибора; чем-то он напоминал пограничника, отказавшегося пропустить Берестова в лабораторию, — то же самолюбие, игра мускулов и убежденность в своей исключительности.

— Есть упоение в бою!

— Это хорошо, Халид, но не теряйте головы от восторга, побольше хладнокровия и расчетливости, поменьше лобовых атак. С Конструктором у вас этот номер не пройдет.

— Пусть сунется! — вызывающе ответил пограничник. — Мы и ему покажем, как нужно защищать границу! — Он четко повернулся и вышел.

Эрберг и Ратибор посмотрели друг на друга.

— У вас все такие орлы?

— Халид молод и горяч, но дело знает. Самый молодой из кобр сектора.

— Что за бой?

— К-мигранты снова предприняли попытку нападения на монтажные комплексы в зоне астероидов. Остальное вы слышали.

— Я не понял, о какой лобовой атаке вы говорили.

— Оружие мы применяем только в крайнем случае, и этот парень — я уже говорил, второй день кобра, — пошел на таран когга нападавших. Тот ускользнул.

— Значит, управлял им К-мигрант, «серый человек» не ускользнул бы, учтите.

Эрберг нахмурился.

— Кажется, я об этом не подумал. Спасибо. Рация есть? Тогда удачи тебе, свободный охотник.

Через полчаса Ратибор входил в здание лаборатории, погруженное с виду в сонную темноту и тишину. Ощуще-

ние внешнего наблюдения притупилось, но не исчезало, это начинало действовать на нервы.

На контроле входа дежурил другой пограничник, и задержки не возникло, однако Иманта Валдманиса удалось вытащить из вычислительного центра лаборатории, на двери которого светился транспарант «Идет эксперимент», только с третьей попытки. Увидев безопасника, молодой ученый не обрадовался, но и не удивился. Он был поглощен решением какой-то мысленной задачи и отвлекаться не хотел.

— Прошу прощения, что отрываю от работы, — извинился Ратибор. — Нужда заставляет. Постараюсь не отнимать много времени. У меня к вам всего три вопроса, один интересующий меня профессионально, два — в порядке общего развития.

— Валяйте, — вздохнул Валдманис, с трудом возвращаясь к действительности из далей гиперболической математики.

Они сели в нише у шипящего фонтанчика на изоморфный диван, подстраивающий форму под желания седоков.

— Чем грозит человечеству длительное пребывание Конструктора в Системе? Кроме изменения ее геометрии и орбитальных нарушений.

В глазах Валдманиса мелькнул интерес.

— Это вопрос из какого раздела вашей классификации? Впрочем, не имеет значения. Если Конструктор будет вести себя смирно — вы это имели в виду? — то он нарушит термодинамическое равновесие Системы. Уже сейчас мы сидим на пределе производства энергии на душу человека — двадцать киловатт, хотя для удовлетворения всех наших потребностей хватило бы и десяти — пятнадцати киловатт; естественно, условия существования человека из-за этого пересыщения не улучшаются. Экологическое ограничение для Солнечной системы — десять в двадцать третьей степени ватт, а Конструктор хотя и излучает на два порядка ниже, все-таки его энергопоток...

— Я понял. Вопрос такого же плана: вы уверены, что вакуум-резонаторы подействуют на Конструктора, если придется их включать?

Валдманис характерным жестом взлохматил волосы на лбу.

— Ну и вопросы вы задаете! Теоретически ни одно материальное тело не может выдержать ТФ-резонанса, раздирающего элементарные частицы на глюоны и квар-

ки, но вот подействует ли ТФ-поле на Конструктора — сомневаюсь. Правда, специально я этой проблемой не занимался.

— Тогда вопрос последний: как скоро вы решите проблему свободы передвижения К-мигрантов по каналам метро?

Молодой физик погас, и стало заметно, что он устал.

— Проблема оказалась сложней, чем мы думали. На нее работает Европейский эм-синхро и японский филиал, но подходов не видно. Предварительный вывод — векторный переход из любой реперной станции метро в определенную точку пространства невозможен. Нужны теоретические разработки, необходимо углубляться в математическое обеспечение теории. — Валдманис расслабленно пошевелил пальцами, теряя охоту к разговору, потом вдруг оживился. — Зато мы, кажется, набрели на разгадку «абсолютного зеркала» — помните «перевертыш» чужан, с помощью которого вас зашвырнули в чрево Конструктора?

«Еще бы!» — подумал Ратибор, вспоминая свои ощущения во время броска: тяжелое скольжение вниз с невообразимо высокой горы, головокружение, «кипение» кожи от «высокой температуры» и лед в груди на месте сердца...

— Пришлось решать формулы двенадцатимерного пространства с дробными размерностями, — продолжал физик. — И хотя в этом деле много неясных теоретических развилок и вариантов, появилась реальная возможность построить «абсолютное зеркало» в Системе.

— Зачем?

— Как зачем? Да ведь даже Конструктору будет не под силу преодолеть этот барьер!

Ратибор с новым интересом оглядел возбужденное лицо Валдманиса с тенями под глазами и обострившимися скулами.

— Руководство знает об этом?

— Еще нет, ребята не любят давать сырой материал. Но через пару дней получите информацию сполна.

— А если Конструктор столкнется с «зеркалом», что произойдет? Ведь он вельми протяженный объект, представитель даже не макро, а мегамира, и не сможет отразиться, как теннисный мячик.

Валдманис заспешил — его вызывали, встал.

— Конечно, не сможет, скорее всего он вывернется сам в себя, особенно если будет иметь большую скорость при столкновении.

— Но ведь он будет травмирован! Представьте, что вы на его месте, и от удара ваша голова «вывернулась» в желудок!..

— Аналогия не совсем корректна, — на ходу сказал молодой ученый, — «зеркало» — не стена, а Конструктор — не человек. Конечно, он получит травму, но в каких масштабах — сказать трудно, да и не мое это дело, пусть расчетами последствий занимаются эфаналитики и глобалисты. Мое дело — решить проблему. Извините, мне пора.

— Желаю удачи, — пробормотал Ратибор вслед физику и вдруг поймал сформулировавшуюся наконец мысль. — Секунду! — остановил он ученого, шагнувшего было в дверь лаборатории. — Можно ли определить, из какой именно станции метро совершен векторный переход?

Недовольное выражение на лице Валдманиса сменилось гаммой мимики — от досады и задумчивости до заинтересованности.

— Теоретически можно — по энергопотреблению. Вся система метро управляется и контролируется из одного центра — «Метротранса» — в Москве, и нештатный режим любой из станций фиксируется, однако ничего подобного до сих пор не произошло: К-мигранты уходят, а импульсов энергопотребления не зафиксировано. Валдманис виновато развел руками и скрылся за дверью, а Ратибор задумчиво направился к выходу из здания, днем и ночью погруженного в тишину напряженного бдения. Прямо из кабины пинасса он позвонил в управление и попросил узнать, когда освободится Анастасия Демидова, и получил мгновенный ответ координатора:

— Эфаналитик Демидова закончила цикл расчетов и покинула территорию ВЦ полчаса назад.

— Куда? — вырвалось у Ратибора.

— Координаты неизвестны.

Сердце отозвалось падением и взлетом. Захотелось бросить машину в небо и гнать на пределе к Настиному дому, однако Ратибор сначала позвонил к себе.

— Звонил Пол Макграт, — доложил «домовой». — Могу дать запись, но это одни эмоции и нуль информации. Видимо, он только что узнал о твоем возвращении.

Ратибор набрал телекс Насти и затаил дыхание, готовый услышать голос девушки, и тут же отключить связь, но ответил ему голос ее «домового», лаконично сообщившего, что хозяйка уже две недели в «экстрапоиске» и дома не ночует.

На душе стало тоскливо и холодно, и Ратибор с минуту боролся с собой, твердя, как заклинание, слова Егора: «Хочешь узнать, ждали тебя или нет, погляди ей в глаза». Справившись с эмоциональной волной, он задал курс пинассу, привычно отметил «пропадание шумового сигнала» — он ощущал наблюдение только вне закрытых помещений и машин — и вызвал дежурного по отделу. Пока такси пожирало расстояние между Институтом физики и станцией метро, он выслушал очередную сводку сообщений по треку и точно определил, что будет делать дальше.

В третьем часу ночи он вышел из такси возле хрустальной, с голубыми светящимися прожилками коридоров, глыбы здания «Метротранса» в центре Москвы. Карт-бланш действовал безотказно, и, хотя здание по режиму ГО и вследствие происшедших событий охранялось пограничниками, Ратибор без расспросов и уточнений получил доступ к инку центра, контролирующему сеть компьютеров всей громадной разветвленной системы метро, которая связывала десятки тысяч станций на Земле с планетами Солнечной системы и других звезд.

Объяснив причину прихода и сформулировав задачу, Ратибор, которому уступили место главного оператора, огляделся.

Зал программных операций был невелик и функционально совершенен, как и сотни подобных залов во всех учреждениях, призванных решать сходные задачи. Он был полутемен, освещались лишь основания кокон-кресел, в которых «грезили» с закрытыми или открытыми глазами операторы технического, энергетического и организационного контроля — около полусотни человек. Напротив каждого светился оперативный виом со схемой контролируемого участка, многие операторы переговаривались с абонентами, изредка обращаясь к главному оператору, который на время, отнятое у него безопасником, уступил кресло и отошел к одному из работников смены.

Наконец инк собрал нужные сведения, проанализировал в соответствии с заданием и высветил Ратибору ответ:

— Пиков энергопотребления, связанных с нештатными режимами работы станций, в указанные сроки не выявлено.

— По всем станциям?

— Поиск осуществлен по всем транспортным линиям, кроме линий погранслужбы и отдела Б. Информация, касающаяся работы этих служб, закрыта.

— Проведите поиск в полном объеме! Я Ратибор Берестов, драйвер особых полномочий в режиме «свободная охота». — Ратибор сунул жетон с кодом в щель программатора особых режимов на подлокотнике кресла.

Главный дежурный центра оглянулся на Берестова, как и другие операторы, по молодости лет редко сталкивающиеся со столь неординарными ситуациями, но безопасник не счел нужным оправдываться и посвящать кого бы то ни было в свои планы.

Ответ пришел через семь минут — неслыханно много для инка, работающего со скоростью миллиарда операций в секунду.

— Линии метро особых зон в указанные сроки работали без сбоев. Отмечены незначительные колебания энергопотоков — в пределах допустимых норм — станций метро базы «Фокс» в Антарктиде и погранпоста «Лямбда» на Меркурии.

— Спасибо. — Разочарованный Ратибор сдвинул назад дугу эмкана и вылез из кресла. — Можете работать, — сказал он дежурному, и тот молча занял свое место.

Решение посетить Грехова пришло в тот момент, когда Ратибор выходил из «Метротранса»: показалось вдруг, что он услышал слабый пси-вызов. И мысль родилась ясная, без сомнений: Настя могла быть только у Грехова, если не появляется дома почти две недели. О том, что она вполне могла жить у бабушки, равно как и у подруги, Ратибор даже не вспомнил. Не колеблясь более, он добрался до метро и набрал код кабины метро Грехова, врезанный в гранит памяти навечно.

Дом проконсула был погружен в темноту и тишину. И никого в нем не было, ни самого хозяина, ни его таинственного каменноподобного гостя, ни Насти.

Ратибор погулял по дому, испытав облегчение и одновременно жаркое чувство стыда, заглянул на кухню, осушил полный жбан холодного тархуна, смочив пылающий лоб, и посмотрел на себя со стороны: нельзя было сказать, что он проник в чужой дом тайно, и все же чувство неловкости, замешанное на формуле «Незваный гость хуже татарина», осталось. Как и сомнения. Тот факт, что Насти не оказалось в данный момент у Грехова, еще не служил доказательством ее независимого образа жизни.

В памяти всплыло лицо Егора, его укоризненный взгляд.

Ладно, ладно, шаман, пробормотал про себя Ратибор, ревность — штука скверная и даже отвратительная, согласен, но уж очень не хочется быть вторым...

Уже возвращаясь к чудану метро, Ратибор остановился возле двери, которую он во время своей первой прогулки так и не открыл, и вдруг по наитию мысленно произнес код метро Габриэля. Дверь, казавшаяся монолитной плитой, превратилась в слой дыма и растаяла. Ратибор шагнул в проем и остановился, пораженный открывшейся картиной.

Перед ним блестело зеркало воды, за которым начинались одна над другой террасы, сложенные породами всех оттенков фиолетового и синего цвета. На каждой террасе стояла голубовато-белая пелена тумана, над которой начинался мрачный, черно-зеленый лес, напоминавший заросли гипертрофированно увеличенного лишайника. Чем-то этот «лишайник» напоминал Ратибору пейзажи, виденные им на бывшей звезде омега Гиппарха.

Небо в этом мире было жемчужно-серым, с перламутровыми светящимися полосами, но его скудный свет не мог рассеять мрак в глубине зарослей и нагромождений каменных глыб за полем тумана слева и зеркалом воды справа.

Прямо у ног Ратибора начинались ступеньки, спускающиеся в воду, и он машинально шагнул на верхнюю, собираясь проверить, реально ли то, что он видит, но тело натолкнулось на упругую прозрачную пленку, не пустившую его дальше. Озадаченный Ратибор отступил, потом увеличил нажим. Невидимая преграда выгнулась пузырем, создавая впечатление тонкой стенки воздушного шарика, готового лопнуть. Однако Ратибор смог продавить эту стенку только до второй ступеньки, убедившись в ее существовании, дальнейшие его попытки к успеху не привели, упругая пленка была, видимо, разновидностью силового поля, перекрывшего доступ в помещение с реальным до жути, не имевшим границ пейзажем.

Опомнился Ратибор от какого-то неясного предчувствия, что он не один в доме. Замер, вслушиваясь в тишину, и в это время сработала дверь метро, выпустив в коридор Габриэля Грехова. Долгое мгновение они смотрели друг на друга: с угрюмой озабоченностью — хозяин, готовый провалиться сквозь землю — гость. Отреагировал он первым, сказав правду:

— Я искал Настю.

— Проходи, — сказал Грехов, взглянул на дверь за спиной Ратибора, и та закрылась.

— Ее нет дома, — продолжал Ратибор, восстанавливая дыхание, — а из ВЦ она уже ушла. Я подумал... Зачем вы

меня вытащили? — в упор спросил он вдруг. — Ведь вы не можете не знать, что Настя и... я... мы... и я знаю, что вы ее любите тоже.

Проконсул не отвел глаз, вдруг улыбнулся, мгновенно преобразившись: доброта, лукавство, ирония, снисходительное великодушие, грусть и проницательная насмешливость объединились в этой улыбке, приоткрыв недоступные для всех глубины души.

— Какой же ты еще зеленый, свободный охотник, — как только что проклюнувшийся лист. Не ершись и не ищи язвительный ответ, мы в разных весовых категориях. О Насте мы еще поговорим, а идея об использовании информации «Метротранса» правильная, только надо осмыслить ее с разных сторон. И поспеши, парень, Конструктор уже пересек орбиту Сатурна, волна диверсий не за горами, а с ней и волна паники. Но учти, охота в одиночку требует сложного сплава осторожности с риском и расчетом, и переоценка своих сил и возможностей... — Грехов замолчал, тонко уловив переживания собеседника. — Дай знать, если набредешь на след первым.

Тонкий писк пси-раций — сигнал «Всем внимание!» — заставил обоих замолчать. Затем пошло сообщение: неизвестными лицами только что было совершено нападение на группу эм-синхро вычислительного центра управления и на лабораторию ТФ-проблем Института физики. Два человека ранены, один убит. Нападавшие скрылись.

— Кто убит?! — сдерживая крик, вслух спросил Ратибор.

— Имант Валдманис, — ответил дежурный.

Слов Грехова Ратибор не слышал, рванувшись в кабину метро. Перед глазами стояло худое, сосредоточенное лицо физика, бившегося над предложенной научной проблемой с неистовым упрямством фанатика, не желавшего обращать внимания на такие пустяки, как смерть предшественника, физика Гордея Вакулы. Валдманис был уверен в бессмертии и не отвлекался на расчеты собственной безопасности.

В институте уже работала следственная группа отдела безопасности, и помощь Ратибора не понадобилась. Он постоял в стороне, безучастно наблюдая за действиями оперативников и медиков, запаковывавших тело Валдманиса в хрустящую фольгу. Из головы не шел пейзаж, увиденный в квартире Грехова, пейзаж планеты чужан, и его

необъяснимая реальность. Опыт отказывался верить в то, что дверь открывалась прямо в иной мир — рушились устои реализма, вера в незыблемость физических законов, база вложенных в мозг знаний, — и только интуиция, не скованная рамками стереотипов, подсказывала — в доме Грехова действуют иные законы, не менее реальные, чем все известные.

Ратибор посторонился, пропуская парней в серых комби, собрался было поговорить со старшим группы и увидел Юнусова, выходящего из лаборатории. Комиссар-один был, как всегда, бесстрастен, вежлив и нетороплив на первый взгляд. Увидев Ратибора, он кивнул, не выразив ни капли удивления, и безопасник шагнул ему навстречу.

— Извините, комиссар, не сочтите вопрос за дерзость: не по вашей ли подсказке мне прицепили «хвост»?

— Странный термин. Но я вас понял. Нет, «хвост» мы не цепляли. Может быть, ваш собственный шеф дал команду «ланспасад»? Хотя он должен был бы предупредить меня во избежание накладок. Хотите, я узнаю?

— Спасибо, я сам.

Юнусов еще раз кивнул и удалился, поманив кого-то пальцем.

Ратибор проследил, как тело Валдманиса погрузили в неф «скорой помощи», вспомнил его полное горечи признание «об отсутствии подходов к проблеме» и вдруг подумал: а может быть, и нет никакой загадки? Может быть, К-мигранты используют какую-то совершенно простую и очевидную вещь? Например, уходят на определенную станцию метро, которая находится под их контролем, и уже оттуда прыгают на свою базу. Чем не решение проблемы? Кто ее проверял? Никто! Так, может быть, стоит выяснить и этот мизерный шанс? Вот только за что зацепиться?..

— Трек по вызову! — мысленно произнес Ратибор.

— Даю, — отозвался дежурный.

— Связь с координатором «Метротранса».

Под черепной коробкой тихо зашелестел бесплотный «дождь» — фон подключенного канала, затем раздался ровный шепот ответа:

— Метро — главный.

— Берестов, прошу прощения, назовите еще раз станции метро, где были отмечены колебания энергопотребления.

— Антарктическая база «Фокс» и меркурианский погранпост «Лямбда».

— Благодарю, — сказал Ратибор, хотел дать отбой и вдруг неожиданно для себя самого спросил: — Кто-нибудь еще, кроме меня, интересовался этим же вопросом?

— Эфаналитик эм-синхро Демидова.

— Что?! — не удержался от восклицания Ратибор.

— Эфаналитик Демидова, — сухо повторил главный оператор, не поняв реакции спрашивающего.

— Когда?

— Два часа назад. Два часа девять минут, если быть точным.

Ратибор едва удержался, чтобы не выругаться. Спустя несколько мгновений пинасс нес его к метро, превысив предел скорости для аппаратов этого класса. Прямо из кабины Ратибор вызвал Егора. Учитель отозвался сразу, будто ждал его звонка.

— Ты что, дежуришь у виома? — не сразу сообразил Ратибор.

— Зачем? — послышался тихий ответ, и перед мысленным взором безопасника всплыла невозмутимая физиономия учителя с ироничным прищуром внимательных глаз. — Я подключен к треку, только и всего. Что стряслось, брат?

— Ты — к треку? — тупо переспросил Ратибор.

— Я не просто шаман, я еще и член Совета безопасности. — Егор не удержался от короткого смешка. — Что случилось?

— Ага... — Ратибор собрался с мыслями. — Настя не звонила?

— Нет.

— Ты можешь сейчас прибыть в метро погранпоста «Лямбда»?

— Минут через пятнадцать—двадцать, если это срочно. — Егор не стал уточнять, в чем дело, зная, что подобными вещами не шутят.

— Возможна драка, будь готов. — Ратибор переключил каналы, вызывая Грехова, но тот не отозвался. Не нашел проконсула и дежурный отдела. А еще через несколько минут Ратибор вышел под купол станции метро пограпоста «Лямбда», расположенного в одном из самых крупных кратеров на ночной стороне Меркурия.

Купол был прозрачным, и открывающаяся взору панорама космоса была бы вполне ординарной, если бы не две детали: жемчужные струи свечения по горизонту — отсветы солнечных факелов, и видимый невооруженным гла-

зом алый пунктир — часть кольца солнечных энергостанций. Но Ратибору было не до разглядывания красот местных пейзажей, он чувствовал опасность всем телом и заставил работать все органы чувств, чтобы определить конкретные источники опасности.

В зале никого не было, только фиолетовой свечой подмигивал автомат контроля среды, да на столике под ажурной кроной какого-то экзотического растения, росшего прямо из пола, светился терминал интелмата, управляющего работой станции метро. Ратибор шагнул вперед, и зеленая линия на хрустальной полусфере интелмата сжалась в точку: канал, связывающий станцию с метро на Земле, закрылся.

Сила тяжести в помещении поста не превышала половины земной, и двигаться было очень легко. Ратибор бесшумно пересек зал, открыл дверь в коридор, чувствуя на затылке чей-то внимательный взгляд (видеокамера, наверное, если он угадал и пост находится под контролем К-мигрантов), и напрягся до предела. На экране внутреннего зрения появились объемные очертания помещений за коридором, и в каждом находились люди... или по крайней мере живые существа, судя по пульсациям биополей. Кто из них кто, определить было трудно, однако Ратибор точно знал, что экипаж поста состоит всего из двух человек — двух исследователей и одновременно дежурных аппаратуры СПАС, установленной на каждом пограничном пункте, в данном же посту присутствовало не менее десятка человек. И вдруг Ратибор услышал знакомый до боли, умоляющий и в то же время предупреждающий о чем-то пси-шепот. Больше он не раздумывал, зная, кто мог подать ему такой сигнал. В три прыжка перемахнув коридор, он ударил ногой в дверь со светящейся надписью «Обеспечение» — открыто — и ворвался в помещение, где должен был работать персонал поста. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: он не ошибся. Но и К-мигранты умели рассчитывать шаги потенциальных врагов, за которыми устанавливали наблюдение.

Их было двое, Ратибор сразу узнал обоих: Мэтьюз Купер и Федор Свиридов, бывший эколог. Один из них, Купер держал под прицелом «универсала» дверь, второй сидел в кокон-кресле оператора исследовательского комплекса, превращенного на базе антенн СПАС в радарный комплекс колоссальной чувствительности: комплекс просматривал практически половину Солнечной системы! В трех оперативных виомах можно было разглядеть

не только эллипсоид Конструктора, но и расположение спейсеров пограничного и исследовательского флотов.

Настю Демидову держали за руки двое «серых людей», еще двое, готовые выполнить любую команду, стояли, пригнувшись, в одинаковых позах — длинные руки вытянуты вперед.

— Второй, — сказал одутловатый Мэтьюз Купер; кожа на его лице отсвечивала голубизной, как металл.

— Сейчас появится третий, — отозвался равнодушно Свиридов; его кожу покрывал рисунок светящихся линий, напоминающий рисунок трещин на поверхности лавового потока.

— Ратибор! — выдохнула Настя. Ее глаза смеялись и плакали, в них плавились тоска, сумасшедшая боль и не менее сумасшедшая радость, и Ратибор задохнулся от бури чувств, всколыхнувшихся в душе под этим взглядом. Он слепо двинулся вперед, и тотчас же «серые люди» оказались рядом, словно тисками зажали руки.

— Потише, «охотник», — проскрежетал Купер без улыбки. — Не дергайся. Интуиция у тебя неплохая, но к охоте такого масштаба ты не готов.

— Жив! — прошептала Настя, улыбаясь и плача: по ее щеке сползла слеза. — А Габриэль не сказал... боялся, что не получится...

— Получилось, как видишь, — улыбнулся в ответ Ратибор, пряча душившую его радость. — Зачем ты пошла сюда? Одна!

— Я тоже искала решение «К-свободы»... и нашла. — Последние слова Настя произнесла почти беззвучно, и Ратибор уловил ее состояние — боль — не душевную — физическую, и слабость: девушка с трудом держала себя в сознании.

— А вот и третий, — сказал Свиридов, мотнув головой на виом, показывающий купол метро: из камеры вышел Егор Малыгин, мгновение постоял, сосредоточенно глядя прямо в зрачок видеокамеры, и исчез из поля зрения. Через несколько секунд он возник в проеме двери за спиной Ратибора, хотя тот и успел передать ему пси-фразу о ловушке.

Настя вдруг рванулась в руках серых монстров, так что ей удалось вырвать одну руку, но второй нечеловек без размаха опустил ей на голову свой огромный кулак. Словно бомба взорвалась в голове Ратибора — мостик пси-связи донес ему боль удара, пережитую девушкой, — освободила резервы и превратила его в неистовую и бес-

пощадную машину для уничтожения. Время для него словно остановилось, подчиненное реакциям, недоступным никому из людей. Пожалуй, он и сам не знал еще всех своих освободившихся возможностей, пробудившихся от долгого сна в результате стрессового путешествия по Конструктору.

Двое «серых», державших его за руки, с огромной силой столкнулись лбами и полетели на пол. Освободившийся Ратибор в прыжке преодолел три метра и с жестокой точностью ударил ногой «серого» в правую часть грудной клетки, где находился его мозг. Над ухом прошелестел горячий ветер — это выстрелил Мэтьюз Купер, но второй раз выстрелить не успел, вмешался Егор, «размазанный» от скорости в штриховой силуэт: реакция у «шамана» не на много уступала в скорости реакции Ратибора. Но их было двое, и оба оказались без оружия, а К-мигранты и их «серые» подручные были вооружены «универсалами», и борьба не могла продолжаться долго. Сначала Свиридов, защищаясь, зацепил разрядом Ратибора, потом кто-то из «серых», вдребезги разнеся второе кресло, попал в Малыгина. И в этот момент в помещении появилось еще два действующих лица — Герман Лабовиц, вооруженный инфразвуковым разрядником, и Габриэль Грехов.

— Стоять! — раздался страшный, гулкий и хриплый, с металлическими обертонами, нечеловеческий голос Грехова.

Последовала пауза, в течение которой Лабовиц четырьмя импульсами хладнокровно уложил всех «серых людей», затем опомнившийся Свиридов дернул ствол «универсала» в сторону Лабовица, а Купер направил свой в сторону Грехова, и снова Габриэль опередил их.

Ратибор едва не потерял сознание от мощного шокового пси-удара, вернее, от «боковых лепестков» направленной пси-волны, и едва не оглох от клокочущего, жуткого возгласа:

— В глаза!

Оба К-мигранта замерли, как завороженные, глядя на проконсула.

— Спать!

Свиридов опустил пистолет, отступил назад и мягко повалился навзничь. Рука Мэтьюза Купера задрожала, дрожь перешла на другую руку, на голову, на ноги, на все тело, словно К-мигрант превратился в резонансную систему, кожа на лице и на руках его стала совсем голубой и прозрачной, так что стал виден рисунок вен и

мышцы, и вдруг его рука с пистолетом снова хищно дернулась вперед. Однако Лабовиц выстрелил первым.

На месте К-мигранта вздулся лиловый пузырь пламени и лопнул с неистовым треском, расплескав клочья огня по сторонам. Ударная волна отбросила Ратибора к стене. Сил встать на ноги не было, и он пополз к лежащей ничком Анастасии, наклонился над ней, прижал ухо к спине.

— Что?! — раздался над ним тот же страшный, леденящий душу голос Грехова.

Ратибор коснулся губами волос девушки, с трудом заставил себя встать. Ноги дрожали, и скулы сводило от ненависти.

— Жива...

Грехов посмотрел на его обожженную выстрелом щеку, потом на лежащую Настю, и окаменевшее лицо его разгладилось, бездонно-черные глаза потеряли режущую силу, губы из металлически твердых превратились в обычные человеческие, подчеркнутые горькой складкой.

— Почему не позвонил?

— Боялся опоздать. Она вышла на них первой. — Ратибор кивнул на девушку. — Ей нужна помощь...

— Я доставлю ее в клинику, — подошел Егор, прижимая руку к левому боку. Кокос его был продырявлен в нескольких местах. — И присмотрю за этим псевдочеловеком.

Грехов кивнул, оглядел Ратибора, вытер лоб, нахмурился.

— В состоянии работать?

— Да, — ответил Ратибор, выпрямляясь.

— С точностью до наоборот, — хмыкнул Лабовиц.

— У нас мало времени. Я не успел дать «три девятки» в эфир, Баренц идет по следу, но будет здесь только минут десять, К-мигранты могут успеть заблокировать канал метро на базе. Надо успеть раньше. Идешь с нами, охотник?

Ратибор пожал плечами, что означало: куда же я денусь?

Подошел Лабовиц.

— Ну что, опер, предупреждал я тебя? А если бы Габриэль не смог вытащить тебя из Конструктора?

— Если бы да кабы, — пробормотал Грехов. — Не обращай на него внимания, в последнее время он превратился в зануду. Оружие есть? Нет? А у тебя, Герман?

— А как же? — Лабовиц ловко извлек из подмышки глянцево-черный пистолет с двумя тонкими стержнями вместо дула. — Держи, опер, это импульсный электро-

разрядник, бьет на полкилометра, запас — от пятидесяти до ста выстрелов, в зависимости от мощности разряда. Единственный недостаток...

— Вперед, — прервал Лабовица проконсул, глаза его загорелись мрачным огнем. — Пора останавливать этот кретинизм-терроризм, иначе мы не избавимся от смертей.

— Вот это уж точно, — раздался низкий бас в коридоре, и в помещение вошел Железовский собственной персоной, застыл скалой у входа, окинув быстрым цепким взглядом картину боя. — Их не зря беспокоит высокая инновационность идей, а остановить деятельность коллектива можно, лишь убрав лидеров. Поэтому они так торопятся. Берете с собой?

— Берем, — улыбнулся Лабовиц. — Старый конь борозды не испортит, а?

На полусфере контроля управления вдруг вспыхнула сиреневая световая нить, мигнула, погасла, снова вспыхнула. Все пятеро как завороженные уставились на нее. Грехов опомнился первым.

— Эх, не уследил я за вами с Настей, охотник, уж больно вы прытки. Рано разбудили это осиное гнездо.

— Ни плана, ни экипировки, — бросил Лабовиц.

— Да, «бумеранги» не помешали бы. Быстро в метро! У них, очевидно, разработана система проверок связи, нельзя медлить ни минуты! — Грехов исчез в коридоре.

— Я их отвлеку. — Егор заковылял к креслу, в котором сидел до этого Свиридов, надвинул на голову эмкан. Он был серьезно ранен, но держался.

Ратибор встретил его светлый от сдерживаемой боли взгляд, передал в ответном взгляде все свое сочувствие и поддержку, оглянулся на Анастасию и бросился догонять остальных.

Перед камерой метро Железовский загородил собой дверь, круто развернулся.

— Кстати, действительно, а каков план?

— Предельно прост, — ответил Грехов мысленно, вопросительно глядя на комиссара снизу вверх; он едва доставал ему до груди. — Это не разведка, это бой.

— Без предупреждения?

Глаза проконсула сузились.

— Без. Мы потеряем фактор внезапности.

— Я предпочитаю действовать по правилам.

— Какие правила? — вмешался Лабовиц. — Они действуют без всяких правил и скидок на моральную оценку своих действий, мы вправе ответить тем же.

— Правила нужны прежде всего нам, если мы хотим остаться людьми, а не походить на К-диверсантов.

Грехов вздохнул, он хорошо знал характер Железовского.

— Голосуем. Кто за прямой бой?

— Да, — сказал Лабовиц.

— Нет, — качнул головой Железовский.

Грехов посмотрел на колеблющегося Ратибора.

— Ты?

— Н-нет, — через силу выдавил тот.

— Ясно. Что ж, либо теряем все, либо ничего, кроме жизни. Идем обычной обоймой: я в дрейф, Аристарх и Герман на крыльях, Берестов замыкающим. Возражения?

Ратибор хотел возразить, но посмотрел на Железовского и передумал. Он был самым младшим и наименее опытным в этой компании, и спорить ни с кем на равных не имел права.

— Учтите, что как только мы объявим им официальный вызов, К-мигранты в отличие от нас колебаться в выборе ответа не будут, — добавил Грехов, уже входя в метро вслед за комиссаром. — Они начнут пси-атаку не раздумывая.

Ответом ему был общий импульс готовности.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧУЖАН

Вечерний полумрак скрывал углы кабинета, превращенного видеопластом в каминный зал древнего замка, тянуло смолистым дымком, по полу прыгали отсветы горящих в камине поленьев, и лик хозяина кабинета в неверном дергающемся освещении, твердый, с выпуклыми надбровными дугами, скулами и губами, казался металлическим. Все было тихо и спокойно, и даже получасовые сводки «спрута» воспринимались отстраненно, как шепот тени, будто не касались никого, кроме тревожной службы.

Баренц раздумывал, куда пойти поужинать — одному сидеть в баре управления не хотелось, а друзья разбежались кто куда, — когда почувствовал, что в кабинете он не один. Подивившись своей заторможенности, Ярополк привычно сосредоточился, в доли секунды проанализировал поступившую эйдетическую информацию и снова расслабился: этот гость хотя и был нежданным, опасности не представлял.

Мрак слева от сидевшего Баренца зашевелился, меняя очертания, превратился в неведомое существо с туловищем человека и головой не то носорога, не то слона, однако, поскольку хозяин никак не реагировал на это, гость снова расплылся бесформенным скоплением пятен и дымных лент. В глубине этого текучего мрака засветилась странная лиловая елочка с искрами-иголками, напоминающая какую-то знакомую конструкцию. Баренц с некоторым запозданием сообразил, что это изображение Конструктора, правда скорей символическое, словно стилизованное под эмблему. Изображение колебалось, плясало, будто состояло из отдельных элементов, связанных между собой тонкими резинками. Казалось, оно вот-вот развалится, превратится в горсть искр и погаснет.

Усилилось ощущение тяжелого взгляда, исходившего от пульсирующего сгустка тьмы со светящейся фигурой внутри, в нем появились иные ноты, смешались в нестройный хор непонятных стенаний, вздохов, шепотов, жалоб и просьб, будто в глубине фигуры прятался больной зверь, пытавшийся рассказать человеку о своих горестях и бедах.

— Что, плохо? — тихо спросил Баренц, встречавший К-гостя уже четвертый раз.

Елочка внутри сгустка мрака сломалась, расплылась в пятно света, из которого вылепилось человеческое лицо с огромными, заполненными влагой глазами. Чувство непередаваемой тоски охватило Баренца с такой силой, что он едва не застонал в ответ, с трудом справляясь с прихлынувшими к глазам слезами: пси-резонанс был необычайно сильным, и Ярополк понял, что К-гость обладает способностью к быстрому эмоциональному отражению, провоцируя реакцию человека и усиливая ее во сто крат.

— Мне жаль вас. Постойте. — Баренц взмахнул рукой, словно пытаясь удержать глазастый призрак, но тот уже таял, исчезал, превращаясь в бесформенное облачко, которое стянулось в нить, в точку и пропало совсем, оставив жалобный стон, повторившийся эхом несколько раз.

Где-то тихо, но отчетливо прозвонили колокольчики — ожил приемник рации:

— Всем абонентам трека — отмечено очередное появление К-гостей. Реакция негативная, внушаемые эмоции: страх, ужас, тоска, ненависть. Наблюдаются случаи психических расстройств. Членам штаба ГО сообщить свои выводы в течение получаса.

Баренц посидел несколько минут, размышляя над причиной появления К-гостя и находя в нем все больше от-

личий от прежних появлений: Конструктор менял тактику изучения человеческой психики, теперь он пытался внушить страх, добиваясь каких-то своих целей. Что он подобным образом выяснил, что этим хотел сказать?..

Снова тихие колокольчики вызова прозвенели в ушах:

— Ярополк, ты один?

— Один. — Баренц узнал голос Бояновой. — Думаю над посещением. Что делал твой гость?

— Я уничтожила его! — сухо ответила Забава. — Может быть, была не права, но терпеть кривляние этих монстров больше не намерена.

— Наверное, ты была не права.

— Это в тебе говорит ностальгия по милосердию, Ярополк. Ты такой же, как и Аристарх, мужское начало проявляется у вас чисто внешне.

Баренц усмехнулся, передав пси-эхо улыбки. Забава в ответ тоже засмеялась, коротко и с ноткой грусти.

— С Конструктором надо драться, Ярополк, вы прекрасно понимаете, что закончится все дракой, и чем раньше мы начнем, тем больше у нас шансов сохранить среду обитания и себя, как вид хомо футур. Опасность не совершить попытку и опасность испытать неудачу не равны. Ибо в первом случае мы теряем огромные блага, а во втором — лишь небольшую человеческую работу.

— Чеканная формулировка. Твоя?

— Нет, древнего писателя и философа Фрэнсиса Бэкона. Ярополк, ты ошибаешься в оценке ситуации, вы все ошибаетесь. Не знаю, чем вас загипнотизировал Грехов, почему вы ему верите, но и он ошибается тоже, выбрав удобный постулат; все — трын-трава! Недаром он якшается с чужанами.

— Ты чем-то расстроена, Забава. Или тебя так разбередил К-гость? О чем ты в тот момент думала?

— Не знаю... о себе... об Аристархе... я была сама не своя.

— Но эти химеры — всего лишь отражение человеческих эмоций и фантазий. Неужели ты еще не поняла? Каждый К-гость — это, по сути, наше собственное детище.

— Даже если и так, что это меняет? Я не могу относиться спокойно к стихии, несущей гибель цивилизации, а тем более к разумной стихии. Ярополк, я... — Боянова замолчала, словно собираясь с духом. — Аристарх пропал в неизвестном направлении, в штабе его нет.

— Ну и что? Почему он должен докладывать о каждом своем шаге? Небось, где-то на Земле.

— Его нет на Земле, Ярополк. Как и Грехова, и Берестова. Они что-то затеяли, я чувствую, и никого не предупредили. Помоги их отыскать, я звоню из дому, возможностей у меня меньше, а сердце не на месте.

Баренц был не из тех людей, кто отмахивается от вопросов, имеющих очевидные ответы, тревога Забавы передалась и ему, хотя он и считал, что в случае опасности координаторы ГО уже давно подняли бы погранзону по тревоге. Поэтому председатель Совета безопасности без лишних слов принялся наводить справки по своим каналам.

Дежурный отдела безопасности знал только, что Берестов, занимаясь «свободной охотой», побывал в «Метротрансе» и больше не давал о себе знать. В оперативном центре ГО на «Перуне» дежурил Эрберг, который не имел понятия, куда направился Железовский. О местоположении Грехова не знал никто. Тогда Баренц позвонил в «Метротранс» и через две минуты выяснил, зачем там крутился Ратибор Берестов. После этого счет пошел на секунды, тем более что инки центра ГО установили точные координаты направленного поиска Берестова, и Баренц в темпе погони покинул свой уютный кабинет, не пообедав: он представлял, с какой скоростью мчится сейчас к метро Забава и как разворачиваются по императиву «засада» оперативные обоймы безопасности и погранслужбы.

Однако они опоздали. В зале погранпоста «Лямбда» на Меркурии их встретил ослабевший от потери крови и борьбы с болью Егор Малыгин, безуспешно пытавшийся включить старт-кабину метро: канал, связывающий пост с базой К-мигрантов, был заблокирован, К-мигранты приняли свои ответные меры.

Все четверо шагнули из метро в темноту и остановились, каждый по-своему оценивая обстановку, определяя степень и векторы опасности, мгновенно впитывая и перерабатывая поступающую от всех органов чувств информацию и тут же сообщая в пси-диапазоне всем свои выводы.

Помещение, в котором располагалась станция метро, не имело определенной формы, напоминая пещеру, запрятанную в недрах скал. Пол ее был гладким и черным, потолок выгибался неровным куполом, стены посверкивали тысячами искр — источников радиации. Судя по объемному эху пси-зондирования, это и в самом деле была пещера.

В центре пещеры разгоралась и гасла вертикальная световая нить, и в ее неверном голубом свете в такт пульсации проступала в углу из темноты и пропадала странная фигура — не то рыцарь в латах, не то скульптура из металла, оплывшая к полу, как восковая свеча.

Их четверка, наверное, тоже выглядела со стороны экзотично и жутковато: лица и руки у всех светились в темноте, хотя и по-разному, сказывалось колоссальное нервное напряжение, а спектр свечения указывал на диапазон энергетических возможностей; самым большим он был у Грехова, лицо которого отливало прозрачной зеленью, как подсвеченная изнутри хрустальная маска. Двигался проконсул так быстро, что фигура казалась жидкой, плывущей, смазанной от скорости.

В тот момент, когда они определили, что за стеной находятся еще пустоты, похожие на пещеру с оборудованием метро, и приготовились идти дальше, выяснив, что фигура в углу — мертвый чужанин в «скафандре», К-мигранты начали гипноатаку.

Ратибора охватил непрерывный поток сменяющих друг друга сложнейших, многогранных и противоречивых состояний — ощущений, сопровождаемых вспыхивающими в мозгу, но видимыми словно в действительности, наяву, картинами с необычайно четкой детализацией и внутренней логикой.

Состояние первое: он стоит на голой каменистой площадке, заросший серебристой шерстью, как и трое соплеменников рядом. Сзади — дымящиеся черно-красные скалы, хаос теней, впереди — груды камней, поросшие красным, с фиолетовым отливом, лишайником. Вокруг — высокие, изрезанные трещинами горные склоны, похоже, действие происходит в кратере вулкана. А напротив замерших с дубинами в руках-лапах людей (предлюдей, их праотцев?) — цепь странных существ, полумедведей-полуящеров: могучие головы, напоминающие крокодильи и медвежьи одновременно, с высоким лбом, в ромбовидной броне, неуклюжие на вид тела с выпуклыми чешуйками грязно-зеленого цвета вместо волосяного покрова, мощные задние лапы, и у каждого по четыре передних лапы, держащие камни, дубины и острые шипы какого-то растения. Одиннадцать монстров против четырех полуобезьян.

Цепь бросилась вперед, и четверо встретили ее как надо: треск столкнувшихся дубин, жалобный вскрик, удары, мелькание лап, камней, бронированных тел. Ратибор отбил несколько выпадов четырехрукого урода, защищая

тылы основного отряда, увернулся от брошенного обломка, ударил сам...

Волна нападавших накатилась и откатилась, у многих из них были выбиты камни и дубины, у троих разбиты лбы и вывихнуты лапы. У соплеменников Ратибора — только царапины.

Свет погас и вспыхнул вновь...

Состояние второе: тот же пейзаж, но скалы ниже, под ногами не скальная твердь, а крупный оранжевый песок. Цепь напротив та же, но тела существ закутаны в пушистые «безрукавки», а в лапах — копья и странные гибкие хлысты, расширяющиеся на концах. Напарники Ратибора тоже претерпели изменения: они стали выше, стройнее, гибче: торсы плотно обтянуты шкурами каких-то животных; в руках длинные, заостренные с двух концов шесты — не копья, но и не палки, а также овальные щиты из черепашьих панцирей. Кто из них кто — узнать было невозможно, все трое были б о й ц а м и, и от всех троих исходила спокойная мрачная уверенность, сила и угроза. Ратибор надеялся, что он выглядит так же.

Новая атака, молчаливая, яростная, ожесточенная. Уворачиваться от ударов, сыплющихся со всех сторон, стало трудней, приходилось полагаться на инстинкты и реакцию, и бить, отражать выпады, снова бить в полную силу...

Цепь нападающих откатилась. Двое из них остались лежать недвижимо, остальные выглядели так, будто их драли дикие коты. Вспышка, темнота, тяжесть в голове, свет...

Состояние третье.

Пейзаж почти неузнаваем: в стенах кратера, ставших совсем низкими, появились бреши, открывшие вид на холмы и равнины. Сзади людей невысокие постройки из белого камня, впереди — заросли черно-синего леса, а напротив — одиннадцать знакомых многоруких ящероподобных химер в блистающих металлом «комбинезонах», держащих в лапах узкие металлические полоски — «шпаги» и странные устройства, похожие на самострелы (они оказались метательными орудиями, стреляющими острыми пластинками в форме полумесяца).

Люди одеты в кольчуги и шлемы с шишаками, в руках — мечи и длинные, закрывающие чуть ли не всю фигуру металлические щиты.

Схватка, лязг мечей, звонкие «дзжж» — метателей пластинок и удары в щиты, хрипы и стоны, грохот столкновения, свистящий клекот. В щите Ратибора с дробным гро-

хотом застряло с дюжину полумесяцев, один из них срезал шишак на шлеме, другой впился в наплечник, причинив мгновенную жгучую боль. Поднялись и опустились мечи землян — радужные просверки над головами — и многорукие ящеры-медведи отступили, вытягивая за собой упавшего соплеменника.

Состояние четвертое.

Кратер вулкана окончательно исчез, на месте его стен торчат клыкообразные останцы, оплетенные не то паутиной, не то плющом ядовито-желтого цвета. Вокруг — немыслимый растительный ад, ни одной узнаваемой формы! Языки алые, оранжевые, багровые; ленты прямые, свернутые спиралью, узкие, широкие; шипастые бочки, кривые столбы, громадные перепончатые листья, похожие на слоновьи уши или на крылья летучих мышей; мохнатые диски на тонких усах... Не понять, деревья это, кустарник или цветы. Лес! За ним — сверкающие льдом геометрические утесы: формы переходят одна в другую, ни одного здания, подчиняющегося законам одной какой-то геометрической фигуры — куба, пирамиды, шара или призмы.

Перед цепью людей, одетых в пятнистые комбинезоны, экипированных по законам военной технологии конца двадцатого века (бронежилеты, шлемы, автоматы, рации), стояла цепь из десяти металлических уродов: членистые тела, на лапах — наползающие друг на друга кольца, из яйцеобразных шлемов торчат узкие рыла ящеров, на шлемах — устройства, похожие на громадные объективы фотоаппаратов или телекамер. Мгновение тишины — и новая атака!

Из «объективов» ударили тонкие световые шпаги, впились в те места, где только что стояли земляне, — все четверо применили прием под названием «танец мангуста», не ожидая, пока противник сожжет их лазерами.

Ратибору снова пришлось подчищать тылы впереди идущей тройки, поэтому ему удалось выстрелить всего трижды, но выстрелы не пропали даром: двое из химер, пытавшихся зайти сзади, сунулись рылами в песок, судорожно дергая конечностями. Боль, багровая вспышка, мрак, серая пелена; медленно проступили сквозь туман очертания пещеры, исчезли...

Состояние пятое.

Они стоят с «универсалами» в руках на гладком дне буро-красной каменной ложбины, одетые в обычные кокосы. Пейзаж вокруг мрачен и неприятен: природа выжжена дотла, песок, редкие невысокие скалы и камни

оплавлены, равнина изборождена трещинами и глубокими воронками, из которых поднимаются столбы синеватого дыма.

Монстров осталось шестеро, они почти не претерпели изменений, разве что головы их прячутся в сложных устройствах из спиралей, пластин, прозрачных линз и решеток. В каждой лапе — по такому же «универсалу», что и у людей: десять пистолетов и два лазера против четырех...

Схватка длилась доли секунды. Вспыхнули прозрачно-искристые факелы разрядов, взметнулись черные султаны взрывов, свистнули искорки оплавленной почвы, а когда поднятая пыль и дым опали, перед людьми не было никого. Досталось и им, все четверо были ранены, хотя и пытались уйти от выстрелов, но главное, они были живы!..

Свет перед глазами Ратибора померк, и окончательно он пришел в себя в знакомой пещере, перед дрогнувшей стенкой К-мигрантов. В голове шумело, пищало, бухало, словно сердце оторвалось и переместилось под черепную коробку, тело стало рыхлым и, казалось, представляло собой сплошную рану. Потребовалось невероятное усилие воли, чтобы переключить внимание с болевых ощущений на внешнее действие.

Однако хозяева базы, потерпевшие первое поражение, сдаваться не желали и, пока Берестов приходил в себя, применили новый прием: Ратибору показалось, что на него рухнул потолок! На ногах он тем не менее устоял, но не сразу сообразил, что тяжесть, гнувшая его к полу, не иллюзия, внушенная новым пси-даром, а создана искусственно или является естественным условием здешних мест.

— Оставьте эксперименты! — угрюмо проговорил Грехов. — Игры в войну, как и спортивные игры, интересны тем, что в них существует элемент непредсказуемости. Не начинайте разведку боем, не зная противника. Вы уже убедились, что справиться с нами не просто, а взаимное уничтожение не есть альтернатива.

В пещеру вернулось прежнее тяготение. Ратибору в первое мгновение показалось, что тело вовсе потеряло вес и воспарило — переход «из-под пресса горного хребта» к обычной земной гравитации был слишком резким. Захотелось расслабиться и лечь на пол, блаженно закрыв глаза, прислушиваясь к уходящей боли и усталости.

Стена напротив людей растаяла, из темноты выступили черные фигуры с белыми пятнами лиц — К-мигранты. Девять или десять.

— Зачем вы пришли? — холодно спросил Шебранн, стоящий впереди всех. — Уговорить нас сменить методы полемики?

— Если террор вы называете «полемикой»... — начал Лабовиц, но Грехов поднял руку, прерывая его. Из двух ромбов на его груди сверкнули тонкие рубиновые лучики, уперлись в Шебранна и Ранги.

— На сей раз мы принесли ультиматум, — так же холодно и угрюмо сказал он. — Моим друзьям, конечно, хотелось бы переубедить вас, доказать, что вы в первую очередь л ю д и, и лишь во вторую — дети Конструктора, но вряд ли это соответствует истине. Не понимаете вы и простой вещи, что мешаете не только нам, но и себе, а главное, Конструктору! Ситуация в Системе складывается уникальная, но ни одна из гипотез не отражает истины. Мы не мышь, а Конструктор не кот, который пытается ее сожрать. Пресапиенс прибыл к Солнцу не для уничтожения цивилизации, как считают люди... некоторые, во всяком случае, не для навязывания своей «божественной» воли, не для объявления «звездной войны». Но он не нуждается и в защите, в той по крайней мере, какую предлагаете ему вы.

— Слова, — сказал Шебранн. — Эмоции. Нуль информации. Почему мы должны верить вам?

— Я уже доказал однажды, что говорю правду.

— Но наш посол Эрнест Гиро не вернулся, и подтверждений вашей правоты у нас нет.

— Это еще одно свидетельство того, что люди сильней вас. Гиро не выдержал экзамена, зато выдержал наш посол. — Габриэль кивнул на Ратибора, который в это время выбирал цели на случай, если пришлось бы стрелять по-настоящему. Он был готов к любым переменам обстановки и поэтому спокоен и сосредоточен, сумев справиться с переживаниями. Лишь одна мысль не давала покоя: жива ли Анастасия?

— К чему эти намеки? — гортанным голосом спросил Ранги. — Хорошая мина при плохой игре? На что вы надеетесь? Откуда вы знаете, в какой защите нуждается Конструктор?

— Знаю, — отрезал Грехов, усмехнулся с неожиданно прорвавшейся грустью. — Хотя мне это не доставляет ни счастья, ни радости. Я ведь хомозавр, как меня недавно окрестили. А Конструктору не нужна никакая защита, он болен, и одинок, и нуждается всего лишь в одной простой вещи — в милосердии. В м и л о с е р д и и, как

это ни странно! Если можете помочь ему в этом — помогите, нет — не мешайте это делать другим.

— Строительство излучателей квагмы в поясе астероидов — это и есть милосердие по-человечески? Идея отгородиться «абсолютным зеркалом» — это милосердие?

— Нет, — тихо произнес Грехов, — не милосердие. Но мы учимся ему, трудно, жестоко, ошибаясь и падая, но учимся, и в конце концов овладеем наукой, найдем единственное верное решение. Вы такого решения не нашли.

— И все же ваш ультиматум смешон. Вы, конечно, сильный человек, Габриэль Грехов, ваш пси-потенциал, вероятно, больше потенциала любого из нас, но вы далеко не шукра, обладающий а мара[1]. Мне жаль, но отпустить вас мы не имеем права, ибо вы представляете для нас реальную и непредсказуемую опасность.

— В таком случае мы погибнем все.

Шебранн покачал головой, на губах его обозначилось подобие улыбки.

— Проигранный гипнобой — еще не доказательство нашей слабости.

— Вы не поняли. — Грехов медленно вытянул вперед руку ладонью вниз, и зеленоватая искра в камне его перстня вдруг прыгнула вверх, превратилась в фиолетово-зеленый дрожащий язычок пламени. И тотчас же пол, потолок и стены пещеры искривились, словно по ним, ставшим гибкими и упругими, пробежала судорога. Из недр пещерного города донесся угрожающий гул, мигнули и разгорелись запрятанные в стенах светильники. Ратибору показалось, что у его ног разверзлась бездна, дохнувшая холодом межзвездного пространства. Кто-то поддержал его под локоть — Железовский.

Грехов опустил руку, язык огня упрятался в перстень, коридор перестала мять и корчить мягкая, но властная сила.

— Детские игрушки, — презрительно процедил сквозь зубы смуглолицый Григ. — Хватит разговоров! Они блефуют, а мы развесили уши. Их всего четверо, помощи ждать неоткуда, метро заблокировано, пора заниматься своим делом.

В руке бывшего пилота сверкнул ствол «универсала», направленный на Лабовица, два бесшумных выстрела раз-

---

[1] Шукра — всемогущий, а мара — бессмертие *(санскр)*.

дались одновременно — Грига и Железовского. Лабовиц успел уклониться всего на несколько сантиметров, и сгусток плазмы попал ему в плечо. Удар плазменной пули Железовского отбросил Грига к стене, и в то же мгновение страшной силы пси-разряд едва не парализовал Ратибора, потерявшего слишком много энергии в первой и второй схватках.

— Не стрелять! — прозвучал в звуковом и мысленном диапазонах яростный крик Грехова.

Все замерзли, направив оружие друг на друга. Проконсул снова вытянул руку вперед, и снова знакомая сила искривила темное пространство пещеры, тела людей и К-мигрантов, отразилась болью в позвоночнике, голове, глазах. Пульсирующая зеленая струйка пламени над перстнем Грехова превратилась в облачко, которое за секунду выросло в огромный шар и окутало всех находящихся в пещере. А когда светлый туман рассеялся, все увидели висящий между людьми и К-мигрантами черный бугристый обломок камня, завернутый до половины в дырчатую золотую фольгу. Тяжело, так что вздрогнули стены помещения, «камень» рухнул на пол. На людей повеяло жутковатым ветром ч у ж и х пространств.

— Роид! — хмыкнул раненый Лабовиц, пытавшийся остановить кровь, хлынувшую из раздробленного плеча. — Похоже, живой! Ну и связи у тебя, проконсул! Кто из вас упоминал тут шукру? — Герман посмотрел на Шебранна. — Еще есть сомнения?

У Ратибора появилось ощущение, что глыба чужанина то исчезает из поля зрения, то появляется вновь, и это «мигание» заставляет вибрировать воздух, ставший густым и плотным, как желе.

— Спрячьте оружие, если вы не самоубийцы, — незнакомым хриплым голосом сказал Грехов; лицо его снова покрылось блестящей пленкой «слюды». — Внутри этого роида область двенадцатимерного пространства, эквивалентного по размерам, массе и энергии горной системе типа Гималаев, — хватит на то, чтобы пробить вашу базу насквозь. Разве не убедительно?

— Он не может взорваться просто так, по команде извне, — сказал Шебранн быстро.

В голове Ратибора (ему показалось — в костях черепа) родился удивительный вибрирующий звук, словно хлопнула дверь в гулком помещении: глыба чужанина увеличилась в размерах и опала, словно он вздохнул. И вслед за этим раздался необычный свистящий хрип, не похо-

жий ни на человеческий голос, ни на шумы естественного природного фона, меняющий интонацию, тембр, эмоциональную насыщенность и громкость, сопровождаемый долго не смолкающим эхом.

— Слышу. — Грехов стряхнул с рук «лоскутья» голубого сияния. — Роид передал мне привет. А насчет взрыва... — Проконсул поднял руку с пистолетом и направил его на чужанина. — Достаточно разрядить в него «универсал», и взрыв неизбежен, вы это знаете. Я жду.

Несколько мгновений длилась наполненная мертвой тишиной пауза. Ратибор, ни на миг не выпускавший из виду пару Нгуо Ранги — Юрий Лейбан, заметил, что лицо Грехова стало бледнеть, приобретая прозрачность драгоценного камня. Потом Шебранн опустил свой пистолет и оглядел ряды К-мигрантов. Они давно переговаривались мысленно, но сейчас их пси-разговор выплеснулся в диапазон, близкий волне пси-связи людей, Ратибор ощущал его эхом бушевавшего где-то далеко шторма, вернее, эхом прибоя.

Наконец Шебранн закончил переговоры.

— Чего вы хотите?

— Мира, — тихо, но жестко сказал Грехов. — Я не ограничиваю вашей свободы, делайте что хотите, предлагайте свой вариант общения с Конструктором, но не пытайтесь больше угрожать людям, а тем более охотиться за ними. Этот ультимативный разговор с вами — последний, в случае любой попытки нападения на ученых, строителей, других людей я уничтожу вас! Всех! Слышите?

Ратибор превратился в сплошной нервный ком, реагирующий на малейшие токи, изменения электромагнитных полей и даже на пульсацию биополей, возникающих от постоянной работы мышц, которые удерживают тело в покое, и точно так же замерли рядом Железовский и Лабовиц, превращенные обстоятельствами в живые боевые системы с высокими параметрами.

— Мне нравится ваш подход к проблеме, — без улыбки сказал Шебранн. — Вероятно, на вашем месте я реагировал бы так же. Итак, мы свободны в выборе?

— В тех пределах, которые я обозначил. — Грехов опустил «универсал»; лазерные трассы, то и дело нащупывавшие К-мигрантов из нескольких точек его черного кокоса, погасли. — Формула изобретена не мной: для того чтобы свободой обладать, ее надо ограничить. Разблокируйте метро. До встречи на Совете безопасности.

Габриэль посмотрел на чужанина, и в то же мгновение тот исчез, вызвав приступ головокружения у людей, ощутимое колебание всей массы породы, в которой была проложена система коридоров и пещер.

Грехов повернулся и направился к залитой тьмой кабине метро, за ним Лабовиц, все еще державшийся за плечо, потом Железовский, хлопнув Ратибора по плечу. Тот, чувствуя себя так, словно его пропустили через соковыжималку, поплелся последним. К-мигранты молча глядели им вслед. Потом исчезли один за другим.

Люди остановились перед дверью в метро, ожидая, когда хозяева базы разблокируют станцию.

— Слушай, проконсул, ты, случаем, не изобрел новый тип скафандра? — тихо пробасил Железовский. — Блестишь, как под пленкой.

— Не изобрел, — сказал Грехов и улыбнулся, вытирая измученное лицо обеими ладонями. — Это всего лишь пот, дорогой комиссар.

С шипением открылась дверь финиш-камеры метро, в зал ворвались двое парней в «бумерангах» и Забава Боянова. Последовала немая сцена, затем председатель СЭКОНа бросилась к Железовскому, молча прижалась к нему, едва доставая ему до ключицы.

— Где они? — быстро спросил первый из вновь прибывших, в то время как метро выбрасывало одну за другой порции пограничников и обоймы риска отдела безопасности.

— Отбой тревоге, — будничным тоном проговорил комиссар, обнимая Боянову за плечи огромной рукой, повернул ее и повел к метро мимо растерянных парней.

— Сначала я думал, что у тебя рация. — Лабовиц кивнул на перстень Грехова, когда они выходили из метро управления. — Особенно когда ты «вызвал» чужанина. Оказывается, это...

— Пси-генератор, — проворчал Габриэль, оглядываясь на плетущегося сзади Берестова. — Без него я не смог бы внушить К-мигрантам свою убежденность в победе. До связи, суперы.

— Не понял, — сказал Ратибор, ошеломленный открытием. — Что вы имели в виду насчет чужанина?

— Никакого чужанина не было, — вздохнул Лабовиц, тоже глядя вслед проконсулу. — Габриэль всего-навсего создал пси-фантом, внушил К-мигрантам, что имеет прямую связь с роидами.

— Не может быть! Я же его видел... и слышал...

— Просто Грехов — очень сильный экзосенс. Мне, например, до него далеко. Такие вот дела, охотник. Ну, я пошел лечиться. До связи.

Он ушел не оглядываясь. А Ратибор остался стоять, медленно приходя в себя.

Конструктор, представлявший собой светящийся «мешок с картошкой» (каждая из картофелин по размерам не уступала планетам типа Земли), слегка замедлил свой ход, но продолжал упорно стремиться к намеченной цели. По расчетам баллистиков траектория его движения должна была пересечь орбиту Юпитера на расстоянии в двадцать миллионов километров от гигантской планеты и практически упиралась в Марс, успевающий к моменту пересечения подойти точно в район рандеву.

Опираясь на расчеты, СЭКОН снова поднял вопрос применения императива «экстремум», требуя мобилизации сил и средств человечества на эвакуацию населения Марса, а потом и Земли. И снова Совет безопасности не утвердил предложение, отложив решение проблемы до появления «новых данных о прямой угрозе Марсу и Земле», в то время как по всей Системе участились случаи антисоциального поведения, стихийных всплесков паники, вспышек нервных заболеваний и психических расстройств, вызванных серией появления К-гостей. Положение в мире становилось взрывоопасным, подогреваемое безответственными заявлениями некоторых общественных и официальных деталей о том, что во всем виноваты службы безопасности и пограничники, не справляющиеся со своими обязанностями. Предлагалось отстранить от должностей комиссаров отдела безопасности Железовского и Юнусова, а также командора пограничной службы Эрберга, срочно смонтировать на пути Конструктора «кварковые мины» и разнести его в клочья, если он не понимает, чего от него хотят.

Аудитории всех рангов захлестнула волна дискуссий, в ход были пущены аргументы высокой политики, апологии доброты и веры, экономические и научные расчеты, наивные утверждения о гуманизме высшего разума и философская казуистика «разумной жестокости», но эмоции не могли послужить базой всесторонне продуманного решения, как и сухие цифры инженерных расчетов и формулы научных теорий, и не нашлось лидера, который смог бы обработать колоссальный объем информации,

взвалить на свои плечи ответственность за судьбы человечества и объяснить, что делать. Надвигался кризис, прежде всего кризис веры и морали, предполагающий в скором времени не религиозный, а самый что ни на есть материалистический хаос апокалипсиса, хаос «конца света», начинавшийся нравственным уничтожением...

Со времени схватки с К-мигрантами прошло двое суток, и Железовский, втайне ожидавший каких-то каверз с их стороны, внезапно успокоился, уверовав в твердость их слова и серьезность обещаний самого Грехова. Связь с К-мигрантами прервалась, как только оперативные группы покинули станцию, затерянную в недрах омеги Гиппарха, и никто их с тех пор не видел и не встречал.

Грехов тоже в поле зрения наблюдателей не появлялся, но Аристарх был уверен, что проконсул в курсе всех событий и продолжает свою таинственную деятельность, отдающую мистикой и жутковатым душком связи с «потусторонними силами».

В один из периодов отдыха между дежурствами — Железовский все так же продолжал жить на «Клондайке» — спейсер посетил Юнусов в сопровождении Баренца. Комиссар наземников был встревожен и не скрывал этого. Железовский усадил их на диван перед виомом, во всей красе показывающим Конструктора на черном фоне, предложил по стакану медового напитка и превратился в статую, в «роденовского мыслителя», способный просидеть в каменной неподвижности несколько часов подряд.

— Что у вас? — спросил Юнусов, мало уступающий хозяину в мимике, вернее, в ее отсутствии.

Спешить было некуда, и разговор шел в звуковом диапазоне.

— Все то же, — ответил Железовский. — К-физика не поддается анализу и не вмещается в рамки ни одной теории, а это значит, что мы бессильны оказать влияние на Конструктора.

— Даже с помощью вакуум-резонаторов?

— Теоретики работают с математическими моделями, но конкретных советов не дают. Расчет последствий удара требует учета стольких параметров, что на точный прогноз надеяться нечего.

— А если удастся соорудить «абсолютное зеркало»?

Железовский взглянул на комиссара-один исподлобья.

— Автор идеи погиб и не оставил расчетов, а его коллеги, по моим данным, — в начале пути, вряд ли они успеют довести разработку до практического применения.

Существовала единственная возможность не пустить Конструктора в Систему — Т-конус, но воспользоваться ею мы уже не можем.

Юнусов кивнул, не отрывая взгляда от эллипсоидного тела Конструктора, состоящего из светящегося тумана и зерен более темных уплотнений.

— Знаете, что меня волнует до сих пор? Результат всепланетного референдума о судьбе Конструктора. Ведь практически большинство высказалось за его уничтожение, понимаете? И распределение голосов по материкам почти одинаковое — выше шестидесяти процентов, лишь Южная Азия — тридцать семь. Что это? Проявление коллективного эгоизма, приступ истерического страха или, наоборот — эффект социальной релаксации?[1] Почему при обсуждении не сработал принцип избыточного оптимизма[2], характерный для группового мышления? Может быть, в обществе давно превалирует индивидуализм, а социологи пропустили финал формирования этого процесса?

— Не думаю, — качнул головой Баренц. — По-моему, четко сработал механизм выдвижения разумных альтернатив. Ориентируясь на групповое сознание, мы взаимно поддерживаем друг в друге стереотипные образы и установки, а в данном случае имела место разумная организация дискуссии, где у каждого была возможность аргументировать свою точку зрения. А результат обсуждения закономерен: альтернативы жизни цивилизации — нет.

Помолчав, Юнусов кивнул, соглашаясь, видимо, с внутренним голосом. Проговорил:

— Я слышал, в Системе появились чужане?

— По нашим подсчетам — около двухсот транспортников и более тысячи отдельных роев, — пробасил Железовский. — И количество их увеличивается день ото дня. Хорошо, что они хоть не удаляются от Конструктора больше, чем на миллион километров, все время крутятся рядом, формируются в «очереди» и вместе с серыми призраками в конвои. Тебя что-то заботит конкретно?

— Его забота — волнения на Ближнем Востоке, — пробурчал молчавший до сих пор Баренц, тоже не сводящий глаз с Конструктора и облаков мигающих разноцветных огней, круживших вокруг него. — Плюс вспышки паники. Плюс попытки захвата метро, работающих на дальний космос.

---

[1] Релаксация — расслабление.
[2] Переоценка возможностей и недооценка трудностей.

— Плюс обычная профилактика, — бесстрастно проговорил Юнусов. — Вы знаете, что такое бои роботов? Или муравьиных куч? Или термитов и муравьев? А как вам нравится такое «развлечение» молодежи, как гонки на украденных транспортных коггах типа «Коралл»? Или технология наркоклипов?

— Можешь не продолжать, — сказал Баренц. — Мы знаем, что такое работа безопасника-наземника. В молодости я мечтал об участии всего в одной операции.

— Какой же?

— В операции по спасению духовности, нравственности, или соборности, если хотите.

— Тогда тебе надо было родиться в двадцатом веке, а то и раньше. Я не понял, что ты говорил о метро. Кто пытается захватить станции?

— В основном пацаны, «золотая» молодежь, сынки представителей политико-экономической элиты...

— Я не о том. Это организованные, спланированные действия или акты отчаяния?

— Еще не разобрались. Но похоже — последнее. Если был бы единый центр по бегству, мы его уже нащупали бы. В общем, работы хватает. Не плачу, констатирую факт.

— А чего вы хотели? Это обычная работа с наложенной спецификой ГО. Не справляетесь? Давайте думать, чем я могу помочь.

— Пока справляемся... худо-бедно. Меня лично беспокоит другое — возможности Грехова. — Юнусов сцепил пальцы на груди и пригорюнился.

Баренц кинул взгляд на Железовского.

— Не тебя одного. Нас тоже интересуют возможности проконсула, вернее, не столько возможности, сколько их приложение. Вектор «нечистой силы», так сказать. Чего он добивается? У меня складывается впечатление, что он ведет какую-то свою игру, недоступную для нашего понимания. Не получится ли так, что в самый последний момент он станет «по ту сторону баррикад»?

— Так же считает и Забава, — усмехнулся Железовский. — Но у меня другое мнение. Да, его пределы действительно неизвестны. К-мигранты в чем-то правы, назвав его шукрой. И все же он с нами.

— Он один, — без выражения сказал Юнусов. — Как установили мои психологи, судя по всем его связям и привычкам, эта фигура не нуждается в соратниках и друзьях. Но в отличие от вас, коллеги, я не склонен преувеличивать степень опасности одного человека, даже если он эк-

зосенс семи пядей во лбу. Аристарх, ты умеешь успокаивать людей, успокой и меня: как долго будут продолжаться К-явления? Я имею в виду гостей.

Железовский не пошевелился, полузакрыв глаза, феноменальная глыба с канатами вместо нервов, силой робота и душой безнадежно больного человека, болезнь которого называлась «Забава Боянова».

— Не знаю, — сказал он наконец. — Есть мнение, что Конструктор исследует нас, пытается решить какую-то проблему, а какую именно — тайна за семью печатями.

Юнусов слабо улыбнулся одними губами, сухими и бледными, собрав морщинки у глаз.

— Успокоил. Тебе хорошо, сидишь здесь, в центре, как... пуп ГО, и не видишь, что творится на грешной Земле, населенной обычными людьми, не суперменами, со множеством добродетелей и пороков. Самое гнусное, что большинство реагирует на К-гостей негативно: страх, ненависть, желание убить, уничтожить неведомого посланца, нервные срывы, психические расстройства, паника... Если гости будут являться и дальше, вся Система превратится в сумасшедший дом.

Трое смотрели друг на друга, понимая все без слов.

— Когда Конструктор подойдет к поясу астероидов, некого будет защищать, — добавил Юнусов.

— Чего ты хочешь? — тихо спросил Железовский, сдерживая громыхающий голос.

— Не знаю, — медленно, растягивая слова, ответил Юнусов. — Взаимодействие масс в Системе нарушено так, что вряд ли возможно вернуть все в исходное состояние, а перераспределение орбит планеты неизбежно ведет к дисбалансу орбиты Земли, твои эфаналитики знают это не хуже моих. Что будет дальше?

— Конструктор подходит к Юпитеру, — проворчал Баренц. — Чего вы хотите?

Юнусов, прищурясь, посмотрел на Конструктора, словно прицелился.

— Забава права, его надо было уничтожить еще в первое пришествие, как советовали серые призраки, но урок съеденного наполовину Марса не пошел нам впрок.

— Чего вы хотите? — в третий раз спросил Железовский.

— Немедленного введения экстрамобилизации. — Юнусов встал. Спасем хотя бы часть человечества. Иначе потеряем все. Я знаю, кое у кого в Совете все еще теплится надежда, что мы остановим Конструктора или уничтожим, но я в это не верю. Пошли, Ярополк.

Баренц молча встал, похлопав Железовского по колену.

— Завтра очередное заседание совета.

Вышел вслед за комиссаром-один. Железовский выключил свет и остался сидеть в темноте, неподвижный, как изваяние. Поднес ладонь к лицу: пальцы испускали розовое свечение, будто рука была сделана из раскаленного стекла. Щелкнул пальцами — и с них слетел рой шипящих искр.

— Хиути[1], — глубокомысленно произнес вслух Железовский, — не рано ли, коллеги, включать режим «спасайся и беги»?

— Срочное сообщение, — раздался в клипсах рации пси-голос координатора. — Обнаружено скопление серых призраков — около десяти тысяч особей.

Через три минуты Аристарх ворвался в зал контроля, где несли дежурство Шадрин, член Совета безопасности Таукан и кобра-один погранслужбы Демин.

В центре оперативного поля виома на фоне слабых россыпей далеких звезд и туманностей выделялось мерцающее, переливчатое, плавно меняющее очертания облако серых призраков, похожее издали на пушистую головку одуванчиков. «Призраки» постоянно маневрировали, и фигура облака менялась, то превращаясь в идеальный куб, то в шар (одуванчик, да и только!), то в эллипсоид, то в головоломную конструкцию сложнейшей формы.

— Что они делают?!

— «Роют яму», — отозвался Савич, находившийся ближе всех к образованию призраков. — Вакуум в этом районе «скатывается» в потенциальную «пропасть», в которой топология пространства прыгает от геометрии «струны» до двадцатишестимерности. Я о таком мечтать не мог, не то что своими глазами наблюдать!

— Зачем это им?

— На вопросы они не отвечают, но, по всей видимости, готовится какой-то сюрприз. Не нам, конечно, Конструктору. Он подойдет сюда примерно через полчаса, мы его уже видим визуально.

Железовский нырнул в кресло, освобожденное ему догадливым Шадриным, и окунулся в эфирный прибой переговоров всей сложной системы координации космических служб Солнечной системы. Выслушав доклады погранпостов, скомандовал:

— Всем императив «назад»!

---

[1] Х и у т и — высекание огня *(яп.)*.

— Можно, я направлю в зону любопытства зонды? — спросил Савич. — Любая информация оттуда бесценна!

— Работайте, — ответил Железовский.

В течение четверти часа ничего существенного не происходило: серые призраки перестраивались, земной флот уходит от сферы их маневров на безопасное расстояние. Затем «призраки» создали нечто вроде зонта с ручкой, направленной навстречу Конструктору, и перестали перемещаться, одевшись в ореол зеленоватого свечения. А когда до столкновения колоссальной «авоськи с картофелем» Конструктора с «зонтом» остались считанные мгновения — Конструктор шел со скоростью двухсот десяти километров в секунду — от «зонта» ему навстречу вытянулась вдруг тысячекилометровая «роза» ярчайшего зеленого огня: лепестки «розы» раскрывались один за другим, словно она росла как живая, и слои пламени не смешивались друг с другом, создавая удивительную пространственную структуру земного цветка.

Спейсер содрогнулся, как и все машины человеческого флота, хотя находился от места события в шести миллионах километров. И только интрасенсы да автоматические видеокамеры смогли заметить, чем ответил Конструктор на «приветствие» серых призраков, так быстро это произошло.

Огненную «розу» пронзили тысячи длинных и острых черных игл, словно Конструктор выпустил рой стрел с оперением (отчего спейсер дернулся еще раз), и «роза» погасла. А затем «зонт» «призраков» сломался, и они разлетелись в разные стороны, как пушинки, уступая дорогу непреодолимой силе.

Железовскому стало отчего-то больно, и он с недоумением посмотрел на свои руки, сжатые в кулаки: ногти впились в ладонь чуть ли не до крови. С трудом разжав пальцы, он успокоил дыхание и вызвал Савича:

— Что там у вас?

— Представление закончено, — отозвался ученый еле слышно сквозь гул помех. — Они его не остановили, хотя создали зону с плотностью энергии, превышающей потенциал звездных недр. Но, может быть, они его и не останавливали? Может быть, эта наша оценка событий неверна? Со стороны судить трудно. Попробуем проанализировать результаты измерений и дать более точные ответы.

Серые призраки собрались в стаю над торжественно проплывающим мимо телом Конструктора, образовали

нечто вроде струящейся растопыренной человеческой ладони, несколько минут «совещались», а потом «ладонь» начала бледнеть, испаряться, таять, пока наблюдающие эту картину руководители дежурной смены не поняли, что призраки один за другим исчезают, уходят по «струнам» из Системы. Через полчаса от «ладони» не осталось ничего, и лишь светящаяся махина Конструктора продолжала безостановочный бег сквозь черную бездну пространства, не реагируя на вызовы, сигналы, предупреждения и проклятья...

После схватки с К-мигрантами сил у Ратибора хватило только на то, чтобы справиться у дежурного о состоянии Насти и Егора и доползти до дому. Проспал он почти сутки, лишь единожды поднявшись напиться. За это время организм интрасенса справился со стрессом, перенапряжением и усталостью не хуже профессиональной медслужбы, и Ратибор встал вполне бодрым и работоспособным, сразу включившись в орбиту компьютерной связи.

Дежурный доложил ему, что Егор Малыгин тоже вылечил себя сам и уже занимается с детьми в школе, со свойственной ему скромностью умолчав о своих подвигах. Настя пока еще находилась в клинике СПАС-центра, однако ее состояние у врачей опасений не вызывало. Железовский снова дежурил на «Клондайке» в составе квалитета ответственности, Лабовиц перебывал где-то на территории заповедника Такла-Макан, и таким образом почти вся группа риска здравствовала и занималась своими делами. Не было известий только от проконсула Грехова, снова отбывшего в неизвестном направлении.

Прикинув соотношение обязанностей и желаний, Ратибор направился в клинику, по пути выслушав сводку последних событий, главным из которых была акция серых призраков, пытавшихся остановить Конструктора. Впрочем, цель их операции оставалась не совсем ясной. Вполне могло быть, что они искали способ связи, или решали какую-то свою общую проблему, или вообще действовали по просьбе Конструктора, находясь с ним в контакте, например, сотворили ему тонизирующий душ. Последняя гипотеза вызвала у Ратибора улыбку, но, поразмыслив, он пришел к выводу, что даже она имеет право на существование при отсутствии достоверных данных и нежелании самих серых призраков объяснить смысл своих действий.

Уже входя в здание метро, задумавшийся Ратибор вдруг краем сознания отметил некоторую необычность обстановки.

С введением режима ГО обычная сутолока у станций метро исчезла, вход в них контролировался пограничниками, и люди, понимая, чем это вызвано, в большинстве случаев не роптали, здесь же, возле метро «Мещерский бор», собралась приличная толпа пассажиров, и все м о л ч а л и! И лишь увидев троих крепких молодых людей в полумасках, одетых в серые кокосы, с импульсными электроразрядниками в руках, Ратибор понял, что стал свидетелем захвата метро одной из отчаянных групп «золотой» молодежи, искавшей спасения от приближающегося в лице Конструктора «конца света».

Его заметили сразу. В спину Ратибора уткнулся твердый ствол разрядника, чьи-то руки сорвали с ушей клипсы рации, толкнули в спину. Берестов вошел в вестибюль станции, непривычно тихий и пустой, поискал глазами погранняряд и увидел у стены слева два тела. Третий пограничник сидел на полу с посеревшим от боли лицом, у него была сломана ключица.

Нападавших было десятка полтора. Трое из них возились с инком метро — видимо, кто-то из пограничников успел заблокировать управление, — остальные шатались по платформе вдоль всего длинного ряда кабин метро, составляющего своеобразный поезд, подтаскивали поближе контейнеры, рюкзаки, штабеля пластиковых банок, ящики и упакованные в прозрачные мешки коробки с концентратами. Судя по всему, «экспедиция» готовилась тщательно, и лишь расторопность пограничников помешала группе осуществить задуманное в считанные минуты. Поскольку станция «Мещерский бор» была единственной в районе, работающей на Приземелье и на дальний космос, руководители группы точно знали, куда попадут, и останавливаться на полпути не собирались.

— Живы? — кивнул Ратибор на лежащих парней.

Сидящий пограничник покривился, с трудом сдерживая слезы; был он молод и неопытен и еще не научился сдерживать эмоции, как старшие товарищи.

— Не дергайся! — Ратибора толкнули в спину. — Лицом к стене! Руки на затылок!

И время для безопасника остановилось...

Дрался он холодно и расчетливо, сдерживая ненависть и ярость, вспыхнувшие в душе, словно перед ним были «серые люди», не ведающие боли. Однако противник его

был во сто крат беспощаднее, наглее, агрессивнее и вероломнее, потому что исповедовал древний принцип — «цель оправдывает средства». То, что эта цель — собственное благополучие, подленькое, физиологическое, просчитанное низменными сторонами души, — их ничуть не смущало.

Конвоиров он успокоил точными уколами в нервные узлы, еще двоих оглушил, а когда остальные начали пальбу, ответил тем же, завладев электроразрядником командира группы. Через минуту все было закончено, оставшиеся вне схватки члены группы сориентировались поразительно быстро и бросились наутек, пробиваясь сквозь толпу к стоянке такси, но лишь одному из них удалось скрыться, троих задержали прибывающие пассажиры, а четвертого, с белыми от страха глазами, открывшего пальбу по безоружным людям, нейтрализовал примчавшийся поднятый по тревоге пограничный наряд.

Угрюмо ответив на вопросы кобры-капитана пограничников и понаблюдав за врачами, хлопотавшими у тел пограничников, Ратибор отыскал лежащего без сознания руководителя группы «путешественников» и забрал у него клипсы рации, затем поспешил к заработавшим кабинам метро, не обращая внимания на восторженно-удивленные взгляды молодых ребят, возбужденных и одновременно огорченных тем, что инцидент исчерпан.

Клиника СПАС-центра — двадцатишестиэтажное «колье» из нескольких сотен «драгоценных камней» — палат, процедурных кабинетов, операционных боксов, залов отдыха, спортзалов — располагалась на берегу Десны в километре от основного здания управления аварийно-спасательной службы. Сообщив инку-диспетчеру, кто он и к кому направляется, Ратибор влез в «улитку» бесшумного конформного лифта и вышел в прозрачном фонаре стыковочного узла, соединявшего две лечебные палаты и зал психомассажа. Анастасия Демидова лежала в палате с номером «один», и не успел Ратибор подойти к двери, как та открылась и выпустила человека в черном.

С полминуты они разглядывали друг друга, потом по губам Грехова скользнула едва заметная улыбка.

— Говорят, ты неплохо потренировался у метро.

— Неплохо, только спарринг-партнеры попались неопытные, — в тон проконсулу произнес Ратибор.

Грехов кивнул, буркнул нечто вроде «ну-ну», и капсула лифта унесла его в недра здания. Постояв немного, чтобы справиться с неприятным осадком от встречи, Берестов

вошел в палату и был едва не сбит с ног: Настя ждала его за дверью, прыгнула на шею и, всхлипывая, принялась целовать его лицо, уши, плечи, руки, пока оглушенный водопадом чувств — в пси-диапазоне он представлял собой самый настоящий водопад! — Ратибор не оторвал ее от себя, зажмурившуюся, с мокрым от слез лицом, в распахнувшемся халате, милую, безумно красивую и желанную...

Полчаса ушло у них на междометья, объятия и шепот, пока Настя не пришла в себя и не принялась приводить себя в порядок.

— Я могла бы уже уйти отсюда, — сказала она, причесываясь, поглядывая на чеканный профиль Ратибора, — но решила подождать тебя, Габриэль сказал, что ты придешь сразу после драки. Ты дрался? Это правда?

Ратибор поневоле нахмурился. Темное чувство открывающейся под ногами бездны качнулось в нем.

— Он сказал, что я дрался? Когда?

— Когда сказал? Почти час назад, перед твоим приходом. — Девушка оглянулась. — Что, он ошибся?

— Нет, но... я думал, что ему сообщили о схватке по треку, однако он знал об этом еще до события... хомозавр!

Анастасия вздрогнула, побледнела.

— Ты... ты говоришь это... с ненавистью! После того что он сделал для тебя, для всех... Неужели вы так не терпите его? За что? За то, что он отличается от вас? За его силу, волю, риск, благородство, наконец? — Голос ее превратился в шепот, погас. — Ты хочешь, чтобы...

Ратибор покачал головой, снял мысленный контроль и на мгновение обрушил на голову девушки весь свой внутренний мир, все свои вопросы, мысли и чувства, запертые в душе, мучившие его и ждущие ответа. Настя снова вздрогнула, прислушалась, полузакрыв глаза, легкая краска вернулась на ее щеки.

— Извини, я была не права, — скороговоркой проговорила она, вскакивая и целуя Берестова в подбородок. — К тебе мои слова не относятся, хотя было время, когда и ты относился к нему...

— Было, — согласился Ратибор. — Но я — иное дело, вряд ли кто-нибудь еще знает его с других сторон, отсюда нелюбовь, неприязнь и даже страх. Забава призналась, что она его боится, «яко татя в нощи». Да и у меня иногда, честно признаться, появляется холодок жути. Ты знаешь, что он якшается с чужанами? Не говоря уже о серых призраках!

Настя не отвела взгляда.

— Знаю. Ну и что?

Ратибор пожал плечами.

— Его не зря прозвали хомозавром. И не делай страшные глаза, я не отношусь к лагерю тех, кто уже сейчас начинает шептать обвинения в его адрес, будто он во всем виноват наравне с Юнусовым и Железовским.

— Потому что он всегда участник, а не сторонний наблюдатель, он всегда в центре, а не с краю. — Настя забралась к Ратибору на колени, выключила стены, и в комнату ворвался солнечный день. — Таких любят не все, они всегда кому-нибудь мешают. Даже тебе.

Ратибор поцеловал ее в затылок, прижал к себе и спрятал лицо в ее волосах.

— Мне — нет. Кстати, я тоже не понимаю, почему он не вмешается в судьбу Конструктора на доступном ему уровне? Я не имею в виду Совет безопасности или ВКС, речь идет о серых призраках... и еще о ком-то, он недавно намекал.

— Он уже говорил вам... тебе тоже: Габриэль з н а е т, чем все закончится, и з н а е т, что делать. И будь уверен — делает.

Да уж, подумал Ратибор, вспоминая встречу с чужанином в доме проконсула и таинственную дверь в мир иной, намекавшую на прямую связь с родиной роидов.

— Но если он знает, что делать, почему не скажет об этом прямо? Всем!

— Значит, считает, что еще рано.

— Рано?! — Берестов так резко вздернул голову, что Анастасия вздрогнула. — Конструктор подходит к Юпитеру, остался один шаг до запретной зоны, один шаг до объявления войны, а ему рано?!

Настя успокаивающе погладила безопасника по щеке, передав мысленный образ рычащего тигра и укротителя рядом с блюдечком молока.

— Не сердись, но Габриэль действительно никогда не опаздывает, ты это знаешь не хуже меня. Если хочешь, поговори с ним, он пошел домой.

— И поговорю. — Ратибор не хотел успокаиваться, подогреваемый воображением и тем, что Настя продолжает защищать своего друга. — Пусть попробует промолчать!

— Какие мы грозные! А то что будет? — Настя не выдержала и засмеялась. — Ты перестанешь с ним общаться?

Улыбнулся и Ратибор, но тут же посерьезнел. Мягко пересадил Настю на диван рядом, вытянул вперед руки, и

между ладонями засветился воздух. Облачко света сформировалось в седловидную поверхность и пролилось дождем искр на пол. У Насти заложило уши, как от резкого падения давления. Она покачала головой, вздохнула.

— Хиути, обычная разминка интрасенса. Ты котенок перед Габриэлем, Ратибор, и нет силы... — Она не договорила.

Над головой Ратибора проявилась корона розового сияния, и тотчас же воздух комнаты поплыл маревом, словно нагретый до высокой температуры, фигура безопасника заколебалась, волна искривления бесшумно обежала стены, пол, потолок, исказила очертания предметов палаты, что-то лопнуло со стеклянным звоном. В облаке света между ладонями Ратибора протаяла черная клякса, ударила тонкой струей в стену напротив, пронзила насквозь. Снова качнулись стены, и все исчезло. Ратибор опустил руки, слабо улыбнулся — Настя смотрела на него во все глаза, прошептала:

— Что это?

— Не знаю, — глухо ответил Ратибор. — Я обнаружил это случайно, задумавшись над связью с Конструктором. Пришло ощущение бездны и боли, а потом словно в голове лопнул сосудик, и я увидел Конструктора... на мгновение... Было такое ощущение, что он хочет что-то сказать.

Настя сжала горло рукой, глаза ее сделались большими и бездонными. Ратибор снова улыбнулся.

— Интересно, правда? Грехов сказал, что я, как и он, крестник Конструктора, а значит, тоже хомозавр. Это я к твоему заявлению о котенке. Не расстраивайся. — Он бережно обнял девушку за плечи. — Последствия путешествия по внутреннему миру Конструктора будут сказываться еще долго, как сказал врач. Ну, мне пора? Выздоравливай поскорей.

Настя зажмурилась, поднимая лицо, и Ратибор поцеловал ее в раскрытые губы...

В холле клиники кто-то мысленно окликнул Ратибора, он оглянулся — Забава Боянова, издали похожая на девочку с длинной русой косой. Подошел, вежливо поклонился, ответил так же мысленно.

— Добрый день.

— Привет, Берестов, рада тебя видеть. Ты от Насти? Все некогда навестить, постоянно куда-то не успеваю. Как она там?

— В норме, сегодня выходит.

Разговор продолжался в пси-диапазоне, в темпе пулеметной очереди, весь вмещаясь в десяток секунд.

— Ну и слава Богу! А у тебя что нового? «Свободная охота» закончилась? Куда теперь? К Аристарху или есть дела на Земле?

— Есть дела. — Ратибор вдруг неожиданно для себя признался, что ищет Грехова.

Лицо Бояновой застыло, губы затвердели, взгляд стал острым, пронизывающим.

— Зачем он тебе?

— Хочу задать несколько вопросов.

— Что ж, может быть, пора их задавать. Могу посоветовать, каких тем ты не должен касаться, ибо это может отразиться на твоем здоровье.

— Я кое-что умею тоже.

— Ты котенок перед ним, охотник, несмотря на рост и мускулатуру. Он шутит, что он хомозавр, но это так и есть. Этот экзосенс опасен, как... — Боянова поискала сравнение. — Как ураган, спрятанный в маковом зерне. Учти.

— Учту, — вежливо пообещал Ратибор. — Каких именно тем я не должен касаться в разговоре с ним?

— Первая — Настя. Он любит ее, от того еще более одинок, ты не можешь этого не видеть. Вторая: как он относится к Конструктору. Грехов не сын его, а пасынок, и это ты учти тоже. И последняя тема: почему он иногда все-таки помогает нам, людям? Зачем это ему, если он и так знает, чем все закончится? Это страшный вопрос, Берестов, поразмысли сам — почему.

— Вы преувеличиваете.

Забава улыбнулась, выразив в улыбке сразу весь свой возраст и опыт.

— Хотела бы преувеличить. Мне пора, до связи, охотник, желаю тебе выжить.

Она повернулась и скользящим упругим шагом пересекла холл, скрылась за матово-прозрачными дверями «ракушки» лифта. Ратибор молча смотрел ей вслед, не трогаясь с места, чувствуя, как неприятно свело мышцы живота.

Пройдя парковую зону, соединяющую здание УАСС и клинику, он, не заходя в отдел, выслушал очередную сводку по Системе, и нырнул в метро, вспоминая код кабины в доме Грехова.

Хозяин и в самом деле был дома. Он вышел из лаборатории в коридор, голый по пояс, весь перевитый мыш-

цами, как только сработала автоматика метро, узнал гостя и без удивления кивнул на гостиную:

— Проходи, я сейчас.

Ратибор, чувствуя неловкость и странное колющее неудобство, будто в горле застряла рыбья кость, прошел в гостиную, отметил, что в ней ничего не прибавилось, и сел в кресло. Габриэль заявился через минуту, уже одетый в любимый летний костюм цвета маренго. Он не изменял привычкам, как и Ратибор, предпочитавший строго элегантные или спортивные костюмы. Атмосфера в комнате ощутимо сгустилась, напомнив облако, готовое пролиться дождем. На грани слышимости родился необычный звук, словно где-то далеко-далеко зазвенела готовая лопнуть струна. Наблюдавший за Ратибором Грехов с едва заметной иронией шевельнул уголком рта, продолжая молчать.

Ратибор с трудом преодолел приступ робости, вернее, внутреннего сопротивления собственной жажде истины, тем обвинениям, которые хотел предъявить проконсулу.

— Почему вы...

Грехов поднял руку, призывая его остановиться. Ратибор замолчал — рация принесла голос дежурного по отделу:

— Объявляется «джоггер» по системе Юпитера! Конструктор подходит к зоне прямого влияния. Все транспортные трассы Системы с этого момента закрыты. Полеты внутри зоны разрешены только погранфлоту с кодовым опознаванием. Повторяю...

— Не возражаешь, если мы посмотрим этот спектакль? — Грехов щелкнул пальцами, и стена гостиной с нишами, в которых стояли сувениры, превратилась в виом.

Ратибора покоробило слово «спектакль», но он сдержался, проговорив:

— Если вы не торопитесь...

Свет в комнате погас — окна перестали быть прозрачными, и в глубине виома проступило изображение системы гигантской планеты со всеми ее спутниками.

Сначала Ратибор подумал, что это цветная схема, потом пригляделся и с недоумением поднял бровь. Ракурс видеопередачи был, конечно, необычен, но главное, каждая планета, даже из числа самых маленьких спутников, была видна исключительно отчетливо, будто находилась рядом, на расстоянии прямого визуального наблюдения. И в то же время было понятно, что передача ведется с одной камеры, а не от сотни видеокамер, направленных каждая на свой объект; изображение не было синтезиро-

ванным, хотя для того, чтобы так показать всю систему Юпитера, необходима была обработка изображения с введением логарифмического масштаба.

Ратибор невольно посмотрел на Грехова, волосы которого слегка светились в темноте, и тот, не поворачивая головы, сухо бросил:

— Передача ведется серым призраком.

Ратибор просидел оглушенным несколько секунд, прежде чем стал видеть картину юпитерианской семьи, и снова ему показалось, что над ним тихо зазвенела туго натянутая, готовая оборваться «гитарная струна».

Конструктор появился в поле зрения видеокамеры через несколько минут — клин раскаленных добела «углей», и сразу стали заметны изменения в движении спутников планеты: первыми отреагировала на его приближение свита внешних астероидов с размерами от сотни метров до одного километра, разорвав извечный круг вращения и устремившись под влиянием тяготения Конструктора прочь от Юпитера. Затем «дрогнул» один из крупных негалилеевских спутников[1] — Синоп, диаметр которого был равен тридцати километрам.

В молчании Грехов и Берестов смотрели на картину медленного разрушения еще одной планетарной семьи, так и не изученной как следует людьми. И казалось, вместе со всеми с тревогой смотрит на вторжение сам Юпитер, покрытый словно от волнения пятнами и полосами турбулентных движений атмосферы.

И вдруг внезапно все прекратилось. Вернее, прекратилось неуклонное «скатывание» спутников в гравитационную могилу Конструктора, хотя сам он продолжал двигаться в прежнем направлении и с той же скоростью. Сквозь глубокую «яму» прямого эфира в наушниках рации пробился голос дежурного:

— Наблюдается резкое падение поля тяготения Конструктора, примерно на шесть порядков. Впечатление такое, будто он лишился девяносто девяти процентов своей массы. Объяснений эффекту нет. Галилеевские спутники изменить орбиты не успели.

Ратибор оглянулся на Грехова и увидел беглую усмешку на его губах, вызванную, очевидно, словами дежурного (проконсул тоже был включен в цепь «спрута»). Поси-

---

[1] Даты их открытия — от 1904 до 1979 года, сначала им давали просто номер, и лишь в конце семидесятых годов они получили современные названия.

дев еще немного, хозяин выключил виом и впустил в гостиную солнечный свет.

— Все, спектакль окончен, больше ничего интересного не произойдет.

Они посмотрели друг на друга.

— Итак, ты хотел спросить, почему я не вмешиваюсь в события, когда у меня такие покровители, как чужане и серые призраки. А почему ты считаешь, что я ничего не делаю?

— Я так не считаю. — Ратибор вспомнил предупреждение Бояновой, и неприятное ощущение жжения в желудке усилилось. Наоборот, мы считаем, что, зная, чем все закончится, вы по логике вещей в о о б щ е н и ч е г о не должны делать.

— Мы? — Тонкая, с едва заметной иронией усмешка снова скользнула по губам Грехова. — Кто это «мы»? Забава?

Ратибор выдержал взгляд, хотя хозяина обмануть не смог. Габриэль кивнул.

— Она давно относится ко мне с предвзятой настороженностью, хотя, видит Бог, я не давал повода.

— И все же она права: вы могли бы предотвратить многие беды, последствия плохо просчитанных шагов погранслужбы, если бы сообщили всем, чего нам ждать.

По смуглому лицу проконсула пробежала тень, глаза стали совсем черными, глубокими, в них проглянула холодная жестокость и странная тоска, готовая затопить все пространство. Несколько мгновений он смотрел на Берестова, не меняя позы, потом выражение лица изменилось, к нему вернулась обычная угрюмая озабоченность.

— А вы сами разве не в состоянии определить, что вас ждет? — Грехов подчеркнул слово «вас», как бы отделяя себя от остальных.

— Вы же знаете наши расчеты. Если Конструктор не остановится, мы будем вынуждены объявить ему войну, у нас нет иного выхода.

— Ошибаетесь. — Это слово Грехов проговорил вслух, тихо, почти по слогам. — Выход есть, но вы его не видите.

— Какой выход? Экстрамобилизация? Эвакуация всего населения Земли? Это практически невозможно. Или, может быть, есть шанс остановить Конструктора в поясе астероидов?

Габриэль покачал головой.

— Судьба Конструктора решается не в космосе — на Земле.

— Что? — Ратибор не смог удержаться от изумленного возгласа.

— Судьба Конструктора на данном этапе решается на Земле. Не мной, как считает Забава, не чужанами и не серыми призраками, как думают многие, а вами всеми, людьми. Как? Ответ прост. Свяжи два следующих события, и ты найдешь его. Только что по треку передали, что почти все чужане и призраки покинули Систему, слышал? Это первое событие. И второе: чем заканчиваются обычно сеансы появления К-гостей?

— Для людей? Реакция в основном отрицательная...

— А для Конструктора?

Ратибор порылся в памяти:

— Вы имеете в виду «конвульсии»?

«Конвульсиями» физики назвали чудовищные колебания полей вокруг Конструктора, «судороги» вакуума, сопровождаемые магнитными бурями и эффектами рождения пучков элементарных частиц и жестких излучений.

— После каждого сеанса у Конструктора начинались «приступы головной боли», усугубляющие ситуацию.

— Но ведь он сам провоцирует людей на негативное отношение своими кошмарными монстрами...

— Монстры — порождение человеческой фантазии, зачастую ограниченной. Конструктор здесь ни при чем. Все наши друзья — Аристарх, Баренц, Эрберг — реагировали на появление К-гостей иначе, спокойно, и никаких «монстров» не видели. Но таких людей, к сожалению, мало.

— К чему вы клоните?

— К тому, что человечеству давно было пора научиться милосердию. Конечно, не научившись толком человеколюбию, трудно постигать азы инолюбия, скажем, чужелюбия или конструкторолюбия, азы милосердия ко всему живущему, но боюсь, у человечества не будет другого шанса.

— Вы хотите сказать, что вместо страха и ненависти мы должны испытывать к ним... К-гостям и Конструктору... любовь?

— Может быть, не любовь, поначалу хотя бы сочувствие, ведь смогли же вы понять, что он болен. Хотя от ненависти до любви — всего один шаг.

— Но иногда это шаг... через пропасть, — медленно проговорил Ратибор. — Вы считаете, что Конструктора может вылечить только наша общая любовь?

— Сочувствие, взаимопонимание, терпеливая снисходительность, если хотите, единственно необходимые движения души для установления обратной связи. Только тог-

да он поймет вас и примет наиболее оптимальное решение, лишающее смысла слово «война». Я не уверен, что он ответит на все ваши вопросы, то есть я не уверен, поймете ли вы, когда он ответит, так будет правильнее, ведь в Конструкторе, по сути, воплощен панпсихизм, а мы далеко не всегда понимали и понимаем природу. Но одно я знаю точно — все зависит от людей. От каждого из нас. Попробуйте внушить это остальным.

— А вы?

— Я хомозавр, и этим все сказано, поверить мне трудней, чем Конструктору, пример — Забава Боянова. Это очень сильная и умная женщина, которую я уважаю, ее характера хватило бы на трех мужчин, и оттого ее заблуждения наиболее опасны в данной ситуации. А убеждать других она умеет.

Ратибор невольно кивнул, снова вспоминая наставления председателя СЭКОНа: он тоже поддался ее уверенности, что же говорить о членах комиссии?

Некоторое время длилось молчание. Пока Грехов к чему-то прислушивался — диапазон его пси-связи лежал вне зоны чувствительности пси-слуха Ратибора, — Берестов размышлял. Наконец он поднял голову:

— Еще один вопрос, он мучает меня... Почему же Конструктор так упорно шел к Солнцу? Что он здесь потерял? Что хочет найти?

— Не знаю, — ответил Грехов с потрясающим равнодушием. — Возможно, его гнали инстинкты.

— Инстинкты?! Какой же сложности они должны быть, чтобы он с их помощью отыскал дорогу?

— Что мы знаем об инстинктах Конструкторов?

Изумленный и озадаченный Ратибор не нашелся что ответить. Возбуждение его схлынуло, интерес к разговору пропал, он встал, собираясь извиниться за визит. Дом вдруг вздрогнул, качнулись стены, низкий рык донесся из глубины под ним, словно он стоял на вулкане. Рык вытянулся в стены, а те ответили дребезжанием, переходящим в шипение и свист.

— О черт! — Грехов прыгнул к двери прямо из кресла, исчез в коридоре. Еще раз дернулся пол, глухой удар прилетел из недр дома, зазвенели металлические листы, и все стихло. Ратибор почувствовал на спине тяжелый взгляд, обмер и оглянулся. На него «смотрел» чужанин, вылезший из лаборатории: двухметровая угластая черная глыба в дырчатой золотой броне. «Кожа» чужанина поражала текучестью: она вскипала мелкими кристалликами, пени-

лась, играла рябью, дрожала и дышала, словно роид и в самом деле был живым существом.

— Привет, — сказал Ратибор первое, что пришло в голову.

Чужанин молча проследовал мимо с характерным тумм-тумм-тумм, от которого сотрясался пол дома, хотя ног у него, подобных человеческим, не было и быть не могло; скрылся в коридоре. Через секунду оттуда выглянул озабоченный Грехов.

— Извини, я тороплюсь, договорим в другой раз. — Исчез.

Не теряя самообладания, хотя и на ослабевших ногах, Ратибор добрался до метро — в коридоре никого, будто и не было жутковатого гостя, — и автоматически набрал код управления. Предупреждение Забавы снова всплыло в памяти, и теперь оно не казалось абстрактным, за ним стоял скрупулезный анализ деяний проконсула, помноженный на интуицию и недюжинный дар предвидения. Грехов не уклонялся от ответов на вопросы Ратибора, но сумел ни на один не ответить прямо и с полной искренностью. Он ни с кем не хотел делиться своими замыслами, планами, переживаниями, отношением к происходящему, как бы отделяя себя невидимой стеной от остальных людей, и встречающихся с ним не мог не настораживать этот очевидный факт. Не верить ему было нельзя, верить — трудно.

Из головы не шла фраза Габриэля: «Судьба Конструктора решается на Земле», — и, раздумывая над ней, Ратибор добрел до отдела, раздумывая над тем, что ему следует делать дальше, кому предложить помощь. Железовскому или Юнусову. Раздражало собственное бессилие: Ратибор не знал, кому и как передать появившуюся информацию, чтобы ему, а вместе с ним и Грехову поверили, кому предложить невероятно трудную миссию — объяснить всему человечеству, что такое милосердие.

— Берестова вызывает председатель СЭКОНа, — включился наушник рации, когда Ратибор уже входил в зал оперативного дежурства, погруженный в полутьму; навстречу из кресла встал дежурный — фантом, конечно, видеопризрак несуществующего человека, один из образов инка для визуальной связи с абонентами.

— Вы слышали? — спросил он вслух, не удивляясь появлению клиента в зале, куда обычно заглядывали только стажеры и работники технического контроля.

— Передайте ей, что все нормально, — сказал Ратибор, глядя на центральный виом с крестом визира по центру,

в растворе которого светилась громада Конструктора. Он вдруг понял, что ему не хватает Железовского, его совета, его пугающих непосвященных неподвижности и спокойствия, его гулкого баса.

— Передал. — Дежурный внимательно смотрел на Берестова, ожидая его слов, не выказывая признаков нетерпения. Точно такие же молодые люди, как две капли воды похожие на этого, разговаривали сейчас с десятками других абонентов, всецело находясь в их власти, создавая видимость общения один на один.

— Вы хотели включить интегральную связь?[1]

— Я передумал. — Ратибор отступил, с облегчением представив, как на его речь прореагировал бы Железовский, и тут до него дошло. — А откуда вы знаете?!

— Председатель СЭКОНа предвидела ваше желание и рекомендовала не спешить с «проповедью».

— Она так и сказала — проповедью?

— Да.

Ратибор усмехнулся.

— Спасибо. До связи, коллега.

— Минуту. — Дежурный вернулся в кресло. — Передается чрезвычайное сообщение.

Изображение Конструктора в виоме исчезло, на его месте возник зал центра ГО на Земле с двумя десятками координаторов, выглядывающих из оперативных коконов управления, как улитки из раковин.

— Внимание! — раздался в зале голос главного оператора смены; им был один из секретарей ВКС. — Только что перехвачена прямая передача чужан. Включаю запись.

В зале прозвучал скрип, шипение и длинное затухающее булькание, сквозь которое прорезался нечеловеческий, гортанный, с непередаваемо свистящим тембром голос:

— Передавание предупреждие... попытка Сеятели вы называние серые призраки... лечение Конструктор неудачен много... сожаление мы неудачен тоже... прямо нет выход... лечение добрость... Только добрость и желательность... любой ход иначе — катастрофа будущность... мы пришедшие ваш мир задолго вперед Конструктор но трудность познание ваш мир вследствие много очень много потерь... трудность выход из-под горизонта делание невозможность сотрудничать важность... мы заявление: люди

---

[1] Интегральная связь — подключение канала, работающего на определенный коллектив, группу единомышленников, в данном случае имелась в виду служба безопасности.

будьте добрость! И милосердство. Сильность есть добрость — данное истинность всегда! Мы предупреждение: невозможность отражение Конструктор — эта катастрофа масштабность галактики! Уничтожность средств разрушения люди — разумная жестокость мы... относительность люди... Повторяем: люди будьте милосердство!

Шорох, скрип, серия свистов, тишина.

Люди в зале зашевелились, и тут же изображение зала пропало. В глубине виома разгорелась «авоська» Конструктора.

— Конец передачи, — сказал дежурный, оборачиваясь.

Ратибор стоял, отрешенно глядя сквозь виом, загоняя холодный липкий страх в поры души. Сомнений не было, последние слова чужан были подсказаны им Греховым, это был его лозунг: люди, будьте милосердны! Не действует ли он по формуле — побеспокойся о своих друзьях, а они побеспокоятся о тебе?

— Почему они так косноязычны? — тихо спросил Ратибор, имея в виду чужан. — Манипулирование пространством и временем, гигантские энергетические возможности, высокий технологический уровень — и лингвистическая беспомощность...

— Есть гипотеза, что готовят они внутри своих тел-пространств вполне качественную информацию, — так же тихо произнес дежурный, — но к нам сквозь кожу-оболочку, пресловутый потенциальный барьер, просачивается малая толика того, что готовится, нечто вроде дайджеста с полного текста, да и то потерявшего при переводе чуть ли не весь смысл. К тому же обитатели роидов — не просто негуманоиды, они вообще нечто вроде бесплотных математических формул, вернее, операций, а не существа из плоти и крови. Это трудно представить умозрительно.

— Трудно, — согласился Ратибор, поворачиваясь спиной к дежурному. Острое чувство зависшего над зданием горного хребта заставило его невольно поднять голову, но увидел он над собой только зеркальный потолок с карикатурно искаженной человеческой фигурой.

БОЛЬШОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Но это был не тот, кого ждала Анастасия: в дверь позвонила Забава Боянова. Вошла, окинула взглядом хозяйку и улыбнулась: Настя была одета в очень красивое вечернее платье роб-де-шемиз, свободное до талии и уз-

кое в бедрах. Ткань отливала зеленью и то казалась прозрачной, то становилась похожей на змеиную кожу.

— Он не придет, — сказала председатель СЭКОНа, проходя в гостиную. Сама одета она была в белый кокос и выглядела мальчишкой, только волосы, собранные на затылке в тяжелый узел, разбивали эту иллюзию.

— Почему не придет? — вошла следом Настя.

В гостиной работал виом информвидения, и диктор говорил что-то о Конструкторе. Боянова послушала немного, хмыкнула и выключила передачу. Остановилась посреди комнаты.

— Мне нужна твоя помощь как эфаналитика.

Настя мысленно приказала «домовому» включить информканал, сказала тихо:

— Извините, я послушаю немного. Садитесь, прошу вас.

Боянова покачала головой.

— У нас мало времени. Ты согласна? Работа требует полной отдачи и режима секретности, поэтому, если хочешь что-то сообщить Берестову, оставь ему письмо.

— ...будущее Системы, — сказал появившийся в виоме диктор. — А теперь повторяем обращение чужан и комментарий к нему специалистов.

Объем передачи заполнился водопадом серебристых нитей, сквозь который протаяло изображение Конструктора, и в комнате зазвучала речь-предупреждение чужан.

— Ты разве не слышала?

— Слышала, — кивнула Настя.

— Тогда пошли. Переодевайся.

Настя бесцельно прошлась по комнате, касаясь вещей, книг, словно искала что-то, потом под насмешливым взглядом Забавы покраснела и скрылась в спальне.

Сообщение чужан закончилось, начался комментарий, виом показал террасу зала совещаний Всемирного координационного совета, на просцениуме которого стояли всего три человека: председатель совета Хакан Рооб, Баренц и Габриэль Грехов.

Боянова нахмурилась, оглянулась на спальню, приглушая звук, а когда заговорил Грехов — выключила виом. Пробормотала про себя: время милосердия прошло... а мы продолжаем жить мудростью заднего ума. Цена спасения — разумная жестокость, и только слепцы, больные и безумцы не видят этого...

Настя вышла одетой в такой же белый кокос, что и Забава, и та невольно залюбовалась девушкой, восхити-

тельно красивой и женственной, чью фигуру не мог испортить ни один наряд.

— У Берестова губа не дура, — пробормотала председатель СЭКОНа. — Ну, что?.. — Она не договорила.

В углу комнаты заклубился светящийся туман, обрел очертания живого существа, не то снежного барса, не то белого медведя, посмотрел на замерших женщин осмысленно, почти по-человечески, и стал быстро и плавно менять форму, «перетекать» из одной в другую.

— К-гость! — удивленно прошептала Настя.

— Гаденыш! — сквозь зубы ответила Боянова.

В руках ее вдруг оказался пистолет, сверкнула неяркая голубая вспышка факельного выстрела, и с отчетливым стоном — так показалось Насте — и всплеском пси-излучения, в котором смешались боль, тоска, ужас, ненависть, растерянность, обида, агрессивность, враждебность и непередаваемое чувство утраты, таинственный «зверь» исчез.

— Я тебе покажу тест на разумность! — В голосе Забавы прозвучали ярость и отвращение.

— Зачем? — тихо спросила пораженная Настя.

— Не терплю экзаменов, — спустя минуту почти спокойно ответила Боянова, пряча «универсал», — а тем более когда экзаменатор не человек и сам не знает, чего хочет.

— Но он же не сделал ничего плохого...

— А ты хотела бы дождаться этого момента? Ты знаешь, чем может закончиться тестирование по-конструкторски? А если это тесты на выяснение нашей решимости выжить? Где она, эта решимость? Что мы демонстрируем? Мягкотелость, рыхлость, нежелание думать о будущем, слюни вроде рассуждений о добре и зле.

— Есть и другая точка зрения.

— Их слишком много, точек зрения, а истина одна — мы наблюдаем в т о р ж е н и е! Где вы, рыцари, способные защитить жизнь? Интеллектуалов человечеству хватает, недостает бойцов.

— Аристарх, по-вашему, тоже из числа интеллектуалов? — не удержалась Настя.

Забава улыбнулась, грустно и с нежностью, словно речь шла о ребенке.

— О-о, Аристарх — боец, можешь быть уверена, хотя интеллекта ему тоже не занимать, но воспитан он не на законах отражения. Да и опасность так долго дышала ему в затылок, что превратила природное терпение и осторожность в терпимость и уверенность в разрешении любого конфликта мирным путем.

— Он знает, что я буду работать с вами?

— Мне не надо спрашивать разрешения даже у председателя ВКС, но... он знает. Идем.

И Настя поверила.

Запись выступления Рооба, Грехова и Баренца транслировалась всемирным видеовещанием в течение трех дней через каждые три часа, с тем чтобы ее смогло просмотреть как можно большее количество людей. Подействовало ли это на изменение отношений к приближающемуся Конструктору, не знал пока никто, напряженность в мире сохранялась, конфликты между сторонниками разных религиозных группировок и общественных неформальных объединений продолжали развиваться, фактам злостных хулиганских поступков и антисоциального поведения не было видно конца.

К-гости посещали людей все реже и реже, уже не пугая их, как прежде, но и не вызывая особой симпатии. И наконец, волна посещений схлынула, породив приступ разочарования у тех, кто надеялся на «лечебную силу» философии вселенского милосердия, проповедником которого выступил Грехов.

— Человека не переделаешь, — грустно заявил по этому поводу Баренц в разговоре с Железовским, — если он сам этого не захочет. Проповеди о силе добра хороши только для подготовленной аудитории, но не для демоса, разделенного границами симпатий и антипатий, раздираемого противоречивыми чувствами и готового провозгласить мессией любого, кто громче крикнет «бей!».

— Ярополк, ты не прав, — так же грустно пророкотал Железовский, во многом утративший за последние сутки твердость каменных черт и неподвижность изваяния. — «Мир бытия — досадно малый штрих среди небытия пространств пустых»[1]. Каждый борется за жизнь, как может.

— Понимаешь, я почему-то думал, что мы достигли постулата совершенства, когда каждый заботится о каждом, но на поверку оказалось, что в большинстве случаев каждый заботится о себе.

— Ты не прав, Ярополк, — повторил комиссар-два. — Просто взаимоотношения людей в нашем совершенном социуме сложнее, чем мы представляли, и только. Чело-

---

[1] Гете И.-В. Фауст.

век непредсказуем, и наряду с мужеством, бесстрашием, готовностью к самопожертвованию всегда будут наличествовать ложь, трусость, подлость и предательство, в преодолении которых только и есть смысл существования человека.

Ратибор, дежуривший в зале контроля, одним ухом прислушивался к разговору, а вторым ловил переговоры погранпатрулей, сопровождавших Конструктора. Его волновала одна мысль: где Настя? «Домовой» ее местоположения не знал, и Ратибор потерял девушку из виду с того самого вечера, когда не застал ее дома. На сердце легла тяжесть, усугубляющая общую раздражающую атмосферу психологического дискомфорта, вызванного слепым упрямством Конструктора, который не желал менять курс, несмотря на все предупреждения.

Куда она запропастилась? И почему хотя бы не позвонила?..

— Знаешь, меня в настоящее время больше волнует исчезновение Забавы, — признался Железовский. — Что-то за этим кроется, а что — не могу понять.

Ратибор дернулся, так что кресло, посчитав, что он хочет встать, освободило его от своих объятий. Оба интрасенса посмотрели на него. Ратибор вернул себе самообладание.

— Когда она исчезла?

— Три дня назад, — помолчав, ответил Железовский. — Ты что-то знаешь?

— Ровным счетом ничего. Налицо совпадение: Нас... Анастасия Демидова тоже пропала куда-то три дня назад. Уж не дело ли это рук К-мигрантов?

— Нет, они под контролем и, насколько я знаю, свято соблюдают нейтралитет, — сказал Баренц. — Двое из них постоянно дежурят в первом центре ГО на Земле.

— Интересный факт, — проговорил комиссар-два. — Демидова ведь эфаналитик...

Интрасенсы переглянулись.

— Что ты этим хочешь сказать? — мысленно спросил Баренц.

— Пока ничего, — так же мысленно ответил Аристарх. — Пытаюсь размышлять. Забава что-то затеяла, она не любит проигрывать. Боюсь, придется ждать неприятностей и с этой стороны. Вот что, поищи-ка ты по своему консорт-каналу, не мешая оперативникам ГО, на Земле, да и в Системе тоже, не пропал ли кто-нибудь еще за это время — три дня?

— Понял. — Баренц вышел из зала, бросив взгляд на черную пропасть виома со светящимся роем «планет» Конструктора.

Ратибор, поймавший этот мгновенный пси-разговор, хотел спросить, что имеет в виду Железовский, но передумал.

Полчаса прошло в молчании; тишина в зале нарушалась только редкими зуммерами автоматов и не менее редкими запросами командиров погранпостов. Потом вернулся Баренц.

— Поиск продолжается, но уже сейчас обнаружено, что исчезли физик-фридманолог Гонза Данеш из отдела Вакулы, он работал в последнее время с Валдманисом, инженер-молектроник Салахетдинов, мастер-механик БС Тимошин и начальник лаборатории эфанализа ИВК Коста Сахангирей.

— Что это может означать?

— Не знаю. По сути — это готовая обойма риска, научно-инженерного риска, и задачу они могли себе поставить любую — от разработки способа уничтожения Конструктора до тихого бегства из Системы. Впрочем... — Баренц подумал. — Первое вряд ли осуществимо.

— А второе вряд ли обоснованно, — буркнул Железовский. — Твое мнение, охотник?

— Истина может лежать посредине, — брякнул застигнутый врасплох Ратибор и добавил с заминкой: — Спросите об этом Грехова, он знает все.

Железовский задержал на нем тяжелый взгляд, взвешивая серьезность ответа, прогрохотал:

— Вот ты и спроси.

Ратибор не успел выразить свое отношение к предложению, в зале прозвучала двухтональная сирена общей тревоги и раздался голос инка-координатора:

— Внимание погранвахте! Конструктор разделился на две части. Исследовательскому «кортежу» немедленно покинуть тревожную зону!

Вокруг Конструктора вспыхнула и погасла туча разбегающихся зеленых искр — корабли отвечали координатору по лазерной связи.

Трещина, разделившая тело Конструктора, стала заметней. Меньшая передняя, отделившаяся его часть, пошла вперед быстрей, превращаясь в идеальной формы багрово светящееся веретено, внутри которого запульсировала по всей длине, то увеличивая свечение, то затухая, изломанная линия. Впечатление было такое, будто все стотысяче-

километровое веретено насквозь пробивает исполинская молния.

Ратибор заметил, что с каждой вспышкой веретено уменьшается в размерах, как бы съеживается, и лишь по реплике инка стало понятно, что наблюдается эффект сверхбыстрого разгона веретена. В таком темпе не мог набирать скорость ни один из земных, не только пилотируемых аппаратов, но и автоматических кораблей — защита позволяла это сделать, но «мешала» структура вакуума, его полевое «наполнение», эффекты квантовых взаимодействий.

Буквально за несколько секунд отколовшаяся часть Конструктора развила скорость от двухсот десяти километров в секунду до двухсот тысяч и скрылась от наблюдателей — зонды не могли держать такую скорость, а когги догнали веретено не сразу.

— Он продолжает наращивать скорость! — доложил координатор. — Механизм ускорения непонятен...

— Он не может наращивать ее вечно, — перебил говорившего Железовский. — Максимум — скорость света, вряд ли ему удастся обойти законы н а ш е й физики, и все же — сколько ему понадобится времени, чтобы достигнуть Земли?

— Два часа с небольшим, — последовал ответ инка, просчитавшего с помощью подключенных вычислительных комплексов все варианты, — если он и дальше будет двигаться со скоростью нижнего предела взаимодействий. Но вектор его движения совпадает не с Землей, а с Марсом.

Железовский нашел глазами Ратибора.

— Бери «Перун» и — кенгуру к Марсу! Ориентируйся по ситуации. Всеобщую эвакуацию начинать поздно, попытайся переправить на Землю женщин и детей, остальные пусть найдут убежища и спрячутся на время. Я дам «полундру». Ни пуха...

Ратибор молча выбежал из зала.

Спейсер погранслужбы «Перун» опередил посланца Конструктора всего на пятьдесят две минуты.

«Полундра», переданная Железовским в эфир, уже действовала, и примарсианская зона представляла собой разбуженный рой пчел, а сам Марс — растревоженный муравейник: все, что могло улететь с поверхности планеты за пределы атмосферы, загружалось людьми и отправлялось по вектору к Солнцу, подальше от Марса; марсианская

система метро захлебнулась, и наиболее нетерпеливые торопились пытать счастья в бегстве традиционным способом. Прибывшие на «Перуне» могли наблюдать длинную «пулеметную» очередь коггов, транспортно-грузовых модулей, драккаров, нефов, туристских гондол, уносящуюся в космос от «обкусанной планеты». Где-то на расстоянии в миллион километров готовились к ее перехвату идущие к Марсу со всех сторон Системы вместительные спейсеры аварийно-спасательной службы. Машины пограничников тоже участвовали в эвакуации, появляясь и исчезая прямо с городских площадей, как призраки, хотя спасательные операции в их функции входили последними.

Ратибор дал в эфир сигнал общего сбора и, пока спейсеры выходили в район рандеву, с помощью инка ГО уточнил обстановку. На вопрос: кто дал команду к общей эвакуации? — координатор коротко ответил: паника. Остановить ее было уже невозможно, не стоило и пытаться, поэтому Ратибор, подумав — этого следовало ожидать, — предоставил событиям развиваться по сценарию, предложенному жизнью.

Со времени рождения Конструктора Марс, потеряв треть массы и перейдя на более удаленную от Солнца орбиту, уже не мог эффективно удерживать атмосферу и тепло на поверхности, но тем не менее люди продолжали ее обживать, строить купольные города и поселки, и население планеты составляло около семи с половиной миллионов человек. Эвакуировать их всех за столь короткий срок было, конечно, немыслимо, однако спасательная служба включилась своевременно и мощно, и был шанс подготовиться к пришествию Конструктора должным образом, оставив ему почти безлюдную планету. Те, кто не успевал покинуть Марс, в основном операторы энергетических и производственных комплексов, должны были спрятаться в подземных убежищах с надежной защитой.

— Оператора по Марсу вызывает Грехов, — пробился сквозь тихие голоса оперативного фона голос инка. — Даю прямую связь.

— Берестов, проверь Великую Марсианскую Котловину, — раздался голос Грехова. — В ней не должен остаться ни один человек. Если там есть метро — отключи. Как понял?

— Это приказ? — спросил Ратибор.

— Не теряй времени на выяснение несущественных деталей, за людей внизу отвечаешь ты. Действуй. — Грехов отключился.

Испытывая сложное чувство — неприязнь и недоверие пополам с восхищением и уважением — Ратибор дал команду эскадрилье «пакмаков» (двадцать пакетов — сто машин) и проследил, как их походная колонна разворачивается в веер десанта. Не верить Грехову в этих обстоятельствах он не мог, а спрашивать — в чем дело, почему надо обратить особое внимание на Великую Котловину — не хотел.

Через двадцать минут командир десанта доложил о выполнении задания, и Ратибор созвал минутный компьютерный совет. Выслушав предложения командиров спейсеров, дал команду выстроить флот клином навстречу посланцу Конструктора: двадцать спейсеров и семьдесят «пакмаков». «Перун», защищенный от многих космических катаклизмов, занял место на острие клина.

Транспортная суматоха в примарсианской зоне постепенно затихала, эфир заметно очистился от радиошумов, только продолжали вспыхивать над городами Марса алые транспаранты тревоги.

Рядом с клином земных машин пространства вдруг высветился красивый перламутровый «букет» пушистых шаров, распался на отдельные «головки одуванчиков». Спейсер качнуло, как на волне.

— Серые призраки! — воскликнул молодой драйвер-прима «Перуна».

Один из километровых шаров — сквозь него просвечивало сплющенное Солнце — сделал петлю вокруг выстроившихся спейсеров, словно осматривал строй, и вернулся к восьми своим собратьям.

— Внимания не обращать! — жестко приказал Ратибор. — Всем императив «щит»! Наша цель — Конструктор.

— Оператора по Марсу вызывает Грехов, — снова вмешался координатор ГО. — Даю прямую линию.

— Где он сам?

— Координаты абонента неизвестны, — после двухсекундной заминки ответил инк.

— Берестов, что ты собираешься делать? — раздался голос проконсула.

— Спеть пеан[1], — угрюмо пошутил Ратибор.

— Только не начинай стрельбу. Примарсианье практически очищено от транспорта и обитаемых станций, так

---

[1] П е а н — в Древней Греции гимн в честь Бога или по случаю войны.

что жертв не должно быть. Наблюдай со стороны и ни во что не вмешивайся, тогда все будет хорошо.

— Что должно произойти?

— Увидишь. Но ни в коем случае не пытайся применить силу, ответ может последовать такой, что ни один ваш «щит» не поможет.

— Я не люблю действовать вслепую. Или договаривайте до конца или не мешайте работать.

Грехов не ответил, как обычно не обратив внимания на эмоции и тон собеседника, его это никогда не волновало.

— Чертов хомозавр! — донесся голос Демина, командующего спейсером «Урал». — Советовать легко... кстати, опер, включи канал на волне «сто семь», это любопытно.

Инк переключил каналы связи, и Ратибор услышал аккорды музыки, то хрустально-прозрачные, то грозно-торжественные, то маняще-зовущие, завораживающие душу и сердце...

— Что это? — прошептал командир «Перуна».

— По-видимому, эту мелодию передает Конструктор, он уже на подходе.

— Волшебство!..

— Шесть минут до подхода, — напомнил координатор по сообщениям машин наблюдателей, следующих за посланцем Конструктора. — Скорость остается прежней — почти световой!

— Так он врежется, чего доброго, точнехонько в Марс! — раздались голоса. — Первый, надо немедленно идти навстречу, попытаться атаковать и остановить.

Ратибор молчал, представляя, как у молодых пограничников «пальцы дрожат на гашетках», готовые освободить дикую и злую силу энергетического залпа. Командир «Перуна» развернул свое кокон-кресло и смотрел на него с нетерпением, ожидающе и взволнованно. Руки чесались, кровь кипела, и он жаждал действий.

— Отставить атаку, — произнес наконец Ратибор, преодолев приступ безволия, сковавшего горло льдом хрипоты. — Императив «щит»! Всем рассредоточиться над городами, население которых не эвакуировано. Ждать. Обеспечить силовое прикрытие городов. Огонь открывать только в случае прямой угрозы жизни экипажа. Как поняли?

Ответом была глубокая, изумленная тишина. Драйвер-прима «Перуна» потряс головой, словно прогоняя наваждение, и отвернулся, вспомнив обязанности командира спейсера. Эфир донес только чей-то одинокий возглас:

«Что он сказал?!.» — и все. Остальные пограничники, привыкшие к дисциплине, молчали.

Через минуту заработала система координации сил по новому распоряжению оператора тревоги, спейсеры и «пакмаки» стали покидать строй и чертить пунктиры траекторий к своим объектам прикрытия. «Перун» двинулся в путь последним, направляясь к Викингтауну, одному из крупнейших городов Марса, располагавшемуся вблизи хребта Границы Насыщения — границы Великой Марсианской Котловины.

— Впереди посланца Конструктора идет рой чужан! — сообщил координатор. — Около полусотни единиц. Может быть, это проводники?

— Примарсианье? — вместо ответа произнес Ратибор.

— Чисто.

— Спасательному флоту отойти по вектору Земли и ждать. Действовать только по вызову.

— Принял, — отозвался командир спасателей.

Ратибор вывел на аппаратуру кресла канал прямого визуального наблюдения — передачи шли с зондов и разного рода станций в примарсианской зоне — и стал ждать, считая секунды, невольно сжимаясь и напрягая мышцы.

Первыми в поле зрения видеокамер показались корабли чужан — невиданные шипастые «бублики» и ни на что не похожие куски «ноздреватого теста» размером с гору. Они разом затормозились у границы атмосферы Марса и очень быстро, почти мгновенно, выстроились в фигуру, напоминающую ажурный параболоид. К ним тотчас же метнулся серый призрак, словно растекся в ленту дыма, за ним еще один и еще, пока их «букет» не выстроился за чашей чужан в такую же, но большую по размерам. А затем показался разведчик Конструктора — гигантское копье голубовато-зеленого света, состоящее из мириад вспыхивающих и гаснущих звездочек.

Ратибор сжал зубы, сдерживая восклицание; казалось, сейчас копье вонзится в Марс, и ничто его не спасет, ни мощные машины погранслужбы, ни чашевидная ловушка чужан и серых призраков. Но случилось неожиданное: нелепые с точки зрения аэродинамики, четко видимые конструкции чужан вдруг расплылись в прозрачно-пепельные тени, и Ратибору показалось, что пространство... растрескалось! Все видимое поле обзора покрылось ломаными светящимися линиями, сложившимися в узор трещин, который напоминал больше всего лопнувшую корку такыра.

Впрочем, это были не линии и, конечно, не «трещины», а нечто вроде тонких световых стенок, разбивших пространство на отдельные ячейки и волокна. «Мыльная пена» — пришло на ум сравнение.

И все замерло, как в остановленном кадре: серые призраки, зонды землян, орбитальные станции и посланец Конструктора, словно застрявший в паутине. Длилось это состояние всего несколько мгновений, потом «мыльная пена» испарилась, тряхнув напоследок пространство так, что Марс отозвался серией землетрясений, все пришло в движение. Все — кроме копья Конструктора, на самом деле остановившегося в полумиллионе километров от «обкусанной» им когда-то планеты.

— Дьявольщина! — донесся хриплый голос Демина. — Они-таки его остановили!

В следующий миг «копье» собралось в шар, по сравнению с которым Марс выглядел пылинкой рядом с булыжником, потом шар этот растрескался и распался на груду отдельных светящихся блоков — тетраэдров, призм, кубов, октаэдров, каждый из которых по размерам немногим уступал Марсу. По нервам людей, наблюдавших за пришельцем, пробежала щекочущая волна непривычных ощущений, перехвативших дыхание, вызвавших кое у кого сердечные приступы и ухудшение зрения. Пси-атака была неожиданной и острой, и если бы она продлилась еще несколько секунд, люди неминуемо погибли бы от шумовых наводок в нервных стволах, расстраивающих нервную систему до шокового состояния.

Волна спала, спазм отпустил горло, Ратибор вытер выступившие слезы и глубоко вздохнул.

— Все живы?

— Нормально, — отозвался Демин. — Но ощущение не из приятных.

— Пси-защиту на максимум! Задача та же — отражение прямого нападения и ни шагу в сторону.

— Правильно идешь, опер! — хмыкнул кто-то знакомым голосом.

Ратибор не сразу сообразил, что это голос Грехова.

Конгломерат геометрических фигур, в который превратился разведчик Конструктора, начал расползаться грудой камней — так это выглядело со стороны. Один из языков «осыпи» потянулся к Марсу, другие поплыли слева и справа, словно пытаясь охватить планету со всех сторон. Ожидание неприятных сюрпризов превратилось в пытку. Напряжение, охватившее людей, достигло мак-

симума. Ратибор взмолился в душе, чтобы в рядах пограничников не оказалось ни малодушных, ни трусов, ни торопливых и нетерпеливых храбрецов.

Координатор переключил канал приема изображений с камеры на камеру, но везде было одно и то же; потоки и сгустки «обломков» правильной геометрической формы бродили в пространстве, заполнив примарсианскую зону, ухитряясь не сталкиваться друг с другом, но тем не менее успешно сбивая земные аппараты, станции и обезлюдевшие внеатмосферные заводы.

— Берестов, доложи свою оценку обстановки, — вдруг раздался спокойный бас Железовского; Ратибор даже оглянулся, показалось, что комиссар стоит где-то рядом, за спиной.

В нескольких словах передав новости, Ратибор снова замер, впитывая поступающую информацию и пытаясь угадать дальнейшие шаги Конструктора. Железовский выслушал его сообщение молча и не сказал в ответ ни слова одобрения, ни слова порицания, не дал ни одного совета. Просто ушел из эфира. Не запрашивали сведений и дежурные центра ГО на Земле, понимавшие, что изменить уже ничего нельзя и что оператор «полундры» в зоне Марса полностью принял ответственность за происходящее на себя.

Посланец Конструктора, превратившийся в скопление астероидов, продолжал расползаться во все стороны, бесцельно кружа вокруг Марса, рыская в поисках неведомо чего, создавая рои сложнейших конфигураций, облака, пояса, поля из твердых на вид блоков, словно состоящих из слюды и драгоценных камней. Создавалось впечатление, будто он не знает, что делать дальше.

На всех диапазонах царили странные звуки: скрежет подвижек горного льда, ломающихся айсбергов, сталкивающихся машин, грохочущего прибоя — сменились ровным белым шумом, который забил чуть ли не все каналы связи, и лишь изредка в этом шуме всплывал обрывок какой-то мелодии или странные трехзвучия — три чистых, следующих друг за другом ноты ре-ля-соль.

Прошел час, второй, ничего не менялось в пространстве.

Пограничники устали от ожидания и начали вести тихие переговоры. Ратибор их не одергивал, он сам не прочь был поговорить с кем-нибудь о странном поведении пришельца. И тут в действие снова вмешались серые призраки и чужане.

Новый отряд роидов, вынырнувший из «струны» мгновенного перехода, собрался над колоссальным астероидным облаком Конструктора (или под ним, смотря откуда поглядеть), построился в ажурный конус, принял в себя дюжину серых призраков и внезапно... сжался в точку! Словно провалился внутрь самого себя, сколлапсировал. И тотчас же ближайшие блоки тела Конструктора устремились к этому месту, уменьшаясь на ходу. За ними другие блоки, фигуры и рои, и так далее, и так далее, пока волна движения не распространилась на все гигантское облако, захватив даже Марс! Новая волна землетрясения пробежала по толстой коре древней планеты, меняя ее лик. Некоторые из городских куполов не выдержали встряски и рухнули, и лишь своевременная команда Ратибора, подвесившего над городами корабли погранслужбы, позволила тем вмешаться и предотвратить катастрофу. Без жертв обойтись не удалось, но в противном случае их было бы гораздо больше.

Облако «астероидов» продолжало неудержимо сжиматься, уменьшаться в размерах, сминаться, плавиться, извергать струи жемчужной пыли, испускать тонкие пучки света. Ошеломленные люди смотрели на эти метаморфозы с мистическим страхом, подспудно ожидая вспышки или взрыва, в результате которого исчезли бы не только Конструктор, но и увлекаемый жуткой силой притяжения Марс и, может быть, вся Солнечная система. Однако такая участь не устраивала, очевидно, и самого Конструктора, он наконец обрел самостоятельность, вспомнил, зачем сюда явился, и «напряг мышцы», останавливая сумасшедшее, спровоцированное чужанами сжатие.

Диаметр представителя Конструктора теперь не превышал сорока тысяч километров, хотя и этот «останец» был в семь раз больше Марса, а формой он стал напоминать плод каштана в колючей рубашке. Сквозь эту полупрозрачную оболочку можно было наблюдать кипение какой-то раскаленной субстанции, светящиеся спирали вихрей, вспыхивающие огни и гроздья всплывающих из глубин «каштана» черных шаров.

Серые призраки облетели гиганта кругом, собрались в группу и сгинули. За ними, посчитав задачу выполненной, исчезли оставшиеся корабли чужан.

Означало ли это, что опасность миновала? Люди этого не знали; никто их не предупреждал, отбоя тревоги не объявлял, советов не давал, молчал и Грехов, и пограничники продолжали в напряжении ждать развития со-

бытий, сжигая нервную массу в топках самоконтроля и выдержки. Ждали наблюдатели, ученые, оставшиеся на Марсе специалисты, спасатели. Ждали руководители ГО на Земле, члены Совета безопасности и Всемирного координационного совета. Ждали все люди на Земле и в Системе. Ждал Ратибор, отключив свои личные переживания и сосредоточившись на поиске вариантов выхода из ситуации.

Час истек, ничего не изменив в положении вещей.

А затем командир «Перуна» выслушал мысленный шепот своего корабельного инка и с недоумением посмотрел на Ратибора.

— К вам гость.

— Что? — не понял Ратибор. — Гость? Кто?

— В нашем отсеке метро задержан странный тип, назвался Анатолием Шубиным, хочет поговорить с вами.

Ратибор почувствовал, как неприятно отозвалась на сообщение интуиция. Шубин был К-мигрантом, и появление его на спейсере ничего хорошего не предвещало.

— Пропустите.

В зал в сопровождении парней из обоймы подстраховки вошел среднего роста плотный большеголовый человек с неподвижным равнодушным лицом. Отыскал глазами оператора тревоги, передал образ — палец, прижатый к губам, мысленно произнес:

— Прошу прощения за беспокойство. Я Шубин. Момент не совсем подходящий, но пробиться по связи к вам, а тем более к руководству ГО очень сложно, а дело не терпит отлагательств. У нас есть сведения, чем занимается группа под руководством председателя СЭКОНа Забавы Бояновой.

— Чем? — так же мысленно спросил Ратибор.

— Расчетами и строительством экспериментального образца «абсолютного зеркала».

— Зачем?

— Я думаю, вы знаете зачем: остановить Конструктора. Что может усилить его шок и привести к необратимым последствиям. Вы рискуете спровоцировать...

— Не теряйте времени на тривиальные пояснения. Где они работают?

— Этого мы пока не знаем, но узнаем.

— Кто входит в группу?

— Молодые физики, математики, фридманологи, инженеры, эфаналитики... Анастасия Демидова, например.

Ратибор встретил абсолютно спокойный взгляд Шубина; у К-мигранта действительно в глазах было не по одному, а по два зрачка.

— Спасибо, мы учтем. Как вы думаете, зачем Конструктор направил к Марсу разведчика? Или посла?

— Спросите у Грехова, — вслух ответил К-мигрант не вежливо, но и не грубо. — Может быть, для того, чтобы погрустить у колыбели? — Повернулся и вышел, не потеряв ни грана своей холодной невозмутимости.

— Что он хотел сказать? — прищурился командир «Перуна». Будучи интрасенсом, он уловил эхо пси-разговора, но смысла не понял. — При чем тут колыбель?

— Марс — колыбель Конструктора, — ответил Ратибор медленно; ответ вдруг родился во всей своей простоте и очевидности. — И он, наверное, просто захотел навестить свою родину.

— Ты прав наполовину, опер, — донесся тихий голос Габриэля Грехова, неизвестно каким образом вклинившегося в сеть «спрута». — Я снимаю свой контроль, действуй дальше сам.

И стало совсем тихо.

Только через шесть часов посол Конструктора перестал кружить вокруг Марса, водя его за собой на поводке притяжения, сопровождая свое кружение грохотом землетрясений и горных подвижек, сбив суточный ритм вращения, измучив людей ожиданием непредсказуемой беды. И наконец приступил к делу, то ли заранее рассчитанному, то ли рожденному в результате долгих раздумий или эмоциональных потрясений.

Сначала он разделился на две неравные части и некоторое время плыл по орбите в таком виде. Затем меньшая его часть потеряла блеск и прозрачность, потускнела, превратилась в расплавленную жидкую каплю диаметром около трех тысяч километров и стала формироваться в остывающий на глазах конус. Через час конус вылепился окончательно, остыл до багрового свечения, приобрел плотность каменной массы и вдруг двинулся к Марсу, постепенно ускоряя ход.

Первой реакцией Ратибора, утомленного сверхнапряжением и неизвестностью, было решение попытаться уничтожить приближавшуюся громаду на подходе к Марсу, но потом он проследил вектор движения конуса и остановил в горле готовый вырваться приказ.

— Чего ждем? — подал голос Демин. — Опоздаем с выпадом.

— Мы не пикадоры, — бросил Ратибор сквозь зубы, — а это штука — не бык для корриды. Следите за финалом, по-моему, «обкусанной» планете возвращают съеденный бок.

Трехтысячекилометровый конус преодолел расстояние до Марса и, не замедляя движения, точно шар в лузу, воткнулся в воронку Великой Котловины. Удар был столь мощен, что Ратибору показалось — Марс не выдержал, раскололся, окутавшись чудовищными вихрями песка и пеленой пыли. Однако толстая кора планеты выдержала, хотя долго не утихала, колеблясь наподобие камертона, доразрушая все то, что строили люди и что не было еще разрушено. По краям влипшего в породы Марса конуса вспыхнула плохо видимая сквозь пыль белая полоска пламени. Содрогнулись горные страны, трещины разорвали колоссальные пики и вулканы, низвергли их в пропасти; новые и новые толчки возвели на месте великих каньонов свежие горные вершины, раскололи равнины на плиты, засыпали долины обломками, превратили уголки дикой всхолмленной местности в ровные площадки...

Пыль, поднятая внезапным ударом, осела через сутки, и взорам людей предстал изуродованный новым катаклизмом лик Марса. Конструктор вернул то, что когда-то взял для строительства своего тела. И снова разрушил все, что создали люди за сто лет до его нового пришествия.

Спасательные операции начались сразу же, как только произошло столкновение конуса с планетой, и жертв почти не было; пограничники и спасатели действовали молниеносно, да и идти на помощь им было недалеко, расчет Ратибора, когда он рассредоточил флот над городами, оправдался.

Посол Конструктора не стал ждать завершения своей «благородной» миссии, он повернул к патрону сразу после падения «заплаты» на место «укуса». Никто не гнался за ним, не спрашивал — зачем он это сделал. Ни у кого не возникло даже тени чувства мести, люди были ошеломлены, ошарашены, испуганы и восхищены одновременно, медленно приходили в себя, продолжая тем не менее свои прерванные дела и принимаясь за чистку примарсианской зоны от обломков своих космических сооружений, разбор завалов и восстановление городов на поверхности Марса, строительство временных поселков и монтаж энергостанций.

Ратибор стоял на гладком черном монолите и смотрел на странную остроконечную гору впереди, выраставшую из-за горизонта сверкающим ледяным пиком высотой в три с лишним десятка километров. Черное вещество под ногами практически не отражало свет, и казалось, что не стоишь, а висишь над пустотой, над внезапно распахнувшейся космической бездной. Иллюзия не пропадала, даже если человек пробовал монолит рукой или шагал по нему, ощущая неподатливую твердь. Это была «заплата», закупорившая Великую Марсианскую Котловину, которую создал когда-то в теле Марса Конструктор. Физики еще только приступили к исследованию вещества «заплаты», и «спрут» не мог оперировать достоверными данными. Единственное, что стало известно с достаточной точностью — масса «заплаты» оказалась больше массы «откушенного» куска, и сила тяжести в районе бывшего Великого кратера теперь чуть ли не в два раза превышала природное тяготение Марса.

Ратибор машинально топнул ногой, чтобы убедиться в реальности существующей под ногами опоры, и оглянулся: черная равнина, гладкая, как стекло, и в то же время совершенно не бликующая, не дающая глазу никакой визуальной информации, уходила за горизонт, и потому казалось, что человек висит головой вниз к центру полого шара с едва светящимися фиолетово-синими стенками, шара, имеющего открытый выход в космос. Портила это впечатление только сверкающая гора на другом краю горизонта, похожая на ровно отрезанный кусок льда. Торчала она точно в центре «заплаты», и быстрые на клички исследователи уже окрестили ее Ручкой Крышки, но Ратибору не надо было копаться в памяти, чтобы найти аналог этому пейзажу, он сразу узнал, на что похожа форма «заплаты»: именно таким рождался и рос на Марсе Прожорливый Младенец-Конструктор.

— Пошел полевой контроль, — донесся сквозь тихий говор оперативного эфира голос координатора. — ЭМ-диапазон в пределах нормы, но радиационный фон выше естественного природного на два порядка. Рекомендую всем работающим на «Крышке» заклеиться в защиту. Предельное время нахождения без последствий в указанной зоне — полчаса.

— Оформить распоряжение, — очнулся Ратибор. — Включить в глоб-контроль меры по обнаружению монополей и кварковых кластеров, и до тех пор, пока Примарси-

анье не будет очищено от «шлаков» Конструктора, движение не открывать.

— Принято к исполнению, — ответил координатор.

Не оглядываясь, Ратибор поспешил к стоящему («висящему») неподалеку драккару. Дежурство погранфлота у «залатанной» планеты, как отныне стали называть Марс, перешло из чудовищной по нервному напряжению и ответственности формы тревоги в спокойную стадию, и Ратибор без сожаления снял с себя полномочия оператора. Не отдохнув и минуты, он появился в зале спейсера «Клондайк», будто вернулся из обычного профилактического рейда по «злачным местам» Солнечной системы.

Железовский, прибывший на спейсер чуть раньше, встретил его взглядом исподлобья и кивнул на свободное кресло; он всегда был скуп на похвалы, давая подчиненным понять, что иного от них не ждал. Только дежуривший с комиссаром Баренц потихоньку показал безопаснику большой палец.

По залу бродили знакомые звуки: грохот движения горных ледников, гулкие удары растрескивающихся от столкновений айсбергов, металлический скрежет сталкивающихся машин, гул прибоя. Этот шум внезапно сменялся музыкальными аккордами, странными, вызывающими ассоциации неумелого робкого прикосновения к музыкальным инструментам. Впечатление было такое, будто кто-то учится играть на скрипке, пианино, валторне, саксофоне и флейте... одновременно!

— Это его музыка, — пояснил Баренц, уловив недоумение Берестова. — Не Конструктора — посла. А вот передача самого хозяина.

В зал хлынула чистая, светлая, волшебная музыка, способная заставить плакать и смеяться любого человека — в зависимости от его состояния, слушать ее можно было вечно...

Тишина в зале не сразу привела Ратибора в чувство, он продолжал переживать музыку, вызывающую в мозгу плывущие сказочные видения, и хотел слушать еще и еще.

— Установки «ничейной полосы» на готовности, — пришло сообщение дежурного инка. — По решению Совета безопасности пассажирское космоплавание по Системе полностью прекращается двадцать второго июня в шесть часов по среднесолнечному.

— Время подхода Конструктора к полосе? — спросил Железовский.

— Сутки.

Баренц и Ратибор переглянулись.

— Что полевой контроль? — спросил Ратибор вполголоса.

— Кварковые струи и «карманы» монополей продолжают появляться в основном в кильватере, по Системе они не разбрызгиваются. — Баренц перешел на мысленный диалог. — Однако нервы у ребят на тральщиках гудят, как провода.

— У ксенологов ничего?

— На все их попытки Конструктор отвечает музыкой, ты ее слышал, адекватного ответа нет. Если верить информации Грехова, пресапиенс все еще в шоке и нас не слышит. Может быть, принципиально непознаваемые явления все-таки существуют, и Конструктор — одно из них? Где ты видел проконсула в последний раз? Нужен его совет. Если через сутки Конструктор не остановится, мы будем вынуждены включить все смонтированные вакуум-резонаторы в «ничейной полосе».

— Он против этой идеи, — угрюмо ответил Ратибор, обращаясь прежде всего к Железовскому: тот слышал разговор, но не реагировал. — Правда, мне кажется, Габриэль не очень-то обеспокоен, иначе уже действовал бы. А если наши энергетические выпады для Конструктора — что щекотка для Геракла?

Железовский фыркнул, покосившись на разговаривающих. Баренц улыбнулся, покачал головой:

— Геракл, боящийся щекотки — нонсенс. Видит Бог, я тоже против мира с позиций силы, но и я не вижу выхода.

— Выход есть, — с тем же угрюмым спокойствием возразил Ратибор. — Вы сами сформулировали его с Греховым: милосердие! «Добрость», как выразились чужане. Просто и изящно, как и все великое... и почти невыполнимое для человечества в целом. Наверное, действительно выход для нас всех в создавшемся положении — ожидание. Вместо того чтобы осуждать Конструктора, упрекать и ненавидеть, надо просто попытаться понять его, представить, почему он поступает так, а не иначе, может быть, тогда и наступит прозрение?

— Ты еще скажи, что Конструктор — посланец Бога, если не сам Бог, и ниспослан человечеству в качестве кары за прошлые прегрешения, — прозвучал по каналу «спрута» чей-то злой голос.

— Кто это сказал? — поинтересовался Железовский.

— Кобра погранслужбы Грие, — бесстрастно ответил координатор.

Баренц снял на секунду эмкан связи:

— Это друг Тршеблицкого, не надо его трогать, парень переживает, а оперативник он хороший.

Железовский некоторое время раздумывал, потом отсоединил себя от кресла и поманил Ратибора:

— Пошли поговорим без свидетелей.

Но выйти из зала спейсера они не успели. Навстречу из коридора вышли двое в серо-голубых кокосах погранслужбы. К-мигранты Анатолий Шубин и Патрик Ловер. Несколько мгновений длилась немая сцена; в памяти безопасников еще свежи были воспоминания былых схваток с этими «представителями Бога» в Солнечной системе. Потом Ловер шагнул вперед и произнес безо всякого выражения:

— Сеть связи «спрута» нам неподконтрольна, поэтому мы вынуждены беспокоить вас визуально. Нами получена информация о местонахождении группы Бояновой и о роде ее деятельности.

Железовский покосился на Ратибора, напрягшегося, как перед прыжком.

— Продолжайте.

— Учеными группы решена проблема «абсолютного зеркала», и в настоящее время они, инженеры, механики, монтажники и эфаналитики, заняты строительством экспериментального образца.

В зале после этих слов наступила тишина, которую спустя несколько секунд нарушил комиссар-два:

— Данные проверены?

Напарник Ловера сунул руку в карман (Ратибор напружинился, готовый и в самом деле прыгнуть на него), достал пуговку видеокассеты и протянул Железовскому:

— Здесь весь путь нашего поиска от расчетов до физической реализации, а также координаты базы. Группа использует в качестве базового «гиппо» древнюю станцию болидного патруля и материально, энергетически и транспортно независима.

Железовский взял видеокассету и стремительно вернулся к креслу, бросил кассету в открывшийся на ручке кресла пенал приемника. Оперативный виом воспроизвел ВЦ Академии наук, работающих в кокон-креслах К-мигрантов, но комиссар не стал смотреть всю запись, в бешеном темпе прогнал ее за минуту и остановил кассету, лишь когда в виоме появилось розовое светящееся пятно в перекрестии визирных меток: в данном районе пространства находилось нечто закапсулированное силовым

полем и потому практически невидимое глазу, но не аппаратуре.

Железовский побарабанил пальцами по спинке кресла, выключил проектор и молча проследовал к выходу из зала.

— Что вы собираетесь делать? — остановил его Шубин.

— Это моя забота, — глухо ответил комиссар.

— Ошибаетесь. Конструктор подойдет к станции не позже, чем через час, и если там включат установку «абсолютного зеркала»... Если вы сейчас же не примете меры, то их примем мы...

К-мигрант не договорил — Железовский схватил его за пояс и бросил к стене так быстро, что тот не успел среагировать. Пролетев по воздуху метров семь, Ловер грохнулся о стену и буквально сплющился от удара, оплыл на пол желеобразной массой, еще раз наглядно проиллюстрировав значение слова «нелюдь». Второй К-мигрант, Шубин, бросился к Железовскому и нарвался на тот же прием (движение комиссара невозможно было зафиксировать глазом, а тем более отразить). С той же силой, врезавшись в стену рядом с Ловером, тело Шубина тоже деформировалось, хотя и в меньшей степени, однако через мгновение оба они были на ногах и ответили мощным шумовым пси-ударом, от которого Ратибор едва успел закрыться, хотя в голове загудело, как от удара дубиной.

— Аристарх, — негромко прозвучал в тишине зала голос Баренца, — успокойся, Аристарх.

Железовский, глыбой нависший над К-мигрантами, медленно повернул голову к председателю Совета безопасности, и Ратибор содрогнулся, увидев белые от ненависти, беспощадные, бешеные глаза Аристарха.

— Убирайтесь, — так же тихо продолжал Баренц, обращаясь к гостям. — Мы примем все необходимые меры.

К-мигранты молча повернулись, равнодушные к нюансам разговора и эмоциям людей, исчезли в коридоре.

Глаза Железовского погасли. Пробормотав: «Прошу прощения», — он, сгорбившись, последовал за гостями. И только теперь Ратибор понял, насколько велик груз усталости комиссара, если железный «роденовский мыслитель», не терявший самообладания ни при каких обстоятельствах, не сумел сдержаться.

А через минуту в зал ворвался Габриэль Грехов, соединявший лед и пламя, мысль и действие, точный расчет и безумие риска.

— Где он?

— Вы о ком? — Баренц повернул к нему кресло.

— Где комиссар?

— Направляется в транспортный отсек, — ответил Мартин, инк спейсера, являющийся по сути настоящим хозяином корабля.

— Черт! Мы действуем лучше, нежели мыслим[1]. Остановите его!

— А в чем дело?

— Она же убьет его!

— Кто?! — Баренц еще ничего не понял, зато понял Ратибор.

— Вы говорите о Забаве? Думаете, он направится туда?

— Да не думаю, — с досадой отмахнулся Грехов. — Они уже включили свое «абсолютное зеркало», хотя оно и не абсолютно. Если Аристарх, не ведая, что оно включено, врежется в него...

Ратибор выбежал из зала, зная, что делать дальше. В запасе у него оставалось две-три минуты.

Он успел в последний момент, когда люк в корме дежурного «пакмака» готов был встать на место. Нырнул в уменьшающуюся щель и через несколько секунд вынырнул в ребристой гондоле рубки с двумя кокон-креслами. Перед креслом драйвер-примы уже пульсировал голубой лучик света — сигнал готовности инка и аппаратуры к действию. Железовский, собиравшийся сесть в кресло, оглянулся на «звук мысли», который ворвался в рубку раньше Берестова; смотрел тяжело, склонив голову набок.

— Берестов? Чего тебе?

— Не делайте этого шага, Аристарх. Я понимаю, чем он вызван, однако...

— Вряд ли понимаешь. Что еще?

Плита люка сзади Ратибора бесшумно закупорила выход.

— Надо поискать другой путь... иной выход...

— Нет времени, у нас всего час, даже меньше. Если у тебя больше нет предложений, уходи.

Стена гондолы беззвучно лопнула, открывая выход.

Ратибор покачал головой, шагнул вперед, протягивая руку между креслом и плечом комиссара.

— Аристарх, меня послал Грехов... которому я все-таки верю... не знаю почему. Он... не советует вам идти к базе, это... верная гибель.

---

[1] Вовенарг.

У Железовского шевельнулись желваки, глаза вспыхнули угрожающим блеском. Сократились чудовищные, проступающие даже сквозь ткань кокоса мышцы, рука поднялась вверх и встретила руку Ратибора. Напрягся и безопасник; темная, слепая, грозная сила поднялась в нем, как вода в док сквозь открывшиеся шлюзы. И все же Аристарх был сильнее: медленно, но без остановок и рывков, как гидравлический поршень, его рука оттеснила руку Ратибора.

— Иди, сынок. — Железовский погасил свечение кожи на лице. — Делай свое дело и оставь мне мое.

— Вы погибнете...

— Она снимет «зеркало».

Комиссар сел в кресло, положил тяжелые руки на подлокотники, из которых выползли серебристые язычки датчиков контроля состояния, прижались к бедрам, животу, груди. На голову надвинулась блестящая сетка-еж эмкана.

— Уходи!

Вместо ответа Ратибор повернулся и сел в соседнее кресло, запеленавшее его, как и комиссара до него.

— Вперед!

— Уходи, я сказал!

— Там Настя, Аристарх.

Железовский мгновение смотрел на него хмуро, недоверчиво, пристально, потом молча отвернулся.

Плита люка встала на место, превратив стену в единый монолит, свет в рубке погас. Включился канал связи с инком спейсера, прозрели «экраны» — включились видеокамеры «пакмака», передающие сигналы напрямую в мозг пилотам.

— Ноль! — шепотом отдалось в ушах.

Ушли вниз, исчезли стены ангара, распахнулась необъятная «пещера» космоса, своды которой искрились алмазной пылью звездных скоплений. Справа вынырнула яркая желтая звезда — Солнце. Сквозь переклик автоматов и скороговорок технического сопровождения в уши пробился голос Баренца:

— Аристарх, на вызовы станция не отвечает. Предлагаю таран автоматами или беспилотными модулями, может быть, они опомнятся?

Железовский молчал. Отсчет продолжался, «пакмак» готовился к переходу на «струну», выводящую корабль в район станции с установкой «абсолютного зеркала». Вместо комиссара ответил Ратибор:

— Разберемся на месте.

— Что?! — В голосе Баренца прозвучало изумление. — Кто это говорит? Аристарх, ты не один? Где Берестов?

— Все в порядке, Ярополк, — сказал Ратибор. — Давайте «коридор», времени в обрез. Габриэль... еще не ушел?

— Стартует следом.

— Я слушаю тебя, опер.

Ратибор представил, как Грехов улыбается, проглотил горький ком в горле. Ответная фраза прозвучала сухо и резко:

— Ничего, уже не надо.

Железовский покачал головой, и в это время «пакмак» начал кенгуру. Свет перед глазами Ратибора собрался в точку, проколол голову, вошел в каждую клетку тела и обжег пятки так, что показалось, будто они задымились. Мягкий толчок в сердце, вызвавший его сбой, утихающее болезненное ощущение внутри желудка — и голос инка в голове:

— Кенгуру по координатам в пределах нормального разброса. Объект впереди в пределах радарной видимости. Судя по ответному эху, станция закрыта полем, на сигналы не отвечает.

— Продолжай вызывать, они должны нас если не слышать, то хотя бы видеть. Скорость сто, подходи в лоб.

— А если они нас не слышат и не видят?

— Узнаем, когда подойдем вплотную.

Инк «пакмака» включил разгон.

— Остановитесь, Аристарх, — послышался тихий голос Грехова; его драккар вышел вслед за кораблем Железовского с точностью до километра. — Они закуклились не обычным полем, а экраном «абсолютного зеркала». Вы не сможете приблизиться к станции и останетесь ли живы... я не знаю. Через двадцать минут здесь будет Конструктор, уходите.

— Мы успеем.

— Не упрямься, Аристарх, — присоединился к проконсулу встревоженный Баренц. — Если вы не попадете в станцию, столкнетесь с Конструктором.

— Но прежде он столкнется с «зеркалом», и допускать этого нельзя. Оставьте ненужные словоизвержения, други.

Баренц умолк, как и Грехов.

Станция приближалась, хотя увидеть ее можно было только радарным зрением, да и не ее, собственно, а силовую оболочку, которой она была окружена. Оболочка имела форму бабочки: километровое продолговатое тело, от которого отходили два гигантских, не просматривае-

мых радарами, зеленовато светящихся перепончатых крыла — экраны «абсолютного зеркала».

Когда до бабочки осталась всего минута полета, в рубке «пакмака» прозвучал невыразительный голос Забавы Бояновой:

— Аристарх, поворачивай, мы нашли решение и не отступим. Если Конструктора наше «зеркало» не остановит, его не остановит ничто.

— Пропусти меня, — сказал Железовский. — Я хочу быть с вами.

— Это невозможно.

— Со мной Берестов, Забава. Впусти нас.

Ратибору послышался чей-то тихий вскрик, после которого наступила звонкая оглушающая тишина. Все разговоры в эфире разом смолкли, будто перестала работать связь.

— Поворачивайте, Аристарх, — снова проговорила Боянова после паузы; голос у нее был надломленный, хриплый. — Мне контролеры не нужны. Пора умных разговоров прошла, наступила пора действий. И прошу вспомнить, что за нашими спинами Земля...

— Вы же убьете их, амазонка! — вклинился в диалог угрюмо-рассерженный Грехов. — Или вам необходимо добиться цели любой ценой? Какие чувства затмили ваш разум?!

— Что вы знаете о чувствах, проконсул? И о моей цели тоже? Какое вам дело до Земли и людей, ее населяющих? Может быть наконец скажете, чего добиваетесь вы?

— Забава, — прогремел голос Баренца, — с каких пор ты стала обладать монополией на истину? И на чужую жизнь?! В ы к л ю ч и п о л е!

До столкновения с коконом поля вокруг станции оставались секунды, Ратибор посмотрел на Железовского и встретил его ответный взгляд, в котором сомнение боролось с решимостью и мучительной болью: комиссар думал не о себе и скорее всего даже не о спутнике, он думал об удивительной женщине, решившейся на жестокий шаг ради спасения — она была абсолютно уверена в этом — ради спасения других людей.

И в это мгновение раздался чей-то близкий рыдающий крик:

— Ратибор, я снимаю поле, быстрее!

«Бабочка» «абсолютного зеркала», мигнув, исчезла, обнажив двухсотметровый цилиндр станции болидного патруля. «Пакмак» метнулся к нему и вспыхнул электричес-

кой короной аварийного торможения, погасив свою скорость только у горла раскрывшейся причальной шахты...

Ворвавшийся вслед за комиссаром в пост управления станцией Грехов увидел немую сцену: в окружении смущенных молодых парней две женщины, Настя Демидова и Забава Боянова, плакали на груди у Ратибора и Железовского. Однако у Габриэля не оставалось времени на выяснение причин слез, Конструктор был близко, следовало убрать станцию с его пути.

Кто-то из парней попытался остановить Грехова у кресла, но встретил его взгляд и, вздрогнув, отступил.

Станция тяжеловесно развернулась и, наращивая скорость, устремилась прочь из этого района, к которому неумолимо приближался Конструктор, сопровождаемый группами роидов, серых призраков и флотом погранслужбы.

Забава перестала плакать, в сопровождении молчавшего Железовского вышла из помещения поста. Оставшиеся в посту переглянулись, не зная, что делать дальше, стесняясь смотреть на Ратибора и Грехова.

Но Аристарх через минуту вернулся, нежно погладил по спине Настю, все еще прятавшую лицо на груди Ратибора, однако обратился не к ней, а к толпе:

— Кто из вас Гонза Данеш?

Из группы молодых выступил невысокий голубоглазый юноша с нежным пушком на щеках, виновато улыбнулся.

— Неужели вы до сих пор не поняли, к чему могло привести столкновение Конструктора с вашим «зеркалом»?

Юноша залился румянцем, у него даже уши вспыхнули.

— Не ругайте его, Аристарх, — неожиданно вмешался Грехов. — Он талантливый физик и смог решить проблему «перевертыша» чужан практически один.

— Это не освобождает его от ответственности за последствия его открытия.

— Парень работал по заданию председателя СЭКОНа. — Грехов вылез из кресла, глядя на окно центрального виома, в котором появился оранжевый сосуд, наполненный светящейся зернистой икрой, — Конструктор. — Что снимает с него все обвинения в превышении полномочий, — повернулся к Железовскому. — Отговорить Совет безопасности не применять ваши излучатели в поясе астероидов я не могу, но предупредить считаю долгом: как только Конструктор пройдет зону вакуум-резонаторов, на Земле вспыхнет паника, подготовьтесь к этому заранее. И еще:

«Общество по спасению Конструктора» формирует отряд добровольцев, который вылетит с Земли навстречу пресапиенсу с «миссией доброй воли». Они попытаются проникнуть внутрь Конструктора, и работы у вас прибавится. Думайте, что можно и нужно сделать. Я ухожу и вряд ли смогу помочь вам в дальнейшем.

Грехов помолчал, по очереди оглядев лица Аристарха, Ратибора и Насти, смотревшей на него, широко открыв глаза, в которых все еще стояли слезы.

— А может быть, еще и увидимся. Вспоминайте меня.

Проконсул усмешливо подмигнул Ратибору, повернулся и словно растаял в воздухе, только ветер прошелестел по залу.

Через несколько секунд драккар Грехова отстыковался от станции и метнулся в ночь, моментально исчезнув из поля зрения ее локаторов.

— Забава теперь меня возненавидит, — прошептала Настя на ухо Ратибору, хотя думала о другом.

Железовский услышал шепот.

— Нет, девочка, все правильно. Каждый из нас способен ошибаться, даже самые «непогрешимые» руководители, ошибается и Забава. — Железовский вдруг усмехнулся. — Если бы ты не опередила ее, она сама выключила бы поле.

Брови у Насти поднялись.

— Вы думаете, что она?..

— Уверен. Неужели ты считаешь, что Забава не смогла бы тебе помешать?

Анастасия растерянно посмотрела на Ратибора, стоявшего с ничего не выражавшим лицом, будто разговор его не касался, потом снова на Железовского.

— Не знаю... наверное, могла...

— Зато я знаю. — Комиссар кивнул всем присутствующим и двинулся к выходу.

— Мне с вами? — мысленно спросил его Ратибор.

— Побудь с Настей, пусть успокоится. Через два часа встретимся в Центре-I на Земле.

Связь «спрута» принесла три длинных ноты: ре-ми-соль — сигнал общего внимания, затем раздался незнакомый гортанный голос, пересыпанный свистящими обертонами:

— Дивно гремит Бог гласом своим, делает дела великие, для нас непостижимые[1].

---

[1] Книга Иова, 37,5.

Голос исчез в нарастающем хрипе, со щелчком наступила тишина.

— Кто это сказал? — опомнился Железовский, застыв у выхода из помещения, где застала его странная передача.

— Обладатель сообщения не идентифицируется, — после паузы ответил координатор «спрута». — Передача не пеленгуется, сигнал возник в системе связи спонтанно.

— Может быть, это чужане шутят? — предположил далекий Баренц. — Или К-мигранты?

— А если сам Конструктор?

— Вряд ли, если бы он способен был так шутить, давно установили бы с ним прямой контакт.

— В таком случае задание лингвистам и ксенопсихологам: срочно разобраться в послании и дать рекомендации.

Аристарх вскинул руку, прощаясь, шагнул за порог, исчез.

— Идем, — разжал губы Ратибор, беря Настю под руку.

— Куда?

— На Землю. Габриэль, наверное, прав, все сейчас решается там, даже судьба Конструктора, хотя представить это трудно. Интересно, что он хотел сказать своим «мы не встретимся»?

Анастасия вздрогнула, хотела что-то сказать, но передумала, а Ратибор был занят своими мыслями, и поэтому мысль девушки прочитать не смог.

За три часа до подхода Конструктора к поясу вакуум-резонаторов стало известно, что из Систем исчезли все чужане. Не только их чудовищные «корабли», за исключением одной «морской раковины», но и отдельные рои и особи. За ними ушли из-под наблюдения и серые призраки.

Безопасники восприняли это бегство как предупреждение очередного и, быть может, последнего катаклизма и срочно созвали совет для решения одной-единственной проблемы: что делать? Дискуссия длилась долго — почти пять часов, а потом дискутировать стало некогда, Конструктор подходил к границам «ничейной зоны», за которыми его ждали изготовившиеся к бою установки вакуум-резонансных излучателей.

Ратибор не участвовал в совещании, он сопровождал Настю домой.

Они избрали кружной путь — через метро тревожной линии попали сначала на спейсер «Клондайк», стерегущий Землю в составе второго погранфлота на расстоянии в миллион километров от нее. Земля отсюда виделась голубоватым пятнышком света, и Анастасия невольно прошептала:

— Господи, какая она маленькая!..

Ратибор не ответил. Ему было холодно и одиноко, несмотря на близость любимой женщины, потому что за ее пережитыми страхом и болью прятались неуверенность и смятение, рожденные тревогой за судьбу Габриэля Грехова, и факт этот не подлежал сомнению. Что он означал для него лично, Ратибор анализировать не хотел, но тщательно скрывал от девушки свое настроение и мысли. Она же, занятая своими переживаниями, скорее всего воспринимала его ровное поведение как нечто само собой разумеющееся, хотя и мало соответствующее обстановке.

Линия метро «Конунга» вынесла их на Луну, в парк Геограда, откуда они перепрыгнули в Новосибирск. И первое, что поразило обоих, — большие группы людей, молча вслушивающихся в речи ораторов, молодых и старых, мужчин и женщин, одинаковых в своем стремлении донести до слушателей свои мысли и переживания. Это были не только члены Всемирного координационного совета, психологи и социологи Академии наук, но и лидеры неформальных и общественных организаций, писатели, известные деятели искусств, актеры, художники и просто люди, почувствовавшие ответственность за жизнь на Земле как за свою собственную. Видимо, слова Баренца и Грехова, прозвучавшие в передаче всемирного информвидения, не пропали даром. Зерна сомнения в правильности курса «защиты до последнего патрона», посеянные в благодатную почву, взошли и уже давали свои плоды: люди начинали думать, взвешивать свои действия и чувства, и все меньше оставалось таких, кто на появление К-гостей отвечал пальбой или криком страха.

По дороге к дому почти не разговаривали. Настя перестала дрожать и шла задумчиво-рассеянная, опираясь на твердую руку Берестова. На широте Новосибирска стоял полдень, солнечный и тихий, воздух был напоен ароматами начала лета, природа звала отдохнуть, и не хотелось думать ни о чем зловещем, и только лица попадавшихся на пути прохожих заставляли сердце биться в прежнем ритме заботы и тревоги.

Ратибор не стал заходить к Анастасии, а она не стала его приглашать. Оба все понимали без слов.

— Берегись, опер, — тихо сказала девушка на прощание, не отвечая на его поцелуй, — еще не все закончено... и нет уверенности ни в чем. Обещай мне выполнить одну просьбу.

Ратибор посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, чего она хочет, сказал медленно, как Железовский:

— Обещаю.

— Найди Габриэля... где хочешь, но найди. И передай... — Она подумала. — Передай ему, что он ошибается, он — не изгой, ты понял?

— Я понял. — Губы едва двигались, и разжимать их приходилось силой. — Он не изгой. Прощай. — Он повернулся, чтобы уйти, но Анастасия задержала его, положив руку на плечо, повернула лицом к себе.

— Не делай далеко идущих выводов, опер. Может быть, Габриэль на самом деле — дитя вечности, как он однажды выразился, но это мы превратили его в хомозавра, которому не место среди людей. Он одинок сто лет! Одинок, как... Конструктор, а одиночество — худшая из мук не только для любого из нас, но и для него тоже.

Ратибор принудил себя улыбнуться.

— Почти по Маркесу — сто лет одиночества[1].

— Господи, как вы не похожи! — вырвалось у Анастасии. — Иди, Ратибор... и возвращайся.

Ратибор поцеловал ее в ладонь и пошел через лужайку перед домом к оставленному пинассу. Время, отпущенное ему комиссаром, кончалось, и он был почти рад, что прощание оказалось коротким. Буря в душе улеглась, сменившись холодной решимостью и трезвой оценкой своего положения. Настя просила найти Грехова, он согласился. Она сказала: не делай выводов, — и он не стал их делать. Остался пустяк — найти проконсула и выяснить, почему он «дитя вечности», почему он не изгой и что собирается делать дальше.

Забава Боянова пришла к ней в половине десятого, когда по общеинформационной программе новостей «Время» передавали сообщение о заседании Совета безопасности и о реакции Конструктора на решение не применять излучатели квагмы в зоне пояса астероидов.

Настя, одетая в пушистый, подчеркивающий ее стройность халат, молча отступила в сторону, приглашая не-

---

[1] Название романа Габриэля Гарсиа Маркеса.

жданную гостью в гостиную. Забава, уже коротко подстриженная, еще более похожая на мальчика, тонкая, загорелая, так же молча передавала ей сумку с бутылкой шампанского «Амброзия».

Они сели в удобные кресла, выбрав по вкусу форму, и дослушали передачу. Последним по данной теме выступал комиссар-два отдела безопасности Железовский, и Забава даже подалась вперед, будто хотела дотронуться до него. Заметив взгляд Анастасии, председатель СЭКОНа вздохнула, расслабляясь, и грустно улыбнулась.

— Ничего не попишешь, я люблю его.

— Я думаю, мы не ошиблись, «разминировав» «ничейную полосу», — говорил Железовский своим глубоким, потрясающим басом. — Давно пора было сломать стереотипы «священной защиты очага», применяемые нами везде, где ситуация неформальна. Защита отечества — это мера выживания, но она необходима лишь в том случае, когда к нам идут с мечом! А если это просто усталый путник стучится в двери? Странник, заболевший в пути, гость? Задумывались ли вы, почему Конструктор «подремонтировал» Марс? Ведь никто его не просил, он сделал это с а м, по с в о е й воле, сообразуясь со с в о и м и законами и нормами этики и морали, которые в данном случае оказались почти равными нашим. Значит, взаимопонимание все-таки возможно?

— Он не прав, — тихо сказала Забава, блестя покрасневшими глазами, — и все же я люблю его. Если все закончится благополучно, он уйдет из отдела. У него хороший дублер — твой Берестов. — Она помолчала. — Никогда не думала, что ты решишься атаковать компьютер, чтобы тот выключил поле.

— Я тоже не думала, — призналась Настя, зябко вздрагивая. — Вы не сердитесь?

Забава покачала головой.

— За что? Нет, конечно, не сержусь, все правильно, девочка, за любовь надо драться серьезно, а Ратибор достоин глубокого чувства. Ты любишь его?

Настя кивнула с едва заметной заминкой. Боянова внимательно вгляделась в нее, нахмурилась.

— Что, есть еще претендент? Грехов?

Хозяйка опустила голову, проговорила глухо:

— Нет, здесь другое... я знаю Габриэля уже десять лет... наверное, он любит меня... и он одинок...

Боянова покачала головой.

— И ты до сих пор не выбрала?

— Выбрала. — Не поднимая головы, Настя встала и вышла из комнаты, вернулась через несколько минут с бокалами, открыла шампанское.

Женщины подняли полные бокалы с искрящейся рубиновой влагой.

— За них, — коротко сказала Боянова.

— Конструктор заставил нас пересмотреть шкалу ценностных ориентаций, — заканчивал свою речь Железовский, — разбудил фантазию, заставил искать свежий «взгляд из пещеры собственных представлений» на мир, и мы открыли новые пейзажи дивной красоты и оценили картины, полные пещерного ужаса. Да, человечество — это сложнейший механизм, исключающий управление из единого центра, хотя и поддающийся общественному контролю, но история хранит примеры, когда оно вынуждено было действовать как единый организм, чтобы выжить! Я рад, что мы поняли наконец: появление Конструктора — это именно такой случай, и что выжить можно, лишь о б ъ е д и н и в д у ш и!

В углу комнаты вдруг шевельнулся полумрак, сформировался в кисейное дышащее облачко с мелкими искрами внутри. Чем-то это облачко напоминало фигуру Конструктора.

— К-гость! — тихо воскликнула Настя, глядя то на облачко, то на Забаву; она помнила реакцию Бояновой на появление «призраков».

Забава оглянулась, прищурясь, окинула взглядом «скулящее» в пси-диапазоне «привидение», и под ее взглядом облачко превратилось вдруг в голого ребенка, похожего на Железовского. Ребенок сучил ножками, пускал пузыри и улыбался...

— Хочу ребенка, — почти беззвучно прошептала Забава, застыв в кресле. Лицо ее разгладилось, смягчилось, потеряло твердость и буквально засветилось от нежности. Но длилось это недолго. Забава вдруг заметила, что по щеке Насти поползла слеза. Поставив бокал на пластинку столика без ножек, она махнула рукой «привидению»: изыди, сатана! (К-гость исчез) — и пересела к Насте ближе, обняла за плечи.

— Кажется, у нас не все в порядке с внутренним эго. А еще называем себя сильными женщинами. Хочется разорваться надвое?

Настя кивнула и, всхлипнув, заревела в голос. Забава прижала ее голову к груди, с удивлением заметив, что плачет тоже...

Зал земного центра ГО был полон людей, стоявших парами и группами по три-пять человек. Центральный виом показывал уже несколько приевшуюся картину — пульсирующий алыми, оранжевыми и желтыми огнями овал Конструктора в окружении плывущих по спирали вокруг него россыпей зеленых и голубых звездочек, составляющих ровные геометрические фигуры-созвездия — треугольники, квадраты, пятиугольные сетки, — это шли корабли земного флота.

На панелях оперативного обмена информацией чуть ниже поля виома творилось тихое светопреставление: вспыхивали и гасли сотни и тысячи цифр, знаков, символов, ползли строки сообщений, запросов, ответов, команд, формул, извивались кривые графиков, плавно изменялись линии схем и чертежей, проступали сквозь черноту цветные картинки топологических расчетов и бледнели, пропадая, загорались красивейшие «цветы» вариаций вакуумных состояний.

Ратибор наметанным глазом выделил интересующие его сведения: атаки конвоев — связок чужан с серыми призраками — на Конструктора прекратились, в Системе теперь остались считанные единицы тех и других. Кроме того, перераспределение масс в Солнечной системе продолжалось, хотя и медленнее, чем прежде, из-за того, что Конструктор на три порядка уменьшил свою массу, но восстановить прежний порядок было уже невозможно, и даже «ремонт» Конструктором Марса не мог возродить его первозданной естественности.

— Вот когда пригодился бы Т-конус, — сказал стоящий впереди долговязый юнец в роскошном серебристом кокосе службы общественного контроля. — Надо предложить Совету перенести его к Земле.

— Вряд ли это осуществимо, — пробурчал его собеседник, мощный старикан с гривой выгоревших и седых волос. — Т-конус — не игрушка, это махина массой в миллионы тонн!

— Ухлопали столько средств на его монтаж, и без толку.

— Ну, не совсем без толку, он будет использован в качестве экспериментального полигона К-физиков... если человечество уцелеет. Только и он вряд ли помог бы. Конструктор — не комета, не сгусток пыли и щебня, он — разумное существо, и ловить его Т-конусом не одно и то же, что ловить сачком шмеля.

— Но ведь он нас не понимает, не говорит ли это об его ограниченном интеллектуальном потенциале?

— Говорят, он болен... А если и нет? Он не понимает нас, но и мы не понимаем его. Поймем ли когда-нибудь?..

Ратибор отошел от беседующих, поискал глазами Железовского и протолкался к нему сквозь толпу.

Комиссар-два разговаривал с председателем ВКС Эрбергом и комиссаром-один Юнусовым, вернее, слушал, что говорили они. Ратибор вынужден был ловить момент, когда можно было бы подойти, не перебивая собеседников.

— ...не поддаются описанию, — говорил Эрберг. — Типичное отсутствие смысла. О чем, например, говорит фраза: «Дивно гремит Бог гласом своим, делает дела великие, для нас непостижимые»? Кто ее произнес? Зачем?

Ратибор понял, что речь идет о звуках-фантомах, продолжающих бродить по глобальной системе связи «спрута». Ученые предложили гипотезу, что связные, но не имеющие прямого разговорного смысла фразы — это проявление эффекта «наведенной разумности» в самой системе связи, соединяющей сотни компьютеров и творческих коллективов, но существовали и другие гипотезы, единого мнения не было.

— Меня сие волнует мало, — сказал Юнусов. — Один отряд «добровольных послов» мы задержали, но могут быть и другие, а поиски этих других отвлекают нас от основных забот. Всеобщей паники не наблюдается, но локальные очаги все же нет-нет, да вспыхивают. К тому же продолжаются попытки захвата станций метро. Силы сектора на пределе.

— Ну, а вы почему не плачете в жилетку? — Председатель ВКС повернул голову к Железовскому. — Нет проблем?

— Есть, — громыхнул голосом комиссар-два.

— Какие?

— Жизнь и смерть... добро и зло... проблемы вечные.

Хакан Рооб хмыкнул, глядя на Железовского с интересом и удивлением.

— М-да, вечные, вы правы. А конкретно?

— К-мигранты. У них свои каналы сбора информации, а может быть, и связь с чужанами и серыми призраками, и хорошо бы узнать их точку зрения на происходящее, а так же выяснить, чем они занимаются.

— А разве вы не знаете, чем они занимаются?

Комиссар-два глянул исподлобья.

— Выясняем.

— Сделать это не просто, — вмешался Эрберг.

— Не знаю, это ваши заботы. Времени на размышления о полезности каждого подобного шага у нас нет, Конструктор подойдет к Земле через шестнадцать дней.

Железовский наконец заметил стоящего поодаль Ратибора, спросил мысленно:

— Освободился?

— Обойдетесь без меня еще день-два? — вопросом на вопрос ответил Ратибор.

— Что ты задумал?

— Мне нужно найти Грехова.

— Зачем?

— Остались кое-какие личные вопросы.

Аристарх некоторое время молчал.

— Что ж, попробуй, сертификат «свободной охоты» еще действует. Не рискуй зря... хотя я сомневаюсь, чтобы у тебя вышло что-то путное. Ничего он тебе не скажет. Ни пуха.

— К черту!

Ратибор ушел, не оглядываясь, — боялся, что Аристарх передумает.

Пока добирался в управление, успел выслушать сообщение координатора ГО о продолжающихся «звуковых фантомах» в системе «спрута»; он и сам их ловил, не вникая в смысл фраз, принимая за чьи-то закодированные донесения, предназначенные командованию погранслужбы. Впрочем, может быть, это и в самом деле были кодовые доклады? Например, К-мигрантов — друг другу. Последняя фраза, которую запомнил Ратибор, звучала:

— Посему да благоговеют перед Ним люди, и да трепещут пред Ним все мудрые сердцем[1].

Конечно, это могли быть и шутки одного из не в меру остроумных пограничников, но Ратибор склонен был полагать, что шутками здесь не пахнет, а пахнет самой настоящей «компьютерной мистикой».

Побродив по кабинету, в котором он не работал практически со времени посольской миссии к Конструктору, Ратибор сел за стол и машинально, не думая, назвал телекс «домового» Насти. Спохватился, когда вио́м воспроизвел внутреннее убранство гостиной Демидовых и девушку, забравшуюся с ногами в кресло и глядевшую на него с некоторым недоумением. Поняв, что он забыл

---

[1] Книга Иова, 37,24.

включить «обратку» и Настя его не видит, Берестов успокоился, некоторое время разглядывал девушку, мысленно целуя руки, ноги, лицо, а когда Настя поняла, кто звонит и, слабо улыбнувшись, спросила: «Долго будешь молчать?» — выключил связь. Тут же набрал код Егора и сказал ему, взъерошенному, с мокрыми волосами и полотенцем в руках:

— Привет, шаман. По-моему, из речки ты не вылезаешь. Просьбочка одна имеется: смотайся к Насте, побудь с ней, тревожно мне что-то...

Егор вытер шею, вгляделся в Ратибора.

— Снова в дорогу?

— Вопрос не по существу. Я в дороге постоянно, независимо от Конструктора и других обстоятельств. Просто вижу впереди опасный поворот.

— Да уж, знаю я эти повороты, дороге твоей не позавидуешь — не прямая, точно укладывается в пословицу: «Ой ты, русская дорога, — семь загибов на версту». — Егор посерьезнел. — Хорошо, сделаю, не беспокойся.

Ратибор кивнул и, не поблагодарив друга — тот все понимал без лишних слов, — вызвал дежурного:

— Я Берестов, оператор «свободной охоты», сертификат ОБ-02-01. Примите команду полного подавления организационного шума. Примерная готовность канала?

— Две минуты, — ответил инк.

Ратибор вывел на стол оперативные каналы обработки информации и на минуту расслабился в кресле: столько времени требовалось компьютерам отдела на подготовку к «оптимизации источника беспокойства», коим стал безопасник, и «сведению нештатных задач к стандартному комплексу решений». В принципе мудрые формулировки разработчиков императива «свободной охоты» означали одно: компьютерные сети тревожных служб готовились к синхронной обработке приказов нового руководителя не в ущерб уже решаемым задачам.

— Координация достигнута, эфир чист, шум в пределах фона, — доложил дежурный.

— Прежде всего обеспечьте связь с координатором ГО, докладывайте каждые полчаса, что бы я ни делал. Приказ-один: в режиме экстравызова найдите в Системе проконсула Габриэля Грехова. Если через полчаса он не ответит, начинайте поиск. Данные об объекте поиска — информ ОБ, код сто сорок семь-двенадцать-восемьдесят.

— Принял.

— Приказ-два: освободите трек сети метро для немедленной передачи по моему вызову. Приказ-три: базы погранслужбы должны быть готовыми к посылу «пакмака» с полной упаковкой по вектору моего вызова. Приказ-четыре: выявить в Системе количество присутствующих в ней серых призраков и чужан.

— Принял.

— Пока все. — Ратибор вдруг поймал себя на ощущении, будто ему что-то мешает. Посидел немного, пытаясь разобраться в эмоциях и переживаниях, и, лишь преодолев приступ меланхолической отрешенности, понял, в чем дело: мозг как чувствительнейший камертон ловил псифон окружающих, не экранируемый стенами зданий, и отзывался на самую «громкую» эмоциональную ноту — ноту тревоги, подспудно усиливающуюся по мере приближения Конструктора.

Вспомнив, что с утра во рту маковой росинки не было, Ратибор отправился обедать. Сообщение дежурного застало его в конце трапезы, когда он не спеша цедил холодный брусничный напиток.

Вызовы Грехова по кодовой связи, специальным каналам «спрута» и открытым текстом ни к чему не привели, проконсул не отозвался ни на один сигнал. Не смогли пока определить его координаты и обоймы персонального розыска, хотя результатов ждать было еще рано, времени прошло совсем ничего, и глубокий поиск только начинался.

— Продолжайте, — бросил Ратибор, обмениваясь рукопожатиями со знакомыми безопасниками. — Что еще?

— В Системе обнаружены три транспорта чужан и один серый призрак, составляющие конвой, который идет впереди Конструктора и мигает.

— Что значит «мигает»?

— С частотой один раз в час конвой исчезает и появляется на том же расстоянии от пресапиенса спустя несколько минут. Куда он девается — неизвестно, но есть предположение, что конвой имеет определенный интерес к установкам вакуум-резонаторов в поясе астероидов.

— Основания?

— Возле установок дважды наблюдались объекты, напоминающие корабли роидов.

— Чего они там не видели?

Дежурный промолчал.

Ратибор поднялся к себе на седьмой горизонт здания и круто повернул обратно. Через несколько минут он вы-

шел из метро монтажной базы в поясе астероидов, дрейфующей рядом с одним из генераторов вакуум-резонанса. Дежурных «пакмаков» база не имела, и Берестов взял драккар пограничников, предъявив им сертификат «свободного охотника».

Вакуум-резонатор, или излучатель квагмы, представлял собой стометровый по длине и сорокаметровый в диаметре полый цилиндр, стенки которого были собраны из колючих шаров, напоминающих свернувшихся ежей, поэтому издали цилиндр казался пушистым, заросшим шерстью, мягким и живым. Один торец его заканчивался крестообразной насадкой, а в плоскости среза второго висел на растяжках черный конус острием наружу.

Ратибор облетел резонатор, вдруг каким-то девятым чувством оценив его скрытую, опасную и злую мощь; каждый из этих аппаратов мог одним импульсом разрушить небольшую планету вроде земной Луны, а установлено их было две с половиной сотни.

— Каким образом ориентированы резонаторы? — вызвал безопасник дежурного по зоне, вслушиваясь в обычные шумы оперативного эфира.

— Как спицы колеса велосипеда, — с готовностью отозвался инк. — Ось «колеса» направлена встречь Конструктору.

— Включаются резонаторы из единого центра или сами по себе?

— Включение синхронизировано, однако устройство контроля одно — «осьминог», на жаргоне инженер-операторов, торчит примерно в том районе, где должна быть «втулка колеса».

— Загадочные объекты наблюдались там?

— Да.

Ратибор сориентировался по мигающим приводным маячкам всей системы резонаторов и дал форсаж. Через восемь минут полного хода он затормозил у плоского кольца «осьминога», свесившего в пространство пучки «щупалец» — антенных жал. С помощью инка корабля нашел вектор, по которому ожидался подход Конструктора, толкнул драккар в ту сторону до скорости двух метров в секунду. Теперь оставалось только ждать, навострив «уши» локаторов. Ожидание могло составлять любой отрезок времени: от секунды до часа — если уж совсем не повезет, именно с такой частотой «мигал» конвой из оставшихся в Системе чужан и серого призрака.

— К-мигранты не заявлялись? — спросил Ратибор от нечего делать и услышал знакомый голос:

— Да их «пакмак» дежурит здесь постоянно. Хорошо хоть не лезут под ноги. Что ты здесь потерял, Берестов?

— ДД? — удивился Ратибор. — А ты что тут делаешь?

— Работаю сторожем этой красивой взрывчатой игрушки. — Демин рассмеялся. — Оберегаю от любопытных, как чужих, так и своих.

— Помощь нужна?

— Пока нет.

— Могу предложить небольшую экскурсию. Ребята приволокли любопытнейшую штуку.

— Что за штука? Откуда? Выкладывай.

— Физики запустили в кильватер Конструктора зонд с аппаратурой, а какой-то шутник впихнул в него ящик с шампанским. Зонд этот проплутал неведомо где — наблюдатели его потеряли, — и вынырнул недалеко отсюда, у станции болидного патруля. Наши парни наткнулись на него случайно и притащили на базу. Так вот, самое интересное из всего — не записи приборов, а бутылка с шампанским. Не пожалей полчаса времени, загляни.

— Хорошо, загляну позже. Если мое предположение верно, здесь скоро будет конвой, настройте свои гляделки.

— Что ему тут делать?

— Этот вопрос волнует и меня.

— Может быть, включить, пока не поздно, «полундру»?

— Подождите.

Разговор прервался на некоторое время. Потом Демин спросил:

— Говорят, ты ищешь Грехова?

— Да, он мне нужен. Заметишь случайно, сообщи дежурному.

Снова наступила тишина.

Конвой чужан появился в поле зрения через двенадцать минут, возникнув неожиданно перед медленно идущим кораблем Ратибора, буквально в нескольких километрах. Ударная волна «отрицательной» гравитации исказила очертания созвездий, растянула и сжала драккар по оси, заставила инк увеличить жесткость силовой защиты пилотской гондолы. Желудок Ратибора встал комом у горла, но сознания пилот не потерял, глядя на приближающийся объект сквозь крест визира.

Серый призрак — двухсотметровый белесый, почти прозрачный шар — шел впереди, а за ним почти вплотную

следовали уродливые, километровой длины, испускающие желтое и зеленое свечение, комлеобразные транспорты чужан. До столкновения с драккаром оставались какие-то мгновения, Ратибор напрягся, ожидая удара, не собираясь ни удирать, ни защищаться, когда серый призрак остановился. Мгновенно. Без тормозного пути. Словно уперся в стену.

Казалось, все вокруг застыло в томительном равновесии, примолк даже вечно шумящий радиоэфир, вылив на уши ведро тишины. Потом Ратибор включил передатчик драккара:

— Что вам нужно в этом районе?

И впервые на памяти свидетелей неудачных попыток контакта с призраками, находившихся среди наблюдателей, серый призрак снизошел до ответа:

— Мы оптимизируем траекторию движения Конструктора.

— Зачем?!

— Для того чтобы свести к минимуму изменения физических параметров Солнечной системы.

— То есть иными словами вы — проводники Конструктора? Лоцманы?

— В какой-то мере. Остановить его мы, к сожалению, не в состоянии, это может сделать только он сам, но уменьшить его влияние на экологию Системы — в наших силах.

— Разрушение планеты систем Урана, Нептуна и Юпитера вы называете «оптимизацией»? — вмешался в разговор кто-то из пограничников, тоже вслушивающихся в диалог.

— Разрушения имели бы гораздо больший масштаб и более тяжелые последствия. — Серый призрак был на удивление вежлив и терпелив. — Вопрос компетентным лицам: не могли бы вы за сутки переместить свои установки по вектору альфы Рыси примерно на миллион километров? Боюсь, Конструктор заденет их при прохождении.

— А обогнуть их он не сможет? — раздался тот же голос с ехидцей. — Если вы лоцманы — проведите свой «корабль» мимо нашей пристани.

— Гэг[1] эфиру! — бросил Ратибор. — Вы боитесь, что мы откроем огонь?

— Нет, — ответил неведомый собеседник серьезно, — не боимся.

---

[1] Команда запрета на радиопередачи от gag — кляп *(англ.)*.

— Мы уберем установки.

И тотчас же конвой исчез, будто его и не было. Волна возбужденных голосов и разного рода шумов обрушилась на уши Ратибору, схлынула, оставив шелест фона и голос Демина:

— Ты серьезно — о переносе генераторов? Ведь для этого надо постановление Совета...

— Надо — будет.

— О'кей. А вообще удивительно, что он с тобой заговорил. С чего бы это призраки нас зауважали?

Ратибор промолчал. У него в голове вертелся тот же вопрос. И слабое сомнение: не водил ли кто-нибудь его за нос, представляясь серым призраком? К-мигрант, например... или Габриэль Грехов. Впрочем, Грехов в такие игры не играет, он ведет игру покрупней...

— Так ты завернешь к нам? — напомнил Демин.

— Давайте пеленг, — вздохнул Берестов.

Исчерпав возможности отдела и погранслужбы в поиске пропавшего проконсула, Ратибор вернулся на Землю. Оставался последний шанс отыскать Габриэля — его личный коттедж с кабиной метро, незарегистрированной ни в транспортной инспекции, ни в секторе особого учета отдела безопасности.

Вспоминая встречу с серым призраком и странный светящийся сосуд, в котором трудно было узнать бутылку шампанского — Демин показал ее безопаснику дистанционно в камере с высокой изоляцией, — Ратибор позвонил Егору и поболтал с ним несколько минут о ничего не значащих вещах. О Насте не было сказано ни слова, и это означало, что с ней все в порядке и что она не спросила у «шамана», где его друг. Напоследок Ратибор рассказал Егору о шампанском.

— И ты знаешь, что там внутри бутылки?

— Ничего, — не дрогнув лицом, предположил учитель.

— Почти угадал, вакуум, пустота, так сказать, но вакуум не наш, трехмерный, а так называемый ложный, то есть тот, из которого родилась наша Вселенная! Этому вакууму более двенадцати миллиардов лет... если вообще для него существует понятие «возраст». Одну из бутылок открыли, и в зоне эксперимента образовалась «яма» с колоссальным гравитационным потенциалом, почти «черная дыра». Хорошо, что открывали в отсеке беспилотного «панциря», обошлось без жертв.

Егор пожал плечами, лицо его вдруг стало серьезным и даже мрачным.

— Как ты думаешь, чем все это кончится?

— Не знаю, — медленно ответил Ратибор. — Существует один-единственный человек, который знает.

— Проконсул Грехов.

Ратибор исподлобья взглянул на друга.

— Снова утечка информации?

— Логика, мастер, логика, хотя как член Совета я обязан знать все.

— М-да... — Ратибор с сомнением во взоре пригладил вихор на затылке. — То, что я опер «свободной охоты», знает только дежурный отдела, определить с помощью логики сей факт невозможно даже члену Совета.

Егор хитро прищурился, развел руками.

— У каждого свои возможности... логического аппарата. Может быть, я владею черной магией.

— Ну-ну... Встретишь Грехова, дай знать.

Ратибор выключил связь, но не успел покинуть здание управления, как по линии «спрута» пришло сообщение о глобальных трансформациях облика Конструктора. Отметив, как невольно сжалось сердце, безопасник бегом вернулся в кабинет и скомандовал инку включить прямую трансляцию передачи с места события.

Развернувшийся виом не мог отобразить всей масштабности и грандиозной необычайности происходящего, но Берестов знал истинные размеры Конструктора и мог по достоинству оценить это явление. Холодок жути струйкой протек по желудку, захотелось затаить дыхание и тихонько отступить в темный угол кабинета.

«Мешок с рыбьей икрой» — так выглядел пресапиенс с расстояния в двадцать миллионов километров — корежила и гнула какая-то внутренняя сила, превращая его в сгусток тающих лоскутов огня и жгутов дыма. Затем этот огненный вихрь растворился в усиливающемся фиолетово-сиреневом сиянии и превратился в набор вложенных друг в друга прозрачных тетраэдров: первый тетраэдр имел ребро в тридцать миллионов километров, второй вершинами упирался в середины граней первого, третий точно таким же образом был вписан во второй, и так до бесконечности, и все это напоминало фигуру, выдутую умельцами из мыльной пленки. Эта фигура продержалась неизменной около минуты, потом поплыла, как восковая свеча, и превратилась в куб, повторенный сам в себе неисчислимое количество раз.

Новая фаза трансформации: «суперкуб» превращается в «супероктаэдр», тот в свою очередь в более сложный многогранник, потом в еще более сложный, и длились эти «кристаллические» метаморфозы до тех пор, пока Конструктор не превратился в невообразимо сложную конструкцию, описать которую не взялся бы и математик.

Ратибор понял, что пресапиенс приходит в себя и «пробует тело», разминает «мышцы».

Головоломная конструкция в виоме продолжала плыть на фоне звездных россыпей, не меняя конфигурации, а потом внезапно исчезла!

Спустя секунду рация на волне трека донесла взрыв удивленных, испуганных и встревоженных восклицаний, и Ратибор поймал себя на желании вслух крикнуть что-нибудь вроде: диаволо!

Сигнал внимания подействовал на родившийся шум, как вода на угли костра, в наступившей шипящей тишине раздался голос инка:

— Конструктор ненаблюдаем только визуально, вероятно, закапсулировался, датчики отмечают пульсацию целого набора полей, в том числе и очень мощного пси-поля. По докладам наблюдателей, многие из них при исчезновении пресапиенса потеряли сознание.

Наступила пауза, дежурный отключил линию трека.

— Новости для меня есть? — через силу спросил Ратибор, глядя на темное пятно, ползущее по звездному бисеру; показалось, что из темноты на него внимательно посмотрел кто-то огромный и сильный, тяжелый, как горы, и непонятный, как знаки каббалы, и, проходя мимо, дружелюбно погладил его по голове...

— Новостей нет, — ответил дежурный.

Железовский не стал дожидаться очередного брифинга по режиму ГО, как называли совещания Совета безопасности с руководителями центров ГО, и дал команду отбуксировать установки вакуум-резонаторов за пределы коридора, по которому двигался Конструктор. Но хотя решение о свободном пропуске пресапиенса через Систему вырабатывалось коллегиально с привлечением всех существующих Советов от научных и социально-экономических до ВКС, да еще с согласия большинства населения Солнечной системы, душа у Аристарха была не на месте. Он не знал, впрочем, как и остальные руководители ГО и ученые, как поведет себя Конструктор при подлете к Земле и

что вообще можно от него ждать, и неизвестность мучила больней, чем точное знание о масштабах грядущей катастрофы.

Конструктор, наглядно продемонстрировав людям удивительные возможности К-физики с помощью мгновенной трансформации своего многомиллионокилометрового тела, спрятался за броней невидимости, и лишь приборы ловили гравитационное «дыхание» исполина, мчавшегося к Земле с неведомой целью. Однако уже сутки спустя, когда пресапиенс преодолел половину толщины пояса астероидов, вдруг обнаружилось, что нарушения равновесия в кружении планет, а также изменения в излучении Солнца, связанные с движением Конструктора, пошли на убыль! Это сообщение потрясло всех как гром среди ясного неба, послужив причиной радостных воплей у наиболее оптимистически настроенной части молодых ученых и ряда сердечных приступов у некоторых руководителей тревожных служб, умудренных опытом и знаниями истории.

Железовский, не вылезавший из кокона оператора ГО в зале спейсера «Клондайк», взволновался не больше, чем это сделала бы на его месте могильная плита, ибо его опыт тоже подсказывал ему, что делать выводы рано, и Баренц, поглядевший на комиссара из своего кокона, понимающе кивнул.

С каждым часом напряжение, владевшее всеми, возрастало, но не было человека, который мог бы это увидеть и оценить. Пружина непредсказуемого финала продолжала сжиматься, несмотря на прогнозы эфаналитиков и давние заверения Грехова, что «все идет как надо». Кому надо? — этот вопрос в сотый раз задавал себе Железовский и не находил ответа. Порой он жалел, что остановил Забаву, но вспоминал Ратибора, полного искренней веры во власть добра, слова Габриэля, тоже уверенного в себе, в своем знании, и сомнения ненадолго отступали. Баренц мыслил примерно теми же категориями и вопросов не задавал. Оба по сути перестали влиять на события, но в отличие от других руководителей четко понимали свое положение.

— Марс пошел к Солнцу, на прежнюю орбиту, — пришло сообщение от Савича. — Похоже, наш общий друг очнулся и занялся ремонтом Системы. Хотя на вопросы по-прежнему не отвечает.

Железовский промолчал. Он был уверен, что Конструктор или заговорит сам или не заговорит вообще. Слишком далек был пресапиенс от проблем рода хомо сапиенс, чудовищно далек! Предки этого существа некогда экспери-

ментировали со всем Космосом, ставя свои, не известные никому цели, и отличались от людей во много крат больше, чем те от первобытной амебы.

— Прошу разрешения подойти к нему поближе, — продолжал Савич, не дожидаясь ответа.

— Нет, — коротко сказал комиссар.

Даже на расстоянии в сто миллионов километров ощущалось пси-влияние Конструктора: людям казалось, что из «черного мешка» на них пытливо и настороженно посматривает н е к т о, напоминавший сфинкса. Только этот «сфинкс» был гораздо больше и опаснее своего египетского прообраза. Даже тем, кто наблюдал за Конструктором через аппаратуру зондов, то есть вторичных аппаратов, внушалось то же чувство «взгляда со стороны».

— Внимание, фантом! — предупредил инк.

Из шумов связи «спрута» выплыл квакающий голос:

— Если бегут по кругу, неизвестно, кто лидер.

— В самую точку, — усмехнулся Баренц, переглядываясь с Железовским. — А вообще оставляет неприятный осадок. Ведь если ученые правы и «звуковые фантомы» — следствие разумности, обретенной системой «спрута», то некому даже пожаловаться на безобразие. Может быть, наш уважаемый проконсул знает, как отключать «разумность» системы связи?

— К сожалению, проконсул играет в свои не понятные никому игры, — вмешался в разговор представитель СЭКОНа Уэда Токонага. — Похоже, его вообще нет в Системе в данный момент. А спросить не мешало бы. Правда, он интриган высшего класса и вряд ли ответил бы прямо.

Внезапно из черного пятна по центру виома, внутри которого прятался Конструктор, ударили тонкие лучики света — тонкие лишь издали, на самом деле толщина каждого была больше диаметра Земли.

— Девять... четырнадцать... девятнадцать, — сосчитал инк. — Судя по скорости, это не просто свет, а эффект переизлучения вдоль «струн», каналов перестроенного пространства.

Лучи погасли.

— Куда он светил? — спросил Баренц.

— Меркурий, Венера, Юпитер, Сатурн... «освещены» практически все планеты и крупные спутники.

— Последствия?

— Данных нет.

— Собрать немедленно! — Баренц сжал пальцы так, что они хрустнули, заметил взгляд соседа и успокаивающе поднял руку. — Не думаю, что последствия скажутся сейчас, но лучше убедиться.

— Оператору-два — кобра Демин, — раздался вызов. — По вектору Земля — Конструктор движется неопознанный объект. Разрешите абордаж?

— Не понял, — буркнул Железовский. — Что за объект? Роид? Серый призрак?

— Ни то ни другое. Размеры объекта — около трех километров в поперечнике, форма — клубок змей, из центра торчит особенно большая «змея с раскрытой пастью».

— Тогда это все-таки корабль чужан.

— В том-то и дело, что «клубок» сделан из стандартных материалов, используемых нашими космоверфями, и к тому же имеет ответчик «свой-чужой».

Баренц и Железовский переглянулись.

— Это Грехов, — сказал комиссар убежденно. — Демину: продолжать наблюдение, ждать прибытия спецпанциря. — Аристарх выбрался из кресла. — В нашем распоряжении около полутора часов до встречи. Я пойду туда сам, поработай в прикрытии.

— Черт! — пробормотал председатель Совета безопасности, когда стихли тяжелые шаги Железовского. — Откуда у него такая уверенность, что это проконсул? И если это Грехов, что он затеял, хотел бы я знать? И почему не предупреждает никого?

— Потому что он хомозавр, — сказал Уэда Токонага.

Ратибор вышел из метро и насторожился: дом Грехова был заполнен капельной тишиной и... угрозой. Причем угроза была не давешняя, застарелая и притупившаяся, а привнесенная кем-то, чужая дому и его хозяину. И гостям, добавил Ратибор мысленно, имея в виду себя. Сделав усилие, он «обнял» все помещения греховской «крепости» и отчетливо уловил «зерна пси-уплотнения»: в доме прятались несколько человек, пятеро, судя по «пси-дыханию», и все они были вооружены и представляли несомненную опасность для любых посетителей, хотя засада скорее всего предназначалась для хозяина.

Ратибор мог бы повернуть обратно, не вступая в конфликт, вызвать обойму оперативников отдела и спокойно ждать Грехова после выяснения отношений, тем более что засаду могли выставить и безопасники Юнусова, од-

нако такой путь при всех его достоинствах граничил с трусостью, и Берестов остался. Главное, что он знал твердо, среди гостей К-мигрантов не было, как он подумал вначале. Ну, погодите, «коллеги», подумал он с веселой злостью, я вам покажу игру в захват «языка», чтоб неповадно было!..

Выйдя в коридор, он определил положение противника и направился к гостиной, где прятались трое из «группы захвата», остальные находились на другом конце коридора, в кладовой. Экипированы они были неплохо, Ратибор сразу уловил «запах» спецаппаратуры наблюдения и даже засомневался — не окликнуть ли их и выяснить, какого они ведомства, но потом решил довести игру до конца.

Среди засадников интрасенсов не было, иначе Ратибор сразу засек бы их пси-сферу, но у них был генератор пси-излучения, в чем «охотник» убедился сразу, едва переступил порог комнаты: на голову вдруг обрушился «многотонный» шумовой удар такой силы, что безопасник едва удержался на ногах, отразив его и частично поглотив своей нервной системой, что было небезопасно из-за бионаводок, сбивающих работу сердца, легких и других важнейших органов тела. Видимо, мощность пси-нападения была рассчитана на Грехова, неизвестные хорошо знали его возможности, поэтому Ратибор несколько мгновений находился в состоянии грогги, получив натуральный пси-нокдаун. Посчитав свою задачу выполненной, все трое нападавших выбрались из углов, где прятались, тем самым сделав ошибку, недопустимую для профессионалов, — они не подстраховали себя на случай непредвиденных обстоятельств.

Одного из них Ратибор узнал — тот самый молодой физик, с которым он разговаривал после смерти Валдманиса и который потом влился в группу Бояновой для разработки «абсолютного зеркала». Остальные были ему незнакомы. Одетые в стандартные кокосы пограничников с компьютерными шлемами связи и наведения, парни подступили к Ратибору, держа «универсалы» на изготовку и разглядывая его с некоторой опаской и удивлением. Физик держал в руке еще и пси-генератор, похожий на большой толстоствольный пистолет с экранчиком на рукояти.

— Не он, — сказал кто-то разочарованно.

В следующее мгновение Ратибор выбил у физика оружие и генератор и прыгнул к двум другим парням, никогда не видевшим в деле интрасенса-оперативника службы

безопасности. Он пощадил их, отвесив каждому всего по одной оплеухе и отобрав оружие. Ошеломленные «засадники» поднялись с пола, держась за щеки и скулы, и попятились к стене гостиной, увидев зрачок «универсала». Ратибор повел стволом:

— Располагайтесь как дома. Вы тоже.

Физик и его друзья повиновались, усевшись на роскошный греховский диван. Ратибор прислушался к себе, внутренним зрением отметил, как по коридору бесшумно крадутся напарники обезвреженной троицы. Когда оба появились в проеме двери, он встретил их разрядом пси-генератора, усыпив почти мгновенно. Подобрал выпавшее из рук оружие, сел напротив троих, посмотрел на физика:

— Ну, и что все это означает, мон шер ами Гонза Данеш?

Физик облизнул пересохшие губы, поглядел на безмолвных товарищей, покачал головой, все еще находясь в ступоре. Откашлялся.

— Нам нужен проконсул...

— Зачем?

— Человечество доживает последние минуты, и мы хотели бы знать, какую роль в этом сыграл Грехов.

Ратибор усмехнулся:

— А разве такие вопросы обязательно задавать с оружием в руках?

Физик упрямо сжал губы.

— Иначе он не ответил бы, вы знаете его не хуже. Или вы с ним заодно?

Ратибор вздохнул, глядя на кучу пистолетов на полу, бросил в нее пси-генератор.

— Я тоже не прочь был бы задать ему несколько вопросов, но не таким способом.

— А кто вам мешает задать их? — раздался чей-то голос, и в комнату вошел невозмутимый Грехов в своем неизменном «монашеском» одеянии. Оглядел сидящую троицу, мельком посмотрел на двух лежащих парней у порога, прошел в гостиную и достал из шкафа, в который превратилась часть стены, огромную черную сумку, стал заполнять ее какими-то свертками и вещами. Что за гости, откуда, зачем пришли, почему двое из них лежат на полу — он не спросил.

— Потому что я это знаю, — отреагировал он пси-передачей на мысль Ратибора, вслух сказал: — Я вас внимательно...

— Пусть говорят сначала мои приятели, — мотнул головой Ратибор на притихшую «засаду». — Они пришла раньше. Смелее, коллеги.

Лидер компании оглянулся на друзей, заколебался, преодолевая какие-то внутренние сомнения, но смог взять себя в руки.

— Нам известно, что вы давно готовите Конструктору какую-то встречу. Чем вы хотите его встретить, если не секрет? Хлебом-солью?

— Да, чем-то в этом роде, — небрежно кивнул Грехов, продолжая собираться.

— А что собой представляет тот объект, который вы прячете в пространстве под коконом поля на орбите Марса, закамуфлировав его под оранжерею?

Грехов озабоченно полез в другой шкаф, повозился там, сказал глухо:

— Я его не прячу, он уже в пути. Черт, куда я ее дел? Была же здесь. Минутку... — Он вышел из гостиной.

Парни переглянулись и стали смотреть на Ратибора.

— Что за объект? — спросил тот быстро, мысленно вызывая дежурного.

— Знаю только, что наши ребята напоролись на него случайно, когда работали с «обкусанной планетой». — Данеш пожал плечами. — И как раз в тот момент, когда туда прибыл этот ваш... хомозавр. Забава сразу сообразила что к чему и подключила кого-то из кобр вашей службы, Макграта, если память мне не изменяет.

— Ну и?..

— Ну и он исчез... после чего мы и устроили здесь... засаду.

— Макграт уже дома в целости и сохранности. — Грехов стремительно вошел в комнату, невозмутимый, как и прежде. — Так что все в порядке.

— А кого вы прячете в рабочем кабинете?

— Никого. Это всего-навсего инк Диего, мой друг... Или вы имеете в виду чужанина?

Троица «суперменов» переглянулась.

— Та глыба в углу?..

Ратибор в это время получил ответ дежурного:

— Объект движется навстречу Конструктору, технологически не идентифицируется, энергетическая насыщенность относительно невысока, примерно равна энергонасыщенности стандартного спасательного спейсера.

— Не трать время на выяснение, — покосился на Берестова Габриэль. — Мне некогда, но рассеять твои

сомнения я успею. Итак, друзья, вы задали все вопросы?

— Нет, — нахмурился физик и напрягся. — Кто вы? И кто для вас Конструктор? И что вы собираетесь делать с нами?

— С вами — ничего. — Грехов закрыл сумку, подержал ее на весу, поставил. — Хотя вы, очевидно, имели в виду человечество, так? Удивительно, как это молодым людям в двадцать — тридцать лет удается заботиться о человечестве, в то время как они абсолютно не умеют заботиться о конкретных людях? В том числе и о себе. Отвечаю на первый вопрос: я — человек и в то же время хомозавр, как меня окрестили те, кто боится перемен, любых, а тем более изменений вида хомо сапиенс.

Проконсул сел в сформировавшееся под ним кресло.

— Отвечаю на второй вопрос. Конструктор для меня — иное мыслящее существо, травмированное прорывом в нашу Вселенную. К счастью, нам — с вашей помощью — удалось несколько поднять его моральный тонус, и он постепенно приходит в себя.

— Как это — с нашей помощью?

— С помощью всех людей, не вас конкретно. Люди — очень разные существа, настолько разные, что я даже засомневался, смогут ли они образовать все вместе «критическую массу добра», чтобы Конструктор воспринял ее и очнулся от шока. Впрочем, я до сих пор сомневаюсь. Самое интересное, что есть еще одно обстоятельство, которое почему-то никем не учитывается: Конструктор, по сути, — наш сын! Общечеловеческий. Ведь родился он у нас в Системе, и мы все как бы послужили для него коллективным отцом. Или матерью, не суть важно. Вот он и рвется домой, — Грехов грустно улыбнулся, — чтобы вдохнуть запах «родного очага». А мы его встречаем Т-конусом... вакуум-генераторами... излучателями бешеных мощностей... «абсолютным зеркалом»...

— Я не знал, — пробормотал Данеш, — не думал...

— А если бы узнали — поверили бы?

Молчание длилось долго.

— Вот видите.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Ратибор неприветливо, единственный из всей компании не потерявший способности к анализу обстановки и не позволявший себе расслабиться ни на мгновение.

Грехов посмотрел на него с неопределенным интересом, кивнул.

— Что это ты какой-то взъерошенный? Она что-то хотела передать?

— Да, — тяжело сказал Ратибор. — Два слова, что вы — не изгой.

Проконсул кивнул, будто не ожидал услышать ничего иного, лицо его на неуловимо краткий миг стянула гримаса внутренней — свирепой и давней — боли, и тут же к нему вернулся прежний вид, угрюмый и чуть ироничный.

— Что ж, спасибо.

— Кому?

— Ей. — У глаз Габриэля собрались веселые морщинки. — Тебе тоже.

— Это ответ? — Ратибор заметил, что у парней от любопытства глаза стали квадратными, но тут же забыл об этом.

— По запрашиваемому объекту объявлен императив «абордаж», — пришла информация от дежурного. — Время подготовки — полчаса.

Видимо, та же информация поступила и Грехову, потому что он машинально взглянул на мелькавшие в стене напротив цифры времени. Но он слышал и передачу Ратибора, хотя и не выдал своих чувств.

— Задержите разработку императива, — передал быстро Ратибор. — Найдите комиссара-два и передайте ему мой при... мою просьбу. Я все объясню.

— Это ответ, — сказал наконец Грехов. — Один из первых интеллектуальных компьютеров лет триста назад сочинил стихи: «Я тоже дитя вечности в пути без цели и конца»[1]. Так вот и я дитя вечности... и Конструктор. И путь у нас долгий.

— То есть... вы хотите сказать?..

— Да, мастер, я ухожу. С ним. Далеко. Искать тех, кто должен был появиться в результате эксперимента Конструктора с перестройкой вакуума. Помнишь, я говорил? Это правда, мы — побочные дети Конструкторов, а «настоящие», те, которых они ждали, где-то в глубинах Вселенной, их еще надо найти. Да и хочется посмотреть на иные пространства, Конструктор столько их перевидел... К тому же у нас много работы. По следу пресапиенса в нашу Вселенную «дышит» другая, и нам предстоит заняться этим всерьез. Надеюсь, нам помогут.

— Кто?

---

[1] Программа компьютеру была составлена английским кристаллографом Робином Ширли (XX век, 80-е годы).

— Такие же одиночки у себя дома, как и я. Не изгои, как ты изволил выразиться, именно одиночки... люди, наверное?

В коридоре раздались чьи-то грузные шаги, сотрясающие весь дом, уже знакомые Ратибору, и в гостиную вползла наполовину черная, наполовину блистающая металлом фигура — чужанин! Остановилась, по очереди «оглядев» всех присутствующих; Ратибор ощущал взгляд этого существа-колонии в «скафандре» своего пространства по пси-давлению, в спектре которого трудно было разобраться сразу.

— Сейчас идем, дружище. — Грехов встал. — Заберем с собой Диего и идем. Прощай, мастер. Если бы не Диего, мы бы уже не встретились.

— Диего — это... ваш домашний инк?

— Это мой друг, без него мне будет трудно.

Что-то прошелестело в коридоре, и за чужанином в комнату вошел еще один гость, с виду — обыкновенный человек в белом кокосе, с печатью озабоченности на лице, но Ратибору показалось, что земля вместе с домом вдруг зябко закачалась под ним, будто дом стоял на торфяном болоте и готов вот-вот провалиться в трясину; воздух стал ощутимо плотен, на уши навалилась душная глухота. Человек шагнул к Ратибору, знакомо прищурился, хотя Ратибор мог поклясться, что видит его впервые, и протянул руку.

— Здравствуй, крестник.

Ратибор невольно протянул свою и встретил крепкое рукопожатие.

— Это твой спаситель, — хмыкнул Грехов. — Узнаешь?

— Вряд ли он меня узнает, — улыбнулся незнакомец. — Разве что по внутреннему видению?

— Вы... серый призрак! — глухо проговорил Ратибор.

— А ты говоришь — не узнает. — Проконсул взял свою сумку. — Пока вы тут беседуете, я заберу Диего. — Вышел.

Однако в гостиной никто не торопился начинать разговор. Две минуты прошли в молчании, пока не вернулся Грехов.

— Порядок. Идемте, у нас уже не осталось времени.

И в этот момент в проеме двери показалась Анастасия.

В комнате повисла удивительная тишина: трое визитеров давно обалдели от удивления и сидели тихо, а чужанин и серый призрак вдруг перестали излучать в пси-

диапазоне (они разговаривали друг с другом, и очень интенсивно), замолчали.

— Уходишь? — тихо и спокойно спросила Настя.

— Да, — сказал Грехов с интонацией Железовского, оглянулся на всех, никого не выделяя. — Хотя кто знает, может быть, мы еще вернемся. Ведь истинный путь — всегда возвращение. Подождите минуту.

Они вышли.

Ратибор почувствовал звон в ушах, словно от пощечины, ноги стали ватными, воздух почему-то застрял в легких, а сердце перестало работать, превратившись в камень. Но длилось это недолго, воля вернула голове рассудок и телу жизнь, а ждать Ратибор уже научился.

Грехов отсутствовал ровно минуту, махнул рукой из коридора.

— Вперед, дети Вечности. Прощай, Берестов. Не хочешь с нами?

— Нет, — ответил Ратибор.

Чужанин, не поворачиваясь, затопал в коридор, скрылся за дверью рядом с метро, у него был свой канал транспортирования. Серый призрак подмигнул Берестову, потрепал его по плечу, бесшумно вышел и исчез, у него тоже был свой способ передвижения в пространстве. Грехов вошел в камеру метро, и дом опустел. И душа у Ратибора рванулась вслед за проконсулом... и вернулась обратно, потому что из кухни вышла задумчивая и грустная Анастасия.

— Ты?! — спросил Ратибор, глупея. — А он?

Настя подошла к нему вплотную, все видя и понимая, внимательно оглядела лицо, погладила по щеке, взяла за руку.

— Он уже не вернется, мастер. Поэты давно предусмотрели такие ситуации:

> И дважды в эту реку не войти,
> и нет пути к таинственным истокам,
> где Время спит, свернувшись в плотный кокон
> у Вечности на каменной груди[1].

Ратибор начал потихоньку соображать.

— Значит, ты остаешься?

И Настя не выдержала.

— Господи, какой ты тупица!

Трое «засадников» в немом изумлении смотрели из гостиной, как удивительной красоты девушка плачет и

---

[1] М. Катыо.

смеется одновременно на груди у оператора «свободной охоты» Берестова, стоявшего молча со странным выражением муки и счастья на лице...

Спейсер настиг «змеиный» объект в тот момент, когда впереди отчетливо объявилась область глухой черноты — Конструктор был уже близко, в пределах прямого визуального наблюдения.

— Что Берестов? — шевельнулся в кресле драйвер-прима Железовский.

— Не отвечает, — доложил координатор.

— Готовьте обоймы захвата: три «пакмака» в хвост, шесть — по граням, я по вектору движения.

— Пошла синхронизация!

— Внимание! Начинаю отсчет!

— Подождите, он остановился.

— Кто?

— Объект... и Конструктор!

Железовский помолчал.

— Тем лучше. Продолжаем...

— Отставить захват! — прозвучал сзади чей-то сдавленный голос, и в зал ворвался запыхавшийся Ратибор Берестов, почти бездыханный от бешеной гонки.

Железовский развернул кокон-кресло и молча посмотрел на своего подчиненного, перевел взгляд на вбежавшую следом Анастасию Демидову, снова уставился на безопасника:

— Представляешь последствия?

Ратибор кивнул, успокаивая дыхание.

— Представляю. И отвечаю жизнью. Конструктор очнулся окончательно. Он все рассчитал правильно, кроме наших реакций, когда решил пробиться в нашу Вселенную, он знал, что ему помогут, но не знал кто. Он и шел-то к Солнцу только за тем, чтобы мы его привели в чувство. Так что можем гордиться — мы смогли остановиться и спасти своего пасынка... А теперь они уходят.

— Кто это они?

— Одиночки. В каждом обществе есть одинокие люди... или существа, по разным причинам одинокие, хотя в нашем случае, как мне кажется, одиночество рождено превосходством: и Грехов, и чужанин, с которым мне довелось встречаться дважды, и серый призрак, с которым контактировал Грехов, все они по возможностям намного превосходят своих соплеменников. Похоже, они провоз-

вестники будущей интегральной расы Галактики и нашли друг друга не напрасно. Благодаря Конструктору. Не трогайте их.

— Внимание! — предупредил координатор.

Рядом с «клубом змей» — машиной Грехова — возникли два новых объекта: серебристое туманное облако и километровая «раковина» с шипами по раструбу — корабль чужанина. Потом все три объекта превратились в полосы света, протянувшиеся к черному провалу впереди, и растаяли без следа.

— Вспоминайте меня... — донесся чей-то далекий голос.

И вдруг перед глазами людей — или непосредственно в их мозгу? — возникла удивительная картина: обыкновенная проселочная дорога, уходящая в бесконечность, и шагающий по ней одинокий путник с котомкой за плечами; остановился, оглянулся. Его догоняли еще трое путников, один в черном, другой в белом, третий в сером, догнали, обнялись, и все четверо зашагали дальше. Ушли недалеко, снова остановились в немом удивлении: их догонял еще один попутчик — подросток в шортах, но в кольчуге и в рыцарском шлеме. Четверо подождали его, смеясь, сняли с него кольчугу и шлем, бросили на дорогу и двинулись дальше.

— Кто это? — прошептала завороженная Настя, имея в виду подростка.

— Наверное, К-мигранты, — ответил ей Железовский, вглядываясь в путников, пока те не превратились в точки и не растворились на фоне дороги.

— Вспоминайте меня...

Конечно, это было не так: глаза видели одно, непосредственно мозг, подсознание — другое: уходило из Системы, осторожно разгоняясь, исполинское разумное существо, которому невозможно было подобрать аналога, уходил монстр, унося в своем чреве былинки-корабли Грехова, К-мигрантов, чужанина и серого призрака, но миллионам людей, наблюдавших за исходом события, грезилась одна и та же картина: дорога света без конца и края и путники на ней...

Вспоминайте меня...

1980—1989 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Головачев В.В.

Г61 Реликт: Роман. В 3-х томах. — Т. 2. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 463 с.

ISBN 5-218-00082-5 (Т. 2)

Это остросюжетный фантастический роман-эпопея в шести книгах, показывающий развернутую панораму жизни человечества в двадцать втором — двадцать четвертом веках.

Начинается роман встречей землян с реликтовой формой жизни в космосе, спора которой сохранилась со времени рождения Вселенной, а заканчивается грандиозным противостоянием разумных Вселенных, в котором люди пытаются отстоять свое право на жизнь.

Это роман о мужестве и бесстрашии, просчетах и ошибках людей, об их любви и ненависти, безумии и надежде.

Это роман, воспевающий жизнь во всех ее проявлениях, о воспитании человека в экстремальных условиях, об отношениях людей с космосом и с теми, кто его населяет.

Это роман приключений, полный активного действия и философских размышлений о смысле жизни, отрицающий равнодушие к последствиям любого шага человека.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Василий Васильевич Головачев

РЕЛИКТ

Роман в трех томах

Том 2

Редактор *Т.П. Редько*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *В.Ф. Нефедова*

Корректор *Т.С. Дмитриева*

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 12.06.96.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 28,19. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2498.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ
РЕЛИКТ
ТОМ
ВТОРОЙ